ЛЕТОПИСЬ

СЕРАФИМО-ДИВЕЕВСКОГО

МОНАСТЫРЯ

Составил священномученик
Серафим (Чичагов)

Архимандрит Серафим
(Чичагов)

ЛЕТОПИСЬ СЕРАФИМО-ДИВЕЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Нижегородской губернии Ардатовского уезда

с жизнеописанием
основателей ее: преподобного Серафима
и схимонахини Александры,
урожд. А. С. Мельгуновой

Составил
Архимандрит Серафим
(Чичагов)

Издательство Братства св. Александра Невского
Нижний Новгород
2005

УДК 281.93
ББК 86.37(2Рос-4Ниж)ю12
Л 52

По благословению
епископа Нижегородского и Арзамасского
Георгия

ISBN 5-88213-064-6

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Предлагаемое читателю издание «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря» предпринято в год 250-летия со дня рождения преподобного Серафима Саровского в знак любви и почитания Преподобного и в память священномученика Серафима (Чичагова), составителя «Летописи».

Особенностью настоящего издания является то, что текст приводится в современной орфографии; мы надеемся, что благодаря этому книга станет более доступной для восприятия широким кругом читателей. Незначительные редакторские дополнения выделены квадратными скобками — [...]. В конце книги помещено несколько фрагментов авторского текста, сокращенного в свое время цензором. Ссылки на эти фрагменты в тексте «Летописи» отмечены цифрами в квадратных скобках.

Иллюстрации для удобства читателей напечатаны в виде отдельной вставки на мелованной бумаге. Это не только изображения из издания «Летописи» 1903 года, но и другие гравюры, фотографии, литографии и картины, дополняющие историю Свято-Троицкого Серафимо-Дивеевского монастыря и житие преп. Серафима.

Издатели выражают искреннюю благодарность настоятельнице Серафимо-Дивеевского монастыря игумении Сергии (Конковой) и сестрам обители за предоставление дополнительных материалов и содействие выходу книги.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Многие причины препятствовали до сих пор напечатанию летописи Серафимо-Дивеевского монастыря, отличающегося от других обителей редкой по интересу историей своего основания и развития; в особенности препятствовали события, происшедшие после смерти блаженного старца, отца Серафима Саровского. В продолжение 28 лет обитель отца Серафима беспрерывно страдала и терпела потрясения вследствие вмешательства в судьбу монастыря постороннего лица, и затем в 1861 году возгорелась особая, нигде не бывалая еще смута, потребовавшая чрезвычайного следствия, по окончании которого, естественно, благоговейные сироты Серафимовы заботились лишь о водворении порядка, благочиния и о приобретении духовного покоя, а не об обнародовании правдивой истории монастыря. Наконец, необходимо было дождаться напечатания исторических документов, воспоминаний и показаний некоторых современников и решителей судеб Серафимо-Дивеевского монастыря, чтобы летопись имела характер повествования, основанного на неопровержимых исторических фактах.

Ныне изданы письма, мнения и резолюции в Бозе почившего митрополита Филарета Московского, который по воле Провидения положил предел страданиям дивной Серафимовой обители, и теперь летописцы ее могут основывать события 1861 года на мудрых и безошибочных решениях благодатного Святителя русской земли.

Серафимо-Дивеевский монастырь есть необыкновенная обитель как вследствие своего основания, так и духовного роста. Первоосновательницей надо считать великую рабу Божию, схимонахиню Александру, в миру — Агафью Семеновну Мельгунову, которая учредила общину не по своей воле, но по воле и указанию Самой Царицы Небесной, на местности, взятой Богородицей Себе в четвертый удел на земле. Блаженный старец о. Серафим засвидетельствовал эту истину тысячам [людей], и потому Дивеево во многих печатных брошюрах и воспоминаниях современников называется «четвертым жребием Божией Матери на земле».

По кончине Мельгуновой обитель была возрождена о. Серафимом и рядом со старой общиной еще учреждена другая —

новая, под названием «девической». Царица Небесная Сама назвалась Верховной Игуменьей Дивеевской обители, передала о. Серафиму на словах правила и устав монастыря, и блаженный старец, как высказал старшим сестрам и духовнику перед своей кончиной и говорил многим при жизни, не переставлял в Дивееве ни одного камня по своей воле. Предсказания о. Серафима о будущем Дивеевской обители свидетельствуют, что она может быть сравнима только с Киево-Печерской лаврой, которая есть третий удел Богоматери на земле. Многое уже сбылось из предсказаний великого старца, и монашествующие твердо верят, что обитель, по словам о. Серафима, будет впоследствии единственной женской лаврой в мире.

Источниками для составления летописи Серафимо-Дивеевского монастыря служили следующие рукописи, записки, документы и печатные материалы:

Рукописи (монастырский архив)

Тетрадь № 1: рассказы об основателе нашем старце священноиеромонахе Серафиме (сообщения стариц и монахинь).

Тетрадь № 2: того же содержания.

Тетрадь № 3: «Достоверные сведения о двух Дивеевских обителях Н. А. Мотовилова и об исцелении его великим старцем Серафимом».

Тетрадь № 4: летописные сказания Серафимо-Дивеева монастыря, составленные из записок протоиерея о. Василия Садовского и Николая Александровича Мотовилова: а) предисловие; б) г-жа Агафья Семеновна Мельгунова, в монашестве матушка Александра; в) первоначальная, так называемая Общежительно-Богоугодная, при Казанской церкви полковницы Мельгуновой женская общинка; г) Мария Семеновна Мелюкова, в схимонасех Марфа; д) Елена Васильевна Мантурова.

Тетрадь № 5: описание женского общежительного Серафимо-Дивеевского монастыря, составленное вследствие указа о том Преосвященного Модеста, Епископа Нижегородского и Арзамасского, в 1885 году и хранящееся в Духовной Консистории.

Тетрадь № 6: летописное сказание Серафимо-Дивеева монастыря, составленное из записок протоиерея о. Василия Садовского и Николая Александровича Мотовилова и по рассказам Михаила Васильевича Мантурова: а) основание старцем Серафимом второй мельничной Дивеевской общинки при селе Дивееве; б) построение двухпоставной ветряной мельницы в Серафимовом Дивееве; в) Михаил Васильевич Мантуров; г) построение первоначальных Рождественских церквей Серафимо-Дивеева. Рассказ протоиерея о. Василия Садовского; д) 81 рассказ стариц о предречениях батюшки о. Серафима.

Тетради № 7 и 8: о блаженной Паше Саровской.

Тетрадь № 9: жизнеописание блаж. Пелагеи Ивановны.

Тетрадь № 10: рассказы о Прасковье и Марии Семеновных Мелюковых.

Тетрадь № 11 (черновая в переплете): а) жизнеописание монахини Елены, в миру девицы Е. В. Мантуровой и б) рассказы разных лиц.

Тетрадь № 12: краткое описание Серафимо-Дивеевской обители.

Тетрадь № 13: сведения о Серафимо-Дивеевском монастыре.

Тетради № 14 и 15: краткое повествование о Свято-Троицком соборе Серафимо-Дивеева монастыря.

Тетрадь № 16: кончина матушки Агафии Семеновны и основание батюшкой Серафимом мельничной обители.

Тетрадь № 17: о Прасковье Семеновне Мелюковой.

Тетрадь № 18: воспоминания о жизни старца Антония.

Тетрадь № 19: сведения о блаж. Наталии Дмитриевой.

Тетрадь № 20: тридцать рассказов об исцелении батюшки о. Серафима.

Тетрадь № 21: сказание о последних двух днях жизни старицы Прасковьи Семеновны Мелюковой, переданное Феодорой Ерофеевой.

Тетрадь № 22: (черновые) рассказы о батюшке о. Серафиме, чудесах его и о болящих старицах, записанные В. А. Карамзиной.

Тетради № 23–28: летопись о первых первоначальницах общин и тетради (5) о целительных свойствах воды батюшки Серафима.

Тетради № 29–33: (черновые) рассказы о батюшке о. Серафиме, о чудесах его, о Мантурове и о первоначальницах.
Тетрадь № 34: письмо и записки исправника Павла Бетлинга.
Тетрадь № 35: древние бумаги М. В. Мантурова о покупке земли и о постройке Рождественской церкви.
Тетрадь № 36: (черновые) записи В. А. Карамзиной о чудесах батюшки о. Серафима.
Тетрадь № 37: некоторые замечания на книгу «Сказания о подвигах старца Серафима» соседом Саровской пустыни и Дивеевской общины.
Тетрадь № 38: сведения о батюшке о. Серафиме из Слободского Вятского монастыря, с копией письма Преосвящ. Агафангела, епископа Вятского.
Тетрадь № 39: письма и телеграммы, относящиеся к юбилею игуменьи Марии.
Тетради №№ 40–60: записки Н. А. Мотовилова.

Печатные:

1. Сказания о подвигах и событиях жизни старца Серафима, иеромонаха, пустынника и затворника Саровской пустыни, с присовокуплением очерка жизни первоначальницы Дивеевской женской обители Агафии Семеновны Мельгуновой. Издание иеромонаха Иоасафа. СПб., 1849 г.
2. Издание второе. СПб., 1856 г.
3. Житие старца Серафима, Саровской обители иеромонаха, пустынножителя и затворника. СПб., 1863 г. Изд. Саровской пустыни.
4. Издание четвертое. Муром, 1893 г. Изд. Саровской пустыни.
5. Общежительная Саровская пустынь и достопамятные иноки, в ней подвизавшиеся. Москва, 1884 г. Изд. 4-е.
6. Житие и подвиги иеросхимонаха Иоанна, основателя и первоначальника Саровской пустыни. Муром, 1892 г.
7. Краткое жизнеописание старца Серафима Саровского и полковницы Агафии Семеновны Мельгуновой, основателей Серафимо-Дивеева женского монастыря. Изд. Серафимо-Дивеева монастыря. М., 1874 г.

8. Серафимо-Дивеевский общежительный женский монастырь с приложением жизнеописаний о. Серафима и матери Александры. Составлено княжной Еленой Горчаковой. М., 1889 г.
9. Двадцатипятилетнее юбилейное торжество игумении Марии, настоятельницы Серафимо-Дивеевского монастыря. Нижний Новгород, 1887 г.
10. Сказание о Христа ради юродивой подвижнице Пелагее Ивановне Серебренниковой. Тверь, 1891 г.
11. Преосвященный Антоний, архиепископ Воронежский и Задонский. Воронеж, 1890 г.
12. Преосвященный Феофан, затворник Вышенский. М., 1895 г.
13. Преосвященнейший Иеремия, епископ Нижегородский. Нижний Новгород, 1886 г.
14. Схиигумен Серафим, бывший настоятель Павло-Обнорского монастыря о. Иоасаф. Священника А. Братановского. Ярославль, 1885 г.
15. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского. Т. 4 и т. 5 (часть первая).
16. Письма Филарета, митрополита Московского и Коломенского, к Высочайшим особам и разным другим лицам. Тверь, 1888 г.
17. Письма митрополита Московского Филарета к наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры архимандриту Антонию. Ч. 4. М., 1884 г.

Архимандрит Серафим (Леонид Чичагов)

Глава I

Четыре удела Божией Матери на земле: Иверия, Афон, Киев и Дивеево. Фроловский женский монастырь в Киеве. Полковница Агафья Семеновна Мельгунова – первоначальница обители на месте четвертого жребия Матери Божией на земле – в селе Дивееве. Общежительная Саровская пустынь; история ее. Иеросхимонах Иоанн

В 44-м году по Р. Х., когда Ирод Агриппа начал преследовать христиан, обезглавил Иакова, брата Иоаннова, и заключил в темницу Петра, тогда св. апостолы, с соизволения Богоматери, признали за лучшее оставить Иерусалим и положили кинуть между собою жребий, кому отправиться в какую сторону для проповеди Евангельской (Сказание о земной жизни Пресвятой Богородицы. СПб., 1869 г.). Пречистой Богоматери досталась *земля Иверская*, нынешняя Грузия. С радостью приняв этот *первый удел*, Она стала готовиться к отправлению в Иверию, но Ангел, явившийся перед Ней, возвестил Ей, что страна, доставшаяся Ей в удел для проповеди, просветится впоследствии времени; что же касается до Нее Самой, то Она должна остаться теперь в Иерусалиме, ибо Ей предназначен труд просвещения другой страны, о которой воля Сына и Бога Ее выскажется в свое время.

Тем временем Лазарь, чудно воскрешенный Господом и впоследствии рукоположенный св. апостолом Варнавой во епископа, проживая на о. Кипре, сердечно сокрушался, что лишен счастья лицезреть Матерь Божию, а сам не смел приехать в Иерусалим, так как иудеи искали его убить. Матерь Божия, узнав об этом, написала к нему утешительное послание,

прося прислать за Нею корабль. Корабль был немедленно снаряжен и отправлен к Пресвятой Деве, Которая со св. апостолом Иоанном и другими учениками отплыла к о. Кипру. Плавание началось благополучно, и корабль понесся по пучинам Средиземного моря. Уже немного оставалось пути, как вдруг подул сильный противный ветер, и корабельщики, при всех усилиях и искусстве, не могли справиться с кораблем. Ветер, крепчая, перешел в бурю, и корабль, не слушаясь более земного кормчего, отдался указанию перста Божия и понесся в другую сторону. Увлеченный в Эгейское море, он промчался между островами архипелага и пристал у берегов Афонской горы, принадлежавшей Македонии и переполненной идольскими капищами. Пресвятая Дева, видя, что в этом неожиданном случае проявляется воля Божия на предреченный Ей Ангелом жребий на земле, вышла на берег неведомой Ей страны, возвестила язычникам о тайне воплощения Господа Иисуса Христа, раскрыла силу Евангельского учения. Богоматерь сотворила здесь много чудес, которыми укрепила веру новопросвещенных, оставила на Афоне одного из сопутствовавших Ей мужей апостольских и затем отплыла к о. Кипру. Св. гора Афон есть *второй жребий* Богоматери на земле.

В XI веке (1013–1028 г.) в Афонском монастыре находился монах Антоний, уроженец м. Любеч, Черниговской губернии, сын богатых родителей (Патерик Печерский). Матерь Божия открыла игумену монастыря, что новопостриженному Антонию следует идти в свою землю, в Россию, и послушный Антоний, дойдя до Киева, посетил все монастыри, но ни один из них не понравился ему. Он поселился в пещере, выкопанной в крутом берегу Днепра, и вскоре собрались около него черноризцы. В то время в Царьград ушли четыре мастера каменщика, которые большей частью занимались постройкой церквей. Однажды рано утром к каждому из них пришли какие-то посланцы и сказали, что их зовет Царица во Влахернский храм. Придя, они действительно нашли в храме Царицу, Которая и объявила им, что хочет Себе построить церковь на Руси в Киеве. При этом она дала мастерам св. мощи, приказывая, чтобы они положили их в основание церкви, и сказала, что церковь должна быть «в Мое Имя, Богородицына...». Царица подала мастерам небольшой образ Успения Божией Матери, тот самый, который и теперь висит над царскими

вратами в великой лаврской церкви. Так основался Киево-Печерский монастырь, будучи *третьим жребием* Божией Матери на земле.

В половине XVII столетия основан в Киеве, на Подоле, женский Флоровский монастырь, при церкви свв. Флора и Лавра. К нему присоединен, согласно указу Государя Петра I, в 1712 году другой монастырь, первоначально основанный в 1566 году монахом Киево-Печерской лавры Иоанном Богушем-Гулкевичем, против св. врат лавры, на том самом месте, где ныне возвышается арсенал. Церковь Флора и Лавра была теплая, а холодный собор Вознесения Господня освящен был в 1732 году Киевским митрополитом Рафаилом Заборовским. Ныне этот монастырь именуется Киево-Флоровским Вознесенским 1-го класса женским монастырем.

Приблизительно около 1760 г. прибыла в Киево-Флоровский монастырь некая богатая помещица Ярославской, Владимирской и Рязанской (Переяславской) губерний, вдова полковника Агафья Семеновна Мельгунова, урожденная дворянка Нижегородской губернии Белокопытова. Она владела 700 душами крестьян, имела капитал и громадные поместья. Сведения о ее жизни были переданы о. Василием Дертевым, дивеевским священником, у которого Мельгунова впоследствии жила, а также сестрами-подвижницами ее общины и протоиереем о. Василием Садовским, заместившим в Дивееве о. Дертева, который оставил после себя записки.

А. С. Мельгунова лишилась мужа еще в молодых годах и прибыла в Киев со своей трехлетней дочерью. Здесь она решилась посвятить свою остальную жизнь Богу и приняла монашество во Флоровском монастыре, под именем Александры. Несомненно, мать Александра думала в этом монастыре почить и от земных трудов, но Господу было угодно возложить на нее обязанности первоосновательницы нового монастыря. Подвижническая жизнь ее во Флоровском монастыре продолжалась не очень долго.

«Достоверно одно, — свидетельствуют священники Дертев и Садовский, а также Н. А. Мотовилов, — что мать Александра однажды после долгого полунощного молитвенного бдения, будучи то ли в легкой дремоте, то ли в ясном видении, Бог весть, сподобилась видеть Пресвятую Богородицу и слышать от Нее следующее: “Это Я, Госпожа и Владычица твоя, Кото-

рой ты всегда молишься. Я пришла возвестить тебе волю Мою: не здесь хочу Я, чтобы ты окончила жизнь твою, но так как Я раба Моего Антония вывела из Афонского жребия Моего, святой горы Моей, чтобы он здесь в Киеве основал новый жребий Мой, лавру Киево-Печерскую, так тебе ныне глаголю: изыди отсюда и иди в землю, которую Я покажу тебе. Иди на север России и обходи все великорусские места святых обителей Моих, и будет место, где Я укажу тебе окончить богоугодную жизнь твою, и прославлю Имя Мое там, ибо в месте жительства твоего Я осную такую обитель великую Мою, на которую низведу Я все благословения Божии и Мои, со всех трех жребиев Моих на земле: с Иверии, Афона и Киева. Иди же, раба Моя, в путь твой, и благодать Божия, и сила Моя, и благодать Моя, и милость Моя, и щедроты Мои, и дарования святых всех жребиев Моих вдину да будут с тобою!"

И преста видение».

Очнувшись от этого видения, мать Александра хотя и восхитилась духом, но не сразу решилась предаться вере во все слышанное и ею виденное. Слагая все в своем сердце, она сперва сообщила о видении своему духовному отцу, затем другим великим и богодухновенным отцам Киево-Печерской лавры и старицам, одновременно подвизавшимся с ней в Киеве. Мать Александра просила их разобрать, рассудить и решить, что за видения удостоилась она, и не есть ли это мечта, игра воображения и прелесть? Но св. старцы и старицы после молитв и долгих размышлений единогласно решили: 1) что мать Александра не может быть в прелести духовной или вражьей; 2) что диавол не в состоянии и не в силах явиться в образе Божией Матери, потому что Она — *язва бесовом*, как о Ней боголепно от смысла чиста воспевает Святая Церковь; 3) что видение Царицы Небесной было истинное, на самом деле, Божие святое дело, как Заступницы всех с верой и любовью к Ней прибегающих, и что мать Александра — ввиду того что удостоилась быть избранницей, первоначальницей и первоосновательницей *четвертого жребия* Божией Матери во вселенной, — блаженна и преблаженна. Старцы присоветовали матери Александре скрыть свое пострижение и под прежним именем полковницы Агафьи Семеновны Мельгуновой безбоязненно пуститься в путь, указанный ей Богоматерью, и ждать снова указания Пресвятой и Пречистой Девы, где

и когда повелит Она, то творить с полной верой в истину сказанного и указанного.

Сведения о том, где и сколько времени странствовала мать Александра, утратились с годами и нигде в записках и рассказах не значатся. По показаниям старожилов, она в 1760 году шла из г. Мурома в Саровскую пустынь. Не доходя 12 верст, мать Александра остановилась на отдых в селе Дивееве, отстоящем от Арзамаса в 55 верстах и от Нижегородского Ардатова в 24 верстах. Местоположение привлекло ее взоры, так как берег речки, на котором расположилось село, был высок и с возвышенности открывался вид на окружающую местность. Потому ли, что она устрашилась разгульного заводского народонаселения, занимающегося добыванием чугунной и железной руды, или просто как подвижница-монахиня, мать Александра выбрала себе местом отдыха лужайку у западной стены небольшой деревянной церкви, где и уселась на стопе лежавших бревен. Усталая, она уснула сидя и в легкой дремоте снова удостоилась увидеть Божию Матерь и сподобилась, по словам вышепереименованных лиц, слышать от Нее следующее:

— Вот то самое место, которое Я повелела тебе искать на севере России, когда еще в первый раз являлась Я тебе в Киеве; и вот здесь предел, который божественным промыслом положен тебе, живи и угождай здесь Господу Богу до конца дней твоих, и Я всегда буду с тобой и всегда буду посещать место это, и в пределе твоего жительства Я осную здесь такую обитель Мою, равной которой не было, нет и не будет никогда во всем свете: *это четвертый жребий Мой во вселенной.* И, как звезды небесные и как песок морской, умножу Я тут служащих Господу Богу и Меня, Приснодеву, Матерь Света, и Сына Моего Иисуса Христа величающих, и благодать Всесвятого Духа Божия и обилие всех благ земных и небесных, с малыми трудами человеческими, не оскудеют от этого места Моего возлюбленного!

Когда видение окончилось, мать Александра проснулась, оглядела местность, начала молиться горячими слезами и еле пришла в себя. Она дошла до Саровской пустыни в великой радости, так как этот монастырь процветал тогда святостью жизни многих великих и явных подвижников, постников, пещерников, старцев и затворников. Они могли ей помочь советами и наставлениями.

Общежительная Саровская пустынь произвела сильное впечатление на боголюбивую мать Александру своим местоположением и величественностью. Ничего подобного она не видела во всей России, так как монастырь стоял среди дремучего соснового леса, на горе, омываемый с трех сторон речками Сатисом и Саровкою. Это была настоящая пустынь, уединенная от людских жилищ, стоящая как величественный памятник Господу и Его Пречистой Матери среди необитаемой страны, успокаивающей каждого входящего своей тишиной, мощной природой и песнопениями славящих Бога птичек и пташек. Строгое благочиние, продолжительная церковная служба, простота, убогость и суровость монашествующих, старинное столповое пение, по чину Афонской горы, скудость пищи и вся обстановка восхитили душу матери Александры. Подвижники старцы служили духовным украшением и подавали пример твердого упования на помощь всемогущего Бога. Они пребывали в безмолвии и вместе в непрестанной молитве, беседуя всегда мысленно с Богом. При содействии благодати Божией эти подвижники обладали мудрым и тонким познанием сердца человеческого и, как светильники, озаряли чистым светом учения Христова всех приближавшихся к ним, указуя всякому истинный путь, ведущий ко спасению.

Основание Саровской пустыни положено, согласно показанию основателя ее иеросхимонаха Иоанна, в 1705 году. Задолго до этого были чудесные явления, свидетельствовавшие о будущем прославлении Имени Божия на том месте. Так, по ночам сходил иногда с неба свет, нередко был слышен колокольный звон, хотя вся окрестность была покрыта густым, непроходимым лесом и нигде вблизи не было деревень. История повествует, что в древние времена окрестности Саровской пустыни были населены народом финского племени — мордвою, имевшим собственных князей. Они вели жизнь полукочевую, занимаясь немного земледелием, а преимущественно звероловством. Известно, что край этот покорен татарами в 1298 году, под предводительством ширинского князя Бахмета, и на месте Саровской пустыни был построен город Сараклыч. По сохранившимся остаткам валов и преданию, город этот разделялся на четыре части. Судя по обширности города, жителей в нем, верно, было немалое число.

Но нельзя сказать, чтобы жизнь их текла мирно и безмятежно. В земле монахи часто находили стрелы, сабли, копья и другие орудия, а также много человеческих костей. Все это служит доказательством, что Сараклыч был в осаде и битвы кипели во рвах. Князь Бехан, по преданию, был последним владетелем Сараклыча в 1389 году, при великом князе Дмитрии Иоанновиче и сыне его Василии. Он принужден был со всем родом своим и племенем уйти за реку Макшу. Весьма долго не было на месте города человеческих поселений, так что все поросло дремучим лесом и даже забылось, кто обитал некогда здесь.

Первым жителем запустелого Старого Городища был инок Феодосий (уроженец села Помры Нижегородской губ.), пришедший сюда около 1664 г., а до того времени живший в монастыре в г. Пензе. Поставив пустынную келью на валу, монах Феодосий подвизался в ней лет пять или больше, не один, но с приходившими к нему монахами, а потом возвратился в монастырь, в г. Пензу.

Незадолго до отхода из пустыни старца Феодосия к нему пришел из Красной слободы, из Спасского монастыря, монах Герасим, который прожил здесь один более десяти лет. Но по отшествии старца Герасима место это опять опустело до того времени, когда Господь благоволил привести уже основателя и первоначальника Саровской обители Иоанна Федорова, названного при пострижении в монахи Исаакием и в схиме переименованного Иоанном. Он родился в 1670 году у церковного дьячка в селе Красном Арзамасского уезда. Его родители были благочестивы и добродетельны. Отец окончил жизнь в Арзамасском Введенском монастыре схимонахом Феофаном. От чтения житий преподобных отцов, просиявших в монашестве, в душе юного Иоанна рано возгорелось желание последовать их примеру. В этом намерении он был укреплен особым откровением свыше. Однажды он увидел во сне икону Богородицы, стоявшую на воздухе, которая как бы нисходила на храм, ликом обращенная к нему, и призывала его к себе. Это видение было принято им как зов Господа и Пречистой Его Матери к подвигу в образе иноческом, но молодой человек вскоре забылся. Христос, избравший его, не попустил совершенно увлечься суетой мира и вновь призвал Иоанна. «Время тебе, о душе! – услышал он голос, говорящий ему. – Время тебе обращения и исполнения твоего обещания:

Господь во всем благом будет тебе помощник». Страх и трепет объяли сердце его, и с того времени он начал стараться исполнить обещание. Он находился в недоумении, куда ему обратиться, но после долгой молитвы направился во Введенский монастырь в Арзамасе, где 6 февраля 1689 года на 19-м году от рождения принял на себя ангельский образ через пострижение от руки строителя того монастыря иеромонаха Тихона.

Пробыв несколько времени во Введенском монастыре на послушании и тяготясь людской молвой, суетой, а также частыми посещениями родных и знакомых, юный инок Исаакий начал стремиться к достижению безмолвия в уединении. Узнав от монаха Филарета (Санаксарского), что в дремучих Темниковских лесах, между Сатисом и Саровом, есть очень удобное для уединения место, Исаакий пожелал непременно побывать на нем. Придя туда с товарищем, он увидел, что местность весьма удобна к безмолвию: непроходимая глушь, суровая дикость, совершенное безлюдье, величественная тишина этой таинственной горы как нельзя более согласовались с восторженным настроением души юного инока. Помолившись и поставив на горе крест, они возвратились в монастырь с твердым намерением переселиться на «Старое Городище» для пустынножительства.

Таким образом Исаакий в 1691 году оставил Введенский монастырь и вместе с Филаретом Санаксарским переселился в Саровскую пустынь, чтобы в тишине и безмолвии работать единому Богу. Они наскоро общими трудами поставили себе шалаш-кущу и принялись готовить лес на постройку кельи, терпя скудость во всем. Эти скорби скоро оказались не по силам Филарету, и через месяц он собрался снова вернуться в Санаксарский монастырь. Глубоко опечаленный Исаакий не решился остаться один и вместе с Филаретом ушел в Санаксарскую обитель. Там Исаакий с ревностью предался подвигам, умерщвляя плоть постом, бдением и трудами. Богоугодная жизнь юного подвижника приобрела ему любовь братии, и они упросили его принять священный сан. В 1692 году 2 февраля, при патриархе Адриане, Исаакий был рукоположен в Москве во иеромонаха в Санаксарский монастырь митрополитом Сарским и Подонским Евфимием.

По возвращении в Санаксары опять возбудилось в нем прежнее желание удалиться в Саровскую пустынь. Весной

1692 года он прибыл на «Старое Городище» с мирянином Андреем, жившим в Спасском монастыре Арзамасского уезда. Поселившись в прежнем шалаше, они с усердием начали рубить лес и строить келью. Так прожили они вместе несколько времени, а за жизненными припасами ходил в селения Андрей. В одно из таких путешествий случилось с Андреем, вероятно, какое-либо несчастье, и он не возвратился к Исаакию. Таким образом последний остался в пустыни один и начал копать в горе пещеру. Дабы ободрить и утешить Исаакия, Господь направил к нему в сожительство друга его – монаха Палладия. Вдвоем стало легче бороться с трудностями и лишениями пустыни. Затем прибыл сюда же монах Герасим из Спасского монастыря. Завидуя мирной жизни пустынников, исконный враг человеков восхотел искушениями разогнать их. Орудием своим он избрал строптивого сожителя их Герасима, который поджег келью Исаакия и Палладия во время их отлучки в с. Кременки. Случилось это в зимнее время, и строить новую келью не было возможности. Тогда Исаакий с Палладием отправились во Флорищеву пустынь, где им пришлось не по душе. Пробыв только четыре дня, они, влекомые к уединению в безмолвии своей пустыни, возвратились в нее, ископали себе малую пещерку в горе и поселились в ней. С наступлением весны начали строить келью, но Палладий, мучимый унынием, не мог перенести скорби и ушел из пустыни, оставив Исаакия одного достраивать келью. Герасим жил отдельно в своей келье, обуреваемый различными страстями. Приходили и другие монахи для житья в пустыни, но все не надолго. Исаакий страдал душевно от борьбы с врагом и телесно, так как тело его покрылось как бы одним струпом. Он молился и плакал до тех пор, пока силы совершенно изнемогали. Время шло своим обычным чередом. Борьба со страстями и искушениями, изнеможение и укрепление в силах, исхождение из пустыни в ближайшие монастыри для благодатного укрепления Св. Тайнами и беседами с опытными старцами, возвращение в пустынь с новым запасом духовных сил чередовались в своей постепенности. Так, в одну из отлучек Исаакия в Санаксарский монастырь, пришел в пустынь иеродиакон Тимолай из дальних монастырей Соловецких и, сделав большой сосновый крест, на котором написал время сооружения оного и свое имя, поставил на горе Саровской. Потом

построил часовню на той же горе, в среднем городе, и пошел в Санаксарский монастырь, где встретился с Исаакием, рассказал ему о бытности своей в его пустынной келье и что водрузил крест и поставил часовню. При этом высказал и намерение свое позаботиться о построении церкви на том месте и обители. Исаакий считал это невозможным. Через год, в январе 1695 года, Тимолай прислал Исаакию образ св. Иоанна Предтечи, написанный на жести, и велел сказать, что скоро и сам будет туда, хотя не приехал.

Раскол в Нижегородской области, в пределах которой подвизался Исаакий, появился с самого начала его возникновения и распространился очень быстро. Обширные леса особенно благоприятствовали гонимым раскольникам укрываться от преследований. И вот на реках Керженце и Белбоже стали быстро возникать раскольничьи поселения и скиты. Между этими скитами был в особенном уважении скит под начальством Ионы. У него было два именитых ученика — монах Филарет и белец Иоанн Димитриев. Исаакий, путешествовавший иногда в ближайшие монастыри, встречался с раскольниками и беседовал с ними. Заблуждения раскольников возбуждали в нем скорбь и сожаление. Долго и крепко боролся Исаакий с желанием идти с проповедью к заблудшим.

В 1700 году во многих местах России, особенно на Севере, был голод, и жители городов с семействами переселялись для прокормления в более южные города. По этой же причине раскольник Иван Корелин, оставив свое житье за Волгой, бродил по городам и селам, прося милостыню. Случилось ему идти в г. Темников. По пути, при большой дороге, на реке Сатисе, в двух верстах от кельи Исаакия, стояла мельница. Иван Корелин зашел в ту мельницу переночевать, да по просьбе хозяина остался в ней на долгое время. Раз Исаакий пришел в построенную им близ мельницы часовню, чтобы поставить на ней крест, и зашел на мельницу, где и встретил Ивана Корелина. Познакомились и разговорились. После неоднократных посещений и бесед Исаакий обратил этого злейшего раскольника на истинный путь и постриг в монашество, дав имя Иринея. Глубоко скорбел Ириней о прочих раскольниках, погибающих диавольским прельщением, и умолял Исаакия поехать с ним за Волгу, но Исаакий решительно отказался, предоставляя дело обращения тех раскольников воле Божией.

Тогда Ириней обратил свою деятельность на ближайших окрестных раскольников.

В конце 1700 года Исаакию пришлось покинуть пустынь по усиленным просьбам вкладчиков и братии Введенского монастыря, которые его выбрали настоятелем и получили на то благословение патриарха Адриана. На Макарьевской ярмарке он еще более столкнулся с раскольниками, с самим Ионой, и обещал приехать в его скит, но конечно не поехал, а ждал Божией воли. Тогда раскольники явились в Саровскую пустынь, вызвали к себе Исаакия из Арзамаса, и он на них повлиял так же, как и на Корелина. Летом 1705 года монах Филарет, ученик Ионы, перешел в православную веру и выстроил в своем скиту за Волгой церковь. Теперь Исаакий не стал отказываться от поездки за Волгу и лично убедился, что Господь благословил начатое им святое дело. Всех новообращенных Исаакий причастил Св. Таин в Спасском монастыре. Впоследствии на месте скита Филаретова учрежден монастырь, в котором Филарет сделан настоятелем.

С удалением Исаакия в Введенский монастырь в Саровской пустыни остался один Ириней, но вскоре начали мало-помалу собираться сюда любители безмолвия и пустынного уединения. Первое пустынное братство было связано взаимной любовью и единодушием, но такова уже участь добродетели в мире: скорбь неотлучно следует за ней. Вскоре малому сему избранному стаду Христову суждено было испытать тягчайшие скорби. Ириней скончался в 1703 году, а иеромонах Авраамий, из вдовых священников, сделавшись настоятелем, стал писать в Москву ложные доносы на Исаакия, который будто бы сносится со своими единомышленниками — заволжскими раскольниками. Исаакий был вызван в Москву, где и пробыл долгое время, пока дело не окончилось примирением. Это навело страх на пустынных иноков. Претерпеваемые муки ускорили его намерение опять вернуться в пустыню. Поставив вместо себя в Введенском монастыре любимого ученика своего иеромонаха Саровского Афиногена, Исаакий немедля ушел в пустынь.

В Саровской пустыни Исаакий всецело предался построению церквей, что было весьма трудно, так как прежде всего следовало отыскать помещика, который бы закрепостил за собой землю, затем — чтобы он передал ее законным поряд-

ком обители и, наконец, чтобы дали разрешение построить церковь в пустыни. После долгих скитаний по городам и начальникам Исаакий встретил князя Кугушева, который взялся хлопотать о земле, и, несмотря на бесчисленные препятствия, случайности, недомолвки, искушения и недоразумения, дело приняло успешный оборот. 28 апреля 1706 года пустынножители положили основание будущему храму и своими руками срубили один венец стен. К 16 мая уже была окончена кровля, оставалось отделать главы и внутренность храма. В этот день положено было, по совершении молебного пения, поставить на храме крест. И вот, когда водружен был наверху св. крест, Господу Богу благоугодно было чудесным знамением вновь проявить благоволение Свое как к избранному месту, так и к воздвигаемому храму. В ночь на 17-е число вдруг раздался колокольный звон, который слышали все случившиеся тогда в пустыни и хорошо знавшие, что при строившемся храме и вообще в пустыни не было ни одного колокола. В полдень 17-го числа вдруг всех осветил необыкновенный свет и вместе с ним опять раздался сильный колокольный звон. 16 июня 1706 года совершено торжественное освящение храма Пречистой Богородицы, Живоносного Ее Источника, архимандритом Павлом. По мановению Божию в пустынь собрались тысячи людей всякого звания, чина и возраста. Безмолвствовавшая столько лет Саровская гора пробудилась от необычайного народного движения. Усердствующими была привезена вся нужная для храма утварь, одеяния, св. иконы и проч. Жители села Кременок пришли торжественным крестным ходом и принесли из своей церкви иконы, два колокола, книги, аналой и прочую церковную утварь.

Чудесное возникновение церкви в дебрях Саровских и основание здесь обители иноков народная молва быстро разнесла повсюду и привлекла сюда немало желателей пустынного безмолвия, искавших у Исаакия руководства в духовной жизни. Исаакий составил устав, который предложил обсудить братии, и затем все подписали на приговоре обязательство держать и хранить его безотложно. Этот устав доказывает обширные знания Исаакия в божественных и отеческих писаниях, глубокую опытность в иноческой жизни, тонкое постижение сердца человеческого и верное понимание духовных потребностей.

Саровская пустынь была основана лишь в виде особого отделения или скита Введенского монастыря, по прошению вкладчиков и братии того монастыря. Исаакий, как настоятель названного монастыря, естественно, являлся начальником и Саровской пустыни. Но развитие юной обители пошло столь быстрыми шагами вперед и общество братии в ней настолько умножилось, что она во многом стала превосходить Введенский монастырь и требовала для своего процветания отделения от него и самостоятельного существования. Это обстоятельство много связывало и ограничивало свободу действий Исаакия. Братия пустыни возбудила вопрос об отделении обители от Введенского монастыря, и 5 февраля 1709 года особой грамотой Патриаршего приказа Исаакий утвержден в должности настоятеля Саровской пустыни.

Главная забота строителя состояла в том, чтобы украсить новую обитель храмами Божиими. На верху горы с первых же лет красовались три храма. Некоторые из братии, ревнуя о больших подвигах к своему спасению, с благословения Исаакия удалялись на время Великого поста в пещеры, которые общими трудами братии были значительно углублены в гору и распространены. Там было устроено несколько малых келий для искавших безмолвия и высечена одна большая пещера, в которой желательно было отшельникам устроить церковь. Дозволение это было дано по особому ходатайству Царевен Марии и Феодосии Алексеевн, благодетельствовавших Сарову. 30 мая 1711 года церковь была освящена во имя Антония и Феодосия и всех Киево-Печерских чудотворцев.

До сего времени Господь испытывал Исаакия, так сказать, лично в нем самом, теперь же испытания начались в обители, основанной его трудами. В 1712 году вспыхнул лесной пожар, который подошел к обители и всю ее спалил. Уцелела лишь одна церковь Живоносного Источника, хотя потерпела значительные повреждения. Немедленно после пожара Исаакий приступил к возобновлению монастыря, и из пепла воздвиглись снова здания еще в большем блеске и красоте. Народная молва распространяла слухи, что монахи нашли большой клад и на эти деньги строят монастырь и покупают земли. В сентябре 1712 года, когда в обители успокоились все иноки и богомольцы, пришедшие на праздник Воздвижения Креста Господня, в темную и глухую ночь несколько человек

перелезли через монастырскую ограду и бросились к храму ломать двери. Стук разбудил всех, и грабителей прогнали. 30 ноября в ночь, когда монашествующие готовились идти к утрене, в монастыре раздался крик и сверкнуло пламя. Выбежав, монахи очутились окруженными вооруженными людьми, которые иных привязали, иных заперли в келье. Разведя среди монастыря костер, разбойники приступили к пытке монахов, дабы узнать, где у них скрыто богатство. Не узнав ничего, разбойники обратились к грабежу храмов и монастыря. Все увезли, что могли. По милости Божией убитых до смерти не было, но изувеченных много, особенно пострадал иеромонах Дорофей, за отсутствием Исаакия управлявший обителью. Второе подобное испытание ниспослано Господом 20 апреля 1731 года, также в отсутствие настоятеля. Опять напали разбойники во время утрени, побили молящихся в церкви иноков, одного убили, некоторых изувечили, и, разогнав монахов, грабители унесли и попортили много вещей. Но эти испытания были лишь только началом. Покончив, насколько возможно было, успокоение и устроение обители после разгрома разбойниками, Исаакий опять отправился в Москву. По прибытии туда вскоре постигла его тяжкая болезнь, угрожавшая смертью. Дабы лучше приготовиться к часу смертному, Исаакий пожелал пострижения в схиму и обратился с просьбой об этом к бывшему тогда в Москве знакомому ему строителю Красногривской пустыни иеромонаху Макарию. Последний согласился исполнить желание Исаакия только с тем условием, если он примет на себя точное и непременное исполнение особых заповедей, которые даст ему Макарий. Не надеясь выздороветь, Исаакий согласился исполнить все заповеди, какие ему угодно будет дать. Тогда Макарий связал Исаакия такой заповедью: «по принятии схимы строителем и ни в каком начальстве у братии не быть, и не священнодействовать, и из монастыря не выходить, и братию в церкви от Писания не учить, и в пении церковном и за трапезою с братиею простою стоять и сидеть в последних». Исаакий принял эту заповедь, а Макарий облек его в схиму, переименовав прежним именем — Иоанном. Между тем болезнь стала мало-помалу ослабевать, и схимонах в состоянии был возвратиться в свою обитель Саровскую и здесь совершенно выздоровел. За время болезни Иоанна в пустыни многое оказалось запу-

щенным и среди братии стали обнаруживаться беспорядки и неурядицы. Но связанный обетами, данными при схиме, Иоанн не мог ни во что вмешаться, а братия по-прежнему обращалась к нему во всех своих нуждах. Иоанн обращался за советами к тому же Макарию, но последний, по простоте своей, только наистрожайше подтверждал свои заповеди. Тогда братия пустыни решилась подать челобитную Государю, прося указа и архиерейского благословения, чтобы по-прежнему о. Иоанну быть настоятелем и духовником. Просьба братии была уважена, о. Иоанну прислали Государев указ. В указе прописаны канонические правила и примеры из истории Церкви, из которых видно, что монастырями управляли и схимонахи, как прп. Пафнутий Боровский и другие.

Теперь о. Иоанн занялся внешним устройством пустыни. Окрестные жители помогали Иоанну с большим усердием. Саровская пустынь при своем основании имела лишь около 30 десятин, и, очевидно, такое скудное имущество не могло поддерживать существования монастыря. Но Бог, благоволивший воздвигнуть в пустыни св. обитель, Сам Своими дивными и непостижимыми судьбами обеспечил навсегда ее существование. Посетители делали вклады, и о. Иоанн в течение 17 лет, по 1729 год, приобрел земли по 63 купчим от 96 владельцев, из которых было 7 русских, 16 новокрещенных и 73 мурзы и татар темниковских и кадомских. Отец Иоанн вытерпел также немало спорных процессов с наследниками земель. Каких трудов, хлопот, беспокойства и неприятностей стоило строителю приобретение этих имений, трудно и представить в уме, не только выразить словами. Процесс с Полочениновыми дошел до Сената, потребовал присутствия о. Иоанна в Петербурге и грозил уничтожением обители, которую могли приказать срыть. В 1730 году Высочайшая воля решила многолетний спор и навсегда утвердила и обеспечила существование Саровской пустыни. Так трудно устраиваются истинные обители Божии на земле, где властвует и начальствует над людьми, забывающими Господа, враг человечества.

По Промыслу Божию угодно было подвергнуть веру старца о. Иоанна тяжелому испытанию. В 1733 году по ложному доносу на Саровскую пустынь пало подозрение в сношении ее иноков с неким Радышевским. 14 апреля 1734 года о. Иоанн

был арестован по распоряжению страшной в то время тайной канцелярии, отправлен в Петербург и там заключен в крепость. Когда прибыли посланные арестовать его чиновник тайной канцелярии и солдаты, о. Иоанна не было в обители, так как он отлучился по монастырским надобностям в г. Темников. Возвращаясь оттуда, о. Иоанн встретил на дороге эту военную команду. Его привели в Саров, но не впустили в обитель и не дозволили иметь сообщение с братией. Настоятель о. Дорофей и братия вышли за ворота монастырские, куда вывели о. Иоанна, окруженного стражей, и чудный старец простился со всеми, сотворив три земных поклона без слов. Рыдания братии надрывали сердца, ибо все предчувствовали, что не придется им более свидеться в здешней жизни.

Смиренного пустынножителя и первоначальника Саровской пустыни и ревностного обличителя раскола, иеросхимонаха Иоанна обвинили в государственном преступлении и в сообщничестве с немирными раскольниками. Даже знаменитый Ушаков с тайной канцелярией не решились делать ему об этом вопросов, настолько повлияли на них кроткие ответы и смиренный вид старца. Следствие по делу Радышевского все более и более распространялось и захватывало множество лиц духовных и светских, а престарелый о. Иоанн должен был томиться в узах и заключении. Почти четыре года продолжались его страдания. Перед кончиной Господь сподобил его принять напутствие Св. Тайнами. Он умолил духовника доставить в Саровскую пустынь строителю о. Дорофею письмо, как бы свое последнее завещание братии о неопустительном исполнении правил устава общежития, о мире и любви между собой и безропотном несении послушания. Отец Иоанн почил о Господе 4 июля 1737 года на 67-м году от рождения. Его погребли при церкви Преображения Господня, что в Колтовской, по близости этой церкви к тайной канцелярии.

Глава II

Настоятель Саровской пустыни – Дорофей. Иеромонахи Филарет, Маркел и Исаакий. Строитель иеромонах Ефрем. Разноречивые печатные показания о приезде А. С. Мельгуновой в Саров и Дивеево. Переезд матери Александры на жительство в д. Осиновку, смерть дочери и решение ее распродать имения и отпустить крестьян на волю. Построение Мельгуновой храмов Божиих и добрые ее дела. Голодные годы, в особенности 1775-й, и чудо в Саровской пустыни. Поездки матери Александры в Казань и Киев. Жизнь ее в Дивееве, труды и тайные благотворения. Настоятель Саровской пустыни о. Пахомий, старец игумен Назарий. Иеросхимонах Дорофей, схимонах Марко и другие. Иеросхимонах Иосиф, иеромонахи Матфей, Питирим и Иоаким. Казначей о. Исаия. Устройство общины при Казанской церкви. Отношения матери Александры к юному послушнику и затем иеродиакону Серафиму

Еще в 1731 году иеросхимонах Иоанн выбрал себе преемника, ближайшего ученика своего — *Дорофея, в миру Димитрия*, которого жестоко избили разбойники при нападении на Саровскую пустынь. Он был родом из Кадомского уезда и также духовного звания. По имеющимся документам значится, что он пришел в пустынь в 1705 году и пострижен в монашество через три года. Отец Дорофей был в послушании у первоначальника и пережил с ним все скорби и труды. Подражая примеру учителя, он служил для всех образом смирения и ходил с братией на покосы и рыбные ловли. Вся жизнь его была полна трогательных примеров терпения, милосердия, благочестия, ревности к славе Божией и пламенной любви к Богу.

Как свидетельствовали современники его, о. Дорофей учил всех своим благоразумием, твердостью характера, бескорыстием и утверждал между ними порядок общежития примерной жизнью, трудолюбием, послушанием и братолюбием. Слух о его святой жизни все более и более собирал к нему искавших безмолвного жития. Наставления этого опытного старца были необыкновенно мудры и полезны. При нем окончательно утвердился устав о панагии, принятый первоначальником Иоанном согласно с чиноположением древних обителей. Поэтому монахи ходят, по отпусте божественной литургии, в трапезу, неся впереди настоятеля пречистую просфору, находящуюся во время службы на горнем месте, за престолом. За просфорой и настоятелем братия идут чинно, по два, все в мантиях, и поют 144-й псалом: «Вознесу Тя, Боже мой». Окончив псалом, читают трапезные молитвы, и настоятель глаголет: «Христе Боже! Благослови ястие и питие рабом Твоим, яко Свят еси всегда, ныне и присно и во веки веков». Потом настоятель отделяет две части от просфоры, полагая их на блюдо, и одну, отделенную во имя Христово, разрезает на мелкие частицы, которые и обносят сидящей уже за столом всей братии для вкушения. Другая, отделенная в честь Божией Матери, полагается на панагиаре, на приготовленном для сего месте, и по окончании трапезы совершают возвышение панагии по чину, установленному в Следованной Псалтири.

Монастырский порядок был всегда весьма строг в Саровской пустыни. Кроме занятых послушанием, все приходят к вечерней молитве, которая каждодневно совершается тихо, благоговейно, в точности по чину первоначальника Иоанна и по церковному уставу. Во все дни вечерня правится с каноном Божией Матери из Октоиха, также прочитывается канон и святому. По повечерии, не выходя из церкви, братия слушает вечернее правило с тремя канонами: Сладчайшему Иисусу, Пресвятой Богородице с акафистом и Ангелу хранителю. После этого все собираются в общую трапезу по звону колокола. Спустя час ударяют в колокол к келейному правилу. Это правило в некоторых обителях каждый инок совершает у себя келейно; но в Саровской пустыни по строгости устава все братии обязаны исполнять его вместе. Оно состоит из многочисленных земных поклонов, из совершения тайной, безмолвной молитвы, из чтения помянника и молитв на сон

грядущий. Для удобства земных поклонов монашествующие надевают короткие мантии по пояс.

Настоятель о. Дорофей был строителем 15 лет и в 1746 году принял схиму и сдал место иеромонаху Филарету. Переименованный Дмитрием, он пожил в покое короткое время и скончался 4 октября 1746 года, 68 лет от роду. При нем была построена каменная соборная церковь Успения Богородицы, начатая в 1736 году при первоначальнике, и каменная больница с церковью преподобных отцов Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев.

За о. Дмитрием следовали несколько настоятелей, которые занимали место строителя недолгое время. Так, иеромонах Филарет, дворянин Смоленской губернии, был строителем два года, устроил пустынь окончанием межевания, отразив неправильные притязания соседних помещиков, и оставил настоятельство, желая препроводить остаток дней своих в безмолвии. Но вскоре его заставили перейти в архиерейский дом, согласиться на посвящение в архимандриты и на назначение настоятелем Шартомского Николаевского монастыря, где он и скончался. При Филарете построена в Саровской пустыни каменная местная церковь Пресвятой Богородицы, Живоносного Ее Источника, вместо первой деревянной. Преемник Филарета иеромонах Маркел, желая более уединенного жития, перевелся в 1746 году из Дерновской пустыни и был в 1749 году с общего согласия братии избран в строители, но в 1751 году снова переведен в настоятели Салалейской пустыни, в которой и покончил жизнь свою в глубокой старости. Пятый строитель, Исаакий, сын священника, с малолетства жил в Саровской пустыни и подвизался вместе с отцом, сделавшимся монахом. Он семь лет, до 1758 года, управлял обителью и затем был переведен в Козловский Троицкий монастырь архимандритом. Скончался он в Сканской пустыни.

А. С. Мельгунова застала в Саровской пустыни уже шестого строителя, иеромонаха *Ефрема*, который поступил в пустынь при первоначальнике, иеросхимонахе Иоанне. Этот великий монах был особенно замечателен своею строгой жизнью, терпением, твердостью в искушениях и незыблемой надеждой на промысл Божий. Отец Ефрем был уроженцем г. Тулы, купеческого звания, по имени Евдоким Андреев Короткой. Девятнадцати лет от роду он оставил мирскую жизнь, единст-

венно из любви к Богу, и принял в 1712 году 30 ноября монашеский образ в одной пустыни Московской губернии, которая прежде называлась *Марчуго*. Потом, по благословению преосвященного Стефана, митрополита Рязанского, он был посвящен в иеромонаха в Москве в 1716 году 16 марта, с назначением в Гороховский Знаменский монастырь, что на Красной Гриве. Отца Ефрема перевели в Саровскую пустынь по прошению первоначальника Иоанна в 1727 году. Для первоначальника он был твердой подпорой и помощником в делах внешних и духовных. Отец Иоанн его употреблял на разные посылки по общим нуждам, особенно по церковной службе, так как он имел природный дар искусно петь, читать и служил живым правилом и уставом для братствующих. Его собственной рукой были написаны полууставом нотные ирмологии, обиходы и праздничные стихиры, разные канонники, псалтирь с канонами и келейное правило, которое хранится в обители. Отец Ефрем, как и его учитель, подвергся горькой участи: по ложно взведенной на него вине он был взят в тайную канцелярию, вместе с первоначальником, лишен своего сана и сослан в 1738 году в Орскую крепость на заточение. В продолжение 16 лет он исполнял пономарскую должность в Орской крепости без ропота на свою участь, в терпении и благодарной преданности промыслу Вышнего. Добрые люди постарались все-таки его оправдать, и в 1755 году указом Святейшего Синода страдалец Ефрем был освобожден из Орской крепости и возвращен в Саровскую пустынь в прежнем своем сане. В 1758 году о. Ефрем был вновь избран в строители Саровской пустыни. Незлобивый этот старец с самого поступления своего в обитель соблюдал крайнее нестяжание и смиренномудрие во всем; он проникал все духовные нужды братии своим опытным взором и строго наблюдал, чтобы чтение и пение в церкви отправлялись благочинно и благоговейно; без его присутствия никакая церковная служба не начиналась. Тихое и миролюбивое со всеми обращение заставляло всех уважать и любить его. Даже старцы, цветущие сединами и украшенные добродетелями, были к нему привязаны духом любви по Бозе, как к смиренномудрому наставнику. Многие из братии считали себя блаженными, что находятся в послушании такого отца, и с неослабным усердием следовали его правилам. Как опытный в духовной жизни наставник, старец

Ефрем снискал себе глубокое уважение и в отдаленных от обители краях; слух о его святой, добродетельной жизни достиг святителя Тихона Задонского, который питал к старцу Ефрему такую искреннюю любовь и такое глубокое уважение, что имел с ним духовную переписку. Действительно, о. Ефрем поставил Саровскую обитель на степень высокого внутреннего и внешнего благоустройства.

После видения Божией Матери во время дремоты, у западной стены приходского Дивеевского храма, мать Александра в великой радости дошла до Саровской пустыни, процветавшей тогда святостью жизни многих великих и явных подвижников. Познакомившись с ними, она открыла им душу свою и попросила от них, так же как и от Киево-Печерских старцев, совета и вразумления, как поступить ей в столь удивительных обстоятельствах. Саровские старцы подтвердили ей слова и пояснения рабов Божиих Киево-Печерских иноков и также посоветовали всецело предаться воле Божией и исполнять все ей указанное Царицей Небесной. Насладившись беседой и молитвами в Сарове, мать Александра, послушная воле и указанию Царицы Небесной, собралась переехать на жительство в Дивеево. «Живи и угождай здесь Богу до конца дней своих!..» – сказала ей Владычица.

Но разнопоместное и чрезполосное село Дивеево было тогда весьма неудобно для житья монахине, ищущей молитвенного покоя. Постоянный шум от стечения большого числа рабочих на открытых здесь заводах, добывавших железную руду, ссоры, драки, разбои – все это давало всей местности особый характер, неприязненный для всего мирного, святого и божественного. Поэтому Саровские старцы посоветовали матери Александре, чтобы исполнить волю Богоматери, поселиться вблизи Дивеева, в деревне Осиновке, отстоящей всего на две версты от села. К этому представился и случай, так как в деревне Осиновке проживала некая вдова Зевакина, имевшая свой отдельный флигель. Эта деревушка, Дивеевского прихода, входила во владение князей Шахаевых. В записках протоиерея о. Василия Садовского говорится, что флигель г-жи Зевакиной находился за господским садом князей Шахаевых, где теперь скотный двор, и поэтому прозывался Мельгуновским флигелем.

Агафья Семеновна исполнила советы святых Саровских

старцев и поселилась в деревне Осиновке у госпожи Зевакиной. Здесь вскоре заболела ее 9–10-летняя дочь и скончалась. Мать Александра увидела в смерти своей единственной дочери еще указание Божие и подтверждение всего возвещенного ей Царицей Небесной. Порвалось последнее звено, связывающее ее с миром...

Тогда Агафья Семеновна по благословению Саровских старцев решила действительно отрешиться от всего своего имущества и окончательно распорядиться своими именьями. Для этого она покинула Осиновку, Саров и отправилась в свои поместья. Немало времени потребовалось ей для устройства дел: отпустив своих крестьян на волю за небольшую плату и тех, которые не желали воли, распродав за сходную и невысокую цену тем добрым помещикам, которых они сами себе выбрали, она совершенно освободилась от всяких земных забот и значительно увеличила свой и без того большой капитал. Затем она часть капитала положила вкладами в монастыри и церкви для поминовения родителей, дочери и родных, а главное — поспешила на помощь туда, где надо было достроить или возобновить храмы Божии. Мать Александра обеспечила немало сирот, вдов, нищих и требующих помощи Христа ради. Современники ее указывают двенадцать церквей, построенных и возобновленных Агафьей Семеновной.

Нигде не говорится о том, в котором году вернулась Агафья Семеновна в Саров и Дивеево, но надо предполагать, что несколько лет потребовалось для распродажи имений и крестьян. В записках Н. А. Мотовилова значится, что она прожила в деревне Осиновке три с половиной года до смерти дочери. Вероятно, возвращение ее произошло около 1764–1766 года. Саровские старцы благословили ей поселиться у приходского дивеевского священника о. Василия Дертева, жившего с одной старухой женой, известного своей духовной жизнью, с которым мать Александра была уже знакома во время своего нахождения в деревне Осиновке.

Таким образом Агафья Семеновна выстроила себе келью на дворе дивеевского священника о. Василия Дертева и прожила в ней 20 лет, совершенно забыв свое происхождение и нежное воспитание. По своему смирению она упражнялась в самых трудных и черных работах, очищая хлев о. Василия, ходя за его скотиной, стирая белье и проч.

В 1767 году мать Александра приступила к постройке каменного храма в Дивееве, во имя иконы Казанской Божией Матери, взамен старого деревянного и приходящего в ветхость храма святителя Николая Чудотворца. Этот важный для нее вопрос во всех отношениях она порешила по благословению нового саровского подвижника о. Пахомия, который отличался необыкновенными духовными дарованиями и особенно пришелся по духу матери Александре.

Иеромонах Пахомий, в миру Борис Назаров Леонидов, был родом из курских купцов и с юных лет посвятил себя на служение Господу. Постриженный в 1762 году в монашество, он был точным исполнителем обетов, кроток, смиренномудр, молитвенник и постник. Воздержание его простиралось до того, что он никогда не имел в своей келье ни пищи, ни питья, а за общей трапезой вкушал мало. Вся братия его любила и уважала.

Мать Александра в постоянной заботе об исполнении ею воли Божией, возвещенной Царицей Небесной, и совершенно свободная от житейских дум и дел, с мудрой осторожностью приступала к созиданию общины, которая впоследствии должна была разрастись в монастырь. Несомненно, во время неустанной ее молитвы Матерь Божия открыла ей, что следует прежде всего озаботиться о построении каменной приходской церкви, и именно в честь Казанской Ее иконы. Саровские старцы с о. Пахомием, к которому мать Александра чувствовала особенную духовную любовь, со своей стороны молились, получили внушение и благословили праведницу на построение церкви. Агафья Семеновна подала прошение епархиальному начальству, и когда получилось разрешение, приступила к постройке на том самом месте, где явилась ей Царица Небесная.

В 1770 году настоятель Саровской пустыни о. Ефрем начал построение соборной церкви во имя Успения Божией Матери. Вслед за тем наступили голодные годы, в особенности 1775-й, задержавшие успешный ход построек и причинившие большие беды населению. Строитель о. Ефрем отличался тем, что был весьма милостив и сострадателен. Во время голода многие питались древесной корой, смешивали с хлебом гнилое дерево и дубовые желуди, и о. Ефрем, проникнутый чувством сострадания к бедствующим, приказал всех прихо-

дящих в обитель кормить и поить. Семь месяцев он кормил ежедневно по нескольку сот, а иногда и тысяч человек. Замечательно, что любовь к нищим восходила у о. Ефрема до степени самоотвержения. Некоторые из братии начали было на него втайне роптать, опасаясь недостатка хлеба для самих себя, и, услыхав это, о. Ефрем созвал старейшую братию, рассказал им настоящие всеобщие нужды в народе и с глубоким вздохом произнес: «Не знаю, как вы, а я расположился, доколе Богу будет угодно за наши грехи продолжать глад, лучше страдать со всем народом, нежели оставить их гибнуть от глада. Какая нам польза пережить подобных нам людей? Из них, может быть, некоторые до сего бедственного времени и сами нас питали своими даяниями». И, приказав кормить народ по-прежнему, присовокупил, что в пище недостатка не будет; и действительно, спустя несколько дней прибыл в обитель обоз с хлебом, возов около 50. По показанию извозчиков, какой-то неизвестный нанял их и, насыпая хлеб, заплатил за провоз и приказал отвезти в Саровскую пустынь.

Протоиерей о. Василий Садовский пишет в своих записках, что старики ему рассказывали о страшном голоде в 1775 году, и как матушка Агафья Семеновна их всех собирала тогда, еще малолетних, к строящейся Казанской церкви и заставляла подносить кирпичи к кладчикам. За это она кормила их вечером сухарями с водой и платила каждому по пятаку в день, приказывая деньги отдавать родителям. Таким образом дивеевские прихожане прожили голодное лето при пособии матери Александры без нужды, когда окрестные крестьяне страшно нуждались и мучились с семьями.

Когда была освящена Казанская церковь, в точности неизвестно, но надо предполагать, что построение ее окончилось, судя по св. антиминсу, через пять лет, то есть в 1772 году. Антиминс главного престола во имя иконы Казанской Божией Матери священнодействован Высокопреосвященнейшим Палладием, архиепископом Рязанским. Левый придел, в память бывшей на этом месте деревянной церкви святителя Николая Чудотворца, посвящен имени того же святителя, и антиминс священнодействован в 1776 году Рязанским епископом Симоном. Правый придел по особому чудному указанию Божьему посвящен имени святого первомученика архидиакона Стефана, и антиминс его священнодействован в 1779 году

тем же Симоном, епископом Рязанским. Мать Александра недоумевала, какому святому посвятить третий придел, и поэтому однажды всю ночь молила в своей келье Господа указать Свою волю. Вдруг послышался в маленьком окне ее стук и за ним голос: «Да будет престол сей первомученика архидиакона Стефана!» С трепетом и радостью бросилась мать Александра к окну, чтобы видеть, кто ей говорит, но никого не было, а на подоконнике она обрела чудно и невидимо откуда явившийся образ св. первомученика архидиакона Стефана, написанный на простом, почти неотесанном обрубке бревна. Этот образ был всегда в церкви и теперь перенесен в келью первоначальницы Дивеевского монастыря.

Мать Александра по сооружении храма ездила в город Казань, где получила вернейший список с чудотворной и явленной иконы Казанской Божией Матери, и в город Киев для испрошения своей церкви частиц св. мощей. Мощи ей вложили в серебряный и позолоченный крест. Из Москвы она привезла колокол в семьдесят шесть с половиной пудов и необходимую утварь (Записки о. Василия Садовского). Иконостас в Казанскую церковь был отдан из старого Саровского собора строителем о. Ефремом, зеленого цвета с позолотой, но впоследствии зеленая краска заменена была красной.

Великая раба Божия Агафья Семеновна, как было упомянуто, подвизалась в своей келье, построенной на дворе приходского священника Дертева, в продолжение 20 лет. Келейные ее подвиги остались неизвестны, но протоиерей о. Василий Садовский записал все, что рассказывали ему о матери Александре о. Серафим, о. Дертев, сестры Дивеевской общинки, соседи помещики, почитатели ее и дивеевские крестьяне, сохранившие воспоминание о ее глубоком смирении и тайных благотворениях. Кроме исполнения самых трудных и черных работ у о. Дертева, мать Александра хаживала в крестьянское поле и там сжинала и связывала в снопы хлеб одиноких крестьян, а в страдную пору, когда в бедных семьях все, даже хозяйки, проводили дни на работе, топила в избах печи, месила хлебы, изготовляла обед, обмывала детей, стирала их грязное белье и надевала на них чистое к приходу их усталых матерей. Все это она делала потихоньку, дабы никто не знал и не видел. Однако, несмотря на все старания и укрывательства, крестьяне стали мало-помалу признавать благодетельницу. Дети ука-

зывали на мать Александру, а она с удивлением смотрела на благодаривших ее и отказывалась от своих поступков и действий. Бедным невестам Агафья Семеновна вышивала головные уборы — сороки и красивые полотенца... Один образчик ее вышивания поныне сохраняется в монастыре как святыня.

В течение 12 лет в праздники и воскресные дни Агафья Семеновна никогда не уходила из церкви прямо домой, а по окончании литургии всегда останавливалась на церковной площади и поучала крестьян, говоря им о христианских обязанностях и о достойном почитании праздничных и воскресных дней. Эти духовные беседы Агафьи Семеновны с народом вспоминались с благодарностью прихожанами села Дивеева даже много лет спустя после ее смерти.

Мать Александра провела всю свою жизнь в таких великих трудах и подвигах, что исполнилась благодати и даров Духа Святого. К ней стекались со всех сторон не только одни простые люди, но и высокопоставленные лица, купечество и даже духовенство, чтобы послушать ее наставления, получить благословение, совет и удостоиться ее привета. Богато одаренная редким природным умом, она была чрезвычайно образованна, начитанна и тонко воспитана. Затем она столь твердо изучила все уставы, законы и положения церковные, что во всех важных случаях к ней обращались за указаниями и разъяснениями. Если матушка удостаивала согласиться быть распорядительницей какого-либо особо важного церковного торжества, то это считалось величайшей честью. В семейных делах, спорах и ссорах к ней обращались как к праведному судье и, конечно, беспрекословно подчинялись ее приговорам и решениям.

Н. А. Мотовилов, со слов послушницы матушки Александры Евдокии Мартыновны, записал следующее: «Одежда Агафьи Семеновны была не только простая и бедная, но и многошвейная, и притом зимой и летом одна и та же: на голове она носила холодную черную кругленькую шерстяную шапочку, опушенную заячьим мехом, потому что она часто страдала головной болью; платочки носила бумажные. На полевые работы ходила в лаптях, а под конец своей жизни хаживала уже в холодных сапожках, подаренных ей Саррой Андреевной Соловцевой. На ее кроватке лежал войлочек, а в головах пуховые подушечки, пожертвованные ей духовными ее дочерьми

Клеопатрой и Дарьей Чемодановыми и Анной Аргамаковой. И это уже было незадолго до кончины ее, а до того времени она их не имела. А во время отдохновения своего подкладывала под голову камень, зашитый в холстину для того, чтобы издали казался подушечкой. Матушка Агафья Семеновна носила власяницу, была среднего роста, вида веселого, лицо круглое, белое, глаза серые, нос короткий луковичкой, ротик небольшой, волосы в молодости были светло-русые, лицо и ручки — полные, в последние дни жизни от многих слез ресницы глаз ее были всегда красные».

Протоиерей о. Василий Садовский говорит в своих записках, что когда он был благочинным, то однажды запоздал ночью и был принужден ночевать у заштатного священника в селе Глухове (Ардатовского уезда), свояка кременковского священника о. Антония. Разговор коснулся Дивеева и матери Александры. Сестра священника, старушка девица, очень утешила о. Василия, показав полотенце матушкиной работы, подаренное ею самой, которое она берегла как святыню. Она же между прочим рассказала, что знала лично мать Александру, которая была так умна и образованна, как редко бывают мужчины, и что она знала лучше всех духовных лиц в окружности все уставы и положения церковные. К матери Александре обращались за советами и наставлениями, так что когда в большом близлежащем селе Нуче было освящение храма, то все нарочно приезжали просить мать Александру быть распорядительницей этого праздника, на что она и согласилась. Всем было на диво, как она прекрасно распорядилась и устроила все. Народу было такое множество, что казалось невозможно разместить всех, а матушка соединила дворян вместе, духовенство в другом отделении вместе, купцов посадила с купцами и крестьян отдельно. Всем было удобно, хорошо и всего хватило. Матушка распоряжалась также церковной церемонией, и присутствующие смотрели на нее с особым уважением и благоговением, стараясь наперерыв друг перед другом угодить ей. Князья, бояре и духовенство считали за большое счастье удостоиться чести вести ее под ручки или если она обратится к кому с ласковым и приветливым словом.

Милостыня матери Александры была всегда тайная; она служила всем, чем только умела и насколько могла. Многообразные подвиги ее настолько умягчили сердце ее и так угоди-

ли Господу Богу, что она удостоилась высокого дара благодатных слез, яже по Бозе (об этом часто вспоминал о. Серафим). В Саровском соборе она становилась всегда против чудотворной иконы Живоносного Источника, и из ее глаз текли не слезы, а источники слез. Смирение ее было неисповедимо и любовь ко всем нелицемерная. Она носила самую простую многошвейную одежду и опоясывалась кушачком с узелком.

В 1777 году 29 марта Саровский игумен Ефрем, чувствуя истощение своих сил, собрал братию и просил избрать на свое место настоятеля, потому что сам хотел остаток дней своих провести в безмолвии, подобно приснопамятному отцу своему первоначальнику Иоанну. С общего согласия поставлен был настоятелем о. Пахомий. Через год, 30 мая 1778 года, о. Ефрем скончался, достигнув 86 лет. Монашествующие по благословению к памяти строителя иеромонаха Ефрема сохранили его изображение, на котором сделана следующая надпись: «Не Сирин ты, но Русский ты Ефрем, Саровской пустыни броня еси и шлем!»

Мать Александра помогла значительным капиталом достроить собор Успения Божией Матери строителям о. Ефрему и о. Пахомию.

Старец Пахомий управлял вверенной ему от Бога обителью 18 лет. Он был истинный пастырь своего словесного стада, строго наблюдал общежительный устав обители и порядок церковных служб, которых неопустительное и благочинное совершение доставляло слушателям душеспасительное удовольствие. Как ни обременен он был делами, но всегда присутствовал на келейном правиле и у церковных служб, приходил в храм первым и уходил последним. Братия имела к нему сыновнюю любовь и уважала его благоговение, постничество, скромность и добродетельную жизнь. Он был хорошим проповедником и любил повторять Евангельские слова: «*нудится Царствие Божие, и нуждницы восхищают е*». При нем значительно умножилась братия в пустыни. В его настоятельство были в Саровском братстве и такие достойные люди, которые устроили другие обители. Некоторые были вытребованы высшим начальством в настоятели обителей для введения монашеского общежительного устава. Дремучий Саровский бор сделался рассадником иноков для разных обителей. Старец *Назарий*, один из великих светильников, вызван был митрополитом

Санкт-Петербургским Гавриилом для восстановления древнего Валаама. Местный епископ Феофил старался удержать у себя знаменитого отшельника о. Назария и представил его митрополиту малоумным и неопытным в духовной жизни. Тогда Гавриил проник тайну и ответил: «У меня много своих умников, пришлите мне вашего глупца». И невольно пришлось отпустить смиренного подвижника. Когда же о. Назарий упрочил благосостояние Валаама, то он пожелал уединиться снова в Сарове, где и скончался. Многие старцы отказывались от должностей и принятия священства, не желая расстаться с уединенной жизнью простого инока. Был случай, что один саровский монах уклонился от епископского сана по своему великому смирению. Таковы были подвижники во дни о. Пахомия, которым соревновал или даже предшествовал он в подвигах до глубокой старости. За строгую и благочестивую жизнь старец Пахомий был уважаем и любим не только своим братством, но и посторонними лицами всякого звания. Митрополит Новгородский Гавриил писал о. Пахомию и просил его избрать кого-либо из старцев настоятелем Югской пустыни. Отовсюду приезжали за духовным наставлением к о. Пахомию и явились значительные благотворители. Некоторые из постриженников Пахомия, ревнуя подвигам святости своего игумена, сами удалялись в необитаемые места, там в уединенных кельях отшельники подвизались в благочестии. Так, при нем поселились в хижинах в глубине монастырского леса известные пустынники: игумен Назарий, иеросхимонах Дорофей, схимонах Марко, иеромонах Серафим.

В 1785 году скончался в Саровской пустыни достопамятный казначей иеросхимонах Иосиф, твердый столп благочестия, служивший подпорою обители. Братия хотела его избрать на место престарелого строителя о. Ефрема, ибо он был удивительно чистого и строгого жития, ревнитель по Бозе и подвижник духовный, но он впал в болезнь и совершенно изнемог.

Строителю Пахомию помогал также иеромонах Матфей, муж совета, чрезвычайно благочестивый и добродетельный. Он вел жизнь в высшей степени подвижническую и отличался строгим постом.

К выдающимся лицам в обители должны были причислить также иеромонаха *Питирима*, в миру Петра Ивановича Дру-

жинина, родом из курских купцов, отличавшегося мудростью и простотой нрава, усердием в послушаниях, строгим хранением совести по обетам монашеским и своей ревностью к славе Божьей. Высокой подвижнической жизнью старец стяжал себе признательность и уважение. Господь удостоил его чудесных видений; так, однажды он шел к заутрене из своей кельи и внезапно увидел на небе сияющий из облаков свет с простертой благословляющей десницей.

Иеромонах Иоаким, также из курских купцов, поступил в монашество с юных лет и был весьма кроткий и молчаливый. По вдохновенной мудрости и по начитанности Священного Писания и книг св. отцов он был духовной утехой для братии и обращавшихся к нему, в особенности для новоначальных, требующих подкрепления и назидания, он был утешительный собеседник и искусный наставник. При глубоко внимательной своей жизни имел дар умиления. Именно его и желали сделать епископом и начальником миссии в Северной Америке, но о. Иоаким из смирения, считая себя недостойным такого сана, притворился юродивым.

Духовниками великой старицы матери Александры были о. Пахомий и казначей о. Исаия.

Иеромонах Исаия был родом из г. Суздаля, купеческого сословия, из фамилии Зубковых. На 22-м году от рождения он оставил мир и поступил вначале в Киево-Печерскую лавру. В 1770 году, возвращаясь по своим делам на родину, он узнал, что в Саровской обители находится много великих старцев и отшельников, и возгорелся духом поступить в эту пустынь. В 1772 году его постригли в монашество и в 1777-м рукоположили в иеромонаха. Он отличался страхом Божиим, смирением, кротостью, терпением, незлобием, нищелюбием и братолюбием в истинно евангельском духе. Прославляя Господа своею жизнью, он приобрел всеобщую любовь.

Все вышеупомянутые великие старцы и подвижники были близкими друзьями матери Александры и усердно ей помогали молитвами и советами. По освящении всех трех приделов Казанской церкви Агафья Семеновна незадолго до своей кончины решилась устроить общину, чтобы вполне выполнить все приказанное Божьей Матерью. К этому представился особый случай. За 6 месяцев до ее кончины, в 1788 году, одна из помещиц села Дивеева г-жа Жданова, наслышавшись об

обетованной Агафье Семеновне Матерью Божией обители, которая должна завестись в селе Дивееве, и желая поусердствовать осуществлению этого дела, пожертвовала матери Александре 1300 кв. саженей усадебной господской земли своей рядом с церковью. По совету Саровских старцев и с разрешения епархиального начальства мать Александра построила на этой земле три кельи с надворным строением и оградила пространство деревянной оградой; одну келью заняла сама, другую предназначила для приглашенных жить трех послушниц и третью — предоставила для отдыха странникам, во множестве идущим через Дивеево в Саров. При матушке находилась крестница о. Дертева, круглая сирота, девица Евдокия Мартынова из д. Вертьяново, затем еще три послушницы: вотчины г-на Баташева крестьянская вдова Анастасия Кириллова, села Сарминского-Майдола крестьянская девица Ульяна Григорьева и деревни Осиновки крестьянская же вдова Фекла Кондратьева. Так жила мать Александра до конца своих дней, ведя жизнь богоугодную, подвижническую, крайне суровую, в постоянном труде и в молитве. Строго исполняя все трудности Саровского устава, она во всем руководилась советами отца игумена Пахомия. Она и сестры, кроме того, шили свитки, вязали чулки и работали все нужное из рукоделья для Саровской братии. Отец Пахомий, в свою очередь, выдавал малой общине все необходимое для их земного существования; так что даже пищу привозили сестрам раз в сутки с Саровской трапезы. Общинка матери Александры была как бы плоть от плоти и кость от костей Саровской пустыни. Жизнь матери Александры и ее сестер вполне соответствовала идее нищенства, работающего на насущное пропитание. Все свои остальные средства Агафья Семеновна передала о. Пахомию, и каждая из живущих в общине зарабатывала себе пропитание от Саровской братии.

Невзирая на свою праведность и святость, великая старица мать Александра с особенным уважением обращалась к батюшке отцу Серафиму, еще юному в то время послушнику монаху и затем иеродиакону, как бы провидя в нем исполнителя начатого ею Божия дела, при долженствующей в нем явиться миру великой благодати. В своих духовных нуждах она просила о. Серафима дать ей полезный совет, основанный на его богомудрой, хотя и ранней опытности юного подвижника Христова.

Глава III

Жизнеописание о. Серафима от рождения до поступления в монастырь. Прибытие в Саровскую пустынь, прохождение послушаний, духовные подвиги и любовь к нему начальников. Болезнь юного Прохора и исцеление его Божией Матерью. Пострижение в монашество в 1786 году и в сан иеродиакона в 1787 году. Поездка на похороны помещика Соловцева в 1789 году, первое и единственное посещение Дивеева, матери Александры Мельгуновой. Просьба матери Александры к о. Пахомию и к иеродиакону Серафиму. Кончина и погребение А. С. Мельгуновой

Батюшка о. Серафим поступил в Саровскую пустынь в 1778 году 20 ноября, накануне Введения Пресвятой Богородицы во храм, и поручен был в послушание старцу Иосифу.

Родиной его был губернский город Курск, где отец его Исидор Мошнин имел кирпичные заводы и занимался в качестве подрядчика постройками каменных зданий, церквей и домов. Исидор Мошнин слыл за чрезвычайно честного человека, усердного к храмам Божиим и богатого именитого купца. За десять лет до смерти своей он взялся построить в Курске новый храм во имя преподобного Сергия, по плану знаменитого архитектора Растрелли. Впоследствии, в 1833 году, этот храм сделан был кафедральным собором. В 1752 году состоялась закладка храма, и когда нижняя церковь с престолом во имя преподобного Сергия была готова в 1762 году, благочестивый строитель, отец великого старца Серафима, основателя Дивеевского монастыря, скончался. Передав все состояние своей доброй и умной жене Агафии, он поручил ей довести

дело построения храма до конца. Мать о. Серафима была еще благочестивее и милостивее отца, она много помогала бедным, в особенности сиротам и неимущим невестам.

Агафья Мошнина в течение многих лет продолжала постройку Сергиевской церкви и лично наблюдала за рабочими. В 1778 году храм был окончательно отделан, и исполнение работ было так хорошо и добросовестно, что семейство Мошниных приобрело особое уважение между жителями Курска.

Отец Серафим родился в 1759 году 19 июля и наречен Прохором в честь св. Прохора, единого от семидесяти апостолов и семи диаконов первенствующей Церкви, память которого ублажается в том же месяце 28 числа. У него был старший брат Алексей, потомство которого и ныне живет в Курске. При смерти отца Прохору было не более трех лет от рождения, следовательно, его всецело воспитала боголюбивая, добрая и умная матушка, которая учила его более примером своей жизни, проходившей в молитве, посещении храмов и в помощи бедным. Что Прохор был избранником Божиим от рождения своего, это видели все духовно развитые люди и не могла не почувствовать благочестивая его мать. Так, однажды, осматривая строение Сергиевской церкви, Агафья Мошнина ходила вместе со своим семилетним Прохором и незаметно дошла до самого верха строившейся тогда колокольни. Отойдя вдруг от матери, быстрый мальчик перевесился за перила, чтобы посмотреть вниз, и по неосторожности упал на землю. Испуганная мать в ужасном виде сбежала с колокольни, воображая найти своего сына разбитым до смерти. Но, к несказанной радости и величайшему удивлению, увидела его целым и невредимым. Дитя стояло на ногах. Мать слезно возблагодарила Бога за спасение сына и поняла, что сын Прохор охраняется особым Промыслом Божиим.

Через три года новое событие обнаружило ясным образом покровительство Божие над Прохором. Ему исполнилось десять лет, и он отличался крепким телосложением, остротой ума, быстрой памятью и одновременно кротостью и смирением. Его начали учить церковной грамоте, и Прохор взялся за дело с охотой, но вдруг сильно заболел, и даже домашние не надеялись на его выздоровление. В самое трудное время болезни в сонном видении Прохор увидел Пресвятую Богородицу, Которая обещала посетить его и исцелить от болезни.

Проснувшись, он рассказал это видение своей матери. Действительно, вскоре в одном из крестных ходов несли по городу Курску чудотворную икону Знамения Божией Матери по той улице, где был дом Мошниной. Пошел сильный дождь. Чтобы перейти на другую улицу, крестный ход, вероятно, для сокращения пути и избегания грязи, направился через двор Мошниной. Пользуясь этим случаем, Агафья вынесла больного сына на двор, приложила к чудотворной иконе и поднесла под ее осенение. Заметили, что с этого времени Прохор начал поправляться в здоровье и скоро совсем выздоровел. Так исполнилось обещание Царицы Небесной посетить отрока и исцелить его. С восстановлением здоровья Прохор продолжал успешно свое учение, изучал Часослов, Псалтирь, выучился писать и полюбил чтение Библии и духовных книг.

Старший брат Прохора Алексей занимался торговлей и имел свою лавку в Курске, так что малолетнего Прохора заставляли приучаться к торговле в этой лавке. Впоследствии он рассказывал в Сарове Н. А. Мотовилову: «Я родом из курских купцов, и, когда не был в монастыре, мы, бывало, торговали таким товаром, который больше барыша дает». Предметом торговли были вещи, необходимые в крестьянском быту, как-то: ремни, деготь, бечевки, дуги, шлеи, лапти, железо и т. п., но к торговле и барышам не лежало его сердце. Молодой Прохор не опускал почти ни одного дня без того, чтобы не посетить храма Божия, и за невозможностью быть у поздней литургии и вечерни, по случаю занятий в лавке, он вставал ранее других и спешил к утрене и ранней обедне. В то время в г. Курске жил какой-то Христа ради юродивый, которого имя теперь забыто, но тогда все чтили. Прохор с ним познакомился и всем сердцем прилепился к юродивому; последний, в свою очередь, возлюбил Прохора и своим влиянием еще больше расположил душу его к благочестию и уединенной жизни. Умная мать его все примечала и душевно радовалась, что ее сын так близок к Господу. Редкое счастье выпало и Прохору иметь такую мать и воспитательницу, которая не мешала, но способствовала его желанию выбрать себе духовную жизнь.

Через несколько лет Прохор стал заговаривать о монашестве и осторожно вызнавал, будет ли мать его против того, чтобы ему пойти в монастырь. Он, конечно, заметил, что добрая его воспитательница не противоречит его желанию и

охотнее хотела бы отпустить его, чем удержать в миру; от этого в его сердце еще сильнее разгоралось желание монашеской жизни. Тогда Прохор начал говорить о монашестве со знакомыми людьми, и во многих он нашел сочувствие и одобрение. Так, купцы Иван Дружинин, Иван Безходарный, Алексей Меленин и еще двое выражали надежду идти вместе с ним в обитель.

На семнадцатом году жизни намерение оставить мир и вступить на путь иноческой жизни окончательно созрело в Прохоре. И в сердце матери образовалась решимость отпустить его на служение Богу. Следуя церковно-гражданским установлениям духовного регламента, он взял себе увольнение от Курского городского общества (Монастырский архив, отд. XV, № 13). Трогательно было его прощание с матерью! Собравшись совсем, они посидели немного, по русскому обычаю, потом Прохор встал, помолился Богу, поклонился матери в ноги и спросил ее родительского благословенья. Агафья дала ему приложиться к иконам Спасителя и Божией Матери, потом благословила его медным крестом. Взяв с собой этот крест, он до конца жизни носил его всегда открыто на груди своей.

Немаловажный вопрос предстояло решить Прохору: куда и в какой монастырь идти ему. Слава подвижнической жизни иноков Саровской пустыни, где были уже многие из курских жителей и настоятельствовал о. Пахомий, курский уроженец, склоняла его идти к ним, но ему хотелось предварительно быть в Киеве, чтобы посмотреть на труды Киево-Печерских иноков, испросить наставление и советы от старцев, познать через них волю Божию, утвердиться в своих мыслях, получить благословение от какого-нибудь подвижника и, наконец, помолиться и благословиться у св. мощей прпп. Антония и Феодосия, первоначальников иночества. Прохор отправился пешком, с посохом в руке, и с ним шли еще пять человек курских купцов. В Киеве, обходя тамошних подвижников, он прослышал, что недалеко от св. лавры Печерской, в Китаевской обители, спасается затворник по имени Досифей, имеющий дар прозорливости. Придя к нему, Прохор упал к ногам его, целовал их, раскрыл перед ним всю свою душу и просил наставлений и благословения. Прозорливый Досифей, видя в нем благодать Божию, уразумев его намерения и провидя

в нем доброго подвижника Христова, благословил его идти в Саровскую пустынь и сказал в заключение (Краткое жизнеописание старца Серафима, изд. Дивеевского монастыря 1874 г., с. 7):

– Гряди, чадо Божие, и пребуди тамо. Место сие тебе будет во спасение, с помощью Господа. Тут скончаешь ты и земное странствие твое. Только старайся стяжать непрестанную память о Боге через непрестанное призывание имени Божия так: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного! В этом да будет все твое внимание и обучение: ходя и сидя, делая и в церкви стоя, везде, на всяком месте, входя и исходя, сие непрестанное вопияние да будет и в устах, и в сердце твоем; с ним найдешь покой, приобретешь чистоту духовную и телесную, и вселится в тебя Дух Святой, источник всяких благ, и управит жизнь твою во святыне, во всяком благочестии и чистоте. В Сарове и настоятель Пахомий богоугодной жизни; он последователь наших Антония и Феодосия!

Беседа блаженного старца Досифея окончательно утвердила юношу в добрых намерениях. Отговевши, исповедавшись и причастившись Св. Таин, поклонившись еще раз св. угодникам Киево-Печерским, он направил стопы свои на путь и, охраняемый покровом Божиим, благополучно прибыл опять в Курск, в дом своей матери. Здесь он прожил еще несколько месяцев, даже ходил в лавку, но торговлей уже не занимался, а читал душеспасительные книги в назидание себе и другим, которые приходили поговорить с ним, расспросить о св. местах и послушать чтение. Это время было его прощанием с родиной и родными.

Как уже сказано, Прохор вступил в Саровскую обитель 20 ноября 1778 года, накануне праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы. Стоя в церкви на всенощном бдении, видя благочинное совершение службы, замечая, как все, от настоятеля до последнего послушника, усердно молятся, он восхитился духом и порадовался, что Господь здесь указал ему место для спасения души. Отец Пахомий с малолетства знал родителей Прохора и потому с любовью принял юношу, в котором видел истинное стремление к иночеству. Он определил его в число послушников к казначею иеромонаху Иосифу, мудрому и любвеобильному старцу. Сперва Прохор находился в келейном послушании старца и с точностью исполнял

все монашеские правила и уставы по его указанию, в келье он служил не только безропотно, но и всегда с усердием. Такое поведение обратило на него внимание всех и приобрело ему расположение старцев Иосифа и Пахомия. Тогда ему стали назначать, кроме келейного, еще послушания по порядку: в хлебне, в просфорне, в столярне. В последней он был будильщиком и исполнял довольно долго это послушание. Затем он исполнял пономарские обязанности. Вообще юный Прохор, бодрый силами, проходил все монастырские послушания с великой ревностью, но, конечно, не избегал многих искушений, как печали, скуки, уныния, которые действовали на него сильно. «С духом печали, – говорил он впоследствии, – неразлучно действует и скука. Скука, по замечанию отцов, нападает на монаха около полудня и производит в нем такое страшное беспокойство, что несносны ему становятся и местожительство, и живущие с ним братья, а при чтении возбуждается какое-то отвращение, и частая зевота, и сильная алчба. По насыщении чрева демон скуки внушает монаху помыслы выйти из кельи и с кем-нибудь поговорить, представляя, что не иначе можно избавиться от скуки, как непрестанно беседуя с другими. И монах, одолеваемый скукой, подобен пустынному хворосту, который то немного остановится, то опять несется по ветру. Он, как безводное облако, гонится ветром. Сей демон, если не может извлечь монаха из кельи, начинает развлекать ум его во время молитвы и чтения. Это, говорит ему помысл, лежит не так, а это не тут, надобно привести в порядок, и это все делает для того, чтобы ум сделать праздным и бесплодным».

«Болезнь сия врачуется, – говорил он по собственному опыту, – молитвой, воздержанием от празднословия, посильным рукоделием, чтением слова Божия и терпением, потому что и рождается она от малодушия и праздности и празднословия».

Жизнь юного Прохора до пострижения в монашество ежедневно распределялась так: в определенные часы он был в церкви на богослужении и правилах. Подражая старцу Пахомию, он являлся как можно ранее на церковные молитвы, выстаивал неподвижно все богослужение, как бы продолжительно оно ни было, и никогда не выходил прежде совершенного окончания службы. В часы молитвы всегда стоял на

одном определенном месте. Для предохранения от развлечения и мечтательности, имея глаза, опущенные долу, он с напряженной внимательностью и благоговением слушал пение и чтение, сопровождая их молитвой.

Прохор любил уединяться в своей келье, где у него, кроме молитвы, были занятия двух родов: чтение и телесный труд. Псалмы он читал и сидя, говоря, что утружденному это позволительно, а Св. Евангелие и Послания Апостолов — всегда стоя пред св. иконами, в молитвенном положении, и это называл бдением (бодрствованием). Постоянно он читал творения св. отцов, например, Шестоднев св. Василия Великого, беседы св. Макария Великого, Лествицу прп. Иоанна, Добротолюбие и проч. В часы отдохновения он предавался телесному труду, вырезал кресты из кипарисного дерева для благословения богомольцам. Когда Прохор проходил столярное послушание, то отличался большим усердием, искусством и успехами, так что в расписании он один из всех назван Прохором-столяром. Он также ходил на общие для всей братии труды: сплавлять лес, приготовлять дрова и т. п. Как он проводил ночи, а также принимал пищу, известно из его личного свидетельства. Он говорил, наставляя других: «Сидя за трапезой, не смотри и не осуждай, кто сколько ест, но внимай себе, питая душу молитвой. За обедом ешь довольно, за ужином повоздержись. В среду и пяток, аще можешь, вкушай по однажды. Каждый день непременно в нощи спи три часа: десятый, одиннадцатый и двенадцатый час до полуночи. Аще изнеможешь, можно вдобавок днем спать. Сие держи несумненно до кончины жизни: ибо оно нужно для успокоения головы твоей. *И я с молодых лет держал таковый путь.* Мы и Господа Бога всегда просим об упокоении себя в ночное время. Аще тако будешь хранить себя, то не будешь уныл, но здрав и весел». С течением времени от слишком напряженного состояния, от недостатка в ночном отдыхе о. Серафим, как сам неоднократно сказывал, получил сильную головную боль. Болезнь эта разрешилась сама собой, когда он начал несколькими часами более давать себе отдых во время ночи. После этого о. Серафим, на основании собственного опыта, советовал немощным спать 6 часов в сутки, а более сильным телом и крепким душой — пять часов, повторяя при этом наставление отцов-пустынников, что мы не тело, а страсти умерщвлять научаемся.

Видя примеры пустынножительства о. игумена Назария, иеромонаха Дорофея, схимонаха Марка, юный Прохор стремился духом к большому уединению и подвижничеству, а потому испросил благословение своего старца о. Иосифа оставлять монастырь в свободные часы и уходить в лес. Там он нашел уединенное место, устроил сокровенную кущу и в ней совершенно один предавался богоразмышлению и молитве. Если, говорил о. Серафим, не всегда можно пребывать в уединении и молчании, живя в монастыре и занимаясь возложенными от настоятеля послушаниями, то хотя некоторое время, остающееся от послушания, должно посвящать на уединение и молчание; и за это малое Господь Бог не оставит ниспослать на тебя богатую Свою милость. Такое правило теперь исполнял сам Прохор, удаляясь в пустынную кущу. Созерцание дивной природы возвышало его к Богу, и, по словам человека, бывшего впоследствии близким к старцу Серафиму, он здесь совершал *правило, еже даде Ангел Господень великому Пахомию*, учредителю иноческого общежития. Это правило совершается в следующем порядке: Трисвятое и по Отче наш: Господи, помилуй, 12. Слава и ныне: Приидите поклонимся — трижды. Псалом 50: Помилуй мя, Боже. Верую во единого Бога... Сто молитв: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного и по сем: Достойно есть и отпуст. Это составляло одно моление, но таких молитв надлежало совершить по числу суточных часов, двенадцать днем и двенадцать ночью. Это правило, принятое в Саровской пустыни, Прохор исполнял по наставлению старца Иосифа с самого поступления в монастырь. Но в куще, среди природы, наедине с Богом, он сосредоточеннее и с большим умилением предавался молитвенному подвигу. С молитвой он соединял воздержание и пост: в среду и пятницу не вкушал никакой пищи, а в другие дни недели принимал ее только один раз. Всем видимо стало, что Прохор ставит себя твердо на пути иноческого жития, и поэтому его любили и уважали во времена игуменства Пахомия как необыкновенного подвижника. Подобный Прохору был в то время 25-летний послушник Василий, вступивший в пустынь в 1787 году из мещан г. Темникова и предназначенный Господом в будущем в строители Саровской пустыни под именем Нифонта.

В 1780 году Прохор тяжко заболел, и все тело его распухло. Ни один врач не мог определить вида его болезни, но предпо-

лагали, что это сделалась водяная болезнь. Недуг длился в продолжение трех лет, из которых не менее половины Прохор провел в постели. Строитель о. Пахомий и старец о. Исаия попеременно ходили за ним и почти неотлучно находились при нем. Тут-то и открылось, как все, и прежде других начальники, уважали, любили и жалели Прохора, бывшего тогда еще простым послушником. Наконец стали опасаться за жизнь больного, и о. Пахомий настоятельно предлагал пригласить врача или, по крайней мере, открыть кровь. Тогда смиренный Прохор позволил себе сказать игумену: «Я предал себя, отче святый, истинному Врачу душ и телес, Господу нашему Иисусу Христу, и Пречистой Его Матери, если же любовь ваша рассудит, снабдите меня, убогого, Господа ради, небесным врачевством — причастием Св. Таин». Старец Иосиф по просьбе Прохора и собственному усердию особо отслужил *о здравии* больного всенощное бдение и литургию. Прохор был исповедан и причащен. В скором времени он выздоровел, что весьма удивило всех. Никто не понимал, как мог он столь скоро оправиться, и только впоследствии о. Серафим открыл тайну некоторым, и в том числе любимой сестре Дивеевской общины, церковнице Ксении Васильевне (монахине Капитолине). После причащения Св. Таин ему явилась Пресвятая Дева Мария, в несказанном свете, с апостолами Иоанном Богословом и Петром, и, обратясь к Иоанну лицом и указывая перстом на Прохора, Владычица сказала: «*Этот от нашего рода!*» «Правую-то ручку, радость моя, — говорил о. Серафим церковнице Ксении, — положила мне на голову, а в левой-то ручке держала жезл, и этим-то жезлом, радость моя, и коснулась убогого Серафима; у меня на том месте, на правом бедре-то, и сделалось углубление, матушка, вода-то вся в него и вытекла, и спасла Царица Небесная убогого Серафима; а рана пребольшая была, и до сих пор яма-то цела, матушка, погляди-ка, дай ручку!» «И батюшка сам, бывало, возьмет да и вложит мою руку в яму, — прибавляла матушка Ксения, ныне Капитолина, — и велика же она была у него, так вот весь кулак и взойдет!» Много душевной пользы принесла Прохору эта болезнь: дух его окреп в вере, любви и надежде на Бога.

В период послушничества Прохора, при настоятеле о. Пахомии, предприняты были в Саровской пустыни многие нужные постройки. В числе их на месте кельи, в которой болел

Прохор, строилась больница для лечения недужных и успокоения престарелых и при больнице церковь о двух этажах с престолами, в нижнем — во имя свв. Зосимы и Савватия, чудотворцев Соловецких, в верхнем — во славу Преображения Спасителя. Прохор, после болезни молодой еще послушник, был посылаем за сбором денег в разные места на сооружение церкви. Благодарный за свое исцеление и попечение начальства, он с охотой понес трудный подвиг сборщика. Странствуя по ближайшим к Сарову городам, Прохор был и в Курске, на месте своей родины, но не застал уже матери своей в живых. Брат Алексей, со своей стороны, оказал Прохору немалую помощь для построения церкви. Вернувшись домой, Прохор, как искусный столяр, построил собственными руками престол из кипарисного дерева для нижней больничной церкви, в честь преподобных Зосимы и Савватия.

В течение восьми лет юный Прохор был послушником. Наружный вид его к этому времени изменился; будучи высокого роста, около 2 аршин и 8 вершков, несмотря на строгое воздержание и подвиги, он имел полное, покрытое приятной белизной лицо, прямой и острый нос, светло-голубые глаза, весьма выразительные и проницательные, густые брови, светло-русые волосы на голове. Лицо его окаймлялось густой окладистой бородой, с которой на оконечностях рта соединялись длинные и густые усы. Он обладал большой физической силой, имел мужественное сложение, увлекательный дар слова и счастливую память. Теперь он прошел уже все степени монастырского искуса и был способен и готов принять монашеские обеты.

13 августа 1786 года с соизволения Св. Синода о. Пахомий постриг послушника Прохора в сан инока. Восприемными отцами его при пострижении были о. Иосиф и о. Исаия. При посвящении ему было дано имя *Серафима* (пламенный), и в братских ведомостях сказано, что он был пострижен в монахи на вакантное место в Гороховский Николаевский монастырь, в котором и числился значительное время, хотя никогда в нем не жил. В октябре 1786 года монах Серафим по ходатайству о. Пахомия был посвящен преосвященным Виктором, епископом Владимирским и Муромским, в сан иеродиакона. Он вполне предался новому своему, поистине уже ангельскому служению. Со дня возведения в сан иеродиакона

он, храня чистоту души и тела, в течение пяти лет и девяти месяцев почти беспрерывно находился в служении. Все ночи на воскресные и праздничные дни проводил в бодрствовании и молитве, неподвижно стоя до самой литургии. По окончании же каждой Божественной службы, оставаясь еще надолго в храме, он по обязанности священнодиакона приводил в порядок утварь и заботился о чистоте алтаря Господня. Господь, видя ревность и усердие к подвигам, даровал о. Серафиму силу и крепость, так что он не чувствовал утомления, не нуждался в отдыхе, часто забывал о пище и питии и, ложась спать, жалел, что человек, подобно ангелам, не может беспрерывно служить Богу. Строитель о. Пахомий теперь еще более прежнего привязался сердцем к о. Серафиму и без него не совершал почти ни одной службы. Когда он выезжал по делам монастыря или для служения один или с другими старцами, то часто брал с собой о. Серафима. Так, в 1789 году в первой половине июня месяца о. Пахомий с казначеем о. Исаией и иеродиаконом о. Серафимом отправился по приглашению в село Леметь, находящееся в 6 верстах от нынешнего города Ардатова Нижегородской губернии, на похороны богатого благодетеля своего помещика Александра Соловцева и заехали по дороге в Дивеево навестить Агафью Семеновну Мельгунову, высокочтимую всеми старицу и также благодетельницу свою. Мать Александра была больна и, получив от Господа извещение о скорой кончине своей, просила отцов-подвижников, ради любви Христовой, особоровать ее. Отец Пахомий сперва предлагал отложить елеосвящение до возвращения их из Лемети, но святая старица повторила свою просьбу и сказала, что они ее не застанут уже в живых на обратном пути. Великие старцы с любовью совершили над ней таинство елеосвящения. Затем, прощаясь с ними, мать Александра отдала о. Пахомию последнее, что имела и накопила за годы подвижнической жизни в Дивееве. По свидетельству жившей с ней девицы Евдокии Мартыновой своему духовнику протоиерею о. Василию Садовскому, матушка Агафья Семеновна передала строителю о. Пахомию мешочек золотом, мешочек серебром и два мешка меди, суммой в 40 тысяч, прося выдавать ее сестрам все потребное в жизни, так как они сами не сумеют распорядиться. Матушка Александра умоляла о. Пахомия поминать ее в Сарове за упокой, не оставлять и не покидать неопытных

послушниц ее, а также попещись в свое время об обители, обетованной ей Царицей Небесной. На это старец о. Пахомий ответил: «Матушка! Послужить по силе моей и по твоему завещанию Царице Небесной и попечением о твоих послушницах не отрекаюсь, также и молиться за тебя не только я до смерти моей буду, но и обитель вся наша никогда благодеяний твоих не забудет, а в прочем не даю тебе слово, ибо я стар и слаб, но как же и браться за то, не зная, доживу ли до этого времени. А вот иеродиакон Серафим, духовность его тебе известна, и он молод, доживет до этого, ему и поручи это великое дело».

Матушка Агафья Семеновна начала просить о. Серафима не оставлять ее обители, как Царица Небесная Сама тогда наставить его на то изволит.

Старцы простились, уехали, а дивная старица Агафья Семеновна скончалась 13 июня, в день св. мученицы Акилины. Отец Пахомий с братией на обратном пути как раз поспели к погребению матушки Александры. Отслужив литургию и отпевание соборно, великие старцы похоронили первоначальницу Дивеевской общины против алтаря Казанской церкви. Весь день 13 июня шел такой проливной дождь, что ни на ком не осталось сухой нитки, но о. Серафим по своему целомудрию не остался даже обедать в женской обители и тотчас после погребения ушел пешком в Саров.

Н. А. Мотовилов пишет, что мать Александра перед смертью говорила послушнице Евдокии: «Молись Богу, Господь не оставит тебя, я уж скоро отойду от сего света, а ты еще долго проживешь и то, что сбудутся слова мои, то есть что соберется на месте ее большая обитель, увидишь на деле, будет большое смятение; ты и до него доживешь». Предчувствуя приближение своей кончины, мать Александра пожелала восприять на себя ангельский образ и посылала она Евдокию Мартынову с другой какой-то девушкой в Саров, и о. Исаия, бывший тогда казначеем сей обители, прибыв в Дивеево, постриг ее во время вечерни в великий ангельский образ и нарек ей имя Александры. Пострижение это было за неделю или за две до кончины, в Петровский пост.

А в день кончины приобщалась Св. Таин, которые она принимала за несколько времени каждодневно, и лишь только священник ушел из кельи, то она и скончалась в самую

полунощь. При кончине матушки была только Евдокия Мартынова и еще другая старушка Фекла. Перед кончиной своей матушка изволила говорить Евдокии Мартыновой: «А ты, Евдокиюшка, как я буду отходить, возьми образ Пресвятой Богородицы Казанский да и положи его мне на грудь, чтобы Царица Небесная была при мне во время отхода моего, а перед образом свечку затепли». Матушка скончалась в одной рубашечке, и платочек был на голове.

Глава IV

Видение иеродиакону Серафиму во время богослужений. Рукоположение его в 1793 году в сан иеромонаха. Голод в Саровской пустыни и чудеса. Страдания о. Серафима от болезни ног и стремление к пустынножительству. Обещание о. Пахомия заботиться о Дивеевской общине. Кончина о. Пахомия и удаление о. Серафима в пустынную келью. Молитва его о запрещении женам восходить на его гору и знамение свыше. Затворничество, подвижничество, обстановка его жизни, труды и письменные наставления. Келейное правило отца Серафима. Постничество его и кормление животных. Неимение о. Серафимом учеников в продолжение всей жизни. Посещение его другими подвижниками и братией обители. Непрестанная молитва о. Серафима. Подвижник иеромонах Тимон. Страхования в пустыни от врага; видения, искушения и нападения его. Стремление духовного начальства назначить о. Серафима настоятелем одного из монастырей с возведением в сан архимандрита. Новый и высший молитвенный подвиг – стояние тысячу ночей на камне. Нападение трех крестьян на о. Серафима и его келью с целью грабежа. Страдание о. Серафима, возвращение в монастырь по болезни и исцеление его Божией Матерью. Переселение его вновь в пустынь и взгляд о. Серафима на удаление от братии монастыря. Дар прозорливости

В записках, напечатанных в «Маяке» 1844 года (кн. 32), говорится, что о. Серафим в сане иеродиакона по временам видал при церковных службах св. ангелов, сослужащих и поющих с братией. Они принимали образы молниеобразных юношей, облеченных в белые златотканые одежды; но пение их нельзя уподобить никакой гармонии на земле. Дивное

впечатление производили на его душу эти видения! «*Бысть сердце мое*, — говорил о. Серафим, — *яко воск тая от неизреченной радости!* И не помнил я ничего от такой радости; помнил только, как входил в св. церковь да выходил из нее».

В жизнеописании о. Серафима Дивеевского издания 1874 года говорится (с. 12), что он, весь осиянный благодатью Божией, уже во время иеродиаконства своего удостаивался разных видений. Так, он видел ангелов, сослужащих и поющих во время богослужений. Вид их, как говорил о. Серафим, был молниезрачен, одежда белая, как снег, или златотканая, пение же их и передать невозможно. При этом обыкновенно о. Серафим изменялся в лице, которое то светлело, то бледнело, то покрывалось румянцем, и говаривал старец: «Бысть сердце мое, яко воск, тая от неизреченныя радости!» или «Не могу сказать, в теле или кроме тела был я; но только упомнить мог, что выходил из церкви, да еще помнил, что я входил в нее!» Однажды в Великий Четверток строитель о. Пахомий, не служивший никогда без о. Серафима, начал Божественную литургию в 2 часа пополудни вечерней, и после малого выхода и паремий возгласил иеродиакон Серафим: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны!» Но едва, обратясь к народу, навел на предстоящих орарем, возглашая: «и во веки веков», — как вдруг так изменился видом, что не мог ни сойти с места, ни проговорить слова. Все это заметили и поняли, что с ним Божие посещение. Два иеродиакона взяли его под руки, ввели в алтарь и оставили в стороне, где простоял он три часа, меняясь беспрерывно видом, и после, уже придя в себя, наедине поведал строителю и казначею свое видение. «Только что провозгласил я, убогий, "Господи, спаси благочестивыя и услыши ны!" и, наведя орарем на народ, окончил: "и во веки веков", — вдруг меня озарил луч как бы солнечного света; взглянув на это сияние, увидел я Господа и Бога нашего Иисуса Христа, во образе Сына Человеческого, во славе и неизреченным светом сияющего, окруженного небесными силами, Ангелами, Архангелами, Херувимами и Серафимами, как бы роем пчелиным, и от западных церковных врат грядущего на воздухе; приблизясь в таком виде до амвона и воздвигнув пречистые Свои руки, Господь благословил служащих и предстоящих; посем, вступив во св. местный образ Свой, что по правую сторону царских врат, преобразился, окружаемый

Ангельскими ликами, сиявшими неизреченным светом во всю церковь. Я же, земля и пепел, сретая тогда Господа Иисуса на воздухе, удостоился особенного от Него благословения; сердце мое возрадовалось чисто, просвещенно, в сладости любви ко Господу!»

Автор записок в «Маяке» 1844 года, по-видимому, был саровский инок, которому о. Серафим лично рассказал об этом видении. Показания сходятся. Весьма важно для нас, что видение это совпало со входом священнослужителей в алтарь, когда он изображает вшествие их как бы в самое небо и священник просит Господа: «Сотвори со входом нашим входу св. ангелов быти, сослужащих нам и сославословящих Твою благость». Это видение показало, что мы не напрасно веруем, что силы небесные с нами невидимо служат во время литургии.

Иеродиакон Серафим проводил дни с утра до вечера в монастыре, совершая службы, исполняя монастырские правила и послушания, а вечером по-прежнему удалялся в пустынную келью и там проводил ночь в молитве; рано утром он опять являлся в монастырь для исполнения своих обязанностей.

В 1793 году о. Серафиму исполнилось 34 года, и начальство, видя, что он по своим подвигам стал выше других братий и заслуживает преимущество пред многими, ходатайствовало о возведении его в сан иеромонаха. Так как в этом же году Саровская обитель по новому расписанию перешла из Владимирской епархии в Тамбовскую, то о. Серафима вызвали в Тамбов, и 2 сентября епископ Феофил рукоположил его во иеромонаха. С получением высшей благодати священства о. Серафим стал подвизаться в духовной жизни с высшей ревностью и удвоенной любовью. В течение долгого времени он продолжал непрерывное служение, ежедневно приобщаясь с горячей любовью, верою и благоговением.

В настоятельство о. Пахомия в окрестностях Сарова был несколько раз голод, но обитель не терпела недостатка в хлебе и с изобилием наделяла нуждавшихся. Одно лето в особенности был продолжительный голод, и вдруг случилось так, что и для иноков обители не осталось ни муки, ни жита, так как ежедневно кормили тысячи голодающих. Вся братия собралась в церковь, и строитель Пахомий соборне отслужил молебен Божией Матери и всенощное бдение. Братия моли-

лась, как бы перед смертью, не теряя, однако же, упования на Господа и Его Пречистую Матерь. Утром на другой день о. Серафим по особому доверию строителя Пахомия пошел в житницу и нашел, что все закрома наполнены разным хлебом и житом. С той поры во все продолжение голода по окрестностям в обители не было оскудения: сколько ни раздавали нуждающимся, житницы снова наполнялись. Эти события способствовали к утверждению сердца о. Серафима в непоколебимом уповании на промысл Божий и покровительство Богородицы.

Сделавшись иеромонахом, о. Серафим возымел намерение совсем поселиться в пустыни, так как пустынническая жизнь была его призванием и назначением свыше. К тому же от непрестанного келейного бдения, от постоянного стояния в церкви на ногах, с небольшим отдыхом во время ночи, о. Серафим впал в недуг: у него распухли ноги и на них открылись раны, так что некоторое время он лишился способности священнодействовать. Болезнь эта была немалым побуждением к избранию пустыннической жизни, хотя для отдыха следовало ему просить у настоятеля о. Пахомия благословения удалиться в больничные кельи, а не в пустыню, то есть от меньших трудов к большим и тягчайшим. Великий старец Пахомий благословил его. Это было последнее благословение, полученное о. Серафимом от мудрого, добродетельного и почтенного старца, ввиду болезни его и приближения смерти. Отец Серафим, хорошо помня, как во время его болезни ходил за ним о. Пахомий, теперь сам служил ему с самоотвержением. Раз о. Серафим заметил, что к болезни о. Пахомия присоединилась еще какая-то душевная забота и печаль.

— О чем, отче святый, так печалишься ты? — спросил его о. Серафим.

— Я скорблю о сестрах Дивеевской общины, — ответил старец Пахомий, — кто их будет назирать после меня?

Отец Серафим, желая успокоить старца в предсмертные минуты, обещался сам назирать их и поддерживать все так же после смерти его, как было при нем. Это обещание успокоило и обрадовало отходящего ко Господу о. Пахомия. Он поцеловал о. Серафима и затем вскоре опочил мирным сном праведника. Отец Серафим горько оплакал потерю старца Пахомия и с благословения нового настоятеля о. Исаии, также горячо

любимого, удалился в пустынную келью (20 ноября 1794 года), в день прихода в Саровскую пустынь.

Келья, или так называемая пустынка о. Серафима, в которой он спасался, находилась в дремучем сосновом лесу, на берегу реки Саровки, на холме, в пяти или шести верстах от монастыря, на восход зимнего солнца. Она состояла из одной хаты с печкой и имела крылечко с сенями. Вокруг пустынки о. Серафим устроил себе небольшой огород и обнес все занимаемое им пространство забором. Одно время он имел даже пчельник, дававший ему весьма вкусный мед. На половине пути от пустынки к монастырю жили другие отшельники в уединенных избушках: игумен Назарий, иеромонах Дорофей, схимонах Марк. Вся эта обстановка немного напоминала собою Афонскую гору, состоящую из разных возвышений, усеянную лесом, монастырями и кельями пустынножителей, поэтому о. Серафим прозвал свой пустынный холм Афоном, а другие уединенные места в лесу он прозвал в духовном смысле именами разных святых мест, как Назарет, Иерусалим, Вифлеем, Фавор, Кедрский поток, река Иордан и т. д.

Несмотря на удаление о. Серафима в пустынку, народ стал беспокоить его там. Приходили и женщины. Великий подвижник, начиная строгую пустынническую жизнь, считал для себя неудобным посещение женского пола, так как это могло соблазнить и монашествующих, и мирян, склонных к осуждению. Но, с другой стороны, лишить женщин назидания, ради которого они приходили к пустыннику, могло быть делом, неугодным Богу. Он стал просить Господа и Пресвятую Богородицу об исполнении его желания и чтобы Всевышний, если это не противно Его воле, дал ему знамение на то преклонением ветвей вблизи стоявших дерев. В преданиях, записанных в свое время, есть сказание, что Господь Бог действительно дал ему знамение Своего изволения. Наступил праздник Рождества Христова, о. Серафим пришел в монастырь к поздней обедне, в храм Живоносного Источника, и причастился Св. Христовых Таин. После обеда в своей монастырской келье он вернулся на ночь в пустынь. На следующий день, 26 декабря, празднуемый по положению (Собор Пресвятой Богородицы), о. Серафим вернулся ночью в обитель. Проходя свой холм, где он спускается вниз долу, отчего гора и названа была о. Серафимом Афонской, он увидел, что с обеих

сторон тропинки огромные сучья вековых сосен склонились и завалили дорожку; вечером ничего этого не было. Отец Серафим упал на колени и поблагодарил Бога за данное по молитве его знамение. Теперь он знал, что Господу Богу угодно, дабы жены не входили на его гору. Кое-как пройдя сквозь сучья, завалившие тропу, он пришел в обитель, поспел к самой литургии и пошел в церковь Живоносного Источника. В тот день строитель о. Исаия служил литургию соборне. Отец Серафим стал в алтаре. По перенесении Св. Даров на престол, когда была пропета вторая половина Херувимской песни, о. Серафим, приблизившись благоговейно к престолу, сказал отцу Исаии: «Батюшка, отец строитель! Благослови, чтобы на мою гору, на которой живу теперь, женам не было входа».

Строитель, намереваясь читать молитву предложения, по перенесении Св. Даров на престол, ответил на это с некоторым раздражением: «В какое время и с каким вопросом подошел ты, отец Серафим!»

«*Теперь-то* и благослови, батюшка», — просил о. Серафим.

«Как же я могу, — сказал строитель, — за пять верст смотреть, чтобы женам не было входа?»

«Вы только благословите, батюшка, — сказал о. Серафим, — и уже никто из них не взойдет на мою гору».

Нечего делать; подали образ Пресвятой Богородицы «*Блаженное чрево*», и старец Исаия, благословляя о. Серафима св. иконой, сказал:

— Благословляю, чтобы не было женам входа на твою гору, а ты сам охраняй!

Приложившись к св. иконе, о. Серафим отошел на свое место и затем в обычное время причастился Св. Таин. После обеда, возблагодарив старца Исаию за данное благословение, на ночь опять возвратился в свою пустынную келью.

Существуют разные варианты этого рассказа, не изменяющие сущности дела, и потому разноречия не имеют исторического значения. Так, некоторые, лично знавшие о. Серафима, передают, что разговор со старцем Исаией происходил не во второй день Рождества Христова, а на пятой неделе Великого поста в субботу, в день Похвалы Пресвятой Богородицы, и что после благословения о. Исаии, через неделю, о. Серафим увидел преклонившиеся ветви дерев. Несомненно, что о. Серафим молил Бога и Пресвятую Богородицу

о запрещении женщинам восходить на его гору, ему было дано знамение свыше, благословение настоятеля, и после этого он сам завалил колодами тропинку к себе, и не только женщинам, но и вообще сторонним людям вход к нему был совершенно закрыт.

Сведения о жизни великого Серафима в дальней пустынке получены значительно позже, частью из рассказов самого подвижника и его наставлений, частью из повествований других пустынножителей, посещавших его, а также из свидетельств самой местности его уединения и обстановки убогой хижины.

В продолжение всего подвижничества о. Серафим носил постоянно одну и ту же убогую одежду: белый полотняный балахон, кожаные рукавицы, кожаные бахилы – вроде чулок, поверх которых надевал лапти, и поношенную камилавку. На балахоне висел крест, тот самый, которым благословила его родная мать, отпуская из дома, а за плечами висела сумка, в которой он носил при себе св. Евангелие. Ношение креста и Евангелия имело, конечно, глубокий смысл. В жизнеописании Дивеевского издания сказано (с. 16), что по подражанию древним святым о. Серафим носил вериги на обоих плечах и к ним были привешены кресты, одни спереди в 20 ф., другие сзади в 8 ф. каждый, и еще железный пояс. И эту тяжесть старец носил во все время своего пустынножительства. В морозы он накладывал на грудь чулок или тряпку, а в баню никогда не ходил. Видимые его подвиги состояли из молитвословий, чтения книг, телесных трудов, соблюдения правил великого Пахомия и т. д. В холодную пору он топил келью, колол и рубил дрова, но иногда добровольно переносил холод и мороз. Летом он возделывал гряды на своем огороде и удабривал землю, собирал мох с болот. Во время подобной работы он ходил иногда без одежды, перепоясав чресла свои, и насекомые жестоко уязвляли тело его, отчего оно опухало, синело по местам и запекалось кровью. Старец добровольно терпел эти язвы, Господа ради, руководствуясь примерами подвижников древнего времени. На грядах, удобренных мхом, о. Серафим сажал семенами лук и другие овощи, которыми он питался летом. Телесный труд порождал в нем благодушное состояние, и о. Серафим работал с пением молитв, тропарей и канонов. Владея счастливой памятью, он знал наизусть множество

церковных песен, которыми и услаждал свой дух. Так, он певал, например, *Всемирную славу* в честь Пресвятой Богородицы, считая Ее покровительницей своей пустыни; чудный антифон: «*Пустынным непрестанное Божественное желание бывает*», представляющий пустынную жизнь; песнь, возносящую душу к великому делу любви Божией, творению мира и человека: «*Иже от несущих вся приведый, Словом созидаемая, совершаемая духом*» и т. п. Отец Серафим завел в одно время и пчельник. Замечались иногда явления такого рода: во время занятий в огороде, или в пчельнике, или в лесу, он вдруг на некоторый срок прерывал работу, руки опускались, топор, нож или лопата вываливались, глаза закрывались, и старец всей душой погружался в самого себя, уходил умом и сердцем на небо и витал в богосозерцании. Если кто-нибудь был при нем в это время, то, не нарушая сладкой его тишины, каждый с благоговением взирал на старца и старался отойти. Отец Серафим читал много книг. Постоянным правилом его в пустыни было ежедневно прочитывать с изъяснением для себя по нескольку зачал из Евангелия и Апостола, что он считал делом весьма важным в духовном совершенствовании христианина, в его восхождении к небу и соединении с Богом. Это он называл *снабдением души* и свои мысли о том изложил письменно («*Чем должно снабдевать душу?*»).

«Если хочешь устроить дом души своей, — писал о. Серафим, согласно наставлению великого и преподобного Варсонофия, — то прежде приготовь вещество и все потребное, чтобы художнику оставалось прийти и устроить. Потребное для такого здания суть твердая вера для устроения стен, деревянные оконца, вводящие свет солнечный, который бы освещал дом, чтобы не было в нем ни малейшей темноты. Оконца деревянные суть пять чувств, честным Крестом Христовым утвержденные, вводящие свет мысленного солнца правды и не позволяющие оставаться в доме твоем ни малейшей темноте врага и доброненавистника твоего. Потом требуется покров, да ни *во дни солнце не ожжет тебе, ниже луна нощию* (Пс. 120, 6). Покров скрепляется любовью к Богу, которая бы, покрывая дом, никогда не падала и не позволяла *заходить солнцу во гневе твоем*, дабы не увидеть его обличающим тебя в день судный и жгучим в огне геенском, и луну, свидетельствующую о нощном нашем унынии и лености. Наконец, требуется

дверь, вводящая в дом и хранящая живущего в нем. Разумей мысленную дверь — Сына Божия, Который говорит: *Аз есмь дверь.* Если так устроишь дом души своей и в нем не будет ничего неприличного и неугодного Богу, то Он приидет с благословенным Отцом и Духом Святым, и обитель у тебя сотворит, и научит тебя, что такое мир души, просветит сердце твое радостью неизглаголанною (Отв. 171). Душу снабдевать надобно словом Божиим: ибо слово Божие, как говорит Григорий Богослов, есть хлеб Ангельский, им же питаются души, Бога алчущие. Всего же более должно упражняться в чтении Нового Завета и Псалтири; Евангелие и послания Апостолов должно читать *стоя* пред св. иконами, а псалмы можно читать сидя. От чтения св. Писания бывает просвещение в разуме, который от того изменяется изменением божественным. Надобно так обучить себя, чтобы ум как бы плавал в Законе Господнем, по руководству которого должно устроять и жизнь свою.

Очень полезно заниматься чтением слова Божия в уединении и прочитать всю Библию разумно. За одно таковое упражнение, кроме других добрых дел, Господь не оставит человека Своею милостию, но исполнит его дара разумения.

Когда же человек снабдит душу свою словом Божиим, тогда исполняется разумением того, что есть добро и что есть зло.

Чтение слова Божия должно быть производимо в уединении для того, чтобы весь ум читающего углублен был в истины Священного Писания и принимал от Бога в себя теплоту, которая в уединении производит слезы; от них человек согревается весь и исполняется духовных дарований, услаждающих ум и сердце паче всякого слова.

Телесный труд и упражнение в божественных Писаниях, учит преподобный Исаак Сирин, охраняют чистоту, а труд подкрепляется надеждой и страхом. Надежду же и страх производят в уме удаление от людей и непрестанная молитва. Пока не приимет Утешителя, человек имеет нужду в божественных Писаниях, чтобы воспоминание о благах напечатлевалось в уме его и от непрестанного чтения обновлялось в нем стремление ко благу и охраняло душу его от тонких путей греха, — имеет нужду потому, что не приобрел еще силы Духа, которая удаляет заблуждение, берет в плен душеполезные припоминания и приближается к той холодности, какая

бывает при рассеянности ума. Ибо когда сила Духа низойдет на душевную силу, действующую в нем, тогда вместо закона Писаний укореняются в сердце заповеди Духа; и тогда он втайне бывает наставляем Духом и не имеет нужды в помощи чего-либо чувственного. А пока сердце учится через вещественное, вслед за учением идет заблуждение и забвение. А когда учение будет от Духа, тогда память соблюдается невредимою (Исаак Сирин. Сл. 58).

Следует также снабдевать душу и познаниями о Церкви, как она от начала доселе сохраняется и что терпела она в то и другое время, – знать же сие не для того, чтобы желать управлять людьми, но на случай могущих встретиться вопрошений, также для убеждения и утешения своего духа. Более же всего делать это должно собственно для себя, чтоб приобрести мир душевный, по учению Псаломника: *мир мног любящим закон Твой, Господи* (118, 165)».

С о. Серафимом находилась Псалтирь с восследованиями. Подвижник совершал по ней ежедневно монашеское правило по чину первых, строгих пустынножителей. Так, около полунощи, вставши от сна, он совершал правило Пахомия Великого, читал утренние молитвы, пел полунощницу, утреню и читал первый час. При наступлении девятого часа он читал часы третий, шестой, девятый и проходил чин изобразительных. По вечеру он читал вечерню и малое повечерие. При наступлении ночи творил монастырское правило с молитвами на сон грядущим. Часто также вместо вечернего правила полагал по тысяче поклонов за один раз. Сон его во время ночи был непродолжительный. Сверх того, он занимался псалмопением сперва по уставу св. Пахомия Великого, а потом, применительно к сему уставу, составил свое чинопоследование, которое известно под именем *келейного правила.*

Келейное правило отца Серафима

Прежде начатия Псалтири читай сие:

Боже, очисти мя грешного и помилуй мя. *Поклон.*

Создавый мя Господи, помилуй мя. *Поклон.*

Без числа согреших, Господи, прости мя. *Поклон.*

Боже, милостив буди мне грешному. *Поклон.*

Боже, прости мне беззакония и согрешения. *Поклон.*

Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение Твое славим. *Поклон.*

Господи, аще словом или делом согреших во всей жизни моей, помилуй мя и прости ми грешному, милости Твоея ради.

Достойно есть. Слава и ныне. Господи, помилуй. *Трижды.* Благослови.

Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго. Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе. *Трисвятое.* По Отче наш:

На славах:

Слава, и ныне. Аллилуиа, *трижды.* Господи, помилуй, трижды. Посем: Спаси, Господи, и помилуй всех православных християн и на всяком месте владычествия Твоего православно живущие: подаждь им, Господи, душевный мир и телесное здравие, и прости им всякое согрешение, вольное же и невольное: и их святыми молитвами и меня, окаянного, помилуй.

Упокой, Господи, души усопших раб Твоих, праотец, отец и братий наших, зде лежащих и повсюду православных християн преставльшихся, подаждь им, Господи, царствие и причастие Твоея бесконечныя и блаженныя жизни, и прости им, Господи, всякое согрешение, вольное же и невольное.

По окончании кафизмы читай:

Тропари и кондаки.

В беззакониях зачався аз блудный, не дерзаю взирати на высоту небесную; но, дерзая на человеколюбие Твое, зову: Боже, очисти мя грешнаго и помилуй мя.

Аще праведник едва спасается, аз где явлюся, грешный? Тяготы и зноя дневнаго не понесох; но поне с наемниками единонадесятаго часа сопричти мя, Боже, и спаси мя.

Объятия Отча отверсти ми потщися: блудно мое иждих житие, на богатство неиждиваемое взираяй щедрот Твоих, Спасе: ныне обнищавшее мое да не презриши сердце; Тебе бо, Господи, во умилении зову: согреших на небо и пред Тобою.

Достойно есть яко воистину, *до конца.*

Согреших к Тебе, Спасе, яко блудный сын: приими мя, Отче, кающагося, и помилуй мя, Боже.

Зову к Тебе, Христе Спасе, мытаревым гласом: очисти мя, якоже онаго, и помилуй мя, Боже.

Милосердия сущи источник, милости сподоби нас, Богородице; призри на люди согрешившия, яви яко присно силу

Твою: на Тя бо уповающе, Радуйся, вопиим Ти, якоже Гавриил, бесплотных Архистратиг.

Вся паче смысла, вся преславная Твоя, Богородице, таинства! Чистоте запечатанной и девству храниму, Мати познался еси неложна, Бога рождши истиннаго: Того моли спастися душам нашим.

Пречистому Твоему Образу поклоняемся, Благий, просяще прощения прегрешений наших, Христе Боже: волею бо благоволил еси плотию взыти на крест, да избавиши, яже создал еси, от работы вражия. Тем благодарственно вопием Ти: радости исполнил еси вся, Спасе наш, пришедый спасти мир.

Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы благоверному Императору нашему Николаю Александровичу на сопротивныя даруя и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство.

Небесных воинств Архистратизи, молим вас присно мы недостойнии, да вашими молитвами оградите нас кровом крил невещественныя вашея славы, сохраняюще ны, припадающия прилежно и вопиющия: от бед избавите ны, яко чиноначальницы вышних Сил.

Боже Отец наших, творяй присно с нами по Твоей кротости, не остави милости Твоея от нас, но молитвами их в мире управи живот наш.

Глубиною мудрости человеколюбно вся строяй и полезное всем подаваяй, едине Содетелю, упокой, Господи, души раб Твоих: на Тя бо упование возложиша, Творца и Зиждителя и Бога нашего.

Со святыми упокой, Христе, души раб Твоих, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная.

Упование христиан, Пресвятая Дево, Его же родила еси Бога паче ума же и слова, непрестанно моли с горними Силами, дати оставление грехов нам всем, и исправление жития, верою и любовию присно Тя чтущим.

Господи, помилуй. *Сорок.* И молитву святого Ефрема:

Господи и Владыко живота моего, дух праздности, уныния, любоначалия и празднословия не даждь ми. *Поклон.*

Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любве даруй ми рабу Твоему. *Поклон.*

Ей Господи, Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего: яко благословен еси во веки веков,

аминь. *Поклон. Таже малых дванадесять поклонов, глаголюще на кийждо поклон:* Боже, очисти мя грешнаго и помилуй мя. *И паки последи молитву всю:* Господи и Владыко.

По окончании трех кафизм глаголи:

Создавый мя Господи, помилуй мя.

Без числа согреших, Господи, прости мя.

Боже, милостив буди мне грешному.

Боже, прости моя беззакония и согрешения.

Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресение Твое славим.

Господи, аще словом, или делом, или помышлением согреших во всей жизни моей, помилуй мя и прости ми грешному, милости Твоея ради.

Достойно есть: Слава, и ныне. Господи, помилуй, *трижды.* Благослови. Молитвами святых отец наших.

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь. Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе: Царю небесный: Трисвятое: По Отче наш: Господи, помилуй, *дванадесять.* Приидите поклонимся, *трижды.* И псалом пятидесятый, и: Верую во единаго Бога Отца:

Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святый: Троице Святая, слава Тебе.

Отче наш, и проч.

Богородице Дево, радуйся, *и проч.*

Кресту Твоему, *и проч.*

Возбранный Воеводо и Господи, *и проч.*

Взбранной Воеводе победительная, *и проч.*

Преславная Приснодево, *и проч.*

Все упование мое, *и проч.*

Богородице Дево, не презри мене грешнаго, *и проч.*

Упование мое Отец, *и проч.*

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго; и прости моя беззакония и согрешения.

Всемилостивая Владычице моя, Пресвятая Госпоже, Пречистая Дева, Богородице Марие, Мати Божия, спаси мя грешнаго.

Святии Архангели и Ангели, Херувими, Серафими и вся Силы небесныя, помилуйте мя и молитеся ко Господу Богу о мне грешном.

Святый Ангеле Господень, Хранителю мой Святый, помилуй мя и молися ко Господу Богу о мне грешном.

Вси Святии, помилуйте мя и молитеся ко Господу Богу о мне грешном.

Богородице Дево, радуйся, *и проч.*

Спаси, Господи, и помилуй отца нашего строителя иеромонаха (имя рек), со всею о Христе братиею: подаждь им, Господи, душевный мир и телесное здравие, и прости им, Господи, всякое согрешение, вольное же и невольное, и их святыми молитвами и меня, окаяннаго, помилуй.

Спаси, Господи, и помилуй всех православных христиан на всяком месте владычествия Твоего, и подаждь им, Господи, душевный мир и телесное здравие, и прости им, Господи, всякое согрешение, вольное же и невольное, и их святыми молитвами меня, окаяннаго, помилуй.

Упокой, Господи, души усопших раб Твоих, праотец, отец и братий наших, зде лежащих и повсюду православных христиан преставльшихся, и подаждь им, Господи, причастие Твоея бесконечныя и блаженныя жизни, и прости им, Господи, всякое согрешение, вольное же и невольное.

Слава и ныне. Аллилуиа *трижды.* Слава. Спаси, Господи, и помилуй всех православных.

И ныне. Упокой, Господи, души усопших, *и проч. Посем.* О Тебе радуется: Слава и ныне. Господи, помилуй. *Трижды.* Благослови. Молитвами святых отец наших:

Ослаби, остави, прости, Боже, прегрешения наша вольная и невольная, яже в слове и деле, яже в ведении и не в ведении, яже во дни и в нощи, яже в уме и в помышлении, вся нам прости, яко благ и человеколюбец.

Ненавидящих и обидящих мя прости, Господи человеколюбче, *и проч.* Молит.

Богородице Дево, радуйся, *и проч.*

Светися, светися, новый Иерусалиме, слава бо Господня на тебе возсия: ликуй ныне и веселися, Сионе, Ты же Чистая красуйся, Богородице, о возстании Рождества Твоего.

Воистину Богородицу Тя исповедуем спасеннии Тобою, Дево чистая, с бесплотными лики Тя величающе.

Достойно есть, *и проч.*

Радуйся, девственное похвало, радуйся, Мати Пречистая, Юже вся тварь божественными песньми величает.

Предстательство христиан непостыдное, ходатайство ко Творцу непреложное, не презри грешных молений гласы,

но предвари яко Благая на помощь нас, верно зовущих Ти: ускори на молитву и потщися на умоление, предстательствующи присно, Богородице, чтущих Тя.

Милосердия двери отверзи нам, *и проч.*

Нескверная, неблазная, нетленная, *и проч.*

Молитва на повеч.

Слава; и ныне. Господи, помилуй. *Трижды.*

Благослови. Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас. Аминь.

***

Провождая жизнь в уединении, трудах, чтении и молитве, о. Серафим соединял с этим пост и строжайшее воздержание. По началу своего поселения в пустыни он питался хлебом, более всего черствым и сухим; хлеб обыкновенно он брал с собой по воскресеньям на целую неделю. Есть сказание, что из этой недельной порции хлеба часть уделял он пустынным животным и птицам, которые были приласканы старцем, очень любили его и посещали место его молитвословий. Также он употреблял овощи, добываемые трудами рук его в пустынном огороде. С тем и устроен был огород сей, чтобы ему не обременить *ничим же* обители и, по примеру великого подвижника ап. Павла, питаться, *делающе своими руками* (4, 12). Впоследствии времени он приучил свое тело к такому воздержанию, что не стал вкушать и хлеба *насущнаго*, а, по благословению настоятеля Исаии, питался одними овощами своего огорода. Это были картофель, свекла, лук и трава, называемая снить. В течение же первой недели Великого поста он вовсе не принимал пищи до причащения Св. Таин в субботу. Еще через некоторое время воздержание и постничество о. Серафима дошли до неимоверной степени. Совсем переставши брать хлеб из обители, он жил без всякого содержания от нее в течение более двух с половиною лет. Братия, удивляясь, недоумевали, чем мог питаться старец во все это время, не только летом, но и зимою. Он же тщательно укрывал свои подвиги от воззрения людей. Но пред смертью, в разговоре от 20 мая 1832 года с одной доверенной особой,

которая тогда же записала свою беседу, о. Серафим открыл это, начавши так:

«Ты знаешь снитку? Я рвал ее да в горшочек клал; немного вольешь, бывало, в него водицы и поставишь в печку – славное выходило кушанье».

«Я спросила его о снитке, что это значит? За притчу ли это принять или что действительное? Он отвечал: "Экая ты какая! Разве не знаешь *травы* снить? Я это тебе говорю о самом себе. Я сам это себе готовил кушанье из снитки"

Я спросила его, как зиму он ее кушал и где брал?

Он отвечал: "Экая ты какая! На зиму я снитку сушил и этим одним питался, а братия удивлялись, чем я питался! А я снитку ел... И о сем я братии не открывал, а тебе сказал"

Я спросила: а долгое ли время он кушал ее?

Он дал мне точный ответ и на это. Но я забыла, без скольких именно дней он вкушал тысячу дней одну снитку. Только помню, что более двух с половиною лет, невступно три года, он питался одною сею травою».

По будням, спасаясь в пустыни, о. Серафим накануне праздников и дней воскресных являлся в обитель, слушал вечерню, всенощное бдение и за раннею литургиею в больничной церкви свв. Зосимы и Савватия причащался Св. Христовых Таин. Затем до вечерни он принимал в монастырской келье приходивших к нему, по нуждам духовным, из монастырской братии. Во время вечерни, когда братия оставляли его, он, взяв с собою хлеба на неделю, удалялся в свою пустынь. Всю первую неделю Великого поста он проводил в обители. В эти дни он говел, исповедывался и причащался Св. Таин. Духовником его с давнего времени был строитель – старец Исаия.

Так проводил старец дни свои в пустыни. Другие пустынножители, имена которых мы упоминали уже, имели при себе по одному ученику, которые и служили им. Отец Серафим жил в совершенном одиночестве. Некоторые из Саровской братии пытались сожительствовать с о. Серафимом в пустыни и были приняты им, но ни один из них не мог вынести трудностей пустыннического жития; ни в ком не нашлось столько нравственной крепости, чтобы явиться, в качестве ученика, подражателем подвигов о. Серафима. Благочестивые попытки их, принося пользу душе, не увенчались успехом; и те, которые поселялись было с о. Серафимом, возвраща-

лись опять в обитель. Посему хотя после кончины о. Серафима нашлись некоторые люди, *дерзновенно объявлявшие себя его учениками, но при его жизни они в строгом смысле учениками не были и название Серафимов ученик в то время не существовало.* «В пребывание его в пустыни, – говорили тогдашние Саровские старцы, – вся братия была его учениками».

Также многие из Саровской братии временно приходили к нему в пустынь. Одни просто посещали его, а другие являлись по нужде в советах и наставлениях. Старец хорошо различал людей. От некоторых он удалялся, желая сохранить молчание, а имеющим нужды до него не отказывал в духовной пище, с любовью руководствуя их к истине, добродетели и благоустроению жизни. Из постоянных посетителей о. Серафима известны схимонах Марк и иеродиакон Александр, также спасавшийся в пустыни. Первый бывал у него два раза в месяц, а последний – однажды. Отец Серафим охотно беседовал с ними о разных душеспасительных предметах. На сердце их с особенной глубиной напечатлелась беседа его о непрестанной внутренней или умной молитве, ее силе и значении – учение, которое известно стало о. Серафиму не из книг, а из собственного опыта жизни. Краткий образчик этой беседы мы находим в следующем наставлении о. Серафима *о молитве.*

«Истинно решившиеся служить Господу Богу должны упражняться в памяти Божией и непрестанной молитве ко Иисусу Христу, говоря умом: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго*; в часы же послеобеденные можно говорить сию молитву так: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами Богородицы помилуй мя грешнаго*; или же прибегать собственно к Пресвятой Богородице, моляся: *Пресвятая Богородица, спаси нас*; или говорить поздравление Ангельское: *Богородице Дево, радуйся!* Таковым упражнением, при охранении себя от рассеяния и при соблюдении мира совести, можно приблизиться к Богу и соединиться с Ним. Ибо, по словам св. Исаака Сирина, кроме непрестанной молитвы, мы приблизиться к Богу не можем (Сл. 69, лист 142).

Виды молитвы весьма хорошо изъяснил св. Симеон, Новый Богослов (Добротолюбие, часть 1, лист 61. Слово о трех образах молитвы).

Достоинство же молитвы ясно определил св. Златоуст: велие, говорит он, есть оружие молитва, сокровище неоскудно,

богатство никогда же иждиваемо, пристанище не бурное, причина тишины и множеству благих дел корень, источник и мати есть (Маргар. Сл. 5 о непостижимом).

В церкви на молитве стоять полезно с закрытыми очами, во внутреннем внимании; открывать же очи разве тогда, когда уныешь, или сон будет отягощать тебя и склонять к дреманию; тогда очи обращать должно на образ и на горящую перед ним свечу.

Если в молитве случится плениться умом в расхищение мыслей, то должно смириться пред Господом Богом и просить прощения, говоря: согреших, Господи, словом, делом, помышлением и всеми моими чувствы.

Посему всегда должно стараться, чтоб не предавать себя рассеянию мыслей; ибо чрез сие уклоняется душа от памяти Божией и любви Его, по действию диавола, как говорит св. Макарий: все супостата нашего тщание есть, да мысль нашу от памятования о Боге и страха и любви отвратить (Сл. 2, гл. 15).

Когда же ум и сердце соединены будут в молитве и помыслы души не рассеяны, тогда сердце согревается теплотою духовною, в которой воссиявает свет Христов, исполняя мира и радости всего внутреннего человека.

О всем мы должны благодарить Господа и предавать себя Его воле; должны также представлять Ему все свои мысли, слова и деяния, и стараться, чтобы все служило к Его благоугождению».

Несмотря на редкость посещений, пустынножителям Марку и Александру приходилось находить о. Серафима совершенно погруженным в богомыслие. В таком случае, не решаясь нарушать его духовных занятий, они ожидали, неведомо для старца, окончания их. Случалось и так, что, пождав около часа, они не получали свидания с ним, уходили в свои места и, имея такой живой урок подвижничества пред собою, сами с вящим усердием предавались духовным подвигам.

Из посторонних посетителей о. Серафима в это время особенно известен один Нижегородской губернии диакон, впоследствии иеромонах и подвижник Тимон. Он происходил из духовного звания, окончил полный курс учения в Нижегородской семинарии и был человеком образованным.

Влияние духовной науки развило в нем, кроме умственных дарований, чувство благочестия с характером аскетическим. Однако же обстоятельства понудили его жениться, хотя и сверх его желаний. Потом он хиротонисан был во диакона. Но в скором времени Господь разрешил его от уз брачных: немного поживши, супруга его скончалась. Оставшись свободным, этот о. диакон часто ходил в Саровскую пустынь. Тут он сблизился с пустынножителями о. Серафимом и Марком. Старцы, видя его искреннее усердие к богоугодному житию, охотно приняли его в свое руководство и были его наставниками и учителями. Слова их падали на добрую землю. Отец диакон поступил в монашество и в сане иеродиакона был экономом при архиерейском доме. Нижегородский преосвященный желал посвятить его в иеромонаха. Но «аз, – говорил о себе Тимон, – никак не соглашался, потому что все желание мое было в пустыни жить одному, с единым Богом». Спустя много лет преосвященный послал его в городской монастырь строителем. Однажды, приехавши в монастырь для служения, архиерей сказал, что неприлично быть иеродиакону строителем, и хиротонисал его во иеромонаха, хотя он и не искал этого. «Аз же, – говорил о. Тимон, – пожелал на покой в Костромскую епархию, в Кривозерский монастырь, который и прежде знал». Святейший Синод его уволил от монастыря, и игумен Кривозерский благословил ему поселиться во внутренней пустыни, где он прожил один почти двадцать лет. Близ того места, где была внутренняя пустынь о. Тимона, стоял монастырский хутор и небольшая старая церковь. С хутора доставляли пустыннику пищу. Потом, «грех моих ради великих, – повествовал о. Тимон, – повелел Господь мне из пустыни выйти на хутор, жить там и основать монастырь. Но аз никак не хотел разлучиться с пустыней и воспротивился Господу своему. За то меня Господь наказал: разбил меня паралич, и аз лежал как мертвый. Приехали монастырские работники за лесом и, привезши мне пищи, нашли меня без памяти и без языка и всего разбитого, и взяли меня и привезли на хутор. Но Господь Бог мой чудесно меня исцелил в скором времени, яко николи же был болен. И аз благодарил Господа Бога моего, и более противиться воле Божией не стал, и остался на том месте жить, и Господь благословил место сие. И аз, с помо-

щью Божией, в скором времени устроил сию обитель». Обитель эта называется ныне Надеевскою пустынею и состоит в Костромской епархии*

Если же вне пустынной кельи своей старец неожиданно встречал кого-либо в Саровском лесу, то обыкновенно, не вступая в беседу, со смирением кланялся ему и удалялся прочь: «от молчания никто никогда не раскаявался», говорил он впоследствии в своих наставлениях. На людей, лично не знавших о. Серафима, такая внезапная встреча с ним в пустынной местности, при его костюме, производила чудное впечатление, никогда неизгладимое, и нередко поучала их добродетели не менее самой его беседы. Строгости его жизни и отношений к другим соответствовали и первые опыты его учения в духе подвижническом, отличающиеся верностью мысли, краткостью и силой выражения: «Совершенная любовь к Богу, – учил он, – соединяет любящих с Богом и между собою взаимно; ум, стяжавший духовную любовь, ничего несогласного с любовью не мыслит.

Уединение, молитва, любовь и воздержание суть четырехсоставная колесница, возносящая дух на небо.

Истощай тело свое постом и бдением – и отразишь мучительный помысл сладострастия.

Как дело Божие правит миром, так дело души – управлять телом.

Похоть истребляется страданием и скорбью, или произвольной или посылаемой Промыслом.

---

* *Об этом старце Тимоне иеромонах Парфений, строитель Гуслицкого монастыря, в известном сказании о своих странствиях (Москва, 1855 г., в 4 частях) рассказывает следующее:*

«Однажды, избрав удобное время, я отправился к старцу Тимону и отправился в путь. В то время я был так глух, что 300-пудового колокола звону не мог слышать, а разговаривал манием или на письме. Но когда начал подъезжать к Надеевской пустыни, то открылись мои уши, хотя и не совершенно, и стал слышать человеческий разговор и церковное пение. Егда же, приехавши в пустынь, увидел блаженного старца иеромонаха отца Тимона и святолепные его седины, премного возрадовася душа моя и вострепета сердце мое. Он же меня благословил и ввел в келью свою, разверз медоточивые своя уста и начал мене поить от изобильных своих источников живою водою, и с малых слов растопил мое сердце, яко воск, и сделал меня таким, что яко бы никогда я не бывал раскольником, и в то же время перекрестил я лицо свое в три перста во имя Св. Троицы, и более уже не творил крестнаго знамения двумя перстами, даже до сего дня. Воистину дан сему старцу от Господа Бога такой дар премудрости, что ему никто не мог противиться, и во всем моем многолетнем странствии подобного ему в словесном даре не видал. Потом аз много его благодарил и просил его святых молитв, чтобы до кончины живота моего не оскудела вера моя в Господа Бога моего Иисуса Христа и во святую Его Церковь» (часть 1, с. 193–195).

Какою мерою меришь своему телу, в такой же мере воздаст тебе Бог праведное воздаяние ожидаемых благ.

Бог есть неложный обещатель будущих благ; веруя Ему, подвижник желает будущего, как бы уже настоящего.

Если ум, совершенно забывая здешнее, более и более старается узнать будущее, это знак, что он живет в благих ожиданиях.

Хорошо бесстрастие: Сам Бог дает и утверждает это состояние в душах боголюбивых.

Не будь нерадив в деятельной жизни – и просветится ум твой; Сам Бог обещает это: *сокровища невидимая, сокровенная отверзу тебе* (Исаии, 45).

Уединение и молитва – великие средства к добродетели: очищая ум, они делают его прозорливым.

Подвижничество требует терпения и великодушия: ибо миролюбие искореняется только долговременным трудолюбием.

Кто переносит с молитвой удары невольных искушений, тот делается смиренным, благонадежным и опытным.

Терпение есть трудолюбие души, а трудолюбие состоит и в добровольных трудах, и в перенесении невольных искушений. Ум, получивший некоторую часть бесстрастия, иногда бывает непоколебим, но без дел неопытен.

Кому дана вера, от того требуется воздержание, которое, укореняясь, рождает терпение – навык многотрудный. Знаком терпения служит любовь к трудам, опираясь на них, ум надеется получить обетование будущих благ.

Обещание будущих благ привязывает ум к ожидаемому, так что мы забываем и отвергаем настоящее».

Видя столь искреннее, усердное и поистине высокое подвижничество старца о. Серафима, диавол, исконный враг всякого добра, вооружился против него разными искушениями. По своей хитрости, начиная с легчайших, он сперва наводил на подвижника разные *страхования*. Так, по сказанию одного почтенного летами иеромонаха Саровской пустыни, однажды во время молитвы он услышал вдруг за стенами кельи вой зверя; потом, точно скопище народа, начали ломать дверь кельи, выбили у двери косяки и бросили к ногам молящегося старца претолстый кряж (отрубок) дерева, который восемью человеками с трудом был вынесен из кельи. В другие разы, и днем, особенно же ночью, во время стояния на молитве, ему

видимо вдруг представлялось, что келья его разваливается на четыре стороны и что к нему со всех сторон рвутся страшные звери с диким и яростным ревом и криком. Иногда вдруг являлся перед ним открытый гроб, из которого вставал мертвец.

Так как старец не поддавался страхованиям, диавол воздвигал на него жесточайшие нападения. Так он, по Божию попущению, поднимал его на воздух и оттуда с такою силою ударял об пол, что если бы не Ангел-хранитель, самые кости от таких ударов могли бы сокрушиться. Но и этим не одолел старца. Вероятно, при искушениях он духовным оком своим, проникавшим в горний мир, видел самых злых духов. Может быть, духи злобы и сами видимо в телесных образах являлись ему, как и другим подвижникам... По крайней мере, заметно, что старец точно видал злых духов. Ибо один мирянин в простоте сердца спрашивал его:

«Батюшка! Видали ль вы злых духов?»

Старец с улыбкой отвечал:

«Они гнусны... как на свет Ангела взглянуть грешному невозможно, так и бесов видеть ужасно: потому что они гнусны».

Все видения, искушения и нападения врага старец побеждал силою крестного знамения и молитвами. После них долгое время он пребывал мирно в своей пустыни, благодаря Господа за сей мир и спокойствие.

Духовное начальство знало о. Серафима и понимало, как полезно было бы для многих сделать такого старца *аввою*, настоятелем где-нибудь в обители. Открылось место архимандрита в городе Алатыре. Отца Серафима предназначали было туда настоятелем монастыря с возведением в сан архимандрита. В прошлом и в текущем столетиях Саровская пустынь не раз давала из своей братии хороших настоятелей в другие обители. Но старец Серафим убедительнейше просил тогдашнего Саровского настоятеля Исаию отклонить от него это назначение. Строителю Исаии и братии Саровской жаль было отпустить от себя старца Серафима, усердного молитвенника и мудрого наставника. Желания обеих сторон сошлись вместе: все стали просить другого иеромонаха из Сарова же, старца Авраамия, принять на себя звание архимандрита в Алатырский монастырь, и брат, единственно

из повиновения, принял на себя это звание. В другой раз о. Серафима предназначили строителем в Краснослободский Спасский монастырь. Но и в настоящем случае, по просьбе о. Серафима, по взаимной любви и согласию братии его заменил иеромонах Иероним.

Видя смиренномудрие старца Серафима, диавол воздвиг на него большое гонение, поднял в его душе мысленную брань и поддерживал борьбу эту с таким натиском и силой, от которых пал некогда великий во отцех Феофил, эконом Аданской церкви (см. Четьи-минеи, 23 июля). В тяжком душевном обстоянии старец Серафим обратился к Господу, подвигоположнику нашего спасения, Иисусу Христу и Пречистой Его Матери, а сам решился усилить свои иноческие труды, чтобы при помощи свыше разрушить страшные козни диавола, повергавшие его в уныние. Благословясь, он принял на себя новый высший молитвенный подвиг.

В глухом лесу, на половине пути от кельи к монастырю, лежал необыкновенной величины гранитный камень. Вспомнив о трудном подвиге св. столпников, о. Серафим решился принять участие в подвижничестве сего рода. Для сего он восходил, чтобы не быть ни от кого видимым, в ночное время на этот камень для усиления молитвенного подвига. Молился он обыкновенно или на ногах, или стоя на коленях, с воздетыми вверх, подобно св. Пахомию, руками, взывая мытаревым гласом: *Боже, милостив буди ми грешному.* Чтобы уравнять ночные подвиги дневным, о. Серафим и в келье имел камень. На нем он молился *во время дня* с утра до вечера, оставляя камень только для отдохновения от изнеможения сил и для подкрепления себя пищею. Такого рода молитвенный подвиг он нес по временам в течение тысячи суток. «Нам все старание должно иметь о душе, – говорил о. Серафим в наставлениях, – тело же подкреплять для того только, чтобы оно способствовало к подкреплению духа. Если самовольно изнурим свое тело до того, что изнурится и дух, то такое удручение будет безрассудное, хотя бы сие делалось для снискания добродетели». От стояния на камнях, от трудности этого молитвенного подвига тело его очень заметно изменилось, в ногах возобновилась болезнь, которая с этого времени до кончины дней не переставала мучить его. Отец Серафим понял, что продолжение таких подвигов повело бы к изнурению сил духа

и тела, и оставил моление на камнях. Подвиги сии он проходил в такой тайне, что ни одна душа человеческая не ведала о них и не догадывалась. К бывшему после Исаии игумену Нифонту был тайный запрос об о. Серафиме от епископа Тамбовского. В бумагах обители сохранился *черновой* отзыв Нифонта, в котором настоятель отвечал: «О подвигах и жизни о. Серафима мы знаем; о тайных же действиях каких, также и о стоянии 1000 дней и ночей на камне никому не было известно». При кончине дней своих, чтобы не остаться загадкой для людей, по подобию других подвижников, в числе прочих явлений своей жизни он, в назидание слушателям, рассказал и о своем подвиге некоторым из братий.

Один из слушателей этого рассказа, будучи подвигнут удивлением к подвигам моления на камнях, заметил, что это свыше сил человеческих.

Подвижник в объяснение совершенной возможности дела заметил со смирением: «Св. Симеон Столпник сорок семь лет стоял на столпе, а мои труды похожи ли на его подвиг?»

Собеседник же со своей стороны прибавил: «В этом подвиге, конечно, для тебя ощутительна была помощь благодати укрепляющей?»

«Да, — отвечал старец. — Иначе сил человеческих недостало бы... Внутренно подкреплялся и утешался я этим небесным даром, нисходящим свыше от Отца Светов...»

Потом, немного помолчав, прибавил: «Когда в сердце есть умиление, то и Бог бывает с нами».

В последних словах, против воли старца, высказался дух его моления. Он молился с умилением, и молитвы его были так близки к Богу, что он ощущал в себе присутствие Божие и укреплялся благодатным даром сего чувства.

Во всех искушениях и нападениях на о. Серафима диавол имел целью удалить его из пустыни. Однако же все усилия врага остались безуспешны: он был побежден, отступил со стыдом от своего победителя, но в покое его не оставил. Изыскивая новые меры к удалению старца из пустыни, злой дух начал воевать против него через злых людей. 12 сентября 1804 г. подошли к старцу три неизвестных ему человека, одетые по-крестьянски. Отец Серафим в это время рубил дрова в лесу. Крестьяне, нагло приступив к нему, требовали денег, говоря, что «к тебе ходят мирские люди и деньги носят». Старец

сказал: «Я ни от кого ничего не беру». Но они не поверили. Тогда один из пришедших кинулся на него сзади, хотел свалить его на землю, но вместо того сам упал. От этой неловкости злодеи несколько оробели, однако же не хотели отступить от своего намерения. Отец Серафим имел большую физическую силу и, вооруженный топором, мог бы не без надежды обороняться. Эта мысль и мелькнула было мгновенно в его уме. Но он вспомнил при сем слова Спасителя: *все приемшии нож ножем погибнут* (Мф. 26, 52), не захотел сопротивляться, спокойно опустил на землю топор и сказал кротко, сложивши крестообразно руки на груди: «Делайте, что вам надобно». Он решился претерпеть все безвинно Господа ради. Тогда один из крестьян, поднявши с земли топор, обухом так крепко ударил о. Серафима в голову, что у него изо рта и ушей хлынула кровь. Старец упал на землю и пришел в беспамятство. Злодеи тащили его к сеням кельи, по дороге яростно продолжая бить, как звероловную добычу, кто обухом, кто деревом, кто своими руками и ногами, даже поговаривали и о том, не бросить ли старца в реку... А как увидели, что он уже был точно мертвый, то веревками связали ему руки и ноги и, положив в сенях, сами бросились в келью, соображая найти в ней несметные богатства. В убогом жилище они очень скоро все перебрали, пересмотрели, разломали печь, пол разобрали, искали, искали и ничего для себя не нашли: видели только у него св. икону да попалось несколько картофелю. Тогда совесть сильно заговорила у злодеев, в сердце их пробудилось раскаяние, что напрасно, без всякой пользы даже для себя, избили благочестивого человека, какой-то страх напал на них, и они в ужасе убежали. Между тем о. Серафим от жестоких смертных ударов едва мог прийти в чувство, кое-как развязал себя, поблагодарил Господа, что сподобился ради Него понести раны безвинно, помолился, чтобы Бог простил убийц, и, проведши ночь в келье в страданиях, на другой день с большим трудом, однако же сам, пришел в обитель во время самой литургии. Вид его был ужасен! Волосы на бороде и голове были смочены кровью, смяты, спутаны, покрыты пылью и сором; лицо и руки избиты; вышиблено несколько зубов; уши и уста запеклись кровью; одежды, измятые, окровавленные, засохли и по местам пристали к ранам. Братия, увидев его в таком положении, ужаснулись и спрашивали: что с ним

такое случилось? Ни слова не отвечая, о. Серафим просил пригласить к себе настоятеля о. Исаию и монастырского духовника, которым в подробности и рассказал все случившееся. И настоятель и братия глубоко опечалены были страданиями старца. Таким несчастьем о. Серафим вынужден был остаться в монастыре для поправления здоровья. Диавол, воздвигший злодеев, по-видимому, торжествовал теперь победу над старцем, воображая, что навсегда изгнал его из пустыни. Первые восемь суток были для больного очень тяжки: не принимая ни пищи, ни воды, он не имел и сна от нестерпимой боли. В монастыре не надеялись, чтобы он пережил свои страдания. Настоятель старец Исаия, на седьмой день болезни, не видя перелома к лучшему, послал в Арзамас за врачами. Освидетельствовавши старца, врачи нашли болезнь его в следующем состоянии: голова у него была проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана, все тело по разным местам покрыто смертельными ранами. Удивлялись они, как это старец мог остаться в живых после таких побоев. По старинной методе лечения врачи считали необходимым открыть кровь больному. Настоятель, зная, что больной и без того много потерял ее от ран, не соглашался на эту меру, но, по настоятельному убеждению консилиума врачей, решился предложить это о. Серафиму. Консилиум опять собрался в келье о. Серафима; он состоял из трех врачей, с ними было три подлекаря. В ожидании настоятеля они опять осмотрели больного, долго на латинском языке рассуждали между собою и положили: пустить кровь, обмыть больного, к ранам приложить пластырь, а в некоторых местах употребить спирт. Согласились также насчет того, что помощь необходимо подать как можно скорее. Отец Серафим с глубокой признательностью в сердце примечал их внимательность и попечение о себе. Когда все это происходило, кто-то вдруг крикнул: «Отец настоятель идет, идет отец настоятель!» В эту минуту о. Серафим уснул: сон его был краткий, тонкий и приятный. Во сне увидел он дивное видение. Подходит к нему с правой стороны постели Пресвятая Богородица, в царской порфире, окруженная славою. За Нею следовали свв. апостолы Петр и Иоанн Богослов. Оставаясь у одра, Пресвятая Дева перстом правой руки показывала на больного и, обратясь пречистым ликом Своим в ту сторону, где стояли врачи, произнесла: «Что вы трудитесь?» Потом опять,

обратясь лицом к старцу, сказала: «*Сей от рода нашего*», и кончилось видение, которого присутствующие не подозревали. Когда вошел настоятель, больной опять пришел в сознание. Отец Исаия с чувством глубокой любви и участия предложил ему воспользоваться советами и помощью врачей. Но больной, после стольких забот о нем, при отчаянном состоянии здоровья своего, к удивлению всех, отвечал, что он не желает теперь пособия от людей, прося отца настоятеля предоставить жизнь его Богу и Пресвятой Богородице, истинным и верным Врачам душ и телес. Нечего было делать, оставили старца в покое, уважая его терпение и удивляясь силе и крепости веры. Он же от дивного посещения исполнился неизреченной радости, и сия радость небесная продолжалась часа четыре. Потом старец успокоился, вошел в обыкновенное состояние, почувствовав облегчение от болезни; сила и крепость стали возвращаться к нему; встал он с постели, начал немного ходить по келье и вечером в девятом часу подкрепился пищей, вкусил немного хлеба и белой квашеной капусты. С того же дня он опять стал понемногу предаваться духовным подвигам.

Еще в прежнее время о. Серафим, занимаясь однажды работами в лесу, при порубе дерева был придавлен им и от этого обстоятельства потерял свою естественную прямоту и стройность, сделался согбенным. После нападения разбойников от побоев, ран и болезни согбенность еще больше увеличилась. С этого времени он начал ходить, подкрепляясь топориком, мотыгой или палкой. Так эта согбенность, это уязвление в пяту служили всю жизнь венцом победы великого подвижника над диаволом.

Со дня болезни старец Серафим провел в монастыре, не видя своей пустыни, около пяти месяцев. Когда здоровье возвратилось к нему, когда он почувствовал себя опять крепким к прохождению пустыннической жизни, то просил настоятеля Исаию снова отпустить его из монастыря в пустынь. Настоятель же, по внушению братии, и сам искренне жалея старца, упрашивал было его остаться навсегда в монастыре, представляя возможным повторение подобных крайне несчастных случаев. Отец Серафим отвечал, что ни во что вменяет такие нападения и готов, подражая св. мученикам, страдавшим за имя Господне, даже до смерти перенести всякие оскорбления,

какие бы ни случились. Он боялся только душевных разбойников, твердо помня слово Спасителя: *не убойтеся от убивающих тело, души же не могущих губити, убойтеся же паче могущаго и души и тело погубити в геенне* (Мф. 10, 28). Уступая христианской неустрашимости духа и любви к пустынножительству, о. Исаия благословил желание старца, и старец Серафим снова возвратился в свою пустынную келью.

С новым поселением старца в пустыни диавол претерпел совершеннейшее поражение. Крестьяне, избившие старца, были найдены; они оказались крепостными людьми помещика Татищева, Ардатовского уезда, из села Кременок. Но о. Серафим не только простил их самих, но и упрашивал настоятеля обители не взыскивать с них, а затем такую же просьбу написал помещику. Все были до такой степени возмущены поступком этих крестьян, что казалось невозможным простить их, а о. Серафим настаивал на своем. «В противном случае, — говорил старец, — я оставлю Саровскую обитель и удалюсь в другое место». Строителю же о. Исаие, своему духовнику, он говорил, что лучше его удалили бы из обители, нежели нанесли крестьянам какое-либо наказание. Отец Серафим представил отмщение Господу Богу. Гнев Божий действительно настиг этих крестьян; в непродолжительном времени пожар истребил жилища их. Тогда они пришли сами просить у о. Серафима, со слезами раскаяния, прощения и св. его молитв.

Из своей продолжительной и разнообразной борьбы с диаволом о. Серафим вынес основательный и верный взгляд на жизнь и труды пустынножителя, которыми приносил большую пользу другим во спасение души. Так, один инок, намереваясь поселиться в совершенном уединении, пришел к о. Серафиму в пустынь и, волнуемый разными мыслями насчет пустынножительства, спросил его:

«Отче! Говорят некоторые, что удаление от общежительства в пустынь есть фарисейство; что пременением оказывается пренебрежение братии или, еще, бросается на нее осуждение. Как ты думаешь?»

Старец отвечал: «Не наше дело судить других. А удаляемся мы из общества братства не из ненависти к нему, а более для того, что мы приняли и носим на себе чин ангельский, которому невместительно быть там, где словом и делом прогнев-

ляется Господь Бог. И потому мы, отлучаясь от братства, удаляемся только от слышания и видения того, что противно заповедям Божиим, как это случается неизбежно при множестве братии. Мы избегаем не людей, которые одного с нами естества и носят одно и то же имя Христово, но пороков, ими творимых, как и великому Арсению сказано было: *бегай людей и спасешься* (Четьи-Минеи, 8 мая)».

Другому иноку, после тщательного испытания, было дано настоятелем благословение начать пустынническую жизнь. Настоятель писал и письмо к отцу Серафиму, прося его принять к себе этого инока и наставить на путь пустынной жизни. Отец Серафим весьма ласково принял его и благословил ему построить себе пустынную келью неподалеку от своей. Когда инок стал еще прежде сего просить у него наставлений касательно пустынножительства, то старец, по глубочайшему смирению, а еще скорее по великому благоразумию и опытности в этом деле, ответствовал: «Я сам ничего не знаю». Потом, как бы желая удовлетворить любознанию инока, присовокупил: «Спаситель сказал: *научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем: и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 29). По разуму св. Иоанна Лествичника, не от Ангела или человека, но от Самого Господа мы должны научаться».

Вообще, он неохотно советовал другим поселяться в пустыни и в предостережение объяснял, что живущий в пустыни должен быть как бы распятым на кресте; что в монастыре иноки борются с противными силами, как с голубями, а в пустыни — точно как со львами и леопардами. А потому если и склонялся в сторону пустынножительства, то никому не благословлял уединяться одному, а советовал отходить на пустынные подвиги двум или даже трем единовременно. В доказательство он приводил всегда следующие слова из Писания: блази два паче единого, им же есть мзда блага в труде их: яко аще падется един от них, воздвигнет другий причастника своего: и горе тому единому, егда падет, и не будет второго воздвигнути его: и вервь переплетена не скоро расторгнется (Екк. 4, 9–12). Брат от брата помогает, яко град тверд и высок, укрепляется же, яко же основанное царство (Притч. 18, 19).

Лучшим свидетельством верности и основательности взглядов о. Серафима на жизнь иноческую и пустынную служат его аскетические статьи.

Господь Бог в награду за подвиги и победу над диаволом ниспослал на о. Серафима дар прозорливости, действия которого обнаруживались в первый раз именно здесь, в дальней пустыни. Так, Саровские иноки свидетельствуют следующее: один боголюбивый посетитель Саровской обители положил в душе своей непременно вступить в нее для спасения себя в звании иноческом; но, возвратясь домой, он увлекся мирскою жизнью, потом вступил в брак и имел двух детей. Совесть, однако же, напомнила ему обеты сердца, и он, прибыв снова в Саров, как грешник, кланялся в ноги Саровским старцам в церкви после богослужения, прося их обсудить его вину, дать совет и благословение на поступление в обитель. Один из старцев присоветовал ему обратиться к о. Серафиму. Увидав о. Серафима, выходящего из кельи, с заступом в руках, так как это был праздничный день, когда старец являлся к литургии, этот приезжий бросился к нему в ноги, умоляя дать совет в его душевном расстройстве и помолиться Господу, чтобы Он принял его на желанный путь иноческий. Отец Серафим, выслушав его безмолвно, спросил: «Исполнишь ли ты по обету все иноческие правила?» Когда же он, забыв о жене и детях, клялся быть до смерти верным исполнителем монастырских правил, изъявляя готовность и усердие понести какую-нибудь эпитимию, то старец Серафим, провидя возможность исполнения его обещания, сказал: «Если ты точно по обету своему исполнишь все иноческие правила, то гряди с миром в путь твой!» Затем он благословил этого человека и отпустил от себя. Вскоре действительно умерла жена, а за нею и дети его, так что он, не связанный более с миром никакими житейскими узами, пришел в Саровскую пустынь, был в ней пострижен в монашество и умер истинным иноком.

Глава V

Настоятель Саровской пустыни иеромонах Исаия. Избрание после него в настоятели о. Серафима и отказ последнего. Смерть о. Исаии и духовное сиротство Серафима. Игумен Нифонт. Дивеевская общинка по смерти матери Александры. Избрание в начальницы Анастасии Кирилловны и увеличение числа сестер до 52. Смерть Анастасии Кирилловны в 1796 году и избрание Ксении Михайловны Кочеуловой. Пожертвование графиней Толстой 32 десятин на огород. Рассказы сестер о Ксении Михайловне. Молчальничество о. Серафима после смерти игумена Исаии. Вопрос о причащении о. Серафима Христовых Тайн во время молчальничества. Затворничество в монастыре и причащение в келье. Постановление дубового гроба в сенях кельи. Посещение о. Серафима Тамбовским епископом Ионой и губернатором А. М. Безобразовым. Инок Гавриил, любимый о. Серафимом. Наставления о. Серафима инокам Саровской пустыни

Восьмой строитель Саровской пустыни иеромонах Исаия, как было упомянуто, принадлежал к купечеству города Суздаля по фамилии Зубков и на 22-м году от рождения своего оставил мир и поступил в Киево-Печерскую лавру, где трудился в послушании 7 лет. В 1770 году он возвращался по своим надобностям на родину в Суздаль и, узнав об уединенности Саровской обители и о нахождении в ней многих великих старцев, возгорелся духом и пришел в пустынь. В 1772 году он был пострижен в монашество и рукоположен в иеродиакона, в 1777 году – во иеромонаха и в 1785 году избран в казначеи по общему согласию. Мы видели, насколько его любил и ценил

о. Пахомий. По смерти последнего в 1794 году о. Исаия был назначен настоятелем Саровской пустыни.

Строгий монах-подвижник, о. Исаия поощрял братию к иноческим подвигам и тем приобрел доверенность и расположение к себе братства. Слава о его добродетелях скоро достигла отдаленнейших мест и привлекла к нему немалое число иноков и мирских людей, ищущих своего спасения. Отец Исаия заботился также о приведении пустыни в большее благоустройство и сохранении порядка, утвержденного покойным настоятелем о. Пахомием. Саровская обитель за соблюдение строгих правил монашеских была уважаема и иерархами, которые славились в свое время особенным даром учительства и добродетельной жизнью. Так, Никифор, архиепископ Астраханский, имел переписку с о. Исаией. Последний был также сострадателен к нищим и убогим и строго наблюдал, чтобы на них были, по древнему обыкновению, употребляемы избытки монастырских доходов. Издревле была заведена в Сарове раздача 1 октября, в праздник Покрова Пресвятой Богородицы, одежды, платья, полушубков, кафтанов, сапог и рукавиц. Оттого к этому дню приходило множество бедных. По окончании литургии их собирали в ограду на гостиный двор и наделяли платьем, смотря по нуждам.

Старец о. Исаия очень почитал и любил о. Серафима, а также дорожил его беседами, поэтому он, когда был свеж, бодр и наслаждался здоровьем, нередко сам ходил в пустынь к о. Серафиму. В 1806 г. Исаия, по старости лет и от трудов, понесенных для спасения себя и братии, сделался особенно слаб здоровьем и, по собственному прошению, уволился от обязанности и звания настоятеля. Жребий занять его место в обители по общему желанию братии пал на о. Серафима. Вот уже третий раз старец избирается на начальственные должности по монастырям, но и на этот раз, по своему смирению и из крайней любви к пустыни, он отказался от предлагаемой почести. Тогда голосом всей братии настоятелем избран был старец Нифонт, исполнявший до того времени послушание казначея. Поступивши в число братии, бывший настоятель о. Исаия еще год прожил и все время болел. Не будучи в силах ходить в пустынь к о. Серафиму, он никак не хотел, однако же, лишиться утешения беседовать с ним, а потому братия, по усердию, возили в тележке бывшего своего

настоятеля, больного старца, в пустынь, и о. Серафим успокаивал своею беседою духовного отца и услаждал последние минуты его жизни. 4 декабря 1807 года, на 67-м году от рождения, опочил доблестный старец, оставив по себе во всех добрую память. Потеря такого собеседника, духовного отца и начальника поразила глубокой скорбью любвеобильное и нежное сердце о. Серафима. Мысли о тленности настоящей жизни, о неизбежности и нечаянности смертного часа, о страшном суде Божием еще живее представились сердцу о. Серафима в образе почившего старца и духовного друга. Теперь уже не было в живых самых близких и лучших друзей и руководителей старца. Кости Иосифа, который учил его отеческому пути, давно почивали в могиле. Праведная душа старца Пахомия, которого о. Серафим считал не только благодетелем, но и духовным другом своим, тоже витала в загробном мире. Умер и старец Исаия, любивший о. Серафима как свое духовное чадо и почитавший в нем высокого подвижника и мудрого собеседника. Всякий раз, проходя мимо кладбища, он считал обязанностью зайти на могилы их, преклонить колена у священного праха и вознести молитву о них Господу. Однажды в беседе с начальницей Ардатовской общины матерью Евдокией он дал ей следующее наставление: «Когда идешь ко мне, зайди на могилки, положи три поклона, прося у Бога, чтобы Он упокоил души рабов Своих: Исаии, Пахомия, Иосифа, Марка и проч., и потом припади ко гробу, говоря про себя: простите, отцы святии, и помолитесь обо мне». Так он внушал вообще молиться о Саровских подвижниках, называя их, по высоте и горячности молитв, *огненными столпами от земли до небес.* В смерти строителя Исаии о. Серафим утешался мыслью, что его место занял старец *Нифонт,* человек редких свойств, ценивший и любивший его. Тем не менее со смертью Исаии последующая жизнь о. Серафима приняла новое, в аскетическом смысле высшее духовное направление.

Девятый настоятель Саровской пустыни игумен Нифонт был из мещан города Темникова. Еще в отроческом возрасте он горел желанием посвятить себя на жительство в Саровской пустыни, куда убедительно и просился, но не был принят за несовершеннолетием, по правилам обители, возбраняющим принимать в монастырь отроков. По достижении же 25-летнего возраста он оставил мир и пришел в Саровскую

пустынь в 1787 году, при строителе Пахомии. С первого шага он выказал твердое решение отказаться от своей воли и все свое достояние положил к ногам о. Пахомия, отдавая усердно с тем вместе и себя в послушание ему. Это удивило старца строителя и поэтому он внимательно следил за ним. Василий, как его звали в миру, надев монастырское одеяние, исполнял с усердием и смирением клиросное и келарное послушание и через 5 лет, в 1792 году (14 июня), был пострижен в монашество с переименованием в Нифонта. Добродетели и иноческие подвиги его заставили о. Пахомия просить о посвящении Нифонта в 1793 году в иеродиакона, а в 1796 году его посвятили в иеромонаха и определили общим духовником братии. В 1805 г. он был сделан казначеем.

Управляя обителью, игумен Нифонт особенно заботился о поддержании монашеских правил, преподанных первоначальником, и ни одна служба без него не отправлялась. Усердие его к богослужению служило примером для всех в обители, так как он превозмогал усталость, несмотря на свою старость и слабость телесных сил. Он следил, чтобы не начали часы перед литургией, пока не прочтутся все тетрадки поминальные. С другой стороны, в его управление обителью приобретено много украшений и возведено несколько строений. Истинные сыны обители всегда находили в нем отца и благодетеля. Отец Нифонт любил монашеский тесный и прискорбный путь, предпочитал нищету и был образчиком трудолюбия, смирения и особенно нестяжательности и целомудрия. Он изнурял свою плоть тяжкими подвигами, и слабое здоровье его, расстроенное беспрерывными трудами и борьбой с обстоятельствами, постепенно угасало. Простота, соединенная с духовной мудростью, радушие и приветливость вселяли к нему невольное уважение. Из посетителей обители он никого не отпускал без того, чтобы не поселить в сердце его памяти о добром ее настоятеле. Как любитель безмолвной, пустынной жизни, для большего успеха в подвигах духовных он наблюдал строгий пост и непрестанно молился. Особенно любил и уважал о. Нифонта знаменитый настоятель Новгородского Юрьева монастыря архимандрит Фотий, который и был с ним в переписке. Любя Саровскую обитель, Тамбовские преосвященные почитали утешением для себя посещать ее.

По смерти первоначальницы Дивеевской общинки матери Александры остались три послушницы, а именно: две девицы Евдокия Мартыновна и Анастасия Кирилловна и третья – вдовица Фекла Кондратьевна, из села Дивеева. Выбирая между собой старшую, они поставили на место первоначальницы *Анастасию Кирилловну*, которая в продолжение семи лет собрала в общинку до 52 сестер. Управление ее ничем особенным не отличалось, но прошло прекрасно, тихо, с соблюдением установлений матери Александры. Ничего так не боялась Анастасия Кирилловна, как малейшего нарушения Саровского устава, и поэтому она относилась, согласно свидетельству Евдокии Мартыновны, невозможно строго к исполнению молитвенных правил и Саровского устава. Во всем она благословлялась у духовника общинки, настоятеля пустыни о. Пахомия, который до последнего дня своей жизни продолжал отечески заботиться о послушницах Дивеевской общинки. Пища привозилась по-прежнему раз в день с Саровской трапезы, а сестры работали шитьем и вязаньем для братии обители. С кончиной о. Пахомия общинка потеряла своего заботливого отца. Игумен Исаия сделался духовным отцом Дивеевских сестер, но уже не занимался ими, как о. Пахомий.

В числе вновь поступивших послушниц была из г. Тулы вдова оружейного мастера Ксения Михайловна Милованова, по мужу Кочеулова, с малолетней дочерью Ириной Прокопьевной. До чего матушка Анастасия Кирилловна была исполнительна и строга, можно судить по ничтожному эпизоду, переданному сестрами. Однажды она увидала вдову Ксению Михайловну, собирающую сухие корки каши от трапезы для своей малолетней дочери Ирины; Ксения хотела их размочить водою и дать лишний раз голодавшей девочке, но матушка Анастасия Кирилловна сурово выговорила ей и даже определила наказание, запретив наистрожайше раз навсегда, даже ради детей, нарушать заведенный устав их: однажды только в день вкушать пищу и в назначенный, без исключения, для всех равно, час общей трапезы.

В 1796 году скончалась Анастасия Кирилловна, и ее похоронили на кладбище Казанской церкви, вблизи первоначальницы матери Александры.

Начальницей общинки, по выбору сестер, была поставлена *Ксения Михайловна Кочеулова.* Маленькая, сухая, крайне под-

вижная и деятельная, но плохенькая на вид, она проводила жизнь настолько сурово, неся подвиги, посильные только монахам, что о ее правлении сохранилось воспоминание, как о времени невыносимо трудном, подвижническом, но которое выработало великих стариц для будущего Дивеевского монастыря и наставниц истинной духовной жизни. Не допуская никакого исключения, снисхождения и малодушия, она даже казалась некоторым жестокой. Совершенно равная ко всем сестрам, она не жалела и своей слабой и хилой дочери Ирины Прокопьевны. Так, например, однажды кто-то подарил Ирине Прокопьевне чайник и чашечку, зная, что она под названием чая любит пить вообще горячее, как-то целебную травку или сухую малину. Узнала это матушка Ксения Михайловна и страшно огорчилась; запретила наистрожайше употреблять этот чайник и чашку. Ирина Прокопьевна обещалась не дотрагиваться до них, но Ксения Михайловна не успокаивалась и с истинным сердечным огорчением и крайним сокрушением сказала: «Что ты, что ты! Из них хотя пить-то не будешь, Оря, все же я непокойна, соблазн-то какой! Утешь ты меня старуху, Орюшка, разбей ты их, матушка, да от соблазну-то и черепки их в землю зарой! Можно ведь пить и из деревянной или чугунной посудки, а то глядико-с грех-то какой! Какое малодушие!» Только тогда она успокоилась, когда дочь ее, уже старица также, за святое послушание начальницы-матери, разбила чайник и чашку и зарыла глубоко в землю все черепки.

Чрезмерно суровая строгость Ксении Михайловны настолько не понравилась сестрам, собранным покойной Анастасией Кирилловной, что из 52 выбыло в первый год ее управления 40; тогда всего в общинке осталось 12 сестер, но затем стали прибывать новые, так что к 1825 году, когда батюшка о. Серафим, окончив все свои внутренние, духовные благоустроения, достиг совершенства и мог, по заповеди матушки Александры, обратить все свое внимание на устройство Дивеевской обители, обетованной Божией Матерью, в названной общинке снова собралось до 50 сестер. Стало не хватать земли для общины, и соседка-помещица графиня Толстая поэтому пожертвовала на огород 32 десятины.

Матушка Ксения Михайловна при своей строго подвижнической жизни отличалась особо сильной любовью и жалостью ко всякой вообще Божией твари. Так, однажды на

единственную имевшуюся в то время в общине лошадку сестры наложили слишком много дров, и она поэтому встала. Увидев это, Ксения Михайловна разогорчилась и закричала послушницам: «Ах, ах, какие вы безжалостные! Ну, что лошадь-то как мучаете! Разве не знаете, что блажен тот, аще и скоты милует, сказал Господь!» Тут же Ксения Михайловна приказала сестрам поклониться лошадке в ноги и просить у нее прощения.

Рассказывают еще такой случай. В деревне Дивееве рядом с общинкой сделался пожар. Сестры начали выносить свое имущество и убирать, а больше всех хлопотала сама Ксения Михайловна. Наконец старица вручила послушницам тщательно закрытый и завернутый короб, вроде лукошка, и строго сказала: «Смотрите, как можно дальше унесите от пожара этот короб, да оберегите, пока горит-то, тут все нужное!» Сестры понесли, но вдруг что-то зашевелилось в коробе, и с испуга они поставили короб на землю. Открыть не смеют, боятся, но и ничего не могут понять... Смотрят, а из него начали выпрыгивать разные кошки... Расхохотались сестры, но вновь испугались, так как устрашились строгой матушки: как ей сказать, а не сказать тоже нельзя. Наконец пошли и признались. «Глупые вы, глупые! – ответила Ксения Михайловна. – Ведь сказала я вам, что блажен, аще и скоты милует! Что скот-то – ничто, и весь токмо от единаго человека зависит! Ведь если бы не я, бедные сгорели бы! Кто ж станет на скота глядеть, заботиться, спасать да тварь оберегать, а она хоть тварь, но все то ж творение Божие! Вот и дала я вам, не сказав, что даю, зная вашу безжалостность!»

Монахиня Ермиония, старица, определенная в обитель самим о. Серафимом, рассказывала, что когда она пришла к о. Серафиму, то, посылая ее жить в Дивеево к родной тетке, послушнице Евдокии Ефремовне (впоследствии монахине Евпраксии, удостоенной в день Благовещения видения Божией Матери в Серафимовой келье), батюшка сказал последней, державшей ее за руку и приведшей на благословение: «Отведи ее к матушке Ксении Михайловне. Во, матушка! – сказал старец, обращаясь к отроковице. – Ксения-то Михайловна жизни высокой, бич духовный, матушка!» «И действительно, – рассказывает монахиня Ермиония, – и вправду она была строга; станет выговаривать, думаешь, вот-вот убьет, сейчас

тут умрешь, а кончит – сделается прещедрая; скажет бывало: "Ну-ка, ну-ка, Оря (так звали ее дочь), прочти-ка вот ей такое-то житие!" Она сама была неграмотная. И прочтет Ирина Прокофьевна, что велит матушка». «Вот видишь ли, Евдокиюшка, – скажет Ксения Михайловна, – как трудно идти-то в Царствие Небесное, ведь оттого так-то я и выговариваю. Ну, матушка, иди! Погляди-ка, Оря, нет ли тут у нас чего, не принес ли кто чего-нибудь, дай ей!» «И мне же, бывало, чего сунув, отпустит», – говорила Евдокия Ефремовна. Последняя жила одно время у Ксении Михайловны келейной, и у нее были две красненькие тесемочки; раз подпоясалась она ими. Увидала это матушка. «Что это, – говорит, – вражью-то силу ты на себя надела!» Взяла Ксения Михайловна, сняла тесемочки с нее и сожгла их в печке. Не терпела она, чтобы носили хорошую одежду.

«Было это с Евдокией, – повествует монахиня Ермиония. – Раз как сшили ей первую ряску, матушка ее не видала. Пришла она в церковь, стоит, а она, наша голубушка, своею клюшкою-то и достает. "Кто это? Кто это? – спрашивает Ксения Михайловна. – Ах! Это всечестная Евдокия! Что это ты делаешь, матушка: на что это ты восемь-то бесов себе посадила! (т. е. восемь клиньев). Выпори, выпори, – говорит матушка, – четыре-то беса!" В другой раз идет тетка Евдокия двором, надев сарафан из посконного холста, только что выкрашенный, новый. Увидала матушка, кричит: "Стой! Стой!" Подошла она. "Ай, ай, матушка, – говорит она. – Бога ты не боишься, Евдокиюшка всечестная! Что надела плисовый-то сарафан! Подбери, подбери все кругом, матушка, подрежь, чтобы рубашка была бы видна, чтоб не до полу было!" Так была строга матушка Ксения Михайловна».

Все начальницы и сестры Дивеевской общины ходили в трудные часы испытаний, горей и борьбы духовной подкрепляться молитвой на могилку незабвенной и великой старицы матери Александры. По свидетельству сестер первой общинки, переданному протоиерею о. Василию Садовскому, и также согласно показаниям священника обители о. Александра Филиксова, все жившие при Казанской церкви священнослужители и многие другие видели по ночам на могиле матери Александры огонь и горящие свечи, по временам слышали необычайный звон, а некоторые ощущали необыкновенное

благоухание, исходящее из могилы ее. Затем в могиле слышалось какое-то журчание, и поэтому сложилось поверье в народе, что источник, открывавшийся под горою, исходит из могилы матери Александры. Так называемый дальний источник матери Александры великая старица сама вырыла, когда для созидаемой ею Казанской церкви ломали камень для извести. Она приходила носить камни и для утоления жажды рабочих и прохлаждения от трудов и жары вырыла этот колодезь. Народ считает этот источник целебным и приносит купать в нем больных детей.

Как было уже сказано, старец о. Серафим после смерти строителя Исаии не изменил прежнего рода жизни и остался жить в пустынке. Он только принял на себя еще больший труд, а именно *молчальничество.* «Паче всего должно украшать себя молчанием, – говорил он, – ибо св. Амвросий Медиоланский говорит, что молчанием многих видел я спасающихся, многоглаголанием же ни единого. И паки некто из старцев говорит: молчание есть таинство будущего века, словеса же – орудия суть мира сего». Отец Серафим стал руководиться деяниями двух древних подвижников – Арсения Великого и Иоанна молчальника и пустынника. К посетителям он более не выходил. Если ему самому случалось неожиданно встретить кого в лесу, старец падал ниц лицом и до тех пор не поднимал глаз, пока встретившийся не проходил мимо. Таким образом он безмолвствовал в продолжение трех лет и некоторое время перестал посещать обитель по воскресным и праздничным дням. Один из послушников носил ему и пищу в пустынь, особенно в зимнее время, когда у о. Серафима не было своих овощей. Пища приносилась однажды в неделю, в день воскресный. Трудно было назначенному иноку совершать это послушание в зимнее время, так как в пустынку о. Серафима дороги не было. Бывало, бредет он во время вьюги по снегу, утопая в нем по колена, с недельным запасом в руках для старца-молчальника. Вошедши в сени, он произносит молитву, а старец, сказавши про себя: *аминь*, отворял дверь из кельи в сени. Сложив руки на груди крестообразно, он становился у дверей, потупив лицо долу на землю: сам ни благословит брата, ни даже взглянет на него. А пришедший брат, помолившись, по обычаю, и поклонившись старцу в ноги, полагал пищу на лоточек, лежавший на столе в сенях.

Со своей стороны о. Серафим клал на лоточек же или малую частицу хлеба, или немного капусты. Пришедший брат внимательно замечал это. Этими знаками старец безмолвно давал знать, чего принести ему в будущее воскресенье: хлеба или капусты. И опять принесший брат, сотворив молитву, кланялся старцу в ноги и, попросив молитв его о себе, возвращался в обитель, не услыхав от о. Серафима ни единого слова. Все это были только видимые, наружные знамения молчальничества. Сущность же подвига состояла не в наружном удалении от общительности, но в безмолвии ума, в отречении от всяких житейских помыслов для чистейшего посвящения себя Господу. Такое молчальничество, по описанию самого старца, имело многие плоды. Оно решительно обезоруживало диавола для борьбы с пустынножителем. «Когда мы в молчании пребываем, – говорил о. Серафим, – тогда враг, диавол, ничего не успеет относительно к потаенному сердца человеку: сие же должно разуметь о молчании в разуме. Оно рождает в душе молчальника разные плоды духа. От уединения и молчания, – говорил он, – рождаются умиление и кротость: действие сей последней в сердце человеческом можно уподобить тихой воде Силоамской, которая течет без шума и звука, как говорит о ней пророк Исаия: *воды Силоамли текущия тисе* (тихо) (Исаии 8, 6). В соединении с другими занятиями духа молчальничество возводит человека к благочестию. Пребывание в келье в молчании, в упражнении, в молитве и поучении день и ночь закону Божию делает человека благочестивым; ибо, по словам св. отцов, келья инока есть пещь Вавилонская, в которой трие отроцы Сына Божия обретоша. Молчание приближает человека к Богу и делает его как бы земным ангелом. Ты только сиди в келье своей во внимании и молчании и всеми мерами старайся приблизить себя к Господу, а Господь готов сделать тебя из человека Ангелом: *на кого бо*, говорит Он, воззрю, *токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словес Моих* (Исаии 66, 2). Плодом молчания, кроме других духовных приобретений, бывает мир души. Молчание учит безмолвию и постоянной молитве, а воздержание делает помысл не развлекаемым. Наконец приобретшаго сие ожидает мирное состояние». Вот как старец Серафим проходил подвиг молчальничества! Вот чего хотел он достигнуть путем сим, *возложив всю печаль свою на Господа* (1 Петр. 5, 7).

Многие из братии очень жалели об удалении старца от общежития с ними. С возложением на себя молчания он лишал их своих советов и руководства. Ближайшие к нему даже спрашивали его, зачем он уединяется, когда бы, пребывая в близком общении с братиею, мог назидать их словом и примером, не терпя ущерба и в благоустроении души своей. Старец отвечал, говоря словами св. отцов: «Возлюби праздность безмолвия предпочтительно насыщению алчущих в мире, — сказал св. Исаак Сирин. И св. Григорий Богослов рек: прекрасно богословствовать для Бога, но лучше сего, если человек себя очищает для Бога».

Молчальничество не было, однако же, таким подвигом, на котором старец Серафим решился бы покончить жизнь свою. Чрез него, как бы лестницею, получив большее совершенство, он перешел к высшему подвижничеству, называемому *затвором*. Поводом к этому послужило следующее обстоятельство. В описываемое время настоятелем был, как уже известно, о. Нифонт, муж богобоязненный, добродетельный, отечески любивший братию, входивший во все потребности и нужды каждого брата, ревнитель устава и порядков церковных. Отец же Серафим, со времени смерти старца Исаии, наложив на себя труд молчания, жил в пустыни своей безвыходно, точно как в затворе. Прежде он хаживал по воскресеньям и праздникам в обитель причащаться Св. Таин. Теперь, со времени стояния на камнях, у него болели ноги, ходить он не мог. Было неизвестно, кто его причащает Св. Таин, хотя ни на минуту не сомневались, что он без вкушения Тела и Крови Христовой не оставался. Строитель созвал монастырский собор из старших иеромонахов и вопрос о причащении о. Серафима предложил на рассуждение. Решили же дело так: предложить о. Серафиму, чтобы он или ходил, буде здоров и крепок ногами, по-прежнему в обитель по воскресным и праздничным дням для причащения Св. Таин, или же, если ноги не служат, перешел бы навсегда жительствовать в монастырскую келью. Общим советом присудили спросить через брата, носившего пищу по воскресеньям, что изберет о. Серафим. Брат в первый же приход к старцу исполнил решение Саровского собора, но о. Серафим, выслушав безмолвно предложение собора, отпустил брата, не сказав ни слова. Брат, как дело было, передал строителю, а строитель велел ему повторить

соборное предложение в следующее воскресенье. Принесши пищу на будущую неделю, брат повторил предложение... Тогда старец Серафим, благословив брата, вместе же с ним отправился пешком в обитель. Приняв второе предложение собора, старец показал, что он не в силах был по болезни ходить, как прежде, по воскресным и праздничным дням в обитель. Это было весной 8 мая 1810 года. Вступив в монастырские врата после 15-летнего пребывания в пустыни, о. Серафим, не заходя в свою келью, отправился прямо в больницу. Это было днем до наступления всенощной службы. Когда ударили в колокол, о. Серафим явился на всенощное бдение в храм Успения Богородицы. Столько лет уже не бывал старец в обители! Братия удивились, когда мгновенно разнесся слух, что о. Серафим решился жительствовать в обители. Но удивление их возросло еще более, когда произошли следующие обстоятельства. На другой день, 9 мая, в день святителя и чудотворца Николая, о. Серафим пришел, по обычаю, в больничную церковь к ранней литургии и причастился Св. Христовых Таин. По выходе же из церкви он направил стопы свои в келью строителя Нифонта и, принявши от него благословение, водворился в прежней своей монастырской келье, к себе никого не принимал, сам никуда не выходил и не говорил ни с кем ни слова, то есть он принял на себя новый, труднейший подвиг затворничества. Молчание о. Серафима было, видимо, переходом к затвору. В келье монастырской о. Серафим продолжал то, что уже начато года три тому назад в пустыни, с которою, быть может, он и соединил бы затвор, если бы не повстречались указанные обстоятельства.

О подвигах о. Серафима в затворе известно еще менее, чем о его пустынножительстве. В келье своей он не хотел иметь, для отсечения своеволия, ничего, даже самых общих вещей. Икона, пред которой горела лампада, и отрубок пня, служивший взамен стула, составляли все. Для себя же он не употреблял даже огня. По словам Саровских старцев, в это время для умерщвления плоти, *да дух спасется*, он носил на плечах своих под рубашкой на веревках большой пятивершковый железный крест, который, вероятно, и назван веригами в прежних его жизнеописаниях. Но собственно вериг и власяницы о. Серафим не носил и другим не советовал надевать их. «Кто нас оскорбит словом или делом, и если мы переносим обиды

по-евангельски — вот и вериги наши, вот и власяница! Эти духовные вериги и власяница выше железных, которые надевают на себя нынешние люди». В Дивеевском жизнеописании о. Серафима, наоборот, говорится о веригах и поясе, которые и доныне хранятся в церкви Преображения.

Послушник Иван Тихонов рассказывает (Сказание о подвигах и событиях жизни старца Серафима, с. 37), что, поступив в Саровскую пустынь 18 лет и читая жития св. отцов, решился он непременно, Господа ради, возложить на себя что-нибудь для умерщвления тела. Он в течение трех лет домогался получить чрез каких-либо духовных особ желаемые вериги или власяницу, и когда он добыл вериги, то «восхитился тщеславной мыслью, которая неприметно закралась в глубину его сердца». Когда он пришел к о. Серафиму, то великий старец сказал ему улыбаясь: «Вот что я скажу тебе: приходят ко мне Дивеевские младенцы и просят моего совета и благословения, один носить вериги, а другие — власяницы, то как ты думаешь: по дороге ли их дорога-то? Скажи мне». Ничего не понимая, Иван Тихонов ответил: «Я, батюшка, не знаю». Когда же батюшка Серафим повторил вопрос, то Иван Тихонов, как уверяет, вдруг вспомнил, что ведь и он пришел к старцу за благословением носить вериги, а потому высказал о. Серафиму свою просьбу. «Как же ты не понимаешь? Ведь я тебе об этом-то и говорю!» — сказал о. Серафим. Затем старец начал объяснять ему все безумие его подвига. «Многие из св. отцов носили вериги и власяницу, — говорил о. Серафим, — но они были мужи мудрые и совершенные; и все это делали из любви Божией, для совершенного умерщвления плоти и страстей и покорения их духу [1]. Но младенцы, у которых царствуют в теле страсти, противящиеся воле и закону Божию, не могут этого делать. Что в том, что наденем и вериги, власяницу, а будем спать, и пить, и есть столько, сколько нам хочется?» Затем, намекая на недостатки Ивана Тихонова, о. Серафим продолжал: «Мы не можем и самомалейшего оскорбления от брата перенести великодушно. От начальнического же слова и выговора впадаем в совершенное уныние и отчаяние, так что и в другой монастырь выходим мыслью и, с завистью указывая на других из своих собратий, которые в милости и доверенности у начальника, принимаем все его распоряжения за обиду, за невнимание и недоброжелательство

к себе. Из этого рассуди сам, как мало или вовсе нет в нас никакого фундамента к монашеской жизни; и это все оттого, что мы мало о ней рассуждаем и внимаем ей».

Одежда о. Серафима теперь была та же самая, что и в пустыни. Питием его была одна вода, а в пище он употреблял только толокно да белую рубленую капусту. Воду и пищу доставлял ему брат, отец Павел, вблизи живущий, подошедши к келье, сотворив молитву, ставил пищу у дверей. Затворник, чтобы никто не видал его, накрывал себя большим полотном и, взявши блюдо, стоя на коленях, как бы принимал пищу из рук Божиих, уносил ее в келью. Там, подкрепивши себя пищею, посуду ставил на прежнее место, опять скрывая лицо свое под полотном. Покров, набрасываемый на лицо, объясняется примерами древнейших пустынножителей, которые куколем скрывали вид свой, *во еже не видети суеты.* Случалось и так, что старец вовсе не являлся брату, и носивший пищу опять уносил все, что было предложено: старец оставлял себя без вкушения пищи.

Молитвенные труды его в затворе, по свидетельству Саровских иноков, были велики и разнообразны. Как и в пустыни, он совершал теперь *свое* правило и все ежедневные службы, кроме божественной литургии. Сверх того, он предавался подвигу умной молитвы, читая в сердце попеременно то молитву Иисусову, то Богородичну. Иногда, стоя на молитве, старец погружался в продолжительное умное созерцание Бога: он стоял пред св. иконой, не читая никакой молитвы и не кладя поклонов.

В течение недели он прочитывал весь Новый Завет по порядку: в понедельник — Евангелие от Матфея, во вторник — от Марка, в среду — от Луки, в четверг — от Иоанна, в остальные дни — Деяния и послания св. Апостолов. В сенях, сквозь дверь, иногда слышно было, как он, читая, толковал про себя Евангелие и Деяния св. Апостолов. Деяния св. Апостолов он толковал вслух довольно продолжительное время. Многие приходили и слушали его слово в сладость утешения и назидание. Иной же раз он сидел над книгой, не перебирая листов, будучи весь погружен в созерцание чистой возвышенной мысли Св. Духа. Ни один орган тела его не шевелился: очи неподвижно устремлены были на один предмет.

В течение всех лет затвора старец во все воскресные и праздничные дни причащался Св. Тела и Крови Христовой.

Для сохранения во всей чистоте затвора и молчальничества пренебесные Тайны по благословению строителя Нифонта приносили ему из больничной церкви в келью после ранней литургии.

Чтобы никогда не забывать о часе смертном, чтобы яснее представить и ближе видеть его пред собой, о. Серафим сделал себе гроб и поставил его в сенях затворнической кельи. Здесь старец часто молился, готовясь к исходу от настоящей жизни. Отец Серафим в беседах с Саровскими братиями часто говорил насчет этого гроба: «Когда я умру, умоляю вас, братия, положите меня в моем гробе».

Из сокровенных подвигов этого времени нечаянно сделался известен один, в котором с духовным деланием старец соединял телесный труд, освежая грудь свою чистым воздухом. Это открыл случайно брат, исполнявший в монастыре послушание будильщика. Однажды утром, вставши ранее обыкновенного, послушник отправился на кладбище близ соборного храма, где почивают достоблаженные и приснопамятные пустынники. Находясь среди памятников, брат приметил у кельи о. Серафима человека, который двигался быстро взад и вперед. Воображение инока встрепенулось. Он оградил себя крестным знамением и с молитвой стал всматриваться в ночное видение. Оказалось, это был сам подвижник, старец Серафим. Читая чуть слышно молитву Иисусову, он переносил тихонько небольшую поленницу дров с одного на другое ближайшее к келье место. Обрадованный видением затворника, который давно никому не являлся, будильщик бросился к нему в ноги и, целуя их, просил его благословения. Старец, благословив его, сказал: «Оградись молчанием и внимай себе».

Старец провел в затворе около пяти лет, потом несколько ослабил внешний вид его. Келейная дверь у него была открыта: всякий мог прийти к нему, видеть его, старец не стеснялся присутствием других в своих духовных занятиях. Некоторые, вступив в келью, предлагали разные вопросы, имея нужду в советах и наставлениях старца; но, принявши на себя обет молчания пред Богом, старец на вопросы не давал ответов, продолжая обычные занятия.

Тамбовские архиереи, любя Саровскую пустынь, с усердием посещали ее, обыкновенно раз в год в августе месяце,

на храмовый праздник Успения Богородицы. В одно из таких посещений епископ Иона (впоследствии экзарх Грузии), желая видеть о. Серафима, пришел было к его келье, но старец, твердо исполняя свои обеты пред Богом и опасаясь человекоугодничества, не нарушил своего молчания и затвора. Отец Серафим в настоящем обстоятельстве мог руководствоваться еще примером Арсения Великого, которому подражал в подвигах затвора и молчания. Феофил, архиепископ Александрийский, желая прийти к Арсению, послал наперед узнать, отворит ли он ему двери? Арсений отвечал: «Если для тебя отворю, то и для всех отворю». Феофил сказал: «Лучше мне не ходить к нему». Так и о. Серафиму еще не наступило время – хотя и недалеко уже оно было – оставить затвор. Игумен Нифонт предлагал было снять двери с крюков, думая, вероятно, не отошел ли старец уже ко Господу; но преосвященный Иона не согласился на это, говоря: «Как бы не погрешить нам». Оставив старца, он удалился в мире из обители. Через неделю после этого случая прибыл в Саров тогдашний тамбовский губернатор Александр Михайлович Безобразов, с ним была жена его, и оба они пожелали принять благословение о. Серафима. В это время, видно, окончился срок строгого затворничества и молчания, положенный на сердце о. Серафимом. Когда губернатор с женой подошли к келье, старец сам отворил первым им двери своего затвора и благословил их. Это было через десять лет после начала затвора. С этого времени начали приходить к нему многие из братии, с которыми он стал уже вступать в беседу.

Так, из братии нередко бывал у о. Серафима инок Гавриил. Вступивши в обитель, он два года не видал о. Серафима и после очень жалел об этом, но когда пришел к отцу Серафиму, старец с первого же раза привлек к себе его сердце. Со своей стороны и Гавриил полюбился старцу, ибо он имел сердце чистое, прямое, со всеми обращался как перед Богом, удаляясь всякой скрытности. После сего этот Гавриил пять лет находился под руководством чудного старца, пережив в обители и его кончину. Если что смущало молодого инока, располагало к искушениям, он шел к старцу Серафиму, тревожимый страхом, но после беседы с ним возвращался в свою келью в мире и восхищении духовном. И во всем простосердечный Гавриил поступал так, как руководствовал его батюшка о. Серафим.

Много сказано было ему на пользу вперед. Не скрыл батюшка Серафим и того, как много горестного предстоит молодому иноку на пути жизни. По переселении о. Серафима в вечность Гавриил с восхищением вспоминал о его жизни и своих беседах с ним и с глубокою горестью говорил о важности сей потери для него. В отраду же сердца и жизни он взял и всегда имел при себе портрет старца Серафима.

Здесь представим в общих чертах те наставления, какие делал старец приходящим к нему инокам Саровской обители. Все было направлено к утверждению их в соблюдении правил иночества. Он внушал братии совершать церковное богослужение неопустительно по церковному уставу и, присутствуя в храме, сам следил за этим делом, советовал всем ходить на церковные службы, на молитве в церкви стоять с закрытыми очами, во внутреннем внимании; открывать же разве тогда, как унывешь или сон отягощать станет; обращать в таком случае глаза на образ или на горящую свечу! Развивая эту мысль подробнее, о. Серафим учил так: «На жизнь нашу смотреть надобно, как на свечу, делаемую обыкновенно из воска и светильни и горящую огнем. Воск – это наша вера, светильня – надежда, а огонь – любовь, которая все соединяет вместе, и веру и надежду, подобно тому, как воск и светильня горят вместе при действии огня. Свеча дурного качества издает смрад при горении своем и угасая – так смрадна в духовном смысле и жизнь грешника пред Богом. А потому, глядя на горящую свечу, особенно когда стоим в Божием храме да вспоминаем начало, течение и конец нашей жизни; ибо как тает свеча, зажженная пред ликом Божиим, так с каждою минутою умаляется и жизнь наша, приближая нас к концу. Эта мысль поможет нам менее развлекаться в храме, усерднее молиться и стараться, чтоб жизнь наша пред Богом похожа была на свечу из чистого воска, не издающую смрада». Отец Серафим внушал непрестанно заниматься умною молитвою, каждому проходить неопустительно и усердно свое послушание, не вкушать пищи до времени, определенного уставом: на трапезу непременно ходить, хотя бы и не хотел кто кушать, чтобы отсутствием не соблазнял братии; за трапезою сидеть с благоговением и страхом Божиим, с благодарностью вкушать предлагаемое; без уважительной причины и благословения не выходить за ворота монастыря, а тем более не покидать

совсем иноческого пути, удерживаться от своеволия, гибельные последствия которого неисчислимы; терпеливо сносить все искушения для спасения души (Мф. 10, 22), хранить взаимный мир. Бог обитает только в жилище мира, как сказано: *в мире место Его* (Пс. 75, 3).

На иноке, который исправлял в больничной церкви пономарскую должность, лежало послушание ежедневно, после каждой литургии, носить к о. Серафиму часть св. антидора, собственно для него отделяемую. Затворник иногда сам принимал этот дар, а иногда не являлся к принесшему брату. Последний полагал в таком случае часть антидора в чистую сумочку, для сего повешенную у двери, и, сотворив молитву, якоже обычно, удалялся восвояси. Из больничной же церкви по воскресным и праздничным дням ему носили в келью Св. Дары для причащения.

Глава VI

Письменные наставления отца Серафима

1. О Боге

Бог есть огонь, согревающий и воспламеняющий сердца и утробы. Итак, если мы ощутим в сердцах своих холод, который от диавола, ибо диавол хладен, то призовем Господа: Он, пришед, согреет наше сердце совершенной любовью не только к Нему, но и к ближним. И от лица теплоты убежит хлад доброненавистника.

Отцы написали, когда их спрашивали: ищи Господа, но не испытуй, где Он живет.

Где Бог, там нет зла. Все происходящее от Бога мирно и полезно и приводит человека к самоосуждению и смирению.

Бог являет нам Свое человеколюбие не только в тех случаях, когда мы добро делаем, но и тогда, когда оскорбляем грехами и прогневляем Его. Как долготерпеливо сносит Он наши беззакония! И когда наказывает, как милостиво наказывает!

Не называй Бога правосудным, говорит преподобный Исаак, ибо в делах твоих не видно Его правосудия. Правда, Давид называл Его и правосудным и правым; но Сын Его показал нам, что Бог более благ и милостив. Где Его правосудие? Мы были грешники, и Христос умер за нас (Исаак Сирин. Сл. 90, л. 171 на обор.).

Поколику человек совершенствуется здесь пред Богом, потолику ходит вслед Его; в истинном же веке Бог явит ему лице Свое. Ибо праведные, входя здесь на земле в созерцание Его,

видят образ Его как в зерцале, а там удостоятся зреть явление истины.

Если ты не знаешь Бога, то невозможно, чтобы явилась в тебе и любовь к Нему. Ты не можешь любить Бога, если не увидишь Его. Видение же Бога бывает от познания Его: ибо созерцание не предшествует Богопознанию.

О делах Божиих не рассуждай по насыщении своего чрева: при наполненном чреве какое может быть ведение тайн Божиих?

2. О вере

Прежде всего должно веровать в Бога, *яко есть и взыскающим Его мздовоздаятель бывает* (Евр. 11, 6). Вера, по учению преподобного Антиоха, есть начало нашего соединения с Богом: истинно верующий есть камень храма, уготованный для здания Бога Отца, вознесенный на высоту силою Иисуса Христа, то есть крестом, помощью вервия, то есть благодати Духа Святаго.

Вера без дел мертва есть (Иак. 2, 26), а дела веры суть: любовь, мир, долготерпение, милость, смирение, несение креста и жизнь по духу. Лишь такая вера вменяется в правду. Истинная вера не может оставаться без дел, кто истинно верует, тот непременно творит и добрые дела.

3. О надежде

Все, имеющие твердую надежду на Бога, возводятся к Нему и просвещаются сиянием вечного света.

Если человек не имеет излишнего попечения о себе из любви к Богу и для дел добродетели, зная, что Бог печется о нем, то таковая надежда есть истинная и мудрая. А если человек все упование свое возлагает на свои дела, к Богу же обращается с молитвою лишь тогда, когда его постигают непредвиденные беды, и он, не видя в собственных силах средств к отвращению их, начинает надеяться на помощь Божию, то такая надежда суетна и ложна. Истинная надежда ищет единого Царствия Божия и уверена, что все земное, потребное для жизни временной, несомненно, дано будет.

Сердце не может иметь и мира, пока не приобретет такой надежды. Она-то вполне умиротворяет его и вносит радость

в него. О сей-то надежде сказали святейшие уста Спасителя: *Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28), то есть надейся на Меня, и утешишься от труда и страха.

В Евангелии св. Луки сказано о Симеоне: *и бе ему обещано Духом Святым не видети смерти, прежде даже не видит Христа Господня* (Лк. 2, 26). И Симеон праведный не умертвил надежды своей, но ждал вожделенного Спасителя миру и, с радостью приняв Его на свои руки, сказал: теперь Ты отпущаешь меня, Владыко, в Твое вожделенное для меня царство, ибо я увидел надежду мою – Христа Господня.

4. О любви к Богу

Стяжавший совершенную любовь к Богу существует в жизни сей так, как бы не существовал. Ибо считает себя чужим для видимого, с терпением ожидая невидимого. Он весь изменился в любовь к Богу и оставил все другие привязанности.

Кто себя любит, тот любить Бога не может. А кто не любит себя ради любви к Богу, тот любит Бога.

Истинно любящий Бога считает себя странником и пришельцем на земле сей; ибо в своем стремлении к Богу душою и умом созерцает только Его одного.

Душа, исполненная любви к Богу, и во время исхода своего из тела не убоится князя воздушного, но с Ангелами возлетит, как бы от чужой страны на родину.

5. О страхе Божием

Человек, решившийся проходить путь внутреннего внимания, прежде всего должен иметь страх Божий, который есть начало премудрости.

Пусть будут в уме его всегда напечатлены сии пророческие слова: *работайте Господеви со страхом и радуйтеся Ему с трепетом* (Пс. 2, 11).

Он должен проходить путь свой с крайней осторожностью и благоговением ко всему священному, а не небрежно. В противном случае нужно опасаться, чтоб не отнеслось к нему страшное определение Божие: *проклят человек, творяй дело Господне с небрежением* (Иерем. 48, 10).

Благоговейная осторожность здесь нужна потому, что сие море (то есть сердце со своими помыслами и желаниями, которое должно очистить посредством внимания) велико и пространно: *тамо гади, имже несть числа*, то есть в нем гнездятся многие помыслы суетные, неправые и нечистые, — порождения злых духов.

Бойся Бога, говорит Премудрый, и *заповеди Его храни* (Еккл. 12, 13). А соблюдая заповеди, ты будешь силен во всяком деле, и дело твое будет всегда хорошо. Ибо, боясь Бога, ты из любви к Нему все делать будешь хорошо. А диавола не бойся; кто боится Бога, тот одолеет диавола, для того диавол бессилен.

Два вида страха: если не хочешь делать зла, то бойся Господа и не делай; а если хочешь делать добро, то бойся Господа и делай. Но никто не может стяжать страха Божия, доколе не освободится от всех забот житейских. Когда ум будет беспопечителен, тогда движет его страх Божий и влечет к любви благости Божией.

6. Об отречении от мира

Страх Божий приобретается тогда, когда человек, отрекшись от всего, что в мире, соберет все свои мысли и чувства и весь погрузится в созерцание Бога и в чувство обещанного святым блаженства.

Нельзя вполне отречься от мира и прийти в состояние духовного созерцания, оставаясь в мире. Ибо доколе страсти не утишатся, нельзя стяжать мира душевного. Но страсти не утишаются, доколе нас окружают предметы, возбуждающие страсти. Чтобы прийти в совершенное бесстрастие и достигнуть совершенного безмолвия души, нужно много подвизаться в духовном размышлении и молитве. Но как же возможно всецело и спокойно предаваться созерцанию Бога, поучаться в законе Его и всею душою возноситься к Нему в пламенной молитве, оставаясь среди непрестающего шума страстей, воюющих в мире? Мир во зле лежит.

Не освободясь от мира, душа не может любить Бога искренно. Ибо житейское, по словам прп. Антиоха, для нее есть как бы покрывало.

Если мы, говорит он же, живем в чужом граде и наш град далеко от града сего, и если мы знаем град наш, то для чего мы

медлим в чужом граде и в нем уготовляем себе поля и жилища! И како воспоем песнь Господню на земле чуждей? Мир сей есть область инаго, то есть князя века сего (Сл. 15).

7. О безмолвии

Преподобный Варсонофий учит: доколе на море — корабль терпит беды и приражения ветров; а когда достигнет пристанища тихого и мирного, уже не боится бед и скорбей и приражения ветров, но остается в тиши. Так и ты, монах, доколе остаешься с людьми, ожидай скорбей и бед и приражений мысленных ветров; а когда в безмолвие вступишь, бояться тебе нечего (Варс. Отв. 8, 9).

Совершенное безмолвие есть крест, на котором должен человек распять себя со всеми страстьми и похотьми. Но подумай, Владыка наш Христос сколько наперед претерпел поношений и оскорблений и потом уже восшел на крест. Так и нам нельзя прийти в совершенное безмолвие и надеяться святого совершенства, если не постраждем со Христом. Ибо, говорит Апостол, *аще с Ним страждем, с ним и прославимся*. Другого пути нет (Варс. Отв. 346).

Пришедший в безмолвие должен непрестанно помнить, зачем пришел, чтобы не уклонилось сердце его к чему-либо другому.

8. О внимании к самому себе

Проходящий путь внимания не должен верить одному только сердцу своему, но сердечные свои действия и самую жизнь поверять с законом Божиим и с деятельной жизнью подвижников благочестия, такой же подвиг проходивших. Сим средством удобнее можно и от лукавого избавиться, и истину узреть яснее.

Ум внимательного человека есть как бы поставленный страж или неусыпный хранитель внутреннего Иерусалима. Стоя на высоте духовного созерцания, он смотрит оком чистоты на обходящие и приражающиеся к душе его противные силы, по словам Псалмопевца: *и на враги моя воззре око мое* (53, 9).

От ока его не скрыт диавол, *яко лев рыкающий, иский кого поглотити* (1 Петр. 5, 8), и те, которые напрягают *лук свой состреляти во мраце правыя сердцем* (Пс. 10, 2).

По учению св. отцов, при каждом человеке находятся два ангела: один добрый, другой злой. Ангел добрый тих, кроток и безмолвен. Когда он войдет в сердце человека, то говорит с ним о правде, чистоте, честности, спокойствии, о всяком благом деле и о всякой добродетели. Когда почувствуешь это в сердце твоем, очевидно, в тебе находится Ангел правды. А дух лукавый острожелчен, жесток и безумен. Когда он войдет в сердце твое, то узнавай это по делам его (Ант. Сл. 61).

Внимай себе, возлюбленный, говорит Исаак Сирин, и при непрестанном делании имей пред глазами и приключающиеся тебе скорби, и место пустыни, в которой живешь, и тонкость ума своего вместе с грубостью своего познания, и продолжительность безмолвия вместе со многими врачевствами, то есть искушениями, какие наводятся на тебя то истинным Врачом ко здравию внутреннего человека, то иногда и бесами, и состоят иногда в болезнях и трудах телесных, иногда в ужасающих помышлениях души твоей и в страшных напоминаниях о том, что будет при конце; иногда прививаются и обвязываются благодатная теплота и сладкие слезы и духовная радость и подобное. И теперь, во всех ли этих обстоятельствах совершенно видишь, что язва твоя начала подживать и закрываться, то есть страсти стали ослабевать? Положи примету, и непрестанно входи сам в себя, и смотри, какие страсти, по твоему замечанию, изнемогли пред тобой, какие истребились и совершенно оставили тебя, какие начали умолкать вследствие выздоравливания души твоей, а не удаления только того, что возбуждало их, и какие научился ты одолевать разумом своим, а не одним лишением себя причин страсти. И еще внимай, совершенно ли видишь, что в гниющей язве твоей начала нарастать живая плоть, то есть мир душевный; и какие страсти преследуют тебя одна за другой последовательно и стремительно и через какой промежуток времени; телесные ли или душевные это страсти, или сложные и мешанные, и проходят ли в памяти только как слабые, или сильно восстают на душу, и как восстают — властительски или яко тать; как смотрит на них царь-ум, этот властитель чувств: вступает ли с ними в брань, когда выступят вперед и объявят войну, и доводит ли их до бессилия своею крепостью, или и видя не видит их вовсе и не занимается ими; и какие остались из старых страстей, и какие вновь образовались; притом

возникают ли страсти в живых образах или в чувстве — без живых образов и в памяти — без страстного движения, без размышления о них и без раздражения. И по этому можно узнавать меру душевного здравия (Исаак Сир. Сл. 45, лист 76 на обор.).

А потому таковый человек, следуя учению божественного Павла, *принимает вся оружия Божия, да возможет противитися в день лют* (Ефес. 6, 13), и сими оружиями, при содействии благодати Божией, отражает видимые приражения и побеждает невидимых ратников. Мы видим пример такового духовного бодрствования в Иове многострадальном, о коем св. Церковь воспевает так: *«Богатство видев добродетелей Иовлих, украсти кознствоваше праведных враг, и растерзав столб телесе, сокровище не украде духа: обрете бо вооруженну непорочнаго душу»* (тропарь, мая 6-го).

Проходящий путь сей не должен внимать посторонним слухам, от которых голова может быть наполнена праздными и суетными помыслами и воспоминаниями, но должен быть внимателен к себе.

Особенно на сем пути наблюдать должно, чтоб не обращаться на чужие дела, не мыслить и не говорить о них, по Псалмопевцу: *не возглаголют уста мои дел человеческих* (16, 4), а молить Господа: *от тайных моих очисти мя, и от чуждих пощади раба Твоего* (Пс. 18, 13–14).

Чтоб сохранить внимание, надобно уединяться в себя, по глаголу Господню: *никогоже на пути целуйте* (Лк. 10, 3), то есть без нужды не говорить, разве бежит кто за тобою, чтоб услышать полезное.

Встречающихся старцев или братий поклонами почитать должно, имея очи всегда заключенные.

9. О попечении о душе

Человек по телу подобен зажженной свече. Свеча должна сгореть, и человек должен умереть. Но душа его бессмертна; потому и попечение наше должно относиться более к душе, нежели к телу: *кая бо польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит? или что даст человек измену за душу свою* (Мф. 16, 26), за которую, как известно, ничто в мире не может быть выкупом? Если одна душа сама по себе драгоценнее всего

мира и царства мирского, то несравненно дороже Царство Небесное. Душу же почитаем драгоценнее всего по той причине, как говорит Макарий Великий, что Бог ни с чем не благоволил сообщиться и соединиться Своим духовным естеством, ни с каким видимым созданием, но с одним человеком, которого возлюбил более всех тварей Своих (Макарий Великий. Слово о свободе ума. Гл. 32).

Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Кирилл Александрийский, Амвросий Медиоланский и прочие от юности до конца жизни были девственники; вся их жизнь была обращена на попечение о душе, а не о теле. Так и нам все старание должно иметь о душе, тело же подкреплять для того только, чтоб оно способствовало к подкреплению духа.

Если самовольно изнурим свое тело до того, что изнурится и дух, то таковое удручение будет безрассудное, хотя бы сие делалось для снискания добродетели.

Буде же Господу Богу угодно будет, чтобы человек испытал на себе болезни, то Он же подаст ему и силу терпения.

Итак, пусть будут болезни не от нас самих, но от Бога!

10. О МИРЕ ДУШЕВНОМ

Мир душевный приобретается скорбями. Писание говорит: *проидохом сквозь огнь и воду, и извел еси ны в покой* (Пс. 65, 12). Хотящим угодить Богу путь лежит сквозь многие скорби.

Как ублажать нам святых мучеников за страдания, которые претерпели они ради Бога, когда мы не можем стерпеть и огневицы?

Ничто так не содействует стяжанию внутреннего мира, как молчание и, сколько возможно, непрестанная беседа с собою и редкая — с другими.

Ничто же лучше есть во Христе мира, в нем же разрушается всякая брань воздушных и земных духов. Ибо *несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем и к миродержителем тмы века сего, к духовом злобы поднебесным* (Ефес. 6, 12).

Признак духовной жизни есть погружение человека внутрь себя и сокровенное делание в сердце своем.

Благодать Божия приосеняет такого человека, и он бывает сперва в мирном устроении, а путем сего переходит и в премирное: в мирном — то есть с совестью благою; в премирном

же – когда его ум созерцает в себе благодать Святого Духа по слову Божию: *в мире место Его* (Пс. 75, 3).

Можно ли, видя солнце чувственными очами, не радоваться? Но сколько радостнее бывает, когда ум видит внутренним оком Солнце правды – Христа? Тогда воистину радуется он радостью Ангельскою. О сем-то и Апостол сказал: *наше житие на небесех есть* (Флп. 3, 2).

Кто в мирном устроении неуклонно ходит, тот как бы лжицею черпает духовные дары.

Святые отцы, имея мирное устроение и будучи осеняемы благодатию Божиею, жили долго. Когда человек придет в мирное устроение, тогда он может от себя и на других изливать свет просвещения разума. Прежде сего человеку надобно повторять сии слова Анны пророчицы: *да не изыдет велеречие из уст ваших* (1 Цар. 2, 3), и слова Господни: *лицемере, изми первее бервно из очесе твоего, и тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоего* (Мф. 7, 5).

Сей мир, как некое бесценное сокровище, оставил Господь наш Иисус Христос ученикам Своим пред смертию Своею, глаголя: *мир оставляю вам, мир Мой даю вам* (Ин. 14, 27). О нем также говорит и Апостол: *и мир Божий, превосходяй всяк ум, да соблюдет сердца ваша и разумения ваша о Христе Иисусе* (Флп. 4, 7); *мир имейте и святыню со всеми, их же кроме никтоже узрит Господа* (Евр. 12, 14).

Итак, мы должны все свои мысли, желания и действия сосредоточивать к тому, чтобы получить мир Божий, и с Церковью всегда взывать: *Господи, Боже наш, мир даждь нам* (Ис. 26, 12).

11. О хранении мира душевного

Надобно всеми мерами стараться, чтобы сохранить душевный мир и не возмущаться оскорблениями от других; для сего нужно всячески удерживаться от гнева и посредством внимания оберегать ум и сердце от непристойных колебаний.

Оскорбления от других должно переносить равнодушно и приобучаться к такому расположению, как бы они не до нас касались.

Такое упражнение может доставить нашему сердцу тишину и соделать его обителью Самого Бога.

Образ такого незлобия мы видим в жизни св. Григория Чудотворца, от которого некая жена блудница всенародно требовала мзды, аки бы за грех с нею содеянный; а он, нимало не разгневавшись на нее, кротко сказал некоему другу своему: *даждь* скоро ей цену, колико требует. Жена только что прияла неправедную мзду, подверглась нападению беса, святитель же изгнал из нее и беса молитвою (Чет.-мин. Ноябрь 17).

Если же невозможно, чтоб не возмутиться, то по крайней мере надобно удерживать язык по глаголу Псалмопевца: *смятохся и не глаголах* (76, 5).

В сем случае мы можем взять в образец себе св. Спиридона Тримифунтского и прп. Ефрема Сирина. Первый (Чет.-мин. Декабрь 12) так перенес оскорбление: когда по требованию греческого царя входил он во дворец, то один из слуг, бывших в палате царской, сочтя его за нищего, смеялся над ним, не пускал в палату и даже ударил его в ланиту. Св. Спиридон, будучи незлобив, обратил ему по слову Господню и другую (Мф. 5, 39). Преподобный Ефрем (Чет.-мин. Январь 18), постясь в пустыне, раз лишен был пищи таким образом: ученик его, неся пищу, нечаянно разбил по дороге сосуд. Преподобный, увидев ученика печальным, сказал ему: «Не скорби, брате; аще бо не восхоте приити к нам пища, то мы пойдем к ней». Итак, преподобный пошел, сел при сокрушенном сосуде и, собирая снедь, вкушал ее. Так-то он был безгневен.

А как побеждать гнев, сему можно поучиться из жития Паисия Великого (Чет.-мин. Июня 19), который просил Господа Иисуса Христа, явившегося ему, чтобы Он освободил его от гнева. И Спаситель сказал ему: *аще хощеши победити гнев и ярость купно, ничесоже возжелай, ни возненавиди кого, ни уничижи.*

Чтобы сохранить душевный мир, должно отгонять от себя уныние и стараться иметь дух радостный; по слову премудрого Сираха, *многи печаль уби, и несть пользы в ней* (Сир. 30, 25).

Для сохранения мира душевного также всячески должно избегать осуждения других. Снисхождением к брату и молчанием сохраняется мир душевный. Когда в таком устроении бывает человек, то получает божественные откровения.

Чтобы не впадать в осуждения ближних, должно внимать себе, ни от кого не принимать худых вестей и быть ко всему мертвым.

К сохранению душевного мира надобно чаще входить в себя и спрашивать: где я?

При сем должно наблюдать, чтобы телесные чувства, особенно зрение, служили внутреннему человеку и не развлекали душу чувственными предметами: ибо благодатные дарования получают только те, которые имеют внутреннее делание и бдят о душах своих.

12. О подвигах

Не должно предпринимать подвигов сверх меры, а стараться, чтобы друг — плоть наша — был верен и способен к творению добродетелей.

Надобно идти средним путем, *не уклоняясь ни на десно, ни на шуе* (Притч. 4, 27): духу давать духовное, а телу телесное, потребное для содержания временной жизни. Не должно также и общественной жизни отказывать в том, чего она законно требует от нас, по словам Писания: *воздадите кесарево кесареви и Божия Богови* (Мф. 22, 21).

Должно снисходить и душе своей в ее немощах и несовершенствах и терпеть свои недостатки, как терпим недостатки ближних, но не облениться и непрестанно побуждать себя к лучшему.

Употребил ли ты много пищи или сделал другое что, сродное слабости человеческой, не возмущайся, не прибавляй вреда ко вреду; но мужественно подвигнув себя к исправлению, старайся сохранить мир душевный, по слову Апостола: *блажен не осуждаяй себе, о нем же искушается* (Рим. 14, 22). Тот же смысл заключают в себе и слова Спасителя: *аще не обратитеся и будете яко дети, не внидете в Царство Небесное* (Мф. 18, 3).

Тело, изможденное трудом или болезнями, должно подкреплять умеренным сном, пищею и питием, не наблюдая даже и времени. Иисус Христос, тотчас по воскресении дщери Иаировой от смерти, *повелел дати ей ясти* (Лк. 8, 55).

Всякий успех в чем-либо мы должны относить ко Господу и говорить с пророком: *не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу* (Пс. 113, 9).

Лет до тридцати пяти, то есть до преполовения земной жизни, велик подвиг бывает человеку в сохранении себя, и многие в сии лета не устаивают в добродетели, но совраща-

ются с правого пути к собственным пожеланиям, как о сем св. Василий Великий свидетельствует (Беседа на начал. Притч., с. 305): многие много собрали в юности, но посреде жития бывши, воставшим на них искушениям от духов лукавствия, не стерпели волнения и всего того лишились.

Чтобы не испытать такого превращения, надобно поставить себя как на мериле испытания и внимательно наблюдать всю жизнь за собою, по учению св. Исаака Сирина: якоже на мериле приличествует извесити коемуждо жительство свое (Сл. 40).

13. О свете Христовом

Дабы принять и ощутить в сердце своем свет Христов, надобно, сколько можно, отвлечь себя от видимых предметов. Предочистив душу покаянием и добрыми делами, при искренней вере в Распятого, закрыв телесные очи, должно погрузить ум внутрь сердца и вопиять, непрестанно призывая имя Господа нашего Иисуса Христа. Тогда, по мере усердия и горячности духа к возлюбленному (Лк. 3, 22), человек в призываемом имени находит услаждение, которое возбуждает желание искать высшего просвещения.

Когда ум с таким упражнением долго пребудет, укоснит сердце, тогда возсияет свет Христов, освещая храмину души божественным сиянием, как говорит от лица Бога св. пророк Малахия: *и возсияет вам, боящимся имени Моего, солнце правды* (4, 2). Сей свет есть купно и жизнь, по Евангельскому слову: *в Том живот бе, и живот бе свет человеком* (Ин. 1, 4).

Когда человек созерцает внутренно свет вечный, тогда ум его бывает чист и не имеет в себе никаких чувственных представлений, но, весь будучи углублен в созерцание несозданной доброты, забывает все чувственное, не хочет зреть и себя, но желает скрыться в сердце земли, только бы не лишиться сего истинного блага – Бога.

14. О слезах

Все святые и мира отрекшиеся иноки всю жизнь свою плакали, в чаянии вечного утешения, по уверению Спасителя мира: *блажени плачущии, яко тии утешатся* (Мф. 5, 4).

Так и мы должны плакать об оставлении грехов своих. К сему да убедят нас слова порфироносного Пророка: *ходящии хождаху и плакахуся, метающе семена своя; грядуще же приидут радостию, вземлюще рукояти своя* (Пс. 125, 6) и слова Исаака Сирина: омочи ланите твои плачем очию твоею, да почиет на тебе Святый Дух и омыет тя от скверны злобы твоея. Умилостиви Господа твоего слезами, да приидет к тебе (Сл. 68, об отречении от мира).

Когда мы плачем в молитве и к слезам примешивается смех, то это – от диавольской хитрости. Трудно постигнуть тайные и тонкие действия врага нашего.

У кого текут слезы умиления, у того сердце озаряется лучами Солнца правды – Христа Бога.

15. О покаянии

Желающему спастися всегда должно иметь сердце, расположенное к покаянию и сокрушенное: *жертва Богу дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19).

В таком сокрушении духа человек с легкостью может безбедно проходить хитрые козни диавола, коего все силы направлены к тому, чтобы возмутить дух человека и в возмущении посеять свои плевелы, по словеси Евангельскому: *Господи, не доброе ли семя сеял еси на селе Твоем? откуду убо плевелы? Он же рече: враг человек сие сотвори* (Мф. 13, 28).

Когда же человек старается иметь сердце смиренное и мысль сохранить в мире, тогда все козни вражии бывают бездейственны; ибо где мир помыслов, там почивает Сам Бог: *в мире*, сказано, *место Его* (Пс. 75, 3).

Начало покаяния зарождается от страха Божия и внимания к себе, как говорит св. мученик Вонифатий (Чет.-мин. Декабря 19): страх Божий есть отец внимания, а внимание – матерь внутреннего покоя. Страх Господень пробуждает спящую совесть, которая делает то, что душа, как в некоей воде чистой и невозмущенной, видит свою некрасоту, и так рождаются начатки и разрастаются корни покаяния. Мы всю жизнь грехопадениями своими оскорбляем величество Божие, а потому и должны всегда со смирением просить у Господа оставления долгов наших.

Можно ли облагодатствованному человеку по падении восстать чрез покаяние?

Можно. По Псаломнику: *превратихся пасти, и Господь прият мя* (Пс. 117, 13). Когда св. пророк Нафан обличил Давида в грехе его, то он, покаявшись, тут же получил прощение (2 Цар. 12, 13).

К сему примером служит и один пустынник, который, пошедши за водой, при источнике пал в грех. Но возвратившись в келью, он сознал свое согрешение и паки начал проводить жизнь подвижническую, как прежде. Враг смущал его, представляя ему тяжесть греха, отрицая возможность прощения и стараясь отвлечь его от подвижнической жизни. Но воин Христов устоял на своем пути. О сем случае Бог открыл некоему блаженному отцу и велел брата, падшего в грех, ублажить за таковую победу над диаволом.

Когда мы искренно каемся во грехах наших и обращаемся ко Господу нашему Иисусу Христу всем сердцем нашим, Он радуется нам, учреждает праздник и созывает на него любезные Ему Силы, показывая им драхму, которую Он обрел паки, то есть царский образ Свой и подобие. Возложив на рамена заблудшую овцу, Он приводит ее к Отцу Своему. В жилище всех веселящихся Бог водворяет и душу покаявшегося вместе с теми, которые не отбегали от Него.

Итак, не вознерадим обращаться к благоутробному Владыке нашему скоро и не предадимся беспечности и отчаянию, ради тяжких и бесчисленных грехов наших. Отчаяние есть совершеннейшая радость диаволу. Оно есть грех к смерти, как гласит Писание (1 Ин. 5, 16, Ант. Сл. 77). «Аще не предашься унынию и нерадению, — говорит Варсонофий, — то имаши почудитися и прославити Бога, как Он применяет тя от еже не быти во еже быти» (то есть из грешника в праведника, отв. 114).

Покаяние во грехе, между прочим, состоит в том, чтобы не делать его опять.

Как всякой болезни есть врачевание, так и всякому греху есть покаяние.

Итак, несомненно приступай к покаянию, и оно будет ходатайствовать за тебя пред Богом. Непрестанно твори сию молитву прп. Антиоха: *Дерзая, Владыко, на бездну благоутробия Твоего, приношу Тебе от скверных уст и нечистых устен молитву сию: помяни, яко призвася на мне имя святое Твое, и искупил мя еси ценою крове Твоея, яко запечатлел мя еси обручением Св. Духа Твоего*

и возвел мя еси от глубины беззаконий моих; да не похитит мя враг. Иисусе Христе, заступи мя и буди ми помощник крепкий в брани, яко раб есмъ похоти и воюем от нея. Но Ты, Господи, не остави мя на земли повержена во осуждении дел моих: свободи мя, Владыко, лукаваго рабства миродержителя и усвой мя в заповедех Твоих. Путь живота моего, Христе мой, и свет очей моих – лице Твое. Боже, Владыко и Господи, возношения очей моих не даждь ми и похоть злую отстави от мене; заступи мя рукою Твоею святою. Пожелания и похотствования да не объимут мя, и душе безстыдней не предаждь мене. Просвяти во мне свет лица Твоего, Господи, да не объимет мене тма, и ходящии в ней да не похитят мя. Не предаждь, Господи, зверем невидимым душу, исповедающуюся Тебе. Не попусти, Господи, уязвитися рабу Твоему от псов чуждих. Приятелище Святаго Духа Твоего быти мя сподоби и дом Христа Твоего, Отче Святый, созижди мя. Путеводителю заблудших, путеводствуй мя, да не уклонюся в шуяя. Лице Твое, Господи, видети вожделех. Боже, светом лица Твоего путеводи мя. Источник слез даруй ми, рабу Твоему, и росу Святаго Духа даждь созданию Твоему, да не изсохну, яко смоковница, юже Ты проклял еси: и да будут слезы питием моим, и молитва моя пищею. Обрати, Господи, плач мой в радость мне и приими мя в вечныя Твоя скинии. Да постигнет мя милость Твоя, Господи, и щедроты Твоя да объимут мя, и отпусти вся грехи моя. Ты бо еси Бог истинный, отпущаяй беззакония. И не попусти, Господи, посрамитися делу рук Твоих по множеству беззаконий моих, но воззови мя, Владыко, единородным Твоим Сыном, Спасителем нашим. И воздвигни мя лежащаго, яко Левию мытаря, и оживотвори мя, грехми умерщвленнаго, яко сына вдовицы. Ты бо един еси воскресение мертвых, и Тебе слава подобает во веки. Аминь (Ант. Сл. 77).

16. О посте

Пост состоит не в том только, чтобы есть редко, но в том, чтобы есть мало; и не в том, чтобы есть однажды, но в том, чтобы не есть много. Неразумен тот постник, который дожидается определенного часа, а в час трапезы весь предается ненасытному вкушению и телом, и умом.

В рассуждении пищи должно наблюдать и то, чтобы не разбирать между снедями вкусными и невкусными. Это дело, свойственное животным, в разумном человеке недостойно похвал. Отказываемся же мы от приятной пищи для того,

чтобы усмирить воюющие члены плоти и дать свободу действиям духа.

Истинный пост состоит не в одном изнурении плоти, но и в том, чтобы ту часть хлеба, которую ты сам хотел бы съесть, отдать алчущему. *Блажени алчущии, яко тии насытятся* (Мф. 5, 6).

Подвигоположник и Спаситель наш Господь Иисус Христос, пред выступлением на подвиг искупления рода человеческого, укрепил Себя продолжительным постом. И все подвижники, начиная работать Господу, вооружали себя постом и не иначе вступали на путь крестный, как в подвиге поста. Самые успехи в подвижничестве измеряли они успехами в посте.

К строгому посту святые люди приступали не вдруг, делаясь постепенно и мало-помалу способными довольствоваться самою скудною пищею. Преподобный Дорофей, приучая ученика своего Досифея к посту, постепенно отнимал от стола его по малой части, так что от четырех фунтов меру его ежедневной пищи низвел наконец до восьми лотов хлеба.

При всем том святые постники, к удивлению других, не знали расслабления, но всегда были бодры, сильны и готовы к делу. Болезни между ними были редки, и жизнь их текла чрезвычайно продолжительно.

В той мере как плоть постящегося становится тонкой и легкой, духовная жизнь приходит в совершенство и открывает себя чудными явлениями. Тогда дух совершает свои действия как бы в бестелесном теле. Внешние чувства точно закрываются, и ум, отрешаясь от земли, возносится к небу и всецело погружается в созерцание мира духовного.

Однако ж не всякий сможет наложить на себя строгое правило воздержания во всем или лишить себя всего, что может служить к облегчению немощей. *Могий же вместити да вместит* (Мф. 19, 12).

Пищи употреблять должно каждый день столько, чтобы тело, укрепясь, было другом и помощником душе в совершении добродетели: иначе может быть и то, что при изнеможении тела и душа ослабеет. По пятницам и средам, особенно же в четыре поста, пищу, по примеру отцов, употребляй один раз в день, и Ангел Господень прилепится к тебе.

17. О хранении сердца

Мы непрестанно должны хранить сердце свое от непристойных помыслов и впечатлений, по слову Приточника: *всяцем хранением блюди сердце твое, от сих бо исходяща живота* (4, 23).

От бдительного хранения сердца рождается в нем чистота, для которой доступно видение Господа, по уверению вечной Истины: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8).

Что есть лучшего в сердце, того мы без надобности не должны обнаруживать; ибо тогда только собранное остается в безопасности от видимых и невидимых врагов, когда оно, как сокровище, хранится во внутренности сердца. Не всем открывай тайны сердца твоего.

18. О многословии

Одного многословия с теми, которые противных с нами нравов, довольно расстроить внутренность внимательного человека.

Но всего жалостнее то, что от сего может погаснуть тот огонь, который Господь наш Иисус Христос пришел вовречи на землю сердец человеческих: ибо ничтоже тако устужает огнь, от Св. Духа вдыхаемый в сердце инока к освящению души, якоже сообращение и многословие и собеседование, кроме онаго, еже со чады таин Божиих, еже к возвращению разума Его и приближению (Исаак Сирин. Сл. 8).

Особенно же должно хранить себя от обращения с женским полом: ибо, как восковая свеча, хотя и незажженная, но поставленная между зажженными, растаевает, так и сердце инока от собеседования с женским полом неприметно расслабевает, о чем и св. Исидор Пелусиот говорит так: аще (глаголющу Писанию) кия беседы злыя тлят обычаи благи, то беседа с женами, аще и добра будет, обаче сильна есть растлити внутреннего человека тайно помыслы скверными, и чисту сущу телу, пребудет душа осквернена: что бо твердее есть камене; что же воды мягчае; обаче всегдашнее прилежание и естество побеждает: аще убо естество, едва подвижимое, подвизается, и от тоя вещи, юже имать ни во что же, страждет и умаляется: то как воля человеческая, яже есть удобь колеблема, от обыкновения долгаго не будет побеждена

и превращена (Исидор Пелусиот. Письм. 284, и Чет.-мин. в жит. его февраля 4 дня).

А потому для сохранения внутреннего человека надобно удержать язык от многоглаголания: *муж бо мудр безмолвие водит* (Притч. 11, 12); и *иже хранит свои уста, соблюдает свою душу* (13, 3); и помнит слова Иова: *завет положих очима моима, да не помышлю на девицу* (31, 1), и слова Господа Иисуса Христа: *всяк иже воззрит на жену, ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердце своем* (Мф. 5, 28).

Не выслушав прежде другого, отвечать не должно: *иже бо отвещает слово прежде слышания, безумие ему есть и поношение* (Притч. 18, 13).

19. О распознавании действий сердечных

Когда человек приимет что-либо божественное, то радуется в сердце; а когда диавольское, то входит в смущение.

Сердце христианское, приняв что-либо Божественное, не требует стороннего убеждения в том, что сие от Господа, но самым тем действием убеждается, что восприятие его есть небесное; ибо ощущает в себе плоды духовные: *любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание* (Гал. 5, 42).

А диавол хотя бы преобразился *и в Ангела светла* (2 Кор. 11, 14) или представлял мысли самые благовидные, сердце все будет чувствовать какую-то неясность, волнение в мыслях и смятение чувств. Объясняя сие, св. Макарий Египетский говорит: «Хотя бы (сатана) и светлые видения представлял, благаго обаче действия подати отнюдь не возможет: чрез что и известный знак его дел бывает (Сл. 4, гл. 13)».

Итак, по разнообразным действиям сердечным человек может познать, что есть Божественное и что диавольское, как о сем пишет св. Григорий Синаит: «От действа убо возможешь познать возсиявый свет в душе твоей, Божий ли есть или сатанин (Доброт., ч. 1, л. 96, на обор. О безмолвии)».

20. О болезнях

Тело есть раб души, а душа — царица; а потому часто милосердием Божиим бывает и то, когда тело изнуряется болезнями:

от сего ослабевают страсти, и человек приходит в себя, да и самая болезнь телесная рождается иногда от страстей.

Отними грех, и болезней не будет; ибо они бывают в нас от греха, как сие утверждает св. Василий Великий: «Откуда недуги? откуда повреждения телесные? Господь создал тело, а не недуг; душу, а не грех? Что же паче всего полезно и нужно? Соединение с Богом и общение с Ним посредством любви. Теряя любовь сию, мы отпадаем от Него, а отпадая, подвергаемся различным и многообразным недугам» (О том, что Бог не есть причина зла, с. 213).

Кто переносит болезнь с терпением и благодарением, тому вменяется она вместо подвига или даже более.

Один старец, страдавший водяной болезнью, говорил братиям, которые приходили к нему с желанием лечить его: «Отцы, молитесь, чтобы не подвергся подобной болезни мой внутренний человек, а что касается до настоящей болезни, то я прошу Бога о том, чтобы Он не вдруг освободил меня от нее; ибо, поколику *внешний наш человек тлеет*, потолику *внутренний обновляется* (2, Кор. 4, 16)».

21. О милостыне

Должно быть милостиву к убогим и странным; о сем много пеклись великие светильники и отцы Церкви.

В отношении к сей добродетели мы должны всеми мерами стараться исполнять следующую заповедь Божию: *будете милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть* (Лк. 6, 36), также: *милости хощу, а не жертвы* (Мф. 9, 13).

Сим спасительным словам мудрые внимают, а неразумные не внимают; оттого и награда будет неодинакова, как сказано: *сеющии скудостию скудостию и пожнут; сеющии же о благословении, о благословении и пожнут* (2 Кор. 9, 6).

Пример Петра Хлебодара (Чет. мин. Сент. 22), который за кусок хлеба, поданный нищему, получил прощение во всех его грехах, как это было показано ему в видении, – да подвигнет нас к тому, чтобы и мы были милостивы к ближним: ибо и малая милостыня много способствует к получению Царства Небесного.

Творить милостыню мы должны с душевным благорасположением, по учению св. Исаака Сирина: «Аще даси что требую-

щему, да предварит даяние твое веселие лица твоего, и словесы благими утешай скорбь его» (Сл. 89).

22. О ПОМЫСЛАХ И ПЛОТСКИХ ДВИЖЕНИЯХ

Мы должны стараться быть свободными от помыслов нечистых, особенно когда приносим молитву Богу. Ибо нет единения между смрадом и благовонием.

Для сего нужно отражать первое нападение греховных помыслов и движений и рассевать их от земли сердца нашего. Пока дети Вавилонские, то есть движения и помыслы злые, еще младенцы, должно разбивать и сокрушать их о камень, который есть Христос; особенно же нужно сокрушать следующие три страсти: чревоугодие, сребролюбие и тщеславие, которыми ухищрялся диавол искусить даже Самого Господа нашего Иисуса Христа в конце подвигов Его в пустыне.

Диавол, как лев, скрываясь в ограде своей (Пс. 9, 30), тайно расставляет нам сети нечистых и нечестивых помыслов. Итак, немедленно, как только увидим, надобно расторгать их посредством благочестивого размышления и молитвы.

Требуется подвиг и великая бдительность, чтобы во время псалмопения ум наш согласовался с сердцем и устами, дабы в молитве нашей к фимиаму не примешивалось зловоние. Ибо Господь гнушается сердцем с нечистыми помыслами. Закон говорит: *не ори юнцем и ослятем* (Втор. 22, 10), то есть с помыслом чистым и нечистым не приноси молитвы.

Будем подражать Давиду, который говорит: *во утрия избивах вся грешныя земли, еже потребити от града Господня вся делающая беззаконие* (Пс. 100, 8). Законом запрещено было нечистому входить в дом Господа. Дом сей – мы, и Иерусалим внутри нас. Грешные земли суть кроющиеся в сердце нашем змиевидные помыслы. Будем и мы с ним взывать ко Господу: *устрой душу мою от злодейства их* (Пс. 34, 17); *расточи языки, хотящия бранем* (Пс. 67, 31), дабы и нам услышать: *в скорби призвал Мя еси, и избавих тя* (Пс. 80, 8).

Будем непрестанно, день и ночь, со слезами повергать себя пред лицом благости Божией, да очистит Он сердца наши от всякого злого помышления, чтобы мы достойно могли проходить путь звания нашего и чистыми руками приносить Ему дары служения нашего.

Ежели мы не согласны со влагаемыми от диавола злыми помышлениями, то мы добро творим.

Нечистый дух только на страстных имеет сильное влияние; а к очистившимся от страстей приражается лишь со стороны, или внешно.

Человеку в молодых летах не можно не возмущаться от плотских помыслов. Но должно молиться Господу Богу, да потухнет искра порочных страстей при самом начале. Тогда не усилится пламень.

23. О терпении и смирении

Надобно всегда терпеть и все, что бы ни случилось, Бога ради, с благодарностью.

Наша жизнь – одна минута в сравнении с вечностью; и потому *недостойны* по Апостолу *страсти нынешнего времени к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8, 18).

В молчании переноси, когда оскорбляет тебя враг, и единому Господу открывай тогда свое сердце.

Кто унижает или отнимает твою честь, всеми мерами старайся простить ему, по словам Евангелия: *от взимающего твоя, не истязуй* (Лк. 6, 30).

Когда люди поносят нас, то мы должны считать себя недостойными похвалы, представляя, что ежели бы мы были достойны, то все кланялись бы нам.

Мы всегда и перед всеми должны уничижать себя, следуя учению св. Исаака Сирина: «Уничижи себе, и узришь славу Божию в себе» (Слово 57).

Итак, возлюбим смирение, узрим славу Божию: идеже бо истекает смирение, тамо слава Божия источается.

Несущу свету, вся мрачна: так и без смирения ничего нет в человеке, как только одна тьма.

Как воск, не разогретый и не размягченный, не может принять налагаемой на него печати, так и душа, не искушенная трудами и немощами, не может принять на себя печати добродетели Божией. Когда диавол оставил Господа, тогда приступили Ангелы и служили Ему (Мф. 4, 11). Так, если во время искушений несколько отходят от нас Ангелы Божии, то не далеко, и скоро приступают и служат нам Божественными помышлениями, умилением, услаждением, терпением. Душа, потрудив-

шись, стяжавает и прочия совершенства. Почему св. пр. Исаия говорит: *Терпящии Господа изменят крепость, окрылатеют, аки орли, потекут, и не утрудятся, пойдут, и не взалчут* (Ис. 40, 31).

Так терпел и кротчайший Давид: ибо когда Семей поносил его и метал на него камни, говоря: *изыди, мужу беззаконный,* — он не сердился; и когда Авесса, вознегодовав на сие, сказал ему: *почто проклинает пес умерший сей Господина моего Царя?* — он запретил ему, говоря: *оставите его, и тако да проклинает мя, ибо Господь увидит и воздаст мне благое* (2 Цар. 16, 7–12). Почему после и воспел: *терпя потерпех Господа, и внят ми, и услыша молитву мою* (Пс. 39, 2).

Сосуды скудельничи искушает пещь: и искушение человеческое в помышлениях его (Сир. 27, 5). *Но горе вам, погубльшим терпение! И что сотворите, егда посетит Господь?* (2, 14).

Как чадолюбивый отец, когда видит, что сын его живет беспорядочно, наказывает его, а когда увидит, что он малодушен и наказание сносит с трудом, тогда утешает, — так поступает с нами и благий Господь и Отец наш, употребляя все для нашей пользы, как утешения, так и наказания, по Своему человеколюбию. И потому мы, находясь в скорбях, как дети благопокорливые, должны благодарить Бога. Ибо если станем благодарить Его только в благополучии, то подобны будем неблагодарным иудеям, которые, насытившись чудной трапезы в пустыне, говорили, что Христос воистину есть Пророк, хотели взять Его и сделать царем; а когда Он сказал им: *делайте не брашно гиблющее, но брашно, пребывающее в живот вечный,* тогда говорили Ему: *кое убо Ты твориши знамение? Отцы наши ядоша манну в пустыни* (Ин. 6, 31). Прямо на таких падает слово: *исповестся Тебе, егда благо сотвориши ему* — и таковый *даже до века не узрит света* (Пс. 48, 19–20).

Посему апостол Иаков учит нас: *всяку радость имейте, братия моя, егда во искушения впадаете различна, видяще, яко искушение вашея веры соделывает терпение; терпение же дело совершенно да имать,* и прибавляет: *блажен муж, иже претерпит искушение: зане искусен быв приимет венец жизни* (Иак. 1, 2–4, 12).

24. О должностях и любви к ближним

С ближними надобно обходиться ласково, не делая даже и видов оскорбления.

Когда мы отвращаемся от человека или оскорбляем его, тогда на сердце нашем как бы камень ложится.

Дух смущенного или унывающего человека надобно стараться ободрить словом любви.

Брату грешащу, покрой его, как советует св. Исаак Сирин (Сл. 89): «Простри ризу твою над согрешающим и покрой его».

Все мы требуем милости Божией, как Церковь поет: *аще не Господь бы был в нас, кто доволен цел сохранен быти от врага, купно и человекоубийцы!*

Мы в отношении к ближним должны быть как словом, так и мыслию чисты и ко всем равны; иначе жизнь нашу сделаем бесполезною.

Мы должны любить ближнего не менее, как самих себя, по заповеди Господней: *возлюбиши ближнего твоего, яко сам себе* (Лк. 10, 27). Но не так, чтобы любовь к ближним, выходя из границ умеренности, отвлекала нас от исполнения первой и главной заповеди, то есть любви Божией, как о сем поучает Господь наш Иисус Христос: *иже любит отца или матерь паче Мене, несть Мене достоин, иже любит сына или дщерь паче Мене, несть Мене достоин* (Мф. 10, 37). О сем предмете весьма хорошо рассуждает св. Димитрий Ростовский (Часть 2, поуч. 2, лист 165): «Там видна неправдивая к Богу в христианском человеке любовь, где тварь с Творцом сравнивается, а там видна правдивая любовь, где один Создатель паче всего создания любится и предпочитается».

25. О неосуждении ближнего и о прощении обид

Не должно судить никого, хотя бы собственными очами видел кого согрешающим или коснеющим в преступлении заповедей Божиих, по слову Божию: *не судите, да не судими будете* (Мф. 7, 1); *ты кто еси, судяй чуждему рабу? своему Господеви стоит или падает, станет же: силен бо есть Бог поставити его* (Рим. 14, 4).

Гораздо лучше всегда приводить себе на память сии апостольские слова: *мняйся стояти, да блюдется, да не падет* (1 Кор. 10, 12).

Ибо неизвестно, сколько времени мы можем пребывать в добродетели, как говорит пророк, опытом сие дознавший:

рех в обилии моем: не подвижуся во век. Отвратил же еси лице Твое, и бых смущен (Пс. 29, 7–8).

За обиду, какова бы она ни была, не должно отмщать, но, напротив, прощать обидчика от сердца, хотя бы оно и противилось сему, и склонять его убеждением слова Божия; *аще не отпущаете человеком согрешения их, ни Отец ваш Небесный отпустит вам согрешений ваших* (Мф. 6, 15); *молитеся за творящих вам напасть* (Мф. 5, 44).

Не должно питать в сердце злобы или ненависти к ближнему – враждующему, но должно любить его и, сколько можно, творить ему добро, следуя учению Господа нашего Иисуса Христа: *любите враги ваша, добро творите ненавидящим вас* (Мф. 5, 44).

Итак, если мы будем, сколько есть сил, стараться все сие исполнять, то можем надеяться, что в сердцах наших воссияет свет Божественный, озаряющий нам путь к горнему Иерусалиму.

Поревнуем возлюбленным Божиим; поревнуем кротости Давида, о котором преблагий и любоблагий Господь сказал: *нашел Я мужа по сердцу Моему, который исполнит все хотения Мои.* Так Он говорит о Давиде, незлопамятном и добром к врагам своим. И мы не будем делать ничего в отмщение брату нашему, дабы, как говорит прп. Антиох, не было остановки во время молитвы. Закон велит заботиться об осле врага (Исх. 23, 5). Об Иове свидетельствовал Бог, как о человеке незлобивом (Иов. 2, 3); Иосиф не мстил братиям, которые умыслили на него зло; Авель в простоте и без подозрения пошел с братом своим Каином. По свидетельству слова Божия, святые все жили в незлобии. Иеремия, беседуя с Богом (Иер. 18, 20), говорит о гнавшем его Израиле: *егда воздаются злая за благая? Помяни стоящего мя пред Тобою, еже глаголати за них благая* (Ант. Сл. 52).

Бог заповедал нам вражду только против змия, то есть против того, кто изначала обольстил человека и изгнал из рая – против человекоубийцы – диавола. Повелено нам враждовать и против мадианитян, то есть против нечистых духов блуда и студодеяния, которые сеют в сердце нечистые и скверные помыслы.

Предел добродетели и мудрости есть бесхитростное действие с разумом.

Отчего мы осуждаем братий своих? Оттого, что не стараемся познать самих себя. Кто занят познанием самого себя, тому некогда замечать за другими. Осуждай себя, и перестанешь осуждать других.

Осуждай дурное дело, а самого делающего не осуждай.

Самих себя должно нам считать грешнейшими всех и всякое дурное дело прощать ближнему, а ненавидеть только диавола, который прельстил его. Случается же, что нам кажется, другой делает худо, а в самом деле, по благому намерению делающего, это хорошо. Притом дверь покаяния всем отверста, и неизвестно, кто прежде войдет в нее – ты ли, осуждающий, или осуждаемый тобою.

Если осуждаешь ближнего, учит прп. Антиох, то вместе с ним и ты осуждаешься в том же, в чем его осуждаешь. Судить или осуждать не нам надлежит, но единому Богу и Великому Судье, ведущему сердца наша и сокровенныя страсти естества (Ант. Сл. 49).

Итак, возлюбленные, не будем наблюдать за чужими грехами и осуждать других, чтобы не услышать: *сынове человечестии, зубы их оружия и стрелы, и язык их меч остр* (Пс. 56, 5).

Ибо когда Господь оставит человека самому себе, тогда диавол готов стереть его, яко мельничный жернов зерно пшеничное.

26. Против излишней попечительности

Излишнее попечение о вещах житейских свойственно человеку неверующему и малодушному. И горе нам, если мы, заботясь сами о себе, не утверждаемся надеждою нашею в Боге, пекущемся о нас! Если видимых благ, которыми в настоящем веке пользуемся, не относим к Нему, то как можем ожидать от Него тех благ, которые обещаны в будущем? Не будем такими маловерными, а лучше будем *искать прежде Царствия Божия, и сия вся приложатся нам*, по слову Спасителя (Мф. 6, 33).

Лучше для нас презирать то, что не наше, то есть временное и преходящее, и желать нашего, то есть нетления и бессмертия. Ибо тогда будем нетленны и бессмертны, тогда удостоимся видимого богосозерцания, подобно Апостолам при божественнейшем Преображении, и приобщимся превыше умного единения с Богом подобно небесным умам. *Ибо будем*

подобны Ангелам, и сынами Божиими, воскресения сынове суще (Лк. 20, 36).

Есть недуг, говорит Екклезиаст, *егоже видех под солнцем, богатство храним от стяжателя в зло ему: и погибнет богатство оно в попечении лукавне: вси дние его во тме, и плачи, и в ярости мнозе, и в недузе, и в гневе* (Еккл. 5, 12, 16). —

27. О печали

Когда злой дух печали овладеет душою, тогда, наполнив ее горестью и неприятностью, не дает ей совершать молитву с должным усердием, мешает заниматься чтением писаний с надлежащим вниманием, лишает ее кротости и благодушия в обращении с братиями и рождает отвращение от всякого собеседования. Ибо душа, исполненная печали, делаясь как бы безумной и исступленной, не может спокойно ни принимать благого совета, ни кротко отвечать на предлагаемые вопросы. Она убегает людей, как бы виновников ее смущения, не понимая, что причина болезни внутри ее. Печаль есть червь сердца, грызущий рождающую его мать.

Печальный монах не движет ума к созерцанию и никогда не может совершать чистой молитвы.

Кто победил страсти, тот победил и печаль. А побежденный страстями не избежит оков печали. Как больной виден по цвету лица, так обладаемый страстью обличается от печали.

Кто любит мир, тому невозможно не печалиться. А презревший мир всегда весел.

Как огонь очищает золото, так печаль по Бозе очищает греховное сердце (Ант. Сл. 25).

28. Об отчаянии

Отчаяние, по учению св. Иоанна Лествичника, рождается или от сознания множества грехов, отчаяния совести и несносной печали, когда душа, множеством язв покрытая, от невыносимой их боли погружается во глубину отчаяния, или от гордости и надмения, когда кто почитает себя не заслуживающим того греха, в который впал. Первого рода отчаяние влечет человека во все пороки без разбора, а при отчаянии второго рода человек держится еще своего подвига, что,

по словам Иоанна Лествичника, и несовместно разуму. Первое врачуется воздержанием и благою надеждою, а второе смирением и неосуждением ближнего (Лест. Лист. 102, степень 26).

Господь печется о нашем спасении. Но человекоубийца диавол старается привести человека в отчаяние.

Душа высокая и твердая не отчаивается при несчастьях, каковы бы они ни были. Иуда предатель был малодушен и не искусен в брани, и потому враг, видя его отчаяние, напал на него и обольстил его удавиться: но Петр – твердый камень, когда впал в грех, как искусный в брани, не отчаялся и не потерял духа, но пролил горькие слезы от горячего сердца, и враг, увидя их, как огнем палимый в глаза, далеко убежал от него с болезненным воплем.

Итак, братия, учит прп. Антиох, когда отчаяние будет нападать на нас, не покоримся ему, но, укрепляясь и ограждаясь светом веры, с великим мужеством скажем лукавому духу: «Что нам и тебе, отчужденный от Бога, беглец с небес и раб лукавый? Ты не смеешь сделать нам ничего. Христос, Сын Божий, власть имеет и над нами, и над всем. Ему согрешили мы, Ему и оправдаемся. А ты, пагубный, удались от нас. Укрепляемые честным Его крестом, мы попираем твою змеиную главу» (Ант. Сл. 27). И с умилением будем молиться ко Господу: *Владыко Господи небесе и земли, Царю веков! Благоволи отверсти мне дверь покаяния, ибо я в болезни сердца молю Тебя, истиннаго Бога, Отца Господа нашего Иисуса Христа, света миру, призри многим Твоим благоутробием и приими моление мое; не отврати его, но прости мне, впадшему во многия прегрешения. Приклони ухо Твое к молению моему, и прости мне все злое, которое соделал я, побежденный моим произволением. Ибо ищу покоя, и не обретаю, потому что совесть моя не прощает меня. Жду мира, и нет во мне мира, по причинам глубокого множества беззаконий моих. Услыши, Господи, сердце, вопиющее к Тебе, не посмотри на мои злыя дела, но призри на болезнь души моей и поспеши уврачевать меня, жестоко уязвленного. Дай мне время покаяния ради благодати человеколюбия Твоего и избавь меня от бесчестных дел, и не возмерь мне по правде Твоей и не воздай мне достойное по делам моим, чтобы мне не погибнуть совершенно. Услыши, Господи, меня, в отчаянии находящегося. Ибо я, лишенный всякой готовности и всякой мысли ко исправлению себя, припадаю к щедротам Твоим: помилуй меня, поверженнаго на землю и осужден-*

наго за грехи мои. Воззови меня, Владыко, плененного и содержимого моими злыми деяниями и как бы цепями связанного. Ибо Ты Един ведаешь разрешать узников, врачевать раны, никому неизвестныя, которыя знаешь только Ты, ведущий сокровенное. И потому во всех моих злых болезнях призываю только Тебя – врача всех страждущих, дверь рыдающих вне, путь заблудившихся, свет омраченных, искупителя заключенных, всегда сокращающего десницу Свою и удерживающего гнев Свой, уготованный на грешников, но ради великого человеколюбия дающего время покаянию. Возсияй мне свет лица Твоего, Владыко, тяжко падшему, скорый в милости и медленный в наказании. И твоим благоутробием простри мне руку и возставь меня из рова беззаконий моих. Ибо Ты Един Бог наш, не веселящийся о погибели грешников и не отвращающий лица Своего от молящагося к Тебе со слезами. Услыши, Господи, глас раба Твоего, вопиющаго к Тебе, и яви свет Твой на мне, лишенном света, и даруй мне благодать, чтобы я, не имеющий никакой надежды, всегда надеялся на помощь и силу Твою. Обрати, Господи, плач мой в радость мне, расторгни вретище и препояшь мене веселием (Пс. 29, 12). И благоволи, да успокоюсь от вечерних дел моих, и да получу успокоение утреннее, как избранные Твои, Господи, от которых отбежали болезнь, печаль и воздыхание, и да отверзется мне дверь Царствия Твоего, дабы, вошедши с наслаждающимися светом лица Твоего, Господи, получить мне жизнь вечную во Христе Иисусе, Господе нашем. Аминь.

29. О причинах пришествия в мир Иисуса Христа

Причины пришествия в мир Иисуса Христа, Сына Божия, суть:

1. Любовь Божия к роду человеческому: *тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего Единороднаго дал есть* (Ин. 3, 16).

2. Восстановление в падшем человеке образа и подобия Божия, как о сем воспевает Св. Церковь (1-й канон на Рождество Господне, песнь 1-я): *истлевша преступлением, по образу Божию бывшаго, всего тления суща, лучшия отпадша Божественныя жизни, паки обновляет мудрый Содетель.*

3. Спасение душ человеческих: *не посла бо Бог Сына Своего в мир, да судит мирови, но да спасется Им мир* (Ин. 3, 17).

Итак, мы, следуя цели Искупителя нашего Господа Иисуса Христа, должны жизнь свою препровождать согласно Его Божественному учению, дабы чрез сие получить спасение душам нашим.

Человек состоит из души и тела, а потому и путь жизни его должен состоять из действий телесных и душевных — из деяний и умосозерцания.

Путь деятельной жизни составляют: пост, воздержание, бдение, коленопреклонение, молитва и прочие телесные подвиги, составляющие тесный путь и прискорбный, который, по слову Божию, *вводит в живот вечный* (Мф. 7, 14).

Путь умосозерцательной жизни состоит в возвышении ума ко Господу Богу, в сердечном внимании, умной молитве и созерцании чрез таковые упражнения вещей духовных.

Всякому, желающему проходить жизнь духовную, должно начинать от деятельной жизни, а потом уже приходить и в умосозерцательную: ибо без деятельной жизни в умосозерцательную прийти невозможно.

Деятельная жизнь служит к очищению нас от греховных страстей и возводит нас на степень деятельного совершенства; а тем самым пролагает нам путь к умосозерцательной жизни. Ибо одни токмо очистившиеся от страстей и совершенные к оной жизни приступать могут, как сие видеть можно из слов Священного Писания: *блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8), и из слов св. Григория Богослова (в слове на Св. Пасху): к созерцанию могут безопасно приступать только совершеннейшие по своей опытности.

Так и Церковь, ублажая святителя Николая, воспевает: молчаньми прежде и бореньми с помыслы, деянию Богомыслие приложил еси, Богомыслием же разум совершен стяжал еси, имже дерзновенно с Богом и Ангелы беседовал еси (Акаф. св. Николаю. Конд. 10).

К умозрительной жизни приступать должно со страхом и трепетом, с сокрушением сердца и смирением, со многим испытанием Святых Писаний и, если можно найти, под руководством какого-либо искусного старца, а не с дерзостью и самочинием: дерзый бо и презорливый, по словам Григория Синаита (О прелести и о иных многих предлогах. Доброт. Часть 1, лист 951 и на обор.), паче достоинства своего взыскав, с кичением понуждается до того прежде времени доспети. И паки: аще мечтает кто мнением высокая достигнути, желание сатанино, а не истину стяжав, — сего диавол своими

мрежами удобь уловляет, яко своего слугу. Если же не можно найти наставника, могущего руководствовать к умосозерцательной жизни, то в таком случае должно руководствоваться Священным Писанием, ибо Сам Господь повелевает нам учиться от Священнаго Писания, глаголя: *испытайте Писания, яко вы мните в них имети живот вечный* (Ин. 5, 39).

Также должно тщательно прочитывать отеческие писания и стараться, сколько можно, по силе исполнять то, чему научают оныя, и таким образом мало-помалу от деятельной жизни восходить к совершенству умосозерцательной.

Ибо, по словам св. Григория Богослова (Слово на Св. Пасху), самое лучшее дело, когда мы каждый сам собою достигаем совершенства и приносим призывающему нас Богу жертву живую, святую и всегда и во всем освящаемую.

Не должно оставлять деятельную жизнь и тогда, когда бы в ней человек имел преуспеяние и пришел бы уже в умосозерцательную; ибо она содействует умосозерцательной жизни и ее возвышает.

Проходя путь внутренней и умосозерцательной жизни, не должно ослабевать и оставлять онаго потому, что люди, прилепившиеся ко внешности и чувственности, поражают нас противностью своих мнений в самое чувство сердечное и всячески стараются отвлечь нас от прохождения внутреннего пути, поставляя нам на оном различные препятствия: ибо, по мнению учителей церковных (Блаж. Феодорита толков. на Песнь песней, лист. 84 на обор.), умосозерцание вещей духовных предпочитается познанию вещей чувственных.

А потому никакими противностями в прохождении сего пути колебаться не должно, утверждаясь в сем случае на слове Божием: *страха же их не убоимся, ниже смутимся, яко с нами Бог. Господа Бога нашего освятим* в сердечной памяти Его Божественнаго имени, *и Той будет нам в страх* (Ис. 8, 12–13).

Глава VII

Явление Божией Матери о. Серафиму в 1815 году и окончание затвора. Примеры прозорливости. Михаил Васильевич и Елена Васильевна Мантуровы. Возложение о. Серафимом подвига самопроизвольной нищеты на М. В. Мантурова. Труды Михаила Васильевича в Дивееве. Столкновение начальницы общинки Ксении Михайловны с Московским генерал-губернатором графом Закревским и вмешательство о. Серафима. Загадочные поручения, даваемые батюшкой Михаилу Васильевичу. Странная судьба Елены Васильевны Мантуровой. Семейство Мелюковых. Дивный отрок Мария Семеновна. Прасковья Семеновна – славная раба Божия и племянница ее Елена Ивановна. Иван Семенович Мелюков и рассказ его о батюшке о. Серафиме. Ксения Васильевна Путкова. Священник отец Василий Никитич Садовский

В 1815 году Господь, по новому явлению о. Серафиму Пречистой Матери Своей, повелел ему не скрывать своего светильника под спудом и, отворив двери затвора, быть доступным и видимым для каждого. Поставя себе в пример великого Илариона, он стал принимать всех без исключения, беседуя и поучая спасению. Маленькая келья его освещалась всегда одной только лампадой и возжженными у икон свечами. Она не отапливалась никогда печкой, имела два маленьких оконца и была всегда завалена мешками с песком и каменьями, служившими ему вместо постели, обрубок дерева употреблялся вместо стула, и в сенях дубовый гроб, изготовленный его же руками. Келья растворялась для всех братий монастыря во всякое время, для сторонних после ранней

обедни до 8 ч. вечера. Теперь жизнь старца приняла новое христиански-общественное направление. До сих пор он видимо заботился об одном себе и о спасении души своей. Деятельность его о спасении ближних исключительно состояла в молении о всем мире, о живых и усопших православных христианах. По свойству пустынножительства и затвора, практическая польза и руководство ближних еще не входили в разряд его действий. До сих пор духовно работая над собою, он только готовился выйти на поле общественного служения. Теперь настало такое время, с которого о. Серафим, ставши в духовной жизни выше множества христиан и чувствуя подкрепление со стороны благодати Божией, посвятил себя подвигам веры и душеспасительного назидания и руководства ближних.

Старец принимал к себе всех охотно, давал благословение, и каждому, смотря по душевным потребностям, делал различного рода краткие наставления. Приходящих старец принимал так: он одет был в обыкновенный белый балахон и полумантию; на шее имел епитрахиль и на руках поручи. Епитрахиль и поручи он носил на себе не всегда при приеме посетителей, а в те лишь дни, когда причащался Св. Таин, следовательно, по воскресным и праздничным дням. В ком видел он искреннее раскаяние во грехах, кто являл в себе горячее усердие к христианскому житию, тех принимал с особенным усердием и радостью. После беседы с ними он, заставив их наклонить голову, возлагал на нее конец епитрахили и правую руку свою, предлагая произносить за собою следующую покаянную молитву: *«Согрешил я, Господи, согрешил душою и телом, словом, делом, умом и помышлением и всеми моими чувствами: зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием, волею или неволею, ведением или неведением»*. Сам затем произносил молитву разрешения от грехов: *«Господь и Бог наш Иисус Христос, благодатию и щедротами человеколюбия Своего, да простит ти, чадо (имя его), вся согрешения твоя, и аз, недостойный иеромонах Серафим, властию Его, мне данною, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь»*. При последних словах он благословлял наклоненную голову пришедшего. Старец делал это по обычаю, доселе существующему на Востоке между освященными, то есть имеющими степень священства, аввами. Получившие разрешение чувствовали

облегчение совести и вкушали несродное земным благам духовное удовольствие. По окончании такого действия он помазывал крестообразно чело пришедшего елеем от св. иконы, и если это было ранее полудня, следовательно, до принятии пищи, давал вкушать из чаши *великой агиасмы*, то есть св. богоявленской воды, благословлял частицею антидора либо св. хлеба, освящаемого на всенощном богослужении. Потом, целуя пришедшего в уста, говорил во всякое время: *«Христос воскресе!»*, — и давал прикладываться к образу Божией Матери или ко кресту, висевшему у него на груди. Иногда же, особенно знатным особам, он советовал зайти в храм помолиться Матери Божией пред св. иконой Ее Успения или Живоносного Источника.

Если пришедший не имел нужды в особенных наставлениях, то старец делал общехристианское назидание. В особенности он советовал всегда иметь память о Боге и для сего непрестанно призывать в сердце имя Божие, повторяя молитву Иисусову: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго.* «В этом да будет, — говорил он, — все твое внимание и обучение! Ходя и сидя, делая и в церкви до начала богослужения стоя, входя и исходя, сие непрестанно содержи на устах и в сердце твоем. С призыванием, таким образом, имени Божия, ты найдешь покой, достигнешь чистоты духовной и телесной, и вселится в тебя Св. Дух, источник всех благ, и управит Он тебя во святыне, во всяком благочестии и чистоте».

Из частных наставлений отца Серафима было еще: «Ради будущего блаженства стяжите целомудрие, храните девство. Дева, хранящая свое девство ради любви Христовой, имать честь со Ангелами и есть невеста Христу: Христос есть Жених ей, вводящий ю в Свой чертог небесный. Всякая человеческая душа есть дева; душа же, во грехах пребывающая, вдова нерадивая, в сластолюбии заживо умершая».

Многие, приходя к о. Серафиму, жаловались, что они мало молятся Богу, даже оставляют необходимые дневные молитвы. Иные говорили, что делают это по безграмотству, другие — по недосугу. Отец Серафим завещал таким людям следующее молитвенное правило: «Вставши от сна, всякий христианин, став пред св. иконами, пусть прочитает молитву Господню “Отче наш” трижды, в честь Пресвятой Троицы, потом песнь Богородице *“Богородице Дево, радуйся”* — также трижды, и наконец Символ веры: *“Верую во Единого Бога”* — единожды.

Совершив это правило, всякий христианин пусть занимается своим делом, на которое поставлен или призван. Во время же работы дома или на пути куда-нибудь пусть читает тихо: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго или грешную;* а если окружают его другие, то, занимаясь делом, пусть говорит умом только это: *Господи, помилуй,* и продолжай до обеда.

Пред самым же обедом пусть совершает вышепоказанное утреннее правило.

После обеда, исполняя свое дело, всякий христианин пусть читает также тихо: *“Пресвятая Богородице, спаси мя грешнаго”*, и это пусть продолжает до самого сна.

Когда случится ему проводить время в уединении, то пусть читает он: *“Господи Иисусе Христе, Богородицею помилуй мя грешнаго или грешную”*

Отходя же ко сну, всякий христианин пусть опять прочитает вышепоказанное утреннее правило, то есть трижды *Отче наш,* трижды *Богородице* и однажды *Символ веры.* После того пусть засыпает, оградив себя крестным знамением».

Относительно достоинства этого малого правила о. Серафим толковал, что, держась его, можно достигнуть меры христианского совершенства, ибо означенные три молитвы – основание христианства: первая – как молитва, данная Самим Господом, есть образец всех молитв; вторая – принесена с неба Архангелом в приветствие Деве Марии, Матери Господа. Символ же вкратце содержит в себе все спасительные догматы христианской веры.

Если кому невозможно выполнить, как бы следовало, и этого малого правила по обстоятельствам благословным, то старец советовал читать его во всяком положении: и во время занятий, и на ходьбе, и даже на постели, помня слова Господа: всякий, кто только призывает имя Господне, *спасется* (Иоил. 2, 32; Римл. 10, 13).

А кто располагает временем больше, чем какое требуется на это правило, и вдобавок он человек грамотный, тот пусть к этому присоединяет и другие полезные молитвословия и чтения, как-то: чтение нескольких зачал из св. Евангелия и Апостолов, чтение канонов, акафистов, псалмов и разных других молитв. Читая же, пусть благодарит он Господа со всяким смирением и за то, что имел время принести Ему в жертву

и еще нечто из священных плодов. Таким путем христианин мало-помалу может подниматься наверх христианских добродетелей.

В качестве посетителей к нему являлись и знатные государственные люди. Отец Серафим относился к ним с должной честью и с христианской любовью и, беседуя с ними в таком духе, обращал внимание на важность их сана, поучая их отсюда быть верными св. Православной Церкви, своему природному государю и отечеству. Указывая на знаки отличия, украшающие грудь их, он напоминал им о Христе Иисусе, ради спасения нашего распятом на кресте, и говорил, что знаки сии должны служить им живой проповедью о их обязанности: быть всегда готовыми жертвовать всем, даже, если нужно, самою жизнью для блага родины и Церкви. Более же всего, по нуждам того времени, он умолял их охранять великую, святую, православную, кафолическую Церковь, сильно колеблемую и внешними бедствиями, и суетными мудрованиями века. «Этого, — говорил он, — ждет от вас народ русский, к тому должны побуждать вас совесть, для сего избрал вас и возвеличил государь, к этому обязывает св. Церковь и Сам Господь Бог, ее основатель и хранитель».

В 1825 или 1826 году великий князь Михаил Павлович, посетив (инкогнито) Саровскую обитель, в проезд через Тамбов и Пензу, также заходил к старцу Серафиму и принял от него благословение.

Еще гораздо более являлось к нему простых людей, которые требовали не одних советов, но подчас и помощи. Так, однажды прибежал в обитель простой крестьянин с шапкой в руке, с растрепанными волосами, спрашивая в отчаянии у первого встречного инока: «Батюшка! Ты, что ли, о. Серафим?» Ему указали о. Серафима. Бросившись туда, он упал к нему в ноги и убедительно говорил: «Батюшка! У меня украли лошадь, и я теперь без нее совсем нищий; не знаю, чем кормить буду семью. А говорят, ты угадываешь». Отец Серафим, ласково взяв его за голову и приложив к своей, сказал: «Огради себя молчанием и поспеши в *такое-то* (он назвал его) село. Когда будешь подходить к нему, свороти с дороги вправо и пройди задами четыре дома, там ты увидишь калиточку, войди в нее, отвяжи свою лошадь от колоды и выведи молча». Крестьянин тотчас с верою и радостью побежал обратно,

нигде не останавливаясь. После в Сарове был слух, что он действительно отыскал лошадь в показанном месте.

Другой подобный сему случай рассказывал о. Павел, инок Саровский. «Однажды привел я, – говорит он, – к о. Серафиму молодого крестьянина с уздою в руках, плакавшего о потере своих лошадей, и оставил их одних. Через несколько же времени, встретив опять этого крестьянина, я спросил у него: "Ну, что? Отыскал ли ты своих лошадей?"

"Как же, батюшка, отыскал", – отвечал крестьянин.

"Где и как?" – спросил я еще его.

А он отвечал: "Отец Серафим сказал мне, чтобы я шел на торг и там увижу их. Я и вышел, и как раз увидал и взял к себе моих лошадок"».

Жена управляющего селом Елизарьевым, находящимся в Ардатовском уезде Нижегородской губернии, А. И. Моляева, рассказывала следующий случай прозорливости о. Серафима, принадлежавший настоящему времени: «Муж мой Николай Кириллович Моляев, лишившись места управляющего в селе Елизарьеве, вскоре получил такое же место в селе Череватове, Ардатовского же уезда, и здесь жестоко занемог; это было в 1822 году. Зная мою преданность к о. Серафиму и его ко мне благоволение, он послал меня к нему попросить его св. молитв и благословения и спросить: может ли он надеяться на выздоровление или нет?

Я отправилась в Саров и, по прибытии моем туда, нашла, что о. Серафим затворился и никого к себе не принимал. Несмотря на то, я пробралась сквозь множество народа, ожидавшего выхода о. Серафима, к его келье, и вдруг старец Божий, как бы провидя мою крайнюю нужду видеть его, показался в дверях своей кельи и, не обращая внимания на остальной народ, обратился ко мне и сказал: "Дочь Агрипина, подойди ко мне скорее, потому что тебе нужно поспешить домой" Когда я подошла к нему, он, предупреждая слова мои, дал мне св. воды, антидора, красного вина и несколько сухарей и сказал: "Вот, скорее вези это к своему мужу". Потом, взяв мою руку, он положил ее к себе на плечо и, дав осязать бывший на нем большой железный крест, сказал: "Вот, дочь моя, сперва мне было тяжело носить это, но ныне весьма приятно. Спеши же теперь и помни мою тяжесть. Прощай". С этими словами он благословил меня и ушел опять в свою келью, где снова

затворился и никого к себе не принимал. По приезде домой я нашла своего мужа при последних минутах жизни; у него уже отнялся язык. Тогда я вспомнила о кресте старца и поняла, что он предсказывал мне о трауре. Едва дала я, по приказанию о. Серафима, больному красного вина с антидором и потом св. воды, больной снова заговорил и сказал: "Прости меня, святой отец, в последний раз получаю от тебя благословение". После этих слов он благословил еще детей наших, простился со мной и сказал: "Велики дела о. Серафима!" – лег снова и мирно отошел к Господу».

Нижегородской губернии Ардатовского уезда, в родовом своем имении селе Нуче, жили сироты брат с сестрой, дворяне-помещики Михаил Васильевич и Елена Васильевна Мантуровы. Михаил Васильевич много лет служил в Лифляндии на военной службе и женился там на лифляндской уроженке Анне Михайловне Эрнц, но затем так сильно заболел, что принужден был оставить службу и переехать на жительство в свое имение, село Нучу. Елена Васильевна, гораздо моложе своего брата по годам, была веселого характера и мечтала только о светской жизни и скорейшем замужестве.

Болезнь Михаила Васильевича Мантурова имела решающее влияние на всю жизнь его, и самые лучшие доктора затруднялись определить ее причину и свойства. Таким образом, всякая надежда на медицинскую помощь была потеряна, и оставалось обратиться за исцелением к Господу и Его Святой Церкви. Молва о святой жизни батюшки о. Серафима, обежавшая уже всю Россию, конечно, достигла и села Нучи, лежавшего всего в 40 верстах от Сарова. Когда болезнь приняла угрожающие размеры, так что у Михаила Васильевича выпадали кусочки кости из ног, он решился ехать, по совету близких и знакомых, в Саров к о. Серафиму. С большим трудом он был приведен крепостными людьми своими в сени кельи старца-затворника. Когда Михайло Васильевич, по обычаю, сотворил молитву, батюшка о. Серафим вышел и милостиво спросил его:

– Что пожаловал, посмотреть на убогого Серафима?

Мантуров упал ему в ноги и стал слезно просить старца исцелить его от ужасного недуга. Тогда с живейшим участием и отеческой любовью трижды спросил его о. Серафим: «Веруешь ли ты Богу?» И получив, также трижды, в ответ самое

искреннее, сильное, горячее уверение в безусловной вере в Бога, великий старец сказал ему: «Радость моя! Если ты так веруешь, то верь же в то, что верующему все возможно от Бога, а потому веруй, что и тебя исцелит Господь, а я, убогий Серафим, помолюсь». Затем о. Серафим посадил Михаила Васильевича близ гроба, стоящего в сенях, а сам удалился в келью, откуда спустя немного времени вышел, неся с собою святого елея. Он приказал Мантурову раздеться, обнажить ноги и, приготовившись потереть их принесенным святым елеем, произнес: «По данной мне от Господа благодати, я первого тебя врачую!» Отец Серафим помазал ноги Михаилу Васильевичу и надел на них чулки из посконного холста. После того старец вынес из кельи большое количество сухарей, всыпал ему их в фалды сюртука и приказал так и идти с ношею в монастырскую гостиницу. Михаил Васильевич вначале исполнил приказание батюшки не без страха, но затем, удостоверившись в совершенном с ним чуде, пришел в невыразимую радость и какой-то благоговейный ужас. Несколько минут тому назад он не был в состоянии взойти в сени к о. Серафиму без посторонней помощи, а тут вдруг по слову святого старца нес уже целую груду сухарей, чувствуя себя совершенно здоровым, крепким и как бы никогда не болевшим. В радости он бросился в ноги о. Серафиму, лобызая их и благодаря за исцеление, но великий старец приподнял Михаила Васильевича и строго сказал: «Разве Серафимово дело мертвить и живить, низводить во ад и возводить? Что ты, батюшка! Это дело единого Господа, Который творит волю боящихся Его и молитву их слушает! Господу всемогущему да Пречистой Его Матери даждь благодарение!» Затем о. Серафим отпустил Мантурова.

Прошло некоторое время. Вдруг Михаил Васильевич с ужасом вспомнил про прошедшую болезнь свою, которую он уже начал совершенно забывать, и решил еще раз съездить к о. Серафиму, принять его благословение. Дорогою Мантуров размышлял: ведь должен же я, как сказал батюшка, поблагодарить Господа. И только он приехал в Саров и вошел к о. Серафиму, как великий старец встретил его словами: «Радость моя! А ведь мы обещались поблагодарить Господа, что Он возвратил нам жизнь-то!» Удивясь прозорливости старца, Михаил Васильевич ответил: «Я не знаю, батюшка, чем и как; что же вы прикажете?!» Тогда о. Серафим, взглянув на него

особенным образом, весело сказал: «Вот, радость моя, все, что ни имеешь, отдай Господу и возьми на себя самопроизвольную нищету!» Смутился Мантуров; тысяча мыслей пробежали у него в голове в один миг, ибо он никак не ожидал такого предложения со стороны великого старца. Ему вспомнился Евангельский юноша, которому Христос предложил также добровольную нищету для совершенного пути в Царство Небесное... Ему вспомнилось, что он не один, имеет молодую жену и что, отдав все, нечем будет жить... Но прозорливый старец, уразумев мысли его, продолжал: «Оставь все и не пекись о том, о чем ты думаешь; Господь тебя не оставит ни в сей жизни, ни в будущей; богат не будешь, хлеб же насущный все будешь иметь». Горячий, впечатлительный, любящий и готовый, по чистоте своей души, исполнить каждую мысль, каждое требование столь великого и святого старца, которого он видел всего второй раз, но любил уже, без сомнения, больше всего на свете, Михаил Васильевич тотчас ответил: «Согласен, батюшка! Что же благословите мне сделать?» Но великий и мудрый старец, желая испытать пылкого Михаила Васильевича, ответил: «А вот, радость моя, помолимся, я укажу тебе, как вразумит меня Бог!» После этого они расстались, как будущие друзья и самые верные слуги Дивеевской обители, избранной Царицей Небесною Себе в земной жребий.

По благословению батюшки о. Серафима Михаил Васильевич Мантуров продал свое имение, отпустил на свободу крепостных людей своих и, сохранив до времени деньги, купил только в селе Дивееве 15 десятин земли, на указанном ему о. Серафимом месте, со строжайшей заповедью: хранить эту землю, никогда не продавать, никому не отдавать ее и завещать после смерти Серафимовой обители. На этой земле Михаил Васильевич поселился с женой и стал терпеть недостатки. Он претерпевал множество насмешек от знакомых и друзей, а также упреков от своей жены Анны Михайловны, лютеранки, вовсе не подготовленной к духовным подвигам, молодой женщины, не терпящей бедности, весьма нетерпеливого и горячего характера, хотя, в общем, хорошей и честной особы. Всю жизнь свою чудесный Михаил Васильевич Мантуров, истинный ученик Христов, терпел унижения за свой евангельский поступок. Но он переносил все безропотно, молча, терпеливо, смиренно, кротко, с благодушием,

по любви и необычайной вере своей к святому старцу, во всем беспрекословно его слушаясь, не делая шага без его благословения, как бы предав всего себя и всю жизнь свою в руки о. Серафима. Неудивительно, что Михаил Васильевич стал наивернейшим учеником о. Серафима и наиближайшим, любимейшим его другом. Батюшка о. Серафим, говоря о нем с кем бы то ни было, не иначе называл его, как «Мишенька», и все, касающееся устройства Дивеева, поручал только ему одному, вследствие чего все знали это и свято чтили Мантурова, повинуясь ему во всем беспрекословно, как бы распорядителю самого батюшки.

До какой степени доходила нужда и что переживали Мантуровы, неся крест добровольной нищеты, можно судить по записанному рассказу самой Анны Михайловны, когда она жила в Дивееве вдовою и тайною монахиней. «Часто и почти непрестанно, – говорила Анна Михайловна, – я роптала и негодовала на покойного мужа за произвольную нищету его. Говорю я, бывало: ну, можно почитать старца, можно любить его и верить ему, да уже не до такой степени... Михаил Васильевич все, бывало, слушает, вздыхает и молчит. Меня это еще более раздражало. Так вот раз, когда мы до того уже дошли зимою, что не было чем осветить комнату, а вечера длинные, тоскливые, темные, я раздосадовалась, разворчалась, расплакалась без удержу, сперва вознегодовала на Михаила Васильевича, потом на самого батюшку о. Серафима, начала роптать и жаловаться на горькую судьбу мою. А Михаил Васильевич все молчит да вздыхает... Вдруг слышу какой-то треск... Смотрю, Господи, страх и ужас напал на меня. Боюсь смотреть и глазам своим не верю... Пустая, без масла лампада у образов вдруг осветилась белым огоньком и оказалась полною елея. Тогда я залилась слезами, рыдая и все повторяя: батюшка Серафим, угодник Божий, прости меня, Христа ради, окаянную, роптунью, недостойную, никогда более не буду! И теперь без страха не могу вспомнить этого. С тех пор я никогда не позволяла себе роптать, и как ни трудно бывало, а все терпела». (Записки Н. А. Мотовилова и тетрадь № 1 рассказов, записанных за монахинями.)

Отец Серафим после исцеления М. В. Мантурова начал принимать других посетителей и, верный обещанию, данному о. Пахомию, не забывал Дивеевской общины. Он посылал

некоторых послушников к начальнице Ксении Михайловне и, ежедневно молясь о них, получал откровения о будущем этой общины, что видно из поручений, даваемых им Михаилу Васильевичу Мантурову. Последний довольно часто уже ездил в Дивеево. Вскоре произошел весьма неприятный эпизод из-за наговоров управляющего местного помещика, знаменитого генерал-губернатора г. Москвы, графа Закревского. По приезде последнего в свои имения почему-то управляющему его потребовалось доложить, что Дивеевская общинка есть не что иное, как скопище развратных беглых девок. Граф Закревский потребовал к себе в контору почтенную старицу Ксению Михайловну и, не разобрав ничего, при всех неслыханно грубо оскорбил ее. Михаил Васильевич в негодовании поспешил рассказать все происшедшее батюшке о. Серафиму. Старец же поручил Михаилу Васильевичу, не горячась и не оскорбляя, кротко объяснить всесильному графу его ошибку, заключающуюся в превратном понимании новоустрояющейся во славу Божию общины, и выразить ему, что он совершенно напрасно оскорбил ничем неповинную Божию старицу; затем, низко кланяясь графу, смиреннейше благодарить его за им соделываемое благодеяние этой же общинке. Всегда буквально и беспрекословно послушный Михаил Васильевич дождался приезда вельможи в Саров и, по выходе его из храма, громко при всех, не боясь силы и славы графа Закревского, выразил ему все, что приказал старец, и на непозволительно грубые за то ругательства и угрозы рассерженного всесильного генерал-губернатора смирил себя, подавил свое негодование, перенес молча оскорбления своего достоинства и, всеусерднейше кланяясь, благодарил его за соделываемое им благодеяние этой же общинке. Впоследствии подтвердилось и объяснилось предсказание о. Серафима. Приехав в Москву, граф Закревский поднял большой шум, выразил свое негодование, по которому было немедленно наряжено два следствия об общинке: светское и духовное, которые окончились полным оправданием ее и официальным признанием ее общинкой при Казанской церкви. Хотя она и не получила вполне документальное утверждение от епархии, тем не менее как бы приобрела чрез это законное дозволение на свое существование.

Протоиерей о. Василий Садовский пишет в своих записках по этому поводу следующее: «Матушка Ксения Михайловна

правила 60 сестрами целых 43 года. Когда графиня Толстая, проездом в свои имения, посетила общинку и убедилась в богоугодном житии сестер, то, соболезнуя убогому их положению, подарила им небольшую полосу своей земли, прилегающую к земле общинки. За это враг, не терпящий богоугодного жития сестер и водворения здесь обители, воздвигнул, по попущению Божиему, великую на них скорбь и смуту. Ксении Михайловне даровано было претерпеть и понести унижение, клевету ради общинки. Вот как это было: узнав о подаренной графиней полосе земли, недовольный за то управляющий зятя ее, тогда Московского генерал-губернатора графа Закревского, немедля донес о том своему господину, елико возможно грязно и черно оклеветав собрание сестер в с. Дивееве, и все выставил в совершенно превратном виде. Почему верующий правдивости его слов граф, проездом в свои имения, при виде ничего не значащей и подошедшей к нему с просьбой старицы Ксении Михайловны, вскипел негодованием до самозабвения и грозно закричал: "Ах ты, старая развратница!" Осыпав ее потоком ругательных слов, граф велел вытолкать старицу вон, но она, не будучи в состоянии даже что-либо вымолвить, зашаталась и тут же упала замертво, так что долго не могли ее привести в сознание...

Зная батюшку Серафима за раба Божия и великого прозорливца, матушка Ксения Михайловна после этого случая стала еще строже, суровее и часто говорила: "Дитятки, дитятки! Живите вы посмирнее, ведь батюшка-то Серафим сказал мне: никак тебе не обойтись, матушка, хотя и перед концом твоей жизни, а непременно, как хочешь, должна будешь ты посидеть в темнице! Вот так я и гляжу, — *накличете* вы чего, и засадят меня из-за вас в темницу!"»

В 1823 году однажды потребовал к себе батюшка о. Серафим Михаила Васильевича и, взяв колышек, перекрестился, поцеловал его, то же самое велел сделать Мантурову, потом поклонился своему Мишеньке в ноги и сказал: «Ступай ты, батюшка, в Дивеево; как придешь, стань там напротив самого среднего алтарного окна Казанской церкви, отсчитай столько-то шагов (число забыто), и как отсчитаешь их, батюшка, тут будет межка; вот от нее ты еще, батюшка, отсчитай столько-то шагов (число забыто), и придет пахотная земля; потом отсчитай еще столько-то шагов (число забыто), и придет

луговина; тут как придешь, по глазомеру рассчитай, батюшка, где придется самая срединка, да в срединке-то самой этот колышек и вбей, чтобы хоть немного, а видно бы его было; вот, батюшка, что прошу тебя, сделай это!» Поехал Михаил Васильевич в Дивеево и, очутившись на указанном батюшкой заглазно месте, пришел просто в ужас от удивления. Это было только поле, и все его шаги сошлись с батюшкиными размерами. Мантуров исполнил все в точности и вбил колышек в назначенном месте. Когда Михаил Васильевич вернулся с докладом к батюшке, то о. Серафим опять молча поклонился ему в ноги и был необыкновенно радостен и весел. Целый год о. Серафим ничего не вспоминал о колышке и отмеренном поле в Дивееве, так что Михаил Васильевич, ровно ничего не зная и не понимая в притче великого старца, порешил, что о. Серафим забыл уже это. Но вдруг батюшка, потребовав Михаила Васильевича к себе, дал ему на этот раз уже четыре небольших колышка, перекрестившись, поцеловав их, и заставил Мантурова сделать то же, поклонился ему в ноги и сказал: «Теперь, батюшка, сходи опять туда же в Дивеево, на то место, где, помнишь, ты в прошлый год вбил колышек, и там, по равному же размеру, по четырем углам, около большого-то колышка, и вбей эти четыре; а чтобы как-либо не затерялись они, батюшка, ты возьми камешков, да и положи на них по кучке, чтобы после не спутаться, а заметно бы место их было!» Исполнив в точности, Мантуров вернулся с докладом к батюшке. Отец Серафим опять молча, но весело и радостно встретил его и поклонился ему в ноги. Терялся Михаил Васильевич в догадках, что это все значило и что должно совершиться, а спросить не осмеливался. Наконец в 1826 году на этом самом месте возникла мельница — питательница дивеевских сирот.

Сестре Михаила Васильевича Елене Васильевне в 1822 году едва минуло 17 лет, и она сделалась невестой. Успокоенный с этой стороны, Михаил Васильевич не видел препятствия удалиться от мира и служить всецело Господу и о. Серафиму. Но жизнь Елены Васильевны как-то вдруг непонятно странно изменилась. Искренно и горячо любя жениха своего, который ей чрезвычайно нравился, она неожиданно отвергла его, сама того не понимая: «Не знаю почему, не могу понять, — говорила она брату, — он мне не дал повода разлюбить себя,

но, однако, страшно мне опротивел!» Свадьба расстроилась, и крайне веселый характер ее, любовь к светской, общественной жизни, молодость, стремление к веселию и забавам пугали родных и не предвещали хорошего, при семейной ее обстановке. О духовном она, конечно, не имела ни малейшего понятия.

Вскоре скончался единственный богатый родственник Мантуровых, давно из виду потерянный, отец их матери. Находясь при смерти, дедушка через газеты вызывал их к себе, дабы передать им свое состояние. Михаила Васильевича в то время не было дома, а потому, чтобы не замедлить, Елене Васильевне пришлось ехать одной с дворовыми людьми. Недолго думая, она отправилась, но уже не застала деда в живых и присутствовала только на похоронах. Потрясенная этим несчастьем, она заболела горячкой и, как только немного окрепла, пустилась в обратный путь. В уездном городе Княгинине Нижегородской губернии пришлось остановиться на почтовой станции, и Елена Васильевна вздумала напиться в ней чаю, для чего послала людей распорядиться, а сама осталась сидеть в карете. Хотя человек отговаривал свою барышню и настаивал, чтобы она отдохнула в почтовой комнате, но Елена Васильевна уступила только, обещав пить чай на станции, а пока его приготовляют, осталась сидеть в карете. Не смея далее прекословить своей госпоже, люди поспешно занялись приготовлением чая, и когда пришло время, горничная выслала лакея просить барышню кушать. Едва успел лакей спуститься по лестнице на подъезд станции, как вскрикнул при виде Елены Васильевны и замер на месте. Она стояла во весь рост, совершенно опрокинувшись назад, едва держалась конвульсивно за дверцу полуоткрытой кареты, и на лице выражались такой ужас и страх, что немыслимо передать его словами. Немая, с сильно увеличенными глазами, бледная как смерть, она уже не могла держаться на ногах, казалось — еще момент, и она упадет на землю замертво. Лакей и все сбежавшиеся на его крик люди кинулись на помощь к Елене Васильевне, бережно взяли ее и внесли в комнату. Пробовали узнать, в чем дело, спрашивали ее, но Елена Васильевна лишилась языка и оставалась в бессознательном положении или, вернее, в оцепенении от охватившего ее ужаса. Горничная, предполагая, что барышня умирает, сказала: «Не позвать ли вам

священника, барышня?» После того как она несколько раз повторила этот вопрос, Елена Васильевна точно начала приходить в себя и даже с радостной улыбкой, уцепившись за девушку и как бы боясь ее отпустить, прошептала: «Да... да...» Когда явился священник, Елена Васильевна была уже в сознании, и язык и рассудок действовали по-прежнему; она исповедовалась и причастилась Св. Таин. Затем целый день не отпускала от себя священника и все еще в страхе держалась за его одежду. Пробыв таким образом в Княгинине и успокоясь от всего произошедшего с нею, Елена Васильевна поехала домой, где и рассказала брату и невестке следующее: «Оставаясь одна в карете, я немного вздремнула, и когда открыла глаза, то никого не было по-прежнему около меня. Наконец вздумала выйти и сама открыла дверцу кареты, но лишь ступила на подножку, невольно почему-то взглянула вверх и увидела я над своей головой огромного, страшного змия. Он был черен и страшно безобразен, из пасти его выходило пламя, и пасть эта казалась такой большой, что я чувствовала, что змий совершенно поглотит меня. Видя, как он надо мной вьется и все спускается ниже и ниже, даже ощущая уже дыхание его, я в ужасе не имела сил позвать на помощь, но наконец вырвалась из охватившего меня оцепенения и закричала: "Царица Небесная, спаси! Даю Тебе клятву никогда не выходить замуж и пойти в монастырь!" Страшный змий в одну секунду взвился вверх и исчез... Но я не могла прийти в себя от ужаса!..»

Михаил Васильевич долго не мог опомниться от случившегося с его сестрой, а Елена Васильевна, как бы чудно спасенная от врага человечества, совершенно изменилась в характере. Она сделалась серьезная, духовно настроенная и стала читать священные книги. Мирская жизнь стала ей невыносима, и она жаждала поскорее уйти в монастырь и совсем затвориться в нем, страшась гнева Матери Божией за неисполнение данного ею обета.

Вскоре Елена Васильевна поехала в Саров к о. Серафиму просить его благословения на поступление в монастырь. Батюшка крайне удивил ее, сказав: «Нет, матушка, что ты это задумала! В монастырь – нет, радость моя, ты выйдешь замуж!» «Что это вы, батюшка!! – испуганно сказала Елена Васильевна. – Ни за что не пойду замуж, я не могу, дала обещание Царице Небесной идти в монастырь, и Она накажет

меня!» «Нет, радость моя, – продолжал старец, – отчего же тебе не выйти замуж! Жених у тебя будет хороший, благочестивый, матушка, и все тебе завидовать будут! Нет, ты не думай, матушка, ты непременно выйдешь замуж, радость моя!» «Что это вы говорите, батюшка, да я не могу, не хочу я замуж!» – возражала Елена Васильевна. Но старец стоял на своем и твердил одно: «Нет, нет, радость моя, тебе уже никак нельзя, ты должна и непременно выйдешь замуж, матушка!» Елена Васильевна уехала недовольная, разогорченная и, вернувшись домой, много молилась, плакала, просила у Царицы Небесной помощи и вразумления. Еще с большим рвением принялась она за чтение творений св. отцов. Чем больше она плакала и молилась, тем сильнее разгоралось в ней желание посвятить себя Богу. Много раз проверяла она себя и все более и более убеждалась, что все светское, мирское ей не по духу, и она совершенно изменилась. Несколько раз Елена Васильевна ездила к о. Серафиму, и он все твердил одно, что она должна выйти замуж, а не идти в монастырь. Так целых три года готовил ее батюшка о. Серафим к предстоящей перемене в ее жизни и к поступлению в Серафимову общину, которую он начал устраивать в 1825 году, и заставлял работать над собою, упражняться в молитве и приобретать необходимое терпение. Она, конечно, этого не понимала, и невзирая на просьбы, желание и мольбы Елены Васильевны, о. Серафим однажды сказал ей в духовном смысле следующее: «И даже вот что еще скажу тебе, радость моя! Когда ты будешь в тягостях-то, так не будь слишком на все скора; ты слишком скора, радость моя, а это не годится, будь тогда ты потише. Вот как ходить-то будешь, не шагай так-то, большими шагами, а все потихоньку да потихоньку! Если так-то пойдешь, благополучно и снесешь!» – и, показав при этом видимым примером, как должно ходить осторожно, продолжал: «Вот, радость моя! Также и поднимать если тебе что случится, не надо так вдруг, скоро и сразу, а вот так, сперва понемногу нагибаться, а потом точно так же все понемногу же и разгибаться». Снова видимым примером показал о. Серафим и прибавил: «Тогда благополучно снесешь!» Этими словами старец довел Елену Васильевну до отчаяния. Сильно негодуя на него, она решилась не обращаться к нему и съездить в Муром в женский монастырь. Там ей игуменья, конечно, сказала только приятное,

и Елена Васильевна тотчас купила себе в Муромском монастыре келью. По возвращении домой она стала совсем уже собираться, прощаться, но перед окончательным отъездом все-таки не вытерпела и отправилась в Саров проститься со старцем о. Серафимом. Каково же было ее удивление и каков ужас, когда вышедший к ней навстречу о. Серафим, ничего не спрашивая, прямо и строго сказал ей: «Нет тебе дороги в Муром, матушка, никакой нет дороги и нет тебе и моего благословения! И что это ты? Ты должна замуж выйти, и у тебя преблагочестивейший жених будет, радость моя!» Прозорливость старца, доказавшая его святость, обезоруживала каждого приходящего к нему и действовавшего по своей воле. Сердце невольно привязывалось к такому праведнику, и Елена Васильевна почувствовала, что без о. Серафима все-таки нельзя ей жить, тем более что в Муроме не у кого будет и спрашивать наставления и совета. Отец Серафим приказал ей пожертвовать Муромскому монастырю данные за келью деньги и не ездить больше туда. Но Елена Васильевна на этот раз не почувствовала отчаяния, а, напротив, вполне смирилась и возвратилась домой, заливаясь слезами. Она опять заперлась в свою комнату, из которой почти не выходила уже целых три года, проводя в ней жизнь отшельника, отрешенная от всего и всех. Что она делала в своей комнате и как молилась, никому не было известно, но неожиданный случай убедил Михаила Васильевича и всех живущих в доме, насколько она трудилась уже на пути духовного совершенства. Разразилась страшная гроза вблизи дома, в котором жили Мантуровы; раскаты и удары молнии были ужасны, так что все решительно собрались в комнату Елены Васильевны, где теплилась лампада, горели свечи, и она покойно молилась. Во время одного из страшных ударов со стороны двора вдруг в углу, под полом и под образами, раздался совершенно неестественный и отвратительный крик, как бы кошки. Но крик этот был настолько силен, неожидан и неприятен, что Михаил Васильевич, жена его и все бросились невольно к киоте, перед которой молилась Елена Васильевна. «Не бойтесь, братец! – сказала она покойно. – Чего испугалась, сестрица? Ведь это диавол! Вот, – прибавила она, сотворив знамение креста на том самом месте, откуда был слышен крик, – вот и нет его: разве он что-либо может!» Действительно, тотчас водворилась полная тишина.

Через полгода после последнего свидания с о. Серафимом Елена Васильевна опять поехала в Саров. Она стала неотступно, но смиренно просить старца благословить ее на подвиг монашества. На этот раз о. Серафим сказал ей: «Ну что ж, если уж тебе так хочется, то пойди вот, за 12 верст отсюда есть маленькая общинка матушки Агафьи Семеновны, полковницы Мельгуновой, погости там, радость моя, и испытай себя!» Елена Васильевна в неизреченной радости и неописанном восторге поехала из Сарова прямо к матушке Ксении Михайловне и совсем поселилась в Дивееве. За теснотой помещения Елена Васильевна заняла крошечный чуланчик около маленькой кельи, которая выходила крылечком к западной стене Казанской церкви. Часто на этом крылечке сиживала подолгу молча Елена Васильевна, погруженная будто в думу и в немом созерцании храма Божия и премудро созданной окружающей природы, не переставая умом и сердцем упражняться в Иисусовой молитве. Ей было тогда 20 лет от роду (в 1825 году).

Через месяц после переезда Елены Васильевны в Дивеево ее потребовал к себе батюшка о. Серафим и сказал: «Теперь, радость моя, пора уже тебе и с женихом обручиться!» Елена Васильевна, испуганная, зарыдала и воскликнула: «Не хочу я замуж, батюшка!» Но о. Серафим успокоил ее, говоря: «Ты все еще не понимаешь меня, матушка! Ты только скажи начальнице-то, Ксении Михайловне, что о. Серафим приказал с Женихом тебе обручиться, в черненькую одежку одеться... Ведь вот как замуж-то выйти, матушка! Ведь вот какой Жених-то, радость моя!» Много и усладительно беседовал с ней о. Серафим, говоря: «Матушка! Виден мне весь путь твой боголюбивый! Тут тебе и назначено жить, лучше этого места нигде нет для спасения; тут матушка Агафья Семеновна в мощах почивает; ты ходи к ней каждый вечер, она тут каждый день ходила, и ты подражай ей также, потому что тебе этим же путем надо идти, а если не будешь идти им, то и не можешь спастись. Ежели быть львом, радость моя, то трудно и мудрено, я на себя возьму; но будь голубем, и все между собою будьте как голубки. Вот и поживи-ка ты тут три-то года голубем; я тебе помогу, вот тебе на то и мое наставление: за послушание читай всегда Акафист, Псалтирь, псалмы и правила с утренею отправляй. Сиди да пряди, а пусть другая

сестра тебе все приготовляет, треплет лен, мыкает мочки, а ты только пряди и будешь учиться ткать; пусть сестра сидит возле тебя да указывает. Всегда будь в молчании, ни с кем не говори, отвечая только на самые наинужнейшие вопросы, и то "аки с трудом", а станут много спрашивать, отвечай: я не знаю! Если случайно услышишь, что кто неполезное между собою говорит, скорее уходи, "дабы не внити во искушение" Никогда не будь в праздности; оберегай себя, чтобы не пришла какая мысль; всегда будь в занятии. Чтобы не впадать в сон, употребляй мало пищи. В среду и пяток вкушай только раз. От пробуждения до обеда читай: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешную! А от обеда до сна: Пресвятая Богородица, спаси нас! Вечером выйди на двор и молись 100 раз Иисусу, 100 раз Владычице и никому не сказывай, а так молись, чтобы никто того не видал, даже бы и не подумал, и будешь ты аки Ангел! И пока Жених твой в отсутствии, ты не унывай, а крепись лишь и больше улыбайся; так молитвою, вечно-неразлучною молитвою и приготовляй все [2]. Он и придет ночью тихонько и принесет тебе кольцо, перстенек, как Екатерине-то великомученице матушке. Так вот три года и приготовляйся, радость моя, чтобы в три года все у тебя готово бы было [3]. О, какая неизреченная радость-то тогда будет, матушка! Это я о пострижении тебе говорю, матушка; через три года постригайся, приуготовив себя, ранее не нужно; а как пострижешься-то, то будет у тебя в груди благодать воздыматься все более и более, а каково будет тогда! Когда Архангел Гавриил, представ пред Божией Матерью, благовестил Ей, то Она немного смутилась и тут же сказала: "Се раба Господня! Буди Мне по глаголу твоему!" Тогда вот и ты скажи также: "Буди мне по глаголу Твоему!" Вот о каком браке и Женихе я тебе толкую, матушка; ты слушай меня и никому до времени того не говори, но верь, что все мною реченное тебе сбудется, радость моя!» (Записки протоиерея о. Василия Садовского и записки Н. А. Мотовилова.)

Не помня себя от радости, Елена Васильевна возвратилась домой, в Дивеево, и, надев все монашеское, простое, начала с живейшей любовью нести прежние свои подвиги, пребывая в непрестанной молитве, в постоянном созерцании и совершенном молчании. Так как маленькая келья ее была беспокойна, переполнена сестрами, то батюшка о. Серафим благосло-

вил Михаила Васильевича Мантурова построить ей другую, также небольшую келью, в которой она и поселилась со своей крепостной девушкой Устиньей, чрезвычайно любившей ее. После смерти Устиньи с Еленой Васильевной жили две послушницы: Агафья и Ксения Васильевна.

К о. Серафиму было еще весьма близко семейство крестьян Нижегородской губернии Ардатовского уезда деревни Погибловой – Мелюковы. Это праведное семейство состояло из брата Ивана Семеновича Мелюкова и двух сестер Прасковьи Семеновны и Марии Семеновны. Прасковья Семеновна поступила в общину матери Александры по благословению батюшки о. Серафима и была высокой жизни. В 1823 году 21 ноября, в день Введения во храм Пресвятой Богородицы, она пришла к о. Серафиму со своей 13-летней сестрой Марией Семеновной, которая, как рассказывала Прасковья Семеновна и за нею записано в документах, хранящихся в Дивееве, «увязалась за нею». Великий старец, провидев, что девочка Мария есть избранный сосуд благодати Божией, не позволил ей возвратиться домой, а приказал оставаться в общине. Таким образом 13-летняя Мария Семеновна поступила в число избранных Серафимовских сирот. Это была необыкновенная, не виданная доселе отроковица, ни с чем не сравненная, ангелоподобная, дитя Божие. Избранница и раба Божия с таких лет вела подвижническую жизнь, превосходя по суровости даже сестер общины, отличавшихся строгостью жизни, начиная с самой начальницы Ксении Михайловны. Непрестанная молитва была ее пищей, и только на необходимейшие вопросы она отвечала с небесной кротостью. Она была почти молчальница, и батюшка о. Серафим особенно нежно и исключительно любил ее, посвящая во все откровения свои, будущую славу обители и разные тайны, заповедуя не говорить о том до времени, что и выполнила она свято, невзирая на просьбы и мольбы окружающих сестер и родных. Когда она возвращалась от батюшки о. Серафима, то вся сияла неземною радостью. Как увидим вскоре, Мария Семеновна только шесть лет прожила в общине и 19 лет отошла ко Господу, как бы мирно и тихо уснула.

По сестре своей Прасковье Семеновне, удостоенной от Господа дара прозорливости, брат ее Иван Семенович стал близок к о. Серафиму. Он ходил работать к батюшке, и впо-

следствии его дети – три дочери – поступили в Дивеевскую общину, а сам он кончил жизнь монахом в Саровской пустыни. Дочь его Елена Ивановна с 5-летнего возраста жила у тетки Прасковьи Семеновны и изредка бывала у батюшки о. Серафима, который занимался ею, ласкал, заигрывал и пророчески сказал, что она будет «великая госпожа», благодетельница Дивеева. Приходившим с нею сестрам о. Серафим приказывал кланяться малютке и благодарить за будущие благодеяния ее для обители. (Действительно, выйдя замуж за друга и горячего почитателя о. Серафима Николая Александровича Мотовилова, она до сих пор продолжает оказывать помощь монастырю и, живя ныне в Дивееве, по смерти мужа, напоминает собою блаженные прошлые времена управления Ксении Михайловны, возрождение обители при о. Серафиме, святые дни наставничества великого старца, любовь к Дивееву искреннего и любвеобильного Николая Александровича Мотовилова и, наконец, дополняет личными духовными качествами и добродетелями чудный ряд сирот-молитвенниц о. Серафима.) За покойным старцем Саровской пустыни Иваном Семеновичем Милюковым, имевшим послушание привратника, записан был следующий рассказ (№ 78). «Будучи еще мирским крестьянином, – говорил он, – я часто работал у батюшки Серафима, и много-много чудного он мне предсказывал о Дивееве и всегда говорил: “Если кто моих сирот девушек обидит, тот велие получит от Господа наказание; а кто заступит за них и в нужде защитит и поможет, изольется на того велия милость Божия свыше. Кто даже сердцем воздохнет да пожалеет их, и того Господь наградит. И скажу тебе, батюшка, помни: счастлив всяк, кто у убогого Серафима в Дивееве пробудет сутки, от утра и до утра, ибо Матерь Божия, Царица Небесная, каждые сутки посещает Дивеево!” Помня заповедь батюшкину, я всегда это говорил и всем говорю».

Кроме Милюковых, была очень близка к батюшке о. Серафиму и любима им сестра Ксения Васильевна Путкова, постриженная в монашество под именем Капитолины. Она ходила к о. Серафиму часто, еще будучи крестьянской девушкой, и осталась в Дивееве «почти насильно», полагаясь на слова батюшки. Однажды о. Серафим стал уговаривать ее поселиться в Дивеевской общине. Молодая и красивая Ксения никак не ожидала себе такой судьбы, так как жила в родительском

доме в довольстве, и мать сильно любила ее. У Ксении был, кроме того, жених, которому она платила взаимной любовью. С другой стороны, Дивеевская община, еще не устроенная, без церкви и без земли, не нравилась ей. Ксении не хотелось променять домашний покой и удобства на суровость и нужду обители. «Нет, батюшка, не хочу! Не смогу никак!» – ответила ему Ксения. «Послушай, радость моя! – продолжал о. Серафим ("да так-то сладостно, хорошо", прибавляла Ксения), – я тебе открою тайну, только смотри, умолчи ее до времени. Сама Божия Матерь ведь избрала это место! А чего Царица-то Небесная не возможет, все будет у Ней! Вот Она приказала мне, убогому Серафиму, поставить мельницу для девушек в два постава, чтобы она вечно кормила бы их. Потом благословила Матерь-то Божия и Церковь им свою выстроить, матушка! Вот, радость моя, благодать-то у нас какая: и мельница, и церковь, и земля, и все, все свое у нас будет! Это я тебе только говорю, а ты умолчи до времени». Ксения хотя и слушала батюшку, но странно показалось ей, как все это может возникнуть, когда ничего нет у обители и сама земля – чужая кругом. Тогда о. Серафим, провидя ее мысли, взял за руку, потрясая ее, и произнес: «Ведь вот ты какая! Говоришь, что любишь меня, а усумнилась и не веришь убогому Серафиму! Поверь, поверь мне, матушка, все это совершится!» Вид о. Серафима при этом был чудесен, привлекателен и весьма вдруг просветлел... Ксения не могла более колебаться, смотря на чудного старца, и согласилась поступить в общину. Чтобы не огорчить жениха и родителей совершенным отказом, она стала жаловаться на нездоровье, затем просила отсрочить свадьбу на год, а сама все чаще и чаще отпрашивалась к батюшке о. Серафиму. По его молитвам совершилось так, что родители согласились отдать Ксению в общинку к начальнице Ксении Михайловне.

Вера ее в силу молитв батюшки укрепилась после следующего случая (тетрадь № 1, ее рассказ № 15). Через год пришла она однажды с другой сестрой вечером к батюшке о. Серафиму за приказанием. Отпуская их до утра в гостиницу, он сказал им вслед: «Кто бы к вам ночью ни взошел, не вставайте, не откликайтесь и не говорите, и не пускайте никого!» Они обещались и ушли. В гостиницу, когда сестра заснула, а Ксения еще только собиралась заснуть, действительно, вдруг взошел

незнакомый монах и спросил: «Кто тут?» Ксения ответила, что дивеевские, но так как она ходила еще в мирском платье, то он полюбопытствовал, кто она такая. Он оказался земляком Ксении, и она заслушалась его, забывая приказание батюшки. Увлекаясь в разговоре, она, однако, вспомнила о. Серафима. Когда монах ушел, она начала горько плакать и от страха, что ей придется отвечать батюшке, она не спала всю ночь. Утром у батюшки застала того самого монаха, и о. Серафим разговаривал с ним очень любезно. Ксения отвернулась, а когда ушел монах, то упала батюшке в ноги и стала просить прощения. «То-то вот, – сказал о. Серафим, – не послушала меня, а знаешь ли, что я ныне всю ночь только за тебя одну молился, и если бы не молитва моя, пропала бы ты; вот как надо быть осторожною и хранить себя, потому ведь вы, глупые, сами не видите и не знаете, как погибаете. Ведь секунда одна... ну, да полно, полно, радость моя, встань, Господь тебя простит; ведь теперь ты еще больше моя, ибо я тебя ныне ночью, аки добычу, у льва из зуб вырвал!»

Не менее близок к о. Серафиму был второй священник Казанской церкви о. Василий Никитич Садовский, который с годами достиг высшей духовности и сделался истинным отцом и другом Серафимовых сирот. Родившись в 1800 году, он определился по окончании воспитания в Нижегородской семинарии около 1825 года в Казанскую церковь и 28 лет состоял приходским священником, а затем переведен в Дивеевский монастырь. 30 лет он был благочинным. Н. А. Мотовилов много говорит о нем в своих записках и называет его высокодобродетельным человеком, несомненной чистейшей совести, исполненным крепчайшей веры и евангельской правды, глубоко уважаемым всеми, известным батюшке о. Серафиму, которого святой старец всегда лично руководил.

Княгиня А. Колончакова рассказывала о прозорливости о. Серафима следующее обстоятельство: «1824 года 14 сентября я удостоилась быть у о. Серафима и получить от него благословение. Я пришла к нему с той целою, чтобы спросить у него о своем брате, бывшем в военной службе и не уведомлявшем нас о себе около 4 лет. Еще не успела я сказать ни слова о своем намерении, как старец, предупреждая слова мои, сказал: “Ты много не огорчайся: во всяком роде бывает траур”. Когда же начала я говорить ему о своем брате, он отвечал

мне: “Об этом-то не могу не сказать, чтобы ты его поминала за упокой” Прозорливость его действительно оправдалась: через три месяца после нашего разговора я получила известие из того полка, где служил брат мой, что его уже нет на свете».

Другой случай прозорливости поведала некая госпожа Н. Н.

«В 1825 году в первый раз посетила я с сестрой Саровскую пустынь, с пламенным желанием увидеть старца Серафима и получить от него благословение. Сестра моя первая удостоилась видеть его после утрени и была в восхищении от его ласкового приема. Я же не могла видеть его вместе с ней, потому что не была у заутрени по причине сильной головной боли. По окончании же обедни отправились мы обе к благочестивому старцу в келью. Дорогой я заметила, что служитель сестры моей нес за нами две бутылки, и полюбопытствовала спросить у сестры: что такое несет он? Сестра отвечала, что она пожелала, по примеру других посетителей Сарова, принести в дар о. Серафиму немного церковного вина и масла. Я же, не зная об этом прежде и не имея с собой в то время ничего, что бы могла и со своей стороны принести также в дар о. Серафиму, очень опечалилась. Но сестра, видя мое смущение, предложила мне взять одну из этих бутылей и поднести ее старцу от себя. Я очень обрадовалась этому предложению, и таким образом мы пришли в келью о. Серафима. Когда я взглянула на праведного старца, то уже не хотела ни на что более смотреть в его келье. Я не могла свести глаз с его лица, в котором дышали доброта, смирение и святость. Он принял нас, как отец детей, давал нам просфор и красного вина, снимал с себя крест и давал нам целовать его. Сестра подала ему принесенную бутылку церковного вина, и он принял ее очень милостиво и благословил сестру. Потом и я подала ему бутылку с маслом. Старец, взяв ее также милостиво, вдруг сказал мне: “Вперед, если вздумаешь, матушка, что принести мне, то свое принеси”, и, заметив, в какое я пришла смущение и замешательство от этих слов, тотчас же прибавил самым кротким тоном: “Я хотел, матушка, сказать тебе, что если ты живешь в деревне, то верно, там есть пчелы; так ты велела бы из воску насучить свечей, тогда бы это и было твое” После этого он начал беседовать с нами о пользе душ наших, много говорил

о спасительном пути христианском, и каждое слово его запечатлевалось в сердце нашем».

Принимая к себе всех посетителей, сам о. Серафим, однако же, никуда не выходил из кельи и, снявши с уст своих печать молчания, не оставил затвора. Так жил он в течение пятнадцати лет. Но наконец, с благословения Божия, о. Серафим решился выйти из затвора и, не покидая монастыря, посещать пустыню и о Господе трудиться в ней для спасения себя и ближних.

Глава VIII

Окончание затвора о. Серафима по благословению Божией Матери в 1825 г. Желание о. Серафима изменить устав Дивеевской общинки, объяснение с начальницей Ксенией Михайловной и отказ последней. Богословский родник и келья иеромонаха Дорофея. Явление Божией Матери о. Серафиму 25 ноября 1825 г. близ Богословского родника, со св. апостолами Петром и Иоанном, и дарование целебного источника. Посещение сестрами Прасковьей Степановной и Марией Семеновной о. Серафима и молитва их троих в дальней пустынке. Пожертвование трех десятин генеральшей Постниковой. Покупка о. Серафимом Саровского леса на свои деньги и неприятности с братией обители. Первое свидание о. Василия Садовского с о. Серафимом. Отзывы о. Серафима о покойной первоначальнице матери Александре. Предсказания о будущем Дивеевской общины. Желание назначить начальницей мельничной обители Елену Васильевну Мантурову и ее отказ. Ближайшая пустынка о. Серафима, огород и обстановка кельи. Жизнь о. Серафима в монастыре, многочисленность посетителей и душеспасительные беседы его.

Принимая посетителей к себе в монастырскую келью в течение 15 лет, о. Серафим все-таки не оставил затвора и никуда не выходил. Но в 1825 году он начал просить Господа о благословении его на окончание затвора. 25 ноября 1825 года, в день памяти святителя Климента, папы Римского, и Петра Александрийского, в сонном видении, Матерь Божия в сопровождении этих святых явилась о. Серафиму и разрешила ему выйти из затвора и посещать пустынь.

Как известно, с 1825 года к о. Серафиму начали ходить за благословением сперва сестры, а потом и сама добродетельная начальница Дивеевской общины, Ксения Михайловна, которую батюшка называл *«огненный столб от земли до неба»* и *«терпуг духовный»*. Конечно, старица Ксения Михайловна глубоко уважала и высоко почитала о. Серафима, но, однако, она не согласилась изменить устав своей общины, который казался тяжелым как о. Серафиму, так и всем спасавшимся в общине сестрам. Число сестер настолько увеличилось в общинке, что требовалось распространить их владения, но это было невозможно ни в ту, ни в другую сторону. Батюшка о. Серафим, призвав к себе Ксению Михайловну, стал уговаривать ее заменить тяжелый Саровский устав более легким, но она и слышать не хотела. «Послушайся меня, радость моя!» — говорил о. Серафим, но непоколебимая старица наконец ответила ему: «Нет, батюшка, пусть будет по-старому, нас уже устроил отец строитель Пахомий!» Тогда о. Серафим отпустил начальницу Дивеевской общинки, успокоенный, что заповеданное ему великой старицей матерью Александрой более не лежит на его совести или же что не пришел тому еще час воли Божией. Временно о. Серафим не входил в дела общинки и только, по дару предвидения, посылал избранных Божией Матерью сестер на жительство в Дивеево, говоря: «Гряди, чадо, в общинку, здесь поблизости матушки-то полковницы Агафьи Семеновны Мельгуновой, к великой рабе Божией и столпу, матушке Ксении Михайловне, она всему тебя научит!»

Выйдя из затвора, о. Серафим стал ходить к роднику и келье затворника иеромонаха Дорофея. Родник этот находился верстах в двух от монастыря, и в Саровской обители не знают, кем он был первоначально вырыт. Теперь он был покрыт накатом из бревен и засыпан землей; вода вытекла из него через трубу. Вблизи родника, на столбике, по-видимому нарочно устроенном, стояла икона св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова. По этому обстоятельству родник называли *богословским*. Когда о. Серафим жил еще в дальней пустынке, то хаживал к этому месту, которое ему очень нравилось, и здесь упражнялся в телесных трудах. На расстоянии четверти версты от богословского родника, на горке, стояла келья, в которой спасался инок, иеромонах Дорофей. В половине сентября 1825 г. благочестивый отшельник переселился в иной,

лучший, небесный мир, к которому всю жизнь стремилась душа его. Между тем старец Серафим от долговременных подвигов пришел в крайнее изнеможение: со времени стояния на камнях у него не переставали болеть ноги, а к ногам присоединилось еще ощущение сильной боли в голове. Ему советовали, для поддержания здоровья, иметь движение и пользоваться свежим воздухом. Чувствуя действительную необходимость, он начал еще с весны 1825 года выходить из своей кельи по ночам. Это открыл инок Филарет. Наступил Великий пост – время особых подвигов для иноков саровских. Однажды Филарет, встав очень рано утром и совершив свое домашнее правило, вышел из кельи в ограду монастыря, вдруг видит он вдали человека, во мраке, который несет на руках какую-то тяжесть. Филарет сотворил молитву и крикнул: «Кто тут?»

«Убогий Серафим, Серафим убогий, – было ответом. – Умолчи, радость моя!» Тогда Филарет подошел к старцу и, по обычаю, принял от него благословение. Тут он увидел, что о. Серафим нес на руках своих значительной величины камень. Он взял его вне монастыря из-под горы у того места, где церковь св. Иоанна Предтечи, а Филарет проследил, что старец положил его возле алтаря соборного храма (где ныне он похоронен).

Получив во сне от Божией Матери разрешение выйти из затвора, о. Серафим проснулся, сотворил обычное правило и пошел к игумену Нифонту просить благословения на беспрепятственный выход, по болезни ног и головы, на день в пустынную келью иеромонаха Дорофея. 25 ноября было первым днем, в который старец пошел в лес.

Надо заметить, что в то время батюшка о. Серафим не имел в Саровской обители таких друзей, какими были ему духовник о. Иосиф, о. Пахомий, затем отчасти о. Исаия. Игумен о. Нифонт ходил к о. Серафиму, беседовал с ним, наслаждался духовным совершенством старца, но с прежней откровенностью о. Серафим не относился ни к кому. Теперь скорее отроковица Мария Семеновна и Михаил Васильевич Мантуров слышали о бывших о. Серафиму откровениях и даваемых ему поручениях Божией Матерью, чем саровские иноки. С другой стороны, это и понятно, потому что о. Иосиф и о. Пахомий были наставниками и духовниками о. Серафима, который в упоминаемое время уже сам достиг старческих лет.

Поэтому при составлении жизнеописания о. Серафима авторы пользовались более материалами частными, как показания М. В. Мантурова, протоиерея о. Василия Садовского и Н. А. Мотовилова, чем рассказами саровских иноков, которые имели перед глазами жизнь нескольких подвижников и затворников. М. В. Мантуров не оставил своих записок, но, несомненно, живя в Дивееве после кончины батюшки с о. Василием и Н. А. Мотовиловым, он и два друга вместе записывали прошлое, известное им со слов старца Серафима. Таким образом вернее, что записки Н. А. Мотовилова писаны ими всеми вместе.

В записках Н. А. Мотовилова об основании мельничной обители о. Серафима говорится (тетрадь № 6): «Когда 1825-го года 25 ноября, на день святых угодников Божиих Климента, папы Римского, и Петра Александрийского, как то сам батюшка Серафим лично мне, а также и многим постоянно говаривал, пробираясь по обычаю сквозь чащи леса по берегу реки Саровки к своей дальней пустынке, увидал он ниже того места, где был некогда богословской колодезь, и почти близ берега реки Саровки, Божию Матерь, явившуюся ему тут (где ныне колодезь его и где тогда была лишь трясина), а дальше и позади Нее на пригорке двух апостолов: Петра Верховного и евангелиста Иоанна Богослова. И Божия Матерь, ударив землю жезлом так, что искипел из земли источник фонтаном светлой воды, сказала ему: "Зачем ты хочешь оставить заповедь рабы Моей Агафьи – монахини Александры? Ксению с сестрами ее оставь, а заповедь сей рабы Моей не только не оставляй, но и потщись вполне исполнить ее: ибо по воле Моей она дала тебе оную. А Я укажу тебе другое место, тоже в селе Дивееве: и на нем устрой эту обетованную Мною обитель Мою. А в память обетования, ей данного Мною, возьми с места кончины ее из общины Ксении восемь сестер". И сказала ему по именам, которых именно взять, а место указала на востоке, на задах села Дивеева, против алтаря церкви Казанского явления Своего, устроенного монахиней Александрой. И указала, как обнести это место канавою и валом, и с сих восьми сестер повелела ему начать обитель сию, Ее четвертого вселенского жребия на земле, для которой приказала сначала из саровского леса ему срубить двухпоставную ветряную мельницу и кельи первые, а потом по времени соорудить

в честь Рождества Ее и Сына Ее Единородного двухпрестольную церковь для сей обители, приложив оную к паперти церкви Казанского явления Своего дивеевской монахине Александре. И Сама дала ему для сей обители устав новый, нигде до того времени ни в какой обители еще не существовавший. И за непременное правило поставила заповедь, чтобы в сию обитель не дерзала быть принимаема ни одна вдовица, а принимал бы и он и потом навсегда принимались бы лишь одни девицы, на прием которых Сама Она изъявит Свое благоволение, и обещалась Сама быть всегдашней Игуменьей сей обители Своей, изливая на нее все милости Свои и всех благодатей Божиих благословения со всех Своих трех прежних жребиев: Иверии, Афона и Киева. На месте же, где стояли Пречистые стопы Ног Ее и где от ударения жезлом Ее искипел из земли источник и принял целебность на память будущих родов выкопаньем тут колодца, обещала дать водам онаго большее благословение Свое, чем некогда имели воды Вифезды Иерусалимской».

Далее Н. А. Мотовилов пишет, что «батюшка о. Серафим основал обитель не по простой своей человеческой мысли и по примеру, где-либо до него существовавшему, но решительно лишь по одному, особенно нарочито на счет этой обители его, бывшему ему личному явлению Самой Божией Матери; и не только устав сей обители и молебные правила, и житейское законоположение для оной опять-таки не сам придумал, а все по единственной воле Ее, из уст в уста возвещенной ему, установил; но даже и ни одной девицы в оную по своему личному желанию, избранию или усмотрению не принял, а хотя и принял иных, но когда Матерь Божия не одобряла его выбора, возбраняла ему в том, то он уже не держал их более тут, а отсылал в другую общину, к Ксении Михайловне, чем самым и мне объяснены и явственны различие между ними и их несметная раздельность и полная друг от друга независимость и всецелая каждой из этих общин фундаментальная самостоятельность».

Ныне на месте явления Божией Матери отцу Серафиму 25 ноября 1825 года устроен колодезь, отличающийся чудотворной силой, и ниже, вблизи него, существует прежний богословский колодезь.

Через несколько дней после этого явления Матери Божией, а именно 9 декабря, пришли к о. Серафиму две любимые

им дивеевские сестры Параскева Степановна и отроковица Мария Семеновна. Не без устроения Божия и воли Богоматери явились именно они в этот день. Отец Серафим объявил им, что они должны с ним идти в дальнюю пустынку. И вот, как записано (в тетради № 6) за рассказывавшей Параскевой Степановной, они втроем вышли из Сарова, как только ударили к утрене, и пришли к источнику Матери Божией, когда заблаговестили к поздней обедне. Дорогой батюшка упоминал о том, что уже 12 лет, как он вышел из своего затвора (то есть открыл дверь кельи для приходящих) и не ходил этими местами. Подойдя к источнику, он объяснил, что колодезь и столбики сделаны им самим. Из этого можно заключить, что с 25 ноября по 9 декабря о. Серафим работал у источника этого, вырывал колодезь, обкладывал кругом и т. д. Тут же о. Серафим совершил чудо целебной водой источника. Как рассказывала Прасковья Степановна, она давно, постоянно кашляла, и батюшка, видя это, обратился к ней со словами: «Зачем ты кашляешь, брось, не надо!» «Не могу, батюшка!» — ответила больная. Тогда о. Серафим почерпнул воды из источника своей рукавичкой и напоил Прасковью Степановну, которая немедленно перестала кашлять и навсегда излечилась от этой надоедливой болезни. От источника они прошли в лес и к дальней пустынке. Когда они вошли в хижину, то о. Серафим подал им две зажженные восковые свечи, из взятых с собой по его приказанию вместе с елеем и сухарями, и велел стать Марии Семеновне с правой стороны распятия, висевшего на стене, а Прасковье Степановне — с левой. Так они стояли более часа с зажженными свечами, а о. Серафим все время молился, стоя посредине. Помолясь, он приложился к распятию и им велел помолиться и приложиться. После этого сестры целый день чистили вместе с батюшкой погреб возле пустынки и вечером пошли обратно в Саров.

Некоторые полагали, что в этот знаменательный день первого выхода в дальнюю пустынь о. Серафим молился о Дивеевской общине и здесь получил *первую мысль* об устройстве для нее мельницы (см. Саровское изд. 1893 г., с. 84), но это ошибочное мнение. Мы видели, что о. Серафим не допускал иметь *своей мысли* и в таком важном и необыкновенном деле, как основание обители, и руководствовался лишь приказаниями Пресвятой Игумении, Матери Божией. Нам думается,

что о. Серафим перед началом построения мельницы и основания новой общины хотел где-нибудь наедине помолиться с такими сестрами, которых Матерь Божия избрала на особое служение Ей и обители. Как известно, Прасковья Степановна была назначена первой старшей мельничной Дивеевской обители, а Марья Семеновна, вскоре как 19-летняя схимонахиня Мария представившаяся пред Господа, была назначена, по словам о. Серафима, начальницей над дивеевскими сиротами в Царствии Небесном, в обители Божией Матери. Позволяем себе думать, что во взаимной молитве основателя обители и двух ее начальниц, на земле и на небе, был великий и сокрытый в то время смысл, понятный лишь одному святому старцу.

Начиная с этого дня (то есть 9 декабря), рассказывала Прасковья Степановна, батюшка весь год сам трудился, готовил столбы и лес для мельницы, и дивеевские сестры работали у него, для чего в своей дальней пустынке он сложил печь, чтобы они здесь отдыхали после трудов.

В 1826 году, в тот же день 9 декабря, Зачатия Божией Матери, были привезены в Дивеево на саровских лошадях столбы и бревна к месту, предызбранному для нового поселения сестер. Весь материал был приготовлен о. Серафимом, а затем и самим сестрам дано благословение вывозить саровский лес для мельницы. Так как земля, предназначенная для постройки мельницы, принадлежала г-ну Баташеву, то о. Серафим посылал Прасковью Степановну на Илевский завод к его приказчику. Прасковья Степановна рассказывала, что она пятнадцать раз ездила на завод с сестрой Марьей Семеновной, но не могла добиться милости. Царица Небесная устроила так, что генеральша Вера Андреевна Постникова, урожденная Баташева, приехала в Саров к о. Серафиму. Старец стал просить у нее эту землю, и Вера Андреевна с любовью обещала уступить ее, взяв этот участок на свою долю, но, однако, позабыла заявить о том главной конторе, в ведении которой была земля. Тогда батюшка просил из конторы отнестись к генеральше Постниковой, и вскоре получилось письменное заявление Веры Андреевны о пожертвовании ею одной десятины земли. Затем впоследствии генеральша Постникова вместо одной десятины подарила три. Отец Серафим несказанно утешился таким милосердием Божиим и приказал сестре

Елене Васильевне Мантуровой написать ей от него благодарственное письмо и послал в благословение сухариков. Только зимой 1829 года была отмежевана эта земля, и тогда весною о. Серафим приказал сестрам этот участок земли обрыть канавкою.

О радости батюшки о. Серафима, когда он получил в подарок три десятины земли, свидетельствует нам и любимая батюшкой сестра Ксения Васильевна. Когда она пришла к о. Серафиму, он, весь сияющий, воскликнул: «Видишь ли, матушка, как Сама Царица Небесная схлопотала нам землицы, вот мы тут мельницу-то и поставим!»

В Саровском жизнеописании о. Серафима (1893 г., с. 101) говорится, что от настоятеля о. Нифонта было позволено воспользоваться для сего дела саровским лесом и дано благословение сестрам вывозить лес для мельницы. Из этого можно заключить, что саровские иноки подарили лес о. Серафиму и Дивеевской общине, основанной Агафьей Семеновной Мельгуновой, которая столько пожертвовала денег на холодный Саровский собор и дала при смерти еще 40 тысяч о. Пахомию. Но истина совершенно иная. Лес на мельницу был продан о. Нифонтом о. Серафиму, который приобрел его на свои деньги. Мало того, любимица о. Серафима монахиня Капитолина (Ксения Васильевна) свидетельствует следующее: «Много терпел за нас батюшка, – рассказывала старица, – много родименький принял за нас, много перенес терпения и гонения! Как впервые-то прислал наш батюшка на мельницу-то два столбика, да вовсе так и незначащие, привезли их к нам, да так у воротец-то и сложили, даже класть-то еще негде было у нас. Вдруг, глядим, приезжают к нам из Сарова следователи-монахи, обыскивать нас. Бранятся: "Ваш Серафим все таскает, – говорят они, – кряжи увез! Показывайте сейчас, где они у вас запрятаны!" Чудеса! Показали мы лежащие у ворот столбики. Вот, говорим мы, что прислал нам батюшка, глядите! И верить не хотят, бранятся: "Такие и сякие, все попрятали!" Куда нам было и прятать-то, кельюшка была так, вовсе махонькая, а земля кругом – вся чужая! Прихожу я после к батюшке-то, а он меня и встречает: "Во, – говорит, – радость моя! Суды заводят, кряжи увез я, Ксенья! Судить хотят убогого-то Серафима, зачем слушает Матерь-то Божию, что велит Она убогому, зачем Матерь-то Божию слушает, зачем девушек

дивеевских не оставляет! Прогневались, матушка, прогневались на убогого Серафима! Скоро на Царицу Небесную подадут в суд!"» Ввиду этого рассказа нельзя сомневаться, что записи Дивеевского монастыря справедливы и лес для мельницы куплен о. Серафимом на свои деньги.

Только что повествовавшую нам сестру Ксению Васильевну, весьма молодую в то время, о. Серафим послал в город Арзамас купить жерновые камни для мельницы. Боялась неопытная девушка браться за такое непосильное поручение, но о. Серафим приободрил ее, вперед рассказал, как ей следует ехать, кто встретится, к кому придется обратиться и т. д. Сознавая, что они живут постоянными чудесами, Ксения Васильевна решилась поехать и исполнила приказание святого отца. Но только она вернулась, как батюшка объявил ей, что Царица Небесная приказала иметь два постава на мельнице, один во имя Господа Иисуса Христа, а другой в Свое имя, а потому ей следует отправиться в село Хохлово, к знакомому ему торговцу, чтобы там купить по случаю большого размера камни. Ксения опять смутилась, ибо не знала дороги в село Хохлово, проходящей все время по лесу, и никогда не встречала у батюшки этого торговца, но, послушная слову старца, она со страхом направилась к означенной деревне. Дорогой, никого не встречая, Ксения сомневалась, так ли идет она, но затем заметила, что перед ней летало несколько желтых птичек, которые отлетят и сядут, а когда она подойдет к ним, снова вспорхнут и сядут на неизвестном расстоянии по дороге. Тут она поняла, что птички посланы ей указывать путь, и продолжала идти уже весело и радостно. Придя в село Хохлово, она обратилась с вопросом к крестьянину, который смазывал свою телегу и приготовлялся в путь. Оказалось, что перед ней стоит именно тот торговец, к которому послал ее батюшка. Так исполнила Ксения и второе поручение.

Михаилу Васильевичу Мантурову о. Серафим приказал ведать всеми работами. С 1825 г. стал посещать батюшку и о. Василий Садовский, которого великий старец очень полюбил и затем постепенно вел по пути духовного совершенства. В своих записках о. Василий рассказывает, что когда он в первый раз пришел к о. Серафиму, то старец начал поучать его, как следует руководить духовных детей и сестер обители, а затем, прося его, в свою очередь, их не оставить, сказал вос-

торженно: «Как нам оставить великое это Божие дело и тех, о коих просила меня, убогого Серафима, матушка Агафья Семеновна! Ведь она была великая жена, святая, смирение ее было неисповедимо, слез источник непрестанный, молитва к Богу чистейшая, любовь ко всем нелицемерная! Одежду носила самую простую, и то многошвейную, и опоясывалась кушачком с узелком; а как идет, бывало, то госпожи великие ее ведут под ручки, столь за жизнь свою была всеми уважаема! Так как же нам презреть ее прошения! Я ведь теперь один остался из тех старцев (разумевая строителя Пахомия и казначея Исаию), коих просила она о заведенной ею общинке. Так-то и я прошу тебя, батюшка, что от тебя зависит, и ты не оставь их!»

Отец Серафим в духовно-назидательных беседах своих с приходящими часто говорил: «Матушка Агафья Семеновна великая жена и всем нам благотворительница была и столь изобиловала благодатью Божией, скажу вам, что удостоилась дара духовного, имея слез источник непрестанный такой, что в бытность ее здесь в Сарове во время служб церковных, становясь в теплом соборе, против чудотворной иконы Живоносного Источника, из глаз ее текли не слезы, а источники слез, точно она сама соделывалась тогда благодатным источником этих слез! Великая и святая жена была она, матушка Агафья Семеновна, вельми великая и святая!»

Сестра обители Дарья Зиновьевна свидетельствовала (Летопись, тетрадь № 4), что о. Серафим говорил ей лично, в присутствии старицы Анны Алексеевны и о. Павла, соседа своего по келье в монастыре, передавая два больших пука свеч, белых и желтых: «Вот, батюшка, смотри, – я им даю свеч в воспоминание матушки Александры! Она святая была! Я и сам доныне ее стопы лобызаю! Теперь пока ничего у нас нет, а как Бог благословит, в мощах она у вас будет, тогда все у вас явится; как источник потечет со всех сторон! Народ будет смотреть и удивляться, откуда что возьмется!»

Отец Серафим, по свидетельству многих лиц, говорил о будущем Дивеева, заповедуя всегда ходить и служить Казанской церкви и никогда не называть ее приходской, так как со временем она присоединится к монастырю и будет теплым, зимним собором обители. Он положительно предрекал, что со временем, по Божиему изволению, должны в обители почивать открытыми святые мощи матери Александры, и приказал

всем каждый день утром и вечером ходить кланяться ее могиле, произнося при этом: «Госпожа наша и мать, прости меня и благослови! Помолись, чтобы и мне было прощено, как ты прощена, и помяни меня у престола Божия!»

Известно, что о. Серафим говорил также Елене Васильевне Мантуровой, Марии Семеновне Мелюковой, Дарье Зиновьевне, Екатерине Егоровне о том, что матушка Александра почивает в мощах, ныне же мы имеем обратное свидетельство лишь от престарелой Ксении Васильевны Прутковой, то есть монахини Капитолины, которая не подтверждает показаний покойных сестер и, в свою очередь, свидетельствует, будто о. Серафим ей говорил, что мать Александра достигла великого и находится вблизи Св. Троицы, но не почиет в мощах. Будущее покажет, чьи слова были справедливы.

Старица Екатерина Егоровна, впоследствии монахиня Евдокия, рассказывала (Летопись, тетрадь № 4), что о. Серафим на слова ее, «что гроб матери Александры у приходской церкви», так заметил ей: «Что это ты, матушка, говоришь, чего выдумала, какая там приходская церковь?! Нет у нас приходской церкви и никогда не моги так говорить, матушка! Церковь Казанская наша церковь, нам матушка Александра и созиждила, она и мощами своими тут почивать будет; и никогда так не могите называть ее — приходскою!»

Старица Прасковья Ивановна, впоследствии монахиня Серафима, показала, что о. Серафим незадолго до своей кончины говорил ей (Летопись, тетрадь № 4): «У вас, матушка, первоначальница-то мать Александра больших и высоких лиц была! Я и поднесь ее стопы лобызаю! Вот она обитель заводила, а я возобновлю! Она почивать в мощах у вас будет, матушка!»

Старице Устинье Ивановне, впоследствии монахине Иларии, о. Серафим говорил (Летопись, тетрадь № 4): «Если бы ты знала только, матушка, какая великая раба Божия заводила место это и покоится у вас в обители, ты бы не скучала! Одежда ее была многошвейная, плат ветхий, и зеницы ее не просыхали от слез! Я сам и доныне стопы ее лобызаю! Каждодневно ходи на ее могилу и проси ее помянуть тебя у престола Божия!»

Старице Евдокии Ефремовне, впоследствии монахине Евпраксии, удостоившейся с о. Серафимом посещения и видения Матери Божией в день Благовещения, батюшка так говорил (Летопись, тетрадь № 4): «Теперь будете скорбеть

да скорбеть, никакой отрады, а после зато, как Господь мощи-то откроет, радость будет великая! [4]»

Мы привели здесь все эти показания покойных сестер, ввиду существующего разногласия о предсказаниях о. Серафима насчет открытия мощей матери Александры и чтобы охарактеризовать этот почему-то спорный вопрос.

Из беседы о. Серафима с о. Василием Садовским в 1826 году, находящейся в записках последнего, явствует, что батюшка лично желал назначить начальницей своей мельничной обители Елену Васильевну Мантурову. Так, перед постройкой своим девушкам «мельницы-питательницы», как всегда выражался старец, призвал он священника о. Василия, который застал о. Серафима сидящим у своего источника грустным, скорбным. Вздыхая, батюшка произнес: «Старушка-то (то есть матушка Ксения Михайловна) у нас плоха! Кого бы нам вместо нее-то, батюшка?!» — «Кого уже вы благослови-те...» — ответил недоумевающий о. Василий. «Нет, ты как думаешь?! — переспросил старец. — Кого? Елену Васильевну или Ирину Прокопьевну?» Но о. Василий и на этот вторичный вопрос батюшки ответил: «Как вы благословите, батюшка». «Вот то-то, я и думаю Елену-то Васильевну, батюшка; она ведь словесная! Вот потому я и призвал тебя. Так ступай-ка ты да и присылай ее ко мне», — сказал о. Серафим.

Когда к нему пришла Елена Васильевна, батюшка в восторге объявил ей, что она должна быть начальницей его обители. «Радость моя! — сказал о. Серафим. — Когда тебя сделают начальницей, то тогда, матушка, праздник будет великий и радость у вас будет велия! Царская Фамилия вас посетит, матушка!» Елена Васильевна страшно смутилась. «Нет, не могу я этого, батюшка! — ответила она прямо. — Всегда и во всем слушалась я вас, но в этом не могу! Лучше прикажите мне умереть, вот здесь, сейчас, у ног ваших, но начальницей — не желаю и не могу я быть, батюшка!»

Несмотря на это, о. Серафим впоследствии, когда устроилась мельница и он перевел в нее семь первых девушек, приказал во всем им благословляться и относиться к Елене Васильевне — начальнице их, хотя она так и осталась до самой смерти своей жить в Казанско-церковной общинке. Это до такой степени смущало юную подвижницу, что даже и перед смертью своей она твердила, как бы в испуге: «Нет, нет, как

угодно батюшке, а в этом не могу я его слушаться; что я за начальница! Не знаю, как буду отвечать за свою душу, а тут еще отвечать за другие! Нет, нет, да простит мне батюшка, и послушать его в этом никак не могу!» Однако о. Серафим все время поручал ей всех присылаемых им сестер и, говоря о ней, называл всегда «Госпожа ваша! Начальница!». Вообще начальствование Елены Васильевны было и осталось загадочным и непонятным, так как вскоре она чудесно скончалась.

Теперь вернемся к ближайшей пустынке великого старца. Летом 1826 года, по желанию старца, богословский родник был возобновлен. Накат, закрывавший бассейн, был снят; сделан новый сруб с трубою для истока воды. Около бассейна старец стал теперь заниматься телесными трудами. Собирая в реке Саровке камешки, он выкидывал их на берег и ими унизывал бассейн родника. Устроил здесь для себя гряды, удобривал их мхом, садил лук и картофель. Старец избрал себе это место потому, что по болезни не мог ходить в прежнюю свою келью за шесть верст от монастыря. Даже затруднительно становилось ему после утренних трудов на ногах посещать для отдохновения в полуденное время келью о. Дорофея, которая стояла от родника всего на четверть версты. Для о. Серафима устроен был на берегу горы, подле родника, новый небольшой сруб, вышиною в три аршина, длиной в три и шириной в два. Сверху его накрывал скат на одну сторону. Не было в нем ни окон, ни двери. Вход же в этот срубец открыт был земляной, со стороны горы, под стенкой. Подлезши под стенку, старец отдыхал в этом убежище после трудов, скрываясь от полуденного зноя. Потом, в 1827 году, здесь же, на горке около родника, ему поставили новую келью с дверями, но без окон; внутри нее была печь, совне сколочены сенцы из досок. В течение 1825–1826 годов старец ежедневно хаживал к этому месту. А когда устроили ему келью, он начал уже постоянно проводить все дни здесь, в пустыни; вечером возвращался в обитель. Идя в обитель и из обители в обыкновенном белом ветхом холщовом балахоне, в убогой камилавке, с топором или мотыгою в руках, он носил за плечами суму, грузно наполненную камнями и песком, в которой лежало и св. Евангелие. Некоторые спрашивали: «Для чего он это делает?» Он отвечал словами св. Ефрема Сирина: «Я томлю томящего мя». Место это известно с тех пор

под именем *ближней* пустыни о. Серафима, а родник стали называть *колодцем о. Серафима.*

Ксения Васильевна Путкова рассказывает следующее об этой пустынке (тетрадь № 6, рассказ № 32): «И вот еще как задолго предсказал мне наш родименький батюшка, что пустынка-то его наша будет, к нам отойдет! Пришла я к нему в Саров и в самое то время, как усердием верующих ему строилась эта вот пустынка его. Посадил он меня возле и сам сел, и много-много говорил мне назидательно о кротости, смирении и любви, как должны мы любить его, и кто так будет поступать, тот всегда с ним будет; потом и говорит: "Я тебя к себе возьму! Вот смотри-ка, радость моя, ведь эта вот пустынка нам с тобою строится; ведь она у вас будет, пустынка-то, и будем мы жить, как Авраам и Мария!" А я, по молодости лет не понимая ничего, смеючись, просто говорю батюшке: "А я возьму да и уйду от вас, как Мария-то от Авраамия" "Нет, – отвечает, – радость моя, нет тебе дороги уйти-то: Авраам да Мария жили во притворе, а я тебя внутрь себя возьму! Ты и не уйдешь, матушка!" Уж много лет после, когда привезли нам пустынку, уразумела я слова баюшки; ведь всегда я была с ним духом и не могла уже уйти из обители».

Со времени построения новой кельи, в 1827 году, деятельность и труды о. Серафима постоянно разделены были между двумя местностями: обитель и ближняя пустынь были попеременно его поприщем.

В монастыре он оставался по воскресным и праздничным дням, причащаясь за ранней литургией в больничной церкви Св. Таин. В будни же он почти ежедневно ходил в лес в ближнюю пустынь. В монастыре он проводил ночи. На день же, с четырех, даже с двух часов ночи, удалялся в ближнюю пустынь, провождая в ней время до семи или восьми часов пополудни. Число посетителей его весьма увеличилось. Одни дожидались его в монастыре, жаждая увидеть его, принять благословение и услышать слово назидания; другие приходили к нему в пустынную келью. Старцу, ослабевшему в силах, было тяжело простирать деятельность свою на огромную массу людей. Чтобы сократить число посетителей и не развлекаться от собеседований, о. Серафим в начале поселения в ближайшей пустыни причащался Св. Таин, как и во время затвора, в своей келье. Некоторых стало соблазнять это

обстоятельство. Как, в самом деле, старец ходит в пустынь за две слишком версты от монастыря, а Св. Таин причащается в келье? Но соблазняться было нечем... Старец продолжал причащаться в келье потому, собственно, чтобы избегнуть многочисленных посетителей, которых еще не в силах был принимать к себе. Однако же, для предотвращения соблазна немощных в совести, от епископа Тамбовского последовало предложение, чтобы старец Серафим сам приходил в церковь для причащения Св. Таин. Услышавши о таком распоряжении, он сказал, что не оставит причащаться Св. Таин, хотя бы пришлось для этого ходить на коленях, и распоряжение архиерея принял со смирением. Но, кажется, это было распоряжением свыше земной власти с целью короче сблизить старца с нуждами верующих. Ибо когда о. Серафим стал ходить в больничную церковь к ранней литургии, то число усердствующих к нему возросло до огромной цифры. Старец почти не имел покоя ни в пустыни, ни на дороге, ни в монастыре. Строитель Нифонт, любивший старца Серафима, о множестве посетителей говаривал, бывало, так: «Когда о. Серафим жил в пустыни (первой и дальней), то закрыл все входы к себе деревьями, чтобы народ не ходил; а теперь стал принимать к себе всех, так что мне до полуночи нет возможности закрыть ворот монастырских».

Умилительно было видеть, как старец, после причастия Св. Таин, возвращался из церкви в свою келью. Он шел в мантии, эпитрахили и поручах, как обыкновенно приступал к таинству. Шествие его было медленно от множества толпившегося народа, из среды которого всякий силился хотя слегка взглянуть на старца. Но он в это время ни с кем не говорил, никого не благословлял и как бы ни души не видал вокруг себя: взор его был потуплен долу, а ум погружен внутрь себя. В эти минуты он входил своею душою в размышление о великих благодеяниях Божиих, явленных людям таинством св. Причащения. И благоговея к чудному старцу, никто не смел даже прикоснуться к нему. Пришедши в свою келью, он уже всех усердствующих принимал к себе, благословлял, а желающим предлагал и душеспасительное слово.

Не менее умилительно было видеть этого смиренного, седовласого, сгорбленного старца, подпиравшегося мотыгой или топором, в пустыни за рубкой дров, возделыванием гряд,

в убогой камилавке, в белом балахоне, с известной уже нам сумой за плечами.

Но всего более усладительна была его беседа. Ум у о. Серафима был светлый, память твердая, взгляд истинно христианский, сердце для всех доступное, воля непреклонная, дар слова живой и обильный. Речь его была столь действенна, что слушатель получал от нее душевную пользу. Беседы его были исполнены духом смирения, согревали сердце, снимали с очей как бы некоторую завесу, озаряли умы собеседников светом духовного разумения, приводили их в чувство раскаяния и возбуждали решительную перемену к лучшему, невольно покоряли себе волю и сердце других, разливали в них мир и тишину. Как собственные действия свои, так и свои слова старец Серафим основывал на слове Божием, подтверждая их наиболее местами Нового Завета, на писаниях св. отцов и на примерах святых, Богу благоугодивших. Все сие потому еще имело особенную силу, что прямо прилагалось к потребностям слушателей. По чистоте духа своего он имел дар прозорливости; иным, прежде раскрытия обстоятельств, давал наставления, относившиеся прямо ко внутренним их чувствам и мыслям сердечным.

Впрочем, старец, украшенный высокой духовной опытностью, наблюдал известные правила в раскрытии пред другими своих благодатных дарований. Правила сии изложены им в наставлении: *о хранении познанных истин.*

«Не должно, – говорил он, – без нужды другому открывать сердца своего; из тысячи найти можно только одного, который бы сохранил свою тайну. Когда мы сами не сохраним ее в себе, как можем надеяться, что она может быть сохранена другим?

С человеком душевным надобно говорить о человеческих вещах; с человеком же, имеющим разум духовный, надобно говорить о небесных.

Исполненные духовной мудростью люди рассуждают о духе какого-либо человека по Священному Писанию, смотря, сообразны ли слова его с волею Божиею, и по тому делают о нем заключение.

Когда случится быть среди людей в мире, о духовных вещах говорить не должно, особенно когда в них не примечается и желания к слушанию.

Надобно в сем случае следовать учению св. Дионисия Ареопагита (О небесной иерархии, гл. 2): соделавшися сам божествен, божественных вещей познанием, и в тайне ума сокрыв святая от неосвященного народа, яко единообразная храни, не бо праведно есть, яко же Писание глаголет, повергнути в свиния умных маргаритов — чистое, световидное и драгоценное благоукрашение. Надобно содержать в памяти слово Господне: *не пометайте бисер ваших пред свиньями, да не поперут их ногами своими, и вращшеся расторгнут вы* (Мф. 7, 6).

А потому всеми мерами должно стараться скрывать в себе сокровище дарований: в противном случае потеряешь и не найдешь. Ибо, по опытному изречению св. Исаака Сирина, лучше есть помощь, яже от хранения, паче помощи, яже от дел (Сл. 89).

Когда же надобность потребует или дело дойдет, то откровенно во славу Божию действовать должно, по глаголу: *Аз прославляющия Мя прославлю* (1 Цар. 2, 30), потому что путь уже открылся».

Такими-то правилами духовного рассуждения руководствовался о. Серафим в своем обхождении с другими.

Особенную любовь и почтение о. Серафим имел к тем святителям, которые были ревнителями *православной* веры Христовой, как-то: Клименту папе Римскому, Иоанну Златоусту, Василию Великому, Григорию Богослову, Афанасию Александрийскому, Кириллу Иерусалимскому, Епифанию Кипрскому, Амвросию Медиоланскому и им подобным, называя их столпами Церкви. Жизнь и подвиги их он приводил в пример твердости и непоколебимости в вере. Убеждал твердо стоять за истину догматов Православной Церкви, приводя в пример блаженного Марка Ефесского, явившего непоколебимую ревность в защите Восточно-кафолической веры на соборе во Флоренции. Сам предлагал разные наставления о Православии, изъясняя, в чем оно состоит, что оно одно содержит в себе истину Христовой веры в целости и чистоте, и как надобно защищать его. Любил говорить о святителях отечественной Церкви — Петре, Алексии, Ионе, Филиппе, Димитрии Ростовском, Стефане Пермском, преподобном Сергии Радонежском и других российских угодниках Божиих, поставляя жизнь их правилом на пути ко спасению. Жития святых, описанные в Четьи-Минеях, творения многих отцов Церкви так

твердо знал, что на память пересказывал из них целые отделения, советуя подражать жизни угодников Божиих и следовать их учению.

Особенным свойством его обхождения и бесед были любовь и смиренномудрие. Кто бы ни был приходивший к нему, бедняк ли в рубище, или богач в светлой одежде, с какими бы кто ни приходил нуждами, в каком бы греховном состоянии ни находилась его совесть, он всех лобызал с любовью, всем кланялся до земли и, благословляя, сам целовал руки даже у непосвященных людей. Никого не поражал он жестокими укоризнами или строгими выговорами; ни на кого не возлагал тяжкого бремени, сам неся крест Христов со всеми скорбями. Говорил он иным и обличения, но кротко, растворяя слово свое смирением и любовью. Старался возбудить голос совести советами, указывал пути спасения, и часто так, что слушатель его на первый раз и не понимал, что дело идет о душе его. После же сила слова, осоленного благодатью, непременно производила свое действие. Не выходили от него без действительного наставления ни богатые, ни бедные, ни простые, ни ученые, ни вельможи, ни простолюдины; для всех было довольно живой воды, текущей из уст прежнего молчальника, смиренного и убогого старца. Народу, особенно в последние десять лет его жизни, к нему стекалось ежедневно целые тысячи. Ежедневно, при многочисленном собрании пришельцев в Саров, у него бывало в келье около 2000 человек и более. Он не тяготился и со всяким находил время побеседовать на пользу души. В кратких словах он объяснял каждому то, что ему именно было благопотребно, открывая часто самые сокровенные помыслы обращавшихся к нему. Все ощущали его благоприветливую истинно родственную любовь и ее силу, и потоки слез иногда вырывались у таких людей, которые имели твердое и окаменелое сердце.

Приехал однажды в Саров заслуженный генерал-лейтенант Л. Целью приезда его было любопытство. Итак, посмотрев монастырские здания, он хотел уже и проститься с монастырем, не получив для души своей никакого духовного дара, но неожиданно встретил здесь помещика Алексея Неофитовича Прокудина и разговорился с ним. Собеседник предложил генералу зайти к затворнику старцу Серафиму, но генерал только с трудом уступил убеждениям Прокудина. Как только

вступили они в келью, старец Серафим, идя к ним навстречу, поклонился генералу в ноги. Такое смирение поразило гордость Л. Прокудин, заметив, что ему не следует оставаться в келье, вышел в сени, и генерал, украшенный орденами, около получаса беседовал с затворником. Через несколько минут послышался из кельи старца плач: то плакал генерал, точно дитя малое. Через полчаса раскрылась дверь, и о. Серафим вывел генерала под руки; он продолжал плакать, закрыв лицо руками. Ордена и фуражка были забыты им от горести у о. Серафима. Предание говорит, будто ордена свалились у него во время беседы сами собой. Отец Серафим вынес все это и ордена надел на фуражку. Впоследствии генерал этот говорил, что он прошел всю Европу, знает множество людей разного рода, но в первый раз в жизни увидел такое смирение, с каким встретил его Саровский затворник, и еще никогда не знал о той прозорливости, по которой старец раскрыл перед ним всю его жизнь до тайных подробностей. Между прочим, когда кресты свалились у него, отец Серафим сказал: «Это потому, что ты получил их незаслуженно».

С особенным усердием заботился старец Серафим о тех, у кого видел расположение к добру: на пути блага он старался утвердить их всеми духовно-христианскими средствами и силами. Впрочем, несмотря на любовь ко всем, о. Серафим к некоторым был строг. Но и с не любящими его он был *мирен*, обходился кротко и любовно. Не было замечено, чтобы он какое-либо дело отнес к себе или хвалил себя, но всегда, благословляя Господа Бога, говорил: *не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу* (Пс. 113, 9). Когда же видел, что приходившие к нему внимали его советам, следовали его наставлениям, то не восхищался сим как бы плодом своего дела. «Мы, — говорил он, — должны всякую радость земную от себя удалять, следуя учению Иисуса Христа, Который сказал: *о сем не радуйтесь, яко дуси вам повинуются; радуйтеся же, яко имена ваша написана суть на небесех*» (Лк. 10, 20).

Кроме дара прозорливости, Господь Бог продолжал являть в старце Серафиме благодать исцеления недугов и болезней телесных. Так, 11 июня 1827 года исцелена была Александра, жена Нижегородской губернии Ардатовского уезда, села Елизарьева дворового человека Варфоломея Тимофеева Лебедева. В то время этой женщине было 22 года и она имела двух

детей. 6 апреля 1826 года, в день сельского праздника, она, возвратившись после литургии из церкви, пообедала и потом вышла за ворота прогуляться с мужем. Вдруг, Бог знает с чего, с ней сделалась дурнота, головокружение: муж едва мог довести ее до сеней. Здесь она упала на пол. С нею началась рвота и ужасные судороги; больная помертвела и впала в совершенное беспамятство. Через полчаса, как бы пришедши в себя, она начала скрежетать зубами, грызть все, что попадалось, и наконец уснула. Спустя месяц эти болезненные припадки стали повторяться с ней ежедневно, хотя не всякий раз в одинаково сильной степени.

Сначала больную лечил домашний сельский лекарь Афанасий Яковлев, но предпринимаемые им средства не имели никакого успеха. Потом возили Александру на Илевский и Вознесенский железные заводы: там был иностранный доктор; он взялся лечить ее, давал разные медикаменты, но, не видя успеха, отказался от дальнейшего лечения и советовал еще съездить в Выксу на чугунные заводы. «В Выксе же, по описанию мужа больной, доктор был иностранцем *с большою привилегиею*». По доброму согласию с управляющим, который принимал участие в больной, выксунский доктор истощил все свое внимание, познания и искусство и наконец дал такой совет: «Теперь вы положитесь на волю Всевышнего и просите у Него помощи и защиты; из людей же никто вас вылечить не может». Такой конец лечения очень опечалил всех и больную поверг в отчаяние.

В ночь на 11 июня 1827 года больная увидела сон. Явилась ей незнакомая женщина, весьма старая, со впалыми глазами, и сказала: «Что ты страждешь и не ищешь себе врача?» Больная испугалась и, положивши на себя крестное знамение, начала читать молитву св. Креста: *Да воскреснет Бог и расточатся врази Его.* Явившаяся отвечала ей: «Не убойся меня: я такой же человек, только теперь не сего света, а из царства мертвых. Встань с одра своего и поспеши скорее в Саровскую обитель к о. Серафиму; он тебя ожидает к себе завтра и исцелит тебя». Больная осмелилась спросить ее: «Кто ты такая и откуда?» Явившаяся отвечала: «Я из Дивеевской общины, первая тамошняя настоятельница Агафья». На другой день утром родные запрягли пару господских лошадей и поехали в Саров. Только больную невозможно было везти шибко: беспрестанно

делались с ней обмороки и судороги. Сарова достигла больная уже после поздней литургии, во время трапезы братии. Отец Серафим затворился и никого не принимал; но больная, приблизившись к его келье, едва успела сотворить молитву, как о. Серафим вышел к ней, взял ее за руки и ввел в свою келью. Там он накрыл ее эпитрахилью и тихо произнес молитву ко Господу и Пресвятой Богородице; потом он напоил больную св. богоявленской водой, дал ей частицу св. антидора да три сухарика и сказал: «Каждые сутки принимай по сухарю со св. водой да еще сходи в Дивеево на могилу рабы Божией Агафьи, возьми себе земли и сотвори на сем месте, сколько можешь, поклонов: она (Агафья) о тебе сожалеет и желает тебе исцеления». Потом прибавил: «Когда тебе будет скучно, ты помолись Богу и скажи: отче Серафим! помяни меня на молитве и помолися обо мне грешной, чтобы не впасть мне опять в сию болезнь от супостата и врага Божия». Тогда от болящей недуг отошел ощутительно, с великим шумом: она была здорова во все последующее время и невредима. После этого недуга она родила еще четырех сынов и пять дочерей. Собственноручная запись о сем мужа исцеленной оканчивается следующим послесловием: «Имя о. Серафима мы и поднесь в нашем сердце глубоко сохраняем и на каждой панихиде поминаем его со своими родными».

Глава IX

Закладка мельницы Дивеевской обители в 1827 году. Хлопоты М. В. Мантурова по заготовлению материалов для постройки церкви. Построение мельницы и распоряжения о. Серафима по устройству новой своей обители. Первые двенадцать сестер Серафимовой пустыни. Устав мельничной обители и батюшкино «правильце». Рассказы сестер о первоначальной их жизни в новой обители. Предсказания о. Серафима о будущем обители. Повествования сестер о беседах с о. Серафимом. Построение корпуса для Великой Госпожи. Вера сестер Дивеевской обители в батюшку Серафима

9 декабря 1826 года состоялась закладка мельницы, на чужой тогда земле г-на Баташева, обещанной о. Серафиму сестрой помещика г-жою Постниковой.

«В зачатие матери Анны и я хочу зачать обитель!» – торжественно и восторженно объявил святой старец, основатель будущей великой обители. Сестре Ксении Васильевне батюшка дал ниточку, по размеру которой и приказал сделать закладку мельницы. Затем ближайший помещик А. Н. Прокудин, имевший веру и уважение к о. Серафиму, прислал мельничного мастера и 12 человек плотников, которыми мельница была построена в скорое время.

В брошюре изд. 1849 года (с. 64) о подвигах о. Серафима говорится, что «старец приказал одному Лихачевскому крестьянину Ефиму Васильеву, искусному в плотнической работе и в то время горящему к нему любовью и верой, чтобы он на избранном им месте, на небольшом лугу, сначала набил колья, а потом мало-помалу построил бы из саровского леса и саму

мельницу о двух поставах. Посланный крестьянин немедленно начал исполнять в точности приказания старца, по его благословению. Когда же его останавливали и препятствовали его самовольной, по-видимому, работе (на чужой земле), потому что он начал ее без позволения господ, Ефим Васильевич терпеливо сносил все оскорбления и отвечал мешавшим просто, что о. Серафим приказал ему это делать, и тем заставлял отступаться от себя». По показаниям современников, действительно все постройки в Дивееве батюшка о. Серафим поручил Ефиму Васильеву и впоследствии был не расположен к помещику Прокудину, который много обещал, но ничего не исполнил.

Весной 1827 года начали строить мельницу, а летом 7 июля, накануне праздника Казанской иконы Божией Матери, она замолола.

В этом же 1827 году о. Серафим сказал постоянно приходившему к нему за приказаниями и распоряжениями Михаилу Васильевичу Мантурову: «Радость моя! Бедная-то общинка наша в Дивееве своей церкви не имеет, а ходить-то им в приходскую, где крестины да свадьбы, не приходится, ведь они девушки; Царице Небесной угодно, чтобы была у них своя церковь к паперти же Казанской церкви пристроена, так как паперть эта достойна алтаря, батюшка! Ведь матушка Агафья Семеновна, стоя на молитве, всю токами слез своего смирения омыла ее; вот, радость моя, и выстрой ты храм этот Рождеству Сына Ее Единородного, сиротам моим!» У Михаила Васильевича Мантурова хранились в неприкосновенности деньги от продажи имения, которые батюшка приказал спрятать до времени. Теперь настал час Михаилу Васильевичу отдать все свое достояние Господу, и такие деньги были, несомненно, угодны Спасителю мира. Следовательно, церковь Рождества Христова создалась на средства человека, принявшего на себя добровольно подвиг нищенства.

«Благословите, батюшка!» – ответил Михаил Васильевич и тотчас приступил к хлопотам о разрешении постройки и по приготовлению материалов, на что требовалось в такой глухой местности много времени.

Отцу Серафиму предлагали несколько раз выстроить Дивеевским сестрам храм, но он отвергал приносимые деньги, как «не чистые и не угодные Царице Небесной». Так, сестра

Ксения Васильевна свидетельствует (Летопись, тетрадь № 6, рассказ ее под № 26), что она однажды, не называя личности, радостно сказала батюшке, будто им обещают выстроить церковь, но о. Серафим ответил: «А вы не слишком-то радуйтесь да не очень-то на благодетелей надейтесь! Вот что я расскажу тебе, радость моя! Раз поусердствовали два помещика и говорят мне: "Благословите, батюшка, мы на могиле матушки Александры чугунный памятник поставим". А я им отвечаю: что в нем пользы?! Нет никакой пользы, батюшки; а вот лучше вы нам прикладец сделайте на новую церковь-то, что там строиться будет! Услыхав это, они так и запасмурились: нет, говорят, это нам не подручно и далеко! Ничего, отвечаю я, найдем на то человека. Хорошо! – говорят. Вот мы с Мишенькой-то (Мантуровым) все и ждем-пождем, да так, матушка, и до сих-то вот пор все ждем! А их все нет как нет! Вот уже и разрешение пришло (то есть на построение храма), а мы получили отказ от благодетелей-то, матушка! Нечего на благодетелей-то надеяться, никогда не надо!» Затем, подождав немного, о. Серафим спросил Ксению: «А кто же это обещал-то тебе, радость моя?» – «Да Прокудин», – ответила Ксения. «Это он-то! – воскликнул о. Серафим. – И не моги, и не моги брать, матушка, и не надо! Он уже мне и Мишеньке говорил, да я не приказал, матушка! Запомни раз навсегда: не всякие деньги угодны Господу и Его Пречистой Матери! И не всякие деньги попадут в обитель мою, матушка! Мало ли что, другие бы и рады дать, только возьми, да не всякие-то деньги примет Царица Небесная. Смотря какие деньги; бывают деньги обид, слез и крови! Нам такие не нужны, мы не должны принимать их, матушка!»

Построив мельницу-питательницу сирот своих, как батюшка о. Серафим называл ее, он перевел в нее, по приказанию Божией Матери, семь сестер из общины матери Александры. Восьмой батюшка считал Елену Васильевну, как сказано в прошлой главе. До глубокой осени жили эти семь сестер на мельнице, не имея еще кельи. Вот список этих семи сестер: первая – Прасковья Степановна Шаблыгина, с которой молился о. Серафим 1 декабря 1825 года в дальней пустынке. Она была девушка из крестьян деревни Вертьяново (впоследствии монахиня Пелагея); вторая – Евдокия Ефремовна, девица из крестьян села Аламасова (впоследствии монахиня Евграк-

сия), высокой жизни, удостоившаяся быть в 1831 году в день Благовещения при посещении о. Серафима Царицей Небесной со святыми; третья – Ксения Ильинична Потехина, крестьянская девица деревни Вилейки (впоследствии последняя начальница мельничной общинки и благочинная Дивеевского монастыря, монахиня Клавдия); четвертая – Ксения Павловна; пятая – Прасковья Ивановна (впоследствии монахиня Серафима); шестая – Дарья Зиновьевна и седьмая – Анна Алексеевна. Для духовного руководства о. Серафим поручил их всех новому Дивеевскому священнику о. Василию Садовскому, которого назначил быть и духовником для них, говоря, что на это есть воля Божия, Царицы Небесной и его благословение. Избранные сестры были из числа тех дев, которые в прежнее время самим старцем определены в общину Агафьи Семеновны Мельгуновой. Не имея еще кельи, сестры до глубокой осени жили на самой мельнице и занимались работами. В конце же октября построили свою келью, в которой одной и поместились все. Через непродолжительное время о. Серафим приобрел для них житницу, и поставили ее против кельи. После сего он благословил им строить и другие кельи для вновь приходящих сестер. Строения о. Серафим распорядился вести в две линии, так, чтобы мельница приходилась в средине или против промежутка. Около года, по заведении мельничной общины, сестры ходили на трапезу в прежнюю обитель, и немало им было скорби от таких странствований. Потом о. Серафим благословил им печь хлеб и варить квас у себя, отдельно от дивеевских, и сам попробовал их стол, который изредка приносили ему, по его желанию. Раз сестра Параскева Ивановна, после трудов в лесу, вкушала вместе с о. Серафимом в обеденное время сухой хлеб с водой. Старец заметил: «Это еще, матушка, хлеб насущный; а когда я был в затворе, то питался зелием: траву снить обливал горячей водою, так и вкушал. Это пустынная пища, и вы ее вкушайте». С тех пор по благословению старца в общине стали готовить снить, отваривая ее в воде с солью. Сверх того, когда сестры бывали у него, он, после духовного утешения, отпускал их обратно не иначе, как с ношею сухарей или толокна. Одна из сестер, имя ей Мария Ивановна, назначена была для приготовления трапезы.

Вскоре одна из семи мельничных сестер, Ксения Павловна, скончалась, и о. Серафим через три года начал присылать

в свою обитель новых сестер, но не иначе как девиц. Н. А. Мотовилов свидетельствует в своих записках, что о. Серафим ему объяснил это установленное им правило поступления в мельничную обитель так: «Как я и сам — девственник, батюшка, то Царица Небесная благословила, чтобы в обители моей были бы только одни девушки!» Вдовиц, желающих поступить в обитель, о. Серафим посылал к начальнице Ксении Михайловне. В то же время батюшка о. Серафим, считавший начальницей мельничной обители Елену Васильевну Мантурову, добавил сестер до 12; так, восьмою определил Прасковью Семеновну Мелюкову, крестьянскую девицу деревни Погибловой, старшую сестру Марии Семеновны; девятой — любимицу свою Ксению Васильевну Путкову (впоследствии монахиню Капитолину); десятой — Анисью Семеновну; одиннадцатой — Агафью Ивлевну и двенадцатой — Екатерину Егоровну. [5] «Вино новое вливаю в мехи новые!» — сказал о. Серафим (записки Н. А. Мотовилова) и повел жизнь своих мельничных сестер на новых началах, по уставу, данному Самой Царицей Небесной. Сестры должны были вести строгую жизнь и заниматься, кроме духовных подвигов, физическими трудами. Для работ, непосильных девице, при мельнице находился еще старец работник. Найдя правило саровских иноков, которого со всей строгостью держались в общинке матери Александры, непосильным, трудным, о. Серафим дал повседневное правило, преподанное ему Богородицей.

Встав утром, следовало прочесть: один раз *Достойно*, трижды — *Отче наш*, трижды — *Богородице Дево, радуйся*, Символ веры, потом два поясных поклона с молитвою: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную*, поклон поясной с молитвой: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных*; после сего два поясных поклона с молитвой: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, Госпожею Девою Мариею Богородицею помилуй мя грешную!* И поясной же поклон с молитвою: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, Госпожею Девою Мариею Богородицею помилуй нас грешных.* В заключение этого правильца, стоя на коленах, двенадцать поясных поклонов с молитвой: *Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас грешных,* и точно так же на коленах двенадцать поясных поклонов с молитвою: *Владычица моя Пресвятая Богородице, спаси нас грешных!* Затем читать утренние молитвы. Для

трудящихся сестер можно прочитывать все это даже на ходу, в работе.

До обеда постоянно читать про себя молитву Иисусову, а после обеда – до ночи: *Владычица моя Пресвятая Богородице, спаси нас!*

Вечернее правило: прочитать 12 избранных (изобразительных) пустынными отцами псалмов, потом помянник, поучение и 100 поясных поклонов с молитвою: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных!* И сто же поясных поклонов с молитвою: *Владычица наша Пресвятая Богородице, спаси нас грешных!* Затем повторить утреннее правильце.

На ночь должны читать опять это же правильце с молитвами на сон грядущий.

Божия Матерь запретила о. Серафиму делать обязательным чтение акафиста, дабы этим самым не наложить тяжести и лишнего греха на чью-либо душу.

В воскресенье дана заповедь о. Серафимом служить пред литургией *неопустительно* Параклис Божией Матери, весь нараспев, по нотам.

Затем о. Серафим приказал неопустительно исповедоваться и приобщаться во все посты и, кроме того, двунадесятые праздники, не мучая себя мыслью, что недостоин, «так как не следует пропускать случая как можно чаще пользоваться благодатью, даруемой приобщением Св. Христовых Таин. Стараясь, по возможности, сосредоточиться в смиренном сознании всецелой греховности своей, с упованием и твердой верой в неизреченное Божие милосердие, следует приступить к искупляющему все и всех Св. Таинству».

На все начальнические послушания о. Серафим приказал назначать только девиц и никоим образом не вдов; также и в церковные должности, которые обязательно должны все быть исправляемы сестрами мельничной обители. [6]

В заключение о. Серафим еще повелел, чтобы сестры кушали не стесняясь, когда и сколько угодно, хотя бы даже и ночью, но никогда не жили в одиночку, не были одни ни в келье, ни в дороге.

Этот устав целиком помещен в записке Н. А. Мотовилова, который, несомненно, и сам его исполнял, по любви к о. Серафиму и привязанности к Дивеевской обители, но в саровских изданиях жизнеописания о. Серафима он изложен кратко, неправильно и ровно ничего не выясняет (1843 г., с. 109).

Для еще большего начертания этой великой, начальной обители старца о. Серафима следует обратиться к простым и истинным рассказам любвеобильных сирот Серафимовых, которые в свое время были записаны и хранятся ныне в монастырской библиотеке.

Старшая сестра Прасковья Степановна Шаблыгина (но не начальница, ибо начальницей считалась Елена Васильевна) повествует (Летопись № 6, рассказ № 1): «В продолжение года выстроилась у нас мельница и возле нее маленькая келейка. В эту-то келью перевел нас батюшка жить семь человек, да одна тут же и скончалась, а меня грешную сделал над ними старшей. Так жили мы тут три года, и батюшка никого еще не присылал к нам. Потом купил он нам житницу, приказав строить кельи, и стал уже присылать жить к нам сестер, которых к кончине его собралось уже 73».

Старица Ксения Ильинична Потехина (впоследствии старшая в мельничной обители и благочинная в монастыре монахиня Клавдия) рассказывала: «По поступлении жила я в обители матушки Александры, но когда была готова мельница, в число переведенных туда семи сестер включил батюшка Серафим и меня, грешницу. Тут жили мы до глубокой осени и спали на камнях мельничных, которых было два, и петь на них же учились, и читать как бы на двух клиросах; только в конце октября благословил наш батюшка выстроить келейку, хотя к трапезе мы все ходили в старую обитель, почему много-премного было нам всякой скорби; так прожили мы целый год, после которого благословил уже нам батюшка печь свой хлеб и варить свой квас, все отдельно и все по его приказанию, носили мы ему пробовать» (Летопись, тетр. № 6).

Старица Екатерина Егоровна (монахиня Евдокия) передала, что раз привела она к батюшке свою маленькую сестру, и он благословил ее в монашество, потом спросил: «Куда же нам, матушка, поместить-то ее, в прежнюю, что ли, обитель или к Прасковье Степановне на мельницу?» «Это, — ответила сестра Екатерина, — как угодно вам, батюшка!» «Нет, — продолжал о. Серафим, — возьми ты ее теперь в прежнюю обитель, а придет время, будете вы все вместе, как единая семья!» (Отец Серафим предсказал соединение общин в один монастырь, которое состоялось в 1842 году.) (Летопись, тетрадь № 6).

Старица Евдокия Ефремовна Аламасовская (монахиня Евпраксия), удостоившаяся вместе с о. Серафимом в день Благовещения видения Богоматери, рассказала следующее (Летопись № 6): «По благословению батюшки мое послушание было молоть на мельнице; нас всегда было в череде по две сестры и один работник. Раз прихожу я на мельницу, работник спрашивает: с кем ты пришла? Одна, говорю. “Я с тобою не буду молоть”, — говорит он и ушел от меня в Вертьяново. Оставаясь одна, я горько заплакала и говорю громко: батюшка Серафим, ты не спастись привел меня сюда!.. Ветер был страшный, мельница молола на два постава, и, наконец, сделалась буря. Я заплакала во весь голос, потому что не поспевала засыпать жита, и вдруг в отчаянии легла под камни, чтобы они меня задавили! Но камни тотчас остановились, и явно предо мною стал батюшка Серафим. “Что ты, чадо, вопиешь ко мне? — спросил он. — Я пришел к тебе! Я всегда с теми, кто меня на помощь призывает! Спи на камушках зиму и лето, не думай, что они тебя задавят! Я вот, матушка, просил барышень, но они отказались, что груба пища да бедна община! Я упросил Царицу Небесную, Она и благословила мне набрать простых девушек, вот, матушка, я и собрал вас и прошу послужить мне и моей старости, а после буду я присылать к вам всякого рода и из дворян, купечества, духовного звания и высоких родов! Звал я многих, высокого звания, не пошли, в начале-то трудно было бы жить, вот и призвал вас; вы теперь послужите, а кто придет после, послужит и вам”».

Ксения Васильевна Путкова (мать Капитолина) повествует следующее (Летопись, тетрадь № 6, рассказ 27):

«Говоря вообще о будущем и о всеобщей слабости к концу рода человеческого, особенно же о нашей женской-то немощи, не приказывал батюшка изнурять себя непосильными ныне подвигами поста, по древнему обычаю; батюшка велел более всего бояться, бегать как от огня и храниться от главнейшего — уныния. “Нет хуже греха, матушка, и ничего нет ужаснее и пагубнее духа уныния!” — говорил батюшка Серафим, почему и приказывал всегда быть не только сытой и кушать вволю, но и на труды брать с собою хлеба. “В кармашек-то свой и положи кусочек, — говорил он, — устанешь, умаешься — не унывай, а хлебца-то и покушай, да опять за труды!” Даже на ночь под подушку приказывал он класть хлеба.

“Найдет на тебя уныние да раздумье, матушка, – говорил о. Серафим, – а вы хлебушка-то выньте, да и кушайте, уныние-то и пройдет, хлебушек-то и погонит его, и сон после труда вам хороший даст он, матушка!” Поэтому батюшка строго воспрещал когда-либо и кому-либо отказывать в хлебе. Вот и случилось следующее: у нас в трапезе была стряпухой строгая-престрогая сестра; и всем она была хорошая сестра, да как еще то было при матушке Ксении Михайловне в старой обители, а матушка-то Ксения Михайловна, не тем будь помянута, была очень скупенька, то всегда и бранила и выговаривала ей, что все скоро выходит, что всего много надо, так, бывало, и не было того, как впоследствии у нас, чтобы после трапезы да кому дать кусочек – и Боже упаси! Так строго заведено было, что, по правде, частенько сестры-то друг у друга хлебец тихонько брали. Вот и узнал это батюшка Серафим, да и потребовал ее к себе. Пришла она, и я в то время была у батюшки. Отец Серафим разгневался на нее и так страшно, строго и грозно ей выговаривал, что страх и ужас охватил меня. “Что это, матушка, – говорил он, – я слышу, ты вволю поесть не даешь сиротам!” – и пошел... А она-то так и сяк оправдывалась перед ним, объясняя, что-де начальница не велит и строго с нее спрашивает! А батюшка все свое: “Нет, – говорит, – нет, матушка, нет тебе от меня прощения! Так что ж, что начальница, не она моих сироточек-то кормит, а я их кормлю! Пусть начальница-то говорит, а ты бы потихоньку давала да не запирала, тем бы и спаслась! Нет, матушка, нет тебе моего прощения! Чтоб сиротам моим, как хочешь, а всегда бы хлебушко был и кушали бы они вволю! И делать того не моги!” Бедная сестра так и ползала на коленках у ног батюшки, но он со скорбью грозно говорил: “Сиротам хлеба не давать! – Нет, матушка, нет тебе от меня прощения!” С тем и ушел батюшка, не благословив сестру. Выговор этот, видно, так запал ей в душу, что, как пришла она бедная домой, вскоре начала хворать, зачахла и потом умерла».

«А как батюшка Серафим не терпел, чтобы кто трогал либо обижал кого из дивеевских, – говорила сестра Ксения Васильевна (рассказ № 28). – Как сейчас помню, был в Сарове монах Нафанаил, лучший иеродиакон. Келью он имел в монастыре возле самой батюшкиной кельи. Часто требовал к себе дивеевских-то батюшка; не разбирая, бывало, ни дня, ни ночи,

только и знаем мы, то к батюшке, то от него ходим в Саров или в Дивеево. Придешь, бывало, к нему утром, да и стоишь, ждешь, дверь-то заперта, а Нафанаил-то увидит, выйдет и скажет: "Что старик-то морит да морозит вас! Чего стоять-то, когда еще дождешься, зайдите-ка вот ко мне да обогрейтесь!" Ну, иные, по простоте-то, и ходили было, слушая его уговоры. И дошло это до батюшки, и растревожился же он и страшно разгневался! "Как, – говорит, – как, он хочет сироточкам моим вредить! Не диакон же он после этого нашей обители. Нет, нет, от сего времени он не диакон нашей обители!" Долго повторял батюшка, растревоженный, каким я его никогда еще и не видала, ходя по своей келейке. И что же, ведь чудо-то какое! Стал вдруг с этого времени пить иеродиакон Нафанаил, да все больше и больше; недели через три и выслали его, отдали под начало, да так и пропал совсем. Вот сколько, сколько раз за долгую жизнь мою вспоминаю я всегда батюшку; как только кто тронет ли Дивеево или кого-нибудь из нас, дивеевских, то не минует того, непременно кончит больно дурно и в беду попадет».

Эти факты только подтверждают, что о. Серафим защищал обитель Самой Царицы Небесной, в которой Она считается Владычной Игуменьей. За оскорбление Самой Царицы Небесной или Ее избранных люди должны быть наказуемы; того требует правда и справедливость Божия.

Старица Домна Фоминична (впоследствии монахиня Дорофея) сообщила следующее (Летопись № 6, рассказ № 38): «Я пришла, – говорила она, – по благословению батюшки Серафима в Дивеев на мельницу. Старшая Прасковья Степановна приняла меня; тут было уже 12 сестер, я – тринадцатая. Ничего еще не имея, жили мы все в одной келейке; потом постепенно выстроил нам батюшка еще келью, под названием больничной; после еще две кельи, а сестры-то все поступали да прибывали, и приказал нам батюшка, кроме этих четырех, еще выстроить большую келью, сказав: "В ней госпожа будет жить!" Мы все так и думали, что в нее приедет к нам жить какая-либо высокородная госпожа-барыня, но все нет да нет никого. Так, наконец, и скончался наш батюшка, а по кончине его принесли к нам по завету батюшки и прямо в эту келью и поставили чудотворную икону его – "Умиления" Божией Матери, "Всех радостей радость", как он ее всегда называл,

пред которой на коленочках во время молитвы и отошел, словно будто и не умер. Стал этот корпус наш трапезою, и тут только поняли мы все, о какой Высокой Госпоже предрекал наш батюшка! И все служили мы Ей, потому что пред Нею всегда, не переставая, читались акафисты! Так-то вот, все, все знал батюшка, все было ему открыто, и по вере к нему собирались мы жить все равно, *что на нет ничего:* было одно лишь голое поле, да и то чужое, а к смерти-то батюшкиной явились у нас и кельи, и корпуса, и церковь, и канавка, и земля своя, а по кончине-то его пришла Сама Матерь Божия и поселилась жить у нас! Теперь вот 1887 год, и дожила я, как предрекал батюшка, и все совершилось, и чего-чего только нет-то у нас! И во сне тогда никому бы того не приснилось!»

Прозорливость о. Серафима излечивала сестер от посылаемых искушений, а пророчества старца заставляли их терпеть нужды, неустройство обители и надеяться на хорошее будущее. Так, свидетельствует старица Ирина Семеновна (Летопись № 6, рассказ 53), что однажды она с сестрой (Евдокия Трофимовна, или монахиня Евстолия) работала у батюшки о. Серафима, и вечером, после работы, он отпустил их домой, с приказанием возвратиться на утро; следовательно, им пришлось, усталым, еще пройти 24 версты. Одна из сестер возроптала на батюшку и сказала: «Что это он нас гоняет. Это нестерпимо, уйду я в другой монастырь!» Другая сестра, заразясь ее примером, также сказала: «И я с тобою уйду!» Но, несмотря на это смущение, сестры побоялись ослушаться батюшки и наутро возвратились к нему. Приходят, а он на берегу речки Саровки сажал картофель в грядки; благословил их и сел на колоду. «Вот, матушка, – начал о. Серафим, – что я вам скажу: шел старец с послушником, сам смутился, да и молодого послушника смутил!» Сестры, пораженные его прозорливостью и обличаемые своею совестью, упали ему в ноги, со слезами признались ему во всем и просили прощения. С отеческой любовью простил их батюшка и, посадив возле себя на колоду, продолжал свою беседу. «Вот, матушка, – говорил он, – когда у нас будет собор, тогда Московский колокол Иван Великий сам к нам придет! Когда его повесят да в первый-то раз ударят в него и он загудит, – и батюшка изобразил голосом, – тогда мы с вами проснемся! О! Вот, матушки вы мои, какая будет радость! Среди лета запоют Пасху! А народу-

то, народу-то со всех сторон, со всех сторон!» Помолчав немного, продолжал батюшка: «Но эта радость будет на самое короткое время; что далее, матушки, будет... такая скорбь, чего от начала мира не было!» – и светлое лицо батюшки вдруг изменилось, померкло и приняло скорбное выражение. Опустя головку, он поник долу, и слезы струями полились по щекам.

Великий прозорливец все-таки утешил сестер, бедствующих в мельничной обители, тем, что у них будет собор, и придал им силы. Остальное пророчество касалось состояния обители к концу мира, и много раз повторял он его сестрам, еще с большими подробностями в последние два года своей жизни.

«Батюшка Серафим насильно уговаривал меня остаться в обители, – рассказывала старица Екатерина Матвеевна Пучинская (Летопись № 6, рассказ 54). – Я все отговаривалась болезнью, но, невзирая на то, отправил меня батюшка к своим девушкам на мельницу. Привезли меня к ним, а келеночка-то у них одна, да такая темная, окошечки-то маленькие. Я и не осталась у них, говорю: я тут с ума сойду от скуки! И отвели меня в обитель матушки Александры к Ксении Михайловне. Она приветливо меня приняла, и хотя отговаривалась я, что больна, болят у меня ноги и не могу нести послушание, но она сказала: “Ничего, матушка, если уж тебя батюшка Серафим сюда благословил, так уж живи у нас, хоть только лежи и ничего не делай!” Так почитала она батюшку. Нечего делать, осталась я, а все скучно; когда пришли лесом с нашей стороны девушки, смутили меня совсем, забрала я все свое да и ушла с ними. Только что вышли мы из обители, на меня вдруг напала такая тоска, что и рассказать не умею. Не дойдя до села Елизарьева, бросила я их да бегом пустилась в обитель уже со страхом, что, пожалуй, матушка Ксения Михайловна прогневалась и не примет меня. Но она ни слова мне не сказала и приняла меня. Когда барышня наша Елена Васильевна (Мантурова) пошла к батюшке Серафиму, то взяла меня с собой. Нас принял в монастыре о. Павел, сосед батюшкин (которого поэтому привыкли сестры ошибочно называть келейником батюшкиным), так как о. Серафим был в пустынке. Вскоре пришел батюшка, сурово взглянул на меня, даже отвернулся и говорит Елене Васильевне про меня: “Радость моя! Что

сделала у нас Екатерина-то Пучинская, забрала все пожитки свои да и ушла было от нас! А ведь, скажу тебе, радость моя, никакой дороги ей нет уходить от нас, ведь ей назначено здесь жить!" Я заплакала, упала к его ногам и призналась во всем, как скучала и скучаю, как ушла было совсем... Он поднял меня и говорит мне: "Вот, радость моя! Что нам скучать-то! Теперь у нас нет ничего, а будет-то у нас монастырь, матушка, да какой еще великий-то! Триста монахинь да пятьсот белиц!" Ну, не прозорлив ли батюшка-то; кто бы мог подумать тогда, а ведь вот и вправду дожила я до того, что уже восемьсот человек стало у нас сестер-то. После этого, обратясь к Елене Васильевне, батюшка меня ей и препоручил, прося: "Радость моя! Прошу тебя, не оставь, поддержи!" Помня батюшкину просьбу, она меня никогда не оставляла. Она была высокой жизни и такая добрая! И часто после говаривал мне батюшка, как только увидит меня: "Радость моя! Что нам унывать! Ты гляди, какой у нас собор-то будет!" При этом, бывало, поднимет ручки да и скажет: "Во, во, матушка, чудный собор! Вельми, матушка, чудный!" И сделается при этом личико у него необыкновенно светлое, благодатное, и станет он такой веселый и радостный, точно весь уйдет в небеса! Даже жутко станет глядеть на него».

Монахиня Каллиста, называвшаяся до пострижения Ксенией Ивановной (рассказ № 55), передала следующее воспоминание. Батюшка посылал сестер за брусникой для трапезы, и Ксения Ивановна всегда ходила за старшую. Однажды о. Серафим и говорит ей: «Радость моя, вы ничего не бойтесь, вас никто не может обидеть; кто же обидит, сам всегда будет наказан!» Благословил их батюшка, они, как всегда, с полной верою в его молитвы ушли в лес на несколько дней за ягодами. Занимаясь сбором, вдруг видят они, что кто-то за ними скачет и кричит; вероятно, полесовщик, подумали они. «Что вы тут шляетесь! – кричал он. – Чтобы духа вашего тут не было!» Сестры стали собирать корзины, чтобы уходить, но удивило их, что он быстро уехал и скрылся из вида. Остановили сборы и начали снова искать ягоды. Вскоре видят, опять скачет полесовщик и еще сильнее кричит на них: «Ведь сказано вам, убираться отсюда!» – и с этими словами он размахнулся громадной плетью на Ксению Ивановну. Но лишь только взмахнул он, неизвестно как вырвалась плеть из руки, и он соско-

чил с седла за ней. Смотрит, нигде нет плети, искал, искал, но нигде не находит. «Странно!» – сказал он в раздумье и затем, как бы испуганный этим, совершенно смирился. «Помогите, – обратился он кротко к сестрам, – не могу найти плеть, а она хозяйская и мне необходима!» Сестры с радостью бросились искать, но никто не мог найти плети. Так полесовщик, изумленный, и уехал. Все дивились такому чуду, чтобы громадная плеть могла скрыться, как иголка, а затем, исполнив послушание и набрав вдоволь брусники, возвратились сестры к батюшке. «Ну, что, радости мои, – спрашивает о. Серафим, – благополучно ли вы подвизались?» Они рассказали ему все. «Во, радость моя, – ответил батюшка, весело улыбаясь, – где же плеть-то найти, ведь она в землю ушла!» Тут только поняли сестры, что батюшка охранял их своими молитвами, и поблагодарили его.

Болящей старице Марии Иларионовне (впоследствии монахине Мелетине) о. Серафим объяснил, почему он отделил свою девичью обитель от общинки матери Александры (рассказ № 57). «А вот, матушка, – сказал он, – я тебе что скажу: жены и вдовы спасутся, но вот какое различие между ними и девами. Когда жена или вдова молится, углубится в молитву, то, не мешай ей, она все будет продолжать свою молитву, а попробуй-ка заставить ее молиться – сейчас по-своему и по своей воле творит, такое у них свойство. А девы-то, матушка, напротив; готовы на все стороны, куда ветер подул, и они туда!» Подошел батюшка к березке и стал гнуть ее. «Вот видишь ли, матушка, так-то и девы преклоняют свои головы!» Потом батюшка приподнял и стряхнул березку, продолжая говорить: «Вот так и они головки свои поднимут; которая же совершает грех, – оплакивает его, а потом и вспять, а жены готовы и способны на все! Однако, по милости Божией, матушка, все спасутся, как девы, так и жены».

Кроме того, о. Серафим находил, что жены, проведшие несколько лет приятной жизни в замужестве, могли передать о том девицам, действуя разрушительно на мирное состояние духа, столь необходимое для точного соблюдения духовных обетов. Другая могла быть в замужестве несчастной и своими рассказами о бедствиях бросала бы несправедливо мрачную тень на Богом учрежденное в человеческом роде состояние брачное. Старец замечал еще, что в супружеской жизни

женщина часто приобретает такую настойчивость в характере, упрямство, которую трудно после исцелить. Это могло бы, естественно, при взаимном общении передаваться и девицам, поставляя их на пути, противоположном отречению собственной воли, требуемом в Дивееве. «В общежительной обители, – говорил он, – легче справиться с семью девами, чем с одной вдовой».

Сестра из дворян Ольга Михайловна Климова рассказывала (№ 60), что, имея послушание быть «лошадницею», она возила лес и дрова. Однажды о. Серафим дал ей тысячу рублей денег, говоря: «Это, матушка, на устройство и обзаведение у вас большой кельи, для Высокой Госпожи, которая жить будет у вас! Надо все приготовить для Нее; ты вот и смотри, матушка, чтоб у вас все было готово. А когда прибудет Она, то вы все и служите ей, а Глафира Васильевна пусть за Ней и походит». Глафира Васильевна, родом калмычка, была высокоподвижнической жизни. Ольга Михайловна закупила лес и стала сама его перевозить. Раз лошадь ее не пошла в гору. Что делать? Пришлось попросить кого-то помочь и отдать за то 20 коп. Когда она пришла к батюшке, он и спрашивает: «Что, матушка, ладно ли все возится-то у тебя там?» «Ничего, – ответила она, – за вашими молитвами, батюшка, все ладится, слава Богу, да только вот лес-то лошади не берут в гору!» «То-то, матушка, – перебил ее о. Серафим. – Я ведь знаю, ты свои 20 коп. отдала, вот на-ка, возьми!» – и отдал ей двугривенный. «Что это, батюшка, зачем мне?» – говорила Ольга Михайловна. «Нет, нет, – настаивал о. Серафим. – Никак нельзя, бери, бери, мне должно свои деньги для Госпожи-то платить, что все там мое готово бы было». Так выстроился корпус, который был впоследствии трапезой. Далее Ольга Михайловна прибавила: «И мне было чудно, какая же это Госпожа Великая поселится в нем с нами! Скончался батюшка, и покойный игумен Нифонт призвал к себе отца Павла, келейника батюшки, отдал ему икону чудотворную Царицы Небесной "Умиление", перед которой о. Серафим всегда молился, и приказал отдать ее мельничным. "Она туда им надлежит!" – сказал игумен. Тогда разъяснились слова батюшки, когда принесли в новую, приготовленную для Госпожи Высокой келью Владычицу нашу. Все служили Ей, а Глафира Васильевна, как сказал батюшка, действительно ходила за Нею. На иконе не было ризы

в то время, а так любила Глафира Васильевна Царицу Небесную, что, бывало, нечем украсить, то цветов полевых нарвет, сплетет с молитвой венки да украсит. Все ночи на молитве перед Ней стояла, читая по тысяче молитв к Богородице и более».

Это показание Ольги Михайловны очень важно, ибо никто не знает и не помнит, как образ «Умиление» Божией Матери оказался в Дивееве; некоторые предполагали, что он невидимо перенесся сам и оказался на окне трапезной.

С какой нежной любовью говорил о. Серафим о своих дивеевских сиротах, нам свидетельствует умилительный рассказ старицы Марии Васильевны Никашиной. «Быв замужем, еще мирскою, – говорила она, – с мужем бывали мы у батюшки Серафима. Раз спрашивает он: "Видала ли ты Дивеево и моих там девушек, матушка?" "Видала, – говорю, – батюшка" "А видала ли ты пчелок, матушка?" – опять спросил он. "Как, – говорю, – не видать, видала, батюшка" "Ну вот, – говорит, – матушка, ведь пчелки-то все кругом матки вьются, а матка от них никуда; так вот точно и дивеевские мои девушки, ровно как пчелки, всегда с Божией Матерью будут!" "Ах! – воскликнула я. – Как хорошо так-то всегда быть, батюшка!" Да и думаю: "Зачем это я замуж-то вышла?" "Нет, матушка, не думай так, что ты думаешь, – тут же на мои мысли и отвечает он. – Моим девушкам не завидуй, нехорошо, зачем завидовать им; ведь и вдовым-то там хорошо же, матушка! И вдовым хорошо! Ведь и они там же будут! Анну-то пророчицу знаешь, читала? Ведь вот вдова была, а какая, матушка!"» Отец Серафим этим предсказал, что она овдовеет и будет в Дивееве же.

Седьмой сестрой о. Серафим определил на мельницу Анну Алексеевну, и она оставила монастырю на память о батюшке несколько своих рассказов (тетрадь № 1). «Батюшка Серафим, кормилец наш, – повествует уже 80-летняя старица, – так заповедовал всем нам: "Радость моя! Первая у вас молитва должна быть за начальников, и как вступишь в монастырь, должно отречься от своей воли и всю себя вручить начальникам и творить их волю, как волю Божию!"» Затем Анна Алексеевна вспоминает о случаях прозорливости о. Серафима. Например, когда к ней пришла жить больная сестра ее Варенька, страдавшая падучей болезнью, то о. Серафим поручил ее сестре Евфимии Гавриловне. Но последняя тяготилась настолько

этим послушанием, которое требовало смирения и милосердия, что больной сестре Варваре пришлось проситься перейти к сестре Анне Алексеевне. Евфимия Гавриловна также отказалась держать у себя падучую больную. Доложили батюшке, и он приказал в прихожей Евфимии Гавриловны *поместить же ребенка*. Все дивились, к чему о. Серафим сделал это. Прошло много лет, и Евфимия Гавриловна, несшая послушание сборщицы от обители, была выслана и исключена из числа сестер. Дома, у своих родных, ее убила до смерти лошадь. Батюшка любил болезненную Вареньку, и она часто к нему ходила с сестрой. Прожив в обители 20 лет, она скончалась и, умирая, говорила сестре Анне Алексеевне: «Сейчас был у меня батюшка и благословил!» Кроме того, старица была свидетельницей многих чудес. Однажды Анна Алексеевна с тремя сестрами пришла к батюшке в монастырь. Он пошел с ними в пустынку, и, двигаясь тихо за ним, сестры говорили между собой вполголоса: «Глядите-ка, чулочки-то у батюшки спустились, а ножки-то какие белые!» Остановившись вдруг, о. Серафим приказал им идти вперед, а сам пошел сзади. «Идем это мы лугом, — говорила Анна Алексеевна, — трава зеленая, да высокая такая... оглянулись, глядим, а батюшка-то и идет на аршин выше земли, даже не касаясь травы. Перепугались мы, заплакали и упали ему в ножки, а он и говорит нам: "Радости мои! Никому о сем не поведайте, пока я жив, а после моего отшествия от вас, пожалуй, и скажите!"» Однажды о. Серафим дал сестрам, работавшим у него, посадить луковицы на приготовленные грядки, что они и исполнили поздно вечером. Наутро батюшка посылает их уже срезать лук. Сестры улыбнулись и подумали: «Искушает нас, батюшка, ведь только вчера вечером посадили мы лук!» А он отвечает: «А вы подите-ка, подите!» Приходят и глазам не верят: лук в одну ночь вырос более на четверть. Срезали, принесли лук батюшке, и он приказал отнести его в обитель на трапезу. Далее свидетельствует Анна Алексеевна, что раз сестра обители была у батюшки в келье и удостоилась с ним вместе молиться. Вдруг в келье сделалась такая тьма, что она страшно напугалась и пала ниц на землю. Когда же опомнилась, то батюшка приказал ей встать. «Знаешь ли, радость моя, — сказал ей о. Серафим, — отчего в такой ясный день сделалась вдруг такая ужасная тьма?! Это оттого, что я молился за одну грешную, умершую

душу и вырвал ее из рук самого сатаны; он зато так и обозлился на меня, сам сюда влетел; оттого-то такая здесь тьма! [7]» Анна Алексеевна оканчивает свой рассказ словами: «Вот как еще на земле-то сильна была молитва его, а теперь же на небе у Господа все, что ни попросит – может!»

Велика была вера сестер в силу молитв батюшки о. Серафима, и многих современников его она удивляла. Больная мать Каллиста (тетрадь № 1) рассказывала такой случай. Однажды ехали они на Саровскую мельницу, и вдруг лошадка споткнулась, упала и ногу свихнула так, что не могла уже встать. Сестры напугались, не знали, что делать с возом и как домой вернуться, заплакали и закричали: «Батюшка Серафим, помоги нам!» На этот крик и плач подошли монахи, и один из них как ударил лошадку, она вскочила, нога у нее хрустнула, и сустав встал на место, так что в одну секунду все прошло. Другой монах, смотря на случившееся, произнес: «Ну, братья, у нас нет таковой веры, как у монашенок. Как они закричали: “Батюшка Серафим, помоги нам!” – вот он и сотворил чудо, помог им по вере их». Сестры не знали, что делать от радости, и все благодарили заочно батюшку.

Старица Ксения Кузьминична жила при о. Серафиме и рассказывала (тетрадь № 1), что, поступив в обитель, она все смущалась скудостью и неустройством ее, так как в миру жила в довольстве. Собралась она уйти, а сестра Прасковья Федоровна Наровчацкая и говорит: «Пойдем в Саров к батюшке Серафиму, благословимся у него домой к родным, да и не придем уже сюда... Посмотрим, узнает ли он?» Пошли они в Саров, Ксения Кузьминична все-таки не могла решиться обманом спросить благословение у батюшки и все думала дорогой: «Нет, не вернусь в обитель», а то: «Нет, я не пойду домой, а останусь лучше у батюшки рубить дрова». Пришли они к о. Серафиму. Батюшка приказал сестре Прасковье собирать мох, а Ксении рубить дрова. Первая и говорит: «А мы, батюшка, к вам пришли проситься к родным!» «Нет, нет, радость моя, – ответил о. Серафим, – и вам нет никакой дороги уходить! Она будет у меня дрова рубить!» Сестра Ксения, пораженная прозорливостью батюшки, более не смущалась неустройством обители и осталась навсегда в Дивееве.

Сестра Фиена Васильевна (впоследствии монахиня Феофания) рассказала поучительный пример из своей монашеской

жизни. Она несла послушание в трапезе, и однажды, больная, усталая, расстроилась она, возроптала на то, что ее послушание не дает ей путем в церковь сходить и как следует помолиться. «Вот сижу да ропщу, – говорила она. – В это самое время приходит ко мне Прасковья Семеновна, которая хаживала ко мне. Увидя меня в таком смущении, она спрашивает, что случилось. Говорю, так-то и так-то, вот от послушания отказаться хочу. "Сохрани тебя Бог! – отвечает она. – И не моги делать это! Да ты знаешь ли, – говорит, – глупая, что послушание паче поста и молитвы! Вот, – говорит, – до сих пор я никому еще не рассказывала, что со мною было, а тебе расскажу. Тогда увидишь, можно ли роптать и смущаться! Слушай! Правила я так же, как и ты, послушание в трапезе, и вот точно так же целый день проработала, до ночи провозилась, было много трудов и пришлось много стряпать. Наконец, управясь и довольно уставши, разделась я да полезла на печь, чтобы хоть уснуть поскорее... Вдруг вижу, отворилась к нам дверь, и входит такая-то хорошая, нарядная Госпожа, высокого роста, да с молодой барышней точно. Я так и ахнула. Ну, думаю себе, это ведь, должно быть, батюшка наш гостей-то прислал, а никто и не встретит их, и не приветит! Что мне делать-то?! Слезть-то нехорошо мне, не годится, я в одной свитке была. Гляжу, что будет, не свожу глаз, а сама и пошевелиться-то боюсь, чтобы не заметили. Обращается Госпожа к барышне и говорит: это стряпушечья у них тут! А сама подходит к столу, где лежали нарезанные, приготовленные и покрытые ломти хлеба; раскрыла, взяла кусочек, разломила его, попробовала и дает пробовать тоже барышне. Попробовала его и барышня да говорит: какой вкусный хлеб. «Оттого он так вкусен, – говорит Госпожа, – что готовят они его за святое послушание, с молитвою, с благословения их старца!» И вот, отойдя от столов, вижу, подходят и к печке. Госпожа открыла и говорит: «Вот сколько пищи-то у них наготовлено!» Барышня всего попробовала из горшков и похвалила. Тогда Госпожа повторила: «Все это потому хорошо, говорю тебе, что это у них делается за святое послушание, с постоянной молитвой и с благословения их великого старца!» Вот, думаю, какие они боголюбивые, непременно батюшка их прислал! Отворили они из стряпушечьей дверь и ушли в трапезу. Я так обрадовалась, поскорее вскочила, мигом надела сарафан, платок и спешу туда,

вхожу, что за диво: нет никого! Глафира Васильевна стоит в углу да тысячу молится. Выхода же другого из трапезы нет! «Что же это, – говорю, – а гости-то где?» «Какие? – спрашивает она с удивлением. – Никаких гостей нет! Неужели, – говорит она, – ты, Прасковья Семеновна, не слышишь, какой тут запах, благоухание ровно какое!» Так мы и остались в испуге; стоим обе смущенные. Я-то видела гостей, ищу их, спрашиваю, а она не видала, но слышит такое благоухание, что дух у нее захватывает, точно захлебывается им, а я ничего не слышу. На другой день батюшка о. Серафим приказывает мне, чтобы я пришла к нему. Прихожу. «Что, матушка? – говорит. – Гостьи-то какие были у вас! Гостьи-то какие!» «Какие гостьи, батюшка? – отвечаю. – Я и приметить их не успела; чудно что-то...» А батюшка веселый-развеселый, улыбнулся и говорит: «Великое дело послушание, матушка! Паче поста и молитвы – послушание, матушка! Ведь гостьи-то, матушка, Сама Царица Небесная была, Сама Она посетила вас, матушка, и хвалила Она вас, и пищу вашу пробовала! Сама ведь Она Матерь Божия!» Вот как важно послушание!"» [8]

Глава X

Исцеление дивеевских сестер о. Серафимом, разговоры с ними и объяснение некоторых тайн. Откровения о. Серафима отроковице Марии Семеновне [и другим сестрам. Отеческая заботливость о. Серафима и простодушие дивеевских сестер]. Гонения на о. Серафима за заботы его о дивеевских девушках

Батюшка о. Серафим постоянно исцелял своих сирот от разных болезней. Раз сестра Ксения Кузьминична (тетрадь № 1) страдала зубной болью, от которой не спала ночи, ничего не ела и изнемогла, так как приходилось днем работать. Сказали о ней старшей сестре Прасковье Семеновне; она послала Ксению к батюшке. «Как только он меня увидел, – рассказывала Ксения, – то и говорит: "Что это ты, радость моя, давно ко мне не пришла? Пойди к отцу Павлу, он тебя исцелит". А я подумала, что это, разве он сам не может меня исцелить? Но возражать не смела. Я отыскала отца Павла и сказала ему, что меня послал к нему батюшка. Он туго-натуго сжал мне лицо обеими руками и несколько раз провел по щекам. И зубы затихли, как рукой сняло».

Сестра Евдокия Назарова также рассказывала (тетрадь № 1), что, будучи молодой девицей, она страдала два года параличом рук и ног и ее привезли к батюшке о. Серафиму, который, увидав ее, стал манить к себе. Ее с большим трудом подвели к батюшке, но он дал ей в руки грабли и велел грести сено. Тут почувствовала она, что с нее что-то спало, и она начала грести, как здоровая. Одновременно работали у батюшки Прасковья Ивановна и Ирина Васильевна. Последние

стали выговаривать ей, зачем она такая больная пришла с ними трудиться, но батюшка, уразумев духом мысли их, сказал им: «Примите ее к себе в Дивеево, она будет вам прясть и ткать». Так трудилась она до вечерни. Батюшка накормил ее обедом, и затем она дошла до дома совершенно здоровой.

Старица Варвара Ильинична также свидетельствовала об излечении ее отцом Серафимом (тетрадь № 1). «Он, кормилец мой, два раза исцелял меня, – говорила она. – В первый-то я словно порченая была, а потом у меня очень болели зубы, весь рот был в нарывах. Я пришла к нему, он меня поставил поодаль от себя, а мне велел рот открыть: сильно дунул на меня, завязал платочком мне все лицо, да тут же велел идти домой, а солнце-то было уже на закате. Я ничего не убоялась за его святою молитвою, ночью же пришла домой, а боль как рукой сняло. У батюшки я часто бывала. Он мне говаривал: "Радость моя! Ты будешь забвенная у всех". И доподлинно, бывало, приду к матушке Ксении Михайловне просить чего или из обуви, или одежи, а она скажет: "Ты бы вовремя приходила и просила; ступай на поклоны". Всем дает, а мне нет. Раз Татьяна Григорьевна что-то на меня оскорбилась и говорит: "Ах ты забвенная!" – а я вспомнила это слово батюшки да как закричу, заплачу. Так и сбылось слово батюшки, всю свою жизнь я была у всех "забвенной". Раз мы с Акулиной Васильевной пришли к батюшке, долго что-то он говорил ей наедине, все в чем-то убеждал, но, видно, она послушалась. Он вышел и говорит: "Вынь из моего ковчега (так называл свой гробик) сухарей" Навязал их целый узел, отдал Акулине, а другой узел – мне, потом насыпал целый мешок сухарей, да и начал его бить палкой, а мы смеемся, так и катаемся со смеху. Батюшка взглянет на нас да еще пуще его бьет, а мы, знать, ничего не понимаем. Потом завязал батюшка да и повесил на шее Аграфене и велел нам идти в обитель. После уже поняли, как эта сестра Акулина Васильевна вышла из обители и в миру терпела страшные побои. Она потом опять поступила к нам и скончалась в Дивееве. Я как возвратилась в обитель, прямо пришла к матушке Ксении Михайловне да сказала, что мы три ночи ночевали в Сарове. Она строго мне выговорила: "Ах ты, самовольница! Как без благословения столько жила!" Я прошу прощения, говорю: батюшка нас задержал, и подаю ей сухари, что при-

несла. Она отвечает: "Коли батюшка оставил, так Бог простит. Только он дал их тебе к терпению". Так вскоре и вышло: на меня много наговорили матушке, и она меня выслала. Я все плакала, да и пошла к батюшке Серафиму, все ему рассказала, сама плачу, стою перед ним на коленях, а он смеется, да так ручками сшибается. Стал молиться и приказал мне идти к своим девушкам на мельницу, к начальнице Прасковье Степановне. Она по его благословению и оставила меня у себя. Раз я прихожу к батюшке Серафиму в пустынку, а у него на лице мухи, а кровь ручьями бежит по щекам. Мне жаль его стало, хотела смахнуть их, а он говорит: "Не тронь их, радость моя, всякое дыхание да хвалит Господа!" Такой он терпеливец».

Старица Матрена Петровна передала также несколько рассказов о батюшке о. Серафиме (тетрадь № 1). Она поступила в Дивеевскую обитель 16 лет и ходила к о. Серафиму еще ребенком. Имея в обители тетку (впоследствии монахиню Алевтину), она бывала с ней с Сарове. Однажды батюшка ее облил всю святой водой с церковным вином и приказал идти к своим девушкам в обитель. Матрена Петровна желала поступить к Ксении Михайловне, а не на мельницу, так как, будучи бедная, она ходила в лохмотьях и скорее соответствовала убогим сестрам Ксении Михайловны, чем хорошо одетым сестрам мельничной обители. Но этого она не сказала батюшке и просто не пошла к Прасковье Степановне. Отец Серафим провидел поступок девочки и сказал Прасковье Степановне: «Скажи, радость моя, красненькой (она была румяная) девушке Матрене Вертьяновской, что ей нет дороги идти к Ксении Михайловне, а возьми ее к себе». Прасковья Степановна пришла сама к Матрене и передала слова батюшки, но девочка опять не исполнила приказания. Тогда батюшка послал к ней Елену Васильевну Мантурову, которая сделала выговор Матрене за ослушание. Не решаясь, по застенчивости, поступить в мельничную обитель, она уговорила своего отца пойти с ней в Саров. Батюшка спросил отца: «Вручаешь ли мне свою дочь?» «Я не препятствую ей идти в монастырь, поручаю ее вам, батюшка», — ответил отец. Тогда о. Серафим взял ее за руку, положил в руку отца и сказал: «Ей нет дороги к Ксении Михайловне, а к моим девушкам пусть идет». «Я уже этого не знаю, а как она сама хочет...» — ответил отец по своему непониманию. С этого дня Матрена поступила к Прасковье Степа-

новне, и батюшка сказал старшей сестре: «Приставь ее к лошадкам, она нам годится; как собор-то будут класть, она нужна будет, при работах». (Пророчество это сбылось, так как Матрена принимала и отмечала кирпич при постройке собора в шестидесятых годах.) Как только поступила Матрена Вертьяновская в обитель, то вскоре захворала лихорадкой. Пять месяцев она била ее и наконец совершенно изнурила. Батюшка Серафим приказал ее отвезти к родителям и там выкупать в реке, что и сделали. После этого лихорадка била ее три дня без отдыха и сразу пропала. Через некоторое время, однако, лихорадка вернулась, батюшка приказал тогда привезти ее, как ни была она слаба, в телеге в Саров и выкупать на источнике. Здесь уже она окончательно выздоровела.

Болящая монахиня Мелетина свидетельствовала, что, посылая ее в обитель, о. Серафим говорил (тетрадь № 1): «Знаешь оржаное зерно? Будем по зернышку учиться, а там, матушка, всему научимся и спасемся; земля же под нами вся святая, и все живущие на ней и по окрестностям все спасутся, а кто мое имя будет поминать, не оставлю и я в молитвах моих. Ты не жалуйся на меня, убогого Серафима, за то, что против твоего желания призвал в мою обитель; не я, а Сам Господь и Божия Матерь тебя привели, а я только постарался о тебе. Вы знаете, какое здесь было вражье жилище, но милосердый Господь по Своему человеколюбию и благости дозволил мне прогнать все сатанинское полчище!»

Мы упоминали о том раньше, что местность деревень Дивеева и Вертьянова была полна заводского населения, разврата, пьянства и, как принадлежавшая множеству помещиков черезполосно, отличалась трудностью для управления. Теперь из вышеприведенных слов о. Серафима еще яснее обрисовывается бывшее духовное состояние в сей местности.

Насколько часто сестры дивеевские должны были первое время ходить к о. Серафиму работать и за продовольствием, которое он посылал им от себя из Сарова, видно, например, из повествования сестры Прасковьи Ивановны, впоследствии монахини Серафимы (тетрадь № 1). Вновь поступающих он еще заставлял чаще приходить других, чтобы преподать им духовное назидание. В праздник Сретения 1828–1829 годов он приказал сестре Прасковье Ивановне, как только что поступившей в обитель, дважды успеть прийти к нему и возвратиться.

Следовательно, ей надо было пройти 50 верст и еще провести время в Сарове. Она смутилась и сказала: «Не успею так, батюшка!» «Что ты, что ты, матушка, – ответил о. Серафим, – ведь день теперь продолжается 10 часов». «Хорошо, батюшка», – сказала Прасковья с любовью. Первый раз она пришла в келью к батюшке в монастырь, когда шла ранняя обедня. Батюшка отворил дверь и весело встретил ее, назвав: радость моя! Посадил отдохнуть, накормил частичками просфоры со святой водой и потом дал нести в обитель к себе большой мешок с толокном и сухарями. В Дивееве она немного отдохнула и опять пошла в Саров. Служили вечерню, когда она вошла к батюшке, который в восторге приветствовал ее, говоря: «Гряди, гряди, радость моя! Вот я накормлю тебя своею пищею». Посадил Прасковью и поставил перед ней большое блюдо пареной капусты с соком. «Это все твое», – сказал батюшка. Она начала есть и ощутила такой вкус, который ее несказанно удивил. Потом из расспросов она узнала, что за трапезой не бывает этой пищи, и она была хороша, потому что батюшка сам по молитве своей приготовил такую необыкновенную пищу. Однажды батюшка ей приказал работать в лесу, собирать дрова и припас ей пищи. Часу в третьем дня он сам захотел поесть и говорит: «Поди-ка, матушка, в пустынку, там у меня на веревочке висит кусочек хлеба, принеси его». Сестра Прасковья принесла. Батюшка посолил черствый хлеб, помочил его в холодной воде и начал кушать. Частицу он отделил Прасковье, но она не могла даже разжевать, так засох хлеб, и подумала: вот какое терпит лишение батюшка. Отвечая ей на мысль, о. Серафим сказал: «Это, матушка, еще хлеб насущный! А когда я был в затворе, то питался зелием, траву снить обливал горячею водою, так и вкушал; это пустынная пища, и вы ее вкушайте». В другой раз сестра Прасковья Ивановна впала в искушение, начала малодушествовать, скучать, тосковать и задумала уйти из обители, но не знала, открыться ли батюшке? Вдруг он присылает за ней. Она входит, смущенная и робкая. Батюшка начал рассказывать о себе и о своей жизни в монастыре, а затем прибавил: «Я, матушка, всю монастырскую жизнь прошел и никогда ниже мыслию не выходил из монастыря». Повторяя еще несколько раз это и приводя примеры из своего прошлого, он совершенно исцелил ее, так что Прасковья Ивановна свидетельствует в своем

повествовании, что в продолжение рассказа «все мои мысли понемногу успокоились, а когда кончил батюшка, так я почувствовала такое утешение, как будто больной член отрезан прочь ножом». В бытность Прасковьи Ивановны при батюшке в ближней пустынке к нему подошли курские купцы, заехавшие в Саров с Нижегородской ярмарки. Перед прощанием они спросили батюшку: «Что прикажете сказать вашему братцу?» Отец Серафим ответил: «Скажите ему, что я молю о нем Господа и Пречистую Его Матерь и день и ночь». Они отошли, а батюшка, воздевши руки, с восторгом несколько раз повторил: «Нет лучше монашеского житья, нет лучше!» Однажды, когда Прасковья Ивановна работала у источника, к ней батюшка вышел со светлым сияющим лицом и в новом, белом балахончике. Еще издали воскликнул он: «Что я тебе, матушка, принес!» — и подошел к ней, держа в руках зеленую веточку с фруктами. Сорвав один, он вложил ей в уста, и вкус его был невыразимо приятен и сладок. Затем, вкладывая в уста еще такой же фрукт, он произнес: «Вкуси, матушка, это райская пища!» В то время года еще не могли созреть никакие фрукты.

Старшая сестра в мельничной обители о. Серафима Прасковья Семеновна свидетельствовала много о батюшкиных милостях к сестрам и между прочим рассказала, как страшно было ослушаться его (тетрадь № 1). Однажды батюшка приказал ей, чтобы она приехала с отроковицей Марьей Семеновной на двух лошадях за бревнами. Они поехали прямо к батюшке в лес, где он их уже дожидался и приготовил на каждую лошадь по два тоненьких бревнышка. Думая, что все четыре бревна может свезти одна лошадь, сестры переложили дорогою эти бревнышки на одну, а на другую лошадь взвалили большое, толстое бревно. Но лишь тронулись они с места, как лошадь эта упала, захрипела, начала околевать. Сознавая себя виновными, что они поступили против благословения батюшки, они, упав на колени тут же, в слезах заочно начали просить прощения, а затем скинули толстое бревно и разложили бревнышки по-прежнему. Лошадь сама вскочила и так скоро побежала, что они едва-едва могли догнать ее.

Старица Евдокия Ефремовна еще свидетельствовала (тетрадь № 1), что батюшка ей сказал: «Что у Господа 12 Апостолов, у Царицы Небесной 12 дев, так вас 12 у меня. Как Господь

избрал Екатерину мученицу Себе в невесты, так и я из 12 дев избрал себе в невесты в будущем – Марию. И там она над вами будет старшей! Теперь я избираю вас в сестры себе, а которые будут после меня поступать в обитель, те – дочки мои».

«Была у меня в селе Аламасове, – продолжала старица Евдокия Ефремовна, – на расстоянии от нашей обители 17 верст, родная сестра. Она сделалась больна, и мне должно было навестить ее. Благословившись у старшей Прасковьи Степановны, я пошла в Аламасово. Дорога идет лесом; дошедши до места, где она поворачивает на Саров, припала я к земле, как бы поклоняясь батюшке Серафиму в ножки, потом мысленно целовала их, а также крест медный, Распятие Господне, которое он всегда на себе носил, взяла в рот снегу и проглотила его, вместо частей из просфор, которые батюшка раздавал всем. Сделавши все это, я стала покойна, точно лично побывала у него. На другой день после того приходит к батюшке сестра нашей обители Екатерина Егоровна, он говорит ей: "Вчера была у меня Евдокия-глухенькая (так прозывалась я), благословилась в с. Аламасово к больной своей сестре, целовала ноги мои, руки и крест и части просфорные ела. Я благословил ее идти". Через две недели я возвратилась в обитель. Сестра Екатерина спрашивает меня: "Ты была у батюшки Серафима?" Говорю: нет. Она мне рассказала все, что говорил ей обо мне батюшка. В другой раз прихожу к нему, батюшка роет картофель. Он приказал идти к нему в пустынку, потому что там есть у него вареный картофель. "Поди, матушка, – сказал он, – приготовь его, а я тебе пришлю тульских монахинь; ты им предложи эту пищу, но только чтобы они кушали картофель *с кожурою*" Спустя немного времени приходят монахини. Я предложила им вареный картофель неочищенным. Монахини, услыхав это, очень оскорбились и начали роптать на меня и на батюшку, а он в самое это время входит и говорит со скорбью: "Вот то-то, матушки, одни Серафимовы дочки должны все терпеть, а другим-то вот все трудно исполнить" И выслал их из своей пустынки».

Ввиду важности следующего рассказа приведем еще подлинные выражения старицы Устиньи Ивановны (тетрадь № 1). «Однажды сестра обители нашей, Мария Семеновна, говорит мне, – начала она, – что батюшка Серафим многое предсказывал о нашей обители, что случится впоследствии

времени. Предвидя раннюю ее кончину, он приказывал слышанное от него передать мне. Очень много чудного, утешительного в устройстве обители говорил ей батюшка в то время, когда только сделано было основание ее — мельница и одна келья поставлены. Мария Семеновна рассказывала мне так, как приняла это от батюшки Серафима, но по моей плохой памяти и давно прошедшем времени (25 лет) я не могу все рассказать, а вот что хорошо помню: в один летний день Мария Семеновна привела меня к Казанской церкви, тут стояли и другие сестры, и, показывая на все это место, сказала: "Вот помните, церковь эта будет наша, приходская же церковь будет выстроена на другом месте, при ней построится и духовенство прихожан. Здесь же, говорил батюшка Серафим, будет лавра, а где канавка — там киновия. Церковь ваша кладбищенская будет во имя Преображения Господня. Я, — говорит Мария Семеновна, — сказала: «Батюшка, кажется, на кладбищах более бывают церкви во имя всех Святых?» А батюшка ответил, что престол всех Святых будет ранее этого устроен"».

Еще батюшка сказал Марии Семеновне: «Убогий Серафим мог бы обогатить вас, но это не полезно вам, мог бы и золу превратить в злато, но не хочу. У вас многое не умножится, а малое не умалится. В последнее же время будет у вас изобилие во всем, но тогда уже будет всему конец [9]».

В настоящее время мы можем перекрестясь сказать: половина предсказаний уже исполнилась! Но в то время было трудно работать сестрам, хотя батюшка оживлял, подкреплял их и от всего спасал благодатию Божиею. Старица Домна Фоминична рассказывала, что, неся послушание возить дрова из саровского леса от дальней пустынки, она и сестра Акулина Васильевна однажды зимой сильно прозябли и, как малодушные, расплакались. Пошли они к батюшке в ближнюю пустынку, не зная, тут ли он, и плача встали около нее. Батюшка познал духом, что они пришли, и три раза постучал им изнутри в стену, но они не слыхали от слез. Тогда батюшка отворил дверь, принял их как нежный отец и так утешил, что они совершенно забыли свою усталость, холод и поспешили ехать домой.

Бесхитростные и простодушные рассказы сирот Серафимовых дороги тем, что они как нельзя лучше, яснее и ярче

обрисовывают святую жизнь сестер Дивеевской обители, принявших, по молитвам великого подвижника и старца Серафима, Царствие Небесное внутрь себя с детской простотой.

«Меня в ту пору, как пришла я к батюшке-то в первый раз, все замуж сватали, – рассказывает старица Акулина Ивановна Малышева. – Прихожу это я к батюшке, а он говорит: "Что, матушка, лучше: рожь или пшеница?" "Как можно; за белый-то хлеб скорее схватишься!" – отвечаю я. "То-то, то-то, матушка, ну и что лучше: земной или вечный?" "Вечный, батюшка, лучше", – говорю. "То-то вот, матушка, так и ступай-ка ты к старице Ксении Михайловне, она от земли до небес – огненный столб, матушка!" И это батюшка три раза повторил: "Она от земли до неба огненный столб, матушка!" Вот и пошла я к Ксении Михайловне, да только лишь пришла, приходит следом сестра из Сарова: батюшка наказывает, говорит, теми же следами сейчас Акулине со Стефанидой прийти, а мы уж ужинали. Что ж, батюшка велит – и пошли. Приходим, чуть-чуть брезжится, а батюшка топит, огонек высекает. "Как с яблоньки яблоко подкатилось, – восклицает батюшка, – так и ты, Акулинушка!" "За вашими молитвами, благословите, батюшка!" – отвечаю я. "Вот на-ка, Акулинушка, печку-то мне истопи, да мотыжку-то вот эту маленько обожги, матушка, вот тебе и голицы, да как мотыжка-то обгорит, то ты ее тряпочкой вынь-то, у меня здесь есть тряпочка на то, а не голицами; голицы-то спалишь" И ушел на источник батюшка. Истопила я печку, обожгла мотыжку, да как пришло время вынимать и думаю, где буду еще искать тряпку-то, боялась – долго не найду, а вынуть-то всего минута, что голицам сделается!.. Голицами-то и вынула, а они хоть чуточку, а подпалились... Господи! – думаю я, – что мне от батюшки-то будет? Да и пустилась бегом к источнику-то. "Батюшка! – кричу, – кормилец, прости Христа ради!" А он не дал мне договорить-то да и сказал: "То-то, то-то, матушка, ведь я тебе не велел!" А я голиц-то ему и не показала, вот как все знал-то батюшка. И заставил он нас пять грядочек сработать, а как делали грядки-то, послал: "Подкрепитесь, – говорит, – вам подкрепиться, матушки, надо, у меня там и пища есть, там найдете!" Вот пошли мы и нашли горнушку, а в ней и пищу, и что это только была за батюшкина пища какая, в одной посудке, а было 7 пищей: и уха, и щи, и похлебка, и рыба свежая и соленая, и все, все вместе. Вот

и поели мы и подкрепились батюшкиной пищей. Батюшка-то и приходит. "Ну, теперь, матушки, — говорит, — подкрепились, надо картошку доставать, полезай ты, Акулинушка, в погреб, тебе картошку доставать" "Благословите, — говорю, — батюшка, за вашими молитвами полезу". А у самой в мыслях-то: Господи, ни зги не видать, темень, а у него-то тут, чай, и мыши, и крысы, да как я наступлю на крысу-то... А батюшка-то сверху и говорит: "Влево-то, влево-то, иди, матушка, не бойся, нету ничего, ничего нет, матушка!" Опираюсь я о стенку рукой-то да иду, дошла до угла... "В угол-то, нагнись, тут и картошка лежит!" — говорит батюшка... А я все свое думаю: Господи, ну, как я нагнусь, а у него тут мышаты и крысы, и схвачу я мышь или крысу вместо картошки... А батюшка-то опять сверху: "Не убойся ничего, матушка, бери, не бойся ничего; ведь там ни крыс, ни мышей, матушка, нет, они не живут там, матушка!" Вот как батюшка и мысли-то даже наши все знал, кормилец! Достали картофель, а батюшка-то опять и ушел. Ждем, ждем, а его все нет да нет; уж к вечерне, к правилу отзвонили, смеркаться стало, а батюшки все нет; наконец-то пришел — уж темнехонько стало. "Что же мне с вами делать-то теперь, а? — говорит он. — Куда мне вас девать? Здесь, что ли, оставить или в Саров послать? Нет, в Саров не надо, еще скажут: шатающие какие, а вот что, пойдем-ка я тебе мох покажу, Акулинушка; завтра поутру-то встанете и будете щипать" И повел он меня лесом, мимо своего камня и того места, где жил Марка-пустынник, и рассказывал все, как его тут враги искушали, как он с ними боролся-то тут. Вот пришли, и показал он мне мох превысокий. "Вот, — говорит, — умеешь брать лен?" "Умею, — говорю, — батюшка" "Ну, так мох-то все равно как лен, брать надо, да все в кучку-то на грядки-то и класть, он будет гноиться, картошку-то посадим, она хорошая и вырастет" Вернулись назад, только лишь взошли, батюшка-то опять и говорит: "Вот что, матушка, дам я тебе меру картошки, и грядите домой!" А ночь — хоть глаза выколи, даже зги не видать. "Благословите, — говорю, — батюшка, за вашими молитвами пойдем" "Грядите, грядите, матушки, да прямо на Маслиху, да тропкой-то мимо Маслихи не ходите, матушки, а прямо в ворота". А Маслихой-то назывался лес престраннейший, а у саровских-то скотный двор тут. "Матушке-то Ксении Михайловне что сказать велишь, батюшка?" — спросила я.

"А вот картошки-то, матушка, это ей ты подашь да и скажешь: от отца Серафима, убогого, вот я тебе картошку принесла, ты ее прими и меня с ней прими!" Три раза повторил все эти же слова батюшка. "Вот она тебя примет, ты у ней-то и оставайся, матушка, а она ведь столб огненный от земли до неба, матушка!" – опять три раза повторил батюшка, благословил нас, и мы пошли. Идем это мы, а Стефанида-то Аникеева и говорит: "Ну вот, я пойду тропой, мы тут прошлый год все ягоды рвали" "Не ходи, – говорю я, – не ходи, как можно, ведь ты батюшку оскорбишь, он ведь не велел" "Нет, пойду", – заупрямилась она. "Ну, как хочешь, – сказала я, – а я батюшкино-то приказание не преступлю, иди одна, если батюшку оскорблять хочешь" Только что я сказала так-то и пошла дорогой, а она-то в сторону, да как вскрикнет, я так к ней и бросилась, а она в воде по шею! Река Сатис, знаешь, тут протекает, ну, она как пошла ночью-то, ничего не видно, да в воду-то и ухнула. Вот что значит преступать-то батюшкино приказание. Ну, вытащила я ее да в ворота. Монах отворил нам да и говорит: "Ну, куда вы, куры-то, утопитесь да заплутаетесь еще, оставайтесь ночевать!" "Нет, нет, – говорим, – батюшка домой приказал нам идти!" "Ну, так поужинайте, ступайте, я вас накормлю, чай, голодные, у старика ведь и поесть-то нечего, что у него за пища", – говорит монах. "Нет, нет, батюшка, – отвечаем мы, – благодарим и сыты, и пища была прекрасная!" Так мы и шли, да за Балыковым (половина пути) на дороге, подложа мешки с картошкой под головы, еще заснули с часок. Пришли домой; явилась я к Ксении Михайловне-то, отдаю ей мешок, да, как батюшка-то приказал, и говорю. "Как, – говорит, – это, стало быть, он тебя ко мне вернул, батюшка-то? – спросила Ксения Михайловна. – Нет, нет, не верю, позови-ка сестру Марьюшку-то, я еще вас посылаю! Ступайте обратно к нему" "Благословите, – говорю, – матушка!" Позвала сестру. Ксения Михайловна поговорила с ней, и мы пошли. Приходим, а у батюшки-то народу видимо-невидимо, туча-тучей стоит, а сам-то он, и видим, сидит на обрубочке с каким-то из купечества, и тот из себя белый-разбелый такой, а батюшка-то в руках держит веточку, да его веточкой-то этой все обмахивает, а у самого-то у кормильца точно гвозди на всем личике-то, источники крови бегут. Вот проводил он купца-то да вдруг и исчез. Народ видит – нет его, да и разошелся, а мы-то ждали, ждали до са-

мой до вечерни, все места обошли, а все его нет; тут уже слышим, как он стукнул топориком-то в келье, входим, а он и лежит-то, батюшка-то, весь как есть кругом обложен большущими камнями. “Больно меня комары-то одолели, матушка, уж так одолели, а я думал, думал, куда бы мне деться от них, да вот в погреб-то за камни и скрылся, матушка; ну, Акулинушка, откинь-ка их, матушка”, — сказал батюшка Серафим. “Благословите, батюшка”, — отвечаю, и так это легохонько я их, не надивлюсь, а камни-то большущие, пребольшущие! А это у него в сенках, и как там очутились вдруг эти большущие камни, Господь знает! “Посторонитесь, посторонитесь, матушки! — вдруг заговорил батюшка. — Ко мне много господ идут!” А вовсе никого нет и не видно, ну да ведь ему-то издали все было виднехонько, потому что чуть-чуть прошло времечко, минут несколько, а и впрямь много господ-то идет. Мы отошли к стороне и слышим... “Вот это, батюшка, моя дочь”, — говорит одна. “А это — мой сын”, — говорит другой. “Благословите ему взять ее дочь-то за себя?” “Нет, нет, — отвечает батюшка. — Он должен за себя взять ту, что осталась там, а она выйдет за того, что возле вас вот тут живет” И все это батюшка по названьям-то назвал, уж не запомню я местов-то. И как это он все знал, вперед и про всех, истинно диво да и только! Вот отпустил их и говорит нам: “Что пришла, что надо-то, Акулинушка? Ксенья-то не берет, ну, ничего, возьмет! Сходи-ка, Марьюшка, почерпни-ка да принесите мне водицы из источника-то”. Сестра принесла, он, сердечный, нас этой водой-то из своих уст спрыснул да и говорит: “Видишь, Марьюшка, Акулинушка-то нам нужна будет, ее начало земля, землю пахать будет” “Батюшка, — говорит сестра, — да у нас ведь и без того дьячок Ефим уже пашет”. А батюшка-то: “Глупенькая, глупенькая, — говорит, — да это что у вас за земля; у вас разве столько земли-то будет, да все своя земля-то, матушка! Этой земли начало — Акулинушка, а конец казакам; после нее казаки будут!” (Действительно, первые хлеба засевала и пахала Акулина Ивановна, а с 1855 года пашня идет волами, которыми и правят сестры-казачки.) Стали меня сестры просить у батюшки к себе в хлебную. Батюшка-то и задумался; потом поднял голову-то: “Что ж, ненадолго ведь, — говорит, — возьми ее до Успенья-то” Мы думали, что это он об Успеньевом дне говорит, да уж больно будто коротко до Успеньева-то дня,

а сестра-то у меня и умерла через три года, вот он о каком успенье-то толковал, мы уж после вспомнили. Следом почти за ее смертью-то батюшка меня позвал и говорит: "Ну, теперь пора межевать, матушка, приедет межевой, приведут ему девять девушек и поставят ширинушкой, а тебя, матушка, как зовут?" — вдруг спросил он меня, я удивилась да и говорю: "Акулиной" — "А по батюшке-то?" "Ивановной! — говорю, — батюшка". — "А Акулину Ивановну под цепь! Так, так, матушка". Прихожу домой-то, а вечером и приходит Михаил-то Васильевич-покойник к Ксении-то Михайловне и говорит: "Межевой здесь, землю смежевать надо, давай девушек, да мне Акулину Ивановну подай!" Вот на завтра-то и выслали нас девять девушек к батюшке Василию; вот и пошли мы-то девять да их трое: Михаил-то Васильевич, батюшка Василий да межевой-то. Пришли. "Ну, сестры, читайте Достойно и батюшкино правильце", — говорит батюшка Василий. Прочли. "Ну, теперь начинать!" Поставили нас и вправду ширинушкой. И что же? Диковинное это дело, право; прямо подходит ко мне межевой. "Тебя как зовут?" — спрашивает. "Акулиной Ивановной, батюшка" "Сестра Акулина Ивановна, — говорит он, — под цепь!" Так и вспомнились мне батюшкины-то слова, как он мне накануне говорил-то. Ну и взяла я цепь-то и три недели целых мы промежевали».

«А я прихожу к нему, к батюшке Серафиму, — рассказывает старица Агафья Григорьевна, — да и думаю, смущенная духом, что по кончине не будет уже никому и никакой награды. Батюшка был в своей келье в сеночках, положил головку на грешное плечо мое и сказал: "Не унывай, не унывай, матушка, мы в Царствии-то Небесном будем с тобою ликовать!" — и всплеснул он ручками, и лицо его как свет просветилось, и до трех раз повторял он все эти же сладостные слова: "Не унывай, не унывай, мы с тобою в Царствии Небесном будем ликовать! — и прибавил: — Матушка, чтоб умная молитва навсегда бы при тебе была". А я, грешница, изнемогала в малодушии. "Не слушай, — говорит, — матушка, куда тебя мысли-то посылают, а молись так, матушка: помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствие Твое, и сначала до конца. О, всепетая Мати... потом: помяни, Господи, отца нашего иеромонаха Серафима, и свое-то имя помяни, вот, матушка, мои грехи простит Господь и твои, так и спасемся!"»

Ирина Семеновна посадила картофель у батюшки, но когда он приказал его уже вырыть, то она заставила сестер работать, а сама ушла в Дивеево. На грядах снаружи вовсе не было травы от картофеля, а когда стали рыть в земле, то нашли новый картофель с голубиное яйцо. Ирина Семеновна, возвратясь из Дивеева, поразилась чудом и говорит сестрам: «Спрячем этот картофель и покормим батюшку». Наконец батюшка пришел из леса, и Ирина Семеновна показала ему картофель. Батюшка сильно разбранил сестер: «Зачем вырыли! Зачем вырыли!» – восклицал он. Тогда сестры горько заплакали и долго просили прощения. Батюшка простил и сказал улыбаясь: «Во, матушка, если этот картофель кто будет кушать, то и исцеление получит. Весь белый свет изойди, такого картофеля не найдешь, в земле был и не истлел и плод пустил» (тетрадь № 2).

Старица монахиня Ермиония, в свою очередь, рассказывает (тетрадь № 2): «Пошли мы с крестной в Саров на Ильин день, народу множество. Крестная моя Евдокия, которая удостоилась у батюшки присутствовать при явлении Божией Матери в день Благовещения. После ранней пошли мы к батюшке Серафиму, а сенки полны господ; он не отворил дверь и, заслонившись ручкой, стал смотреть и прямо звать нас: "Марфа, Евдокия, подойдите ко мне!" Нас сейчас же пропустили. Батюшка затворил за нами дверь и стал спрашивать, знаем ли мы молитвы. Знаем, говорим мы. "Богородицу", "Отче" и "Верую" заставил за собою читать, потом и говорит крестной: "Евдокиюшка, да она ведь прямо в монастырь готова, все знает". Я говорю: "Батюшка, меня отец не пускает". "Да что ему за дорога?! Ему нет дороги, если Матерь Божия избирает", – говорит батюшка. Ну, и пошли мы в монастырь, и родные уговаривали, да мы не послушали. Сойдемся в монастыре да толкуем: все хорошо и не скучно нам, да только голодно, мясца нет. Вот батюшка и провидел и приказал нам на Рождество Христово, чтобы пришли, ну, и пришли мы, он нас накормил сухариками и сухарей на дорогу насыпал по узелку. "Это вам на дорогу, а теперь не ешьте, а придете домой, то все, что в мире ни есть, кушайте, Бог благословит", – сказал батюшка. Ну, мы и рады; пришли домой, не знают, чем нас потчевать, ну, мы и говорим, что все батюшка благословил есть, ну, и стали есть-то, только кусочек мясца я съела, меня и начало рвать,

и так-то рвало, что уже после я не могла и духу-то просто его слышать. А то стали мы скучать, и он присылает нам что-то мягкое и душистое вроде теста, и как мы поели, так у нас тоска и пропала, и все сердце точно загорелось в нас. Родитель мой работал по просьбе батюшки в Дивееве. Батюшка говаривал ему: "Поработай на сироточек на моих теперь, тебе денег-то не нужно, а придет время, все тебе разом заплачу". Родительница моя была больна полтора года, лечили ее, но ничто не помогало; когда привезли ее к батюшке Серафиму, он дал ей пить водички да сухариков, она сразу и исцелилась».

Некоторых же о. Серафим по своей прозорливости с малолетства предназначал и в духе сего предназначения руководствовал к поступлению в Дивеевскую обитель. Из числа таких была сестра Анастасия Протасова. «В первый раз была я, – рассказывала она впоследствии, – у старца Серафима еще малолетней, вместе с моими родителями и с начальницей Дивеевской общины Ксенией Михайловной. Мать моя давно уже желала видеть о. Серафима, и мы все шли к нему с полною верою. Когда подошли к его келье, народа еще не было, и сотворили, по обыкновению, молитву Иисусову. Батюшка тотчас отворил нам дверь. Он одет был в белый балахончик, и лицо его казалось необыкновенно светлым. Он сказал нам: "Пожалуйте сюда!" – и велел приложиться к образу Божией Матери, стоявшему на столе. Потом мы все поклонились ему в ноги, и он, благословив нас и дав приложиться к Распятию, которое висело на груди его, сказал нам: "Господь, иже везде сый и вся исполняяй, вас милостию Своею не оставит. Пророк сказал: не видех праведника оставлена, ниже семени его, просяща хлеба". После того дал нам сам по частице антидора с церковным вином и положил матушке в платок несколько сухариков. Наконец еще раз благословил и сказал: "Грядите с миром"

Во второй раз я была у него семи лет от роду с матерью и дивеевской Ириной Прокопьевной.

Он также благословил нас всех и приказал приложиться к образу Божией Матери; а как я не могла достать образа, стоявшего на столе, то он сам поднял меня и дал приложиться к Царице Небесной; а затем взял мою руку, вложил ее в руку Ирины Прокопьевны и начал матери моей говорить о пророке Самуиле и другие притчи, и спросил ее: "Понимаете ли вы, матушка?" Она отвечала: "Не могу, батюшка, понять". Тогда он

благословил нас всех и отпустил домой. Мать моя, возвратясь в квартиру, подумала, что все это клонится к близкой моей смерти, и проплакала всю ночь. Поутру же она опять отправилась со мной к о. Серафиму, не решаясь уехать, не простившись с ним. Едва только он отворил нам дверь и мы поклонились ему, как, еще не благословляя нас, положил на уста матери моей свою ручку и сказал: "Не к тому, не к тому, матушка, не унывай". И тут же дал ей приложиться ко Кресту, бывшему на нем. После того мать моя совершенно успокоилась.

Когда же мне наступил 12-й год и мы пришли опять к о. Серафиму, он спросил мать мою, указывая на меня: "Много ли ей лет?" Та отвечала: "Двенадцатый год, батюшка". Тогда он сказал ей: "Пора нам, матушка, обручить ее жениху". Мать возразила на это, что она еще молода; а Серафим отвечал ей: "Ты, матушка, поищи вдову и поклонись ей, чтобы она взяла ее за сына; она ее и возьмет". Маменька улыбнулась и подумала, что он действительно прямо говорит ей про будущего моего жениха. А он продолжал: "По двунадесятым-то праздникам шей ей, матушка, обновки: белое платьице и красненькие башмачки, а в полуночный-то час вставай сама молиться и мужа-то возбуждай, а ее не возбуждай. Когда она возмужает и укрепится силою и духом, тогда будет и сама мужественна к подвигу". И с тех пор всегда, когда мы ни приходили к нему, он все поминал о вдове.

Когда же исполнилось мне 16 лет от роду, тогда он прямо сказал родителям моим обо мне, что "ей дорога в Дивеево, в мою обитель, к сиротам", и два года сряду после того посылал за мной из обители сестру Анну Петровну, и каждый раз, как мы бывали у него (что случалось раза три в год), он все говорил мне: "Успение тебя ждет, и тебе нет дороги, матушка, жить у родителей: тебя Божия Матерь семи лет избрала, а они держат тебя у себя", – это говорил он о родителях моих. Отца моего также просил, чтобы мы непременно поставили себе келью на каменном фундаменте и чтобы нам жить в ней только четырем человекам, не более. "А крышу-то, – говорил он, обращаясь ко мне, – ты сама, матушка, накрой и крепко приколоти гвоздями" Раз я сказала ему, что мне жалко расстаться с сестрой, а он отвечал: "Так мы и ее возьмем сюда" Тогда я начала жалеть родителей, что им без нас обеих еще больше будет печали. И вот, когда я была у него в другой раз, он, между

прочим, сказал: "А про сестру-то что мы говорили? Мне мнится, лучше оставим ее покуда у родителей: пусть поживет в утешение их" – и, подавая мне просфору для передачи ей, прибавил: "Скажи ей, матушка, что это тебе прислал убогий Серафим". С тех пор мы не так уже стали жалеть друг друга, как это бывало прежде. Когда же принесли к нему трехлетнего брата моего, Ивана, он взял его из рук няньки и, подавая мне, спросил: "У вас есть сад?" Я отвечала ему: "Есть". Тогда он сказал: "Ты, матушка, носи его по саду и говори все: *Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, помилуй!* Он возмужает и будет сокровище наше вожделенное; а корми-то его сама, из своих рук"

Однажды, когда я была у него в пустынке, он послал меня к источнику с тем, чтобы я напилась и умылась из него, говоря, что этот источник исцеляет болезни; потом, показывая на окрестную землю, в ту сторону, где Дивеево, сказал: "Это место выбрала вам Сама Царица Небесная, и никто не может отнять его у вас. Вот я вам сделаю шалашик, а вы будете ходить около него, да сено убирать, да тут и отдыхать. И хлеба-то, и картофеля-то будет у вас много, и церкви-то свои будут, и устав-то церковный будет так, как и в Сарове, как передали его вам святые отцы. Царица Небесная вам во всем поможет, и я, убогий Серафим, всегда за вас колени преклоняю и за родителей и сродников ваших"

Наконец, когда он стал решительно просить мать мою, чтобы скорее поставили мне келью и отпустили меня в Дивеево, мать заплакала и сказала: "Теперь мы ее отпустим, батюшка, с надеждой на вас; а если вас не будет, то, может быть, они все разойдутся". На это он отвечал ей: "Нет, матушка, и до меня были отец Пахомий и отец Исаия, которые пеклись о них; теперь я, убогий, пекусь, а после меня Царица Небесная о них попечется".

Посылая меня в обитель, он рассказал мне, между прочим, житие преподобной Макрины и прибавил: "Вот, матушка, она сама пошла в монастырь и брата своего, Василия, увещевала. Он был столп Церкви; а когда был в учении и возгордился против сестры Макрины, она своим целомудрием привела его в смирение"».

Было бы несправедливо и исторически неверно, если бы мы промолчали о гонениях, которые претерпевал о. Серафим за заботы его о дивеевских сиротах. Законы земли

не могли измениться там, где жил такой великий и святой старец; наоборот, враг человечества всегда возбуждает вражду окружающих против праведника с наибольшей силою.

«И всякий человек, живущий, терпи на земле!» — восклицала старица Ксения Кузьминична, начиная свой рассказ о страданиях батюшки Серафима. «Уж на что был свят батюшка-то Серафим, угодник Божий, и на него гонения были! Раз пришло нас семь сестер к батюшке, работали у него целый день, устали и остались ночевать в пустынке. Часу эдак в десятом увидала наша старшая из окна, что идут по дороге с тремя фонарями и прямо к нам. Догадались мы, что это казначей Исаия, и поскорее навстречу ему отперли мы дверь-то. Взошли они, не бранили, ничего, оглядели только нас зорко, и молча чего-то все искали, и приказали нам тут же одеться скорее и немедленно идти прочь. Мы пошли прямо на Маслиху, да ночь была тёмная, забоялись мы, на гостиницу и вернулись. Хозяином тогда был Иван Александрович (впоследствии затворник). Увидав нас такими напуганными да смущенными, приветил он нас лаской, принес поскорее нам рыбы, накормил и уложил спать. Как в два часа ударили к утрене, наша старшая и пошла к батюшке в келью, все ему и рассказала. Батюшка все хорошо знал, но и виду даже не подал, а еще как будто на нас же оскорбился. "Это, — говорит, — оттого, что дурно вы себя держите!" — и тут же отослал нас в обитель. И вот так-то, как ни покрывал их батюшка, а знали все, что много-много претерпевал он от всех за то, что нас привечал» (тетрадь № 6).

Великая старица, высокой жизни, Евдокия Ефремовна (монахиня Евпраксия) так говорила о гонениях, которые претерпевал о. Серафим:

«То всем уже известно, как не любили саровцы за нас батюшку о. Серафима; даже гнали и преследовали его за нас постоянно, много-много делая ему огорчения и скорби! А он, родной наш, все переносил благодушно, даже смеялся и часто сам, зная это, шутил над нами. Прихожу я к батюшке-то, а он всем ведь при жизни-то своей сам питал и снабжал нас всегда с отеческой заботой, спрашивая: есть ли все? Не надо ли чего? Со мной, бывало, да вот с Ксенией Васильевной и посылал, больше меду, холста, елею, свечей, ладану и вина красного для службы. Так-то и тут, пришла я, наложил он мне, по обыкновению, большую суму-ношу, так что насилу сам ее с гробика-то

поднял, инда крякнул и говорит: “Во, неси, матушка, и прямо иди во святые ворота, никого не бойся!” Что это, думаю, батюшка-то всегда, бывало, сам посылает меня мимо конного двора задними воротами, а тут вдруг прямо на терпение да на скорбь-то святыми воротами посылает! А в ту пору в Сарове-то стояли солдаты и всегда у ворот на часах были. Саровские игумен и казначей с братией больно скорбели на батюшку, что все дает-де нам, посылает, и приказали солдатам-то всегда караулить да ловить нас, особенно же меня им указали. Ослушаться батюшку я не смела и пошла сама не своя, так и тряслась вся, потому что не знала, чего мне так много наложил батюшка. Только подошла я это к воротам, читаю молитву, солдаты-то двое сейчас тут же меня за шиворот и арестовали. “Иди, — говорят, — к игумену!” Я и молю-то их, и дрожу вся; не тут-то было. “Иди, — говорят, — да и только!” Притащили меня к игумену в сенки. Его звали Нифонтом; он был строгий, батюшку Серафима не любил, а нас еще пуще. Приказал он мне, так сурово, развязать суму. Я развязываю, а руки-то у меня трясутся, так ходуном и ходят, а он глядит. Развязала, вынимаю все... а там: старые лапти, корочки сломанные, отрубки да камни разные, и все-то крепко так упихано. “Ах, Серафим, Серафим! – воскликнул Нифонт. – Глядите-ка, вот ведь какой, сам-то мучается да и дивеевских-то мучает”, — и отпустил меня. Так вот и в другой раз пришла я к батюшке, а он мне сумочку дает же. “Ступай, — говорит, — прямо к святым воротам!” Пошла, остановили же меня и опять взяли да повели к игумену. Развязали суму, а в ней песок да камни! Игумен ахал, ахал да отпустил меня. Прихожу, рассказала я батюшке, а он и говорит мне: “Ну, матушка, уж теперь в последний раз, ходи и не бойся! Уж больше трогать вас не будут!” И воистину, бывало, идешь – в святых воротах только спросят: чего несешь? Не знаю, кормилец, ответишь им, батюшка послал. Тут же пропустят».

Старица Дивеевской обители Матрона Плещеева рассказывала о следующем чудесном обстоятельстве: “Поступивши в Дивеевскую общину, я проходила, по благословению отца Серафима, послушание в том, что приготовляла сестрам пищу.

Однажды, по слабости здоровья и вражескому искушению, я пришла в такое смущение и уныние, что решилась соверше-

но уйти из обители тихим образом, без благословения: до такой степени трудным и невыносимым показалось мне это послушание. Без сомнения, о. Серафим провидел мое искушение, потому что вдруг прислал мне сказать, чтобы я пришла к нему.

Исполняя его приказание, я отправилась к нему на третий день Петрова дня, по окончании трапезы, и всю дорогу проплакала. Пришедши к Саровской его келье, я сотворила, по обычаю, молитву, а старец, сказав "аминь", встретил меня, как отец чадолюбивый, и, взяв за обе руки, ввел в келью. Потом сказал: "Вот, радость моя, я тебя ожидал целый день". Я отвечала ему со слезами: "Батюшка, тебе известно, какое мое послушание, раньше нельзя было, только что я покормила сестер, как в ту же минуту и отправилась к тебе и всю дорого проплакала" Тогда о. Серафим утер мои слезы своим платком, говоря: "Матушка, слезы твои не даром капают на пол, — и потом, подведя к образу Царицы Небесной Умиления, сказал: — Приложись, матушка, Царица Небесная утешит тебя". Я приложилась к образу и почувствовала такую радость на душе, что совершенно оживотворилась. После того о. Серафим сказал: "Ну, матушка, теперь ты поди на гостинную, а завтра приди в дальнюю пустынку". Но я возразила ему: "Батюшка, я боюсь идти одна в дальнюю-то пустынку" Отец же Серафим на это сказал: "Ты, матушка, иди до пустынки и сама все на голос читай: «Господи, помилуй», — и сам пропел при этом несколько раз «Господи, помилуй». — А к утрене-то не ходи, но как встанешь, то положи 50 поклонов и поди". Я так и сделала, как благословил о. Серафим: вставши, положила 50 поклонов и пошла, и во всю дорогу на голос говорила: "Господи, помилуй" От этого я не только не ощущала никакого страха, но еще чувствовала в сердце величайшую радость, по молитвам о. Серафима.

Подходя к дальней пустынке, вдруг увидела, что о. Серафим сидит близ своей кельи на колоде и подле него стоит ужасной величины медведь. Я так и обмерла от страха и закричала во весь голос: "Батюшка, смерть моя!" — и упала. Отец Серафим, услышав мой голос, ударил медведя и махнул ему рукой. Тогда медведь, как разумный, тотчас пошел в ту сторону, куда махнул ему о. Серафим, в густоту леса. Я же, видя все это, трепетала от ужаса, и даже когда подошел ко мне отец

Серафим со словами: "Не ужасайся и не пугайся", я продолжала по-прежнему кричать: "Ой, смерть моя!" На это старец отвечал мне: "Нет, матушка, это не смерть; смерть от тебя далеко; а это радость". И затем он повел меня к той же самой колоде, на которой сидел прежде и на которую, помолившись, посадил меня и сам сел. Не успели мы сесть, как вдруг тот же самый медведь вышел из густоты леса и, подойдя к отцу Серафиму, лег у ног его. Я же, находясь вблизи такого страшного зверя, сначала была в величайшем ужасе и трепете, но потом, видя, что отец Серафим обращается с ним без всякого страха, как с кроткой овечкой, и даже кормит его из своих рук хлебом, который принес с собою в сумке, я начала мало-помалу оживотворяться верою. Особенно чудным показалось мне тогда лицо великого отца моего: оно было светло, как у ангела, и радостно.

Наконец, когда я совершенно успокоилась, а старец скормил почти весь хлеб, он подал мне остальной кусок и велел самой покормить медведя. Но я отвечала: "Боюсь, батюшка, он и руку мне отъест". Отец же Серафим, посмотрев на меня, улыбнулся и сказал: "Нет, матушка, веруй, что он не отъест твоей руки". Тогда я взяла поданный мне хлеб и скормила его весь с таким утешением, что желала бы еще кормить его, ибо зверь был кроток и ко мне грешной, за молитвы о. Серафима.

Видя меня спокойной, о. Серафим сказал мне: "Помнишь ли, матушка, у преподобного Герасима на Иордане лев служил, а убогому Серафиму медведь служит. Вот и звери нас слушают, а ты, матушка, унываешь; а о чем нам унывать? Вот, если бы я взял с собой ножницы, то и остриг бы его"

Тогда я в простоте сказала: "Батюшка, что, если этого медведя увидят сестры, они умрут от страха". Но он отвечал: "Нет, матушка, сестры его не увидят". — "А если кто-нибудь заколет его? — спросила я. — Мне жаль его" Старец отвечал: "Нет, и не заколют; кроме тебя никто его не увидит". Я еще думала, как рассказать мне сестрам об этом страшном чуде. А отец Серафим на мои мысли отвечал: "Нет, матушка, прежде 11 лет после моей смерти никому не поведай этого, а тогда воля Божия откроет, кому сказать"».

Впоследствии старица Матрона пришла по какой-то необходимости в келью, где занимался живописью, по благословению отца Серафима, крестьянин Ефим Васильев, известный

по своей вере и любви к старцу, и увидя, что он рисовал отца Серафима, вдруг сказала ему: «Тут бы по всему прилично написать отца-то Серафима с медведем». Ефим Васильев спросил ее: отчего она так думает? И она рассказала ему первому об этом дивном событии. Тогда исполнилось ровно 11 лет, заповеданных старцем.

Хотя и многие посторонние видали также отца Серафима с медведем, но за неизвестностью этих лиц невозможно передать их свидетельств, кроме одного, переданного саровским иноком Петром.

Глава XI

Построение церкви во имя Рождества Христова в Дивееве. Официальное уведомление о пожертвовании трех десятин земли генеральшей Постниковой и праздник по этому случаю в Дивееве. Отмежевание земли зимою и опахивание ее весною. Приказание вырыть канавку и объяснение отцом Серафимом значения ее. Целебный лук. Обучение отцом Серафимом Анны Михайловны Мантуровой чтению славянского письма. Чудо с лампадами в келье о. Серафима. План будущих построек в Дивееве, начерченный самим о. Серафимом, и предсказания по нем. Приготовления к освящению храма: поездка М. В. Мантурова в Нижний Новгород. Освящение церкви Рождества Христова 6 августа 1829 г. Желание о. Серафима выстроить внизу этой церкви другую, во имя Рождества Богородицы, и переговоры о том. Жизнь, кончина и погребение Марии Семеновны Мелюковой – схимонахини Марфы. Поездка о. Василия Садовского и Е. В. Мантуровой в Нижний Новгород в 1830 г. за разрешением освятить церковь Рождества Богородицы. Освящение церкви Рождества Богородицы 8 сентября 1830 года [10]

Все, что касается построения и освящения церквей Дивеевской обители во имя Рождества Христова и Рождества Богоматери, нам известно из записок духовника обители протоиерея о. Василия Садовского и отчасти из рассказов, записанных за старицами того времени.

«Зиждителем церкви, – пишет о. Василий, – с благословения батюшки Серафима, был Михаил Васильевич Мантуров, муж богобоязненный и боголюбивый, весь горевший к Царице Небесной любовью [11]. Исцелив его от смертельной

болезни, в отблагодарение за то Богу, приказал ему батюшка, взяв на себя самопроизвольную нищету, продать все имение свое и на полученные за то деньги выстроить церковь для мельнично-девической общины. Тут же и занялся этим делом Михаил Васильевич; а так как в то время еще и места на заготовление всего для того нужного в Дивееве не было, то и кирпичи и все припасы для постройки церкви привозились и складывались в моем доме».

Летом 1829 года церковь во имя Рождества Христова должна была окончиться постройкой, так как закладка состоялась по благословению преосвященного Афанасия, епископа Нижегородского, в 1828 году. Храм этот строился в связи с колокольней Казанской церкви с западной стороны и предполагался сперва одноэтажный, на высоком фундаменте.

В посту 1829 году наконец пришло официальное распоряжение Баташевской конторы о жертве трех десятин земли, по просьбе батюшки Серафима и обещанию генеральши Постниковой, Дивеевской обители. Отец Василий свидетельствует, что о. Серафим был в таком восхищении и в такой радости, что и сказать нельзя. Михаилу Васильевичу Мантурову, бывшему тогда в Сарове, он дал кадочку меда и приказал, чтобы все сестры собрались, и когда обойдут эту землю, то скушали бы мед с мягким хлебом. Когда же начнут обходить эту землю, то, ввиду глубокого снега, запастись камешками и класть их между колышками, расставляемыми землемером. Отец Серафим говорил, что, когда растает снег, колышки упадут и некоторые затеряются или на другое место вода снесет, а камешки останутся на своем месте. Приказание его было, разумеется, исполнено в точности. На торжестве присутствовали начальница церковно-Казанской обители Ксения Михайловна, М. В. Мантуров, о. Василий и саровский послушник Иоанн Тихонов.

В XIV главе Летописи мы ознакомимся с послушником Иоанном Тихоновым, выдававшим себя впоследствии за келейника и ученика батюшки Серафима, который никогда не имел ни келейников, ни учеников, но пока приведем подлинные слова о. Василия о нем:

«Саровский послушник Иоанн Тихонов, когда узнал о сем торжестве, попросил М. В. Мантурова, дабы он попросил отца игумена Нифонта об увольнении его в Дивеево, ибо

у него в общине при мельнице была двоюродная сестра, как бы для свидания с ней, а не то чтобы собственно на торжество отвода земли, как то неправильно им печатается».

После этого о. Серафим приказал сестре обители Елене Васильевне Мантуровой от имени его и Дивеевской общины написать письмо генеральше Постниковой и поблагодарить. Батюшка послал ей от себя в благословение сухариков. Весной о. Серафим велел опахать эту землю сохою, по одной борозде три раза, причем должны были присутствовать Михаил Васильевич Мантуров, о. Василий и старшие сестры. Землю опахивали по положенным по меже камешкам, так как многие колышки действительно затерялись или оказались на других местах. Когда же земля высохла совершенно, то о. Серафим приказал обрыть ее канавкой в три аршина глубины и вынимаемую землю бросать вовнутрь обители, чтобы образовался вал также в три аршина. Для укрепления вала он велел на нем насадить крыжовник. «Когда так сделаете, — говорил батюшка, – никто через канавку эту не перескочит».

Далее о. Василий Садовский говорит в своих записках: «Много чудного говорил батюшка Серафим об этой канавке. Так, что канавка эта – стопочки Божией Матери! Тут ее обошла Сама Царица Небесная! Эта канавка до небес высока! Землю эту взяла в удел Сама Госпожа Пречистая Богородица! Тут у меня, батюшка, и Афон, и Киев, и Иерусалим! И как Антихрист придет, везде пройдет и канавки этой не перескочит! Рыли сестры эту канавку до самой кончины батюшкиной; к концу его жизни, по приказанию его, и зимою рыть не переставали; огонь брызгал от земли, когда топорами ее рубили, но батюшка Серафим переставать не велел. Когда дело не шло на лад, то приказал хоть на один аршин или хотя бы на пол-аршина рыть, только бы почин сделали, а там после дороют!»

Первая старшая мельничной обители Прасковья Степановна свидетельствует (тетрадь № 6), что много чудного про эту канавку говорил батюшка Серафим. «Вот, матушка, – говорил он мне, – знаете, что место это Сама Царица Небесная избрала для прославления имени Своего. Она всегда, во веки будет вам стена и защита, и Антихрист не сможет перейти ее!»

Старица Анна Алексеевна, одна из первых двенадцати сестер, рассказывает (тетрадь № 6): «Шесть лет жила я на мельнице, куда нас семерых избрал батюшка Серафим, где

и поместил жить нас. Тут была я самовидицею следующего чуда. Самое это место, где теперь канавка, ровное и хорошее было место, и на нем-то и приказывал батюшка вырыть канавку, дабы незабвенна была во веки веков для всех тропа, коею прошла Матерь Божия Царица Небесная, в удел Свой взяв Дивеево! Слушать-то сестры все это слушали, да все и откладывали исполнить приказание батюшкино и не зарывали канавку. Раз одна из нас, чередная, по имени Мария, родная сестра покойной Акулины Ивановны Малышевой, ночью, убираясь, вышла зачем-то из кельи и видит: батюшка Серафим в белом своем балахончике сам начал копать канавку. В испуге, а вместе и радости, не помня себя, вбегает она в келью и всем нам это сказывает. Все мы, кто в чем только был, в неописанной радости бросились на то место и, увидав батюшку, прямо упали ему в ноги, но, поднявшись, не нашли уже его, лишь лопата и мотыжка лежат перед нами на вскопанной земле. С аршин была уже она на том самом месте вырыта; поэтому-то самому и называется это *началом канавки*, так как сам батюшка, видя нерадение и небрежение наше к исполнению заповеди его, начал и закопал ее. Тут уже все приложили старание, и так как очень торопил этим делом батюшка, то даже и лютой зимой, рубя землю топорами, всю своими руками, как приказывал он, выкопали сестры эту святую, заповедную нам канавку; и лишь только окончили, скончался тут же и родимый наш батюшка, точно будто только и ждал он этого».

«Была я у батюшки, — рассказывает Екатерина Егоровна (монахиня Евдокия), одна из двенадцати первых сестер, — и, поработав, ночевала в пустынке, не пустил он меня, а на утро-то, чуть свет, и посылает: "Гряди, гряди, — говорит, — матушка, скажи девушкам, пусть сегодня начинают канавку рыть; я был там и сам начал ее!" Иду дорогой да думаю: как же это батюшка-то говорит, что был? Должно быть, ночью ходил. Прихожу, и рассказать-то еще не успела, а сестры встречают меня, рассказывают друг дружке, как на заре видели батюшку-то, как, обрадовавшись, бросились было к нему, а он и пропал, вдруг стал невидим! А я-то свое рассказываю им. Мы с канавкой-то все медлили, а тут уже, дивясь все такому чуду, уразумели, что сам батюшка назначил этот день, потому сам и начал. И уже не откладывая более, тут же принялись все рыть заповедную канавку».

Старица Прасковья Ивановна (монахиня Серафима) подтверждает вышеприведенный рассказ. «В числе семи переведенных из старой обители матушки Александры, что при Казанской церкви, на мельницу сестер, – повествует старица, – была батюшкой Серафимом переведена и я грешная. Жили мы все в маленькой при мельнице батюшкой же построенной келейке. Рано утром чередная, оставшаяся приготовлять пищу, сестра Марья Ивановна Малышева пошла в погреб и, увидав позади нашей кельи стоявшую и горевшую свечу, с испугом разбудила она нас спящих. Мы скоро вышли и пошли вместе к тому месту, где огонь виделся. Подходим ближе да, к величайшей радости нашей, и видим батюшку Серафима; стоит он у горящей свечи с лопаточкой в руках и взмотыживает землю. Вне себя от восторга, думая, что пришел сам батюшка навестить нас, мы с криком все ему бросились в ноги, чтобы принять благословение; но, поднявшись, к удивлению нашему, батюшка стал невидим, и только вскопанная земля подтвердила нам его видение! Это было в тот самый день, в который благословил он нам начать рыть канавку, перед самым днем праздника Святой Троицы, и сам таким образом освятил почин этого дела» (тетрадь № 6).

«О канавке говорил мне батюшка, – говорит сестра Ксения Васильевна (монахиня Капитолина) (тетрадь № 6, рассказ № 33), – да и всем говаривал, что потому она так вырыта, что это самая тропа, где прошла Царица Небесная, взяв в удел Себе обитель. Тут стопочки Царицы Небесной прошли! “Стопочки Царицы Небесной, матушка!” – так, бывало, и задрожит весь, как это говорит-то. “Она, Матерь-то Божия, все это место обошла, матушка! Вы и землю-то, когда роете, не кидайте так и никому не давайте, а к себе же в обитель, в канавку-то и складывайте! И скажу тебе, матушка, кто канавку с молитвой пройдет да полтораста Богородиц прочтет, тому все тут: и Афон, и Иерусалим, и Киев!”»

В другом месте старица Прасковья Ивановна повествует: «”У вас канавку вырыть надо! – раз так-то заботливо говорит мне батюшка Серафим. – Три аршина чтобы было глубины и три аршина ширины и три же аршина вышины, воры-то и не перелезут!” “На что, – говорю, – батюшка? Нам ограда бы лучше!” “Глупая, глупая! – говорит. – На что канавку? Когда век-то кончится, сначала станет Антихрист с храмов кресты

снимать да монастыри разорять и все монастыри разорит! А к вашему-то подойдет, подойдет, а канавка-то и станет от земли до неба, ему и нельзя к вам взойти-то, нигде не допустит канавка, так прочь и уйдет!"»

Старица Домна Фоминична (монахиня Дорофея, тетрадь № 6, рассказ № 35) говорит, что еще мирскою она была на Пасху в Сарове у батюшки. Благословив ее, он послал жить к своим дивеевским девушкам на мельницу, говоря: «Во, матушка, скажу я тебе, какая будет у нас там радость! Земля будет у нас своя, и канавку ооброем мы кругом обители! А когда мы ее оброем, будут к нам приезжать посетители, глинку-то с нее брать будут у вас на исцеление, и будет нам она вместо золота! Потому радость-то такая, что эту самую землю-то, матушка, ведь Сама Царица Небесная избрала и нам исходатайствовала! В обитель мою много отослал я разных семян моим девушкам, также и много цветов; посеют они их и будут питать те семена, а цветы утешать, и не о чем унывать вам будет!»

Старица Феодосия Васильевна сообщила следующее (тетрадь № 6, рассказ № 56): «Страдая падучею болезнью, пришла я к батюшке Серафиму, он и говорит мне: "Ступай, радость моя, в Дивеево рыть канавку; эту канавку Сама Царица Небесная Своим пояском измерила, так что когда и Антихрист-то придет, то канавка эта не допустит его туда!" "Батюшка, — говорю я ему, — я ведь больна, вот так-то и так-то!" Выслушав, взял он меня за плечи и, нагнув главу мою, прочитал молитву. Тут же почувствовав себя совершенно здоровой, я поступила в обитель, и болезнь не возвращалась ко мне уже более никогда».

Евдокия Ефремовна (монахиня Евпраксия) подтверждает рассказ о том, как о. Серафим сам ночью начал рыть канавку (тетрадь № 1).

Елена Васильевна Мантурова, несмотря на то что считалась начальницей мельничной обители, трудилась наравне с прочими и рыла канавку. Отец Серафим говорил приходящим к нему сестрам, указывая на старание и труды ее: «Вот, матушка, начальница-то, госпожа-то ваша, как трудится, а вы, радости мои, поставьте ей шалашик, палатку из холста, чтоб отдохнула в ней госпожа-то ваша от трудов!»

Михаил Васильевич Мантуров, строя для обители Рождественский храм, никогда ничего без благословения батюшки

отца Серафима не делал. Так, однажды нужно ему было о чем-то спросить о. Серафима, и он, собравшись в Саров, зашел за о. Василием Садовским, чтобы позвать его идти вместе. Было это во время Петровского поста. «Придя в Саров, — пишет о. Василий, — и узнав, что батюшка находится в ближней пустынке, что близ его источника, мы отправились сейчас же туда. Он нас встретил у самого источника, и Михаил Васильевич, приняв благословение, спросил, о чем было нужно. Шагах в 6 от источника виднелась грядка недлинная, но широкая, в пол-аршина вышины, с зеленым луком. Батюшка и говорит: "Этот лук уже поспел, вырвите его!" Мы оба начали рвать, но батюшка, видя, что мы рвем с осторожностью, дабы не запачкаться, так как земля была сыровата, зашел в середину и стал между нами на коленочки, начал вырывать обеими ручками лук, приговаривая: "Вот как надо, батюшка!" И так серединой грядки прополз до конца, вырывая лук обеими руками с обеих сторон и по краям, сколько его на грядке ни было. Потом заставил омыть луковки, находившиеся в земле, у желоба, из которого текла вода, и когда это было сделано, то, навязав нам обоим этого луку по немалой ноше, приказал отнести в Дивеевскую обитель сестрам на трапезу, прибавив, чтобы и сами кушали сколько угодно, так как этот лук целебный. Что же? По приходе домой узнал от сестры Евдокии Трофимовны, что на эту грядку прошлый день они с батюшкой кузовами носили мох, лишь за несколько часов до нас, а поутру на ней увидали уже лук, и мы вырывали этот лук во время вечерни. Какого он был вкуса, об этом и сказать невозможно; не теряя вкуса лука, и душист он, и сладок, и приятен необыкновенно; чудный во всех отношениях лук и целебный, как оказалось это на жене моей, которую, вернувшись, нашел крайне больной и, дав ей кстати принесенного лука, сказал: "Батюшка говорит, что это целебный лук, на-ка, поешь-ка!" Как только она вкусила этого за одну ночь выросшего лекарства, так и стала здорова».

Анна Михайловна Мантурова, жена Михаила Васильевича, сообщила много фактов из жизни о. Серафима и своего мужа. Между прочим, она рассказывает (тетрадь № 1), как батюшка научил ее читать по-славянски. «Почти каждый раз, — говорила она, — как я бывала у батюшки, он мне говаривал: "Матушка, читай жизнь преподобной Матроны и подражай ей!"

“Батюшка, — бывало, отвечу я, — да ведь я не умею читать по-славянски”, а он все свое да свое, не внимая моим словам. “Читай, матушка, читай преподобную Матрону”. И это до тех пор твердил мне батюшка, пока я раз думаю себе, да надо же посмотреть-то хотя кой-как, что это за преподобная Матрона, что все толкует батюшка. Вот, достав книгу, я села читать. Диковинное дело, я немка природой, по-русски-то плохо читаю, по-славянски же никогда не читала, стала читать, да притом как легко, точно ученая, сама собою, не иначе как батюшкиными молитвами, потому что и теперь еще помню, что-нибудь, бывало, в каком-нибудь сокращении, и потом не знаю почему, вдруг мне покажется, что это не так я читаю или выговариваю, а вот как надо, поправлюсь сама собою, скажу, и выйдет действительно так. Вот таким-то образом и выучил меня читать батюшка по-славянски, а без него я бы, может быть, и теперь еще не знала бы читать.

Раз, рассказывал мне Михаил Васильевич, быв у батюшки Серафима, они долго беседовали с ним, и во время беседы-то этой Михаил Васильевич вдруг видит, что сперва одна лампадка перед образом у батюшки сама собою зажглась, а потом и другая, и обе светло сами собою затеплились. Михаил Васильевич не мог в себя прийти от удивления и даже несколько испугался, что прозрел в нем батюшка. “Что ты видишь, батюшка, ты не дивись тому и не бойся, то так должно быть”», — сказал о. Серафим.

О дальнейшей судьбе Дивеева батюшка о. Серафим говорил во время построения Рождественского храма следующее Елене Васильевне, Михаилу Васильевичу и Анне Михайловне Мантуровым, протоиерею о. Василию Садовскому и еще многим старицам:

«Еще не было и нет примеров, чтобы были женские лавры, а у меня, убогого Серафима, будет в Дивееве лавра, — сказал батюшка. — Лавра-то будет кругом, то есть за канавкой, в обители матушки Александры, потому что как она была вдова, то у ней могут жить в обители и вдовы, и жены, и девицы, а киновия будет только в канавке, и так как я, убогий Серафим, был девственник, то и в обители моей будут одни лишь девицы. Выстроится большой, холодный собор и будет и теплый. Эта Казанская церковь и место все будет монастырское, прихожанам дадут другое место, а так Казанская церковь, как

есть, и Рождественская, как есть, останутся как бы в центре, а кругом нее еще много места захватят приделами другими, и из нее большой теплый собой выйдет, и большая это будет пристройка наподобие Иерусалимского храма. С левой стороны Рождественской церкви будет непременно придел во имя Михаила Архангела. Каменная ограда как есть, так и останется, только Казанская церковь войдет в ограду, и стена продолжится вплоть до берега, где, пройдя немного берегом, пойдет к западу, и тут, как раз против дома Мишеньки (Михаила Васильевича Мантурова), выстроится колокольня, и будут под ней святые ворота. Кругом обоих соборов будут каменные корпуса в следующем порядке».

Батюшка даже набросал первоначальный план, который, сохраненный в подлиннике, вставлен в рамку и хранится у игумении Марии. Этот план батюшка писал в своей келье, на обрубке, что служил ему стулом; писал с Михаилом Васильевичем Мантуровым, стоя на коленках.

«С юга, против собора Св. Троицы, — говорит старец, — будет корпус треугольником; в этом корпусе одна из царского роду жить будет, батюшка. С севера собора Св. Троицы, напротив его, точно такой же треугольником корпус, должен быть трапезой. Возле жилого треугольного корпуса с юга же корпус начальнический, правильным продолговатым четырехугольником. Напротив его с севера точно таким же правильным продольным четырехугольником должен быть корпус клиросный. С юга против Казанского собора, рядом с начальническим корпусом, такой же продольный четырехугольный корпус — просто жилой. С севера против Казанского собора и напротив жилого такой же точно продольный четырехугольный корпус, и тоже просто жилой. Опять с одной стороны корпус правильным треугольником, которого половина будет окнами в ограду; это будет жилая монастырская половина, а другая, отделенная стеной, окнами наружу, за ограду, будет служить гостиницей. С другой стороны напротив точно такой же треугольный корпус, разделенный надвое и для того же употребления. Вот так-то у нас все и устроится, батюшка, и лавра, и киновия у убогого Серафима в обители-то будет!»

Вернемся теперь к запискам протоиерея о. Василия Садовского о построении Рождественской церкви.

«В 1829 году церковь эта была уже готова, – пишет о. Василий, – что поистине замечательно! Церковь во имя Рождества Христова, а освящалась в день Преображения Господня! Так пожелал батюшка Серафим, которому представили мы все препятствия к выполнению этого желания, так как: а) нет того положения, а потому и не знаем, неизвестно, как сочетать три службы – двух двунадесятых праздников и обновления храма; б) что в церкви нет еще ни одного образа и входа еще даже не сделано. На все это батюшка только ответствовал: "Если церковь не будет освящена в этот день, то так и останется не освященною вплоть до будущего года и опять же до праздника Преображения Господня, в который должна она быть освящена, потому что Господу так угодно, батюшки! А ты знаешь, что человеку невозможно, то Господу всегда и во всем!" И приказал батюшка от его же имени ехать Михаилу Васильевичу в Нижний, прося там Благовещенского монастыря архимандрита Иоакима приехать и непременно в этот день Преображения Господня освятить храм. "Скажи ему, батюшка, моим именем, говорит убогий Серафим, что так Господу угодно, батюшка!" Михаил Васильевич поехал, и что же? Как же то не чудо! Ведь знал дивный батюшка Серафим, кому и поручить столь затруднительное дело. Архимандрит Иоаким был первый, что называется, уставщик, а потому и нашел действительно возможным все исполнить по батюшкиному желанию, то есть, совокупив все три службы вместе, освятить храм в положенный на то батюшкой день, и так как устава на такой случай не было, он сам написал и составил его на эти службы, дабы соединить стихиры двух двунадесятых праздников вместе и с обновлением храма. Михаил Васильевич, по благословению батюшки Серафима, выхлопотав разрешение у Нижегородского преосвященного Афанасия, возвратился доложить батюшке. Приехал и о. архимандрит, а в храме-то нет ни иконостаса, ни даже входа!.. Как быть? Привезли уже наскоро два местных образа из села Лемети, кое-как приделали вход в храм, по приставленной лесенке, а батюшки Серафима желание и приказание было исполнено. Храм освятили Рождеству Христову и в самый день Преображения Господня! Таково было основание и сооружение верхней Рождественской церкви, по благословению Нижегородского преосвященного епископа Афанасия и по опробованному плану

строительного комитета, в связи с колокольней Казанского храма. План этот находится в монастырском архиве. Но этим храмом еще не все чудеса батюшки Серафима кончились; нет, вот что дальше было. Почти тут же, только уехал о. архимандрит, потребовал батюшка Серафим к себе Михаила Васильевича Мантурова и говорит ему: "Худо мы, батюшка, с тобой сделали; ведь мы храм-то во имя Рождества Спасителя выстроили, а во имя Богородицы церкви-то у нас с тобой и нет! А Царица-то Небесная, батюшка, прогневалась на меня, убогого Серафима, и говорит: «Сына Моего почтил, а Меня позабыл!» Так вот что и удумал я, батюшка, нельзя ли нам это исправить; нельзя ли внизу-то нам с тобой под церковью еще церковь сделать?" "Уж и не знаю как?! – отвечал совершенно озадаченный Михаил Васильевич... – К тому и места мало, да и ход туда, под крыльцо, как лазейка!.. Разве подкопать землю?" "Во, во, батюшка! – воскликнул радостно о. Серафим. – Как ты хорошо удумал! Схлопочи-ка, батюшка, и будут у нас две церкви с тобой, и Царица-то Небесная не прогневается на нас, да вот возьми-ка, я тебе и меру приготовил! – Батюшка Серафим подал ему нитку. – Если место как раз по ней выйдет, батюшка, то можно будет устроить придел и Царице Небесной!" Перетолковав вместе с батюшкой обо всем, уехал Михаил Васильевич. Мы с рабочими дивились только батюшке Серафиму, но, видя, что иначе нельзя ничего сделать, как подкопать землю под церковью, Михаил Васильевич приказал копать. Когда же был готов подкоп и Михаил Васильевич стал по мерке, данной батюшкою Серафимом, вымеривать подкоп, то он пришелся как раз в раз по этой мерке. Мантуров поехал о том доложить батюшке. Радостно, в восхищении благодарил его старец и благословил строить эту новую церковь. Но так как свод потолка был очень полог и низок, то все увидали, что ему иначе нельзя держаться будет, как поставив четыре четырехугольных же здоровых каменных столба, которые своею массивностью весьма утеснят церковь, и без того маленькую, низенькую, почти что в земле вырытую. Михаил Васильевич поехал в Саров объяснить это батюшке Серафиму, а батюшка, как услыхал это, преисполнился весь радостью неизреченной и в духовном восторге воскликнул: "Во, во, радость моя! Четыре столба – четверо мощей! Четыре столба – четверо мощей! Радость-то нам какая, батюшка!

Четыре столба – ведь это значит четверо мощей у нас тут почивать будут! И это усыпальница мощей будет у нас, батюшка! Во, радость-то нам какая! Радость-то какая!" И с неизъяснимой, неземной радостью и мне, грешному, и всем, кто лишь ни приходил к нему, восклицал батюшка, угодник Божий: «Четыре столба – четверо мощей!"»

21 августа 1829 года Дивеевская обитель лишилась чудной, святой жизни отроковицы Марии Семеновны Мелюковой [12].

Мы говорили уже, что о. Серафим передавал этому своему духовному другу все тайны, касающиеся будущей славы обители, и даже откровения, получаемые им от Царицы Небесной, со строгим заповеданием молчания. Эта чудная отроковица была всегда погружена в ничем не рассеивающуюся молитву и во всем была руководствуема самим о. Серафимом. Как примеры ее безусловного послушания рассказывали, что раз, при вопросе родной сестры ее Прасковьи Семеновны о каком-то саровском монахе, она удивленно и ребячески невинно спросила: «А какие видом-то монахи, Параша, на батюшку, что ли, похожи?» Удивленная, в свою очередь, вопросом сестры, Прасковья Семеновна ответила ей: «Ведь ты так часто ходишь в Саров, разве не видала, что спрашиваешь?» «Нет, Парашенька, – сказала смиренно Мария Семеновна, – ведь я ничего не вижу и не знаю; батюшка Серафим мне приказывал никогда не глядеть на них, и я так повязываю платок на глаза, чтобы только видеть у себя под ногами дорогу».

Вот какова была этот ребенок-подвижник, проживший всего 6 лет в обители и 19 лет от рождения мирно и тихо отошедшая ко Господу. Предузнав духом час кончины ее, старец о. Серафим вдруг заплакал и с величайшей скорбью сказал о. Павлу, своему соседу по келье и приятелю: «Павел! А ведь Мария-то отошла, и так мне ее жаль, так жаль, что, видишь, все плачу!»

Батюшка о. Серафим пожелал ей дать от себя гроб, дубовый, круглый, выдолбленный. За ним поехала Прасковья Семеновна с Акулиной Васильевной. Сестра Прасковья Семеновна была сильно огорчена, и батюшка принял ее отечески, обласкал и приободрил. Затем, сложив вместе руки Прасковьи Семеновны и Акулины Васильевны, он им сказал: «Вы будете теперь родные сестры, а я вам отец, духом вас породил! Мария же – схимонахиня Марфа, я ее посхимил! У нее все

есть: схима и мантия и камилавочка моя, во всем этом ее и положите! А вы не унывайте, матушка, – произнес о. Серафим, обратясь к Прасковье Семеновне, – ее душа в Царствии Небесном и близ Святой Троицы у Престола Божия, и весь род ваш по ней спасен будет!»

Кроме того, батюшка о. Серафим дал 25 рублей на расходы по похоронам и 25 рублей меди для того, чтобы оделить всех сестер и мирских, кто бы ни находился при погребении ее, по 3 коп. каждому. Дал также два полотенца за престол, колоток желтых свеч на сорокоуст, чтобы день и ночь горели бы в церкви, а ко гробу рублевую желтую свечу и на похороны белых 20-копеечных свеч с полпуда.

Таким образом, по благословению о. Серафима, положили Марию Семеновну, схимонахиню Марфу, в гроб: в двух свитках (рубашках), в бумажном подряснике, подпоясанную шерстяною черною покромкою, сверх сего в черной с белыми крестами схиме и длинной мантии. На головку надели зеленую бархатную, вышитую золотом шапочку, сверх нее камилавку батюшки Серафима и наконец еще повязали большим драдедамовым темно-синим платком с кисточками. В руках она держала кожаные четочки. Все эти вещи дал ей о. Серафим из своих рук, приказав всегда в них ходить к причастию Св. Таин, что в точности и исполнялось Марией Семеновной каждый двунадесятый праздник и все четыре поста.

Отец Серафим всех, кто только приходил в эти дни к нему, посылал в Дивеево на похороны Марии Семеновны. Так, ничего не знавшим о том сестрам, работавшим на Сатисе (лесистая местность на берегу р. Сатис), Варваре Ильиничне с прочими старец сказал: «Радости вы мои! Скорее, скорее грядите в Дивеев; там отошла ко Господу великая раба Божия Мария!» Сестры не могли понять, какая Мария могла скончаться, и удивились, найдя Марию Семеновну в гробу. Также Екатерину Егоровну и Анну Алексеевну, собиравших ягоды в саровском лесу, и других он посылал скорее домой, говоря, что кто будет на погребении Марии Семеновны, тот получит отпущение грехов! Даже саровских монахов и целую толпу народа, шедшую к нему, о. Серафим посылал на погребение, приказывая мирским девицам и сестрам приодеться, расчесать волосы свои и припасть ко гробу ее! Во время отпевания старица Прасковья Семеновна, родная сестра покойной схимонахи-

ни Марфы, явно увидела в царских дверях Царицу и Марию Семеновну, стоящих на воздухе. Придя от восторга в исступление, она громко закричала на всю церковь: «Царица, не остави нас»! Вдруг она стала юродствовать, пророчествовать, говорить окружающим необыкновенные вещи, раздавать все носимые на себе одежды, потом сразу сильно ослабела. Бесы закликали, зашумели и стали кричать. Это происшествие сильно повлияло на собравшихся. Когда старица Акулина Васильевна после похорон поспешила к батюшке о. Серафиму и передала ему случившееся, то он произнес: «Это, матушка, Господь и Царица Небесная захотели прославить мать нашу Марфу и Госпожу Марию. А если бы я, убогий Серафим, был бы на погребении ее, то от духу ее было бы многим исцеление!»

Затем прибыл к батюшке родной брат Марии Семеновны Иван, который также ездил на похороны сестры, и спросил: выздоровеет ли заболевшая после видения Прасковья Семеновна? Зорко осмотрев знакомого ему Ивана Семеновича, батюшка вдруг сказал: «Да разве ты брат Марии?» И еще вторично глядя на него, спросил батюшка: «Ты родной брат Марии?» «Да, батюшка», – опять ответил Иван Семенович. После этого старец долго-долго думал и, еще пристально взглянув на стоящего перед ним Ивана, вдруг сделался так радостен и светел, что от лица его как бы исходили лучи солнечные, и Иван должен был закрыться от о. Серафима, не будучи в состоянии смотреть на него. Затем батюшка воскликнул: «Вот, радость моя! Какой она милости сподобилась от Господа! В Царствии Небесном у престола Божия, близ Царицы Небесной со святыми девами предстоит! Она за весь ваш род молитвенница! Она схимонахиня Марфа, я ее постриг. Бывая в Дивееве, никогда не проходи мимо, а припадай к могилке, говоря: госпоже и мати наша Марфа, помяни нас у престола Божия во Царствии Небесном!» Отец Серафим так пробеседовал часа три с Иваном Семеновичем.

После этого о. Серафим вызвал к себе церковницу сестру Ксению Васильевну Путкову (монахиню Капитолину), которой он всегда приказывал записывать разные имена для поминовения, и сказал ей: «Вот, матушка, запиши ты ее, Марию-то, монахинею, потому что она своими делами и молитвами убогого Серафима там удостоилась схимы! Молитесь же и вы все о ней, как о схимонахине Марфе!»

По свидетельству сестер и лиц, близких Дивееву, Мария Семеновна была высокого роста и привлекательной наружности: продолговатое, белое и свежее лицо, голубые глаза, густые, светло-русые брови и такие же волосы. Ее похоронили с распущенными волосами. Она покоится по левую сторону матушки Александры, первоначальницы Казанской общинки.

Из рассказов стариц о Марии Семеновне сохранилось немного. Так, Мария Иларионовна (монахиня Мелетина) свидетельствует следующее: «Живя в миру и слыша от всех о батюшке Серафиме, – повествует она, – я пожелала быть в Сарове и принять его благословение. Первым делом, как пришла в Саров, пошла я к батюшке в его пустынку; он сам вышел ко мне навстречу, благословил и с улыбкой говорит: "Ты, матушка, знаешь ли Марию Семеновну?" "Знаю, – говорю, – батюшка; она через три двора живет от нас" "Вот, матушка, – продолжал батюшка, – я тебе про нее скажу, как она ревнива была к трудам. Когда в Дивееве строили церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы, то девушки сами носили камушки, кто по два, кто по три, а она-то, матушка, наберет пять или шесть камешков-то и с молитвой на устах, молча, возносила свой горящий дух ко Господу! Скоро с больным животиком и представилась Богу!" Сказав это, пристально посмотрел на меня батюшка и сказал: "Матушка, ведь это я тебе говорю! Как у нас заболит животик, никто не рад нам будет!"» Мать Мелетина и была впоследствии долго больна (тетрадь № 1).

Старица Устинья Ивановна (впоследствии монахиня Илария) говорит (тетрадь № 1), что «покойную сестру нашу Марию Семеновну, высокой жизни, особо против всех любил батюшка Серафим. Он говорил и предсказывал ей об обители многое, по большей части запрещая кому-либо рассказывать, но некоторое завещал ей помнить и передать мне, грешнице. Из того вот что я помню. Раз, выведя меня к Казанской церкви и показывая на все это место кругом, сказала она мне и тут же бывшим сестрам: вот помните, церковь эта будет наша, и священники тут жить не будут; приходская же церковь выстроена будет в другом месте, там будут при ней жить и священники, тут же будет лавра; а где канавка, там будет киновия! И еще, по благословению же батюшки Серафима, говорила она мне: "Батюшка Серафим сказал, что кладбищенская церковь у нас будет во имя Преображения Господня, запомни!" А я на

это возразила ей, что ведь на кладбищах, кажется, всегда строятся церкви всем святым. Так, ответила она, но батюшка Серафим сказал, что престол всех святых будет еще ранее устроен». (Предсказание сбылось, ибо в 1847 году выстроена была ныне теплая церковь Божией Матери Тихвинской и в ней придел с левой стороны всех святых, а кладбищенская церковь построилась уже после, в 1855 году, во имя Преображения Господня.) А о стесненных средствах обители всегда ей говаривал батюшка: «Убогий Серафим мог бы обогатить вас, но это не полезно; я мог бы и золу превратить в злато, но не хочу; у вас многое не умножится, а малое не умалится! В последнее время будет у вас и изобилие во всем, но тогда уже будет и конец всему!» [13]

Говорилось уже о том, что церковь во имя Рождества Богородицы была окончена постройкой летом 1830 года. Поэтому о. Серафим поручил Елене Васильевне Мантуровой и священнику о. Василию съездить в Нижний Новгород для получения разрешения от архиерея освятить новый храм Рождества Богородицы. Об этом пишет о. Василий в своих записках:

«И чудной только был батюшка! Год был холерный, ну, куда и как мы поедем... Бог весть! А ослушаться его не смели. Елене Васильевне, положив просфор и приказав изготовить прошение, сказал: "Поклонитесь владыке в ножки и просфоры от меня отдайте; он вам все и сделает!" Мне же наказывал так: "Ты, батюшка, приехав, закажи теплый хлеб в булочной, да так, чтобы он у тебя был горячий, от меня и подай ему, он вам все сделает!" Делать нечего, заложили мы свою лошадку и потихоньку в повозочке поехали в Нижний. Как приехали, остановились в Крестовоздвиженском женском монастыре и рассказали свое дело. Бывшая в то время игуменья, мать Дорофея, выслушала нас с сердечным прискорбием, объявила и объяснила нам совершенную невозможность исполнить все желаемое, так как Владыка по случаю холеры (то была первая холера) никого не принимал, о чем дал даже указ из консистории. Выслушав, мы говорим, что все это так, да батюшка Серафим послал и приказал, а ослушаться его мы не смеем. Подумав, игуменья мать Дорофея написала и послала Владыке письмо, прося разрешения по весьма важному делу видеть его, но владыка прислал ответ: "Чтобы старица не беспокоилась, я сам у нее буду!" Этот ответ поставил игуменью еще

в большее затруднение. Прошло несколько дней, а Владыка не ехал, и как ни жалела нас матушка Дорофея, но сама ехать после ответа Владыки не осмеливалась и писать ему уже не решалась. Как быть?! Посоветовавшись с Еленой Васильевной, невзирая на предостережения, но помня слова батюшки: "Поклонитесь Владыке в ножки, он вам все сделает!" – что значило, чтобы мы лично были у архиерея, а батюшке же Серафиму [14] все хорошо было известно, – мы, перекрестясь, решились с Еленой Васильевной прямо сами идти к Владыке. Будь что будет! Все нас уговаривали, останавливали и в страхе и трепете за нас были. Елена Васильевна взяла просфоры, батюшкой присланные, и прошение, я из булочной горячий, только что испеченный хлеб, как приказал мне батюшка, который держал под полою, и также прошение о перемене обветшалого антиминса. Что же, как батюшке угодно было, все так и случилось! Пришли в дом архиерея, беспрепятственно вошли и стали в прихожей. Решительно никого не было, пустой дом, и везде на окнах хлор. Стояли мы более получаса, нарочно кашляли, авось кто-либо услышит и выйдет; но никого не было в этом мертвом доме. Мы было уже хотели уходить, да вдруг заслышали какой-то шорох, остановились, опять нарочно закашляли... Отворилась дверь, и к нам вышел сам преосвященный Афанасий. Мы ему поклонились в ноги. "Это что, – говорит, – каким образом, что за люди?!" Я, весь дрожа, объяснил ему, в чем дело, а Елена Васильевна подала прошение и просфоры. Владыка ласково выслушал и принял все, но, взяв от меня хлеб и чувствуя, что он горячий, невольно улыбаясь, воскликнул: "Просфоры-то так, а уж хлеб-то никак не из Сарова, а здешний, ибо теплый!" Тогда, совсем ободрившись, я осмелился объяснить архиерею, что хлеб этот действительно здесь печен и только что мною взят из булочной, но что так приказано мне самим батюшкой Серафимом, который без того не велел и являться к Владыке. "А, теперь понимаю, это по-Златоустовски!" – воскликнул восхищенный преосвященный. И, написав тут же резолюцию на прошение об освящении храма, он послал свечей для молитвы батюшке Серафиму, благословил нас и отпустил, говоря: "На счет всего этого обратитесь к архимандриту Иоакиму в Консисторию, он уже вам все это устроит!" Возвратясь таким образом в женский монастырь, где в трепете и страхе ожидали нас, никто не хотел

верить нам, зная строгость вообще преосвященного Афанасия, и все дивились, явно уразумевая в этом единое лишь чудо угодника Божия, батюшки Серафима! Когда же я на другой день отправился на счет всего этого к о. архимандриту Иоакиму, представляя ему указ о новом освящении, он в удивлении меня спросил: "Да ведь я недавно освятил вам церковь, где же еще-то освящать?!" "Тут же и другую!" – сказал я. "Как же! – воскликнул он. – Что вы, батюшка, где же тут-то?" Когда же я объяснил ему чудное устройство этой новой церкви, по желанию батюшки Серафима, то, дивяся и всплеснув руками, о. архимандрит воскликнул: "О, Серафим, Серафим! Сколь дивен ты в делах твоих, старец Божий!" В это самое время прибежали сказать о. архимандриту, что Владыка его немедленно требует. "Погодите, – сказал он мне, – что такое, погодите-ка меня здесь, не по вашему ли делу зовет... Кстати, – продолжал он, – я скажу вам, отпустил ли меня Владыка освящать церковь-то, как батюшка Серафим того желает и как вы мне передали!" Я остался, а архимандрит уехал. Возвратясь, еще при входе, произнес архимандрит: "Ну, уж Серафим! Дивный Серафим! Вот, судите сами, что наделал-то. Прихожу я к Владыке, а он меня спрашивает: что же, говорит, как же я резолюцию-то сдал? Где же церковь и что за храм?! Хорошо, что вы уже у меня побывали да все объяснили; ну, и успокоил я Владыку, все передал ему. Скажите дивному Серафиму, что как желает, так и приеду; разрешил Владыка. Ну, дивный же, дивный Серафим!" Так я и ушел. Стали мы собираться домой, и надо заметить, что по случаю страшной в то время холеры в Нижнем был карантин, и весь город был оцеплен войском, так что ни почта, ничто, ниже никто не пропускался без выдержки карантина. Вот и думаем: как-то поедем мы, вдруг не пропустят! Но как ни останавливали и ни уговаривали все, мы, помолившись и заложив свою лошадку, потихоньку поехали... Едем мимо караульных солдат, и никто не остановил и не опросил даже нас, точно будто и не видал никто. Так и приехали мы домой, и невзирая на страшную холеру, пользуясь тем, что все фрукты поэтому были необыкновенно дешевы, покупали их много и кушали не разбирая, а за молитвы батюшки Серафима возвратились целы и здоровы и ничем невредимы. К этому же, кстати, скажу, батюшка Серафим говорил, что в обители никогда не будет холеры, что со временем и оправдалось,

потому что, когда была эта эпидемия повсеместно в окружности, даже в д. Вертьянове и селе Дивееве, в монастыре ее не было, так что даже кто из мирских заболевал и приносили в обитель, тот выздоравливал и выхаживался, а кто из обители без благословения выходил в мир, даже и сестры, напротив, заболевали и умирали. Приехав домой, явились мы к батюшке дать отчет во всем нами по его приказанию сделанном; батюшка был рад, благодарил и тут же приказал, чтобы церковь новая во имя Рождества Богородицы была бы и освящена 8 сентября. В этот день и было в 1830 году совершено освящение Благовещенским архимандритом о. Иоакимом, по желанию батюшки Серафима.

После освящения церкви о. архимандрит, Михаил Васильевич и я по приглашению батюшки отправились все к нему в Саров и, не найдя его в монастыре, пошли в дальнюю пустынку его. Батюшка, увидя нас, был чрезвычайно нам рад и много благодарил отца архимандрита, потом, обратясь ко мне, сказал: “Как же, батюшка, чем же угощать нам на радостях такого гостя? А нельзя не угостить, батюшка, надо угостить, надо!.. Ну, да я и угощение-то приготовил для такого праздника, пойдем-ка!” И, взяв меня за руку, отвел батюшка Серафим в угол пустынки своей. Неизвестно откуда и когда тут вдруг вырос из полу куст малины, и батюшка сказал, показывая на три крупные, спелые и прекрасные ягоды: “Сорви-ка их, батюшка, и угости наших гостей!” Растерявшийся от этого чуда, я с трепетом снял чудные ягоды и подал батюшке, а он стал потчевать ими, говоря: “Кушайте, кушайте, чем убогий Серафим рад угостить вас!” И, положив каждому из нас по ягоде, прибавил: “Это Сама Царица Небесная вас потчует, батюшки!” Отец архимандрит, Михаил Васильевич и я – все мы были поражены этим чудом батюшки Серафима, и таким образом чудно угощенные в сентябре месяце внезапно в пустынке из полу родившимися ягодами, не могли, да и не сумели бы выразить их необыкновенной сладости, аромата, вкуса и вместе сознались, что подобных ягод еще никогда не едали».

Таковы были чудеса, совершившиеся у о. Серафима в обители, в его келье, пустынке, и для убеждения во всем этом необходимы подлинные выражения и описания участников событий, которые поэтому и приводятся здесь в точности.

Глава XII

Деятельность Елены Васильевны Мантуровой. Назначение ее церковницей и ризничей. Пострижение в рясофор. Заповедь о. Серафима о церковном порядке. Заботы о. Серафима о церкви и рассказы сестер, касающиеся церковных послушаний. Распоряжения о. Серафима по приобретению земли под будущий собор и посылка Е. В. Мантуровой к владельцу земли г-ну Жданову. Покупка земли под собор самим о. Серафимом на свои деньги. Просьба его к М. В. Мантурову о сохранении этой земли. Предсказания о. Серафима о соборе. Отъезд М. В. Мантурова в имения генерала Куприянова. Подвиги Е. В. Мантуровой в Дивееве. Польза, принесенная М. В. Мантуровым крестьянам генерала Куприянова. Пелагея Ивановна Серебренникова. Архиепископ Воронежский Антоний

Елена Васильевна Мантурова исполняла все трудные поручения о. Серафима, как образованная особа, но не занимала должности начальницы. Необыкновенно добрая от природы, она явно или видимо ничего не делала, но зато, насколько лишь умела и могла, творила добро тайно, непрестанно и много. Так, например, зная нужду многих бедных сестер, а также нищих, она раздавала им все, что имела и что получала от других, но невидимым образом. Бывало, идет мимо или в церкви и даст кому-нибудь, говоря: «Вот, матушка, такая-то просила меня передать тебе!» Вся пища ее заключалась обыкновенно в печеном картофеле да лепешках, которые так и висели у нее на крылечке в мешочке. Сколько их ни пекли, всегда не хватало. «Что за диво! – говорила, бывало, ей сестра-стряпуха. – Что это, матушка, ведь я смотри-ка сколько лепешек тебе

наложила, куда же девались они? Ведь эдак-то и не наготовишься!» «Ах, родная, – кротко ответит ей Елена Васильевна, – ты уже прости меня Христа ради, матушка, да не скорби на меня; что же делать, слабость моя, уж очень я люблю их, вот все и поела!» Спала она на камне, прикрытом лишь плохим ковриком.

Со времени освящения храмов, пристроенных к Казанской церкви, батюшка о. Серафим назначил Елену Васильевну церковницей и ризничей, для этого он попросил саровского иеромонаха отца Илариона постричь Елену Васильевну в рясофор, что и было исполнено. Отец Серафим надел ей под камилавочку шапочку, сшитую из его поручей. Затем, призвав духовника обители о. Василия, Елену Васильевну и послушницу ее Ксению Васильевну, батюшка о. Серафим строго заповедовал им следующий церковный порядок (см. записки этих лиц):

1) Чтобы в обители все, как ризнические, пономарские, дьяческие и церковниц должности, также клиросы навсегда исправлялись бы только одними сестрами, но непременно девицами. «Так Царице Небесной угодно! Помните это и свято сохраняйте, передав и другим», – сказал батюшка.

2) Пономарки и церковницы должны неопустительно, сколь возможно чаще, приобщаться во все четыре поста, все двунадесятые праздники, не смущаясь мыслью, что недостойны, не пропускать случая сколь возможно более пользоваться благодатью, даруемой приобщением Св. Христовых Таин, стараясь лишь по возможности, сосредоточившись в смиренном сознании всецелой греховности своей, с упованием и твердою верою в неизреченное Божие милосердие, умственно говоря: согрешила, Господи, душою, сердцем, словом, помышлением и всеми моими чувствами! – приступить к святому, всех искупляющему Таинству.

3) Как перед службой, так и по службе пономаршие должны, взойдя в алтарь, испросить благословение служащего священника. Никогда и ни в чем не прекословить в храме служащему священнику. Он служитель есть Самого Господа, кроме разве исключительно чего-либо могущего случиться особо недолжного. И даже как бы незаслуженно ни оскорбил священник, все перенесть молча, смиренно, лишь поклонившись ему.

4) Никогда при какой-либо купле не должно торговаться из церковных вещей: «Скажи лишь, матушка, за сколько хотелось бы тебе что купить! Дадут тебе – благодари; не дадут – никогда не настаивай и не торгуйся; без торгу отдай все, ибо все лишнее от церкви никогда не пропадет. Сам Господь видит и знает и все возвратит!»

5) Зная, кто из сестер пострижен или не пострижен, в случае какой-либо особой нужды никак и никогда не дозволять входить в алтарь непостриженным сестрам.

6) Пречистую от литургии носить в трапезу не иначе, как непременно за литургией же служившей пономарки, вследствие освящения и ее самой от токмо даже присутствования ее постоянного прислуживания при наивысочайшем служении престолу Божией славы.

7) Никогда, Боже упаси, ни ради чего, ни ради кого бы то ни было, кроме молчаливого знака согласия или отречения, не разговаривать в алтаре, как месте присутствования всегда Самого Господа и Сил Его, не дозволяя того и другим, кто бы то ни был, если бы даже пришлось и потерпеть за то. «Сам Господь тут присутствует! И трепеща, во страхе предстоят Ему все Херувимы и Серафимы и вся Сила Божия! Кто же возглаголет пред лицом Его!» – говорил батюшка.

8) Ни под каким видом, предлогом либо делом, ниже щетки, ниже ничего, никогда не брать церковного, боясь за то прещения Божия, ибо во храме все наималейшее принадлежит токмо Единому Богу! И все, хотя и малое, взятое оттуда, есть как бы износимый огнь, все и вся попаляющий.

9) Не смущаться и не огорчаться малым молением или невозможностью исполнить все монашеству положенное по действительно крайнем недосуге церковной уборки и дела, стараясь лишь непременно и на ходу, никогда не прерывая умственной молитвы, прочитывать утром среди дня и на ночь им данное правильце, да, если возможно, всем положенное общее правило, а если уж нельзя, то как Господь поможет! Но 200 поясных поклонов Спасителю, Богоматери, как бы то ни было, каждодневно исполнять обязательно.

10) При освящении храмов неопустительно всегда 40 дней (6 недель) служить в нем все службы.

11) Вытирая пыль и выметая сор из храма Божия, ниже никогда не бросать его так, с небрежением, «токмо прах Храма

Божия свят уже есть!», а, бережно собрав его, сжигать в пещи или бросить в реку проточной воды, или же откидывать в какое-либо особое, а не общее проходное либо сорное место; точно так же поступая и при мытии чего-либо церковного, мыть токмо в проточной же воде или же в особой, нарочито только для сего держимой и свято хранящейся посуде; и воду эту сливать тоже в особо на то чистое или уготованное место.

Отец Серафим говорил им: «Нет паче послушания, как послушание церкви! И если токмо тряпочкою притереть пол в дому Господнем, превыше всякого другого дела поставится у Бога! Нет послушания выше церкви! И все, что ни творите в ней, и как входите и исходите, все должно творить со страхом и трепетом и никогда непрестающею молитвою, и никогда в церкви, кроме необходимо должного же церковного, и о церкви ничего не должно говориться в ней! И что же краше, превыше и преслаще церкви! И кого бо токмо убоимся в ней и где же и возрадуемся духом, сердцем и всем помышлением нашим, как не в ней, где Сам Владыка Господь наш с нами всегда соприсутствует!» Говоря это, батюшка сиял от восторга неземной радостью.

Тогда же дал он заповедь насчет Рождественских церквей. «В верхней церкви Рождества Христова постоянно, денно и нощно гореть неугасимой свече у местной иконы Спасителя, а в нижней Рождества Богоматери церкви неугасимо же денно и нощно теплиться лампаде у храмовой иконы Рождества Богоматери. Денно и нощно читать Псалтирь, начиная с Царской Фамилии, за всех благотворящих обители в этой же самой нижней церкви, 12-ю на то нарочито определенными и переменяющимися по часу сестрами, а в воскресенье неопустительно всегда перед литургией служить Параклис Божией Матери весь нараспев, по ноте». Сказал о. Серафим: «Она вечно будет питать вас! И если эту заповедь мою исполните, то все хорошо у вас будет, и Царица Небесная никогда не оставит вас. Если же не исполните, то без беды беду наживете».

Сведения о построении церквей и о заботах отца Серафима дополняются рассказами Ксении Васильевны, послушницы Елены Васильевны Мантуровой. Так, она свидетельствует (тетрадь № 1):

«При жизни батюшки мы не знали, что такое покупать свеч, – говорит монахиня Капитолина, – потому ему много

всего приносили, а он-то, родименький, бывало, и блюдет все для своего Дивеева, так что даже и по смерти его у нас еще много осталось запасного елею и целые три сундука свеч, что он подавал. Много также заботился о Рождественской церкви, много жертвовал для нее, сам посылал купить колокола на нее и диво, да и только: колокола-то маленькие-маленькие, вовсе маленькие, а зазвонят-то так звонко, точно музыка будто подобранная, и весело на душе, как подымется этот сладкий серебряный звон их. И образов много в церкви батюшкиных; есть и сосуды; все это батюшка нам надавал и много койчего в ризнице. И все, бывало, придешь к нему, особенно за последнее время, а он только говорит и заботится о своей церкви: "Да все ли у нас есть-то, матушка, все ли есть-то, не надо ли чего?" Все, батюшка, бывало, ответишь ему. "Ну, и слава Богу, радость моя, возблагодарим Господа!" – заговорит он, крестясь торопливо. А после смерти-то батюшки много тоже кой-чего осталось у нас после него, родимого; вся одежда, что была, нам досталась: епитрахили две, нарукавники, шуба, кафтан, камилавка, шапочка, вот больным-то и надевают на голову, ну и проходит боль-то, полумантия, сапоги, башмаки, лапти, рукавицы и топор, и все, все после батюшки. Есть у нас также четки, им самим сделанные из дерева, так вот мы все на бесноватых-то их надеваем, и много раз случалось, как наденут их на них-то, они и не смогут выносить их, так и разорвут и бросят, а потом и выздоровеют; оттого вот много из них потеряно, а уж как бережем. А как раз батюшка на меня рассердился, вот я расскажу. Послали меня к нему за деньгами; я прихожу да и говорю: "Батюшка, пожалуйте нам денег, больно нужно!" "На что это?" – спрашивает. "Да вот, – говорю, – нужда была, так заняли, отдавать надо, батюшка!" Вот он и дал, что нужно, а я-то и говорю: "Еще, батюшка, пожалуйте!" Вот как он родименький-то услыхал, да как глянет на меня-то, да так это серьезно: "Да что уж это ты говоришь, посмотри-ка сколько!" – и так это горячо сказал. "Да ведь нужно, – говорю, – батюшка; ибо всего уж и так вам не говорим, а вот нужда-то была, так из церковных брали, где ж взять-то, батюшка, взять-то ведь негде!" "Нет, нет, радость моя, – сказал батюшка заботливо и мягко, – не надо брать, что дадено в церковь, не подобает брать, матушка, не подобает, не надо!" И сейчас же дал мне денег, приказывая отдать все, что из церковных взято.

Раз стала я жаловаться сама на себя, на мой горячий, вспыльчивый характер, а батюшка и говорит: "Ах, что ты, что ты говоришь, матушка, у тебя самый прекрасный, тихий характер, матушка, самый прекрасный, смирный, кроткий характер!" Говорил-то он это с таким ясным видом и так-то смиренно, что мне это его слово: тихий-то да кроткий – пуще всякой брани было, и стыдно мне стало так, что не знала, куда бы деваться-то, и стала я смирять свою горячность-то все понемногу. А как батюшка-то любил нас, просто ужас да и только, и рассказать-то уж я не умею. Бывало, придешь это к нему, а я, знаешь, всегда эдакая суровая, серьезная была, ну вот и приду, а он уставится на меня да и скажет: "Что это, матушка, к кому это ты пришла-то?" "К вам, батюшка", – отвечу я. "Ко мне, – скажет он, – да и стоишь, как чужая, ко мне-то, к отцу-то, что ты, что ты, матушка!" "Да как же, батюшка, – бывало, скажу я, – как же" "А ты приди, да обними, да поцелуй меня, да не один, а десять раз поцелуй-то, матушка", – ответит он. Бывало, и скажешь: "Ах, да как же это, батюшка, да разве я смею!" – "Да как же не смеешь-то, ведь не к чужому, ко мне пришла, радость моя, эдак к родному не ходят, да где бы это ни было, да при ком бы ни было, хотя бы тысяча тут была, должна прийти и поцеловать, а то что стоишь, как чужая!" А еще раз наказывал нам батюшка, чтобы всем "ты", а не "вы" говорить. "Что это за «вы», матушка, это все нынешний-то век, нынешние-то люди придумали, а надо всем «ты» говорить, вот и вы, матушка, всем без различия «ты» говорите, так Сам Господь указал нам", – сказал батюшка. "Кто паче Бога и выше Его, а и Господу «ты» говорим, и кольми паче так же должны говорить и человеку!" Батюшка запрещал мне быть слишком строгой с молодыми, напротив, еще приказывал бодрить их. Не дозволяя сквернословие или что-либо дурное, он никогда никому не запрещал веселости. Вот, бывало, спросит: "Что, матушка, ты с сестрами-то завтракаешь, когда они кушают?" "Нет, батюшка", – скажешь. "Что же так, матушка? Нет, ты, радость моя, не хочется кушать, не кушай, а садись всегда за стол с ними, они, знаешь, придут усталые, унылые, а как увидят, что ты сама села и ласкова, и весела с ними, и бодра духом, ну и они приободрятся и возвеселятся, и покушают-то более с велией радостью; ведь веселость не грех, матушка, она отгоняет усталость, и от усталости ведь уныние бывает, и хуже его нет. оно

все приводит с собою. Вот и я, как поступил в монастырь-то, матушка, на клиросе тоже был, и какой веселый-то был, радость моя, бывало, как ни приду на клирос-то, братья устанут, ну и уныньe нападет на них, и поют-то уж не так, а иные и вовсе не придут. Все соберутся, я и веселю их, они и усталости не чувствуют, ведь дурное что говорить ли, делать ли нехорошо и в храме Божием не подобает, а сказать слово ласковое, приветливое да веселое, чтобы у всех перед лицом Господа дух всегда весел, а не уныл был, — вовсе не грешно, матушка", — говорил так батюшка Серафим. "Молишься ли ты, радость моя?" — раз спросил меня батюшка. "Ах, батюшка, уж какая молитва-то, грешница, иной раз и времени-то нет!" — ответила я. "Это ничего, — сказал батюшка, — я вот и хотел сказать тебе, ты не огорчайся этим, есть время, так в праздности не будь, исполняй все и молися, а если нет времени, так ты, радость моя, только правильце-то мое прочти утром, среди дня да на ночь, хоть и ходя на работе-то, да еще вот правило-то, если можно, а уж если нельзя, ну, так, как Господь тебе поможет, только вот поклоны-то Спасителю и Божией Матери уж хоть как-нибудь, а исполняй, непременно исполняй, матушка!"»

Старшая в мельничной обители о. Серафима Прасковья Степановна говорит (тетрадь № 1), что ей сообщил сосед по келье с батюшкой о. Павел, будто он звал о. Серафима на освящение Рождественской церкви, которую Михаил Васильевич выстроил на свои деньги, а батюшка ответил ему: «Нет, зачем их смущать, не пойду! И ты не ходи. Им лучше дать, что нужно, они сами все сделают и распорядятся всем, как следует, а ходить нам к ним не надобно».

В жизнеописании о. Серафима (Саровское изд. 1893 г., с. 112) говорится, что за колоколами для Рождественской церкви о. Серафим посылал нарочно на нижегородскую ярмарку, а за священными сосудами — в Москву, дав на них свои деньги. Другой прибор он дал церковнице Ксении Васильевне из своих рук, третий прислала из Москвы княгиня Голицына, еще до освящения церкви. Некоторые вещи из облачения о. Серафим передал через о. Василия Садовского. Кроме того, в разное время присланы были от него в благословение обители следующие иконы: 1) небольшой образ Казанский Божией Матери, 2) средней величины образ преподобного Сергия, Радонежского чудотворца, 3) образ прпп. Кирилла и Марии и

4) складни в серебряной ризе, с изображением Спасителя, Божией Матери, св. Иоанна Предтечи и некоторых других угодников Божиих. Все сии иконы сохраняются в обители до сего дня в Рождественской церкви.

Старица Устинья Ивановна повествует так (тетрадь № 1): «С моего поступления батюшка благословил мне послушание петь на клиросе и чтобы я твердо знала весь устав церковный, и его святыми молитвами я успела в этом. Пению учили нас всех саровские иеромонахи о. Назарий и о. Корнилий. Параклис Божией Матери тоже они учили, и батюшка приказывал мне, чтобы у нас так же, как в Сарове, пели попеременно оба канона, а обиходной ноте учил нас священник о. Василий. Труды, нужды и скорби приводили меня в уныние, хотела уже выйти из обители. Вся в духе расстроенная, прихожу однажды к батюшке о. Серафиму и призналась откровенно, что у меня в мыслях. Он не соизволил нетерпению моему и сказал: "Никакой нет дороги тебе оставлять обитель, это твой единый путь. Если бы ты знала, матушка, какая раба Божия заводила то место: одежда ее была многошвейная, плат ветхий, а зеницы не пересыхали от слез; и доныне я стопы ее лобызаю. Ходи, матушка, на ее гроб каждый день и, поклонившись, говори: Госпожа наша и мать, прости меня и помолися о мне, как ты прощена от Господа, так и мне быть прощенной, и помяни меня у престола Божия"».

Старица Екатерина Егоровна (впоследствии монахиня Евдокия) говорит (тетрадь № 1), что начальница в Казанской общинке Ксения Михайловна назначила ее печь просфоры для Рождественской церкви. «Я пошла к батюшке просить на это его благословения, – повествует она. – Батюшка ответил мне: "Давно бы так, матушка! Я говорил Ксении Михайловне, что просфорня у меня готова". И начал мне петь громко на ухо тропарь Введению во храм Пресвятой Богородицы. "Так-то и ты, – продолжал батюшка, – прилепись всем сердцем к церкви Божией, служи ей с любовью, всеми своими силами, а для черных работ у нас много будет сестер" С тех пор и доныне молитвами батюшки прохожу я это послушание».

Все эти уставы и завещания о. Серафима свято исполняли начальницы и сестры Дивеевской общины. Уклонения же от них влекли за собою весьма неприятные последствия для обители. Так, мы знаем уже завещание о. Серафима, чтобы

в созданном им храме Рождества Христова читалась всегда Псалтирь, по обычаю обители неусыпаемая, перед иконою Спасителя горела неугасимая свеча, а перед образом Матери Божией – лампада, и что, если это будет в точности исполняться, община не потерпит ни нужды, ни беды, и масло на эту потребность никогда не оскудеет. И точно, Ангел мира охранял обитель, пока соблюдалось это завещание, с особенной силой и условием данное. Но в один день церковница Ксения Васильевна, бывшая в послушании у Елены Васильевны Мантуровой, по благодати Божией и доныне пребывающая в живых, вылила, сколько было, последнее масло в лампаду, и откуда получить его более – не предвиделось. Это было во время богослужения. Когда все вышли из храма, она, приблизившись к иконе, увидела, что масло все выгорело и лампада потухла. С горестными чувствами она отошла от лампады и, вспомнив невольно завещание о. Серафима, подумала: «Если так несправедливыми оказались слова о. Серафима, потому что для лампады нет теперь ни масла, ни денег, то, может быть, и во всех других случаях не сбудутся его предсказания, исполнения которых мы, несомненно, ожидали». Тысячи сомнений волновали душу сестры, и вера в прозорливость старца начала оставлять ее. В столь неприятном расположении духа Ксения Васильевна, закрыв лицо руками, на несколько шагов отступила от иконы Спасителя. Вдруг слышит треск... Восклонив голову, она увидела, что лампада загорелась; подошла ближе к ней и заметила, что стакан лампады полон масла и на нем два серебряных рубля. В смятении духа она заперла церковь и спешила поведать дивное видение старице своей Елене Васильевне. На пути ее застигла одна сестра, с которой был крестьянин, искавший церковницу и что-то желавший передать ей. Крестьянин этот, увидевши Ксению Васильевну, спросил:

– Вы, матушка, здесь церковница?

– Я, – отвечала сестра Ксения. – А что тебе нужно?

– Да вот батюшка о. Серафим завещал вам о неугасимой лампаде, так я принес тебе 300 рублей ассигнациями денег на масло для лампады, чтобы она горела за упокой родителей моих.

При сем он назвал имена усопших родителей и подал деньги.

Сомнения сестры в прозорливости старца и в истинности его завещания тотчас рассеялись: она устыдилась их и поскорбела о своем неверии.

Впоследствии, когда в Дивееве выстроен был новый храм, церковь о. Серафима заперли, Псалтирь вынесли из нее, свеча и лампада не горели. Обитель после этого случая потерпела много искушений, и между ее подвижницами существует убеждение, что Господь попустил это за несохранение уставов о. Серафима. Отступление это было следствием вмешательства в управление Дивеевской обителью стороннего лица.

По построении Рождественских церквей в Дивееве о. Серафим занялся приобретением земли под будущий собор, о котором он столько предсказывал сиротам своим. Для этого он опять призвал своего верного послушника и друга, Михаила Васильевича Мантурова, и приказал ему вымерить и пометить землю, принадлежавшую в чрезполосном владении г-ну Жданову, недалеко от Казанской церкви. Затем дал поручение Елене Васильевне съездить к г-ну Жданову и купить у него эту землю за триста рублей, которые батюшка и передал ей. «Святой царь Давид, — сказал он Елене Васильевне, — когда восхотел соорудить храм Господу на горе Мории, то гумно Орны туне не принял, а заплатил цену; так и здесь. Царице Небесной угодно, чтобы место под собор было приобретено покупкою, а не туне его получить. Я бы мог выпросить земли, но это Ей не угодно! Поезжай в город Темников к хозяину этой земли Егору Ивановичу Жданову, отдай ему эти мои деньги и привези бумажный акт на землю!»

Елена Васильевна поехала в Темников со старицей Ульяной Григорьевной и отыскала там г-на Жданова, которому и передала желание батюшки о. Серафима. «Как?! — воскликнул он в удивлении, — вы хотите, чтобы я продал этот столь малый и единственно мне принадлежащий клок земли дивному Серафиму! Полноте, матушка, вы шутите, вероятно, берите даром!» Но выслушав все рассказанное Еленой Васильевной и знаменательные слова старца, Жданов, крайне удивленный, хотя и нехотя, но беспрекословно, не смея ослушаться, принял присланные ему деньги и выдал на землю купчую (записки о. Василия).

Тут произошло чудо. Сам Егор Иванович Жданов впоследствии лично рассказывал (игуменье Марии Ушаковой) следующее: в то время, после смерти родителей, у него осталась большая семья, так что он был принужден, как старший, выйти в отставку, чтобы воспитать всех и добыть им насущный

кусок хлеба. Все дела были страшно запутаны, и пришлось переживать большую нужду и бедность. Как раз в это время приехала от батюшки Серафима Елена Васильевна Мантурова и насильно вручила триста рублей за землю. Непонятно, сверхъестественно начали с этих денег устраиваться дела его, и Бог помог всех устроить. Кто вышел в люди, кто женился, кого замуж выдали и т. д.

Когда Елена Васильевна возвратилась к о. Серафиму с купчей, то он пришел в неописанный восторг и, целуя бумагу, воскликнул: «Во, матушка, радость-то нам какая! Собор-то у нас какой будет, матушка! Собор-то какой! Диво!» И приказал батюшка списать с нее для него копию, а настоящую бумагу хранить бережно Елене Васильевне до ее смерти, а потом передать Михаилу Васильевичу. Предвидя все прозорливым оком, он умолял Михаила Васильевича всеми силами сберечь и сохранить эту землю для постройки собора, когда придет тому время. «На то она так и драгоценна, батюшка, что в то время нам крайне занадобится!» – сказал о. Серафим (записки о. Василия).

Чудны правдивые рассказы и свидетельства необыкновенно праведных и простых стариц дивеевских, так называемых сирот Серафимовых, с которыми сам великий старец беседовал просто, мудро, откровенно и любовно. Старица Прасковья Ивановна (впоследствии монахиня Серафима) повествует нам следующее (тетрадь № 6):

«Батюшка говорил мне: “У вас матушка-то первоначальница, мать Александра, больших и высоких лиц была! Я и поднесь ее стопы лобзаю! Вот она обитель заводила, а я ее возобновлю! Там будет лавра [15]... Она почивает в мощах! Много ли их там, матушка?” Я молчала, недоумевая... Склонил батюшка головку, минутку спустя сказал твердым голосом: “Там? – Три”. Потом опять спросил: “А что, матушка, много ли места-то от Казанской церкви, от самого алтаря ее, до мельницы?” “Да тут десятины три будет, батюшка, – ответила я, – но земля-то эта ведь чужая, только в серединке место ваше, что под собор купили, а кругом живут церковники, да хлеб засевают мирские” Он опять спросил: “А от соборного-то места, матушка, до мельницы далеко ли и хороша ли тут земля?” Я говорю: “Земля-то хороша, батюшка, да ведь она не наша!” А он будто и не слышит, говорит мне: “Ну вот, матушка,

по правую-то сторону будет трапеза...” Я перебила его и опять говорю: “Батюшка, да место-то хотя тут и очень большое, и земля-то хороша, но ведь она засеяна мирскими!” Замолчал батюшка, склонил голову, потом вдруг и сказал: “Надобно променять!”»

Впоследствии это сбылось, благодетели Дивеева и верные слуги батюшки о. Серафима Михаил Васильевич Мантуров и Николай Александрович Мотовилов частью скупили чрезполосные владения и частью променяли их.

Великая старица Евдокия Ефремовна (монахиня Евпраксия) рассказывала (тетрадь № 1, рассказ 17), что однажды батюшка ей сказал: «Вот этот лес, что Горячев ключ-то называется, это наш лес будет, матушка (что и исполнилось в 1869 году)! Тут могут быть и пчелки у нас, потому что хороший приют тут будет, и вода близко, и всякий цвет! А воск-то занадобится нам, матушка, свечки Богу будем работать. А жители-то, жители-то, все вокруг нам служить будут, радость моя! И какая радость-то будет, но мы не доживем, и я не доживу, как собор-то у нас пятиглавый будет! Только и ты, матушка, не узришь, как это совершится! А будет-то он в средине двух церквей, против Казанской церкви, а тут напротив нее будут святые врата, и какая радость-то будет, какая радость-то будет! Казанскую церковь вам отдадут, а приходскую-то на селе поставят, где Полуешкин-то живет; и священнослужителей тут уже не будет, и пойдет ограда каменная вплоть до речки, и все наше будет! А на приходском кладбище трапеза будет и мост, с Пречистой-то туда так прямо и будут ходить, как у нас в Сарове. Во, что будет-то, матушка! Хоть ты и не доживешь, как собор-то совершится, а ведь какая радость-то тогда будет! Четверо мощей будут у нас, матушка! Вот какая радость-то будет, матушка! [16] Какая великая радость-то будет! Среди лета запоют Пасху, радость моя! Приедет к нам Царь и вся Фамилия! Дивеево-то лавра будет, Вертьяново — город, а Арзамас — губерния! Станут все приходить к нам, матушка, запираться для отдыха-то будем; станут деньги давать, только берите; в оградку станут кидать, а нам уже не нужно, много своих тогда будет, матушка!»

Другая старица Евдокия Трофимовна, впоследствии монахиня Евстолия, свидетельствует, как высоко ставил батюшка о. Серафим свой Дивеев, избранный Царицей Небесной Себе в четвертый жребий на земле. «Я пришла еще мирскою с това-

рищами получить лишь благословение батюшкино, – говорила старица, – а вместо того, увидав меня, о. Серафим приказал мне прямо бросить все и идти к его девушкам в Дивеев. Не полюбилось мне это ужасно, но, не смея ослушаться, пошла я, и так не понравился мне Дивеев, что ушла я к себе домой, не сказавшись. Через год некоторые собирались идти на богомолье в Киев, пошла и я с ними. Прежде мы зашли в Саров к батюшке Серафиму. Я полагала, что батюшка позабыл меня совсем за год-то. Напротив, тут же, благословляя, он узнал меня, сказав: "Ступай в Дивеев, нет тебе другого пути! У меня в Дивееве, матушка, и Киев, и Лавра, и Киновия"».

Это же о. Серафим говорил многим: «Кто в Дивееве у меня живет, не для чего ему никуда ходить, ни в Иерусалим, ни в Киев, пройди по канавке-то с четочками, прочти полтораста Богородицу, – тут у меня Иерусалим и Киев!»

Та же Евдокия Трофимовна рассказывала (тетрадь № 6, рассказ № 52), что однажды она работала с сестрою Ириной Семеновной у батюшки в пустынке, и он, любя ее очень, много пророчески говорил. «Вот, матушка, – начал о. Серафим, сев у источника, – скажу вам, придет время, у нас в обители все будет устроено; какой собор будет! Какая колокольня! А кельи и ограда будут каменные, и во всем будет у нас изобилие!» После этого о. Серафим вдруг заплакал и сказал: «Но тогда жизнь будет краткая. Ангелы едва будут успевать брать души. А кто в обители моей будет жить, всех не оставлю; кто даже помогать будет ей, и те муки будут избавлены! Канавка же будет вам стеною до небес, и когда придет Антихрист, не возможет он перейти ее; она за вас возопиет ко Господу и стеною до небес станет и не впустит его! А колокол-то Московский, который стоит на земле, около колокольни Ивана Великого, он сам придет к вам по воздуху и так загудит, что вы пробудитесь и вся вселенная услышит и удивится».

«Знаешь ли ты, матушка, где Мишенька-то (Мантуров) живет?» – спросил о. Серафим сестру Акулину Ивановну Малышеву (тетрадь № 6, рассказ 61). «Знаю, кормилец!» – ответила она. «Ну, вот, – продолжал старец, – мы его снесем на угол, а тут, где он теперь-то живет, против него будет собор! Видишь ли, вот эдак будет порядок, на четыре угла, Акулинушка, а собор-то у нас в середочках! А где мирское-то кладбище, знаешь, что ли, матушка?» «Знаю», – говорит она. «Так вот это-то самое

место, матушка, будет у нас коренная трапеза; а это-то, что кривая у вас, гостей принимать будет! А мы, матушка, как собор-то состроим и балясы голубые у нас будут, так прямо из собора в трапезу-то и пойдем. Вот как будет у нас, Акулинушка!»

Ничего тогда в Дивееве не было, и удивлялась старица, о какой такой трапезе говорил батюшка, указывая как бы уже на имеющуюся, называя ее «кривою», но впоследствии иеромонах Иоасаф, выдававший себя за ученика Серафимова, выстроил в Дивееве трапезу, которая по поспешности постройки вышла кривая.

Протоиерей о. Василий Садовский говорит в своих записках (тетрадь № 6, рассказ 74), как он однажды посетил батюшку Серафима, который его спросил: «Как, батюшка, думаешь, хорош ли Саров?» «Как не хорош, батюшка, — ответил о. Василий, — чего же еще лучше!» «Во, во, батюшка! — воскликнул о. Серафим в восторге. — Ведь Саров-то только рукав, а Дивеево-то — целая шуба!» И до трех раз повторил это о. Серафим, а затем спросил: «А хорош ли собор-то у нас, батюшка?» «Хорош, батюшка», — ответил о. Василий. «Хорош, батюшка, как не хорош, очень хорош! — продолжал о. Серафим. — А я тебе говорю, что у нас в Дивееве еще лучше того собор будет! И в моем-то соборе у нас-то в Дивееве все иконы, какие только ни есть на всем свете и даже на Афоне, всех явлений Матери Божией, у меня-то в соборе все они, батюшка, будут!» [17]

Но вот пришло время расстаться о. Серафиму с его любимым послушником и другом Михаилом Васильевичем Мантуровым. Началась польская война, и некий генерал Куприянов приехал в Саров испросить благословение о. Серафима на предстоящий поход. Он был очень богат, владел большими имениями и, познакомившись у о. Серафима с Михаилом Васильевичем, который, конечно, произвел сильное впечатление на генерала своей духовностью и самоотвержением, начал просить о. Серафима уступить ему на время похода Михаила Васильевича, а последнего умолял принять должность его главноуправляющего. Материальное положение Мантурова крайне тяготило его и в особенности жену, так что предложение Куприянова представилось как случай заработать деньги. Михаил Васильевич ответил Куприянову, что он ничего не может и никогда не делает без благословения

батюшки. Не успел он сказать слово о. Серафиму, как старец сам произнес: «А тебя, радость моя, хотят просить у меня! Да, да; ну, что же делать, служил ты мне верно, жаль мне тебя, а отказать тоже нельзя, ведь он царю нужен. Поезжай, послужи, батюшка, человек он ратный, а мужички бедные брошены, совращены, и плохо жить им; так бросить их нельзя. Вот ты и займись ими, радость моя, обходясь кротко да хорошенько, они тебя полюбят, послушают, исправятся и возвратятся ко Христу! Для того-то больше я тебя и посылаю; ты и госпожу-то свою жену возьми с собою». Затем, обратясь к Анне Михайловне, батюшка сказал: «А ты, матушка, будь женою разумною, ведь он горяч, Мишенька-то, ты горячиться-то ему не давай, и чтобы он тебя слушался!»

Таким образом из святого послушания к святому старцу М. В. Мантуров отправился с женой в отдаленную губернию спасать заблуждающийся в расколе народ и управлять делами генерала Куприянова.

Елена Васильевна, по освящении Рождественских церквей поставленная о. Серафимом ризничей и церковницей их, продолжала свою строгую и святую жизнь. Она старалась исполнить все до наималейшего заповеданное ей о. Серафимом. Она безвыходно пребывала в церкви, читала по шести часов кряду Псалтирь, так как мало было грамотных сестер, и, понятно, поэтому ночевала в церкви, немного отдыхая на камне где-нибудь в сторонке на кирпичном полу. С нею чередовалась в чтении Псалтири послушница ее Ксения Васильевна, и когда наступала очередь Елены Васильевны, то она, боясь оставаться одна в церкви, бывало, клала у себя в ногах у аналоя Ксению, говоря ей: «Не спи, Ксеньюшка, Бога ради, а то я боюсь, уснешь ты, я одна и останусь!» «Не стану, матушка, не стану!» – отвечала ей Ксения, еще молодая, здоровая и засыпавшая очень быстро после дневного утомления. Увидя Ксению спящей, Елена Васильевна пугалась, начинала бранить ее и сердиться. «Ведь вот ты какая, – говорила Елена Васильевна, – как я тебя просила!» Боязнь возбуждалась в Елене Васильевне не без основания, так как враг человечества, не терпящий в людях добродетели, пугал ее. Так, раз она читала в церкви, а Ксения уснула, и вдруг с верхней паперти кто-то пустился бегом по лестнице, прямо в нижнюю дверь, ворвался в церковь, где она молилась, и грохнулся изо всей

силы с таким шумом, громом и треском, что даже спящие сестры вскочили. Елена Васильевна помертвела и упала в обморок. Сестры кинулись к ней, еле привели бедную в чувство, а затем все-таки с ней сделался припадок. В другой раз Елена Васильевна лежала и дремала, а Ксения справляла свою череду. Когда же Ксения окончила, то, не желая ее будить, тихонько затушила свечу и прилегла возле Елены Васильевны. Была лунная ночь. Вдруг, проснувшись, Елена Васильевна видит, что кто-то вышел из алтаря, с расчесанными волосами на голове, и стал молиться у ее изголовья... «Видно, Ксения!» — подумала она, стараясь себя успокоить, но в это время слышит, что возле нее лежит Ксения, и вздохнула... Тогда Елена Васильевна вся затряслась с испуга. Видение притягивало ее взор, и луна освещала молящуюся фигуру у ее изголовья. Она хотела подняться, вскрикнуть, но не могла и замерла... Когда проснулась Ксения, никого не было, а несчастная Елена Васильевна лежала в обмороке. Однажды во время дневного чтения Псалтири Елена Васильевна увидала, как из пустого алтаря вышла девушка необыкновенной красоты с распущенными волосами, остановилась перед Царскими дверьми, помолилась неспешно и исчезла в боковую же дверь. Также днем была она раз одна в церкви, читала Псалтирь перед каким-то большим праздником, и услышала стук в запертую дверь церкви, повторившийся несколько раз. Полагая, что это стучится пришедшая ей на смену сестра, она отворила дверь и тут же упала, так как перед нею стоял кто-то в саване. Все это, часто повторявшееся, заставило Елену Васильевну нарочно сходить к батюшке Серафиму, рассказать ему и просить его указания, заступления и молитвы. Отец Серафим утешил, ободрил ее и навсегда запретил ей оставаться одной в церкви. С тех пор ничего подобного не являлось уже более.

Как предсказал о. Серафим Михаилу Васильевичу Мантурову, так и случилось все в продолжение его службы управляющим имением генерала Куприянова. Крестьяне были разорены дурными управителями, поэтому отличались грубостью, недоверчивостью, ожесточенностью и почти все были вовлечены в раскол. Помня завет и приказание батюшки, Михаил Васильевич стал обходиться с ними честно, терпеливо, ласково, снисходительно, вместе правдиво и мало-помалу приобрел такую любовь в них, что недоверие и жестокость исчезли,

крестьяне начали стекаться к нему отовсюду, как дети к отцу, совершенно изменились и преобразились из нищих в самостоятельных крестьян. Местность этого имения была болотиста и подвержена злокачественной лихорадке; сам Михаил Васильевич еле остался жив, а народ умирал непрестанно. Он тотчас написал сестре Елене Васильевне, прося сообщить о. Серафиму о его болезни и испросить указания его, каким средством избавиться от лихорадки. Отец Серафим дал заповедь Михаилу Васильевичу никогда ничем не лечиться, ни к каким докторам не обращаться и не принимать никаких лекарств. Елена Васильевна точно исполнила приказание брата и, получив благословение батюшки, написала ему, что о. Серафим не приказал ничем лечиться, кроме как есть мякоть теплого хорошо испеченного хлеба. Михаил Васильевич был уже до того слаб, что еле мог с великим трудом прожевать кое-как маленький кусочек мякиша, который произвел сильнейшее слабительное действие, и тем кончилась болезнь. Мантуров, выздоровев, стал лечить таким же образом всех больных и вылечивал. Видя явное чудо, крестьяне решили бросить раскол и возвратиться в лоно своей Церкви.

К этому времени относится вторичное уже посещение отца Серафима Пелагеей Ивановной Серебренниковой, великой и блаженной рабой Божией, которую он направил для жительства в Дивеевскую обитель, поручая ей после своей смерти охранять сестер ее молитвами и направлять малодушных и заблуждающихся.

Пелагея Ивановна родилась в октябре месяце 1809 года в городе Арзамасе от купца Ивана Ивановича Сурина и жены его Прасковьи Ивановны, урожденной Бебешевой. Отец ее жил довольно богато, хорошо торговал, имел свой кожевенный завод и был человеком умным, добрым и благочестивым. Промысл Божий устроил так, что он вскоре умер, оставив жену и троих малолетних сирот — сыновей Андрея и Иоанна и дочь Пелагею. Затем жена его вскоре вышла вторично замуж за купца Алексея Никитича Королева, также вдовца, у которого после первой жены осталось шесть человек детей. Королев был человек суровый и строгий, он внес раздор в семью Суриных, так как дети его не полюбили детей Прасковьи Ивановны. Жизнь маленькой девочки Пелагеи сделалась невыносима в доме отчима, и неудивительно, что в ней роди-

лось желание уйти от таких родных. Господь необыкновенно рано призвал ее к ее трудному подвигу. По рассказам матери ее, «с малолетнего еще возраста с дочкой ее Пелагеей приключилось что-то странное, будто заболела девочка и, пролежавши целые сутки в постели, встала не похожей сама на себя. Из редко умного ребенка вдруг сделалась она какою-то точно глупенькой. Уйдет, бывало, в сад, поднимет платьице, станет и завертится на одной ножке, точно пляшет. Уговаривали ее и срамили, даже и били, но ничто не помогало, так и бросили». Нельзя из этого рассказа матери не видеть, что Пелагея Ивановна с самых ранних лет обнаруживала в себе необыкновенное терпение и твердую волю. Она выросла стройной, высокой, красивой, и мать ее, как только минуло ей 16 лет, постаралась поскорее выдать замуж «дурочку». По старинному обычаю, пришел на смотрины невесты один мещанин г. Арзамаса Сергей Васильевич Серебренников со своей крестной матерью, человек молодой, но бедный и сирота, служивший приказчиком у купца Попова. По обыкновению сели за чай и привели невесту Пелагею Ивановну, наряженную в богатое платье. Взявши свою чашку, она, дабы оттолкнуть от себя жениха, не имея ни малейшего желания выходить замуж, стала дурить. Например, отхлебнет чаю из чашки да нарочно ложкой польет на каждый узорный цветок на платье; польет да и пальцем размажет. Видит мать, что дело плохо: заметят, что дурочка, да, пожалуй, и замуж не возьмут; самой остановить нельзя, еще будет заметнее, вот и научила она работницу: «Станешь, мол, чашку-то подавать, незаметно ущипни ты дуру-то, чтобы она не дурила». Работница в точности исполнила данное ей приказание, а Пелагея Ивановна нарочно и выдала свою мать. «Что это, – говорит, – маменька? Или уже вам больно жалко цветочков-то? Ведь не райские это цветы». Все это заметила крестная мать жениха и советовала ему, несмотря на богатство, не брать ее, глупенькую. Жених же, видевший ее притворство и думая, что родители в нем виноваты, все-таки решился жениться, и 23 мая 1828 года Пелагею Ивановну выдали замуж за Сергея Васильевича Серебренникова. Венчали их в Богословской церкви города Арзамаса. Вскоре после брака Пелагея Ивановна поехала с мужем и матерью в Саровскую пустынь. Отец Серафим ласково принял их и, благословив мать и мужа, отпустил их в гостиницу,

а Пелагею Ивановну ввел в свою келью и долго-долго беседовал с нею. О чем они беседовали, это осталось тайной между ними. Между тем муж, ожидавший ее в гостинице, видя, что им пора ехать домой, а жены все нет как нет, потерял терпение и, рассерженный, пошел вместе с матерью разыскивать ее. Подходят они к Серафимовой келье и видят, что старец, выводя Пелагею Ивановну из своей кельи за руку, до земли поклонился ей и с просьбой сказал ей: «Иди, матушка, иди не медля в мою-то обитель, побереги моих сирот-то; многие тобою спасутся, и будешь ты свет миру. Ах, и позабыл было, — прибавил старец, — вот четки-то тебе, возьми ты, матушка, возьми». Когда Пелагея Ивановна удалилась, тогда о. Серафим обратился к свидетелям события и сказал: «Эта женщина будет великий светильник!» Муж Пелагеи Ивановны, услыхав столь странные речи старца, да вдобавок еще видя четки в руках жены своей, обратился с насмешкой к теще своей и говорит ей: «Хорош же Серафим! Вот так святой человек, нечего сказать! И где эта прозорливость его? И в уме ли он? На что это похоже? Девка она, что ль, что в Дивеево-то ее посылает, да и четки дал». Но тайная, продолжительная духовная беседа с дивным старцем имела решительное влияние на дальнейшую жизнь Пелагеи Ивановны. Вскоре подружилась она в Арзамасе с одной купчихой, по имени Параскева Ивановна, тоже подвизавшейся в подвиге юродства Христа ради, и под ее руководством научилась непрерывной молитве Иисусовой, которая начала в ней благодатно действовать и которая сделалась постоянным ее занятием на всю ее жизнь. Дома целые ночи она проводила в молитве. Одна старушка, бывшая сверстницей и подругой Пелагеи Ивановны в молодых летах, рассказывала, что в ночное, от всех сокрытое время Пелагея Ивановна почти целые ночи, стоя на коленях лицом к востоку, молилась в холодной стеклянной, к их дому пристроенной галерее. И это хорошо было известно старушке, потому что жила она напротив Серебренниковых. «Ну и судите сами, — прибавляла она в простоте сердца, — весело ли было ее мужу? Понятно, не нравилось. Эх, да что и говорить? Я ведь хорошо знаю весь путь-то ее; великая была она — раба Божия». С молитвенными подвигами она вскоре стала соединять и подвиг юродства Христа ради и как бы с каждым днем теряла более и более рассудок. Бывало, наденет на себя самое

дорогое платье, шаль, а голову обернет какою-нибудь самой грязной тряпкой и пойдет или в церковь, или куда-нибудь на гулянье, где побольше собирается народу, чтобы ее все видели, судили и пересмеивали. И чем более пересуждали ее, тем более радовали ее душу, которая искренно пренебрегала и красотою телесною, и богатством земным, и счастьем семейным, и всеми благами мира сего. Но зато тем больнее и скорбнее приходилось мужу ее, не понимавшему великого пути жены. И просил, и уговаривал ее Сергей Васильевич, но она ко всему оставалась равнодушной. Когда родился у них первый сын Василий, то Пелагея Ивановна точно не рада была его рождению. Многие родственницы хвалили мальчика и говорили: «Какого хорошенького сынка дал вам Бог!» А она во всеуслышание и при муже отвечала: «Дал-то дал, да вот прошу, чтоб и взял. А то что шататься-то будет». Когда родился второй сын, то Пелагея Ивановна к нему отнеслась одинаково. С этого времени муж перестал щадить ее. Вскоре оба мальчика умерли, конечно, по молитве блаженной. Сергей Васильевич начал ее страшно бить, вследствие чего Пелагея Ивановна, несмотря на свою здоровую и крепкую натуру, видимо начала чахнуть и затем порешила во что бы то ни стало окончательно удалиться от мужа. Через два года родилась у Пелагеи Ивановны дочка, и как только Бог послал ее, блаженная, не глядя на нее, принесла дитятю в подоле своего платья к матери и, бросив на диван, сказала: «Ты отдавала, ты и нянчись теперь, я уже больше домой не приду!» Пелагея Ивановна начала ходить по улицам Арзамаса от церкви к церкви и все, что ни давали ей жалости ради или что ни попадало ей в руки, все уносила она с собой и раздавала нищим или ставила свечи в церкви Божией. Муж, бывало, поймает ее, бьет чем ни попало, поленом — так поленом, палкой — так палкой, запрет ее, морит голодом и холодом, а она не унимается и твердит одно: «Оставьте, меня Серафим испортил!» Не покоряясь мужу, она старалась уклониться от него, и выведенный из терпения Серебренников, обезумленный от гнева, переговорив с матерью ее, решился прибегнуть к страшной мере. Он притащил ее в полицию и попросил городничего высечь жену. В угождение матери и мужу городничий велел привязать ее к скамейке и так жестоко наказал, что даже мать содрогнулась и оцепенела от ужаса. «Клочьями висело тело ее,

– рассказывала впоследствии мать. – Кровь залила всю комнату, а она, моя голубушка, хотя бы охнула. Я же сама так обезумела, что и не помню, как подняли мы ее и в крови и в клочьях привели домой. Уже и просили-то мы ее, и уговаривали-то, и ласками; молчит себе да и только». В следующую после этого ночь городничий, столько поусердствовавший, увидел во сне котел, наполненный страшным огнем, и услышал чей-то неизвестный голос, который говорил ему, что этот котел приготовлен для него за столь жестокое истязание избранной рабы Христовой. Городничий в ужасе проснулся от этого страшного видения, рассказал о нем и запретил по всему вверенному ему городу не только обижать, но и трогать эту безумную, или, как говорили в городе, испорченную женщину. Так как все это не помогло, то Серебренников начал верить, что жена его испорчена, и потому поехал ее лечить в Троице-Сергиеву лавру. Во время этой поездки произошла внезапная перемена с Пелагеей Ивановной: она сделалась кроткой, тихой и умной. Муж ее не помнил себя от радости и послушал ее доброго совета: вручил ей деньги, все прочее и одну отпустил ее домой, а сам отправился в другое место, по весьма важному и неотлагательному делу. Поспешив с делом, он, горя нетерпением увидать выздоровевшую жену, возвращался домой, но каков был его ужас и гнев, когда он узнал, что Пелагея Ивановна все до малейшей полушки и до последней вещи раздала Бог знает кому и ведет себя хуже прежнего, что, возвратясь в город какою-то нищею, все старалась раздать и вынести из дома, что только могла. Тогда обезумевший Сергей Васильевич заказал для жены, как для дикого зверя, железную цепь с таким же железным кольцом и сам своими руками заковал в нее Пелагею Ивановну, и приковал к стене, и издевался над нею, как ему хотелось. Иногда несчастная женщина, оборвавши цепь, вырывалась из своего дома и, гремя цепью, полураздетая, бегала по улицам города, наводя на всех ужас. Каждый боялся приютить ее или помочь как-нибудь, обогреть или накормить, или защитить от гонений мужа... И вот несчастная снова попадала в свою неволю и должна была терпеть новые и более тяжкие мученья. «Ведь безумною-то я хотя и стала, – говорила она сама впоследствии, – да зато много и страдала. Сергушка-то (муж) во мне все ума искал да мои ребра ломал; ума-то не сыскал, а ребра-то все поломал». Действительно,

одна благодать Божия подкрепляла ее, как свыше предназначенную избранницу Божию, и давала ей силу переносить все то, что с нею тогда делали. Раз, сорвавшись с цепи, она в страшную зимнюю стужу, полунагая, приютилась на паперти одной церкви, называемой Напольной, в приготовленном по случаю эпидемии гробе для умершего солдата, и здесь, полуокоченелая, ждала себе смерти. Завидя церковного сторожа, она бросилась к нему, моля о помощи, и так напугала его, что тот в ужасе от этого привидения забил страшный набат и встревожил весь город. После этого Серебренников совершенно отрекся от своей жены, выгнал ее вон из дома, притащил к матери и вручил Пелагею Ивановну родителям. В семье отчима все ненавидели ее, особенно меньшая дочь Королева – Евдокия, которая вымещала на ней все свои домашние неудачи и всю свою злобу. Евдокия вообразила себе, что ее не берут замуж именно потому, что опасаются, как бы она не сошла с ума, подобно Пелагее Ивановне, и решилась погубить ее. Она подговорила одного злодея, хорошо умевшего стрелять, убить ее в то время, когда она будет бегать за городом и юродствовать. Несчастный согласился и действительно выстрелил, но дал промах. Тогда Пелагея Ивановна, оставшись целой и невредимой, предрекла ему, что он не в нее стрелял, а в самого себя. И что же? – через несколько месяцев предсказание ее сбылось в точности: он застрелился. Мать Пелагеи Ивановны решилась отправить ее с богомольцами по святым местам, в надежде, не исцелится ли она. Прежде всего «дурочку» повели в Задонск к святителю Тихону и затем в Воронеж к святителю Митрофану. Прибыв в Воронеж, арзамасские богомольцы пошли с Пелагеей Ивановной к преосвященному Антонию, столь известному в то время святостью жизни своей и даром прозорливости.

В счастливые первые тридцать лет XIX столетия в России еще были светильники и великие рабы Божии, которые, может быть, своими молитвами и спасли отечество в тяжелые годины нашествия двунадесят язык и западных веяний. К ним должен быть причислен и преосвященный Антоний, уроженец Полтавской губернии, жизнеописание которого хотя и не относится к летописи Дивеевского монастыря, но мы приводим краткие сведения о нем, потому что о. Серафим его особенно почитал, и лица, близкие Дивеевской обители,

обращались за духовной помощью к нему после смерти старца о. Серафима.

Отец преосвященного Антония был священником. Родившись 29 октября 1773 года, преосвященный Антоний был назван при крещении Авраамием. Еще в младенчестве в нем обнаружилась особенная любовь к Божьему храму, он старался не пропускать ни одного богослужения и не ленился вставать рано. В школе он отличался тихим нравом, смирением, за что, без сомнения, и получил фамилию «Смирницкий». Таким же он был и в Киевской академии, и монахом в лавре, куда и постригся в 1797 году. Он исправлял множество должностей в лавре, и в 1808 году иеромонах Антоний назначен был начальником лаврской типографии. Почти семь лет он проходил эту трудную должность с ревностью и пользой для св. лавры. В 1814 году Антоний был сделан начальником Антониевых ближних пещер, и для его боголюбивой души ничего не было желаннее, как ежедневно лобызать и охранять святые мощи угодников. Но промысел Божий не дал ему долго наслаждаться молитвой и покоем здесь. В следующем году его назначили наместником Киево-Печерской лавры, и он был редким начальником для иноков, вел их просто, духовно, молясь за каждого, руководя ими по Божиему указанию, и тогда уже было заметно, что Господь даровал ему дар прозорливости. С приезжими всех званий и сословий он был всегда ласков, добр, и, несомненно, Антоний имел дар привлекать к себе сердца всех. Особенно он был сострадателен к бедным, которым раздавал почти все, что имел. В сентябре 1816 года посетил Киев император Александр I и однажды в полночь прибыл в лавру, чтобы свидеться со схимонахом Вассианом. Беседуя наедине со старцем, Государь старался узнать о других подвижниках лавры. Говорят, Вассиан прежде всего указал на наместника лавры, который был его духовным сыном. Сближение Антония с Императором повело к награждению его наперсным крестом в 12 тысяч, затем к производству в архимандрита и впоследствии во епископа. Вскоре он получил и откровение свыше. Вот как сам преосвященный Антоний рассказывал об этом: «Отслужив утреню, пришел я в келью в лавре и начал читать книгу. В 8 или 9 часов утра отворилась ко мне дверь, и взошла великолепно убранная в бриллиантах царица и подошла ко мне. Я принужден был встать

с кресла, а она, посмотрев на меня, сказала мне: "Отец Антоний! Идите за мною" Мы вышли из ворот на улицу. Вдруг подъезжает в четыре лошади карета, и мы сели. Ехали по полю и большой дороге. Подъезжаем мы к церкви, вошли, стали против аналоя, и царица приказала священнику меня венчать. Она взяла меня за руку и водила вокруг аналоя. Затем вышли из церкви, сели в карету и приехали опять в лавру, прямо в наместнический дом, где нас встретили министры, генералы и поздравляли. Потом пошла царица в другую залу и мне приказала следовать за нею. Взошед в оную, увидали мы держимую фрейлинами большую вощанку во всю залу, которая ветха и совсем худая. Она, подошедши к ней, сказала мне: "Видишь, что она худая, так следует тебе оную исправить заново" По выходе оттуда села в карету, уехала, а я остался по-прежнему в лавре. Когда очнулся в своей келье, вздумал пойти к своему духовнику отцу Вассиану и рассказал ему, какое со мною случилось происшествие, и он мне на оное сказал: "Это к тебе приходила Царица Небесная, а что повенчан ты с Нею браком, то значит – благословение на тебе Божие и будешь ты архиереем, то есть владыкой, и дана будет тебе худая епархия, которую ты должен исправить непременно, что означала большая ветхая вощанка"». Это было за полгода до назначения его во епископа. В конце 1828 года умер Воронежский епископ Епифаний, и в следующем году Антоний занял эту кафедру. Воронежская епархия была тогда не то, что теперь; она заключала в себе всю область земли Донской. Довольно невыгодное впечатление произвела Воронежская епархия на самого преосвященного Антония, и пришлось ему много работать. Во время холеры 1831 года преосвященный Антоний выказал свои административные способности. Затем при нем в 1832 году совершилось открытие мощей святителя Митрофана. Воронежская епархия возродилась при Антонии, и вся Россия приезжала поклониться мощам святителя Митрофана, а также укрепиться духовно в беседе с преосвященным Антонием. Над больными он совершал исцеления, запрещая об этом рассказывать, и многие убеждались в его прозорливости.

Владыка Антоний ласково принял Пелагею Ивановну с богомолками, благословил всех, а к блаженной обратился со следующими словами: «А ты, раба Божия, останься». Три

часа беседовал он с ней наедине. Бывшие тогда спутницы Пелагеи Ивановны разобиделись, что преосвященный занялся «дурочкою», а не ими. Прозорливый Владыка узнал их мысли и, провожая Пелагею Ивановну, сказал ей: «Ну, уже ничего не могу говорить тебе более. Если Серафим начал твой путь, то он же и докончит». Затем, обратившись к ее спутницам, гордившимся, что они в состоянии сделать ему пожертвование, он сказал: «Не земного богатства ищу я, а душевного». И всех отпустил с миром. Наконец, увидев, что и святые угодники как бы не помогают Пелагее Ивановне, и услышав, что преосвященный Антоний упомянул о старце Серафиме, измученная мать Пелагеи Ивановны решилась еще раз сама съездить в Саровскую пустынь. Прасковья Ивановна стала жаловаться о. Серафиму: «Вот, батюшка, дочь-то моя, с которой мы были у тебя, замужняя-то, с ума сошла; то и то делает; и ничем не унимается; куда-куда мы ни возили ее, совсем отбилась от рук, так что на цепь посадили...» «Как это можно?! — воскликнул старец. — Как это могли вы?! Пустите, пустите, пусть она на воле ходит, а не то — будете вы страшно Господом наказаны за нее, оставьте, не трогайте ее, оставьте!» Напуганная мать стала было оправдываться. «Ведь у нас вон девчонки, замуж тоже хотят; ну, зазорно им с дурою-то. Ведь и ничем-то ее не уломаешь, не слушает. А больно сильна, без цепи-то держать, с нею и не сладишь. Возьмет это, да с цепью-то по всему городу и бегает, срам да и только». И невольно рассмеялся о. Серафим, услышав, по-видимому, столь справедливые и резонные оправдания матери, и сказал: «На такой путь Господь и не призывает малосильных, матушка; избирает на такой подвиг мужественных и сильных телом и духом. А на цепи не держите ее и не могите, а не то Господь грозно за нее с вас взыщет». Благодаря этим словам великого старца домашние хотя несколько улучшили жизнь Пелагеи Ивановны: не держали более на цепи и дозволяли выходить из дому. Получив свободу, она почти постоянно по ночам находилась на паперти церкви. Здесь видали ее, как она по целым ночам молилась Богу под открытым небом, с воздетыми горе руками, со многими воздыханиями и слезами. А днем она юродствовала, бегала по улицам города, безобразно кричала и всячески безумствовала, покрытая лохмотьями, голодная и холодная. Так провела она четыре года до переезда в Дивеевский монастырь.

Глава XIII

Саровский духовник иеромонах Иларион. Иеромонах Евгений и казначей Исаия. Послушник Иван Тихонов Толстошеев. Отзывы о нем старца о. Серафима и дивеевских сестер. Нападки Саровской братии на о. Серафима за попечение его о дивеевских девушках. Беседа о. Серафима с игуменом Нифонтом. Преклонение дерева по молитве о. Серафима. Рассказы о дереве дивеевских сестер и игумена Георгия. Свидетельства игумена Георгия о предсказании о. Серафимом посягательства Ивана Тихонова на распоряжение в Дивееве. Еще рассказы дивеевских сестер об отзывах о. Серафима о послушнике Иване Тихонове, называемом о. Иоанном. Возмущение источника батюшки Серафима. Явление Божией Матери о. Серафиму в 1830 году. Посещение Царицей Небесной о. Серафима в 1831 году в день Благовещения. Приезд в Саров Николая Александровича Мотовилова и исцеление его по молитвам о. Серафима

В предыдущих главах летописи неоднократно упоминалось имя иеромонаха Илариона, который был духовником Саровской обители, уважаемым самим батюшкой о. Серафимом. Великий старец всех приходящих к нему направлял для исповеди к о. Илариону и даже поручил последнему постригать в рясофор дивеевских девушек.

Иеромонах Иларион был учеником игумена Назария, о котором говорилось выше. Игумен Назарий, постриженник Саровской пустыни, избранный в настоятели Валаамского монастыря, вернулся под конец жизни опять в Саров, где наставлял братию и приходящих своим высоким примером и словом любви. Иеромонах Иларион, из санкт-петербургских

граждан, был пострижен в монашество в Валаамском монастыре в 1797 году. В Сарове всего он пробыл 50 лет. Это был монах строгой и чистой жизни, известный многим лицам, так как Саров посещался при о. Серафиме тысячами народа всех званий и состояний. Всех обращающихся к нему он назидал и утешал: Господь даровал ему дар слова на пользу душ. Вся жизнь его была посвящена подвигам добра, молитвам о спасении ближних, милосердному врачеванию болезней греховных, душеспасительным наставлениям и вообще строжайшему благочестию, поэтому о. Иларион не мог прожить без искушений, гонений и страданий. Так, он писал своему товарищу в Троице-Сергиеву лавру: «Я и в Сарове спасительном живу, да худо; ведь место не спасет. Иуда и при Самом Христе не спасся. Вы советуете мне не унывать, а паче великодушно радоваться, помня многие о том апостольские слова. Сей самый, брате, путь мой и есть. Великодушные, доблестные души свойства есть в напасти не отчаиваться; благородного же дело есть не токмо в счастии благодарить Господа, но и в несчастии туюжде благодарность являть... И что может быти лучше сего, как сносить жребий свой великодушно и без роптания. Нет ничего великодушнее, как забывать нанесенные нам обиды. Сия и сим подобная размышляя и сам себя подкрепляя, сам себе глаголю: "Претерпевай, грешниче, скорби, в печалех похваляй Бога. Ниже без труда покой, ниже без брани победа получается. А побеждающему, глаголет Христос, дам ясти от древа животнаго, еже есть посреде рая Божия. И побеждаяй наследит вся: и буду ему в Бога, и той будет Мне в сына» (Апок. 21, 7)». (Достопам. иноки Саровской пуст. М., 1884 г.)

Одновременно с отцом Иларионом подвизался в Сарове иеромонах Евгений, «усердный служитель в обители», как сказано в его жизнеописании (Достопам. иноки Саровские, с. 172). Этот смиренный благоговейный старец имел истинный образ благочестия и кротости, поэтому новоначальные, поступая в обитель, с особенной доверенностью поучались от него трудолюбию, молитвословию и прочим иноческим добродетелям. Душа его, проникнутая благочестием, обращала на него внимание новоначальных послушников, и старческое его обращение заставляло их уважать его и деятельно подражать его целомудрию, послушанию, кротости и смирению.

Он таким образом много споспешествовал ищущим спасения к преуспеянию в духовной жизни.

Упоминалось в предыдущих главах также о казначее Исаии, который исполнял должность следователя по ложным наговорам на о. Серафима. Он был родом из московских купцов и поступил в Саровскую пустынь в 1805 году. Постриженный в монашество в 1812 году, он в 1822 году был определен в должность казначея и впоследствии избран настоятелем Саровской пустыни.

Ничего нет удивительного, что о. Серафим терпел от своих современников по наущению врага человечества различные скорби, доносы, преследования, ибо, по слову Св. Евангелия, не было и никогда не будет чести пророку в своем отечестве. В числе иноков, обращавшихся к о. Серафиму не столько за советами, ибо их не исполняли, сколько за предсказаниями, был некий Иван Тихонов Толстошеев, живописец по ремеслу из г. Тамбова. Так как характеристика этого инока, имевшего столь пагубное влияние на Дивеевскую обитель в течение многих лет, должна быть выведена с подобающей для истории осторожностью, то составителю летописи остается обратиться к повествованиям, рассказам и свидетельствам современников его, предоставляя им самим слово. Наиболее рисуют характер, душевные качества и деятельность Ивана Тихонова слова самого старца о. Серафима, затем отзыв о нем впоследствии приснопамятного Филарета, митрополита Московского, и мнение Св. Синода по указам 1861 года.

Начнем только с того, что Иван Тихонов, вкрадчивый, способный, льстивый и тщеславный, по отзывам и теперь живущих в Дивеевском монастыре дивных стариц, определенных туда самим о. Серафимом, поселил в мельничную обитель свою двоюродную сестру, которой выстроил келью. Под этим предлогом он часто просился в Дивеево и как бы стремился приобрести влияние на сестер. Мы упоминали о том, что при межевании земли, подаренной г-жой Постниковой, находился и инок Иван Тихонов. По этому поводу в рассказах старшей сестры мельничной обители Прасковьи Степановны встречается следующее (тетрадь № 1, рассказ 3):

«Когда отводили землю, — говорит она, — Иван Тихонович вместе с г. Мантуровым жили у нас в обители целую неделю; я, грешная, была старшей над сестрами, и в продолжение

этой недели батюшка несколько раз приказывал ко мне, что он гневается на меня, – зачем живет у нас Иван Тихонович (как звали о. Иоанна) и чтобы я его непременно выслала, но я сделать этого не посмела, и после, когда я пришла к батюшке, он строго мне выговаривал за это».

Чудный подвижник и единственный верный послушник и друг, бывший помещик с. Нучи, строитель Рождественских храмов в Дивееве, Михаил Васильевич Мантуров записал следующие свои показания о послушнике Иване Тихонове (тетрадь № 6).

«Иду я раз к батюшке Серафиму и встретил по дороге Ивана Тихоновича, который шел от него и говорит мне: "Расскажу вам, батюшка, как я сейчас напугался! Пришла мне вражья мысль выйти из Сарова, и очень смущался я. Пошел я к батюшке, застаю его у источника, сидит он, одна ножка в лапотке, а одна разута, да берестою водицу из источника и на головку, и на ручки, и на ножку поливает. Я смотрю, подошел и остановился, а он, не оборачиваясь и не поднимая головки, спрашивает, да так-то сурово: «Кто там?» Я испугался и говорю: «Я, убогий Иоанн!» А батюшка-то опять еще суровее: «Кто там?» – переспрашивает. «Убогий Иоанн, Иоанн убогий!» – говорю я, а сам весь растерялся, все мысли вылетели у меня, подхожу ближе... Батюшка мне и говорит: «Оставь то, что ты задумал! Оставь то, что ты задумал!» И так несколько раз повторил мне, и тут только вспомнил я, с чем шел к батюшке. Не получив благословения выйти из Сарова, я со страхом упал ему в ноги и стал у него просить прощения. «Во, батюшка, о том-то я тебе и говорю! – отвечает батюшка на мои мысли. – Оставь то, что ты задумал! И вот я, Серафим убогий, тебе говорю: если ты когда-нибудь оставишь Саров, то ни здесь, ни в будущем не узришь лица Серафима!»"

"Вы должны оставаться в Сарове! – сказал я, – продолжал М. В. Мантуров, – стало быть, нет вам на то Божия благословения!" – и пошел я своей дорогой к батюшке. Прихожу на источник и застаю батюшку точно в том же положении, как рассказывал Иван Тихонович: с разутой ножкой, поливающим берестой воду. Подхожу получить благословение, а он меня и спрашивает: "Кто с тобой по дороге встретился, батюшка?" "Иван Тихонович – живописец", – отвечаю я. "Ну вот, батюшка, будь ты мне в том свидетель, что я, сколько

ни уговаривал его оставить, что он задумал, никак не мог уговорить. Так вот, батюшка, будь ты мне свидетель, что я в душе его не повинен! Вот то-то, и видишь, я руки и ноги и голову-то себе на что поливаю... в свидетели тебя беру, батюшка, что я в душе его не повинен!"» (рассказ № 67).

«Бывая в Сарове, – говорит далее Михаил Васильевич, – и ничего не примечая еще дурного в Иване Тихоновиче, хоть никогда он мне не нравился, я по зову его заходил иной раз к нему напиться чаю. Раз спросил меня батюшка, где я был. "Пил чай у живописца тамбовского!" – ответил я. "Во, радость моя! – воскликнул батюшка, – не ходи ты к нему никогда! Это во вред тебе послужит, батюшка! Ведь он зовет-то тебя не теплым сердцем, а чтобы от тебя чего выведать!" С тех пор я перестал ходить к Ивану Тихоновичу. Удивительно, как все знал и как берег нас батюшка!» (рассказ № 68).

«Один раз тоже пришел я к батюшке, а он такой скорбный: "Вот, – говорит батюшка, – одолевает меня Иван-то Тихонович из Тамбова, все просит: дай да дай мне, батюшка, послушание! Ну а в чем я ему дам послушание-то? Обсуди-ка сам, в чем я ему дам послушание-то? А вот и говорю я ему, батюшка: нет тебе дороги в моих девушек входить! А коль хочешь защитить их от обид братии, как работают здесь, то можешь! Вот я тебе говорю, другого я ему никакого послушания не давал, батюшка!"» (рассказ № 69).

«Перед отъездом моим за послушание батюшки Серафима к г. Куприянову пришел я в Саров с батюшкой проститься, он и говорит мне: "Во, батюшка, одолел меня Иван из Тамбова: благослови я его выйти из Сарова, а я сказал ему: если ты не выйдешь, то со временем тебя в казначеи произведут, а если выйдешь, то ни в этом, ни в будущем свете не узришь ты лица Серафимова, и никогда уже в Сарове не будешь! Так вот я сказал ему, батюшка, так и тебе это сказываю, и ты это попомни!"» (рассказ № 70).

Елисавета Алексеевна Ушакова, нынешняя игуменья Мария, в свое время сообщила рассказ, подтверждающий повествование М. В. Мантурова. В тетради № 2, рассказ № 3, говорится:

«Помню я, как в 1845 году отец Иоасаф (Иван Тихонович) ежедневно и постоянно повторял всем нам, и кто лишь хотел его слушать, один и тот же рассказ о батюшке Серафиме, показывая на то изображение его, где батюшка представлен

у источника с разутой ножкой, поливающим ковшиком, сделанным из бересты, воду себе на голову». Затем следует точный рассказ Ивана Тихоновича, ответ Мантурова и слова батюшки о. Серафима, после чего Елисавета Алексеевна прибавляет: «Постоянно до 1848 года повторялось это отцом Иоасафом. В этом же 1848 году он совершенно отчаялся, что, не находя полезным, не хотят его производить в иеромонаха в Сарове, чтобы он исполнял в Дивееве должность духовного попечителя, и перешел в Нижегородский Печерский монастырь, где получил пострижение в иеромонахи. Помня свои собственные рассказы о предсказании батюшки, в случае его выхода из Сарова, и после своего перехода принявший уже совсем иной вид и обнаруживший настоящий свой характер, весьма не утешительный и не лестный, он уже с этого времени даже не упоминает о том, что прежде так охотно и постоянно всем желающим его слушать рассказывал».

Враг не оставляет человека в покое до самого гроба. Поэтому о. Серафим во многих возбуждал зависть и злобу на то, что всех принимал к себе, делал добро, не различая полов. Один брат (инок) решился даже сказать ему: «Тебя много беспокоят обоих полов люди, и ты пускаешь к себе всех без различия». Отец Серафим, оправдывая себя от пустого нарекания, привел в пример св. Илариона Великого, который не велел затворять дверей ради странников. «Положим, – говорил он, – что я затворю двери моей кельи. Приходящие к ней, нуждаясь в слове утешения, будут заклинать меня Богом отворить двери и, не получив от меня ответа, с печалью пойдут домой... Какое оправдание могу тогда привести Богу на страшном суде Его?» Отсюда видно, что о. Серафим считал прием к себе всех приходящих делом совести, обязательством жизни, в котором Бог потребует от него отчета на суде.

Некто выразил ту же мысль еще решительнее: «Тобою, – говорил, – некоторые соблазняются». Старец ответствовал на сие так: «Но я не соблазняюсь ни тем, что мною одни пользуются, ни тем, что других это соблазняет».

Гораздо чувствительнее для него была беседа игумена Саровской обители о. Нифонта. Раз, возвращаясь из пустыни в келью, встретился старец Серафим с о. Нифонтом. По своему смиренномудрию предваривши настоятеля поклоном, он приветствовал его, по обычаю иерейскому, братскою

любовью. Отец же игумен Нифонт, ублажая старца за его подвиги, вместе с тем передал ему мысль братии, которые по строгости своего воззрения не одобряли, что о. Серафим принимал к себе людей всякого пола и рода, хотя и для спасительного назидания. «Особливо, – говорил он, – тем соблазняются, что ты оказываешь милостивое попечение сиротам дивеевским». Игумен Нифонт любил и уважал старца Серафима и держал к нему такую речь единственно потому, что братия соблазнялись... Выслушав слова отца игумена, старец снова упал к нему в ноги и дал ему мудрый и спасительный ответ – не предаваться на будущее время ложным внушениям и не принимать от братий всякого слова на ближнего без рассуждения. «Ты пастырь, – говорил он, – не позволяй же всем напрасно говорить, беспокоить себя и путников, идущих к вечности. Ибо слово твое сильно, и посох, как бич, для всех страшен». Старец Нифонт выразил свое согласие на то, чтобы о. Серафим не изменял своего направления и по-прежнему продолжал всех принимать к себе, ради их душевной пользы. Так повествует составитель жизнеописания о. Серафима.

Не менее соблазнялись саровские монахи тем, что в Дивеевской обители батюшка Серафим приказал сестрам пономарить, читать непрестанно Псалтирь в церкви и т. д. Сестра Ксения Васильевна Путкова свидетельствует (тетрадь № 4, биография Елены Васильевны), что раз, когда она пришла к батюшке Серафиму, он сказал ей: «Восстали, радость моя, восстали на убогого-то Серафима, укоряют, что, говорят, выдумал девушкам в церкви быть, Псалтирь читать да в церкви ночевать! Когда это слыхано, где это видано! Вот и приходят ко мне, матушка, и ропщут на убогого Серафима, что исполняет приказания Божией-то Матери! Вот, матушка, я им и раскрыл в прологе из жития-то Василия Великого, как блазнились на брата его Петра, а святитель-то Василий и показал им неправду блазнения их да силу-то Божию. И говорю: а у моих-то девушек в церкви целый сонм ангелов и все силы небесные соприсутствуют! Они, матушка, и отступили от меня – посрамленные. Так-то вот, радость моя, недовольны на убогого-то Серафима, жалуются, зачем исполняет он приказания Царицы Небесной! Сама Она Пречистая заповедала мне, а я вам заповедую, и да не смущается сердце ваше! Свято храните то и никого в том не слушайте!»

Чтобы видимо убедить всех, что Господу и Царице Небесной угодно, дабы о. Серафим занимался Дивеевской обителью, великий старец выбрал вековое дерево и помолился, чтобы оно преклонилось в знак Божия определения. Действительно, наутро это дерево оказалось выворочено с громадным корнем, при совершенно тихой погоде. Об этом дереве имеется множество записанных повествований сирот о. Серафима.

Так, Анна Алексеевна, одна из 12 первых сестер обители, рассказывает (тетрадь № 6, рассказ 7) следующее: «Была я тоже свидетельницей великого чуда с покойной сестрой обители Ксенией Ильиничной Потехиной, впоследствии недолго бывшей начальницей нашей мельничной общинки, позже благочинной монастыря нашего монахиней Клавдией. Приходит к батюшке Серафиму живописец тамбовский, саровский послушник Иван Тихонович. Долго толковал с ним батюшка, что напрасно блазнятся на него, что печется он о нас, что это он делает не от себя, а по приказанию ему Самой Царицы Небесной. "Помолимся, – говорит батюшка Серафим, – мню, что древу этому более ста лет... – При этом он указал на дерево громадных размеров... – Простоит оно еще много лет... Аще же я творю послушание Царицы Небесной, преклонится древо сие в их сторону!.. – И указал на нас. – Так и знай, – продолжал о. Серафим, – что нет мне дороги оставлять их, хотя они и девушки! И если брошу я их, то и до Царя, пожалуй, дойдет!" Приходим мы на другой день, а батюшка-то и показывает нам это самое здоровое и громадное дерево, точно бурей какою выворочЕнное со всеми своими корнями. И приказал батюшка радостный, весь сияющий, разрубить дерево и отвезти к нам в Дивеево». (Корень его хранится доселе в кладбищенской церкви с прочими вещами о. Серафима.)

Старица Прасковья Ивановна свидетельствовала (тетрадь № 6, рассказ 13), «что, остановившись и показывая ручкой на одно громадное дерево, сказал мне батюшка: "Матушка, помолимся трое суток, оно и преклонится!" Я молчу да и думаю, идучи-то: это, видно, батюшка прикажет мне рубить его! А он опять еще и еще повторил те же слова. Совсем о том позабыв, я и не молилась о древе, а через три дня прихожу, как батюшка наказал, и застаю его у этого самого дерева, которое

уже лежало со всеми точно страшной бурей вывороченными вверх корнями; бури же никакой не было. Тут как раз еще одна из наших сестер была, батюшка-то и говорит нам: “Это ради вас, матушки, это ради вас!” И радостно приказал ей рубить ветки и отвезти в Дивеево на дрова, а мне, подав топорик свой, приказал отрубить вершину. Топорик этот так я и сберегла и в 1852 году отдала его матушке начальнице, и хранится он в батюшкиной у нас пустынке».

«Исполняла я послушание при лошадях, – говорила Домна Фоминична (впоследствии монахиня Дорофея, тетрадь № 6, рассказ № 35), – и поехала в Сарово за щепами да прутьями на дрова. Прихожу к батюшке Серафиму, а он сидит на большущем свалившемся древе, обрубая его ветки, да и говорит мне: “Вот видишь, радость моя, что я рублю-то! Это ваше, ваше, матушка, чудное древо, ради вас и для вас преклонилось оно; вот прикажи сестрам-то, что нарублю, сложить все в одно место, а как подмерзнет, подъезжай на лошадке, да и увози все к себе”». [18]

Настоятель Николо-Барковской пустыни игумен Георгий, бывший гостинник Саровской пустыни Гурий, свидетельствует (тетрадь № 6, рассказ № 79), что, пришедши однажды к старцу о. Серафиму в пустынку, нашел его, что он перерубал сосну для дров, упавшую с корнем. По обычном приветствии старец открыл об этой сосне, которую рубил, следующее: «Вот я занимаюсь Дивеевской общиной, вы и многие меня за это зазирали, что для чего я ими занимаюсь; вот я вчерашний день был здесь, просил Господа для уверения вашего, угодно ли Ему, что я ими занимаюсь. Если угодно Господу, то в уверение того чтобы это дерево преклонилось. На этом дереве от корня аршина полтора вышины была заметка вырублена крестом. Я просил Господа сего уверения, вместе с тем, что если вы или кто о них попечется, то будет ли угодно это Богу. Господь исполнил для вашего уверения: вот дерево преклонилось. Почему я занимаюсь ими? Я о них имею попечение за послушание старцев: строителя Пахомия и казначея Исаии, моих покровителей; они о них обещались пещись до кончины своей, а по кончине заповедали они, чтобы Саровская обитель вечно не оставляла их. А за что? Когда строился холодный соборный храм, денег не было в обители, и тогда странствовала вдова полковника, имя ея Агафья; она пришла сюда

и с ней три рабыни единомышленные. Эта Агафья, возжелав спастись близ старцев, избрала местом спасения село Дивеево, тут поселилась и сделала пожертвования деньгами на устройство собора; не знаю, сколько тысяч, но знаю только, что привезено было от нее три мешка денег, один был с золотыми, другой с серебряными, а третий с медными, и были они полны оными-то деньгами. Собор и сооружен ее усердием, вот за что обещались о них вечно пещись и мне заповедовали. Вот и я вас прошу, имейте о них попечение, ведь они жили тут двенадцать человек, а тринадцатая сама Агафья. Они трудились для Саровской обители, шили и обмывали белье, а им из обители давали на содержание всю пищу: как у нас трапеза была, и у них такова же была. Это продолжалось долго, но батюшка игумен Нифонт это прекратил и отделил их от обители, по какому случаю, не знаю! Батюшка Пахомий и Исаия пеклись о них, но никогда в их распоряжение не входили, ни Пахомий, ни Иосиф; я и то не распоряжался ими и никому нет дороги ими распоряжаться.

Вот и о. Иван наш, – продолжал старец, жалуясь на Ивана Тихонова с негодованием, – испросил благословение у батюшки Нифонта в Дивеево, поблизости; приедет туда, говорит, что я его послал – Серафим; заводит у них пение партесное, вводит некоторые обычаи, это им не нравится, приходят они ко мне, жалуются со слезами; так не должно ему делать и никому не распоряжаться ими и после меня. И он будет все более и более к ним учащать, будет говорить всем, что я то и то приказывал ему, будет заводить постройки, будет говорить, что я желаю у них монастырь открыть, но вот я тебе, батюшка, сказываю, что я ничего этого не говорил; пусть живут уединенно, монастыря не просят, а живут общиною, как Алексеевские в Арзамасе. Из обители бы не отлучались за сборами и никуда не ходили до поры и времени, а занимались бы хлебопашеством да огородами; окопались бы земляным рвом, сделав и вал изо рва земляной же; и все своими руками делали бы, о стяжании не заботясь, имели бы церковную службу; всякое воскресенье петь параклис Божией Матери непременно; непрестанно читать Псалтирь. Если они эту заповедь сохранят, то Господь будет им посылать все потребное, а если нарушат, то не будет мира у них и будут постигать их всякие скорби, напасти и беды!»

«В другое свидание, — пишет игумен Георгий, — старец сказал мне о дивеевских девицах: “Не забывай и не оставляй их, чем можешь: словом, делом благотвори им; по Василию Великому, добродетель великая — не оставлять постниц. Они нам по-прежнему служат, готовят белье для братии, четырежды в год присылают белье мне: к Пасхе — сто рубах, к Успению Божией Матери — сто рубах, к Введению Божией Матери — сто рубах и к Рождеству Христову — сто рубах, которые я отдаю рухальному для раздачи оных”».

Старица Дарья Фоминична просила записать ее показание об отношении батюшки о. Серафима к Ивану Тихоновичу (тетрадь № 6, рассказ 40): «Раз, будучи с сестрами у батюшки в келье, — рассказала она, — заслышали мы чьи-то шаги. Батюшка быстро затворил дверь и, прислонясь к ней спиной, говорит нам тихонько: “Тс! Живописец идет!” Слышим, подошел саровский послушник Иван Тихонов тамбовский, потолкался, потолкался, а мы все молчим... Видит, что заперта дверь, и ушел, а батюшка-то и говорит нам: “Вот, матушки, если он дождется вас и будет вам что говорить про деньги, то вы поклонитесь лишь молча да ничего ему и не говорите!” Пошли мы и действительно, как сказал батюшка, встретили Ивана Тихонова, который поджидал нас и сказал: “Деньги 50 рублей, данные батюшкой, это мои деньги, это я дал, так всем и скажите!” Но мы, помня приказ батюшки, лишь поклонились ему молча и пошли своей дорогой. В другой раз, когда Михаил Васильевич почему-то пригласил к себе Ивана Тихонова, а тот остался уже ночевать у него, мы в то же время были у батюшки, а он и говорит нам: “Во, матушка, каков живописец-то! Мишенька-то добром на денек взял, а уже он и ночь ночевал! Ведь уж он, матушка, как лапу-то впустит, так и не выпустит!”»

«По вызову батюшки, — рассказывает старшая сестра Прасковья Степановна (тетрадь № 1), — однажды прихожу в его келью, нашла батюшку очень расстроенным; он, по обыкновению, благословил меня и начал говорить со слезами: “Вот, матушка, приходил ко мне Иван Тихонович и просил: «Батюшка, благослови мне, я буду заботиться о твоих девушках», а сам хочет взяться холодным сердцем. Скажу тебе, матушка, во всю жизнь он будет холоден до вас, и сестры, которые будут ему преданы, будут для вас холодны. После меня вам отца не будет. Вы останетесь совершенно сиротами, а отец Иоанн

(Иван Тихонович) только всю жизнь будет нападать на вас"».

Благодатная старица Евдокия Ефремовна (мать Евпраксия) повествует следующее (тетрадь № 1, рассказ ее 3): «Раз я была у батюшки в келье, он беседовал со мною шесть часов кряду, много говорил утешительного и к концу беседы сказал: "Радость моя, я вас духовно породил и во всех телесных нуждах не оставлю. А о. Иоанн (Иван Тихонович) просит, чтобы я вас после своей смерти отдал ему; нет, я не отдаю! Он и его преданные будут сердцем холодны к вам. Он говорит: «Ты, батюшка, стар, отдай мне своих девушек», а сам просит холодным сердцем! Скажи ему, матушка, моим именем, что ему до вас дела нет!" После кончины батюшки Иван Тихонович, увидавши меня, спрашивает: "Не говорил ли вам что обо мне батюшка Серафим?" Я ему отвечала: "Батюшка велел тебе сказать, чтобы ты в наши дела не входил и обители не мешал". Он оскорбился и начал говорить, что видел меня во аде, угрожал, чтобы я молчала. Я и молчала; видно, еще не пришло время. Батюшка Серафим говаривал мне: "Кто против Господа, Царицы Небесной и против меня убогого пойдет, не дам жития ни здесь, ни в будущем. Не убойся, говори мое, когда будут спрашивать, не умолчи моей благодати, и как у угодников Божиих Антония, Феодосия и Сергия Чудотворца были помощники, списали их житие, так и ты, что слышишь от меня, запиши"».

Сестра Домна Васильевна (впоследствии Олимпиада) записала следующий факт из жизни о. Серафима (тетрадь № 1). Ей рассказала это близкая ей по духу сестра Анна Александровна, которая, по свидетельству и других сестер, была особенно любима батюшкой и многим в обители передала тот же факт. Однажды она стояла с батюшкой у его источника, и о. Серафим, облокотясь на сруб, смотрел долго в него. Вдруг источник весь возмутился и сделался совершенно грязным. «Я же, — рассказывала о себе Анна Александровна, — смотрела в это время на батюшку, не обращая внимания на источник. Вдруг батюшка поднял голову и, показывая на источник, сказал: "Посмотри-ка, матушка, какой источник-то!" Я, увидавши его совершенно грязным и бушующим, очень испугалась и с ужасом спросила батюшку: "Что это значит?" В это время сходил с горы Иван Тихонович, нынешний иеромонах Иоасаф. Батюшка, всплеснув руками, показал на него и произнес:

“Вот, матушка, это возмутитель всему свету и меня, убогого Серафима, возмутил. – И потом опять, указывая на источник, прибавил: так, матушка, и у нас”».

«Вот как был прозорлив батюшка Серафим, – рассказывает сестра Ксения Васильевна Путкова (тетрадь № 6, рассказ 29), – и как ему все, все было открыто Господом! За несколько лет предсказал он о смутах у нас, о преданных ему сестрах, как выйдут они от нас и не будут батюшкиными. Была у нас одна сестра, Прасковьей Павловной Ерофеевой звали. Быв ко мне в церковное послушание назначена, занималась она хорошо, да неудобно нам было, потому что жила она в другой келье. Вот по этому-то случаю и пришла я к батюшке: “Благословите, – говорю, – батюшка, сестру-то Прасковью Павловну ко мне перевести, она так хорошо занимается, да больно неловко, что не со мной живет, а у нас и место-то есть теперь, и поместить ее можно; вот и жалко нам ее, больно хороша она к церкви!” “Хоть и хороша, – говорит он, – да пусть до времени живет да служит там!” “Да что же, – говорю, – к нам-то не взять, батюшка, ведь у нас место-то есть, а она хорошо служит; так-то неловко!” Все настаиваю я, была настойчива, грешница! “Нет, нет, – говорит, – радость моя! И не могу того сделать; ведь она прилепится к Ивановым сестрам; она ведь не наша, не моя, матушка; она Иванова сестра!” Так я и ушла от него ни с чем, ничего-то не понимая, и, раздосадованная, пришла домой да Прасковье-то Павловне все и рассказала. Услыхав все, она сильно заскорбела и пришла, плача, к батюшке спрашивать: “За что он ее своею не считает?” А батюшка-то только и сказал ей: “Нет, это я так, живи до времени, матушка, живи до времени!” А мне опять строго-настрого все то же повторял, запретил брать ее в келью. Часто-часто она скорбела о том, вспоминая батюшкины слова и сама не понимая их. Не понимала и я, а когда батюшка скончался, то ее перевели к нам, и была она хорошей церковницей, как вдруг у нас случилась Иоасафская смута! Гляжу и глазам и ушам своим не верю, ведь и вправду перемутилась Прасковья Павловна, враг попутал, прилепилась к батюшкиному слову и Ивановым сестрам. Св. Синод выслал ее из обители, и вышла она Иванова сестра, как предсказал мне батюшка за столько лет вперед».

На этом оканчиваются свидетельства и показания незабвенных сирот Серафимовых о живописце Иване Тихонови-

че, желавшем сделаться старцем, попечителем и духовником Дивеевской обители.

В столь трудное время для дивного старца о. Серафима его ободряла и укрепляла Царица Небесная. Вот что пишет по этому поводу протоиерей о. Василий Садовский: «Однажды (1830 г.), дня три спустя после праздника иконы Успения Божией Матери, пошел я к батюшке Серафиму в Саровскую пустынь и нашел его в келье, без посетителей. Принял он меня весьма милостиво, ласково и, благословившись, начал беседу о богоугодном житии святых, как они от Господа сподоблялись дарований, чудных явлений, даже посещений Самой Царицы Небесной. И довольно побеседовавши таким образом, он спросил меня: "Есть ли у тебя, батюшка, платочек?" Я ответил, что есть. "Дай его мне!" – сказал батюшка. Я подал. Он его разложил, стал класть из какой-то посудины пригоршнями сухарики в платок, которые были столь необыкновенно белы, что сроду я таких не видывал. "Вот у меня, батюшка, была Царица, так вот после гостей-то и осталось!" – изволил сказать батюшка. Личико его до того сделалось божественно при этом и весело, что и выразить невозможно! Он наклал полный платочек и, сам завязав его крепко-крепко, сказал: "Ну, гряди, батюшка, а придешь домой, то самых этих сухариков покушай, дай своему подружью (так он всегда звал жену мою), потом поди в обитель и духовным-то своим чадам каждой вложи сам в уста по три сухарика, даже и тем, которые и близ обители живут в кельях, они все наши будут!" Действительно, впоследствии все поступили в обитель. По молодости лет я и не понял, что Царица Небесная посетила его, а просто думал, не какая ли земная царица инкогнито была у батюшки, а спросить его не посмел, но потом сам угодник Божий уже разъяснил мне это, говоря: "Небесная Царица, батюшка, Сама Царица Небесная посетила убогого Серафима, и во, радость-то нам какая, батюшка! Матерь-то Божия неизъяснимою благостию покрыла убогого Серафима. «Любимиче Мой! – рекла Преблагословенная Владычица, Пречистая Дева, – проси от Меня, чего хощеши!» Слышишь ли, батюшка? Какую нам милость-то явила Царица Небесная!" И угодник Божий весь сам так и просветлел, так и сиял от восторга. "А убогий-то Серафим, – продолжал батюшка, – Серафим-то убогий и умолил Матерь-то Божию о сиротах своих, батюшка!

И просил, чтобы все, все в Серафимовой-то пустыни спаслись бы сироточки, батюшка! И обещала Матерь Божия убогому Серафиму сию неизреченную радость, батюшка! Только трем не дано, три погибнут, рекла Матерь Божия! – при этом светлый лик старца затуманился. – Одна сгорит, одну мельница смелет, а третья... сколько ни старался я вспомнить, никак не могу, видно уж так надо"».

Благодатная сестра Евдокия Ефремовна, удостоившаяся быть при следующем посещении Царицы Небесной о. Серафима в 1831 году, сообщила свой разговор с батюшкой о том же посещении, которое только что передал о. Василий (тетрадь № 6, рассказ 21).

«"Вот, матушка, – сказал мне батюшка Серафим, – во обитель-то мою до тысячи человек соберется, и все, матушка, все спасутся, я упросил, убогий, Матерь Божию, и соизволила Царица на смиренную просьбу убогого Серафима; и кроме трех, всех обещала Милосердная Владычица спасти, всех, радость моя! Только там, матушка, – продолжал, немного помолчав, батюшка, – там-то, в будущем, все разделятся на три разряда: *сочетанные,* которые чистотою своею, непрестанною молитвой и делами своими, через то и всем существом своим, сочетованы Господу; вся жизнь и дыхание их в Боге, и вечно они с Ним будут! *Избранные,* которые мои дела будут делать, матушка, и со мной же и будут в обители моей. И *званые,* которые лишь временно будут наш хлеб только кушать, которым темное место. Дастся им только коечка, в одних рубашечках будут да всегда тосковать станут! Это нерадивые и ленивые, матушка, а которые общее-то дело да послушание не берегут и заняты только своими делами, куда как мрачно и тяжело будет им; будут сидеть все, качаясь из стороны в сторону, на одном месте!" И, взяв меня за руку, батюшка горько заплакал. "Послушание, матушка, послушание превыше поста и молитвы! – продолжал батюшка. – Говорю тебе, ничего нет выше послушания, матушка, и ты так сказывай всем!" Затем, благословив, отпустил меня».

Ксении Васильевне о. Серафим так рассказал (тетрадь № 6, рассказ № 30): «"Скажу тебе, посетила Царица-то Небесная убогого Серафима и вот что, скажу тебе, радость моя, рекла Матерь Божия: «Любимиче Мой! Проси у Меня, чего хощеши!» Слышишь ли, матушка, как возрадовала Матерь-то

Божия убогого Серафима, как неизреченно возрадовала! А я-то, убогий, молил Владычицу, да спасутся все, кто в обители моей будет! И задумалась Царица-то Небесная, матушка, и излила всю благодать Своей милости на убогого Серафима! И все спасутся, матушка, обещала нам Сама Пречистая Владычица; только три погибнут: одна сгорит огнем, другую мельница смелет, а третью...” (забыла, странно, видно не нужно нам помнить!). Еще говорил мне батюшка Серафим, что будет в обители его три разряда сестер: *сочетанные*, что паче всех возлюбили Господа и так Ему угодили, что и здесь всегда с Господом только были, и там вечно же в блаженстве с Господом будут! *Избранные*, которых батюшка избрал, и они его чтут, все его дела делают и заповеди его сохраняют и всегда исполняют; зато с ним в его обители всегда же и будут. *Званые* — все прочие, разного рода живущие так себе, нерадиво, непослушливо, лишь бы прожить. “Нам до них дела нет, матушка, пусть до времени хлеб наш едят!” — сказал о. Серафим».

За год и девять месяцев до своей кончины о. Серафим сподобился еще посещения Богоматери. Посещение было ранним утром в день Благовещения, 25 марта 1831 года. Записала его и подробно сообщила дивная старица Евдокия Ефремовна (впоследствии мать Евпраксия).

«В последний год жизни батюшки Серафима я прихожу к нему вечером, по его приказанию, накануне праздника Благовещения Божией Матери. Батюшка встретил и говорит: “Ах, радость моя, я тебя давно ожидал! Какая нам с тобою милость и благодать от Божией Матери готовится в настоящий праздник! Велик этот день будет для нас!” “Достойна ли я, батюшка, получить благодать по грехам моим?” — отвечаю я. Но батюшка приказал: “Повторяй, матушка, несколько раз сряду: Радуйся, Невесто Неневестная! Аллилуя!” Потом начал говорить: “И слышать-то никогда не случалось, какой праздник нас с тобой ожидает!” Я начала было плакать... Говорю, что я недостойна, а батюшка не приказал, стал утешать меня, говоря: “Хотя и недостойна ты, но я о тебе упросил Господа и Божию Матерь, чтобы видеть тебе эту радость! Давай молиться!” И, сняв с себя мантию, надел ее на меня и начал читать акафисты: Господу Иисусу, Божией Матери, Святителю Николаю, Иоанну Крестителю; каноны: Ангелу Хранителю, всем святым. Прочитав все это, говорит мне: “Не убойся, не устрашись,

благодать Божия к нам является! Держись за меня крепко!" И вдруг сделался шум, подобно ветру, явился блистающий свет, послышалось пение. Я не могла все это видеть и слышать без трепета. Батюшка упал на колени и, воздев руки к небу, воззвал: "О Преблагословенная, Пречистая Дево, Владычице Богородице!" И вижу, как впереди идут два Ангела с ветвями в руках, а за ними Сама Владычица наша. За Богородицей шли 12 дев, потом еще св. Иоанн Предтеча и св. Иоанн Богослов. Я упала от страха замертво на землю и не знаю, долго ли я была в таком состоянии и что изволила говорить Царица Небесная с батюшкой Серафимом. Я ничего не слышала также, о чем батюшка просил Владычицу. Перед концом видения услышала я, лежа на полу, что Матерь Божия изволила спрашивать батюшку Серафима: "Кто это у тебя лежит на земле?" Батюшка ответил: "Это та самая старица, о которой я просил Тебя, Владычица, быть ей при явлении Твоем!" Тогда Пречистая изволила взять меня, недостойную, за правую руку, и батюшка – за левую, и через батюшку приказала мне подойти к девам, пришедшим с Ней, и спросить, как их имена и какая жизнь была их на земле. Я и пошла по ряду спрашивать. Во-первых, подхожу к Ангелам, спрашиваю: кто вы? Они отвечают: мы Ангелы Божии. Потом подошла к св. Иоанну Крестителю, он также сказал мне имя свое и жизнь вкратце; точно так же св. Иоанн Богослов. Подошла к девам и их спросила каждую об имени; они рассказали мне свою жизнь. Святые девы по именам были: великомученицы Варвара и Екатерина, св. первомученица Фекла, св. великомученица Марина, св. великомученица и царица Ирина, преподобная Евпраксия, св. великомученицы Пелагея и Дорофея, преподобная Макрина, мученица Иустина, св. великомученица Иулиания и мученица Анисия. Когда я спросила их всех, то подумала – пойду, упаду к ножкам Царицы Небесной и буду просить прощения в грехах моих, но вдруг все стало невидимо. После батюшка говорит, что это явление продолжалось четыре часа. Когда мы остались одни с батюшкой, я говорю ему: "Ах, батюшка, я думала, что умру от страха, и не успела попросить Царицу Небесную об отпущении грехов моих", но батюшка отвечал мне: "Я, убогий, просил о вас Божию Матерь, и не только о вас, но о всех любящих меня и о тех, кто служил мне и мое слово исполнял, кто трудился для меня, кто обитель мою любит, а кольми паче вас не оставлю и не за-

буду. Я, отец ваш, попекусь о вас и в сем веке, и в будущем, и кто в моей пустыни жить будет, всех не оставлю, и роды ваши не оставлены будут. Вот какой радости Господь сподобил нас, зачем нам унывать!" Тогда я стала просить батюшку, чтобы он научил меня, как жить и молиться. Он ответил: "Вот как молитесь: *Господи, сподоби мне умереть христианскою кончиною, не остави меня, Господи, на страшном суде Твоем, не лиши Царствия Небесного! Царица Небесная, не остави меня!* [19]" После всего я поклонилась в ножки батюшке, а он, благословив меня, сказал: "Гряди, чадо, с миром в Серафимову пустынь"».

В другом рассказе старицы Евдокии Ефремовны (тетрадь № 6, рассказ № 23) встречаются еще большие подробности. Так, она говорит: «Впереди шли два Ангела, держа один в правой, а другой в левой руке по ветке, усаженной только что расцветшими цветами. Волосы их, похожие на золотисто-желтый лен, лежали распущенными на плечах. Одежда Иоанна Предтечи и апостола Иоанна Богослова была белая, блестящая от чистоты. Царица Небесная имела на Себе мантию, подобно той, как пишется на образе Скорбящей Божией Матери, блестящую, но какого цвета – сказать не могу, несказанной красоты, застегнутую под шеей большой круглой пряжкой-застежкой, убранной крестами, разнообразно разукрашенными, но чем – не знаю, а помню только, что она сияла необыкновенным светом. Платье, сверх коего была мантия, зеленое, перепоясанное высоким поясом. Сверх мантии была как бы епитрахиль, а на руках поручи, которые, равно как и епитрахиль, были убраны крестами. Владычица казалась ростом выше всех дев, на голове Ее была возвышенная корона, украшенная разнообразными крестами, прекрасная, чудная, сиявшая таким светом, что нельзя было смотреть глазами, равно как и на пряжку-застежку и на само лицо Царицы Небесной. Волосы Ее были распущены, лежали на плечах и были длиннее и прекраснее ангельских. Девы шли за Нею попарно, в венцах, в одеждах разного цвета и с распущенными волосами, они стали кругом всех нас. Царица Небесная была в середине. Келья батюшки сделалась просторная, и весь верх исполнился огней, как бы горящих свеч. Свет был особый, непохожий на дневной свет и светлее солнечного.

Взяв меня за правую руку, Царица Небесная изволила сказать: "Встань, девица, и не убойся нас. Такие же девы, как ты,

пришли сюда со Мною". Я не почувствовала, как встала. Царица Небесная изволила повторить: "Не убойся, мы пришли посетить вас" Батюшка Серафим стоял уже не на коленях, а на ногах пред Пресвятою Богородицей, и Она говорила столь милостиво, как бы с родным человеком. Объятая великой радостью, спросила я батюшку Серафима: "Где мы?" Я думала, что я уже не живая; потом, когда спросила его: "Кто это?" – то Пречистая Богородица приказала мне подойти ко всем самой и спросить их и т. д.

Девы все говорили: "Не так Бог даровал нам эту славу, а за страдание и за поношение; и ты пострадаешь!" Пресвятая Богородица много говорила батюшке Серафиму, но всего не могла я расслышать, а вот что я слышала хорошо: "Не оставь дев Моих дивеевских!" Отец Серафим отвечал: "О Владычица! Я собираю их, но сам собою не могу их управить!" На это Царица Небесная ответила: "Я тебе, любимиче Мой, во всем помогу! Возложи на них послушание, если исправят, то будут с тобою и близ Меня, и если потеряют мудрость, то лишатся участи сих ближних дев Моих: ни места, ни венца такого не будет. Кто обидит их, тот поражен будет от Меня; кто послужит им ради Господа, тот помилован будет пред Богом!" Потом, обратясь ко мне, сказала: "Вот посмотри на сих дев Моих и на венцы их; иные из них оставили земное царство и богатство, возжелав царства вечного и небесного, возлюбивши нищету самоизвольную, возлюбивши Единого Господа, и за то, видишь, какой славы и почести сподобились. Как было прежде, так и ныне. Только прежние мученицы страдали явно, а нынешние – тайно, сердечными скорбями, и мзда им будет такая же". Видение кончилось тем, что Пресвятая Богородица сказала о. Серафиму: "Скоро, любимиче Мой, будешь с нами!" – и благословила его. Простились с ним и все святые: девы целовались с ним рука в руку. Мне сказано было: "Это видение тебе дано ради молитв о. Серафима, Марка, Назария и Пахомия". Батюшка, обратясь после этого ко мне, сказал: "Вот, матушка, какой благодати сподобил Господь нас убогих. Мне таким образом уже двенадцатый раз было явление от Бога, и тебя Господь сподобил; вот какой радости достигли! Есть нам почему веру и надежду иметь ко Господу. Побеждай врага-диавола и противу его будь во всем мудра; Господь тебе во всем поможет!" и т. д.».

В сентябре 1831 года прибыл в Саров некий помещик Симбирской и Нижегородской губерний, коллежский советник Николай Александрович Мотовилов, совершенно больной, о котором неоднократно упоминалось в предыдущих главах летописи. Родившись в 1809 году в симбирском имении, он воспитывался в Казанском университете по филологическому факультету и затем был совестным судьею и почетным смотрителем уездных училищ в Корсунском уезде. В записке своей, под заглавием «Достоверные сведения о двух Дивеевских обителях», он пишет и о своем исцелении по молитвам отца Серафима.

«За год до пожалования мне заповеди о служении Божией Матери при Дивеевской обители великий старец Серафим исцелил меня от тяжких и неимоверных великих ревматических и других болезней, с расслаблением всего тела и отнятием ног, скорченных и в коленках распухших, и с язвами пролежней на спине и боках, коими страдал неисцельно более трех лет. 1831 года 9 сентября батюшка о. Серафим одним словом исцелил меня от всех болезней моих. И исцеление это было следующим образом. Велел я везти себя, тяжко больного, из сельца Бритвина, нижегородского лукояновского имения моего, к батюшке о. Серафиму. 5 сентября 1831 года я был привезен в Саровскую пустынь, 7 сентября и 8, на день Рождества Божией Матери, удостоился иметь я две беседы первые с батюшкой о. Серафимом, до обеда и после обеда, в монастырской келье его, но исцеления еще не получал. А когда на другой день, 9 сентября, привезен был я к нему в ближнюю его пустынку, близ его колодца, и четверо человек, носившие меня на своих руках, а пятый, поддерживавший мне голову, принесли меня к нему, находящемуся в беседе с народом, во множестве приходившим к нему, тогда возле большой и очень толстой сосны, и до сего времени на берегу реки Саровки существующей, на его сенокосной пажнинке меня посадили. На просьбу мою помочь мне и исцелить меня он сказал: “Да ведь я не доктор, к докторам надобно относиться, когда хотят лечиться от болезней каких-нибудь” Я подробно рассказал ему бедствия мои, и что я все три главных способа лечений испытал, а именно аллопатией лечился у знаменитых в Казани докторов – Василия Леонтьевича Телье и ректора Императорского Казанского университета Карла Федоровича Фукса,

по званию и практике своей не только в Казани и России, но и за границей довольно известного медика-хирурга, гидропатией на Сергиевских минеральных серных водах, ныне Самарской губернии, взял целый полный курс лечения и гомеопатией у самого основателя и изобретателя сего способа Ганнемана, через ученика его пензенского доктора Питерсона, но ни от одного способа не получил исцеления болезней моих, и затем ни в чем уже не полагаю себе спасения и не имею другой надежды получить исцеления от недугов, кроме как только лишь благодатию Божией. Но будучи грешен и не имеючи дерзновения сам ко Господу Богу, прошу его святых молитв, чтоб Господь исцелил меня. И он сделал мне вопрос: "А веруете ли вы в Господа Иисуса Христа, что Он есть Богочеловек, и в Пречистую Его Божию Матерь, что Она есть Приснодева?" Я отвечал: "Верую!" "А веруешь ли, – продолжал он меня спрашивать, – что Господь как прежде исцелял мгновенно и одним словом Своим или прикосновением Своим все недуги, бывшие в людях, так и ныне так же легко и мгновенно может по-прежнему исцелять требующих помощи, одним же словом Своим, и что ходатайство к Нему Божией Матери за нас всемогуще, и что по сему Ее ходатайству Господь Иисус Христос и ныне так же мгновенно и одним словом может всецело исцелить вас?" Я отвечал, что "истинно всему этому всею душою моею и сердцем моим верую, и если бы не веровал, то не велел бы везти себя к вам!" "А если веруете, – заключил он, – то вы здоровы уже!" "Как здоров, – спросил я, – когда люди мои и вы держите меня на руках?" "Нет! – сказал он мне, – вы совершенно всем телом вашим теперь уже здравы вконец!" И он приказал державшим меня на руках своих людям моим отойти от меня, а сам, взявши меня за плечи, приподнял от земли и, поставив на ноги мои, сказал мне: "Крепче стойте, тверже утверждайтесь ими на земле, вот так; не робейте, вы совершенно здравы теперь". И потом прибавил, радостно смотря на меня: "Вот видите ли, как вы теперь хорошо стоите". Я отвечал: "Поневоле хорошо стою, потому что вы хорошо и крепко держите меня" И он, отняв руки свои от меня, сказал: "Ну, вот уже и я теперь не держу вас, а вы и без меня все крепко стоите; идите же смело, батюшка мой, Господь исцелил вас, идите же и трогайтесь с места". Взяв меня за руку одной рукою своею, а другой в плечи мои немного подталкивая,

повел меня по траве и по неровной земле, около большой сосны, говоря: "Вот, ваше боголюбие, как вы хорошо пошли!" Я отвечал: "Да, потому что вы хорошо меня вести изволите!" "Нет, – сказал он мне, отняв от меня руку свою, – Сам Господь совершенно исцелить вас изволил и Сама Божия Матерь о том Его упросила, вы и без меня теперь пойдете и всегда хорошо ходить будете, идите же..." – и стал толкать меня, чтобы я шел. "Да эдак упаду я и ушибусь..." – сказал я. "Нет, – противоречил он мне, – не ушибетесь, а твердо пойдете..." И когда я почувствовал в себе какую-то выше осенившую тут меня силу, приободрился немного и твердо пошел, то он вдруг остановил меня и сказал: "Довольно уже" – и спросил: "Что, теперь удостоверились ли вы, что Господь вас действительно исцелил во всем, и во всем совершенно? Отъял Господь беззакония ваша и грехи ваши очистил есть Господь. Видите ли, какое чудо Господь сотворил с вами ныне; веруйте же всегда несомненно в Него, Христа Спасителя нашего, и крепко надейтеся на благоутробие Его к вам, всем сердцем возлюбите Его, и прилепитесь к Нему всею душою вашею, и всегда крепко надейтесь на Него, и благодарите Царицу Небесную за Ее к вам великие милости. Но так как трехлетнее страдание ваше тяжко изнурило вас, то вы теперь не вдруг помногу ходите, а постепенно мало-помалу приучайтесь к хождению и берегите здоровье ваше, как драгоценный дар Божий..." И довольно потом еще побеседовав со мною, отпустил меня на гостиницу совершенно здоровым. Итак, люди мои пошли одни из леса и ближней пустынки до монастыря, благодаря Бога и дивные милости Его ко мне, явленные в собственных глазах их, а я сам один сел с гостинником отцом Гурием, твердо, без поддержки людской сидя в экипаже, возвратился в гостиницу Саровской пустыни. А так как многие богомольцы были со мной при исцелении моем, то прежде меня возвратились в монастырь, всем извещая о великом чуде этом. Лишь только приехал я, игумен Нифонт и казначей иеромонах Исаия, с 24 старцами иеромонахами саровскими, встретили меня на крыльце гостиницы, поздравляя меня с милостью Божией, через великого старца Серафима мне во дни их дарованной. И сим благодатным здоровьем пользовался я восемь месяцев настолько, что никогда подобного сему здоровья и силы не чувствовал в себе до тех пор во всю мою жизнь. Часто

в течение сего времени и подолгу бывал я в Сарове и неоднократно беседовал с сим великим старцем Серафимом, и в одну из бесед его, в конце ноября 1831 года, имел счастье видеть его светлее солнца в благодатном состоянии и слышать тогда беседу эту его, а потом и многие тайны о будущем состоянии России открыл он мне».

Глава XIV

Беседы отца Серафима с монашествующими и мирянами

К отцу Серафиму лично обращались монашествующие из мужских и женских обителей; в числе их являлись к нему настоятели монастырей. Он излагал перед ними свои мысли об обязанностях настоятеля.

«Настоятель, – говорил он, – должен быть совершен во всякой добродетели и душевные свои чувства иметь обучен долгим учением в рассуждении добра и зла (Евр. 5, 16).

Настоятель должен быть искусен в Священном Писании: он день и нощь должен поучаться в законе Господнем, чрез таковые упражнения может он снискать себе дар рассуждения добра и зла.

Истинное познание добра и зла можно иметь только тогда, когда подвижник благочестия придет в сочувствие будущего осуждения и предвкушение вечного блаженства, что совершается в душе благочестивой еще в здешней, земной жизни таинственным и духовным образом.

Прежде рассуждения добра и зла человек не способен пасти словесных овец, но разве бессловесных; потому что без познания добра и зла мы действий лукавого постигать не можем.

А потому настоятель, яко пастырь словесных овец, и должен иметь дар рассуждения, дабы во всяком случае мог подавать полезные советы каждому требующему его наставления; ибо, как говорит Петр Дамаскин (в Добротолюбии, о назидании души добродетелями. Часть 3, лист 52), несть всякий

человек верен дати совет ищущим; но кто от Бога приял дар рассуждения и от многого пребывания в подвижничестве стяжа ум прозрителен.

Настоятелю должно иметь также дар проницательности, дабы из соображения вещей настоящих и прошедших мог он предусматривать и будущие и проразумевать козни вражии.

Отличительным характером настоятеля должна быть любовь его к подчиненным: истинного бо пастыря, по словам Иоанна Лествичника, показует любовь его к своему стаду. Ибо любовь принудила распяться на кресте Верховного Пастыря (в книге к Пастырю, гл. 5, лист. 178 на об.)».

Другие из настоятелей, заботясь о спасении порученных их руководству братий, спрашивали о. Серафима о том, как управлять братией. На такой вопрос одного из них о. Серафим дал следующее наставление:

«Всякий настоятель да сделается и да пребудет всегда в отношении к подчиненным благоразумной матерью.

Чадолюбивая матерь не в свое угождение живет, но в угождение детей. Немощи немощных чад сносит с любовью; в нечистоту впадших очищает, омывает тихо, мирно, облачает в ризы белые и новые, обувает, согревает, питает, промышляет, утешает и со всех сторон старается дух их покоить так, чтоб никогда не слышать ей малейшего их вопля, и таковые чада бывают благорасположены к матери своей. Так всякий настоятель должен жить не в свое угождение, но во угождение подчиненных: должен к слабостям их быть снисходителен, немощи немощных несть с любовью, болезни греховные врачевать пластырем милосердия, падших преступлениями подымать с кротостью, замаравшихся скверною какого-либо порока очищать тихо и омывать возложением на них поста и молитв, сверх определенных обще для всех; одевать учением и примерной жизнью своей в одежды добродетелей; непрестанно бдеть о них, всеми способами утешать их и со всех сторон ограждать мир их и покой так, чтобы никогда не было слышно ни малейшего их вопля, ниже ропота – и тогда они с ревностью будут стремиться, чтобы доставить мир и покой настоятелю».

В 1830 году один иеромонах, вызываемый из Саровской пустыни настоятелем в Казанскую епархию, пришел к о. Серафиму принять благословение. Он нашел старца в лесу

в трудах над грядами и подошел к нему молча, не говоря ни слова. Отец Серафим, увидев издали идущего к себе брата, запел и довел до конца *светилен св. Кресту: Крест хранитель...* Потом о. Серафим спросил пришедшего: «Ты куда едешь, брат?» «В Казань вызывают», — отвечал пришедший.

«С тобою обман, батюшка, идет, — сказал о. Серафим и прибавил: — Не ходи в Макарьевскую пустынь». А Макарьевская пустынь лежит в полугоре близ города Свияжска и называется Подгорной.

«Меня, батюшка о. Серафим, вызывают не в Макарьевскую, а в Раифскую пустынь игуменом», — сказал пришедший брат, имея в виду поправить ошибку старца.

А о. Серафим продолжал свое: «Я тебе говорю, не ходи в Макарьевскую». Подумавши же еще немного, примолвил: «Ну, поживи вне Сарова несколько... Опять к нам приедешь, и умрем здесь в богоспасаемой Саровской пустыни». Потом, благословив брата, старец отпустил его с миром.

Брат отправился. Прибывши в Казань, он узнал, что действительно был определен указом не в Раифскую, а в Макарьевскую пустынь. Вспомнив слова о. Серафима, убедительно говорившего: «не ходи в Макарьевскую», он отказался от этого назначения и был послан строителем в Цивильский Тихвинский монастырь.

Г-жа П. И. Шкарина, пользовавшаяся с 1827 года особенным доверием о. Серафима, свидетельствует, что он еще за год до первой холеры, что была в 1830 и 1831 годах, говорил: «Грядет гнев Божий на Россию, приближается смертоносная холера. Бодрствуйте, — говорил он ей, — бодрствуйте и молитесь, да не найдет на вы внезапно час смертный».

Холера, открывшись в России, посетила монастырь Тихвинский, в котором строительствовал саровский брат. Болезнь заставила его выпросить у начальства увольнение от монастыря. Он возвратился опять в Саровскую пустынь.

Немало являлось в это время к о. Серафиму и таких людей, которые, желая поступить в монастырь, спрашивали у него советов и наставлений. Старец, по своей прозорливости, дарованной от Господа, делал полезные советы и нередко предуказывал будущее.

Так, в 1830 году один послушник Глинской пустыни, нарочно прибыв в Саровскую обитель, спросил у о. Серафима, есть

ли ему благословение Божие поступить в монашество. Молодой человек, не зная еще хорошо себя самого, не усвоивши мысли о своем призвании, колебался между миром и монастырем; некому было поверить ему своих дум; не было вблизи человека, который решил бы его пожизненный вопрос. Вот приходит глинский послушник к о. Серафиму, падает ему в ноги, просит развязать душу от вихря сомнений. Спрашивает, есть ли воля Божия поступить ему и брату его Николаю в монастырь. Не так ли и сам о. Серафим, за несколько лет назад, являлся в Киев к затворнику Досифею? Ответил же он послушнику так:

«Сам спасайся и брата своего (родного) спасай». Потом, подумавши немного, сказал: «Помнишь ли житие Иоанникия Великого? Странствуя по горам и стремнинам, он нечаянно уронил из рук жезл свой, который упал в пропасть. Жезла нельзя было достать, а без него святой не мог идти далее. В глубокой скорби он возопил к Господу Богу – и Ангел Господень невидимо вручил ему новый жезл».

Сказав это, о. Серафим вложил в правую руку послушника свою собственную палку и произнес:

«Трудно управлять душами человеческими! Но среди всех твоих напастей и скорбей в управлении душами братий Ангел Господень непрестанно при тебе будет до скончания жизни твоей».

После этого послушник решился поступить в монашество. При пострижении ему дали имя Паисия, и в 1856 году он был произведен во игумена к Астраханскому Чуркинскому Николаевскому общежительному монастырю, а через шесть лет возведен в архимандрита той же обители, сделавшись таким образом, как предвидел старец Серафим, пастырем душ человеческих. Родной же брат его, о котором о. Серафим говорил: *«спасай брата»*, поступил в монашество под именем Назария и окончил жизнь свою в Козелецком Георгиевском монастыре, в звании иеромонаха.

Давая наставления начальствующим из монастырской братии, о. Серафим излагал и подчиненным обязанности их в отношении к начальникам.

«Стяжи смирение, послушание, повиновение – и спасешься, – говорил он словами преподобного Варсонофия. – И отнюдь не говори вопреки: что это? Но будь благопокорлив

наипаче авве твоему, который ради Бога печется о тебе и которому вверена душа твоя (Варс. Отв. 242).

Кто поистине хочет быть учеником Христовым, тот никакой не имеет власти над собою, чтобы делать что-нибудь самому по себе, говорит тот же учитель. Ибо что делается по своему помыслу, то не угодно Богу, хотя бы казалось и хорошо. Если кто лучше знает полезное для себя, нежели авва, то зачем и называть себя учеником его?

Повинующийся повинуется во всем и не печется о спасении своем, потому что печется о нем другой, кому он подчинился и вверился. Кто в одном отсек волю свою, а в другом не отсек, тот имел свою волю и в том, в чем отсек.

Кто хочет узнать путь совершенно и нейдет со знающим сей путь совершенно, никогда не достигнет града (совершенного безмолвия).

Отвергни волю свою назад и блюди смирение во всем житии твоем – и тогда спасешься. Смирение и послушание суть искоренители всех страстей и насадители всех добродетелей (Варс. Отв. 309, 357, 551, 618, 68, 226).

Подчиненный должен умертвить свои страсти для жизни временной, чтобы иметь жизнь вечную. Он должен быть как сукно на сукновальне, по словам преподобного Антиоха. Ибо как сукно белильщик колотит, топчет, чешет, моет, и оно делается бело, подобно снегу; так и послушник, терпя унижения, оскорбления, поношения, очищается и делается как серебро чистое, блестящее, огнем разжженное (Ант. Сл. 113).

Не должно входить в дела начальнические и судить оные: сим оскорбляется величество Божие, от Коего власти поставляются, ибо *несть власть, аще не от Бога, сущия же власти от Бога учинены суть* (Рим. 13, 1).

Не должно противиться власти во благое, чтоб не согрешить пред Богом и не подвергнуться Его праведному наказанию: *противляяйся власти, Божию повелению противляется: противляющийся же себе грех приемлет* (Рим. 13, 2).

Послушливый много к созиданию души преуспевает, кроме того, что он приобретает через сие понятие о вещах и приходит в умиление».

Многие из новоначальных иноков спрашивали о. Серафима советов и наставления на счет того, как им спасти себя и присных своих. Отец Серафим отвечал на это следующее:

«По совету ли, или по власти других, или каким бы то ни было образом пришел ты в обитель, — не унывай: посещение Божие есть. Аще соблюдеши, яже тебе сказую — спасешися сам и присные твои, о которых заботишься: не видех, глаголет Пророк, *праведника оставлена, ниже семене его просяща хлебы* (Пс. 36, 25). Живя же в сей обители, сие соблюдай: стоя в церкви, внимай всему без опущения, узнай весь церковный порядок, то есть вечерню, повечерие и полунощницу, утреню, часы, выучись содержать в разуме.

Если находишься в келье, не имея рукоделия, всячески прилежи чтению, а наипаче Псалтири; старайся каждую статью прочитывать многократно, дабы содержать все в разуме. Если есть рукоделие — занимайся оным; если зовут на послушание — иди на оное. За рукоделием или будучи где-либо на послушании, твори беспрестанно молитву: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго. В молитве внемли себе, то есть ум собери и соединяй с душою. Сначала день, два и множае твори молитву сию одним умом, раздельно, внимая каждому особо слову. Потом, когда Господь согреет сердце твое теплотою благодати Своея и соединит в тебе оную в един дух, тогда потечет в тебе молитва оная беспрестанно и всегда будет с тобою, наслаждая и питая тебя. Сие-то самое есть реченное пророком Исаиею: *роса бо, яже от Тебе, исцеление им есть* (26, 19). Когда же будешь содержать в себе сию пищу душевную, то есть беседу с Самим Господом, то зачем ходить по кельям братий, хотя кем и будешь призываем? Истинно сказую тебе, что празднословие сие есть и празднолюбие. Аще себя не понимаешь, то можешь ли рассудить о чем и других учить? Молчи, беспрестанно молчи; помни всегда присутствие Божие и имя Его. Ни с кем не вступай в разговор, но всячески блюдись осуждать много разговаривающих или смеющихся; будь в сем случае глух и нем; что бы о тебе ни говорили, пропускай все мимо ушей. В пример себе взять можно Стефана Нового (Чет. мин. 28 ноября, в житии его), которого молитва была непрестанна, нрав кроток, уста молчаливые, сердце смиренно, дух умилен, тело с душою чисто, девство непорочно, нищета истинная и нестяжание пустынническое, послушание безроптиво, повиновение тщательное, делание терпеливо и труд усерден.

Сидя за трапезой, не смотри и не осуждай, кто сколько ест, но внимай себе, питая душу молитвой. За обедом ешь доволь-

но, за ужином повоздержись. В среду и пяток, аще можешь, вкушай по однажды. Каждый день непременно в нощи спи четыре часа: 10-й, 11-й, 12-й и час за полунощь; аще изнеможешь, можешь вдобавок днем спать. Сие держи несумненно, до кончины жизни: ибо оно нужно для успокоения головы твоей. И я с молодых лет держал таковой путь. Мы и Господа Бога всегда просим о упокоении себя в нощное время. Аще тако будешь хранить себя, то не будешь уныл, но здрав и весел.

Сказую тебе истинно, аще тако будешь вести себя, то неисходно пребудешь в обители до скончания своего. Смиряйся, и Господь поможет тебе, и *изведет яко свет правду твою и судьбу твою, яко полудне* (Пс. 36, 6), *и просветится свет твой пред человеки* (Мф. 5, 16)».

Саровский монах Киприан был смущаем тягостью возложенного на него послушания, пошел к о. Серафиму в келью за наставлением. «Не успел я войти к нему в келью, ни сказать ни одного слова, – говорил монах, – встретил он меня у двери и сказал: "Радость моя! Нет дороги отказываться от послушания"».

Один раз пришел к о. Серафиму монах из очень дальнего монастыря. Старец в то время трудился у своего колодца. Подошедши к нему, странник поклонился и попросил благословения, а о. Серафим, занимаясь трудами, не обратил на него никакого внимания. Инок, постояв молча, отошел восвояси без всякого утешения. Тогда о. Серафим, подошедши к дивеевской сестре, тут же неподалеку трудившейся, сказал: «Вот, матушка, требует благословения, а сам не знает куда». Так, разумеется, понял поведение старца и сам инок, не получивший благословения на дело, без рассуждения и сознания задуманное.

Не оставляя без духовного назидания монашествующих, о. Серафим много поучал и мирян, обличая в них ложные направления ума и жизни и преподавая положительные правила благочестия. Так, один благоговейный священник привел с собой к о. Серафиму профессора, преподававшего в семинарии одну из наук богословия, который не столько хотел слышать беседу старца, сколько принять его благословение на вступление в монашество. Старец благословил его по обычаю священства, но насчет его желания вступить в монашество не давал никакого ответа, занявшись беседой со священником. Профессор, стоя в стороне, внимал их беседе. Священник между тем во время разговора часто наводил речь на цель,

с которою пришел к нему ученый. Но старец, намеренно уклоняясь от сего предмета, продолжал свою беседу и только раз, как бы мимоходом, заметил о профессоре: «Не нужно ли ему еще доучиться чему-нибудь?» Священник на это решительно объяснил ему, что он знает православную веру, сам профессор семинарии, и стал убедительнейше просить разрешить только недоумение его на счет монашества. Старец на это отвечал: «И я знаю, что он искусен сочинять проповеди. Но учить других так же легко, как с нашего собора бросать на землю камешки, а проходить делом то, чему учишь, все равно как бы самому носить камешки наверх собора. Так вот какая разница между учением других и прохождением самому дела». В заключение он советовал профессору прочитать историю св. Иоанна Дамаскина, говоря, что из нее он усмотрит, чему еще надобно доучиться ему.

В 1831 году 18 июня были в Сарове и пришли в пустынь к о. Серафиму Иван Михайлович Кредицкий и жена его Ю. П. «Мы нашли старца, – говорили они, – на работе: он разбивал грядку мотыгою, и когда мы подошли к нему и поклонились ему до земли, он благословил нас и, положивши на мою голову руки, прочитал тропарь Успению Божией Матери: *“В рождестве девство сохранила еси”* и т. д.; потом он сел на грядку и приказал нам также сесть, но мы невольно встали пред ним на колени и слушали его беседу о будущей жизни, о жизни святых, о заступлении, предстательстве и попечении о нас, грешных, Владычицы Богородицы и о том, что необходимо нам в здешней жизни для вечности. Эта беседа продолжалась не более часа; но такого часа я не сравню со всей прошедшей моей жизнью. Во все продолжение беседы я чувствовал в сердце неизъяснимую небесную сладость, Бог весть каким образом туда перелившуюся, которой нельзя сравнить ни с чем на земле и о которой до сих пор я не могу вспомнить без слез умиления и без ощущения живейшей радости во всем моем составе. До сих пор я хотя и не отвергал ничего священного, но и не утверждал ничего: для меня в духовном мире все было совершенно безразлично, и я ко всему был одинаково хладнокровен. Отец Серафим впервые дал мне теперь почувствовать всемогущего Господа Бога и Его неисчерпаемое милосердие и всесовершенство. Прежде за эту хладность души моей ко всему святому и за то, что я любил играть безбожны-

ми словами, правосудный Господь допустил скверному духу богохульства овладеть моими мыслями, и эти ругательные мысли, о которых доныне я не могу вспомнить без особенного ужаса, целых три года сокрушали меня постоянно, особенно же на молитве, в церкви, и более всего когда я молился Царице Небесной. Уже я думал в отчаянии, что никакие муки, по суду земному, недостаточны для моего наказания и что только адские вечные муки могут быть праведным возмездием за мои богохуления. Но о. Серафим в своей беседе совершенно успокоил меня, сказавши со свойственной ему неизъяснимо-радостной улыбкой: чтобы я не боялся этого шума мысленного; что это действие врага, по зависти его, и чтобы я безбоязненно всегда продолжал свою молитву, какие бы враг ни представлял скверные и хульные мысли.

С тех пор, действительно, этот шум мысленный начал во мне мало-помалу исчезать и менее чем в месяц совершенно прекратился».

Однажды пришли к нему четыре человека из ревнителей старообрядчества, жители села Павлова Горбатовского уезда, спросить о двуперстном сложении, с удостоверением истинности старческого ответа каким-нибудь чудом или знамением. Только что переступили они за порог кельи, не успели еще сказать своих помыслов, как старец подошел к ним, взял первого из них за правую руку, сложил персты в трехперстное сложение по чину Православной Церкви и, таким образом крестя его, держал следующую речь: «Вот христианское сложение креста! Так молитесь и прочим скажите. Сие сложение предано от св. Апостолов: сложение двуперстное противно святым уставам. Прошу и молю вас, ходите в церковь грекороссийскую: она во всей славе и силе Божией! Как корабль, имеющий многие снасти, паруса и великое кормило, она управляется Святым Духом. Добрые кормчие ее – учителя Церкви, архипастыри – суть преемники Апостольские. А ваша часовня подобна маленькой лодке, не имеющей кормила и весел; она причалена вервием к кораблю нашей Церкви, плывет за ней, наливаемая волнами, и непременно потонула бы, если бы не была привязана к кораблю».

В другое время пришел к нему один старообрядец и спросил: «Скажи, старец Божий, какая вера лучше: нынешняя церковная или старая?»

«Оставь свои бредни, — отвечал о. Серафим, — жизнь наша есть море, Св. Православная Церковь наша — корабль, а кормчий — Сам Спаситель. Если с таким кормчим люди, по своей греховной слабости, с трудом переплывают море житейское и не все спасаются от потопления, то куда же стремишься ты со своим ботиком и на чем утверждаешь свою надежду — спастись без кормчего?»

Однажды зимою привезли на санях больную женщину к монастырской келье о. Серафима и о сем доложили ему. Несмотря на множество народа, толпившегося в сенях, о. Серафим просил принести ее к себе. Больная вся была скорчена, коленки сведены к груди. Ее внесли в жилище старца и положили на пол. Отец Серафим запер дверь и спросил ее:

«Откуда ты, матушка?» — «Из Владимирской губернии». — «Давно ли ты больна?» — «Три года с половиной». — «Какая же причина твоей болезни?» — «Я была прежде, батюшка, православной веры, но меня отдали замуж за старообрядца. Я долго не склонялась к ихней вере — и все была здорова. Наконец они меня уговорили: я переменила крест на двуперстие и в церковь ходить не стала. После того вечером пошла я раз по домашним делам во двор; там одно животное показалось мне огненным, даже опалило меня; я в испуге упала, меня начало ломать и корчить. Прошло немало времени. Домашние хватились, искали меня, вышли на двор и нашли — я лежала. Они внесли меня в комнату. С тех пор я хвораю». «Понимаю... — отвечал старец. — А веруешь ли ты опять в Св. Православную Церковь?» «Верую теперь опять, батюшка», — отвечала больная.

Тогда о. Серафим сложил по православному персты, положил на себе крест и сказал: «Перекрестись вот так во имя Святой Троицы». «Батюшка, рада бы, — отвечала больная, — да руками не владею».

Отец Серафим взял из лампады у Божией Матери «Умиления» елея и помазал грудь и руки больной. Вдруг ее стало расправлять, даже суставы затрещали, и она тут же получила совершенное здоровье.

Народ, стоявший в сенях, увидев чудо, разглашал по всему монастырю, и особенно в гостинице, что о. Серафим исцелил больную.

Когда это событие кончилось, то пришла к о. Серафиму одна из дивеевских сестер. Отец Серафим сказал ей: «Это,

матушка, не Серафим убогий исцелил ее, а Царица Небесная». Потом спросил ее:

«Нет ли у тебя, матушка, в роду таких, которые в церковь не ходят?» «Таких нет, батюшка, – отвечала сестра, – а двуперстным крестом молятся мои родители и родные все». «Попроси их от моего имени, – сказал о. Серафим, – чтобы они слагали персты во имя Святой Троицы». «Я им, батюшка, говорила о сем много раз, да не слушают». «Послушают, попроси от моего имени. Начни с твоего брата, который меня любит: он первый согласится. А были ли у тебя из умерших родные, которые молились двуперстным крестом?» «К прискорбию, у нас в роду все так молились».

«Хоть и добродетельные были люди, – заметил о. Серафим, пораздумавши, – а будут связаны: Св. Православная Церковь не принимает этого креста... А знаешь ли ты их могилы?» Сестра назвала могилы тех, которых знала, где погребены. «Сходи ты, матушка, на их могилы, положи по три поклона и молись Господу, чтобы Он разрешил их в вечности». Сестра так и сделала. Сказала и живым, чтобы они приняли православное сложение перстов во имя Святой Троицы, и они точно послушались голоса о. Серафима: ибо знали, что он угодник Божий и разумеет тайны св. Христовой веры.

О православном сложении перстов и положении на чело крестного знамения должным образом о. Серафим очень заботился и приписывал крестному знамению великую силу. Крестьянин Ардатовского уезда села Автодеева М. Б., собираясь в Саров на богомолье, пред самым выездом получил такой жестокий удар, что память совершенно потерял, и его без сознания привезли в Саровскую пустынь. Здесь один послушник, земляк больному, привел его к о. Серафиму. «Едва только стали подходить мы к келье старца, – рассказывал после М. Б. и бывший с ним послушник, – как я уже почувствовал в себе облегчение, чувство памяти и понимания понемногу снова начало возвращаться ко мне, и я помню все, что о. Серафим говорил и делал со мной в то время. Сперва он благословил меня и начертил на челе моем крест маслом из лампадки, потом дал мне две пригоршни сухариков, наконец сам показал мне трехперстное сложение креста и сказал: “Милостив Бог! Молись Ему так: со временем все это пройдет”. И действительно, немного спустя по возвращении моем домой я

сделался совершенно здоров, молитвами угодника Божия о. Серафима».

Часто старец Божий одним своим видом и простым словом приводил к сознанию грешников, и они решались исправиться от пороков. Так, в одно время к нему силился пройти сквозь толпу один крестьянин, но всякий раз как будто отталкиваем был кем-то. Наконец сам старец обратился к нему и спросил строго: «А ты куда лезешь?» Крупный пот выступил на лице крестьянина, и он с чувством глубочайшего смирения, в присутствии всех тут бывших, начал раскаиваться в своих пороках, особенно краже, сознаваясь, что он недостоин явиться пред лице такого светильника. Конечно, это сознание не могло не принести добрых плодов в жизни простосердечного крестьянина.

Иван Яковлевич Каратаев относительно наставлений о. Серафима, лично ему данных, рассказывал следующее:

«В октябре 1830 года я был послан из Курской губернии, где квартировал наш полк, за ремонтом. В Курске и дорогой много слышал о подвигах старцев Саровской пустыни Назария, Марка и других, в особенности много рассказывали мне о великом подвижнике той пустыни, затворнике и пустыннике иеромонахе Серафиме, о его святой жизни, о чудных его предсказаниях, о даре врачевания всевозможных болезней, телесных и душевных, и о необыкновенной его прозорливости. Эти рассказы до того разогрели мое сердце, что я решился непременно заехать по пути в Саров. Но когда я был подле самой почти Саровской пустыни, враг смутил меня страхом прозорливости старца Серафима. Мне казалось, что старец торжественно обличит меня во всех грехах моих, особенно же в заблуждении касательно почитания святых икон. Я думал, что икона, писанная рукой человека, даже может быть грешного, не может быть угодна Богу, следовательно, не может вместить в себя чудодейственной благодати Божией, и поэтому не должна быть предметом нашего почитания и благоговения. По слабости и малодушию я совершенно покорился страху обличения от прозорливого старца и проехал мимо Саровской пустыни.

На следующий год, в марте месяце, когда войска наши двинулись на польскую границу, я возвращался в свой полк, по приказанию начальства.

Путь мой лежал опять мимо Саровской пустыни, и теперь я уже решился, по совету своего отца, побывать у о. Серафима. Когда я шел из гостиницы к келье старца, внезапно страх, до того времени владевший мной, переменился на какую-то тихую радость, и я заочно возлюбил о. Серафима. Около его кельи уже стояло множество народа, пришедшего к нему за благословением. Отец Серафим, благословляя прочих, взглянул и на меня и дал мне знак рукою, чтобы я прошел к нему. Я исполнил его приказание со страхом и любовью, поклонился ему в ноги, прося его благословения на дорогу и на предстоящую войну, и чтобы он помолился о сохранении моей жизни. Отец Серафим благословил меня медным своим крестом, который висел у него на груди, и, поцеловав, начал меня исповедовать, сам сказывая грехи мои, как будто бы они при нем были совершены. По окончании этой утешительной исповеди он сказал мне: "Не надобно покоряться страху, который наводит на юношей диавол, а нужно тогда особенно бодрствовать духом и, откинув малодушие, помнить, что хоть мы и грешные, но все находимся под благодатию нашего Искупителя, без воли Которого не спадет ни один волос с головы нашей". Вслед за тем начал он говорить и о моем заблуждении касательно почитания св. икон: "Как худо и вредно для нас желание исследовать таинства Божии, недоступные слабому уму человеческому, например: как действует благодать Божия через святые иконы, как она исцеляет грешных, подобных нам с тобой, – прибавил он, – и не только тело их, но и душу; так что и грешники, по вере в находящуюся в них благодать Христову, спасались и достигали Царства Небесного". Затем в подтверждение почитания святых икон он приводил в пример, что "еще в Ветхом Завете, при кивоте завета, были золотые Херувимы; а в церкви новозаветной Евангелист Лука написал лик Божией Матери, и Сам Спаситель оставил нерукотворенный Свой образ". Наконец, в заключение он сказал, что "не нужно внимать подобным хульным мыслям, за которые вечная казнь ждет духа лжи и сообщников его в день Страшного суда"

Много еще и других душеспасительных слов говорил он тогда в мое назидание, но я не припомню их всех. Говорил он, что "искушения диавола подобны паутине; что только стоит дунуть на нее – и она истребляется; что так-то и на врага-диавола, стоит только оградить себя крестным знамением – и все

козни его исчезают совершенно". Говорил он также, что "все святые подлежали искушениям; но, подобно золоту, которое чем более может лежать в огне, тем становится чище, и святые от искушений делались искуснее, терпением умилостивляли правосудие Творца и приближались ко Христу, во имя и за любовь Которого они терпели" И наконец несколько раз повторял он, что "тесным путем надлежит нам, по слову Спасителя, войти в Царствие Божие"

Слушая о. Серафима, поистине я забыл о своем земном существовании.

Солдаты, возвращавшиеся со мною в полк, удостоились также принять его благословение, и он, делая им при этом случае наставления, предсказал, что ни один из них не погибнет в битве, что и сбылось действительно: ни один из них не был даже ранен.

Уходя от о. Серафима, я положил подле него на свечи три целковых. Но враг диавол, завидуя тогдашнему спокойствию совести людей, вложил мне такую мысль: зачем святому отцу деньги? Эта вражеская мысль смутила меня, и я поспешил с раскаянием и с просьбою о прощении за нее к о. Серафиму. Но Бог явно наказал меня за то, что я на минуту допустил к себе такую нечестивую мысль. Ходя около кельи о. Серафима, я не мог узнать ее и принужден был спросить шедшего к нему монаха: где келья о. Серафима? Монах, удивляясь, вероятно, моему вопросу, указал мне ее. Я вошел с молитвой к старцу, и он, предупреждая слова мои, сказал мне следующую притчу: "Во время войны с галлами надлежало одному военачальнику лишиться правой руки; но эта рука дала какому-то пустыннику три монеты на св. храм, и молитвами Св. Церкви Господь спас ее. Ты это пойми хорошенько и впредь не раскаивайся в добрых делах. Деньги твои пойдут на устроение Дивеевской общины, за твое здоровье". Потом о. Серафим опять исповедал меня, поцеловал, благословил и дал мне съесть несколько просфорных сухариков и выпить святой воды, которую вливая мне в рот, сказал: "Да изженется благодатию Божиею дух лукавый, нашедший на раба Божия Иоанна" Старец дал мне и на дорогу сухарей и св. воды и, сверх того, просфору, которую сам положил в мою фуражку.

Наконец, получая от него последнее благословение, я просил его не оставить меня своими св. молитвами; на это он сказал:

“Положи упование на Бога и проси Его помощи, да умей прощать ближним своим – и тебе дастся все, о чем ни попросишь”.

В продолжение польской кампании я был во многих сражениях, и Господь везде спасал меня за молитвы праведника Своего».

Генерал Павел Яковлевич Куприянов пришел к старцу и благодарил его за молитвы. «Вашими молитвами, – говорил он, – я спасся во время турецкой кампании. Окруженный многими полками неприятелей, я оставался сам с одним только полком и видел, что мне нельзя было ни укрепиться, ни двинуться куда-нибудь, ни взад, ни вперед. Не было никакой надежды ко спасению. Я только твердил непрестанно: “Господи, помилуй молитвами старца Серафима”, ел сухарики, данные мне вами в благословение, пил воду святую, и Бог охранил меня от врагов невредимым». Старец отвечал на это: «Великое средство ко спасению – вера, особливо *непрестанная сердечная молитва;* пример нам св. Моисей пророк. Он, ходя в полках, безмолвно молился сердцем, и Господь сказал Моисею: *Моисее, Моисее, что вопиеши ко Мне?* Когда же Моисей воздвигал руки свои на молитву, тогда побеждал Амалика... Вот что есть молитва! Это непобедимая победа! Св. пророк Даниил говорит: *Лучше мне умрети, нежели оставить молитву на мгновение ока:* молитвою пророк Даниил заградил уста львов, а три отрока угасили пещь огненную».

Когда о. Серафим говорил это, подошли к нему два человека, одетые в светское платье. Отец Серафим, обратясь к одному из них, сказал: «А наше дело с вами учить детей!» Удивленный такой речью, этот отвечал искренно: «Да, я пастырь западной церкви!» После беседы со старцем этот пастырь обещал и, говорят, присоединился к Православной Церкви.

Князь Николай Николаевич Голицын, проезжая из Москвы в Пензу, по желанию принять благословение от о. Серафима, заехал в Саров и, не нашед старца в монастыре, поспешно пошел в пустынь. На дороге в полуверсте от монастыря старец встретился с ним, к величайшей его радости. Князь подошел к нему и просил благословения. Благословивши, старец спросил: «Кто ты такой?» Князь, не назвав своей фамилии, сказался просто проезжающим человеком. Тогда о. Серафим с братолюбием обнял его и, поцеловав, сказал: *«Христос воскресе!»* Затем спросил: «Читаешь ли ты Святое Евангелие?»

Проезжавший сказал, что читает. «Читай почаще, — отвечал старец, — следующие слова в сей божественной книге: *Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы. Возьмите иго Мое на себе и научитеся от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим. Иго Мое благо и бремя Мое легко есть* (Мф. 11, 28–30)». Сказав эти слова, старец опять со слезами обнял князя. Дорогой продолжал беседовать с ним о будущей жизни и о разных испытаниях, имеющих с ним случиться, которые все сбылись в свое время. Пришедши в монастырь, старец пригласил князя к себе в келью, дал напиться св. воды и пожаловал горсть сухарей. Прощаясь же с ним, он спросил у проезжавшего человека: «Долго ли намеревается он пробыть в монастыре?» Тот ответил, что предполагает уехать наутро, после ранней литургии. Тогда о. Серафим с невыразимой любовью сказал, что, полюбив его, он желает еще видеться с ним завтра, после ранней обедни, что поэтому, собственно ради него, он не пойдет завтра в пустынь и останется в монастыре. На другой день старец вышел к нему навстречу на крыльцо своей кельи, благословил, обнял его и ввел в келью. Здесь опять напоил его св. водой, дал сухариков и, благословляя в путь, опять советовал почаще читать прежде сказанные слова из Святого Евангелия и еще *Символ веры*, в котором просил обращать особенное внимание на двенадцатый член. К сожалению, другие беседы старца с князем остались неизвестны; но для князя они служили величайшим утешением и принесли много душевной пользы.

В отношении к родителям о. Серафим внушал уважение даже и в таком случае, если бы они имели слабости, унижающие их. Так, один человек пришел к старцу со своей матерью. Мать же его в высшей степени предана была пьянству. Только что хотел он изъявить о. Серафиму слабости своей матери, старец мгновенно положил правую свою руку на уста его и не позволил промолвить ему ни одного слова. По учению нашей Православной Церкви, мы не должны осуждать родителей своих, терять к ним уважение и любовь из-за недостатков их. От сына обратясь к матери, о. Серафим сказал: «Отверзи уста свои». И когда она открыла, дунул на нее трижды. Отпуская же их от себя, сказал: «Вот вам мое завещание: не имейте в дому своем не точию вина, но ниже посуды винной, так как ты (обращаясь к матери) не потерпишь более вина».

К последним же годам жизни о. Серафима относятся замечательные наставления разным лицам, в свое время записанные саровским иноком Сергием, бывшим впоследствии архимандритом Высоцкого Серпуховского монастыря: о должностях и любви к ближнему; о неосуждении ближнего и прощении обид; о терпении и смирении; о болезнях; о милостыне; о посте; о покаянии; о слезах и о Святом Духе.

Были у старца Серафима на беседе и такие люди, которые не искали себе назидания, а хотели лишь удовлетворить своей пытливости. Так, одному саровскому брату подумалось, что уже близок конец мира, что наступает великий день второго пришествия Господня. Вот он и спрашивает о сем мнения о. Серафима. Старец же смиренно отвечал: «Радость моя! Ты много думаешь о Серафиме убогом. Мне ли знать, когда будет конец миру сему и наступит великий день, в который Господь будет судить живых и мертвых и воздаст каждому по делам его? Нет, сего мне знать невозможно». Брат в страхе упал к ногам прозорливого старца. Серафим же ласково воздвиг его и продолжал говорить так: «Господь сказал Своими пречистыми устами: *о дне том и часе никто же весть; ни Ангели небеснии, токмо Отец Мой Един. Якоже бысть во дни Ноевы, тако будет и пришествие Сына человеческаго. Яко же бо бяху во дни прежде потопа, ядуще и пиюще, женящеся и посягающе, дондеже вниде Ноев ковчег, и не уведеша, дондеже прииде вода и взят вся: тако будет и пришествие Сына человеческаго* (Мф. 24, 37)». При сем старец тяжко вздохнул и сказал: «Мы, на земле живущие, много заблудили от пути спасительного, прогневляем Господа и нехранением св. постов; ныне христиане разрешают на мясо и во св. четыредесятницу и во всякий пост; среды и пятницы не сохраняют; а Церковь имеет правило: не хранящие св. постов и всего лета среды и пятницы много грешат. Но не до конца прогневается Господь, паки помилует. У нас вера — Православная Церковь, не имеющая никакого порока. Сих ради добродетелей Россия всегда будет славна и врагам страшна и непреоборима, имущая веру и благочестие в щит и во броню правду: сих врата адова не одолеют».

Видя, что о. Серафим так много подвизается в научении других, один брат решился спросить его: «Что ты всех учишь?» На это достоблаженный старец ответствовал: «Я следую учению Церкви, которая поет: *не скрывай словес Бога,*

но возвещай Его чудеса» (вторник Страстной седмицы, на вечерн. стих).

В другой раз ему послано было сказать, зачем он приходящих к нему помазывает елеем из лампады, горящей в келье его пред иконой. Отец Серафим отвечал посланному: «Мы читаем в Писании, что Апостолы мазали маслом и многие больные от сего исцелились. Кому же следовать нам, как не Апостолам?» И обычай его помазывать приходящих беспрепятственно оставался за ним, потому что помазанные получали врачевание.

Дух кротости и смиренномудрия, с которым старец относился к посещавшим его, весьма ясно отпечатлевается в следующем рассказе г-жи Елизаветы Николаевны Пазухиной, симбирской помещицы.

«С самого раннего детства наслышалась я о прозорливости и святости Саровского затворника и пустынника о. Серафима, и потому весьма хотелось мне посмотреть на него и принять от него благословение. Желание мое исполнилось, наконец, по милости Божией, в 1830 году.

В Арзамасе, на пути в Саровскую обитель, сказали мне хозяева квартиры, где я остановилась, что если я не поспею в Саров к ранней обедне в наступающее воскресенье, то не увижу уже о. Серафима, потому что он после ранней обедни обыкновенно уходит в свою пустынку и остается там до среды. Так как погода тогда была весьма тяжелая, а мое здоровье было плохо, то, чувствуя себя не в силах искать о. Серафима в его пустынке, я тотчас же, не отдыхая в Арзамасе, пустилась в путь, что было в субботу после обеда; ехала всю ночь и наутро была в Сарове. Первый вопрос мой, при входе в гостиницу, был: "Не кончилась ли ранняя обедня?" И когда монах, которому предложила я свой вопрос, объявил мне, что обедня уже окончена, я совершенно упала духом, потеряв надежду увидеть о. Серафима. Но Господу Богу угодно было утешить меня и не допустить до уныния. Я отправилась, на счастье, к его келье, вместе со множеством других посетителей Сарова, и мы нашли, что дверь его кельи заперта была изнутри. Это было знаком, что старец остался дома, и мы решились испросить у него благословение на то, чтобы видеть его и утешиться его душеспасительным словом. Но никто из нас не смел первый сотворить молитву. Пробовали некоторые, но дверь не отво-

рялась. Наконец я обратилась к стоявшей подле меня, у самых дверей, даме с маленькой девочкой, чтобы она заставила малютку сотворить молитву, говоря, что она всех нас достойнее. И только что малютка сотворила молитву, как в ту же минуту дверь отворилась. Но каков был общий наш испуг, когда о. Серафим, отворив дверь, начал опять закрывать ее! Я стояла ближе всех к дверям и пришла в совершенное отчаяние, подумавши: "Господи! Верно, я всех недостойнее, что он, увидев меня, решился снова затвориться". Но едва подумала я это, как о. Серафим, стоя в полузакрытой двери, обратился ко мне и сказал: "Успокойтесь, матушка, успокойтесь, потерпите немного", и вслед за тем вторично отворив дверь, обратился ко мне снова и спросил: "Пожалуйте, матушка; скажите мне, какая вам нужда? Что вам угодно?" Я заплакала от радости и сказала ему, что у меня одно желание – принять его благословение и испросить его св. молитв. Тогда он тотчас благословил меня и сказал: "Господь да благословит вас, благодать Его с вами!" И в то же время он пожаловал мне три частицы просфоры. После того начал он благословлять и прочих подходивших к нему, и каждому, по благословении, говорил: "Грядите с Богом". Мне же не сказал этого, и потому я осталась на своем месте. Видя меня одну оставшуюся по уходе всех, он сказал мне милостиво: "После вечерни, матушка, пожалуйте ко мне", – и затворился снова.

По возвращении в гостиницу я прежде всего приказала своей женщине изрезать помельче частицы просфоры, данной мне о. Серафимом. Я хотела по приезде домой обделить ими всех усердствующих к старцу. Потом с величайшим нетерпением стала дожидаться вечерни, чтобы отправиться к о. Серафиму и снести ему привезенный мною гостинец: немного домашнего полотна, масла и восковых свечей. Но так как оказалось, что человек, которому поручила я купить свечи и масло, забыл исполнить мое поручение, то я решилась снести ему полотно и деньги, приготовленные на покупку масла и свечей. Меня уверяли, что о. Серафим ни у кого не берет ничего; но я не переменила своего намерения; думая, что если он откажется взять эти вещи, то я отдам полотно в монастырь, а на деньги на другой день куплю масла и свечей.

После вечерни я нашла старца в сенях его кельи, на коленях лежащего у гроба. Увидевши меня, он поспешно встал и,

благословляя, сказал: “Пожалуйте, матушка, пожалуйте ко мне” При этих ласковых словах, колеблясь между страхом и надеждой, осмелилась я подать ему полотно, говоря: “Св. отец! Удостойте принять от истинного моего усердия это полотно” И какова была моя радость, когда он, взяв из рук моих полотно, сказал: “Благодарю вас, матушка, покорно; в храм Божий все годится” Тогда я осмелилась додать и деньги, сказав, что не успела купить масла и свечей. Он принял и деньги с благодарностью. Когда я рассказала потом об этой радости моей о. Дамаскину, саровскому иноку, он не мог надивиться такой особенной милости ко мне о. Серафима.

Настоящая беседа моя со старцем внушила мне, между прочим, мысль на другой день исповедаться у него; я сообщила об этом желании о. Дамаскину. Но он сказал, что это желание решительно неудобоисполнимо. Несмотря на то, я всю ночь продумала и просила Бога о том, чтобы Он удостоил меня, грешную, исповедаться у святого старца Серафима. Утром опять я отправилась к нему, и когда слуга мой отворил дверь в сени его кельи, я увидела старца опять подле его гроба. Он ввел меня в келью, приказал перекреститься и трижды дал пить мне св. воды, сам поднося ее к губам моим; потом попросил мой платок. Я подала ему конец шали, которая была на мне, и он насыпал туда пригоршню сухарей, говоря: “Вот, матушка, не хлопочите: это на раздачу, раздавайте усердствующим” Я тотчас вспомнила о вчерашнем своем поступке с тремя частицами просфоры, данными мне старцем, и изумилась его чудной прозорливости. После того с благоговением и страхом, чтобы не оскорбить праведного старца, осмелилась я объявить ему о своем желании исповедоваться у него, говоря: “Святый отец! Позвольте мне сказать вам одно слово” Он отвечал: “Извольте, матушка”, потом вдруг, к невыразимому удивлению и ужасу моему, а вместе с тем и радости, взял меня за обе руки и начал читать молитву: “Боже, ослаби, остави, прости ми согрешения моя, елика ти согреших” и т. д. Я повторила за ним эту молитву, громко рыдая, потом упала на колени, и он стал также на колени подле меня, и во все время чтения этой молитвы он держал мои руки. После отпуска, какой обыкновенно делается после исповеди, дал мне приложиться к медному кресту своему и, взяв мою правую руку, сказал: “Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любы

Бога и Отца и причастие Св. Духа буди с вами во всю жизнь вашу, во время кончины и после успения вашего" Я была вне себя от радости и целовала его руки.

После того, благословив меня в обратный путь, он сказал: "Господь вам поможет". И действительно, святыми его молитвами Господь дал мне благополучно доехать домой, тогда как кругом меня повсеместно свирепствовала сильнейшая холера.

Еще должна я сказать об одном событии, как Господь Бог услышал молитву праведного старца Серафима. У одной женщины было много детей, но все они умирали на первом году своего возраста. Бедная мать просила меня убедительно взять ее, с последней новорожденной дочерью, вместе с собой в Саровскую пустынь. Я обещала исполнить ее просьбу и в первую свою поездку в Саров взяла их с собой. Когда мать принесла девочку к о. Серафиму и стала просить его помолиться о ней, говоря, что все дети ее умирают, не дожив до года, он положил свою руку на голову дитяти и сказал: "Утешайтесь ею". Действительно, за молитвы праведника девочка эта осталась жива, а после нее рождавшиеся у этой женщины дети опять умирали».

Игумен Николо-Барковской пустыни Георгий, бывший гостинник саровский Гурий, сообщил много случаев из жизни о. Серафима и из своих бесед (тетрадь № 2). Так, он пишет, что «старец, говоря об имуществе Саровской пустыни, сказал: "Леса, земля и прочие имущества – это вечное достояние обители; я, убогий Серафим, бдел две недели, просил Матерь Божию, чтобы Она Своею милостию усвоила все имущество на вечные времена обители, и Матерь Божия не оставила меня убогого и благословила мне открыть, что Ей угодно, чтобы все имущество обители этой вечно неотъемлемо осталось за нею, до скончания века!"

Многие являлись к о. Серафиму, – говорит игумен Георгий, – просить благословение удалиться для спасения души на Афон, но старец никому благословения не давал, говоря, что там очень трудно, невыносимо скучно. Спасаться, по его мнению, всего удобнее в Православной России. "Если мы здесь плачем, – говорил о. Серафим, – то туда идти – для стократного плача, а если мы здесь не плачем, то и думать нечего о св. обители". Другие приходили к старцу просить благослове-

ния быть юродивыми, на что не только он не давал совета, но и с негодованием говорил: “Кто берет путь юродства на себя, без особого звания Божия, все в прелесть впадают; из юродивых едва ли один отыщется, чтобы не в прелести находился, и погибали или вспять возвращались. Старцы наши никому юродствовать не позволяли; при мне только один обнаружил юродство, запел в церкви кошачьим голосом, старец же Пахомий в ту же минуту приказал юродивого вывести из церкви и проводить за монастырские ворота. Три пути, на которые не должно выходить без особого звания: путь затворничества, юродства и путь настоятельства”».

Одному из саровских иноков о. Серафим открыл великую тайну, как он сподобился быть восхищенным в небесные обители (Жизнь и подвиги о. Серафима. СПб., изд. 1849–1856 гг.). Когда другой узнал это, то тоже пожелал выслушать старца и пришел к нему. Но только он хотел открыть уста, как старец загородил их своей рукой и сказал: «Огради себя молчанием». Тут же он начал рассказывать перед ним историю пророков, апостолов, св. отцов и мучеников, со свойственной ему простотой. Он описывал их подвиги и страдания, твердую веру и пламенную любовь к Спасителю, по стезям Которого они неуклонно шли, неся каждый крест свой для получения спасения; вспоминал и разные их чудотворения, которые они производили благодатию Божией, к славе Господа. Описывал также многих подвижников, в иночестве прославившихся своими подвигами в терпении и непрестанном бдении. Он говорил, что все святые, которых прославляет Церковь Христова, оставили нам, по своем успении, жизнь свою, как пример для подражания; но исполнением в точности, от всей души, заповедей Христовых достигли совершенства и спасения, обрели благодать и сподобились разнообразных даров Духа Святого. Исполнение же заповедей Христовых для каждого христианина есть бремя легкое, как сказал Сам Спаситель наш, только нужно всегда иметь их в памяти; а для этого всегда нужно иметь в уме и на устах молитву Иисусову, а пред очами представлять жизнь и страдания Господа нашего Иисуса Христа, Который из любви к роду человеческому пострадал до смерти крестныя. В то же время нужно очищать совесть исповеданием грехов своих и приобщением Пречистых Таин Тела и Крови Христовой.

«Радость моя, молю тебя, стяжи мирный дух!» – сказал о. Серафим иноку и тут же начал объяснять, что значит стяжание мирного духа. Это значит привести себя в такое состояние, чтобы дух наш ничем не возмущался. Надобно быть подобно мертвому или совершенно глухому или слепому при всех скорбях, клеветах, поношениях и гонениях, которые неминуемо приходят ко всем, желающим идти по спасительным стезям Христовым. Ибо многими скорбями подобает нам внити в Царство Небесное. Так спаслись все праведники и наследовали Царство Небесное; а перед ним вся слава мира сего как ничто; все наслаждения мирские и тени не имеют того, что уготовано любящим Бога в небесных обителях; там вечная радость и торжество. Для того чтобы дать духу нашему свободу возноситься туда и питаться от сладчайшей беседы с Господом, нужно смирять себя непрестанным бдением, молитвой и памятованием Господа.

«Вот я, убогий Серафим, – сказал старец, – для сего прохожу Евангелие ежедневно: в понедельник читаю от Матфея, от начала до конца, во вторник от Марка, в среду от Луки, в четверг от Иоанна; в последние же дни разделяю Деяния и Послания Апостольские, и ни одного дня не пропускаю, чтобы не прочитать Евангелия и Апостола дневного и Святому. Через это не только душа моя, но и самое тело услаждается и оживотворяется, оттого что я беседую с Господом, содержу в памяти моей жизнь и страдание Его, и день и ночь славословлю, хвалю и благодарю Искупителя моего за все Его милости, изливаемые к роду человеческому и ко мне недостойному».

Вслед за этим в неизобразимой радости он произнес: «Вот, я тебе скажу об убогом Серафиме! Я усладился словом Господа моего Иисуса Христа, где Он говорит: в дому Отца Моего обители мнози суть (то есть для тех, которые служат Ему и прославляют Его святое Имя). На этих словах Христа Спасителя я, убогий, остановился и возжелал видеть оные небесные обители и молил Господа моего Иисуса Христа, чтобы Он показал мне эти обители; и Господь не лишил меня, убогого, Своей милости, Он исполнил мое желание и прошение: вот я и был восхищен в эти небесные обители; только не знаю, с телом или кроме тела, Бог весть, это непостижимо. А о той радости и сладости небесной, которую я там вкушал, сказать тебе невозможно». И с этими словами о. Серафим замолчал...

Он поник головою, гладя тихонько рукою против сердца, лицо его стало постепенно меняться и наконец до того просветилось, что невозможно было смотреть на него. Во время таинственного своего молчания он как будто созерцал что-то с умилением. Потом о. Серафим снова заговорил:

«Ах, если бы ты знал, — сказал старец иноку, — какая сладость ожидает душу праведного на небеси, то ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, гонения и клевету с благодарением. Если бы самая эта келья наша (при этом он показал на свою келью) была полна червей и если бы эти черви ели плоть нашу во всю временную жизнь, то со всяким желанием надобно бы на это согласиться, чтобы только не лишиться той небесной радости, какую уготовал Бог любящим Его. Там нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания; там сладость и радость неизглаголанные; там праведники просветятся, как солнце. Но если той небесной славы и радости не мог изъяснить и сам св. Апостол Павел (2 Кор. 12, 2–4), то какой же другой язык человеческий может изъяснить красоту горного селения, в котором водворятся души праведных?!»

В заключение своей беседы старец говорил о том, как необходимо теперь тщательнейшим образом заботиться о своем спасении, пока не прошло еще благоприятное время.

Игумен Георгий (гостинник Гурий) сообщает еще, что один 20-летний юноша явился к о. Серафиму с вопросом, благословит ли он его на поступление в монастырь. Старец сказал: «Не все могут вместить, и на это принуждения от Господа нет, но все возможно верующему... Останься в мире, женись, не забывайте с сожительницею общения, strannолюбия; держитесь тех добродетелей, которые будут поминаться на страшном суде Божием, по Св. Евангелию: “Взалкал, и дасте Ми ясти, возжаждал, и напоисте Меня, наг бех, и одеясте Мя...” Вот в чем ваше спасение, и еще приложите чистоту, храните среды и пятки, и праздничные и воскресные дни. За нехранение чистоты, за несоблюдение среды и пятка супругами дети родятся мертвыми, а за нехранение праздников и воскресных дней жены умирают родами». Юноша возвратился домой, но еще сильнее воспламенился к иночеству и через 1,5 года поступил в Саровскую пустынь.

Архимандрит Балаклавского монастыря Никон писал следующее (тетрадь № 2): «В молодости моей, пред окончанием

семинарского курса в 1827 году, я жил в августе месяце по приказанию старца Серафима в Саровской пустыни до 3 недель и в течение этого времени неоднократно был удостоен келейной беседы о. Серафима, в коей он говорил мне: "Зачем ты хочешь идти в монахи? Вероятно, ты гнушаешься брака?" Я на это отвечал: "О св. таинстве брака я никогда не имел худых мыслей, а желал бы идти в монахи с той целью, чтобы удобнее служить Господу" После сего старец сказал: "Благословен путь твой, но смотри, напиши следующие слова мои не на бумаге, а на сердце: 1) учись умной, сердечной молитве, как учат св. отцы в Добротолюбии, ибо Иисусова молитва есть светильник стезям нашим и путеводная звезда к Нему; 2) к обыкновенной Иисусовой молитве прибавляй: *Богородице, помилуй мя!;* 3) одна молитва внешняя недостаточна; Бог внемлет уму, а потому те монахи, кои не соединяют внешнюю молитву со внутренней, не монахи, а черные головешки; 4) бойся, как геенского огня, галок намазанных (женщин), ибо они часто из воинов царских делают рабами сатаны; 5) помни, что истинная монашеская мантия есть радушное перенесение клеветы и напраслины: нет скорбей, нет и спасения; 6) все делай потихоньку, полегоньку и не вдруг: добродетель не груша – ее вдруг не съесть"».

Затем автор письма сообщил несколько случаев прозорливости о. Серафима.

Глава XV

Прозорливость о. Серафима

Прозорливость старца Серафима простиралась очень далеко. Он давал наставления для будущего, которого человеку обыкновенному никак не предусмотреть. Так, пришла к нему в келью одна молодая особа, никогда не думавшая оставить мир, чтобы попросить наставления, как ей спастись. Едва только эта мысль мелькнула в ее голове, старец уже начал говорить: «Много-то не смущайся; живи так, как живешь; в большем Сам Бог тебя научит». Потом, поклонившись ей до земли, сказал: «Только об одном прошу тебя: пожалуйста, во все распоряжения входи сама и суди справедливо – этим и спасешься». Находясь тогда еще в мире и совершенно не думая никогда быть в монастыре, эта особа никак не могла понять, к чему клонятся такие слова о. Серафима. Он же, продолжая свою речь, сказал ей: «Когда придет это время, тогда вспомните меня». Прощаясь с о. Серафимом, собеседница сказала, что, может быть, Господь приведет им опять свидеться. «Нет, – отвечал о. Серафим, – мы уже прощаемся навсегда, а потому прошу не забывать меня в святых своих молитвах». Когда же она просила помолиться и за нее, он отвечал: «Я буду молиться, а ты теперь гряди с миром: на тебя уже сильно ропщут». Спутницы действительно встретили ее на гостинице с сильным ропотом за медлительность. Между тем слова о. Серафима не были произнесены на воздух. Собеседница, по неисповедимым судьбам Промысла, вступила в монашество под именем Каллисты и, быв игуменьей в Свияжском

монастыре Казанской губернии, помнила наставления старца и по ним устрояла свою жизнь.

В другом случае посетили о. Серафима две девицы, духовные дочери Стефана, Саровской пустыни схимонаха. Одна из них была купеческого сословия, молодых лет, другая – из дворян, уже пожилая возрастом. Последняя от юности горела любовью к Богу и желала давно сделаться инокиней, только родители не давали ей на то благословения. Обе девицы пришли к о. Серафиму принять благословение и попросить у него советов. Благородная, сверх того, просила благословить ее на вступление в монастырь. Старец, напротив, стал советовать ей вступить в брак, говоря: «Брачная жизнь благословлена Самим Богом. В ней нужно только с обеих сторон соблюдать супружескую верность, любовь и мир. В браке ты будешь счастлива, а в монашество нет тебе дороги. Монашеская жизнь трудная, не для всех выносима». Девица же из купеческого звания, юная возрастом, о монашестве не думала и слова о том о. Серафиму не говорила. Между тем он сам от себя благословил ее, по своей прозорливости, поступить в иноческий сан, даже назвал монастырь, в котором она будет спасаться. Обе остались одинаково недовольны беседой старца; а девица пожилых лет даже оскорбилась его советами и охладела в своем усердии к нему. Сам духовный отец их, иеромонах Стефан, удивлялся и не понимал, почему, в самом деле, старец пожилую особу, ревностную к иноческому пути, отвлекает от монашества, а деву юную, не желающую иночества, благословляет на путь сей. Последствия, однако же, оправдали старца. Благородная девица уже в преклонных летах вступила в брак и была счастлива. А юная – действительно пошла в тот монастырь, который назвал прозорливый старец.

Ротмистр Африкан Васильевич Теплов, имевший в обычае ежегодно посещать о. Серафима, сообщил о даре прозорливости его следующие случаи, лично к нему относившиеся.

«В 1829 году летом поехал я в Саров с женой и детьми. Дорогой жена моя, видя, что старший сын наш, которому было около 10 лет от роду, занимается исключительно чтением священных книг, не обращая никакого внимая на окружающее, начала жаловаться, что дети наши слишком уже привязаны к одним только священным книгам и что они вовсе не заботятся о своих уроках, о науках и о прочем, необходимом

в свете. По прибытии в Саров мы немедленно пошли к о. Серафиму и были им приняты очень ласково. Благословляя меня, он сказал, чтобы мы пробыли здесь три дня; благословляя жену мою, произнес: “Матушка, матушка! Не торопись детей-то учить по-французски и по-немецки, а приготовь душу-то их прежде, а прочее приложится им потом”

Благословляя же обоих детей наших, он удостоил назвать старшего “сокровищем своим” Так обличил праведный старец несправедливый ропот жены моей, да и потом, в течение всей своей жизни, до самой кончины не переставал предупреждать меня всегда касательно всех обстоятельств, радостных и печальных, случавшихся в нашем семействе, подкрепляя слабый мой дух отеческими своими советами.

В том же 1829 году я был свидетелем следующего обстоятельства из жизни о. Серафима. Один господин имел намерение жениться на такой особе, которая по званию своему никак ему не соответствовала, да и родители его не соглашались на этот брак. Но господин тот, зная, что родители его вполне уважают о. Серафима и не в состоянии будут после его одобрения противиться этому браку, хотел сначала преклонить старца на свою сторону. Для этого, приготовив предварительно доказательства на законность своего намерения и даже тексты Священного Писания на случай несогласия о. Серафима для его убеждения, прибыл он к этому праведному старцу. И вдруг, к величайшему своему изумлению, слышит он, что старец произносит имя и отчество той самой особы, о которой он думал делать ему свои запросы, что он говорит ему далее и те самые доказательства, которые он хотел ему представить, и наконец даже те тексты Св. Писания, на которые он хотел упереться, в случае несогласия старца. Пораженный этим неожиданным предупреждением своих мыслей, господин тот пал безмолвно на колени перед старцем. Отец же Серафим, поднимая его, сказал ему: “Богу и Божией Матери и твоей матери не угодно твое намерение – и его не будет”. Действительно, с тех пор доныне брак тот не состоялся. По возвращении от старца этот господин сам сознался, что он никогда прежде не верил, чтобы могли быть праведники на земле, но что настоящий случай убедил его вполне в праведной жизни о. Серафима.

В 1830 году по случаю бывшей болезни жены моей обещались мы съездить на богомолье в Тихвин к чудотворной иконе

Царицы Небесной. Но в тот самый день, когда нам нужно было выехать, жена моя, сходя по лестнице со 2-го этажа, споткнулась и вывихнула себе чашку у колена. Хотя же, при помощи костоправа, нога и была поправлена, но при малейшем после того движении чашка сдвигалась опять со своего места, так что, по-видимому, невозможно было совсем нам ехать. Однако ж, имея полную веру к молитвам о. Серафима, мы не хотели отлагать поездки до другого времени и отправились в путь тогда же, что было зимой. На пути боль ее усилилась, и это заставляло меня при всем уповании на милость Божию и молитвы о. Серафима несколько раз предлагать жене совет о возвращении домой. Но она не соглашалась. А так как у нас принято было за священное правило не проезжать Саровской пустыни, не приняв благословения о. Серафима, то мы и на этот раз повернули к нему с большой дороги. Еще мы были далеко от обители, как вдруг боль в ноге жены моей начала уменьшаться и по мере приближения нашего к Сарову становилась все слабее и слабее и наконец, когда мы въехали в самую пустынь, она прекратилась совершенно: чашка установилась на своем месте и опухоль исчезла. Мы явились к старцу в келью для получения его благословения, и он, благословивши нас, приказал нам прийти к нему в пустынку, к источнику, куда мы и прибыли около полудня. Старец принял нас очень милостиво, напоил водой из источника, дал на дорогу в Тихвин две ржаные корки и, благословляя на путь, сказал: "Грядите, грядите, грядите! Дорожка гладенькая!"

Последние слова о. Серафима мы вспомнили на возвратном пути из Тихвина, потому что хотя это было и в январе, но в ожидании проезда Государя Императора дорогу так уравняли, что на ней не встречали почти ни одного ухаба».

Даром прозорливости своей о. Серафим приносил много пользы ближним. Так, была в Сарове из Пензы благочестивая вдова диакона, по имени Евдокия. Желая принять благословение старца, она в среде множества народа пришла за ним из больничной церкви и остановилась на крыльце его кельи, ожидая позади всех, когда придет очередь ее подойти к о. Серафиму. Но о. Серафим, оставивши всех, вдруг говорит ей: «Евдокия! Поди ты сюда поскорее». Евдокия необыкновенно удивлена была, что он назвал ее по имени, никогда не видавши ее, и подошла к нему с чувством благоговения и трепета.

Отец Серафим благословил ее, дал св. антидора и сказал: «Тебе надобно поспешить домой, чтоб застать дома сына». Евдокия поспешила и в самом деле едва застала сына своего дома: в ее отсутствие начальство Пензенской семинарии назначило его студентом Киевской академии и по причине дальности расстояния Киева от Пензы спешило скорее отправить его на место. Этот сын, по окончании курса в Киевской академии, пошел в монашество под именем Иринарха, был наставником в семинариях, в настоящее время состоит в звании архимандрита и глубоко чтит память о. Серафима.

Раз пришли к о. Серафиму в монастырскую келью строитель Высокогорской пустыни иеромонах Антоний и приезжий из Владимирской губернии купец. Они вошли вместе. Строителя о. Серафим попросил сесть и подождать, а с купцом стал немедленно говорить. Милостиво и ласково он обличал его в пороках и делал наставления: «Все твои недостатки и скорби, – говорил он, – суть следствия твоей страстной жизни. Оставь ее, исправь пути твои». Пространная речь его на эту тему проникнута была столь трогательной теплотой сердца, что и купец, к которому она прямо относилась, и строитель, для которого она была делом сторонним, тронуты были, в буквальном смысле, до слез. В заключение о. Серафим советовал купцу поговеть в Сарове и причаститься Св. Таин, обнадеживая, что Господь, в случае искреннего покаяния, не отнимет от него Своей благодати и милости. По окончании беседы купец, настроенный к благочестию, поклонился старцу в ноги, благодарил его от всей души за его душеполезную беседу, обещался исполнить, что слышал, и, прося молитв о. Серафима, вышел из его кельи весь в слезах.

Тогда строитель Высокогорской пустыни, много лет пользовавшийся вниманием и уважением о. Серафима, осмелился спросить его: «Батюшка! Душа человеческая пред вами открыта, как лицо в зеркале: в моих глазах, не выслушавши духовных нужд и скорбей бывшего сейчас богомольца, вы все ему высказали». Отец Серафим не сказал ни слова. Строитель продолжал: «Теперь я вижу: ум ваш так чист, что от него ничто не сокрыто в сердце ближнего». Отец Серафим положил правую руку на уста своему собеседнику и сказал:

«Не так ты говоришь, радость моя. Сердце человеческое открыто одному Господу, и один Бог сердцеведец, а *человек*

приступит и сердце глубоко» (Пс. 63, 7). Засим рассказал он, как некоторые укоряли св. Григория Богослова за то, что приблизил он к себе Максима циника. Но святитель сказал: «Един Бог ведает тайны сердца человеческого, а я видел в нем обратившегося от язычества в христианство, что для меня велико».

Строитель опять спросил: «Да как же, батюшка, вы не спросили от купца ни единого слова и все сказали, что ему потребно?»

Отец Серафим, отверзши уста и распространив слово, начал изъяснять:

«Он шел ко мне, как и другие, как и ты, шел, яко к рабу Божию; я, грешный Серафим, так и думаю, что я грешный раб Божий, что мне повелевает Господь, как рабу Своему, то я передаю требующему полезного. Первое помышление, являющееся в душе моей, я считаю указанием Божиим и говорю, не зная, что у моего собеседника на душе, а только верую, что так мне указывает воля Божия, для его пользы. А бывают случаи, когда мне выскажут какое-либо обстоятельство, и я, не поверив его воле Божией, подчиню своему разуму, думая, что это возможно, не прибегая к Богу, решить своим умом, в таких случаях всегда делаются ошибки».

Весьма назидательную и многообъяснительную сию беседу старец заключил так: «Как железо ковачу, так я предал себя и свою волю Господу Богу: как Ему угодно, так и действую; своей воли не имею, а что Богу угодно, то и передаю».

Эту беседу передал почтенный отец архимандрит Антоний, бывший в то время строителем Высокогорского монастыря, а потом наместником Сергиевой лавры.

Г. И. М. Кр. рассказывал о своей родственнице В. И. Бр., живущей в Нижнем Новгороде, следующее обстоятельство. Вышла она в замужество за вдовца, у которого было двое детей, и была в своем браке крайне несчастлива. Родственники пожелали наконец, чтобы она оставила своего мужа. Но прежде начала дела она поехала в Саров посоветоваться с отцом Серафимом. Старец сказал ей: «Ты никак не оставляй своего мужа, усердно прошу тебя об этом я, грешный монах Серафим; все же претерпеваемые тобою неприятности скоро кончатся». Действительно, не больше как через полгода муж ее умер, а сирот его Господь помог ей пристроить для воспитания в казенные заведения.

Одной благочестивой жене, бывшей в Сарове, он открыл, что наступает голод, и советовал запастись хлебом, чтобы не терпеть нужды. Жена же в простой беседе рассказала о сем предсказании саровскому иеромонаху о. Иакову, который был ее духовником. Когда и братия за второй трапезой в тот же день узнали о сем от старца Иакова, то некоторые из них с верой приняли это известие, умоляя Господа Бога предотвратить Свой гнев, а маловерные и ропотливые стали порицать старца. Но обстоятельства оправдали слова его. В скором времени после предсказания действительно начался голод. Цены на хлеб с каждой неделей возвышались. Иссякли самые источники, из которых получался хлеб для голодавшего края. Цена за четверть хлеба стояла между 20 и 24 рублями, по прежнему счету на ассигнации.

С 1831 года старец Серафим опять возвещал многим о предстоящем голоде. Видясь с о. игуменом Нифонтом, он и ему твердил: «Голод будет, голод будет!» А для предотвращения бедствий он советовал монастырскому начальству сделать запас хлеба в шесть годовых потреб, заметив, что при его жизни уже в четвертый раз наступает голод, а обитель Саровская никогда не терпела недостатка в хлебе.

Пришел к нему еще один священник А. Н., впоследствии о. протоиерей в Арзамасском Николаевском женском монастыре. Старец о. Серафим поздоровался с ним по обычаю иерейскому. Затем он между беседой предсказал ему, что он будет благочинным, увещателем раскольников и много потерпит в жизнь свою от диаконов, недостойно имеющих благодать сию. Отец Авраамий уже видел на себе исполнение сих слов. Он подтвердил, что наставления, которые слышал от старца касательно обязанностей благочинного, весьма много способствовали ему к должному прохождению этого звания.

Благочестивая вдова Пелагея Ивановна Шкарина, проживающая в г. Арзамасе, свидетельствует, что она имела желание смолоду поступить в монашество. Но о. Серафим, знавши ее лет за пять до своей кончины, предсказал ей, что она будет сиротой, выйдет замуж, будет иметь семерых детей, назвал и имена всем им, потом лишится мужа. Как ни далеки были эти предсказания, но по настоящее время они все исполнились в точности (там же).

Была у о. Серафима также одна мещанка г. Балахны, по фамилии Заяева. Старец советовал ей непременно поступить в монастырь; та отказывалась. Он открыл ей и причины своего совета: «Ты будешь, — говорил он, — несчастлива замужеством, много будет у тебя детей, а мужа лишишься, останешься вдовой и будешь терпеть еще большую бедность, чем при муже». Заяева не послушала советов старца, вышла замуж и после горько жалела о том, ибо все слова о. Серафима исполнились над ней.

В другом случае пришла к нему из г. Арзамаса мещанская девица Ножевникова. Она находилась в большой бедности. Отец Серафим, услышав жалобу на недостатки, сказал, что в замужестве она будет богата, только после того опять будет влачить жизнь, исполненную многих скорбей.

В Арзамасском Николаевском женском монастыре проживали две сестры, крепостные девушки. Увидевши их, о. Серафим сказал: «Через год господа возьмут вас к себе в услужение на пять лет». Девицы были у старца со своим братом. Этому брату он сказал: «А тебе Господь продлит жизнь до 80 лет, что ныне редкость, если только ты сохранишь себя от грехов смертных». Брат их, находящийся уже в преклонных летах, доселе еще живет, а его сестры в подмосковном имении своих господ давно уже ими уволены, как предсказал о. Серафим.

Надежда Федоровна Островская рассказывала следующее: «Родной мой брат, подполковник В. Ф. Островский, часто гостил в Нижнем Новгороде у родной нашей тетки, княгини Грузинской, которая имела большую веру к о. Серафиму. Однажды по какому-то случаю она послала его в Саровскую пустынь к этому прозорливому старцу. Отец Серафим принял моего брата очень милостиво и между прочими добрыми наставлениями вдруг сказал ему: "Ах, брат Владимир, какой же будешь пьяница!" Эти слова чрезвычайно огорчили и опечалили брата. Он награжден был от Бога многими прекрасными талантами и употреблял их всегда во славу Божию; к о. Серафиму имел глубокую преданность, а к подчиненным был как нежный отец. Поэтому он считал себя весьма далеким от такого наименования, неприличного его званию и образу жизни. Прозорливый старец, увидев его смущение, сказал ему еще: "Впрочем, ты не смущайся и не будь печален: Господь попускает иногда усердным к Нему людям впадать в такие ужасные

пороки, и это для того, чтобы они не впали еще в больший грех – высокоумие. Искушение твое пройдет по милости Божией, и ты смиренно будешь проводить остальные дни своей жизни; только не забывай своего греха" Дивное предсказание старца Божия действительно сбылось потом на самом деле. Вследствие разных дурных обстоятельств, брат мой впал в эту несчастную страсть – пьянство и, к общему прискорбию родных своих, провел несколько лет в этом жалком состоянии. Но наконец, за молитвы о. Серафима и за свое простосердечие, был помилован Господом: не только оставил прежний свой порок, но и весь образ своей жизни изменил совершенно, стараясь жить по заповедям евангельским, как прилично христианину».

А. А. Тум-я, будучи еще малолетней (лет 12 от роду), однажды ездила со своей матерью в Саровскую пустынь, чтобы удостоиться видеть о. Серафима и получить его благословение. Это было в 1830 году. По приезде в Саров она случайно узнала от своей няни о каком-то бедном, изнуренном колоднике, который в тяжелых цепях шел мимо монастыря и был очень жалок. При виде сего несчастного она была очень тронута его положением, но тотчас не сделала ему подаяния только потому, что при ней в то время не было денег, но потом, отыскавши у себя серебряную монету в 50 коп., за неимением другой, более мелкой, решилась отдать сему несчастному. Когда же пришли они к о. Серафиму, то прозорливый старец, никогда еще их не видевший, тотчас подозвал девочку к себе и, благословив ее, ласково сказал: «Вот это хорошо, что полтинничек-то подала бедному», и при этом совершенно неожиданно назвал еще тогда «ваше превосходительство». Мать ее, крайне удивленная этим приветствием, старалась объяснить старцу, что этот титул им вовсе не принадлежит, но он, беседуя с ними, по-прежнему давал девочке тот же титул. Так и возвратились они домой, не узнав причины такого необыкновенного приветствия старца, и долго недоумевали, что бы это значило. Но после стало понятно для них, когда А. А. Тум-я, достигши совершенного возраста, вышла замуж за генерала. Тогда оправдались пророческие слова старца Божия, который задолго предвидел будущее по данной ему благодати от Господа.

Московский мещанин Вячеслав Андреевич Плетминцев никогда не думал жениться и всегда удивлялся тем людям,

которые принимают на себя супружеские обязанности. В одно время случилось ему ехать из Рязани в Арзамас. Дорогой заехал он в Саровскую пустынь и там впервые услышал об о. Серафиме. «Дай зайду к нему, – подумал Плетминцев, – не скажет ли он и мне чего-нибудь». Пришел он к старцу, и тот прежде всего благословил его, а потом подал три сухарика, говоря: «Вот это тебе, это жене твоей, а это сынку». Плетминцев не поверил сначала словам старца, но, прибывши в Арзамас, действительно через несколько времени женился и, по предсказанию святого старца, имел сына.

Наталья Ивановна Богданова, преданная всей душой к старцу о. Серафиму, часто посещала его, желая насладиться утешительными его беседами и наставлениями. Проводя свою молодость девицей, она вовсе не думала о браке, но однажды, бывши у о. Серафима, вдруг была поражена от него неожиданным для нее предсказанием. Отец Серафим, подавая ей сшитую из полотна шапочку, сказал: «На, возьми, она тебе пригодится, когда у тебя родится младенец. Ты выйдешь в замужество за знатного господина, но года три по вступлении в брак тебе придется переносить разные скорби; но не бойся, а уповай на Господа, и Он тебя утешит, и ты будешь счастлива». Взявши эту шапочку от старца, Богданова хранила ее, как неоцененный дар, и никому об этом не решалась открыть, ожидая исполнения чудного предсказания о. Серафима. Спустя довольно времени после сего свидания со старцем она действительно по его пророчеству вышла замуж, имея уже от роду за 30 лет. Когда же пришло время ей разрешиться от бремени, то данная о. Серафимом шапочка была надета на младенца. Слова же его насчет семейных неприятностей при выходе замуж также вполне оправдались. Но впоследствии она жила счастливо.

Иным же старец предсказывал смерть, желая, чтобы они не перешли в вечность без христианского приготовления. Так, пришел к нему некто Д. И., управляющий заводом, находящимся в Екатеринбургском уезде Пермской губернии, с женой и детьми. Отец Серафим, не зная никого и ни о ком из них не слыхав прежде, назвал всех их по именам и каждому назначил год, месяц и день смерти. Отцу сказал, что проживет 20 лет, а матери – 12. После известно сделалось в Сарове, что она действительно умерла в то самое время, какое предсказа-

но было о. Серафимом. О самом управляющем сведений не имеется.

Одному жителю заштатного города Кадома (Тамбовской губернии) он предсказывал, для его исправления, наказание Божие, имевшее последствием своим его смерть. Пришла к о. Серафиму жена этого человека. Старец принял ее с отеческой любовью и, между прочими советами и наставлениями, убеждал ее поговорить своему мужу, избранному в то время в члены городского общества, чтобы он исправил себя от невоздержания, дерзости, несправедливых притеснений и немилосердия в отношении других. «Если муж твой не оставит этих страстей, вкоренившихся в нем, – говорил старец, – то он непременно будет за то наказан Богом». Говоря это, он взял с печки пучок спичек, подал их женщине и прибавил: «На, возьми эти спички, храни их».

Отеческое благословение о. Серафима, видимо, обрадовало ту женщину, а предсказанное им наказание ее мужу, в случае неисправления его, сильно смутило ее. Не раз после того рассуждала она с домашними и знакомыми своими о простом, но странном подарке о. Серафима; но никто из них не мог растолковать его значения. Наконец наступил страшный час, в который как значение подарка объяснилось, так исполнилось и само предсказание о. Серафима. В один день небо отовсюду начало покрываться страшными громовыми тучами, и к вечеру собралась ужасная гроза. Весь народ в Кадоме обратился с молитвою к Богу.

Стала молиться также вместе со своим мужем и женщина, бывшая у о. Серафима, между тем как двое маленьких детей ее спали в это страшное время, один подле окна, а другой несколько подальше. Вдруг сильный удар грома разразился над их домом, и в одно мгновение, вслед за сверкнувшей молнией, оторван был от окна деревянный карниз и расщепан в мельчайшие *спички*; большая часть их вонзилась в лицо и бороду мужа этой женщины. Пораженный этим ударом, он жил очень недолго и вскоре скончался.

Между тем ни дети, спавшие почти близ самого окна, ни опоры карниза в окне, ни мать, молившаяся возле своего мужа, нисколько не были задеты этим самым ударом. После того бедная женщина вспомнила слова о. Серафима и поняла все значение странного, по-видимому, его подарка.

Строителю Высокогорской пустыни о. Антонию старец Серафим предсказал его неожиданное перемещение в другой монастырь.

В январе 1831 года о. Антоний отправился к о. Серафиму в Саров для совета по случаю сильно смущавших его неотвязчивых мыслей о смерти. Приехавши в Саров вечером и никуда не заходя, о. Антоний пошел прямо к келье о. Серафима. Не доходя до нее, встретил он некоторых из братий Саровской обители, которые сказали ему, что о. Серафим в монастырь не возвратился еще из своей пустыни. Было уже близ 5 часов вечера и темнело. Приехавший остановился в раздумье: идти ли ему куда или тут дожидаться? В это время стоявшие с ним братия, завидев издали грядущего старца, оповестили: «Вон о. Серафим идет». Старец шел в обыкновенной своей одежде, с мешком за плечами, опираясь на топор. Отец Антоний тотчас подошел к нему и поклонился обычно.

«Что ты?» – спросил его старец. «К вам, батюшка, со скорбной душой», – отвечал о. Антоний.

«Пойдем, пойдем, радость моя, в келью», – приветливо сказал старец.

Они вошли вместе. В келье наедине о. Антоний умолял старца Серафима сказать ему откровенно, свершится ли с ним то, что внушают ему скорбные помыслы. Не приближается ли в самом деле смерть его?

«Сижу ли я в келье, – говорил строитель Антоний, – выйду ли на монастырь, мне представляется, что последний раз я вижу обитель. Из сего я заключаю, что я скоро умру, и потому указал уже и место могилы для себя».

Строитель приехал к о. Серафиму затем, чтобы в случае приближения его смерти принять от старца благословение провести остающееся время в безмолвии и внимательном приготовлении себя к вечной жизни.

«Желаю знать о своей смерти, – заключил о. Антоний, – единственно для изменения моей жизни, чтобы, отказавшись от должности, посвятить остальные дни свои безмолвному вниманию», прибавив к сему, что извещение о смерти не будет для него страшно.

Отец Серафим слушал рассказ, не изменяя своего положения и держа за руку строителя Антония. Когда же сей окончил, блаженный старец, взирая на него с любовью, сказал:

«Не так ты думаешь, радость моя, не так! Промысел Божий вверяет тебе обширную лавру».

Отцу Антонию подумалось, что старец Серафим желает развлечь его от скорбных мыслей, посему, прерывая речь его, он сказал: «Батюшка! Это не успокоит меня, не усмирит моих помыслов. Я умоляю вас, скажите мне прямо: мысли мои о смерти не служат ли от Бога указанием на близкую мою кончину? И в таком случае я буду просить ваших молитв о душе моей и приму мирно и благодарно ваше слово. Мне хочется встретить час смертный с должным приготовлением».

Отец Серафим с ангельской добротой отвечал: «Неверны твои мысли; я говорю тебе, что Промысел Божий вверяет тебе лавру обширную».

Строитель же отвечал на это: «Где же Высокогорской пустыни быть лаврою? Дай Бог, чтобы не сошла ниже, чем теперь стоит».

К большому удивлению о. Антония, старец Серафим, не переменяя своих мыслей, стал просить его милостиво принимать из Сарова братию, кто придет в лавру или кого он пришлет.

Оставаясь в прежнем впечатлении, строитель продолжал:

«Батюшка! Кто захочет из Сарова переходить в скудную Высокогорскую пустынь? А если бы кто пожелал или кого бы вы прислали, то вы знаете всегдашнюю мою готовность делать все, что вам угодно; да на деле сего не может быть».

Отец Серафим, как будто идя по одной и той же дороге, сказал: «Не оставь сирот моих, когда дойдет до тебя время».

Не выдержал строитель и, в порыве беспредельной любви и уважения к старцу, бросился к нему, обнял его и долго плакал. Не понимая значения прежде сказанных слов, он остановился вниманием своим на слове *«сирот»;* ему казалось, что старец говорит о скорой своей кончине. Блаженный Серафим продолжал: «Поминай моих родителей Исидора и Агафью». Затем стал советовать: «Покоряться во всем воле Господней, быть прилежну к молитве; строго исполнять свои обязанности, быть милостивым и снисходительным к братии: *матерью будь,* — говорил, — *а не отцом к братии,* и вообще ко всем быть милостивым и по себе смиренным. Смирение и осторожность жизни, — говорил он, — есть красота добродетелей». Потом о. Серафим несколько раз обнял строителя,

благословил висевшим на его груди крестом и сказал: «Теперь гряди во имя Господне. Время уж тебе, тебя ждут!»

Выходя из кельи, строитель не мог сeбе дать отчета: какое значение имели слова блаженного старца и с чем он вышел из кельи. Однако же, как сокровище, он сложил сказанные старцем слова в сердце своем. Мысль о смерти осталась как бы подавленной свежими впечатлениями, но еще не была разрешена.

По выходе о. Антония из кельи его встретил посланный от саровского игумена о. Нифонта с приглашением зайти к нему. Вот что значили слова старца: «Время уже тебе: тебя ждут».

Повидавшись с игуменом Нифонтом, который от болезни лежал тогда в постели, о. Антоний простился с ним и по делам обители спешил в свою пустынь. На гостинице он нашел экипаж свой уже готовым и с неопределенным впечатлением выехал в путь, чтобы наедине предаться размышлению.

Спокойно бежали лошади домой. Ничто, кажется, не мешало строителю о. Антонию углубиться в занимавшие его дела, обстоятельства и помыслы. Вдруг он слышит, что едущий с ним монах, сидя впереди, начал плакать, не имея сил удержать свой плач и совладать с собой.

На вопрос строителя, сказанный с участием — о чем он плачется? — инок отвечал: что по приезде в Саров он встретил о. Серафима, возвращавшегося из пустыни в монастырскую свою келью, который сказал ему: «Ну вот и вам предстоит разлука с вашим строителем». Более не открыл ничего, только прибавил: «Поди же, зови его ко мне». Так определенно о. Серафим знал о предстоявшей перемене в жизни строителя Антония.

Между тем время шло; прошел январь, февраль, настал март и наступил Великий пост. На 2-й день месяца, в понедельник первой недели поста, отправив чреду неусыпаемого чтения Псалтири, отправляемую каждым братом по два часа, строитель встал на свое место. Здесь подали ему письмо от митрополита Московского. Отец Антоний вошел в свою келью. В письме Высокопреосвященный Филарет приглашал строителя занять место наместника в Троице-Сергиевой лавре, по случаю смерти архимандрита Афанасия. Тут же вложен был конверт к Нижегородскому Преосвященному Афанасию о скорейшем увольнении о. Антония от должности строителя Высокогорской пустыни в Москву.

С этой минуты раскрылись о. Антонию все слова старца Серафима, за два месяца определившие перемещение его в обширную лавру, когда был жив и здоров прежний еще наместник и не было речи о его замещении.

Сообщивший сей рассказ присовокупил, что и события, последующие за перемещением о. Антония в Свято-Троицкую Сергиеву лавру, предсказанные старцем Серафимом, все исполнились и выполняются с величайшей точностью, как будто бы о. Серафим читал в книге судеб Божиих будущие определения людей.

Обители Саровской он делал не раз предсказания о событиях, с какой-нибудь стороны ее касавшихся, ближайших и отдаленных. Когда, например, явилась первая холера в России, о. Серафим открыто предвозвещал, что ее не будет ни в Сарове, ни в Дивееве. Саровские старцы, своими очами видевшие о. Серафима и слышавшие его одобрительные беседы, были живыми свидетелями того, что предсказания его исполнились во всей точности, так что от первой холеры ни в Дивееве, ни в Сарове не умерло ни одного человека. Также раз пришел к нему генерал-майор А. Е. М., чтобы вместе с женой, имевшей веру к старцу, получить благословение и наставление. Отец Серафим, похристосовавшись, милостиво говорил с ним. Это случилось в пятницу. Старец спросил пришедших: «Долго ли они пробудут в обители?» — и советовал им не раньше, как в воскресенье, после поздней литургии выехать: «В воскресенье у нас в обители, — говорил он, — будет торжество и молебствие». Генерал спрашивал о причине этого торжества и молебствия у монаха на гостинице, даже у строителя о. Нифонта. Все отвечали: «Никакого торжества не будет и не предвидится». Но когда строитель говорил о сем с генералом, вошел монастырский служитель и подал принятый с почты пакет с письмами. Между бумагами оказался, ни для кого неожиданно, указ о рождении великой княжны, по которому на следующий день, в воскресенье, в соборном саровском храме перед литургией отправлено было торжественно Господу Богу благодарственное молебствие и во весь день раздавался звон в обители. Это сказание генерал заключил тем, что и о. игумен Нифонт разделял в то время с ним удивление к дару прозорливости о. Серафима.

Саровский лес при игумене Нифонте приносил много пользы монастырю. Все стали смотреть на него как на источ-

ник дохода для обители; между тем о. Серафим предусмотрел и предсказал за несколько времени бурю, которая много поломала деревьев в лесу, о чем крайне сожалело саровское начальство.

Алексею Гурьевичу Воротилову не раз говорил о. Серафим, что некогда на Россию восстанут три державы и много изнурят ее. Тогда эта речь, как сказание о будущем, непонятна была; но события объяснили, что старец говорил это о крымской кампании.

Однажды приехал помещик, желая на обратном пути из Крыма получить благословение о. Серафима. Он объяснил, что уже раз был в Сарове, но не сподобился видеть старца. Все видели, как он во время обедни на коленях и со слезами молился пред образом Божией Матери, а потому предполагали, что этот помещик – благочестивый человек. Отец Серафим был в пустынке, и помещику дали провожатым одного послушника, который, подойдя и благословясь, доложил старцу, что такой-то помещик желает его благословения. Но о. Серафим, вместо благословения, ответил: «Я умоляю тебя, именем Господним, чтобы ты и впредь бегал таких людей; этот человек – притворщик... Он самый несчастный, самый потерянный человек...» Нечего делать, послушник вернулся к помещику с отказом и понемногу объяснил причину нежелания старца видеть его. Тогда помещик зарыдал и признался, что действительно его душа исполнена самых нечистых чувствований.

Вскоре после помещика пришел в пустынь другой странник, из простого сословия, с этим же послушником. Старец жал голыми руками осоку и как только услышал, что какой-то странник из Киева желает получить его благословение, тотчас же сказал: *«Приведи его!»* Когда они подошли, благословились и сели подле о. Серафима, старец начал говорить страннику, чтобы он оставил избранный им путь, снял бы с себя вериги, обулся бы и возвратился в свой дом, потому что там жена, мать и дети очень тоскуют по нем; а дома занялся бы хлебной торговлей. «Мню, – говорил старец, – что весьма хорошо торговать-то хлебом; у меня же есть знакомый купец в Ельце; тебе стоит только прийти к нему, поклониться и сказать, что тебя прислал к нему убогий Серафим, он тебя и примет в приказчики». На обратном пути в монастырь этот

странник рассказал послушнику, что действительно он мещанского сословия, всегда занимался хлебной торговлей, чем и содержал свое семейство; но из любви Божией, без рассуждения, без наставления и старческого благословения, пожелал странствовать. И поэтому, оставив без всякой помощи свое семейство и выпросив от общества только годовой паспорт, босиком и в веригах отправился в Киев на поклонение св. мощам.

Купчиха Елизавета Петровна Гусева (из г. Елатьмы, тетрадь № 1) рассказывала, что она 24 лет была у батюшки Серафима, и он взял ее за руку, привел к себе и, поцеловав в голову, сказал: «Эта голова много горя увидит! В горести зачнешь и в радости всех пожнешь!» «Детей у меня было много, – говорила она, – а он притчей предсказал мне правду, потому что после я зачала их в горе, а пожала в радости, так как вырастила их, всех поженила и всех же схоронила, и сама осталась теперь одна на белом свете».

Рассказ помещицы вдовы Анны Петровны Еропкиной полон интереса (тетради № 2 и № 6).

«Родителей своих, – говорила она, – я лишилась еще в детстве и получила образование в Смольном монастыре в Петербурге. Шестнадцати лет я поступила жить к моему родному дяде. Он по доброте своей был для меня истинным отцом; нисколько не стесняя моей воли для моего счастья, вскоре решился устроить меня замужеством. Сама я, по правде сказать, не лишена была приятной наружности, имела нужное образование и состояние. Заметив в окружающем обществе одного молодого человека со всеми достоинствами, я прилепилась к нему всем моим сердцем. С детским, живым воображением я рисовала себе будущность в прекрасных чертах патриархальной семейной жизни. Молодой человек отвечал взаимностью. Наступил январь 1829 года. Я тогда помещалась у дяди в одной комнате с двумя его дочерьми и с гостившей у нас посторонней барышней. Естественно, что счастливая моя будущность была у нас предметом всегдашнего разговора. Однажды вечером после таких льстящих моему самолюбию занятий все мы легли спать. Не знаю, как другие, а я сама не могла крепко заснуть и оставалась в дремоте. Вдруг вижу, что дядя с каким-то старцем входит в нашу спальню. Я тотчас постаралась прикрыть себя одеялом с головой. Слышу, что дядя

подходит со старцем к моей кровати и говорит: “Вот она спит!” А старец на его слова замечает: “Напрасно она идет замуж, много-много два или три месяца ее муж проживет, каково же ей будет из сирот попасть во вдовы, ведь это все равно, что из огня да в полымя”. Затем они ушли. Я боялась раскрыться, горько заплакала и стала под одеялом уже горячо молиться Богу о помиловании меня. Недолго я находилась в таком положении; сильное душевное потрясение заставило меня проснуться, и когда я пришла в полное сознание, тогда ознаменовала себя крестом. Слезы так и лились ручьем из моих глаз. Тяжело мне было дожидаться утра, пока не встали подруги. Один Бог знает, что я тогда перечувствовала. Мое бледное и заплаканное лицо выдало меня, и подруги заставили меня все им рассказать. От них тотчас узнали все домашние, которые старались разуверить меня в истине сна. Сначала я много возражала, но затем они все-таки меня успокоили, так что я готова была даже смеяться над своим легковерием. 8 февраля 1829 года я вышла замуж. Радости и удовольствию не было конца. Но через несколько недель мой муж начал ощущать перемену в своем здоровье. Ослабевая в силах мало-помалу, он слег в постель. Мы пригласили опытных врачей, имели о нем неусыпное попечение, а ему нисколько не становилось лучше; напротив, со дня на день он как будто увядал. Предложить ему приготовиться к покаянию и принятию Христовых Таин я боялась, чтобы не испугать его, а он, хотя был очень религиозен, вероятно, боялся испугать меня приглашением священника. 10 мая, на другой день святителя Николая, однако, муж мой неожиданно скончался. Сначала я даже не хотела верить своим глазам, но когда убедилась в действительности совершившегося факта, то я сделалась без памяти. Умереть без напутствования Св. Тайнами мне казалось карой Божией за грехи мои и мужа. После похорон мои родные и близкие не знали, что делать, как успокоить меня; от скорби и отчаяния я доходила до сумасшествия. Не знаю, как и от кого мой дядя узнал о подвижнической жизни и благодатных дарах саровского старца о. Серафима, но он нашел единственным средством к моему избавлению от скорби и болезни ехать мне в Саров просить молитв и наставлений о. Серафима, несмотря на то, что обитель была от нас в 500 верстах и приближалась весна. Собравшись поспешно, я отправилась в Саров

с надеждой найти себе утешение и остановилась в монастырской гостинице. От служащих при ней иноков я узнала, что, к счастью, о. Серафим теперь в обители и мне можно к нему идти. Не теряя ни минуты, я поторопилась видеться с ним и получить от него какое-нибудь облегчение в своей скорби. Прежде всего меня поразило необыкновенное зрелище. Между Успенским собором и противоположным одноэтажным корпусом, точно волна, двигалась густая масса народа. Из расспросов других я узнала, что в этом самом корпусе живет о. Серафим. Тогда я смешалась с толпой и начала пробираться к крыльцу, куда и все также стремились. С большим трудом я проникла в самую келью о. Серафима и по примеру других протянула руку для принятия его благословения. Благословляя и вручая мне сухарик, он сказал: "Приобщается раба Божия Анна благодати Божией!" Каково же было мое удивление, когда я услышала свое имя, а посмотрев о. Серафиму прямо в лицо, узнала в нем того самого старца, который предостерегал меня во сне от несчастного замужества. Затем, вытесненная в сени, я около стены ощупала ногами несколько поленьев и, приподнявшись на них, стала сквозь дверь смотреть пристально на о. Серафима. Ангельский его образ, кротость в обращении со всеми показывали в нем необыкновенного человека. Следя за всеми его движениями, я вскоре заметила, что он как будто хочет прекратить прием народа, и услышала слова: идите с миром! идите с миром! Потом он взял одной рукой скобку двери, у которой я стояла, а другой совершенно неожиданно ввел меня в келью и прямо сказал: "Что, сокровище мое, ты ко мне, убогому, приехала? Знаю, скорбь твоя очень велика, но Господь поможет перенести ее". После нескольких утешительных слов он велел мне отговеть у них в обители, исповедаться у о. Илариона и приобщиться. Все это было исполнено. В отношении же покойного мужа батюшка мне сказал: "Не сокрушайся, что муж твой перед смертью не приобщился Св. Христовых Таин, не думай, радость моя, что из этого одного погибнет его душа. Бог может только судить, кого чем наградить или наказать. Бывает иногда и так: здесь на земле приобщается, а у Господа остается неприобщенным; другой хочет приобщиться, но почему-нибудь не исполнится его желание, совершенно от него независимо. Такой невидимым образом сподобляется причастия через Ангела Божия". Отец

Серафим приказал мне еще по приезде домой в течение 40 дней неопустительно ходить на могилу мужа и говорить: "Благослови меня, господи мой и отче! Прости мне, елико согреших пред тобою, а тебе Господь Бог простит и разрешит!" В течение также 40 дней велел брать из храма Божия от совершающихся служб пепел из кадила и после, выкопав в могиле ямку глубиною две четверти, высыпать в нее пепел и прочесть три раза "Отче наш", Иисусову молитву, Богородице и один раз Символ веры. О своем намерении ехать домой и опасении, как бы скоро не испортилась дорога, я сообщила старцу, а он сказал мне: "Радость моя, не бойся ничего, Бог даст тебе дорожку; снежок выпадет еще на пол-аршина, и ты поедешь лучше, чем приехала, а в Петров пост опять будь здесь". Действительно, 17 марта, в день Алексея Божия человека, выпал такой точно снег, как предсказал старец, и я очень удобно совершила обратный путь. После исполнения приказаний старца я как будто совершенно переродилась; в душе моей водворилось такое спокойствие, какого со смертью мужа я никогда не чувствовала. Так провела я в деревне два месяца. Наступили Петровки, и по назначению о. Серафима я опять поехала к нему. Весела мне была тогда дорога; я думала, что еду к родному отцу. По прибытии в обитель как лань бросилась я к нему в лес, узнав, что он там в пустыни. С трудом я могла рассмотреть, что он копошится в воде, вынимает оттуда крупный булыжник и после, выйдя из воды, потащил его на берег. В эту минуту я сквозь народ пробралась к нему, и лишь только он меня заметил, как с веселым лицом приветствовал: "Что, сокровище мое, приехала! Господь благословит тебя, погости у нас". Вскоре он стал отсылать и меня и народ в монастырь, приказывая туда торопиться, но никому не хотелось с ним расстаться. К тому же день был прекрасный, и до вечера оставалось много времени. Промешкав довольно долго в лесу, мы все потянулись длинной, беспрерывной вереницей к монастырской гостинице, и вдруг нашла страшная громовая туча, и от проливного дождя ни на ком из нас не осталось ни одной сухой нитки. На другой день, когда я пришла к нему, он принял меня очень милостиво и с ангельской улыбкой сказал мне: "Что, сокровище, каков дождичек, какова гроза? Не попала бы ты под них, если бы послушала меня. Ведь я тебя заранее посылал от себя!" Как

теперь, так и после о. Серафим неоднократно удостаивал меня бесед о разных предметах в течение 8 дней, кроме пятницы. В этот день он оставался в безмолвии и, как надо полагать, весь погружался в размышление о страданиях Христа. Когда я увидала у него перед св. иконами толстую восковую свечу, он спросил: "Что ты смотришь? Когда ехала сюда, не заметила ли у нас бури? Она поломала много лесу, а эту свечу принес мне любящий Бога человек во время грозы. Я, недостойный, зажег ее, помолился Господу Богу, буря и затихла" Потом, вздохнув, прибавил: "А то бы камень на камне не остался, таков гнев Божий был на обитель". Впоследствии некоторые говорили, что монастырский убыток простирался тысяч до одиннадцати. Как-то в другой раз, по милости Божией, я удостоилась услышать от него утешительный рассказ о Царствии Небесном. Ни слов его всех, ни впечатления, сделанного на меня в ту пору, я не в силах передать теперь в точности. Вид его лица был совершенно необыкновенный. Сквозь кожу у него проникал благодатный свет. В глазах у него выражалось спокойствие и какой-то небесный восторг. Надо полагать, что он по созерцательному состоянию духа находился вне видимой природы, в святых небесных обителях, и передавал мне, каким блаженством наслаждаются праведники. Всего я не могла удержать в памяти, но знаю, что говорил мне о трех святителях: Василии Великом, Григории Богослове, Иоанне Златоусте, в какой славе они там находятся. Подробно и живо описал красоту и торжество св. Февронии и многих других мучениц. Подобных живых рассказов я ни от кого не слыхала, но он сам как будто бы не весь высказался мне тогда, прибавив в заключение: "Ах, радость моя, такое там блаженство, что и описать нельзя!"»

Глава XVI

Исцеления при посредстве молитв о. Серафима от телесных и душевных недугов

В 1830 году прибыла в Саров одна больная, бывшая впоследствии игуменьей в г. Слободске, Вятской губернии. Она страдала водяной болезнью, тело у нее все опухло и пожелтело, расслабление чувствовалось в такой степени, что она с большим трудом достигла Сарова. На дороге два раза останавливалась и однажды так была слаба, что в нижегородском женском монастыре ее уже напутствовали к смерти. По прибытии в Саров пришла она в числе других посетителей в келейные сени о. Серафима и села позади других. Старец же, раздвинув толпу посетителей, подошел прямо к ней, протянул ей руку, приняв от нее полотенце ее рукоделья, трижды утерся им и, сказав: «Иди, радость моя, за мною...» – привел ее в свою келью. Здесь он благословил ее, дал просфоры со св. водой и, отпуская от себя, сказал: «Завтра мы с тобою увидимся».

На другой день старец принимал посетителей в ближней пустынной келье, около своего источника. Он вышел к ним в полумантии с зажженной в руках свечой, начал благословлять всех, говоря каждому потребное на пользу души. После всех подошла к нему и больная. Взглянув на нее, он сказал: «Ты, матушка, очень нездорова?» – и потом, благословляя, продолжал: «Поди умойся в ключе и напейся – и будешь здорова». Больная отвечала: «Уж я пила, батюшка, и умылась, когда пришла сюда». Тогда он сказал опять: «Возьми, матушка,

возьми воды-то из ключа с собой, пей и умывайся, и тело-то омой: Апостолы Христовы исцелят тебя, будешь здорова». А как она сказала, что при ней нет сосуда, в котором можно бы унести воды с собою, то старец вынес ей из своей кельи небольшой кувшинчик и повторил как при сем случае, так и после возвращения с водою прежние слова свои.

Возвратившись в гостиницу, больная тотчас же исполнила во всей точности совет старца, не опасаясь употребления воды в водяной болезни и не слушаясь тех, которые, бывши с нею, запрещали это; на другой день она встала с постели совершенно здоровою. Вода из нее вытекла, опухоль уничтожилась, боль стихла, возвратилась крепость сил; лицо покрылось естественной белизной. Больная точно переродилась, и те, которые видели ее еще накануне утром, почти не узнавали ее.

Перед отправлением в обратный путь отец Серафим прислал ей и двум ее спутницам вместе с благословением: выздоровевшей – палочку с клюкой, одной из спутниц – палочку же с четырьмя отростками, а другой – простую палочку. Последствия показали, что с каждым из этих знаков соединялось особое значение, которого в то время они не поняли. Выздоровевшая, поступив в монахини, под именем Пульхерии, была игуменьей в женском монастыре города Слободска, Вятской губернии. Первая из спутниц с тремя своими отростками (двумя сыновьями и дочерью) все четверо приняли монашеский сан; вторая спутница также поступила в монастырь.

В предыдущем рассказе упомянуто об источнике Серафимовом и его целительной силе.

Вот что рассказывал об этом событии саровский иеромонах о. Анастасий. Раз случилось ему быть у батюшки о. Серафима около его колодца. Старец между беседой сказал ему: «Вот, батюшка, я молился, чтобы вода сия в колодце была целительной от болезней». Этим объясняются нынешние свойства воды, текущей в Серафимовом источнике, которых прежде она не имела. Во-первых, вода сия, как замечают, никогда не портится, хотя бы много лет стояла в незакупоренных сосудах. Некоторым хотелось бы объяснить это качество минеральными веществами, входящими будто бы в состав ее. Но известно, что и минеральные воды изменяются и подвер-

гаются порче, даже очень скоро, при дурной укупорке. Во-вторых, водой из Серафимова источника во всякое время года многие омываются, и здоровые и больные, и не только не получают от этого вреда, а, напротив, многие, как видим, получали исцеление. Так, после смерти о. Серафима княгиня Е. И. Е. рассказывала относительно целительных свойств Серафимова источника следующее: «Двоюродная сестра моя В. Н. очень страдала припадками и боялась всякой святыни, с которой подходили к ней. Лекарства, как это часто бывает, не помогали ей. Нечего делать, повезли ее в Саров к о. Серафиму. Старец дал ей сухариков и велел умыться в своем источнике. С той минуты болезнь ее совершенно прошла, и она живет благополучно у детей своих».

Вот что говорится еще в письмах Марии Кол., современницы о. Серафима, лично знавшей его, в письмах, которые писаны были к затворнику Георгию в первое полугодие после кончины Саровского подвижника.

«Я опять перехожу к о. Серафиму, как источнику моей радости. Мне и в присутствии моем другим сказывала Мавра Львовна, генеральша Сипягина. Она была больна, чувствовала в себе ужасную тоску и от болезни не могла в постные дни кушать пищи, положенной уставом Церкви. Когда она пришла к о. Серафиму просить помощи, старец приказал ей напиться воды у его источника. Мавра Львовна напилась: вдруг, без всякого принуждения, из нее гортанью вышло множество желчи. И после сего она стала здорова.

Также Татьяна Васильевна Баринова в бытность свою у о. Серафима жаловалась ему на свою болезнь, а у ней на руке был непроходимый лишай, и вся рука была обвязана. Батюшка о. Серафим приказал ей вымыть руку водой из источника. Татьяна же Васильевна сперва подумала: "Ах! Как я это сделаю, если и от малейшего прикосновения сырости болезнь моя усиливается?" Однако же на сей случай она не затруднилась оказать послушание и свою руку умыла. Тотчас же как бы чешуя слезла с руки ее вместе с кожей, и с тех пор руки ее чисты.

Многим даже в ранках о. Серафим приказывал окатиться водой из его источника. Все получали от этого исцеление — и в различных болезнях».

Повествования свои о целительности источника Мария окончила так: «Жизнь батюшки о. Серафима и чудные дела

Божии в нем меня радуют. А как вспомню о его переселении от здешних и что более его не увижу, так сердце мое исполняется горести, и глаза — слез. Я бы у него попросилась в Дивеевскую общину... В бытность у него я так была удивлена им, что нашлась мало чего поговорить с ним о себе: только лились неудержимо мои слезы. С предсказанным переворотом моей жизни мне показалось, что все мое сердце превратилось в плач. Но старец успел и здесь меня успокоить и покорить воле Божией».

Случаев, в которых о. Серафим при жизни своей оказывал помощь больным, было очень много. Так, инок Саровской обители Александр рассказывал о себе многим боголюбивым особам следующие обстоятельства.

Будучи еще в мире, он страдал расслаблением всех членов, особенно же его мучила нестерпимая боль в одном ухе. Лекарства ему нисколько не помогали. В ухе наконец образовался завал. По совету добрых людей он отправился в Саров просить молитв и помощи о. Серафима. Когда больной, вошедши, упал ему в ноги, то старец, ни слова не говоря, подошел к лампаде, горящей перед образом Божией Матери, омочил в масло перст свой и помазал больное место уха. Больной в ту же минуту почувствовал облегчение, а вскоре и вся боль прошла. Тут же старец, между прочим, сказал выздоровевшему: «Ты будешь наш», и он, несмотря на значительные препятствия, действительно вступил в Саровскую пустынь.

По вступлении в монастырь у него чрезвычайно усилилось расслабление правой руки, и прежде ощущаемое. Инок не мог ни креститься, ни кушать правой рукой без поддержки левой. Опять пришедши к старцу Серафиму, он бросился ему в ноги, прося его благословения и помощи св. молитвами. Отец Серафим весьма милостиво благословил его и с радостным лицом сказал: «Помолись Царице Небесной и положи Ей три поклона». Инок тотчас же положил три поклона перед образом Божией Матери. После сего старец, взяв сосуд со св. водой, стал подавать ему в больную руку. Но инок отвечал: «Батюшка! Не могу взять этой рукой: она у меня болит и вся расслаблена». Тогда старец взял его за больную руку и, подавая сосуд, сказал: «Бери и пей». Больной, хотя с трудом и при поддержке о. Серафима, напился. Старец в заключение благословил его и с миром отпустил в келью. «С того времени, —

говорил инок Александр, — благодаря Бога за молитвы о. Серафима, я не чувствую никакой боли в руке моей».

И в Дивееве, и в Сарове занимались работами многие из крестьян. Некоторые из них особенно близки были к о. Серафиму; они питали к старцу веру и любовь, как к лицу, угодному Богу, и о. Серафим взаимно любил их. Некоторые из них, таким образом, сделались достоверными повествователями событий из жизни старца.

Так, Лихачевский крестьянин Е. В. рассказывал, что он в 1831 году, почувствовав в себе признаки холеры, тотчас же побежал к о. Серафиму просить помощи и едва-едва мог доползти до его кельи. Старец приложил его к образу Божией Матери Умиления, напоил св. водой и дал вкусить несколько частиц от просфоры. Больной немного поуспокоился. Потом старец велел ему обойти кругом монастыря и, зайдя в собор, помолиться в нем. «Там, — сказал он, — милосердие Божие исцелит тебя». Крестьянин все это исполнил и, по милости Божией, возвратился в гостиницу совершенно здоровым.

Ротмистр Африкан Васильевич Теплов, касательно помощи о. Серафима во время холеры, сообщил следующее: «В начале 30-х годов появилась в Екатеринославской губернии холера и начала производить большую смертность в имении моем, находящемся в тамошнем краю. У меня заболело вдруг около 20 человек, и уже двое из них умерли. Судорожные же корчи прочих, общий стон и плач раздирали мою душу. В столь крайних обстоятельствах я припомнил, что о. Серафим несколько раз говорил мне: “Когда ты будешь в скорби, то зайди к убогому Серафиму в келью: он о тебе помолится”. Воспоминание это побудило меня с женой обратиться заочно к старцу Серафиму, чтобы он избавил нас от пагубной болезни. И вот в ту же ночь, в сонном видении, является старец жене моей и приказывает ей отправиться на родник, где некогда явилась чудотворная икона Божией Матери, взять оттуда воды, напиться и обмыться ею как нам, так и всем людям. Этот родник, или источник, находится в 12 верстах от моего имения, и я немедленно поутру отправился туда со всем семейством, сохраняя в душе полную уверенность в ходатайство за нас угодника Божия Серафима.

По прибытии на родник мы погрузили в него сначала крест, а потом напились и умылись из него как сами, так и служив-

шие нам. В то же время, по моему распоряжению, привезли к нам из села нашего бочку, которую мы наполнили водой из родника, и потом все отправились домой. В селе я приказал собрать всех крестьян, пригласил священника и, по совершении торжественного водоосвящения, мы стали раздавать священную воду всем и отвезли часть ее в больницу, где многие были уже при смерти. Все они, по милосердию Божию, выздоровели вскоре, пользуясь исключительно присланной им водой, и никто с тех пор не умирал в моем имении. В особенности удивило нас всех и заставило возблагодарить милосердие Божие выздоровление одной 70-летней старухи. Она также заболела холерой и находилась уже в безнадежном состоянии. Но когда сосед ее, крестьянин, налил ей насильно в рот воды, так как она была в оцепенении, и потом еще вылил на нее из бутылки остальную воду, она впала в бесчувственность; потом через несколько минут выступил на ней обильнейший пот, и через час, не более, старуха была вне всякой опасности».

По случаю этой смертоносной язвы многие обращались к о. Серафиму с письмами, иные лично приезжали просить его молитв и наставления, как предостеречь себя от опасности. Старец давал следующее наставление:

«Призовем имя Господа — и спасемся. Когда у нас имя Божие будет на устах — мы спасены. Открой ко Господу путь твой и уповай на Него, и Той сотворит, помилует тя, изведет, яко свет, правду твою, и судьбу твою яко полудне (Пс. 36, 5–6), только повинись Господу и умоляй Его». К продолжению сего пути он советовал держать то молитвенное правило, которое еще прежде составил для простолюдинов и людей, часто не имеющих достаточного досуга для молитвы. «Кто будет продолжать так, — говорил он, — тот не лишится милости Божией. Молитва — путь ко Господу. Благоговейно причащающийся Святых Таин, и не однажды в год, будет спасен, благополучен и на самой земле долговечен. Помните слова апостольские: *всегда радуйтесь, непрестанно молитеся, о всем благодарите* (Сол. 5, 17). При таком блаженном и мирном состоянии души верую, что по великой благости Божией ознаменуется благодать и на роде причащающегося. Перед Господом один творящий волю Его — паче тьмы беззаконных».

Что касается собственно до писем, то о. Серафим часто, не распечатывая, знал их содержание и давал ответы, говоря

обыкновенно так: «Вот что скажи от убогого Серафима и проч.». В этом удостоверяют и многие боголюбивые особы, обращавшиеся с отцом Серафимом лично или через письма. После смерти старца в келье его нашли много нераспечатанных писем, по которым, однако же, даны были в свое время изустные ответы.

Молитвы старца Серафима были так сильны перед Богом, что есть примеры восстановления болящих от одра смерти. Так, в мае 1829 года сильно заболела жена Алексея Гурьевича Воротилова, жителя Горбатовского уезда, села Павлова. Воротилов же имел большую веру в силу молитв о. Серафима, и старец, по свидетельству знающих людей, любил его как бы своего ученика и наперсника. Тотчас же Воротилов отправился в Саров и, несмотря на то что приехал туда в полночь, поспешил к келье о. Серафима. Старец, как бы ожидая его, сидел на крылечке кельи и, увидавши, приветствовал его сими словами: «Что, радость моя, поспешил в такое время к убогому Серафиму?» Воротилов со слезами рассказал ему о причине поспешного прибытия в Саров и просил помочь болящей жене его. Но о. Серафим, к величайшей скорби Воротилова, объявил, что жена его должна умереть от болезни. Тогда Алексей Гурьевич, обливаясь потоком слез, припал к ногам подвижника, с верою и смирением умоляя его помолиться о возвращении ей жизни и здоровья. Отец Серафим тотчас погрузился в *умную* молитву минут на десять, потом открыл очи свои и, поднимая Воротилова на ноги, с радостью сказал: «Ну, радость моя, Господь дарует супружнице твоей живот. Гряди с миром в дом твой». С радостью Воротилов поспешил домой. Здесь он узнал, что жена его почувствовала облегчение именно в те минуты, когда о. Серафим пребывал в молитвенном подвиге. Вскоре же она и совсем выздоровела.

Старец о. Серафим оказывал помощь скорбящим, пораженным душевными недугами и одержимым злыми духами. Так, один саровский брат, находясь в унынии, близком к отчаянию, просил другого разделить с ним несколько минут скорби. Вышли эти два брата из монастыря после вечерни и пошли вокруг ограды, утешаясь взаимной беседой. Подошедши к конному двору, около которого лежала дорожка к Серафимову источнику, скорбящий брат хотел своротить в сторону, чтобы в таком болезненном состоянии духа не повстречаться

ему с о. Серафимом. Но прежде чем успели они отойти от дороги, вдруг увидели вблизи себя старца, идущего навстречу им. Старец явился им в довольно странном наряде. Часть белого его балахона была поднята, по обычаю рабочих, под кушак, а полы опущены. На нем был огромный зеленого цвета левантиновый платок, у которого один конец тащился по земле, а другой обвивал шею. Два брата упали ему в ноги. Старец же, как чадолюбивый отец, с необыкновенной лаской благословил их, потом пропел следующий стих 9-й песни канона, *поемаго во всякой душевной скорби и обстоянии* (параклисиса): *радости исполни мое сердце, Дево, яже радости приемшая исполнение, греховную печаль потребляющи.* Потом, топнув ногою, старец сказал: «Нет нам дороги унывать, потому что Христос все победил, *Адама воскресил, Еву свободил, смерть умертвил*». Душевное состояние старца как бы перелилось в души скорбящих братий, и они, оживотворенные его радостью, возвратились в обитель в мирном и благодушном расположении сердца.

Одна вдова, имевшая троих маленьких детей, тяготясь воспитанием их, очень роптала на свою горькую долю. Наслышавшись же о милосердии о. Серафима, она решилась обратиться к нему, испросить благословение и поведать свое горе. Благословив ее, старец сказал: «Не ропщи на свою участь, скоро кончится твое горе, один будет твоим кормильцем». Через неделю после этого двое из детей умерли. Мать поражена была неожиданной их смертью и опять пошла к о. Серафиму, ожидая, что он разрешит ей недоумения, тревожившие душу. Старец, увидев ее и предваряя речи ее, сказал: «Молись Заступнице Пресвятой Богородице и всем святым: клятвою детей своих ты много оскорбила их. Покайся во всем духовному отцу твоему и вперед укрощай гнев свой, чтобы не быть великой грешницей. В последний раз благословляю тебя: только ты прости их». После сих слов старец благословил вдову, дал ей поцеловать крест, который носил на груди, и ушел в свою келью на другие труды.

Бесноватых о. Серафим исцелял своим присутствием, крестом и молитвой. «Я был свидетелем, – говорил Лихачевский крестьянин, работавший в Сарове, – как несколько мужчин привели с величайшими усилиями к сеням пустынной кельи о. Серафима одну бесноватую женщину, которая во всю дорогу упиралась, а у крыльца сеней упала и, закинувши голову

назад, кричала: "Сожжет, сожжет!" Отец Серафим вышел из кельи, и так как женщина не хотела открыть рот, насильно влил ей несколько капель св. воды. Я и все мы увидели, что в ту же минуту из ее рта вылетело как бы дымное облако. Когда же старец, вслед затем, оградил ее крестным знамением и с благословением сотворил над нею святую молитву, бесноватая очнулась и сама начала молиться. Впоследствии, увидев ее в саровском соборе совершенно здоровой, я спросил, что она теперь чувствует. "Слава Богу, – отвечала она, – теперь я не чувствую прежней болезни"».

С совершением исцелений о. Серафим иногда соединял предсказания о будущей судьбе получивших выздоровление или тех, кто был при них. Такой случай был с о. Мельхиседеком, монахом Арзамасского Спасского монастыря. Будучи в мире, имея жену и детей, он торговал рыбой, сложил для склада ее каменный подвал, но двери хорошей сделать не успел. Сын его, пяти лет, играя с другим мальчиком на лестнице подвала, задом упал вниз и после сего стал по ночам плакать, и сделалась в доме их грусть. У ребенка отнялись ноги, ни один даже палец не действовал, тело все высохло, остались одни кости да кожа, и ноги мотались как плети. Если, бывало, станут сгибать ему ноги, то колени трещали как пружина, то же повторялось и при разгибании. Сколько ни лечили родители своего сына – лекарства не подействовали, напротив, еще в груди оказалась сильная ломота. Наконец, поговоривши между собой, родители порешили ехать с больным в Саров к о. Серафиму. Дорогой через гати и мосты переносили его на руках, и больной от нестерпимой ломоты в груди все плакал и просился назад домой, где лежать ему было спокойнее, но родители, ни на что не взирая, приехали в Саров. Придя к келье отца Серафима и узнав, что он в пустыни, они терпеливо ожидали его прихода. Возвратившись в монастырь, о. Серафим всех благословил, а больного ребенка, сверх того, поцеловал в голову. Родители объяснили о болезни сына. Отец Серафим сказал: «Не лечите ничем, а молитесь Богу», и дал мальчику чего-то выпить и сухариков. При возвращении домой мальчик в дороге был спокойнее, и родители, переставши лечить его, все молились о нем Богу. Спустя несколько времени матери больного привиделся сон, чтобы для исцеления сына она взяла чудотворную икону Казанскую

Божией Матери (икона эта в г. Арзамасе в церкви Казанской иконы Божией Матери) в дом. Точно, икону Божией Матери взяли в дом, отслужили всенощную и молебен с водоосвящением. По окончании молебна священник благословил больного мальчика крестом, дал ему напиться св. воды, а потом он приложился к чудотворной иконе Божией Матери, которая осталась в доме до утра. Поутру же, отслужив благодарственный молебен Божией Матери, с радостью и благоговением отнесли ее в церковь. По возврате из церкви мать взяла больного на колени; в это время ноги у него, до того времени не имевшие правильного движения, вдруг согнулись и опять вытянулись, еще раз согнулись и снова вытянулись. Родители, увидев это, от удивления и радости заплакали, а сын, встав на ноги, пошел нетвердым шагом и с этого времени стал ходить лучше и лучше: ноги его окончательно исправились, и он более не страдал ими.

При том свидании, когда больного привозили к о. Серафиму, старец, между прочим, сказал отцу его: «Ты оставь мир». Долго думал отец, что бы это значило, а потом стал уговаривать жену свою идти с дочерью в монастырь с тем, чтобы и ему самому идти в монастырь же. Жена на это возразила: а родителей (которые при них жили) ты куда думаешь девать? Для родителей, отвечал муж, надо поставить келью и дать на пропитание. Не видя с этой стороны успеха в своих намерениях, жена прямо отвечала, что у нее нет желания идти в монастырь. Дело на том и остановилось. Потом прошло несколько времени, жена, отец и мать в один год померли, и отец с сыном в тот же год поступили в Высокогорскую пустынь, а дочь была отдана в Николаевский Арзамасский женский монастырь. Таким образом сбылось предсказание о. Серафима, сказанное в виде намека.

Г-жа М. В. Никашина об исцелениях и предсказаниях о. Серафима повествовала следующее:

«Я и муж мой пожелали видеть богоугодного старца Серафима и поехали в Саровскую пустынь; но по приезде туда не застали о. Серафима в монастырской его келье: он был в лесу на пустынных трудах. Мы пошли туда, и вскоре сам старец встретился с нами. Он тотчас обратился к мужу моему со словами: "Вот что, батюшка, пророк Давид пишет: *Господи, возлюбих благолепие дому Твоего и место селения славы Твоея.* Вельми

хорошо, батюшка, украшать храмы Господни". Отец Серафим говорил это по дару прозорливости, провидя, как муж мой любил украшать храмы Божии.

После того о. Серафим приглашал нас в свою монастырскую келью, и мы стали у него просить благословения на поездку в Москву к своему помещику, чтобы хлопотать об отпущении на волю или, по крайней мере, о том, чтобы господин уволил мужа моего от должности управляющего. Но о. Серафим, выслушав слова наши, взял моего мужа за руку и, подведя его к иконе Умиления Божией Матери, сказал: "Прошу тебя, ради Божией Матери, не отказываться от должности. Твое управление – к славе Божией: мужиков не обижаешь. Не слушай, кто тебе будет говорить про тебя или про твою супругу дурно, а в Москву нет тебе дороги, а вот твоя дорога: я благословил одного управляющего проситься на волю по смерти господина, который при жизни своей купил себе имение на низу, и послал его принять оное и устроить. Когда господин тот скончался, госпожа отпустила управляющего на волю и дала ему доверенность на управление имением такую, что только себя не вручила ему". Отец Серафим говорил эту притчу о моем муже, с которым действительно все то случилось впоследствии, что он предсказал за несколько лет до исполнения.

У мужа моего была следующая странная болезнь: едва только простудится он немного, как тотчас кровь бросается ему в лицо, делается напряжение жил, нервы, особенно носовые, приходят в необыкновенное раздражение, и он сначала ощущает странное щекотанье в носу, а потом начинает чихать беспрестанно. Это изнурительное чиханье продолжалось у него иногда целый день, а иногда и два и совершенно убивало его. Врачи московские и нижегородские советовали ему непременно лечиться от этой болезни и предсказывали, что у мужа моего со временем может образоваться полип. Но так как мужу моему некогда было заняться серьезно своим лечением, то болезнь вскоре очень усилилась. Тогда мы решились ехать в Саров к о. Серафиму.

По приезде нашем старец, благословивши нас, тотчас же взял с печки бутылку с водой, приказал мужу моему наклонить голову и начал сам поливать водой из бутылки, потом приказал ему умыться этой водой и подал ему со своей шеи полотен-

це, чтобы он утерся им. С тех пор болезнь моего мужа совершенно миновалась, и он прожил еще семь лет.

Отец Серафим, благословляя нас однажды на возвратный путь из Сарова домой, сказал мне: "Вот, матушка, пришли ко мне мужчина и две женщины и стали творить молитву, я их не пустил, а когда они стали очень громко стучать в дверь и мне уже нечего было делать, то я лег спать, – и потом прибавил: – Понимаешь ли ты это, матушка?" После того, по приходе нашем на гостиный двор, мы нашли там какого-то чиновника нижегородского, который приехал в Саров с женой и начал меня упрашивать сходить с ними к о. Серафиму, говоря, что они одни не смеют идти и думают, что о. Серафим не пустит их. Муж мой также просил меня, чтобы я сходила с ними.

Мы пошли и по приходе на крыльцо кельи услыхали, что о. Серафим что-то делает в своих сенях. Я по обыкновению сотворила молитву, но о. Серафим не отвечал обычного "аминь" и не отпирал дверей. Спутники мои начали проситься с усилием, но он замолчал. Тогда мужчина начал громко стучать в двери, и вот мы услыхали, что о. Серафим лег спать у своих дверей, где мы стояли, и через несколько минут захрапел. Тут только поняла я, о каком мужчине и двух женщинах говорил он мне при прощании, и мы принуждены были отправиться домой в гостиницу, не видавши старца.

В последний год жизни моего мужа я была в Сарове, в пустыни о. Серафима. Я нашла там его собиравшего щепки у вала, на дороге. Заметивши меня, он подозвал меня к себе и сказал: "Вот, матушка, св. отцы благословили меня собирать эти щепки для сирот дивеевских; придет зима, нужно будет топить им печки". Потом, взяв меня за руку, довел по дороге до своих гряд, где были посажены лук и картофель, и сказал: "А вот, матушка, мое богатство; вот как я живу; богатство же муженька твоего пойдет в другие руки; но ты не унывай о том". Действительно, через несколько месяцев муж мой скончался; а остальное все случилось так, как предсказывал дивный старец.

Однажды я была очень больна желудком и начала лечиться, но так как пользы никакой не было, то я приехала к о. Серафиму и рассказала ему о своей болезни. На это старец отвечал мне так: "Если ты, матушка, будешь лечиться, то скоро-скоро живот свой кончишь. Болезнь сию молчанием понеси – и

пройдет, как перестанешь лечиться". При этом он прибавил: "Вот когда ты пойдешь к Царице Небесной, то каких ты там ни увидишь!" По благословению о. Серафима я перестала лечиться, и болезнь моя действительно миновалась. После того я поехала в село Помец, где находится чудотворная икона Божией Матери; и вот, на квартире, где привелось мне остановиться, я увидела старшую, перевязывавшую свои раны, которыми было покрыто все ее тело. Поутру, идя к обедне, я увидела новую страшную больную: вели одну девушку, расслабленную, опухшую и трясущуюся всеми членами. Тогда невольно вспомнила я слова о. Серафима, которые сначала казались мне непонятными: "Когда ты поедешь к Царице Небесной, то каких ты там ни увидишь"

Однажды я была у о. Серафима с родной своей сестрой, которая была замужем за одним священником, но овдовела. Старец, благословляя сестру мою, сказал ей: "И жизнь твоя, матушка, благословенна до самого твоего успения". На это сестра моя отвечала ему: "Простите меня, батюшка, Христа ради: я все грешу, ссорясь со своим родителем за то, что он, сдавши свое место брату моему, сам все живет у меня" Отец Серафим возразил ей: "С кем же, матушка, и жить-то тебе, как не с родителем?" Сестра отвечала ему: "У меня есть, батюшка, сын, который оканчивает ныне курс, и я на него имею надежду" Но о. Серафим опять возразил ей: "Никакой, матушка, нет надежды, никакой нет" И действительно, сын сестры моей вскоре умер.

Однажды, будучи в Сарове, в день воскресный, пошла я после поздней обедни к о. Серафиму, и он, благословивши меня, спросил: "Ты, матушка, была у обедни?" Я отвечала: "Была, батюшка". Тогда он спросил: "Видела ли ты там, как мы собором отпевали одну женщину? Я только что пришел из церкви. Наш отец игумен сделал ей хороший гроб. Понимаешь ли ты это, матушка?" И он повторил свой вопрос несколько раз. Я подумала, что, верно, он предсказывал мне близкую мою кончину, и с этими мыслями отправилась домой. Дорогой заехала я в деревню Соболеву, которая принадлежит к Покровскому приходу, чтобы навестить свою родную тетку; но здесь, к великому прискорбию, услышала я, что тетка моя недавно умерла и ее похоронили в тот самый воскресный день, после обедни, в который я была у о. Серафима, и он говорил мне

о покойнице. Отец протоиерей сделал ей, по усердию, на свой счет гроб и похоронил собором. Тогда поняла я чудную прозорливость о. Серафима.

Этот самый протоиерей не имел прежде веры к о. Серафиму; но когда я рассказала ему о последнем предсказании старца, то он пожелал лично видеться с ним. И вот, едва только по приезде своем в Саров вошел он в келью о. Серафима, как старец встретил его иерейским лобзанием и словами: "Да благословит тебя, батюшка (при этом он назвал его по имени), Господь Бог и Покров Божией Матери", и потом назвал всех тех угодников, во имя которых в Покровском храме были устроены семь приделов. С того времени протоиерей питал всегда большую веру к о. Серафиму».

Болезненная сестра Мария Иларионовна, впоследствии монахиня Мелетина, рассказывала (тетрадь № 1), что при жизни батюшки Серафима она 30 недель лежала в постели от нестерпимой боли в голове и 13 недель была совершенно глуха. «Долго я страдала, – говорила она, – и находилась в самом безотрадном положении, многих святых угодников Божиих я призывала на помощь и молила их об исцелении моем. Также молилась усердно нашему отцу, батюшке Серафиму, но время проходило, болезнь моя усиливалась день ото дня, и я, изнемогая душою и телом, предала себя окончательно одной воле Божией. Однажды, не помню в какой день, глухая и слабая, я, глубоко вздыхая, пролила горячие слезы. Вдруг вижу, что в келье, где лежала, сделалось светло, входит батюшка Серафим и говорит: "Ну вот, матушка, слезы и вопли твои заставили меня прийти к тебе; ты больна и не находишь ни в чем утешения, и вот я пришел!" – "Ах, батюшка, отец наш, ты ли это?" А он говорит: "Перекрестись и говори до трех раз: во имя Отца, и Сына, и Св. Духа!" "Батюшка, я от слабости не могу и рук поднять, – говорю ему, – и они у меня не владеют!" Тогда он взял обеими руками мою больную голову, приподнял и перекрестил ее. "Ну вот, матушка, – сказал он, – я собственно для тебя и приходил, чтобы исцелить тебя. Головке будет легче, но совсем не выздоровеет..." "Да как же, батюшка, – говорю я, – нет, уж исцели до конца!" А он в ответ: "Нет, матушка, не на пользу нам, все будет немножко болеть!.." После этого явления ко мне батюшки я стала видимо поправляться, голова прошла, но изредка болела».

Глава XVII

Образ жизни о. Серафима после затвора, его молитвы за живых и умерших. Стояние на воздухе. Отношения о. Серафима к некоторым архиереям и священникам. Смерть Елены Васильевны Мантуровой за послушание. Болезнь ее, видения, кончина и похороны. Участь Елены Васильевны по словам о. Серафима. Пророчество его о нетлении тел Марии Семеновны и Елены Васильевны

После затвора о. Серафим изменил свой образ жизни и стал иначе одеваться. Он вкушал пищу один раз в день вечером и одевался в подрясник из черного толстого сукна. Летом накидывал сверху белый холщовый балахон, а зимой носил шубу и рукавицы. В погоду осеннюю и ранней весны носил кафтан из толстого русского черного сукна. От дождя и жара надевал полумантию, сделанную из цельной кожи с вырезами для надевания. Поверх одежды подпоясывался белым и всегда чистым полотенцем и носил медный свой крест. На труды монастырские летом выходил в лаптях, зимой – в бахилах, а идя в церковь к богослужению, надевал, по приличию, кожаные коты. На голове носил зимой и летом камилавку. Сверх того, когда следовало по монастырскому уставу, он надевал мантию и, приступая к принятию Св. Таин, облачался в епитрахиль и поручи и потом, не снимая их, принимал в келье богомольцев. Один богатый человек, посетивши о. Серафима и видя его убожество, стал говорить ему: «Зачем ты такое рубище носишь на себе?» Отец Серафим ответствовал: «Иоасаф царевич данную ему пустынником Валаамом мантию счел выше и дороже царской багряницы» (Четья-минея ноября 19 дня).

Противу сна о. Серафим подвизался очень строго. Известно стало в последние годы, что он предавался ночному покою иногда в сенях, иногда в келье. Спал же он сидя на полу, спиною прислонившись к стене и протянувши ноги. В другой раз он преклонял голову на камень или на деревянный отрубок. Иногда же повергался на мешках, кирпичах и поленьях, бывших в его келье. Приближаясь же к минуте своего отшествия, он начал опочивать таким образом: становился на колени и спал ниц к полу на локтях, поддерживая руками голову.

Его иноческое самоотвержение, любовь и преданность к Господу и Божией Матери были столь велики, что когда один господин, Иван Яковлевич Каратаев, бывши у него в 1831 году на благословении, спросил, не прикажет ли он сказать что-нибудь своему родному брату и другим родственникам в Курске, куда Каратаев ехал, — то старец, указывая на лики Спасителя и Божией Матери, с улыбкой сказал: «Вот мои родные, а для живых родных я уже живой мертвец».

Время, которое о. Серафиму оставалось от сна и занятий с приходящими, он проводил в молитве. Совершая молитвенное правило со всею точностью и усердием за спасение своей души, он был в то же время великим молитвенником и ходатаем пред Богом за всех живых и усопших православных христиан. Для сего при чтении Псалтири на каждой главе он неопустительно произносил от всего сердца следующие молитвы:

1. *За живых.* «Спаси, Господи, и помилуй всех православных христиан и на всяком месте владычествия Твоего православно живущия: подаждь им, Господи, душевный мир и телесное здравие и прости им всякое согрешение, вольное же и невольное, и их святыми молитвами и меня, окаянного, помилуй».

2. *За усопших.* «Упокой, Господи, души усопших раб Твоих: праотцев, отцев и братий наших, зде лежащих и повсюду православных христиан преставившихся: подаждь им, Господи, царствие и причастие Твоея бесконечныя и блаженныя жизни, и прости им, Господи, всякое согрешение, вольное же и невольное».

В молитве за усопших и живых особенное значение имели восковые свечи, горевшие в его келье пред святынею. Это объяснил в ноябре 1831 года сам старец о. Серафим в беседе с Н. А. Мотовиловым. «Я, — рассказывал Николай Александ-

рович, — видевши у батюшки о. Серафима много лампад, в особенности многие кучи восковых свеч, и больших и малых, на разных круглых подносах, на которых от таявшего много лет и упавшего со свеч воска образовались как бы восковые холмики, подумал про себя: "Для чего это батюшка о. Серафим возжигает такое множество свеч и лампад, производя в келье своей нестерпимый жар от теплоты огненной?" А он, как бы заставляя мои помыслы умолкнуть, сказал мне:

"Вы хотите знать, ваше боголюбие, для чего я зажигаю так много лампад и свеч пред святыми иконами Божиими? Это вот для чего. Я имею, как и вам известно, многих особ, усердствующих ко мне и благотворящих мельничным сиротам моим. Они приносят мне елей и свечи и просят помолиться за них. Вот когда я читаю правило свое, то и поминаю их сначала единожды. А так как, по множеству имен, я не смогу повторять их на каждом месте правила, где следует, тогда и времени мне недостало бы на совершение моего правила, то я и ставлю все эти свечи за них в жертву Богу, за каждого по одной свече, за иных — за несколько человек — одну большую свечу, за иных же постоянно теплю лампады; и где следует на правиле поминать их, говорю: Господи, помяни всех тех людей, рабов Твоих, за их же души возжег Тебе аз, убогий, сии свещи и кандила (то есть лампады). А что это не моя, убогаго Серафима, человеческая выдумка, или так, простое мое усердие, ни на чем божественном не основанное, то и приведу вам в подкрепление слова Божественного Писания. В Библии говорится, что Моисей слышал глас Господа, глаголавшего к нему: «Моисее, Моисее! рцы брату твоему Аарону, да возжигает предо Мною кандилы во дни и в нощи: сия бо угодна есть предо Мною и жертва благоприятна Ми есть». Так вот, ваше боголюбие, почему св. Церковь Божия прияла в обычай возжигать во св. храмах и в домах верных христиан кандилы, или лампады, пред святыми иконами Господа, Божией Матери, св. Ангелов и св. человеков, Богу благоугодивших"».

Молясь о живых, в особенности о требовавших у него молитвенной помощи, о. Серафим поминал всегда усопших и память о них творил в келейных молитвах своих по уставу Православной Церкви.

Раз сам о. Серафим рассказывал следующее обстоятельство. «Умерли две монахини, бывшие обе игуменьями. Господь

открыл мне, как души их были ведены по воздушным мытарствам, что на мытарствах они были истязаемы и потом осуждены. Трое суток молился я, убогий, прося о них Божию Матерь. Господь, по Своей благости, молитвами Богородицы помиловал их: они прошли все воздушные мытарства и получили от милосердия Божия прощение».

Однажды замечено было, что во время молитвы старец Серафим стоял на воздухе. Случай этот рассказан княгиней Е. С. Шихаевой.

Приехал к ней из Петербурга больной племянник ее г. Я. Она, не медля долго, повезла его в Саров к о. Серафиму. Молодой человек был объят таким недугом и слабостью, что не ходил сам, и его на кровати внесли в монастырскую ограду. Отец Серафим в это время стоял у дверей своей монастырской кельи, как бы ожидая встретить расслабленного. Тотчас он просил внести больного в свою келью и, обратившись к нему, сказал: «Ты, радость моя, молись, и я буду за тебя молиться, только смотри лежи, как лежишь, и в другую сторону не оборачивайся». Больной долго лежал, повинуясь словам старца. Но терпение его ослабело, любопытство подстрекало его взглянуть, что делает старец. Оглянувшись же, он увидел о. Серафима стоящим на воздухе в молитвенном положении и от неожиданности и необычайности видения вскрикнул. Отец Серафим, по совершении молитвы подошедши к нему, сказал: «Вот ты теперь будешь толковать, что Серафим – святой, молится на воздухе... Господь тебя помилует... А ты смотри огради себя молчанием и не поведай того никому до дня преставления моего, иначе болезнь твоя опять вернется». Г. Я. действительно встал с постели, и хотя опираясь на других, но уже сам на своих ногах вышел из кельи. В монастырской гостинице его осаждали вопросами: «Как и что делал и что говорил о. Серафим?» Но, к удивлению всех, он не сказал ни одного слова. Молодой человек, совершенно исцелившись, опять был в Петербурге и снова через несколько времени воротился в имение княгини Ш. Тут он сведал, что старец Серафим опочил от трудов своих, и тогда рассказал о его молении на воздухе. Один случай такой молитвы нечаянно был усмотрен, но, конечно, старец не один раз благодатью Божией был воздвигаем на воздух во время своих продолжительных молитвенных подвигов.

Можно сказать без преувеличения, что вся Россия в то время знала и чтила о. Серафима; по крайней мере, слух о великом подвижнике ходил повсюду. Известные подвижники, одновременно с ним жившие, по духу знавшие старца Серафима, глубоко уважая его нравственное достоинство, другим делали отзывы о нем самые возвышенные, ибо все смотрели на него, *яко на град, верху горы стоящий.* Священники и архиереи Православной Церкви, проводившие жизнь духовную и святую, имели глубокое уважение к Саровскому подвижнику, как и всегда в чистом сосуде совести хранят это уважение к добрым и святым душам. Некоторые из епископов писали письма к о. Серафиму, спрашивали его советов, хотя ни одного из них не нашлось после смерти старца. Антоний, архиепископ Воронежский, часто присылал ему даже подарки, особенно св. иконы, при получении которых о. Серафим, указывая на лики святых, часто говаривал: «Вот какие особы показывают нам путь к вечности!» На словах, может быть даже и письменно, о. Серафим отвечал на запросы архипастырей. Некоторые же письма их оставлял и без ответа. К Антонию, архиепископу Воронежскому, питал особенную любовь и уважение, никогда его не видавши; и когда заходила речь о сем архипастыре, он называл его великим архиереем Божиим. Еще ничего не было слышно об угоднике Божием Митрофане: не было еще никаких ни откровений, ни явлений, а о. Серафим в нескольких словах, собственноручно написанных, поздравлял преосвященного Антония с открытием св. мощей угодника Божия Митрофана. Антоний показывал некоторым эту записку, которая, как полагают и доселе, сохраняется между его бумагами. По духу знал о. Серафим и многих современных священников, сиявших благочестием и святостью жизни, глубоко уважал таковых и посетителей своих посылал к ним для назидания и руководства. Из числа таких известен о. Алексей Гнавашев, священник села Басурман, Симбирской губернии, Курмышского уезда, умерший 85 лет от роду, 21 апреля 1848 года. Отец Серафим считал его высоким подвижником и часто говаривал о нем так: «Сей человек по своим молитвам за души христианские подобен свече, возжженной пред престолом Божиим. Вот труженик, который, не имея обетов монашеских, стоит выше многих подвижников. Он, как звезда, горит на христианском горизонте».

В жизни затворника Задонского Богородицкого монастыря Георгия, изданной Григоровым, помещено одно обстоятельство, случившееся с о. Георгием и им рассказанное послушнику П. А., из записок которого извлечено.

«Однажды, – говорит П. А., – пришедши к о. Георгию в келью, увидел я на стене незнакомый мне портрет и спросил: "Чей это?" "Разве ты не знаешь? – отвечал Георгий. – Это Саровской пустыни покойный о. Серафим! Богоугодная жизнь его всем была известна", – и потому разговор продолжался о нем. Между прочим Георгий, подумав несколько, сказал: "Знаешь ли, что со мною он сделал? Видно, сказать тебе. Долгое время мучился я помышлением: перейти отсюда куда-нибудь в другой монастырь, поуединеннее, а то здесь письма и посетители много меня развлекают; отказывать иногда совестно, а иногда и нужно бывает отвечать: пишут дело. Около двух лет боролся я в нерешимости с этим помышлением, никому этого не говоря; между тем сильно этим смущался, перебирая в памяти моей все места, куда бы удобнее удалиться. Однажды входит ко мне келейный, извещая, что странник из Саровской пустыни от отца Серафима принес мне поклон и благословение и сверх того имеет надобность сказать лично несколько слов по его поручению. Я благословил ему войти, и он начал: *«Отец Серафим приказал тебе сказать: стыдно-де, столько лет сидевши в затворе, побеждаться такими вражескими помыслами, чтобы оставить свое место. Никуда не ходи. Пресвятая Богородица велит тебе здесь оставаться»*. Сказав сие, старик поклонился и вышел, а я стоял, как вкопанный, дивясь чудесному откровению тайных моих помышлений, и притом такому человеку, который не только меня не знал, но и никогда не видывал, и даже никогда мы друг к другу не писали. Однако, скоро опомнившись, просил я келейного воротить ко мне странника, надеясь узнать от него что-нибудь более, но его уже не могли отыскать ни в монастыре, ни за монастырем. С тех пор дух мой успокоился, и я перестал помышлять о переходе в другое место"».

Из духовных отношений старца Серафима к другим современным подвижникам, из совместных действий их, направляемых к одной цели, чрезвычайно замечателен следующий случай. Одна томская мещанка, Мария Иконникова, странствовавши очень много по святым местам, зашла в г. Ачинск к

старцу Даниилу принять благословение на будущие странствия. Он встретил ее, не допустивши до своей кельи, и, бросивши на нее самый гневный вид, начал говорить громким голосом:

«Что ты, пустая странница, пришла ко мне? Я давно тебя ожидал. Вот будешь меня помнить. Зачем ты бродишь по свету да обманываешь Бога и людей? Тебе дают деньги на свечи и на молебны, а ты тратишь их на свои прихоти: много станций ехала на подводах, нанимала, тратя деньги, Богу данные; а в таком-то месте ты пила вино, и столько-то его купила, а в таком-то месте пустое празднословила. Теперь уже полно тебе ходить по свету. Ступай и живи в Томске. Питайся от своего рукоделья: чулки вяжи. А когда устареешь, тогда для пропитания собирай милостыню. Да слушай же, больше не ходи по России».

Говоря эту поучительную речь, старец грозил страннице палкой и по окончании слов своих пошел в келью. Странница же, поклонившись ему, без слова отправилась в Томск, поселилась дома, стала заниматься рукодельем и решилась вперед не странствовать.

Только по прошествии полугода родственники и знакомые, идя в Киев, упросили Марию Иконникову, как человека хожалого, быть для них вожатым. Сначала не соглашаясь, она потом пошла с ними, и на дороге, бывши в Сарове, зашла к Серафиму принять на дорогу благословение. Старец всех спутников ее принял ласково, благословил, дал сухариков, а их вожатой, Марии Иконниковой, ни слова не сказал, не благословил и даже от себя прогнал. Через неделю томские путешественники начали собираться в путь, и Мария Иконникова, решившись испросить у о. Серафима благословение в путь, подошла к дверям его кельи и со слезами кричала: «Батюшка Серафим! Благослови меня в путь: товарищи мои хотят идти»; а о. Серафим, вышедши из кельи, сурово взглянул на нее и громко закричал:

«Зачем ты пошла по России? Ведь тебе брат Даниил не велел больше ходить по России. Теперь же ступай назад, домой!» «Батюшка! Благослови меня сходить в последний раз, — сказала странница, — больше уж ходить не буду». «Я тебе сказал: ступай назад, а вперед идти тебе нет благословения!» — громко закричал опять старец. «Батюшка, — сказала странница, — как же я пойду назад одна? Такой дальний путь, а денег

у меня ни копейки нет». «Ступай, ступай обратно! – настаивал на своем о. Серафим. – И без денег довезут на лошадях до самого Томска».

После сего старец благословил ее, дал один сухарик и затворил за собой двери. Странница простилась со своими спутниками и воротилась домой. В Нижнем Новгороде нашлись ей спутники, томские купцы, которые и довезли ее до самого Томска. Так далеко видят по ду́ху и слышат друг друга рабы Божии!

Зная и уважая св. людей, действуя ко благу ближних, согласно с ними и в духе и цели веры Христовой, батюшка о. Серафим не упускал из виду и согрешающих братий. В келье его, как уже сказано прежде, всегда горело многое множество свеч перед святыней. Посетители, приходя к старцу, приносили для сего свечи, масло и иногда полагали деньги на покупку их, которые о. Серафим не всегда принимал. Насчет этого множества свеч о. Серафим говорил следующее: «Если кто имеет веру ко мне, убогому Серафиму, то у меня за сего человека горит свеча пред св. иконой. И если свечка падала, это было для меня знамением, что человек тот пал в смертный грех. Тогда я преклоняю свои колена за него пред благоутробием Божиим». Так говорил о. Серафим проживавшему в г. Арзамасе крестьянину Василию Петровичу Вавилову, работавшему в Дивееве и у о. Серафима пользовавшемуся особенным его вниманием и доверием. Вот и предстоял, таким образом, другому любимцу о. Серафима, г. Воротилову, случай пасть в смертный грех. Отец Серафим, видя то, начал молиться, преклоняя колени, да спасет Господь душу его от погибельного греха. Господь милосерд: спас его. Поэтому при свидании старец заметил Воротилову, что в такое-то время и в таком-то месте мы, по милосердию Божию, избавлены от ада за молитвы убогого Серафима.

Отцу Серафиму было суждено еще при своей жизни потерять любимую дивеевскую послушницу свою Елену Васильевну Мантурову, которую он горько оплакивал. Кончина и последние дни этой великой рабы Божией поистине замечательны! (Записки протоиерея Садовского, Н. А. Мотовилова, показания сестры Ксении.)

Елена Васильевна незадолго до своей смерти нача́ла как бы предчувствовать, что батюшке о. Серафиму недолго осталось

жить. Поэтому она часто говорила со скорбью окружающим: «Наш батюшка ослабевает; скоро, скоро останемся без него! Навещайте сколь возможно чаще батюшку, недолго уже быть нам с ним! Я уже не могу жить без него и не спасусь; как ему угодно, не переживу я его; пусть меня раньше отправят!» Однажды она высказала это и о. Серафиму. «Радость моя! — ответил батюшка. — А ведь служанка-то твоя ранее тебя войдет в Царствие-то, да скоро и тебя с собой возьмет!» Действительно, любившая ее и не желавшая расстаться с нею крепостная девушка Устинья заболела чахоткой. Ее мучило, что она по болезни занимает место в маленькой и тесной келье Елены Васильевны, и она постоянно повторяла: «Нет, матушка, я уйду от тебя, нет тебе от меня покоя!» Но Елена Васильевна уложила Устинью на лучшее место, никого не допускала ходить за нею и сама служила ей от всего сердца. Перед смертью Устинья сказала Елене Васильевне: «Я видела чудный сад, с необыкновенными плодами... Мне кто-то и говорит: этот сад общий твой с Еленой Васильевной, и за тобой скоро и она придет в этот сад!» Так и случилось.

Михаил Васильевич Мантуров заболел в имении генерала Куприянова злокачественной лихорадкой и, как говорилось уже, написал письмо сестре Елене Васильевне, поручая ей спросить батюшку о. Серафима, как ему спастись. Отец Серафим приказал разжевывать ему горячий мякиш хорошо испеченного ржаного хлеба и тем исцелил его. Но вскоре он призвал к себе Елену Васильевну, которая явилась в сопровождении своей послушницы и церковницы Ксении Васильевны, и сказал ей: «Ты всегда меня слушала, радость моя, и вот теперь хочу я тебе дать одно послушание... Исполнишь ли его, матушка?» «Я всегда вас слушала, — ответила она, — и всегда готова вас слушать!» «Во, во, так, радость моя! — воскликнул старец и продолжал: — Вот, видишь ли, матушка, Михаил Васильевич, братец-то твой, болен у нас, и пришло время ему умирать... Умереть надо ему, матушка, а он мне еще нужен для обители-то нашей, для сирот-то... Так вот и послушание тебе: умри ты за Михаила-то Васильевича, матушка!» «Благословите, батюшка!» — ответила Елена Васильевна смиренно и как будто покойно. Отец Серафим после этого долго-долго беседовал с ней, услаждая ее сердце и касаясь вопроса смерти и будущей вечной жизни. Елена Васильевна молча все слушала,

но вдруг смутилась и произнесла: «Батюшка! Я боюсь смерти!» «Что нам с тобой бояться смерти, радость моя! – ответил о. Серафим. – Для нас с тобой будет лишь вечная радость!»

Простилась Елена Васильевна, но лишь шагнула за порог кельи, тут же упала... Ксения Васильевна подхватила ее, батюшка о. Серафим приказал положить ее на стоявший в сенях гроб, а сам принес святой воды, окропил Елену Васильевну, дал ей напиться и таким образом привел в чувство. Вернувшись домой, она заболела, слегла в постель и сказала: «Теперь уже я более не встану!»

По рассказам очевидцев, ее кончина была замечательная. В первую же ночь она видела знаменательный сон. На месте Казанской дивеевской церкви была как бы площадь или торжище, и на ней великое множество народа... Вдруг народ расступился перед двумя воинами, которые к ней подошли. «Иди с нами к Царю! – сказали они Елене Васильевне. – Он тебя к себе призывает!» Она повиновалась и пошла за воинами. Ее привели к месту, на котором восседали необычайной красоты Царь и Царица, которые, приняв ее смиренный поклон, сказали: «Не забудь 25-го числа, мы тебя к себе возьмем!» Проснувшись, Елена Васильевна рассказала всем свой сон и приказала записать число... Только тремя днями пережила она его.

За эти несколько дней болезни Елена Васильевна соборовалась и насколько возможно часто приобщалась Св. Таин. Духовник ее, о. Василий Садовский, видя ее слабость, посоветовал было ей написать брату Михаилу Васильевичу, который ее сильно любил, но она ответила: «Нет, батюшка, не надо! Мне будет жаль их, и это возмутит мою душу, которая уже не явится ко Господу такою чистою, как то подобает!»

Трое суток до смерти Елена Васильевна была постоянно окружена видениями, и для непонимающих людей могло казаться, что она в забытьи. «Ксения! Гости будут у нас! – вдруг произнесла она. – Смотри же, чтобы у нас все было здесь чисто!» «Да кто же будет-то, матушка?» – спросила ее послушница. «Кто?! Митрополиты, архиереи и весь духовный причт...» – ответила она удивленно. В день смерти Елена Васильевна опять повторила: «Ксения! Не накрыть ли стол-то? Ведь гости скоро будут!» Ксения Васильевна тотчас согласилась и исполнила желание умирающей, накрыв стол белой чистой

скатертью. «Смотри же, Ксения, – твердила Елена Васильевна, – чтобы все, все у тебя было чисто, как возможно чисто!» Когда же она увидела, что все исполнено ее послушницей, поблагодарила и произнесла: «Ты, Ксения, не ложись, а Агафье Петровне вели лечь... И ты не садись смотри, Ксения, а так, постой немного!» Умирающая была окружена образами. Но вдруг, вся изменившись в лице, радостно воскликнула она: «Святая игумения!.. Матушка, обитель-то нашу не оставь!..» Долго-долго со слезами молила умирающая все об обители и много, но не связно говорила она, а затем совершенно затихла. Немного погодя, как бы опять очнувшись, она позвала Ксению, говоря: «Где же это ты? Смотри, еще гости ведь будут!..» – потом вдруг воскликнула: «Грядет! Грядет... Вот и Ангелы!.. Вот мне венец и всем сестрам венцы!..» Долго еще она говорила, но опять непонятно. Видя и слыша все это, Ксения Васильевна в страхе воскликнула: «Матушка! Ведь вы отходите! Я пошлю за батюшкой!» «Нет, Ксеньюшка, погодите еще, – сказала Елена Васильевна, – я тогда сама скажу вам!» Много времени спустя она послала за о. Василием Садовским, чтобы в последний раз уже собороваться и приобщиться Св. Христовых Таин (Записки Н. А. Мотовилова и летописные сказания обители).

Во время исповеди, как собственноручно написал о. Василий, умирающая поведала, какого видения и откровения она была раз удостоена.

«Я не должна была ранее рассказывать это, – объяснила Елена Васильевна, – а теперь уже могу! В храме я увидела в раскрытых Царских дверях величественную Царицу неизреченной красоты, Которая, призывая меня ручкой, сказала: "Следуй за Мною и смотри, что покажу тебе!" Мы вошли во дворец; описать красоту его при полном желании не могу вам, батюшка! Весь он был из прозрачного хрусталя, и двери, замки, ручки и отделка – из чистейшего золота. От сияния и блеска трудно было смотреть на него, он весь как бы горел. Только подошли мы к дверям, они сами собой отворились, и мы вошли как бы в бесконечный коридор, по обеим сторонам которого были все запертые двери. Приблизясь к первым дверям, которые тоже при этом сами собой раскрылись, я увидела огромное зало, в нем были столы, кресла, и все это горело от неизъяснимых украшений. Оно наполнялось сановниками

и необыкновенной красоты юношами, которые сидели. Когда мы вошли, все молча встали и поклонились в пояс Царице. “Вот, смотри, – сказала Она, указывая на всех рукой, – это Мои благочестивые купцы...” Предоставив мне время рассмотреть их хорошенько, Царица вышла, и двери за нами затворились сами собой. Следующая зала была еще большей красоты, вся она казалась залитой светом! Она была наполнена одними молодыми девушками, одна другой лучше, одетыми в платья необычайной светлости и с блестящими венцами на головах. Венцы эти различались видом, и на некоторых было надето по два и по три зараз. Девушки сидели, но при нашем появлении все встали молча, поклонились Царице в пояс. “Осмотри их хорошенько, хороши ли они и нравятся ли тебе”, – сказала Она мне милостиво. Я стала рассматривать указанную мне одну сторону залы, и что же, вдруг вижу, что одна из девиц, батюшка, ужасно похожа на меня!» Говоря это, Елена Васильевна смутилась, остановилась, но потом продолжала: «Эта девица, улыбнувшись, погрозилась на меня! Потом, по указанию Царицы, я начала рассматривать другую сторону залы и увидала на одной из девушек такой красоты венец, такой красоты, что я даже позавидовала! – проговорила Елена Васильевна, вздохнув... – И все это, батюшка, были наши сестры, прежде меня бывшие в обители, и теперь еще живые, и будущие! Но назвать их не могу, ибо не велено мне говорить. Выйдя из этого зала, двери которого за нами сами же затворились, подошли мы к третьему входу и очутились снова в зале, несравненно менее светлом, в котором также были все наши же сестры, как и во втором, бывшие, настоящие и будущие; тоже в венцах, но не столь блестящих, и называть их мне не приказано. Затем мы перешли в четвертое зало, почти полумрачное, наполненное все также сестрами, но лишь настоящими и будущими, которые или сидели, или лежали; иные были скорчены болезнью и без всяких венцов, со страшно унылыми лицами, и на всем и на всех лежала как бы печать болезни и невыразимой скорби. “А это нерадивые! – сказала мне Царица, указывая на них. – Видишь ли, – продолжала она, – как ужасно нерадение! Вот они и девицы, а от своего нерадения никогда не могут уже радоваться!” Ведь тоже все наши сестры, батюшка, но мне запрещено называть их!» – объяснила Елена Васильевна и горько заплакала.

Как только ушел о. Василий из кельи, причастив Елену Васильевну, она сказала Ксении: «Ксения! Вынесите сейчас же от меня икону Страстной Божией Матери в церковь! Это икона чудотворная!» Она была на время перенесена в келью из церкви. Сестры молча выслушали приказание, но оно показалось им странным, и они не исполнили его, полагая, что Елена Васильевна говорит в бреду или в забытьи, но умирающая, быстро поднявшись и строго посмотрев на послушниц, сказала с упреком: «Ксения! Всю жизнь ты меня не оскорбляла, а теперь перед смертью это делаешь! Я вовсе не в бреду, как вы это думаете, а говорю вам дело! Если вы икону теперь не вынесете, то вам не дадут уже вынести ее, и она упадет! Вот вы не слушаете, а после сами же будете жалеть!» И едва успели вынести икону, как ударили к обедне. «Сходи-ка, Ксения, к обедне, – проговорила Елена Васильевна, – да помолись за всех нас!» «Что это вы, матушка, – испуганно сказала Ксения Васильевна, – а вдруг...» (умрете вы! – хотела было сказать она). Но Елена Васильевна, не дав ей докончить, произнесла: «Ничего, я дождусь!» И когда Ксения вернулась после обедни, то Елена Васильевна встретила ее словами: «Вот видишь ли, я сказала, что дождусь, и дождалась тебя!» Потом, обращаясь ко всем, продолжала она: «За все, за все благодарю вас! И вы меня все Христа ради простите!» Ксения, видя, что Елена Васильевна вдруг вся просветлела и отходит, испуганно к ней бросилась и стала молить ее еще сказать: «Матушка... тогда... нынче ночью-то, я не посмела тревожить и спросить вас, а вот теперь вы отходите... скажите мне, матушка, Господа ради скажите, вы видели Господа?!» «Бога невозможно человекам видети, на Него же... не смеют чины ангельские взирати!» – тихо и сладко запела Елена Васильевна, но Ксения продолжала молить, настаивать и плакать. Тогда Елена Васильевна сказала: «Видела, Ксения, – и лицо ее сделалось восторженное, чудное, ясное, – видела как неизреченный Огонь, а Царицу и Ангелов видела просто!» «А что же, матушка, – спросила опять Ксения, – а вам то что будет?» «Надеюсь на милосердие Господа моего, Ксения, – произнесла смиренно праведница, отходящая ко Господу, – Он не оставит!» Затем она начала говорить о церкви, как и что должно делать, чтобы она была всегда в порядке, и заторопила послушниц: «Собирайте меня скорее, скорее, не отворяя двери! Выносите сейчас же в цер-

ковь! А то сестры вам помешают и не дадут собрать!» «Поздно, матушка, не успеем до вечерни», – ответила ей Ксения. «Нет, нет, успеете еще! – как бы торопясь, говорила Елена Васильевна... – Как я говорю, так и делайте! Слушайтесь, да скорее, а то Бог накажет! Спохватитесь после, да уж поздно будет, не воротите!» И сестры стали ее спешно убирать. «Ох! Ксения! Ксения! Что это? – вдруг воскликнула она, испуганно прижавшись к послушнице. – Что это?! Какие они безобразные, это враги!.. Ну, да эти вражие наветы уже ничего мне не могут теперь сделать!» Затем совершенно спокойно она потянулась и скончалась.

Справедливо настаивала праведная, требуя запереть двери и чтобы ее живую уже совершенно приготовили в гроб, а затем немедленно по смерти вынесли в церковь, потому что едва лишь успели это все исполнить, как сестры, чрезвычайно любившие ее, узнав о ее кончине, вломились со страшным воплем в двери крошечной кельи, не дозволяя положить ее в присланный за трое суток батюшкой о. Серафимом гроб, выдолбленный из целого дуба. В эту минуту начали звонить к вечерне, и поэтому ее вынесли в церковь. На нее надели рубашечку о. Серафима, платок и манатейную ряску. Обули в башмаки, в руки положили шерстяные четки и сверх всего покрыли черным коленкором. Волосы ее, всегда заплетенные в косе, были закрыты под платочком шапочкой из батюшкиных поручей, которую сам старец надел ей после пострижения. Она скончалась 27 лет от рождения, пробыв в Дивеевской обители всего семь лет. Елена Васильевна была чрезвычайно красивой и привлекательной наружности, круглолицая, с быстрыми черными глазами и черными же волосами, высокого роста.

В тот же час батюшка о. Серафим, провидев духом, поспешно и радостно посылал работавших у него в Сарове сестер в Дивеево, говоря: «Скорее, скорее грядите в обитель, там великая госпожа ваша отошла ко Господу!»

Все это произошло 28 мая 1832 года, накануне праздника Пятидесятницы, а на другой день, в самую Троицу, во время заупокойной литургии и пения Херувимской песни, воочию всех предстоящих в храме покойная Елена Васильевна, как живая, три раза радостно улыбнулась в гробу своем.

Ее похоронили рядом с могилой первоначальницы матушки Александры, с правой стороны Казанской церкви. В эту

могилу не раз собирались похоронить многих мирских, но матушка Александра, как бы не желая этого, совершала каждый раз чудо: могила заливалась водой и хоронить делалось невозможным. Теперь та же могила осталась сухой, и в нее опустили гроб праведницы и молитвенницы Серафимовой обители.

На третий день по кончине Елены Васильевны Ксения Васильевна пошла вся в слезах к батюшке о. Серафиму. Увидев ее, великий старец, любивший покойную праведницу не менее всех сестер, невольно встревожился и, сейчас же отсылая Ксению домой, сказал ей: «Чего плачете? Радоваться надо! На сороковой день придешь сюда, а теперь иди, иди домой! Надо, чтобы все 40 дней ежедневно была бы обедня, и как хочешь, в ногах валяйся у батюшки о. Василия, а чтобы обедни были!» Захлебываясь от слез, ушла Ксения Васильевна, а о. Павел, сосед по келье с о. Серафимом, видел, как батюшка долго-долго ходил растревоженный по комнате своей и восклицал: «Ничего не понимают! Плачут!.. А кабы видели, как душа-то ее летела, как птица вспорхнула! Херувимы и Серафимы расступились! Она удостоилась сидеть недалеко от Святой Троицы, аки дева!»

Когда Ксения Васильевна пришла на сороковой день по смерти Елены Васильевны к батюшке о. Серафиму по его приказанию, то старец, утешая свою любимую церковницу, сказал радостно: «Какие вы глупые, радости мои! Ну что плакать-то! Ведь это грех! Мы должны радоваться; ее душа вспорхнула, как голубица, вознеслась ко Св. Троице. Перед нею расступились Херувимы и Серафимы и вся небесная сила! Она прислужница Матери Божией, матушка! Фрейлина Царицы Небесной она, матушка! Лишь радоваться нам, а не плакать должно! Со временем ее мощи и Марии Семеновны будут почивать открыто в обители, ибо обе они так угодили Господу, что удостоились нетления! Во, матушка, как важно послушание! Вот Мария-то на что молчалива была и токмо от радости, любя обитель, преступила заповедь мою и рассказала малое, а все же за то при вскрытии мощей ее в будущем предадутся тлению одни только уста ее!» (Записки протоиерея Садовского и Н. А. Мотовилова, показание живой еще Ксении Васильевны.)

Из образов Елены Васильевны остались в обители: а) икона Елецкой Божией Матери 1773 года в серебряно-золоченой

ризе, родительское благословение ее; б) икона Успения Богоматери в фольге и в) икона Спасителя, несущего крест, по воску работана разноцветным бисером самой Еленой Васильевной.

Глава XVIII

Изнеможение о. Серафима. Еще примеры прозорливости его и исцеления. Советы мирянам. Предсказания о. Серафима о своей смерти. Посещение блаженным старцем Тимоном. Неприятности от беглой девушки. Посещение архиепископом Тамбовским Арсением

За год до смерти о. Серафим почувствовал крайнее изнеможение сил душевных и телесных. Ему было теперь около 72 лет. Обыкновенный порядок жизни его, заведенный с окончания затвора, неминуемо подвергся теперь изменению. Старец стал реже ходить в пустынную келью, в монастыре также тяготился постоянно принимать посетителей. Народ, свыкшийся с мыслью беспрепятственно видеть о. Серафима во всякое время, скорбел, что теперь он начал уклоняться от взоров. Однако же усердие к нему заставляло многих немалое время проживать в монастырской гостинице, чтобы изыскать необременительный для глубокого старца случай увидеть его и выслушать из уст его желаемое слово назидания или утешения.

Старец о. Серафим, как и в прежние годы, продолжал, хотя изредка, наставлять людей, больным подавал молитвами своими исцеления и предвозвещал будущие события. К этому году относятся следующие замечательные случаи из отношений его к посетителям.

Рясофорный монах Нижегородского Печерского монастыря Василий рассказывал следующее обстоятельство о свидании своем с Саровским подвижником:

«В 1825 году отец мой, Владимирской губернии, Муромского уезда, села Зяблицкого погоста, крестьянин графини

Юлии Самойловой, отправился с двумя малолетними своими детьми, мною, 6-летним Василием, и братом моим Кириллом, в Саровскую пустынь помолиться и принять благословение от о. Серафима. Мы прибыли туда накануне праздника Воздвижения Честнаго и Животворящего Креста Господня и на другой день после ранней обедни отправились к о. Серафиму. Богоугодный старец, благословляя нас, сказал обо мне отцу моему, что я не буду его кормильцем, и попросил его купить для меня Евангелие, а о брате моем сказал, что он будет жить при родителях и помогать им. С тех пор отец и мать моя часто напоминали мне об этом предсказании.

На 14-м году возраста я пожелал сам удостовериться в словах прозорливого старца и с этой целью испросил у своих родителей позволение побывать в Саровской пустыни у о. Серафима, это было в 1832 году. Когда я пришел к старцу и хотел спросить его о будущей своей жизни, он сам, предупреждая слова мои, сказал мне: "Радость моя, тебе следует поступить в монастырь". Когда же я отвечал ему, что я человек господский, он сказал: "Гряди: Божия Матерь тебе поможет, и графиня, помещица твоя, чрез ходатайство великих людей, отпустит тебя на волю" С этим утешительным предсказанием и с благословением о. Серафима я возвратился домой.

Достигши же 17-летнего возраста, я получил наконец от своих родителей согласие на поступление в монашество и, будучи еще господским человеком, поступил в Саровскую пустынь. По прошествии двух лет игумен Саровский о. Нифонт благословил меня, как оказавшегося по искусе способным к монастырским послушаниям, хлопотать об увольнении из крепостного состояния. Это побудило меня отправиться в Санкт-Петербург, и здесь промысел Божий указал мне обратиться с просьбой об исходатайствовании столь желаемого мною увольнения к настоятелю Сергиевской пустыни о. архимандриту Игнатию. Добрый настоятель тотчас же согласился на мою просьбу и вскоре действительно исхлопотал мне это увольнение. По представлении его о. Нифонту я был принят в Саровской пустыни послушником, а оттуда перешел в Нижегородский Печерский монастырь, где и поныне нахожусь под покровом Царицы Небесной. Таким образом исполнилось в точности предсказание о. Серафима».

Родные сестры, из дворян, девицы Екатерина и Анна Васильевны Ладыженские*, находившиеся в числе сестер Дивеевской обители, повествовали следующее:

«В 1832 году родной брат наш О. В-ч Ладыженский, находящийся ныне председателем военной комиссии в Оренбурге, был послан в Китай, для сопровождения духовной миссии. Так как дорога эта лежала через Нижний Новгород, где мы имели родную бабушку, игуменью в Крестовоздвиженском Девичьем монастыре, то, желая как посетить престарелую свою бабушку, чтимую всеми, знающими ее, и даже отцом Серафимом, так равно и повидаться с нами, сестрами своими, жившими тогда в Пензе еще в мире, брат наш вызвал нас в Нижний Новгород.

Сам он прибыл туда на Страстной неделе Великого поста, в самую распутицу, и по необходимости должен был дожидаться здесь лучшего пути, тем более что от дурной дороги занемог. В последнюю турецкую кампанию он был ранен в левую руку, и теперь боль в руке возобновилась и заставила его лечиться и брать ванны.

Мы же, четыре сестры, имея счастье знать и питая горячую веру к молитвам преподобного о. Серафима, воспользовались этой невольной остановкой брата и начали убеждать его съездить с нами в Саровскую обитель, чтобы удостоиться видеть и получить благословение о. Серафима на такой долгий и опасный путь.

После многих усилий он наконец склонился на нашу просьбу, но не по вере в святость жизни и прозорливость о. Серафима, которого хотя и уважал, но далеко не разделял к нему наших чувств, а единственно для успокоения нашего, по любви к нам, так как мы твердили ему беспрестанно, что только тогда будем спокойны на его счет, когда он посетит с благоговением чтимого нами старца.

Накануне отъезда мы имели с братом большой разговор и спор о св. иконах. Мы называли многие иконы чудотворными, а брат опровергал нас, говоря, что различать иконы и называть некоторые из них чудотворными есть дело суеверия и что все иконы одинаковы.

* *Екатерина Васильевна Ладыженская была 15 лет настоятельницей общины.*

Поехали же мы в Саров с таким расчетом, чтобы пробыть там воскресный или какой-нибудь другой праздничный день; нам хотелось, чтобы брат увидел о. Серафима первый раз в церкви, когда он будет приобщаться Св. Таин.

По приезде мы все отправились к ранней обедне, за которой обыкновенно приобщался о. Серафим; и когда она кончилась, брат наш вошел в алтарь, чтобы принять там благословение от о. Серафима и передать ему несколько слов от бабушки нашей, игуменьи, и от преосвященного Афанасия, который управлял тогда Нижегородской епархией, а впоследствии был переведен в Тобольск, где и скончался; мы же возвратились в занимаемую нами гостиную келью.

Вскоре возвратился и брат наш, и мы заметили в нем большое изменение. Первым словом его было сознание, что о. Серафим сотворил над ним чудо. Именно он говорил: "Пока я передавал о. Серафиму то, что поручили мне передать бабушка и преосвященный, он взял меня за больную мою руку и так крепко сжал, что я только от стыда не вскрикнул, но теперь не ощущаю в руке решительно никакой боли"

После трапезы мы все пошли в лес, к пустыни о. Серафима; увидав его издали, сидящего против своего источника, мы предложили брату идти к нему одному, а сами остались вдали смотреть на них. Брат пошел и принят был о. Серафимом, по-видимому, очень милостиво, потому что он благословил его и, посадив подле себя, разговаривал с ним с полчаса времени. Наконец о. Серафим, подняв свою голову, сделал нам знак рукой, чтобы мы приблизились. Пока мы подходили, он уже встал со своего места, и мы нашли его с заступом в руках, копавшим свои грядки. Он был в белом балахончике и повязан тряпичкой, а плечи его были покрыты кожей. Мы получили его благословение, и, когда брат подошел к нему, также он сказал ему: "Подожди, батюшка, я сейчас выйду к тебе" С этим словом он пошел в пустынную свою келью и тотчас же вынес оттуда половину просфоры и, подавая ее брату, сказал ему с любовью: "На тебе, от моей души". И потом прибавил как бы с грустью: "Мы с тобой более не увидимся" Тронутый брат отвечал ему: "Нет, батюшка, я еще завтра приду к вам, благословите" Но о. Серафим повторил: "Мы с тобою более не увидимся" Брат возразил еще: "Батюшка, я и на возвратном пути заеду к вам", но отец

Серафим в третий раз повторил: “Нет, мы с тобой больше не увидимся”

Простившись с о. Серафимом, мы отправились в монастырь; сестры шли впереди, а я, грешная Екатерина, с братом немного позади них. Замечая в брате большую перемену, я спросила его о причине, и он отвечал мне так: “Теперь я совершенно убежден в святости и прозорливости этого дивного мужа. Все, что вы ни говорили о нем, истинно, и вы ничего не преувеличили” Прежде же он обыкновенно отзывался о нем так: “Я верю, что он хорошей жизни, но вы слишком все преувеличиваете”

Я попросила брата рассказать мне все подробнее, и он рассказал следующее: “Когда я подошел к нему под благословение и объяснил, что отправляюсь в Китай и потому нарочно заехал в Саров, чтобы принять от него благословение и попросить его святых молитв на такой дальний путь, тогда о. Серафим благословил меня и, посадив подле себя, сказал: «Что, батюшка, мое грешное благословение? Проси помощи у Царицы Небесной; вот, в теплом соборе у нас икона Живоносного Источника: отслужи ей молебен; ведь она чудотворная, она тебе поможет». И потом с улыбкой продолжал: «Читал ли ты, батюшка, житие Иоанникия Великого? Я советую прочесть. Это был военный, весьма добрый и хороший человек, и сначала не то чтобы он не был христианин; он веровал в Господа, но в иконах-то заблуждал так же, как и ты». И при этих словах он показал на меня рукой. Я был весьма поражен этими словами.

Отец же Серафим продолжал после того милостиво беседовать со мной и давать мне наставления, особенно чтобы я сам был милосерд, если хочу, чтобы Господь Бог был ко мне милосерд. В заключение он предсказал, что я исполню возложенное на меня поручение и возвращусь благополучно”.

Из пустыни мы прошли прямо в теплый собор, потому что брат мой, воспламененный верой и любовью к о. Серафиму, пожелал немедленно исполнить его совет и отслужить молебен Царице Небесной. После молебна он выпросил у знакомого нам иеромонаха Анастасия Четью-минею, отыскал там житие Иоанникия Великого и нашел, что действительно Иоанникий был военный, добрый и сострадательный, что он веровал в Господа, но заблуждал насчет икон, и наконец, что он нашел старца-затворника, подобного о. Серафиму,

который вывел его из заблуждения. Таким образом, брат наш выехал из Сарова с полной верой и любовью к о. Серафиму. Он бросил все свои лекарства, потому что уже не нуждался в них более: он чувствовал себя исцеленным и душой и телом, и с дороги писал нам, что никогда не чувствовал себя столь здоровым.

Исполнив в точности, по благодати Божией и за молитвы праведника, поручение, данное ему Августейшим Монархом, он возвратился в отечество и хотел на возвратном пути еще раз посетить о. Серафима; но мы уведомили его, что уже не стало дивного угодника Божия. И таким образом исполнилось его пророчество, которое он говорил брату при прощании: "Мы с тобой больше не увидимся".

Считаем не лишним поместить здесь еще одно обстоятельство, случившееся с братом нашим и доказывающее благодатный дар прозорливости в отце Серафиме. Уезжая из Сарова, брат наш поручил вышеупомянутому иеромонаху Анастасию доставить о. Серафиму от его усердия одну неважную вещь. Отец Серафим, принявши ее, изволил сказать о брате, что он опять здесь будет, но не один: "Я, – говорил он, – приказал ему не оставлять жены" Отец Анастасий передал это известие мне, – говорит Екатерина Васильевна, – когда я приехала в Саров через несколько месяцев после отъезда брата; и я нисколько не сомневалась в истине слов праведника, хотя брат и ничего не говорил нам о намерении своем вступить в брак. Возвратившись домой, я написала о слышанном брату, и он отвечал нам так: "Дивный Серафим не ошибся и в этом случае: он проник в тайну души моей; я избрал себе по сердцу и положил твердое намерение жениться на избранной мною"».

Екатерина Васильевна рассказывает еще следующий случай об о. Серафиме. «В один из приездов наших в Саровскую обитель сестра моя пожертвовала на образ Успения Божией Матери свои бриллиантовые серьги, и чтобы скрыть это дело, она вручила их, в моем присутствии, знакомому нам иеромонаху Дамаскину с просьбой передать их настоятелю и никому не сказывать ничего. Это происходило у крыльца кельи о. Серафима. Едва мы вошли, вслед затем, к старцу в сени, как он встретил сестру мою, сделавшую пожертвование, с самым радостным видом и с сими словами: "Божия Матерь вознаградит тебя за твою жертву и здесь, и в будущем". Мы

остались после наших родителей совершенными по всему сиротами и утешались только тем, что старец, между прочими спасительными наставлениями, всегда говаривал нам, что "он утешит нас, что он будет за нас молиться" И действительно, мы считаем себя теперь вполне утешенными, потому что Господь Бог и Царица Небесная за молитвы о. Серафима сподобили нас, двух сестер, Екатерину и Анну, поступить в число сестер Дивеевской общины и принести хоть малейшую лепту нашего усердия в пользу этой святой обители».

Особенно замечательна по содержанию своему беседа старца Серафима с г. Богд-вым. В день Рождества Христова 1832 года он удостоился видеть о. Серафима в Саровской пустыни. «Я, – говорил г. Б., – пришел в больничную церковь к ранней обедне еще до начатия службы и увидел, что о. Серафим сидел на правом клиросе, на полу. Я подошел к нему тотчас под благословение, и он, благословивши меня, поспешно ушел в алтарь, отвечая на мою просьбу побеседовать с ним: "После, после". По окончании же обедни, когда я снова подошел к нему, он приветствовал меня словами: "Молитвами Пресвятыя Богородицы все благо будет!" Тогда я осмелился попросить о его назначении мне времени для выслушания от него спасительных советов. Старец на то отвечал мне так: "Два дня праздника. Времени не надо назначать. Св. апостол Иаков, брат Божий, поучает нас: аще Господь восхощет и живы будем, сотворим сие и сие". Я поднес к нему дочь свою Веру, и он, благословивши нас, дал нам обоим сухарей.

Наконец, приготовивши заблаговременно вопросы, которые хотел я предложить старцу, я пришел к нему в келью. Он встретил меня в сенях, принял принесенные мною, по поручению других, свечи и масло и благословил беседовать с собой.

Я спросил его, продолжать ли мне мою службу или жить в деревне. Отец Серафим отвечал: "Ты еще молод, служи" "Но служба моя нехороша", – возразил я. "Это от твоей воли, – отвечал старец. – Добро делай; путь Господень все равно! Враг везде с тобой будет. Кто приобщается – везде спасен будет, а кто не приобщается – не мню. Где господин, там и слуга будет. Смиряй себя, мир сохраняй, ни за что не злобься".

Я спросил еще: "Благополучно ли кончится мое дело?" Старец отвечал: "Надобно полюбовно разделиться с родными, у кого есть что разделить. Было у двух родных братьев два

озера; у одного все множилось, а у другого нет. Тот и хотел завладеть войной. Одному нивы надобно 12 сажен, а другому более. Не пожелай"

После того я спросил: "Учить ли детей языкам и прочим наукам?" И он отвечал: "Что же худого знать что-нибудь?" Я же, грешный, подумал, рассуждая по-мирскому, что нужно, впрочем, ему самому быть ученым, чтобы отвечать на это, и тотчас же услышал от прозорливого старца обличение: "Где мне, младенцу, отвечать на это против твоего разума? Спроси кого поумнее"

Вечером, когда я пришел к нему, первым его словом было: "Беседу лучше оставить. За каждое праздное слово воздадим Богу ответ". Но я умолил его продолжить спасительную беседу и предложил ему следующий вопрос: "Скрывание дел, предпринятых во имя Господне, в случае, когда знаешь, что получишь за них скорее осмеяние, нежели похвалу, не похоже ли на отвержение Петра; и что делать при противоречиях?" Старец на это отвечал мне так: "Св. апостол Павел в послании к Тимофею говорит: пей вино вместо воды; а вслед за сим следует: не упивайтесь вином. На это надо разум. Не вОструби; а где нужно, не премолчи"

Я спросил еще: что прикажет он мне читать? И получил ответ: "Евангелие по 4 зачала в день, каждого Евангелиста по зачалу, и еще жизнь Иова. Хотя жена и говорила ему: лучше умереть; а он все терпел и спасся. Да не забывай дары посылать обидевшим тебя"

На вопросы мои, должно ли лечиться в болезнях и как вообще проводить жизнь, он отвечал: "Болезнь очищает грехи. Однако же воля твоя. Иди средним путем; выше сил не берись – упадешь, и враг посмеется тебе; аще юн сын, удержись. Однажды диавол предложил праведнику прыгнуть в яму, тот было согласился, но Григорий Богослов удержал его. Вот что делай: укоряют – не укоряй, гонят – терпи, хулят – хвали, осуждай сам себя, так Бог не осудит, покоряй волю свою воле Господней, никогда не льсти, познавай в себе добро и зло: блажен человек, который знает это; люби ближнего твоего: ближний твой – плоть твоя. Если по плоти поживешь, то и душу и плоть погубишь, а если по-Божьему, то обоих спасешь. Эти подвиги больше, чем в Киев идти или и далее, кого Бог позовет". Последние слова о. Серафима относились к желанию моему

отправиться на богомолье в Киев и далее, если благословит. Впрочем, я не открыл ему еще этого желания, и о. Серафим узнал о нем единственно по дару прозрения, который имел он по благодати Божией.

После того я спросил старца: обязан ли человек для поддержания своего звания вовлекаться в издержки, превышающие его достатки и не составляющие у людей необходимости? Он отвечал: "Кто как может; но лучше, чем Бог послал. Хлеба и воды довольно для человека. Так было и до потопа".

Еще спросил я: должно ли угождение людям простираться и на те случаи, которые несогласны с волей Божией, например, праздно проводить время и т. п.? На это о. Серафим возразил: "За эту любовь многие погибли: аще кто не творит добра, тот и согрешает. Надобно любить всех, а больше всего – Бога"

Я попросил его помолиться обо мне, он отвечал: "За всех молюсь всякий день. Устрой мир душевный, чтобы никогда не огорчать и ни на кого не огорчаться; тогда Бог даст слезы раскаяния", и опять подтвердил: "Укоряют – не укоряй и т. д."

На вопрос мой: как сохранить нравственность людей, мне подчиненных, и не противны ли Богу законные, по-видимому, наказания? – он отвечал: "Милостями, облегчением трудов, а не ранами. Напои, накорми, будь справедлив. Господь терпит; Бог знает, может быть, и еще потерпит долго. Ты так делай: аще Бог прощает, и ты прощай. Сохрани мир душевный, чтобы в семействе у вас ни за что не было ссоры; тогда благо будет. Исаак, Авраамов сын, не злобился, когда у него колодцы засыпали, и отходил, а потом его же стали просить к себе, когда Господь Бог благословил его стократным плодом ячменя"

Спрашивал я также о. Серафима насчет опасности нынешних советов и можно ли ввериться учению других. Он отвечал: "Это вам необновленным", – и улыбнулся. "Довольно одного Ангела-хранителя, от св. купели нам данного. Если ярость в коем есть – не слушай; если девство кто хранит – Дух Божий таких принимает. Однако же сам разум имей и Евангелие читай"

Я попросил о. Серафима растолковать мне сон: я видел кого-то, который приказывал мне выстроить церковь. Отец Серафим сказал мне: "Это твое собственное желание, и если Бог избрал тебя на это и потребует нужда, то с Богом! В тер-

пении вашем стяжите души ваши, то и будете Богу подобны, а иначе я не мню, чтобы кто спасся”

Я спросил старца: нужно ли молиться Богу об избавлении от опасных случаев? Старец отвечал: “В Евангелии сказано: молящеся не лишше глаголите: весть бо Отец наш, их же требуете, прежде прошения вашего. Сице убо молитеся вы: Отче наш и проч., тут благодать Господня; а что приняла и облобызала Св. Церковь, все для сердца христианина должно быть любезно. Не забывай праздничных дней: будь воздержан, ходи в церковь, разве немощи когда; молись за всех: много этим добра сделаешь; давай свечи, вино и елей в церковь: милостыня много тебе блага сделает”

Когда я спросил о посте и браке, старец сказал:

“Царство Божие не брашно и питие, но правда, мир и радость о Дусе Святе; только не надобно ничего суетного желать, а все Божие хорошо: и девство славно, и посты нужны для побеждения врагов телесных и душевных. И брак благословен Богом: и благослови их Бог, глаголя: раститеся и множитеся. Только враг смущает все”

На вопрос мой о духе мнительности и о хульных помыслах он отвечал: “Неверного ничем не уверишь. Это от себя. Псалтирь купи: там все есть. Три рубля стоит”

Я спросил его: можно ли есть скоромное по постам, если кому постная пища вредна и врачи приказывают есть скоромное? Старец отвечал: “Хлеб и вода никому не вредны. Как же люди по 100 лет жили? Не о хлебе едином жив будет человек, но о всяком глаголе, исходящем из уст Божиих. А что Церковь положила на семи Вселенских Соборах, то исполняй. Горе тому, кто слово одно прибавит к сему или убавит. Что врачи говорят про праведных, которые исцеляли от гниющих ран одним прикосновением, и про жезл Моисея, которым Бог из камня извел воду? Какая польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит? Господь призывает нас: приидите ко Мне вси труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы: иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть, да мы сами не хотим”

Чем, спросил я, истребить гордость и приобресть смирение? Он отвечал: “Молчанием. Бог сказал Исаии: на кого воззрю, токмо на кроткого и молчаливого и трепещущего словес Моих” Касательно духовной гордости он прибавил еще:

“Проси Бога, чтобы Он продлил твои лета. Этого без труда не сделаешь. Молчанием же большие грехи побеждаются”

Во все время нашей беседы о. Серафим был чрезвычайно весел. Он стоял, опершись на дубовый гроб, приготовленный им для самого себя, и держал в руках зажженную восковую свечу. Начиная отвечать, часто приветствовал меня словами: “Ваше боголюбие!” О дочери моей сказал: “У нея путь трудный: выйдет за такого мужа, что и Бога знать не будет”.

Прощаясь со мною, он благодарил меня за посещение его убожества, как сам он выразил. Благословляя же, хотел даже поцеловать мою руку, кланялся мне все до земли и, наделяя сухарями, приказывал разделить их с моими подчиненными, и наконец, отпуская, сказал: “Гряди с Богом! Эти сухари свежие: только что из печки”.

К большому прославлению чудного дара прозорливости в благодатном старце о. Серафиме нужно объяснить, что я не имел возможности расспрашивать его так подробно и помнить все его ответы. Притом же он говорил чрезвычайно поспешно. Для этого все свои вопросы я предварительно написал для памяти на бумаге и едва успевал я прочитывать их пред старцем, как тотчас же и получал на них ответы».

Прозорливостью своею о. Серафим весьма много содействовал к счастью и благоустройству семейной жизни ближних.

Пришел к нему в пустынь один приезжий офицер принять благословение на вступление в брак. Отец Серафим сказал, что его невеста здесь, в Сарове, в гостинице. Через некоторое время пришла девица к о. Серафиму и также поведала ему свое желание выйти в замужество и виды, открывающиеся по сему предмету в будущем. Старец сказал: «Нет! Твой жених здесь, в Сарове». Оба приходившие никогда не знали друг друга и не видались. Простой случай, указанный Провидением, свел их между собой, молодые люди познакомились, с участием родных решили судьбу свою, вместе пришли к о. Серафиму, и старец благословил их к венцу. Вступивши в брак, эти лица жили очень счастливо.

Это не был простой случай, а дело Божие, совершившееся через старца. Дела Божии всегда созидаются с удивительной простотой: это их особенность. Невнимание к советам старца сопровождалось в подобных случаях точным исполнением последствий, им предвозвещаемых. Так, один рязанский

помещик, будучи в Сарове, просил молитв и благословения о. Серафима на вступление в брак. Старец указал ему невесту, Богом назначенную, в лице одной особы, жившей по имению в соседстве с просителем, называя ее по имени. Молодой человек отказался исполнить совет его, потому что он имел уже невесту из живущих в том месте, где стоял его полк. Отец Серафим сказал: «Тебе сия не принадлежит в радость, но в печаль и слезы». Молодой человек женился, однако же, по-своему, но жена его, не пережив и года, умерла, и были мужу «печаль и слезы». Вдовцом он был опять у о. Серафима и, по вторичному его совету, взял ту, которую и прежде назначал старец. После брака жили они счастливо.

Членов семейства, живших порознь, о. Серафим соединял вместе в исполнение Писания: *яже Бог сочета, человек да не разлучает.* Господа Т-вы, Пензенской губернии и из Таганрога, разошлись между собой по неприятностям и детей развели. Муж проживал в Пензе, а жена в Таганроге. К счастью обоих, г. Т-в посетил Саров. Отец Серафим только что взглянул на него, стал обличать его и грозил ему, говоря: «Зачем ты не живешь с женой? Ступай к ней, ступай!» Речь старца привела заблудшего в сознание, он отправился из Сарова в Таганрог, взял свою жену, съездил с ней на богомолье в Киев, и стали они жить с тех пор вместе в деревне близ Таганрога, благополучно и по закону Божию. «Я видала, — пишет боголюбивая Мария к затворнику Георгию, — письма их после известия о смерти старца: они исполнены горести, что умер отец их и благодетель».

Одна мать очень скорбела о своем сыне, которого совсем потеряла из вида. С растерзанным сердцем припала она к ногам о. Серафима и просила молитв его о том, кого считала она погибшим. Старец сказал в ответ матери, чтобы она пожила в Сарове в гостинице и подождала своего сына. Она и ждала день, два, три, и наконец, недоумевая насчет ответа о. Серафима, пришла к нему принять благословение, имея в виду отправиться восвояси. Что же? В то время как она пошла в келью старца, у него был на благословении и сын ее. Отец Серафим взял его за руку, подвел к матери и поздравил ее с возвращением к ней сына.

Кроме предсказаний другим, старец начал теперь предсказывать о своей смерти.

Так, пришла раз к нему сестра Дивеевской общины Параскева Ивановна с другими сотрудницами из сестер же. Старец начал говорить им: «Я силами слабею; живите теперь одни, оставляю вас». Скорбная беседа о разлуке растрогала слушательниц, они заплакали и с тем расстались со старцем. Однако же они подумали, по поводу этой беседы, не о смерти его, а о том, что о. Серафим, по преклонности лет, хочет отложить попечение о них, чтобы удалиться в затвор.

В другой раз старца посетила одна Параскева Ивановна. Он был в лесу, в ближней пустыни. Благословивши ее, о. Серафим сел на отрубок дерева, а сестра около него стала на колени. Отец Серафим повел духовную беседу и пришел в необыкновенный восторг: встал на ноги, руки поднял горе, взоры — к небу. Благодатный свет озарил его душу от представления блаженства будущей жизни. Ибо старец беседовал в настоящий раз собственно о том, какая вечная радость ожидает человека на небе за недолговременные скорби временной жизни. «Какая радость! Какой восторг, — говорил он, — объемлют душу праведника, когда по разлучении с телом ее сретают Ангелы и представляют пред лице Божие!» Раскрывая эту мысль, старец несколько раз спрашивал сестру, понимает ли она его. Сестра же все слушала, не говоря ни слова. Она понимала беседу старца, но не видела, чтобы речь клонилась к его кончине. Тогда о. Серафим снова стал говорить прежнее: «Я силами ослабеваю; живите теперь одни, оставляю вас». Сестра подумала, что он хочет опять укрыться в затвор, но о. Серафим на ее мысли ответил: «Искал я вам матери (настоятельницы), искал... и не мог найти. После меня никто вам не заменит меня. Оставляю вас Господу и Пречистой Его Матери». А сестра все еще не понимала, что старец говорил о своем успении, и подумала про себя, что хотя батюшка о. Серафим вручает их Господу и Божией Матери, но нельзя же обители остаться и без человека — духовного руководителя ко спасению. Старец же ответствовал: «Человека-то, матушка, днем с огнем не найдешь. Оставляю вас Господу и Пречистой Его Матери». Тут он прямее выразился о своей кончине. Тогда сестра, припавши к ногам старца, так горько зарыдала, что не могла ни сама говорить, ни слышать слов его. Отец Серафим начал читать на память Евангелие от Матфея, зачало 11: *вы есть свет мира,* — и, когда кончил, перешел к Еванге-

лию от Иоанна, зачитал 14 главу: *Да не смущается сердце ваше*, прочел также главу 15 и кончил 55 зачалом 16 главы словами: *аминь, аминь, глаголю вам, яко елико аще просите от Отца во имя Мое, даст вам. Доселе не просите ничесоже во имя Мое: просите и приимете, да радость ваша исполнена будет.* Здесь о. Серафим остановился и сказал: «Что же ты, матушка, все плачешь? По времени и у вас будет мать-праведница». После сих слов о. Серафим встал на ноги и сказал сестре: «Гряди, матушка, за мною». Сестра, вся в слезах, встала на ноги и последовала за ним.

Когда другие сестры Дивеевской обители посещали о. Серафима в его келье незадолго до его смерти, то он обыкновенно, указывая на икону Божией Матери «Умиление», много раз говаривал им в утешение: «Поручаю и оставляю вас на попечение вот этой Царице Небесной». Это рассказывают даже до сего дня старицы Дивеевской обители из современных о. Серафиму.

За пять месяцев до кончины была у о. Серафима Платонида, монахиня Симбирского монастыря Нерукотворенного Спаса. Она ехала в Арзамас к известному в то время врачу посоветоваться насчет ревматических страданий головы, лица и уха в одной половине тела, но заехала наперед в Саров, чтобы от о. Серафима принять благословение на лечение. Пять суток прожила она в Сарове, и хотя раза по четыре каждые сутки приходила к келье старца, но не могла видеть его. Старец, по изъясненным выше причинам, реже принимал посетителей. Наконец она была принята им в пустыни наедине. Поклонившись о. Серафиму в ноги, она просила благословения лечиться. Старец на слова ее отвечал: «Нет, не лечись» и, показав рукой на небо, прибавил: «Вот Кто (то есть Бог) тебя исцелит». Затем он приказал ей умыться в источнике. Она же не умывалась во все продолжение своей болезни, около трех лет, справедливо опасаясь, чтобы от прикосновения к воде не получить большей простуды. Но по вере в слова праведного старца она, нимало не сомневаясь, умылась и оттого не только облегчения не почувствовала, но, напротив, почувствовала ужаснейшую боль. Потом старец приказал ей напиться этой воды, после чего сделались у нее мучительнейшие боли в лице и зубах. Наконец старец, приложив свою правую руку к больной ее щеке, сказал: «До успения Бог успокоит тебя;

гряди с миром!» Платонида тотчас же почувствовала, как стала утихать боль ее, она совершенно прошла и с тех пор не возвращалась. При отпуске, благословляя ее крестом, висевшим у него на груди, о. Серафим сказал: «Не скорби, что долго не видела меня, я поминовение творил о скончавшейся монахине». Платонида, со своей стороны, спросила, может ли она надеяться еще когда-нибудь увидеть его. Старец, показывая рукой на небо, сказал: «Там увидимся, там лучше, лучше, лучше». Справедливо: больше она не видела его.

В этом же году посетил о. Серафима блаженный старец Тимон, живший, как известно, в Надеевской пустыни и не видавший своего духовного наставника и учителя более двадцати лет. В весеннее время пеший пришел он в Саровскую пустынь и, добравшись до кельи о. Серафима, ожидал сладостной минуты увидеть его. Но о. Серафим не допускал его до себя. На этот раз он принимал всех; беспрепятственно входили к нему и мужи и жены: одному Тимону закрыт был вход, и он тщетно простоял у кельи до самого вечера. Наконец было благословлено и ему взойти в келью. «Аз же, – говорил старец Тимон, – взошедши, падох ему на ноги, и от радости много плакал, что через много лет сподобился видеть еще его в живых, и сказал ему: “Отче святый! За что вы на меня, грешнаго, прогневались и целый день меня до себя не допускали?” Он же меня посадил и начал говорить: “Нет, не тако, отче Тимоне! Аз тебя люблю; но это я сделал потому, что ты монах, да еще и пустынножитель, потому должен ты иметь терпение; да еще испытывал тебя, чему ты научился, живши столько лет в пустыни: не пустой ли ты из нее вышел? А прочие люди – мирские, да еще и больные: их надобно прежде полечить и отпустить, ибо *здравии врача не требуют, но болящии*, как Господь сказал. А с тобой надобно при свободном времени больше побеседовать”. И тако с ним всю нощь препроводили в беседе».

Отец Серафим дал ему, между прочим, следующее наставление: «Сей, отец Тимон, сей, всюду сей данную тебе пшеницу. Сей на благой земле, сей и на песке, сей на камени, сей при пути, сей и в тернии: все где-нибудь да прозябнет и возрастет и плод принесет, хотя и не скоро. И данный тебе талант не скрывай в земле, да не истязан будеши от своего господина; но отдавай его труженикам: пусть куплю делают. Еще скажу тебе, отче Тимоне: не води дружбы и не имей союза, во-первых,

с врагами Христовой Церкви, то есть с еретиками и с раскольниками, во-вторых, с теми, которые святых постов не соблюдают, в-третьих, с женами, ибо они много нас, иноков, повреждают. А в своей новоустроенной (то есть Надеевской) обители положи и утверди устав совершенного общежития, по правилам и по уставу св. отец, чтобы никто не творил своей воли: винного пития и табаку отнюдь никому не позволяй; даже сколько возможно удерживай и от чая: чревоугодие — не монашеское дело». «Тако мене наставив, — говорит старец Тимон, — о. Серафим благословил в путь. Аз же паки возвратихся в свою пустынь и живу в ней, благодаря Господа моего Иисуса Христа и Пречистую Его Матерь Владычицу Богородицу Деву Марию» («Путешествия Парфения», ч. 1, с. 196–197).

Отцу Серафиму пришлось потерпеть в этом году неудовольствия, в которых он видел признаки своего приближения к исходу из настоящей жизни. Одна беглая девушка, чтобы глубже скрыть свое бродяжничество, остригла свои волосы в кружок, надела на себя послушническое платье и так бродяжничала по миру. Полицейское начальство, предуведомленное о ее побеге, разыскивало и наконец открыло ее. При допросе она показала, будто бы о. Серафим благословил ей так одеваться. Но о. Серафим никогда не благословлял и по дару прозорливости, конечно, не мог благословить ей скрывать, быть может, свои злодеяния. Между тем светское начальство, следуя своим порядкам, писало к о. игумену Нифонту разыскать и о сем. Оказалось, что беглая оболгала безвинно старца Божия, надеясь, что из снисхождения к распоряжению о. Серафима ей простят укрывательство под одеждой послушника. Тем не менее обстоятельство это огорчило старца, и он на тот раз целые сутки не выходил из кельи, проводя время в молитве. Другие доблестные подвижники Сарова, например о. Иларион и о. Никодим, горько жалели об огорчении, которое испытал о. Серафим в настоящем обстоятельстве.

Работавший в Сарове крестьянин Лихачевский Е. В. раз, подходя к пустыни о. Серафима, увидел издали, что с ним сидит и беседует неизвестная ему молодая лет шестнадцати девица, очень хорошо одетая. Как неопытный в духовной жизни, он подумал: «О чем это батюшка так беседует с нею? Какие еще наставления идут к ее возрасту?» Только что подошел он со своими мыслями поближе, старец, указывая на

признаки своей глубокой старости, сказал: «Я ко всему мертв, а ты что это думаешь?» Тогда крестьянин упал ему в ноги и покаялся в своей вине. Отец же Серафим милостиво благословил его, отпустил ему вину его и сказал: «Успокойся и больше не повторяй».

Приходилось старцу испытывать в этом году и другие огорчения безвинно и несправедливо. И он насчет всех их сказал однажды следующие слова: «Все сии обстоятельства означают то, что я скоро не буду жить здесь, что близок конец моей жизни».

Предчувствуя свою кончину, усматривая в самых обстоятельствах ее приближение, о. Серафим в это время приготовлялся и к исходу. Он реже выходил теперь в пустыню, менее принимал и в келье приходящих, чтобы беспрепятственнее заниматься окончательным приготовлением себя к вечности. В это время его нередко видали в сенях: старец сидел на своем гробе и предавался размышлениям о конце жизни, о загробной участи человека и своей собственной. Размышления сии нередко сопровождались горьким плачем, а начинались и оканчивались они продолжительными молитвами.

За полгода до смерти о. Серафим, прощаясь со многими, с решительностью говорил: «Мы не увидимся более с вами». Некоторые просили благословения приехать в Великий пост поговеть в Сарове и еще раз насладиться лицезрением и беседой его. «Тогда двери мои затворятся, — отвечал на это старец. — Вы меня не увидите». Стало очень заметно, что жизнь о. Серафима угасает: только дух его по-прежнему, и еще более прежнего, бодрствовал. «Жизнь моя сокращается, — говорил он некоторым между братиею, — духом я как бы сейчас родился, а телом по всему мертв».

За четыре месяца до смерти батюшки, а именно в августе 1832 года, высокопреосвященный Арсений, впоследствии митрополит Киевский, бывши епископом Тамбовским и обозревая в первый раз епархию, посетил и Саровскую обитель. Старец Серафим, несмотря на то что был тогда в пустыни, почел долгом прийти в монастырь единственно для того, чтобы вместе с братией встретить своего нового архипастыря. По окончании встречи он снова возвратился в пустынь. Преосвященный Арсений, осмотрев внимательно и подробно все церкви, братские кельи и хозяйственные постройки внутри

монастыря, пожелал видеть и все принадлежащие к монастырю заведения и здания, вне оного находящиеся. В сопровождении саровского казначея иеромонаха Исаии и ключаря тамбовского собора Никифора Телятинского он посетил пустыни Серафимову и Дорофееву. Отец Серафим занимался укладыванием камней при береге небольшого ручейка, протекавшего подле его пустынной кельи. Но как скоро он увидел приближение архипастыря к месту своему, тотчас же оставил занятия и, повергшись к стопам его, испросил себе и получил от него благословение.

«Что это такое ты делаешь?» — благосклонно и с участием спросил его преосвященный Арсений. «А вот, святый Владыко, — отвечал старец, — камешками берег выкладываю, чтобы вода-то не обмывала берега и не портила его». «Доброе дело, старец Божий, — сказал преосвященный. — Ну, покажи же ты мне теперь свою пустынку среди пустыни». «Хорошо, батюшка», — отвечал он и с радушием повел преосвященного в келью.

По описанию лиц, бывших при сем случае, келья не имела в себе ничего особенного: это была обыкновенная деревянная изба с небольшими сенцами. Мебель же состояла вся из простого липового некрашеного стола и двух таких же стульев. В переднем углу стояли св. иконы с возжженной перед ними лампадой. Еще лежали две богослужебные книги. По входе в келью о. Серафим поднес преосвященному в подарок: четки, пук восковых свеч, обернутых холстиной, бутылку деревянного масла и шерстяные чулки. Преосвященный с отеческим радушием принял подарок. Потом он спросил о. Серафима: «Где же у тебя в этой пустынке еще другая пустынка, другое еще более уединенное место?» Сам же, зная по рассказам, где находится это место, и не дожидаясь ответа о. Серафима, пошел по направлению к печке. А о. Серафим, останавливая его, говорил простосердечно: «Не ходи, батюшка, замараешься».

Но преосвященный, отворив дверь, закрывающую пустое пространство между стеной кельи и печкой, увидел там небольшое помещение, столь тесное, что едва один человек может войти туда и остаться там в стоящем или коленопреклоненном положении, но присесть или облокотиться никак нельзя. И здесь, как в первой келье, в углу, между стеной и

дверным косяком, стоял небольшой образок с горящей лампадой. Очевидно, старец по временам уединялся туда на бдение и молитву. Отсюда преосвященный отправился в Дорофееву пустынь, имея намерение на возвратном пути опять зайти к о. Серафиму. Старец, оставаясь с ключарем о. Никифором Телятинским, ожидал его здесь, проводя время в беседе. Между разговорами он, указывая на Владыку, сказал о. ключарю: «Много, много будет ему трудов, но Бог ему поможет».

Когда преосвященный опять воротился, то о. Серафим, взяв его за руку, благоговейно обратился к нему с вопросом: «Вот, батюшка, богомольцы приходят ко мне, убогому Серафиму, и просят меня дать им что-нибудь в благословение; я и даю им сухариков черного или белого хлеба и по ложке красного церковного вина: можно ли мне это делать?»

На это преосвященный отвечал: «Можно, можно, но только в раздельном виде, так что кому даешь сухариков, тому не давай уже красного вина. А то простолюдины, как слышал я, думают по простоте своей и между другими разглашают, будто ты причащаешь их Св. Таин. А и того лучше, — прибавил далее преосвященный, — вина вовсе не давать, давать же только сухарики». «Хорошо, батюшка, — отозвался на это старец, — я так и буду поступать».

После замечено было, что о. Серафим так действительно и поступал до конца своей жизни.

После этого разговора преосвященный простился с о. Серафимом. Со стороны блаженного старца прощанье это совершилось не совсем обыкновенным образом. Приняв от Владыки последнее благословение, он поклонился в ноги и, несмотря на то что преосвященный поднимал его и просил встать на ноги, старец Серафим, оставаясь на коленях, продолжал ему кланяться до тех пор, пока преосвященный совсем не скрылся из виду.

В следующую за сим ночь о. Серафим, как бы в доказательство своего послушания, сам принес небольшой сосуд церковного вина в келью, в которой останавливался преосвященный Арсений, и, отдавая приношение келейнику его, сказал: «Отдай это батюшке от Серафима грешнаго».

По соображении сих обстоятельств с последствиями оказалось, что все это было предвестием близкой кончины старца Серафима и относилось к его просьбе о поминовении,

которую он высказал преосвященному и словесно. Преосвященный Арсений, со своей стороны, в точности исполнил желание о. Серафима: из его подарка свечи, масло и вино, сохранившиеся в целости, были употреблены при служении преосвященным заупокойной литургии о вечном покое блаженного старца Серафима. А четки, чулки и холстину преосвященный оставил у себя.

В Саровской обители хранится письмо владыки Арсения, где он, по прошествии 23 лет, описывает подробно свое посещение старца. Вот что он пишет в этом письме:

«По совести мирные отношения о. игумена Нифонта к о. Серафиму ни малейшей не бросают тени на жизнь и характер того и другого, а напротив, в первом показывают, как высоко он понимал и верно исполнял должность настоятеля пустынной обители и как дорого ценил и строго соблюдал чистоту монашеской жизни, а в последнем обличают евангельскую простоту и незлобие, по которым он никак не догадывался, что мнимые или истинные ученики или ученицы его иногда злоупотребляют его именем для достижения своих суетных и еще не очищенных от примеси тщеславия или своенравия видов. Надлежало бы также и в жизнеописании о. Серафима упомянуть о первом его свидании со мной, оно полно высокого значения и, бесспорно, открывает в нем дар прозорливости. Его слова и действия во время посещения моего вместе с вами (о. Исаия сопутствовал ему тогда в должности казначея. — *Архим. Серафим*) пустынной его хижины, его потом подарки мне: деревянное масло, красное вино, несколько свеч, кусок полотна и шерстяные чулки, и, наконец, многократное коленопреклоненное прощание его со мною, которого я многими убеждениями не мог прекратить в нем и от которого я должен был поспешно с вами уехать, дабы не нудить более старца, продолжавшего стоять на коленях и кланяться, были, как после оказалось, выразительными символами, изображавшими его и мою судьбу: он вскоре затем помер, а я, при помощи Божией, продолжаю еще полагать камни на камни для ограждения церковного берега от напора вод мирских».

В том же году, 13 сентября, за три с половиной месяца до кончины о. Серафима, была у него Екатерина Егоровна Извольская с четырехлетней своей дочерью Анной, у которой так болели глаза, что близкие опасались, не сделалась бы она

в дороге совсем слепой. Мать привела ее к батюшке Серафиму. Он подал ей в руки бутылку воды, которой приказал окропить глаза дочери, и сказал, что «молитвами Пресвятой Богородицы Живоносного Источника она исцелится». И действительно, наутро она встала со здоровыми глазами. Отец Серафим приказал им остаться в Сарове, отстоять 14 числа раннюю обедню, позднюю и отобедать. Но так как она последнего приказания не исполнила и выехала тотчас после поздней литургии, то за ослушание блуждала в дороге целый день.

После сих обстоятельств, еще за несколько месяцев до кончины, о. Серафим поручил послать некоторым особам письма, призывая их к себе в обитель, а тем из близких, которые не могли быть у него, поручил после смерти своей сказать, что нужно и полезно было для их души, прибавляя объяснение поручений: «сами-то они меня не увидят».

Пришел к нему один из братий Саровской обители; старец, сделав ему наставление, сказал: «Дунь на свечку». Брат дунул, свечка погасла. Старец сказал: «Вот так и меня не увидят». Своему келейному о. Павлу старец также говорил, что *скоро будет кончина;* а Павел, по простоте своей, недоумевал, о своей ли кончине говорил старец или о кончине века. Перед новым же 1833 годом о. Серафим сам отмерил себе могилу сбоку алтаря Успенского собора, на том самом месте, которое, по выходе из затвора, отметил, положивши на нем камень.

Незадолго до кончины о. Серафима, видя его истинно подвижническую жизнь, один брат, в назидание самому себе, спросил его: «Почему мы, батюшка, не имеем такой строгой жизни, какую вели древние подвижники благочестия?» «Потому, – отвечал старец, – что не имеем к тому решимости. Если бы решимость имели, то и жили бы так, как отцы, древле просиявшие подвигами и благочестием, потому что благодать и помощь Божия к верным и всем сердцем ищущим Господа ныне та же, какая была и прежде: ибо, по слову Божию, Иисус Христос *вчера и днесь той же и во веки* (Евр. 13, 8)». Эта глубокая и святая истина, которую о. Серафим уразумел из опыта собственной жизни, была, так сказать, *заключительным* словом его уст и печатью его подвигов.

Глава XIX

Последние беседы о. Серафима с дивеевскими сестрами, наставления им, откровения и прощание с ними. Завещание о. Серафима, переданное устно протоиерею о. Василию Садовскому, церковнице Ксении Васильевне и Николаю Александровичу Мотовилову

Старшая сестра в мельничной обители Прасковья Степановна рассказала (тетрадь № 6, рассказ № 3) следующее о последних днях жизни о. Серафима: «Батюшка перед смертью своей вручил нас Царице Небесной, говоря: “После меня отца уже не будет вам, вы останетесь совершенными сиротами, и вот Самой Матери Божией, Царице Небесной вручаю вас, Она Сама все управит!” В последний же раз, когда я была у него за неделю до кончины его, много-много говорил он мне утешительного и назидательного, а потом взял меня за руку, прочитал мне разрешительную молитву и сказал: “Вот, матушка, от самого рождения твоего и до успения все твои грехи я беру на себя! Теперь ты и все вы не имеете нужды ни в чем, а после меня много-много вам будет скорби, но что делать — потерпите, такой уж путь ваш! Теперь только начало. Не я избрал вас, а Сама Царица Небесная избрала и дала мне вас, простых девушек; потом придут к вам, матушка, всякого рода и звания и по мне, убогому Серафиму, взыщут вас большие лица! Будут спрашивать вас тогда, все говорите, что слышали вы от меня, не убойтесь, так Господу будет угодно, и не скрывайте ничего; теперь же, пока не пришло время, умолчите!”»

То же самое повествует старица Ксения Ильинична Потехина (монахиня Клавдия. См. тетрадь № 6, рассказ 8):

«Батюшка, – говорит она, – вручил нас после себя только Господу и Его Пречистой Матери и всегда каждой из нас да и всем вместе объяснял прямо: “Кроме убогого Серафима вам отца уже больше не будет!” А мне грешнице, когда я в последний уже раз была у него, сказал: “Вот, матушка, отец Иларион и старец, да за вас взяться не может; также вот и батюшка Исаия за вас не возьмется, а мог бы за вас взяться и быть всем отцом после меня о. Савватий (схимник Стефан), но не хочет! Итак, скажу тебе, матушка, помни, что после меня у вас отца уже не будет!”»

Старица Прасковья Ивановна (впоследствии монахиня Серафима) свидетельствует, в каких отношениях был о. Серафим к послушнику Ивану Тихонову до самой смерти. «В год смерти батюшки Серафима, – повествует она, – была я у него в монастыре и в сенках кельи его, где стоял гроб. Долго мы с ним духовно беседовали; батюшка так приятно и утешительно говорил. Дверь на крыльце была приотворена... Вдруг, изменившись в лице, так-то грустно, скорбно и как бы испуганно воскликнул он: “Идет! идет!” Быстро поставил меня за дверь и приотворил ее. “Кто же это, батюшка?” – спросила я перепуганно. “Живописец!” – ответил он. Вошел монах Иван Тихонов. Я мысленно возроптала на него, что он прервал нашу беседу с батюшкой. Поставив его спиной к двери, батюшка Серафим утешал меня взглядом и затем сказал Ивану Тихонову что-то тихо, после чего он и вышел» (тетрадь № 6, рассказ 12).

Своей избраннице Евдокии Ефремовне (матери Евпраксии), которая присутствовала при явлении Божией Матери в день Благовещения, о. Серафим много говорил на прощанье. Так, он сказал (тетрадь № 6, рассказ 17):

[20] «Вот скажу тебе, – говорил мне батюшка Серафим, – будет у вас два собора; первый, мой-то собор холодный, куда лучше будет саровского-то, и будут они нам завидовать! А второй-то собор – зимний Казанский, ведь церковь-то Казанскую нам отдадут! Вы и не хлопочите, придет время – еще поклонятся да и отдадут ее нам. И скажу тебе, вельми хорош будет мой собор, но все-таки еще не тот этот дивный собор, что к концу-то века будет у вас. Тот, матушка, на диво будет собор! Подойдет Антихрист-то, а он весь на воздух и поднимется, и не сможет он взять его. Достойные, которые взойдут

в него, останутся в нем, а другие хотя и взойдут, но будут падать на землю. Так и не сможет достать вас Антихрист-то, все равно как в Киеве приходили разбойники, а церковь-то поднялась на воздух, достать-то они ее не могли. Так вот, и собор ваш и канавка поднимутся тоже до неба и защитят вас, и не сможет ничего вам сделать Антихрист! И при том соборе время придет такое у вас, матушка, что ангелы не будут поспевать принимать души, а вас всех Господь сохранит, только три из вас примут мученье, трех антихрист замучит! Ведь Дивеев-то диво будет, матушка, четверо мощей в Рождественской церкви у нас почивать будут! И будет тут не село, а город. Мы-то с тобой не доживем, а другие-то доживут и до этого!»

«Не хлопочите и не доискивайтесь и не просите монастыря, матушка, — сказал о. Серафим Ксении Васильевне (тетрадь № 6, рассказ 30), — придет время, без всяких хлопот сами прикажут вам быть монастырем, тогда не отказывайтесь!»

«Еще приказывал мне, — продолжает Ксения Васильевна, — если кто из рода твоего будет когда проситься в обитель и придет когда к тебе, матушка, не изжени вон, а непременно прими! Ведь у меня, убогаго Серафима, в обители моей, Серафимовой-то пустыни, матушка, целыми родами жить будут, так целыми родами и лягут в Дивееве» (предсказание исполняется).

[21] «Вот что завещал нам батюшка Серафим, — говорила Ксения Васильевна (тетрадь № 6, рассказ 34), — непрестанно молиться, за все благодарить Господа и всегда бодрствовать и быть радостной, дабы никогда не допускать духа уныния! Помни всегда, что послушание превыше всего, превыше поста и молитвы, и не только не отказываться, но бегом бежать на него! Переносить, не смущаясь и не ропща, всякие скорби от собратии, ибо монах, говорит он, только тот и монах, когда, как лапти, будет всеми отбит и отрепан! Кушать, не возбраняя, благословил всегда вволю, но вина — "чтобы и запаха его у меня в обители не было!". Запрещал строго жить по одной в келье или куда уходить. Если кто-либо окажется подпавшим греху *татьбы*, таковых никогда не держать, немедленно высылать из обители. "Нет хуже вора! — говорил батюшка. — От такого тьма грехов! Лучше уж блудника держать, матушка, ибо тот свою губит душу и отвечает сам за нее, а тать — все, и себя, и ближнего, губит, матушка!" Батюшка запретил комулибо говорить "вы" "Это все нынешние люди выдумали,

матушка, должно всем «ты» говорить! – говорил о. Серафим. – И вы всем «ты» говорите. Сам Господь нам то указал, а кто умнее, святее и паче Бога! И если мы Господу глаголем «Ты, Господи», то кольми же паче должны мы так говорить ближнему человеку!" Также строго воспретил батюшка благодарить кого из благотворителей за благодеяния, как бы ни велик был дар его, приказывая лишь всегда за него молиться. "Молитесь, молитесь паче всего за творящего нам благо, – говорил о. Серафим, – но никогда словами его не благодарите, потому что без благодарения он полную и всю мзду и награду за добро свое получит; благодарением же вы за благо вам окрадываете его, лишая его большей части заслуженной добродетелью его награды. Кто приносит дар, приносит его не вам, а Богу; не вам его и благодарить, а да возблагодарит он Господа, что Господь примет его дар!" По отношению к обители батюшка Серафим запрещал брать что-либо и отдавать на сторону, хотя бы даже для родных. "Нет паче греха, матушка! Нет паче греха! – говорил о. Серафим. – Это как огнь, вносимый в дом; кому дадите, он попалит все, и дом разорится и погибнет, и род весь пропадет оттого! Свое есть – дай, а нет, то приложи больше молитвы, сокрушенным сердцем, не переступая заповедь эту, молись Господу, и услышит Он, если полезна молитва твоя, и утешит вас!" Начальницу приказывал всегда избирать самим – свою, а никак не чужую или из другой обители. Повиноваться им без прекословия и ропота и начальницу почитать, ибо она есть Наместница Матери Божией, которую Царица Небесная научает и через нее Сама управляет обителью! "Нет пагубнее греха, как роптать, осуждать или не слушаться начальницы; человек этот погибнет!" – сказал батюшка. Заповедовал еще батюшка никогда ни в какие дела и суды не входить обители и нам грешным. "Пусть обижают вас, но вы не обижайте! – говорил он. – Что вам пещися! Матерь Божия собрала вас, Сама нареклась вам Игуменьей. Она все управит, защитит, разберет и заступит, все Ей известно и все Ей возможно! Ее Святая воля! В Ней и живете, и только молитесь Ей и просите Ее; велика скорбь, велико горе, велико искушение... усугубьте просить и молить вашу Владычицу, верою и любовью предоставив себя, все и всех... и Она даст все полезное, нужное и благое!" Строго приказывал батюшка не допускать ни под каким предлогом и видом, как бы благовидны

ни были к тому причины, кого-либо стороннего, не обительского, и не дозволять впутываться в дела и распоряжения обители ниже мужчин, ниже женского пола, ниже монахов, ниже монахинь, заповедуя так: “Матерь Божия Единая вам Госпожа и Владычица, Она Сама избрала место сие, взяв в удел его, как Афон, Она Сама собрала и собирает и избирает вас, Единая Она вам Игумения ваша, вечно Верховная, игумения же только наместница Владычицы, исполнительница воли Ее. Не подобает поэтому никому входить в наши дела! Вы достояние Самой Матери Божией и Царицы Небесной; Ей того не угодно!” Так, раз батюшка сказал одной нашей сестре: “Вот, матушка, Нижегородская-то игуменья была у меня да и говорит: «Отдайте мне ваших девушек, батюшка!» Слышишь, матушка! А ведь того не понимает, что только Матерь Божия вас знает и никому нет дела до вас! «Что ты, что ты, – говорю, – матушка, знай себя, Господь с тобой, того никому не можно!» – и отослал ее, матушка”. В другой раз приказал батюшка, для порядка, ходить нам благословляться к матушке Ксении Михайловне; мы это исполняли, а она стала распоряжаться уже и делом: делай так, да вот эдак... Скажи батюшке, а он, родименький, как разгневался! “Нет, – говорит, – нет, матушка, это никак нельзя, никак нельзя, матушка! Не должно это ей! – восклицал батюшка. – Ведь я только благословляться велел, но чтобы все шло, как велось, без дозволения распоряжаться. Если кто благорасположен к вам, помогает вам и служит вам, чем может, и дары приносит, не воспрещайте и не мешайте ему; пусть делает, пусть служит; ведь это он Матери Божией Самой служит и делает; все его узрится и зачтется ему; но если зато он в дела ваши впутаться захочет, не дозволяйте того, не гневите Пречистую, нарушая заповеданное мне, убогому Серафиму, Ею Самой, и отдайте ему все, и жертву, и дары его!”»

«Перед своей кончиной, – говорила Ксения Васильевна (тетрадь № 1, рассказ 9), – батюшка наказывал как можно чаще ходить навещать его могилку: “Когда меня не станет, – сказал он, – ходите, матушка, ко мне на гробик; ходите, как вам время есть, и чем чаще, тем лучше. Все, что ни есть у вас на душе, все, о чем ни скорбите, что ни случилось бы с вами, все придите да мне на гробик, припав к земле, как к живому, и расскажите. И услышу вас, и скорбь ваша пройдет! Как с живым со мной говорите, и всегда я для вас жив буду!”»

Старица Домна Фоминична (монахиня Дорофея) так передала свое прощание с о. Серафимом (тетрадь № 6, рассказ 37). «За три недели до кончины батюшки прихожу я к нему, он и говорит мне, глубоко вздыхая: “Прощай, радость моя! Скажу тебе: придет время, многие захотят и будут называться вам отцами, но прошу вас, ни к кому не склоняйтесь духом!” Потом, смотря на свою чудотворную икону Божией Матери “Всех радостей радости”, как называл ее, воздел он к ней руки и со слезами на глазах, скорбно так воскликнул мне: “Каково, матушка, Иван-то Тихонов назовется вам отцом! Породил ли он вас? Породил-то вас духом ведь убогий Серафим! Он же много скорби соделает и век холоден до вас будет!”»

Дарье Фоминой о. Серафим сказал (тетрадь № 6, рассказ 39): «Дивное Дивеево будет, матушка! Одна обитель будет лавра, а другая-то киновия! И есть там у меня церковь, матушка, а в церкви той четыре столба, и у каждого столба будут все мощи! Четыре столба и четверо мощей! Во, радость-то какая нам, матушка!»

«Скоро, уж скоро никого у вас не останется, – продолжал о. Серафим (рассказ 41). – И как на Саров бури, так и на вас еще хуже Сарова будут бури! Но я вас поручаю Господу и Царице Небесной! Ничего не бойтесь, хотя бы и все на вас, да Господь-то за вас! Мать вам Сама Царица Небесная, а по Ней все управят!»

Старице Матрене Петровой о. Серафим сказал (рассказ 43): «Запомни, матушка, у вас на 12-й начальнице устроится монастырь!» Еще сказал он ей (рассказ 44): «Радость моя! Когда ты доживешь, не на все смотри, что летит по воздуху, и не все то лови, что плывет по морю! Готовьте вы и сумочки, и лапотки, да они храпом-то берут ведь, матушка; так больше их заготовляйте, не ровен ведь случай!» (Впоследствии эта притча объяснилась тем, что во время бури в обители много было речей, слухов и даже покачнулись многие столпы обители.)

Старице Агафье Лаврентьевне батюшка предсказал следующее (рассказ 45): «Вот доживешь ты, матушка, большое у вас будет смятение, большое смятение, и многие разойдутся! Готовьте лаптей, больше храпом лапти берутся; одни на ноги, другие за пояс! Ты, матушка, это увидишь, только не надолго!»

«Видела ли ты, матушка, коноплю?» – спросил о. Серафим сестру Варвару Ивановну (рассказ 46). «Как, – говорю, –

батюшка, не знать!» «Конопля вещь хорошая, преполезная конопля, матушка! Вот и у меня в Дивееве-то девушки, что конопля хорошая! А когда ее полют-то, радость моя, чтоб лучше была, посконь-то и выдергивают, матушка. Чай, тоже знаешь, видела, радость моя?» «Как, – говорю, – не видать, батюшка, и сама дергала!» «Ну, во, во, матушка! – ответил батюшка. – Вот и помни: у вас тоже будет. Как пополют да выдернут всю посконь-то, матушка, а конопля-то моя дивеевская и загустеет еще более, еще выше поднимется да краше зазеленеет! Ты это помни, это я тебе говорю!..» (Отец Серафим предсказывал все ту же смуту в обители и что некоторые уйдут из монастыря, а тогда Дивеево зацветет.)

«Кто вас без меня будет кормить-то? – сказал о. Серафим Ксении Кузьминичне (рассказ 47). – Вручаю вас Самой Матушке Царице Небесной! Она одна вас не оставит!»

Старица Матрена Игнатьевна пришла к батюшке, чтобы он облегчил ее тоску (рассказ 48), а о. Серафим встретил ее словами: «Во, радость моя, что это ты, что нам скучать-то; земля, луга, лес, скот – все свое у нас! А собор-то, собор-то какой у нас, матушка, будет! Хоть пока он не от земли и не в землю!» (Впоследствии стало понятно это предсказание: собор ввиду смут в обители долго не достраивался.)

«Раз пришли мы с сестрой к батюшке Серафиму, – рассказывает старица Акулина Ивановна Малышева (тетрадь № 6, рассказ 62), а он нам и говорит: "Вот, Марьюшка, ты-то не доживешь, а Акулинушка-то у нас и до судов доживет!" Мы глядим, что это говорит батюшка-то, да и испугались. "Ничего, ничего, не убойтесь, матушка! – сказал батюшка. – До судов доживешь, Акулинушка! Приедут суды к нам, станут судить, а чего судить?! Ха! Ха! Ха! Нет ничего!" И опять до трех раз повторил это батюшка; подожмет ручки и заливается. А мы все глядим, ничего не поймем. "Вот, – говорит, – Акулинушка, ты тогда мою заповедь себе и запомни, так и скажи: я глупа, я глуха, я слепа! Так и говори, Акулинушка" "Слушаю, – говорю, – батюшка!" Так и не поняли мы ничего в ту пору, а затем сестрица Марьюшка померла. А когда впрямь приехали суды, я и вспомнила слова прозорливца нашего, кормильца батюшки!»

В записках протоиерея о. Василия Садовского помещены последние посещения его батюшки о. Серафима. Так, он

пишет (тетрадь № 6, рассказ 70): «Предсказывая мне будущие на обитель скорби и бури, убеждал меня батюшка ничего не бояться, говоря: “Убогий Серафим умолит за обитель, батюшка, а Царица Небесная Сама ей Игумения; тут же только наместницы по Царице-то Небесной, все и управят, батюшка!”»

«Подружье-то твое ранее тебя отойдет ко Господу! – сказал мне батюшка Серафим (рассказ 76). – Через два года после нее уйдешь и ты, батюшка! (Так и случилось! – *Архим. Серафим.*) Ты помни: двенадцать, а ты, батюшка, тринадцатый! (Когда 12 первых сестер скончались, умер и о. Василий тринадцатым. – *Архим. Серафим.*) И вот что заповедаю тебе: как умирать-то будешь, то чтобы тебе лечь с правой стороны алтаря Рождественской церкви, а Мишенька-то (Мантуров) ляжет с левой. Так и вели себя похоронить тут; вот хорошо и будет, батюшка; ты-то с правой, а Мишенька с левой, а я у вас посередке; вместе все и будем!»

Далее о. Василий перечисляет главные правила, которые заповедовал батюшка о. Серафим Дивееву. Объяснения о. Василия и великий смысл этих основных правил, на которых выросла дивная обитель Дивеевская, да проникнут в сердца всех входящих в святую обитель и живущих в ней, ибо заветы даны Самой Царицей Небесной и Она же избирает Своих сестер.

«Правила следующие: дабы вечно, неугасимо горела свеча перед местной иконой Спасителя в верхней, Рождества Христова церкви и вечно неугасимая же лампада у храмовой иконы Рождества Богоматери в нижней, Рождества Богородицы церкви.

В этой же нижней Рождественской церкви, которую всегда батюшка называл усыпальницей мощей, предсказывая много раз и мне самому, что четверо мощей будут открыто почивать в ней, завещал на вечные времена читать денно и нощно неугасимую Псалтирь по усопшим, начиная с Царских родов, иерархов Православной Церкви, благотворителей обители и кончая всеми просящими молитв о себе и присных своих, говоря: “Она будет вечно питать обитель, батюшка!” Также завещал на вечные времена неопустительно по воскресным дням перед литургией служить Параклис Божией Матери, весь нараспев, по ноте, оба канона попеременно, как в Саровской пустыни. “Если это исполнят, никакие беды обитель не постигнут, если же не исполнят, Царица Небесная накажет

и без беды беду наживут", — строго заповедовал мне лично много раз угодник Божий.

Батюшка Серафим неоднократно пробовал убеждать матушку Ксению Михайловну, зная будущее слабое время, слабые силы и слабый народ, оставить непосильный для женской немощи устав Саровской пустыни. "Мужчине, батюшка, и то с трудом лишь вмоготу исполнить!" — сказал мне батюшка Серафим. Однако он не мог ее убедить. "Поэтому, — объяснял он мне, — я и дал по приказанию мне, убогому Серафиму, Самой Царицы Небесной новый устав этой обители, более легкий: три раза в сутки прочесть: один раз Достойно, три раза Отче, три раза Богородице, Символ веры, два раза «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную» и один раз — «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных», с поясными поклонами; два раза — «Господи Иисусе Христе, Госпожею Девою Мариею Богородицею помилуй мя грешную» и один раз — «Господи Иисусе Христе, Госпожею Девою Мариею Богородицею помилуй нас грешных», тоже с поясными поклонами; двенадцать раз «Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!» И двенадцать раз: «Владычица моя Пресвятая Богородица, спаси нас грешных!» — тоже все с поясными поклонами. Да вечерние и утренние молитвы, да помянник с 12 избранными псалмами святых отец, и сто земных поклонов Иисусу, и сто земных же поклонов Владычице. Довлеет им, батюшка, — сказал о. Серафим, — если только исполнят — спасутся! О сборном акафисте сказываю тебе, по времени — попомни и разъясни; никоим образом не должен он быть у меня для всех обязательным, батюшка, а аще кто может, дабы тем самым не наложить лишней тяги греха на чью-либо душу. Послушание, батюшка, паче поста и молитвы: помни и всегда им говори это, и я всегда говорю и благословляю им, как от сна встают — тут же за работу, читая про себя, хотя бы и на ходу, мое правильце; если так сотворят — спасутся! Послушание паче молитвы и поста, батюшка! Приобщаться Святых Христовых Животворящих Таин заповедываю им, батюшка, во все четыре поста и двунадесятые праздники, даже велю и в большие праздничные дни: чем чаще, тем и лучше. Ты, духовный отец их, не возбраняй, сказываю тебе, потому что благодать, даруемая нам приобщением, так велика, что как бы недостоин и как бы ни грешен был человек, но лишь

бы в смиренном токмо сознании всегреховности своей приступить к Господу, искупляющему всех нас, хотя бы от головы до ног покрытых язвами грехов, и будет очищаться, батюшка, благодатию Христовой, все более и более светлеет, совсем просветлеет и спасется! Вот, батюшка, ты им духовный отец, и все это я тебе говорю, чтобы ты знал"

Приказывал батюшка, по освящении Рождественских церквей и поставив церковницами девицу из дворян Елену Васильевну Мантурову, а также послушницу ее, крестьянскую девицу же Ксению Васильевну Путкову, чтобы на вечные времена все ризничие и церковнические должности, а также клироса, чтения и пения исполнялись бы только сестрами обители, избранными на то начальницами, и непременно лишь исключительно девицами. "Так-то Царице Небесной угодно, батюшка, — говорил он. — Сама Матерь Божия мне то приказала, и вот я тебе говорю; смотри же, и помни это всегда, и другим всем сказывай, и после себя накажи!"

Исключительно только девиц заповедовал батюшка Серафим принимать в обитель свою мельничную, почему и называлась она мельнично-девическая община, в отличие от так называемой старой церковной обители матушки Александры, куда благословлял принимать всех, и вдов, и девиц. "Как мать Александра была вдовица, — говорил о. Серафим, — то у ней все — и вдовы, и девицы — будут жить в обители, батюшка, и будет там лавра, а у меня, убогого Серафима, как и сам я девственник, батюшка, будут жить в канавке-то одни лишь девы; тут будет у меня киновия, батюшка. Тогда будет у нас общая всем начальница наместница, а в киновии-то еще и игумения! Царица-то Небесная все у нас управит, батюшка; Она ведь Сама Игумения их настоящая, а здесь лишь наместница! Она все управит!" При этом, как духовного отца сестер обители, батюшка назидал меня, приказывая быть всегда сколь возможно снисходительнее на исповеди, за что по времени меня многие укоряли, осуждали, даже гневались на меня и до сих пор еще судят, но я строго блюду заповедь его и всю жизнь мою сохранял. Угодник Божий говорил: "Помни, ты только свидетель, батюшка, судит же Бог! А чего, чего, каких только страшных грехов, аще и изрещи невозможно, прощал нам всещедрый Господь и Спаситель наш! Где же нам, человекам, судить человеки! Мы лишь свидетели, свидетели, батюшка;

всегда это помни – одни лишь только свидетели, батюшка!" Затем батюшка объяснил мне, как велик, страшен и тягостен для монаха грех неповиновения начальнику и тем более хуление начальников, ибо первое правило иноку, на этом все монашество зиждется, – послушание и полное отсечение своей воли, вследствие неисполнения которых возник первородный грех ветхого Адама, все погубивший, и чем только и спасен весь мир, через человека же, нового Адама, Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа, ибо послушлив был даже до смерти! Поэтому и ныне не может быть хуже греха! Творящий так непременно погибнет! Батюшка ввиду этого строго-настрого приказывал всегда говорить, всегда в том вразумлять согрешающих, с дерзновением остерегая их и напоминая даже: "Бойся оскорблять начальников; повинуйтесь начальнице, как Самой Матери Божией! Не послушаетесь – Бог вас накажет!"

Все начальнические должности в обители, как настоятельницы, казначеи, благочинной и даже старших по послушаниям, не говоря уже о церковных и клиросных и псалтырных послушаниях, приказывал батюшка исключительно и всегда занимать лишь одним девицам. Заповедовал он в вечное правило для обители своей в начальницу и ни в какие должности никогда никого не ставить чужого или из другого монастыря, а всегда из сестер же обители своей, и строго-престрого грозя гневом Царицы Небесной, завещал навеки обители своей, не ради чего и не ради кого-либо, ни под каким видом, как бы благовидны ни казались предлоги и причины к тому, никого не допускать распоряжаться обителью, никому не дозволяя в нее вмешиваться. Не только из светских лиц, будь то мужского либо женского пола, безразлично, но даже и духовных не своей общины лиц. "Сама Матерь Божия обителью управит, – сказал батюшка. – Всему Она Сама научит, все устроит и укажет, кого нужно – изберет и призовет, кого нет – ими же весть судьбами, изженет из обители Своей; что полезное – утвердит, не полезное разорит и все, все Сама совершит, как Ее токмо единой воле здесь то угодно! Вот на что я, батюшка, отцом называюсь им, гляди! Исповедую тебе и Богом свидетельствуюсь, что ни одного камешка я по своей воле у них не поставил, ниже слова единого от себя не сказал им и ни единую из них не принимал я по желанию своему, против воли

Царицы Небесной! А коли я убогий, которому Сама Матерь Божия поручила их, не соизволил своего и своему, выполняя лишь только Святейшие приказания Ее, кольми паче другим надлежит то, батюшка! Вот ты им духовный отец, Царица Небесная Сама тебя избрала им, тебе жить с ними, то и должен ты все знать; вот я тебе и сказываю...” Сняв при этом со своих ручек надетые поручи, сам угодник Божий надел их на меня и сказал: “Вот, батюшка, теперь я сказал тебе и вот надеваю тебе свои поручи, возьми и блюди их! Блюди же обитель мою, тебе поручаю и молю: послужи ей всю жизнь твою, ради меня, убогого Серафима, и чем можешь – не оставь!”»

Таково было завещание великого старца, свято хранимое в обители поныне.

Каждая строка из воспоминаний сирот Серафимовых должна быть драгоценна для летописи обители и живущих молитвами о. Серафима, а поэтому обратимся еще к повествованиям стариц.

Ксения Кузьминична рассказывает (тетрадь № 1): «Все было у нас от батюшки: хлеб, дрова, соль, свечи, елей. Только давал все понемногу, что выйдет, опять идем к нему или сам накажет, чтобы пришли. Сестры роптали, говоря: “Что это за батюшка! Чтобы нам дать денег, мы всего себе купили бы, а то ходи, почитай, всякий день, то за тем, то за другим, неужели у батюшки нет денег?” Незадолго до своей кончины позвал он двух сестер, насыпал им денег в фартуки, серебра и золота, да говорит: “Во, радости мои, купите всего себе на целый год”, и назначил по скольку четвертей: круп, пшена, муки, “всего, что вам нужно” Они дивились этому и не поняли, к чему это. Только уехали покупать, вдруг весть, что батюшка Серафим скончался! Значит, он предвидел свою кончину, а потому и приказал им всего купить на год. Кто-де без меня кормить будет? Говорил сестрам: “Вручаю вас Самой Царице Небесной Умилению (икона), Она вас не оставит!”»

Матрена Игнатьевна, поступившая в обитель за два года до кончины о. Серафима, повествует следующее: «Часто я к нему ходила, – говорит она, – он меня, слабую, подкреплял во всем. В последний раз, уже незадолго до его кончины, я прошусь в Саров, а Прасковья Степановна говорит: “Ты уж очень часто туда ходишь, все тебя там замечают, но если хочешь – иди!” Дали мне огромные мордовские лапти да

коротенький кафтанишко, пестрые рукава привязали койчем. Я говорю: "Во что хотите оденьте, только к батюшке меня пустите!" Так и пошла я в ночь, бегу одна, и страху нет. Подходя к Сарову, слышу благовест к утрене. Думаю: ну, слава Богу! И караульных солдат теперь нет у монастырских ворот. Дошла в собор, сделала три земных поклона да скорее спешу к батюшке в келью. Тут только вспомнила, что забыла взять ключ от кельи батюшкиной, который был всегда у нас: кто идет в Саров, брал его, а потому всегда невозбранно к нему входили в сенки, где стоял его гроб. Взглянула я в замочную скважину, вижу: горят свечи, а ни батюшки Серафима, ни отца Павла не видать! Стою и боюсь, чтобы не увидали меня монахи, что я одна ночью стою у него на крылечке. Не зная, что делать, подняла я у дров прутик и вместо ключа повернула им. О, чудо! Дверь отворилась; вхожу тихо, смотрю: батюшка лежит на полу, сумка его у него в головах, и он храпит. Боясь его напугать, как проснется и увидит меня, прижалась в угол за дрова. Батюшка проснулся, пошел в келью, вынес большую книгу, поправил свечи и в эту минуту увидел меня. "Кто ты?" – спросил он. Я ответила: Дивеевская. Он опять спрашивает тот же вопрос; я говорю – Спасская Матрена. А он опять: "Кто ты такая?" Я очень смутилась и оскорбилась. Потом он спросил меня: "Скажи мне, что важнее – утешение, молитва или беседа?" Я ответила: "Не знаю, батюшка". Он повторил тот же вопрос. Я подумала да и говорю: "Что может быть выше молитвы?" "Ты благоразумно отвечаешь, – сказал батюшка Серафим. – Слышишь, ударяют к ранней обедне в пещерах? Ступай туда, там никто тебя не узнает" Отворил дверь, проводил до крыльца. Я отошла немного да оглянулась на него, а он стоит точно в каком-то сиянии боголепный! Вижу: он до земли рукою кланяется... Я отойду несколько да опять оглянусь, и опять то же, до трех раз. Пошла в пещеры, а послушники меня остановили, спрашивают: "Откуда ты?" Я грубо ответила: "Розодевская!" "Врет, врет! – кричат они. – Она дивеевская! Я сам видел ее у отца Серафима!" После обедни иду, а они смеются надо мной, как я одета, а батюшка Серафим отворил свою дверь и манит меня к себе и говорит: "Радость моя! Я ведь тебя давеча не узнал!" Я ему все рассказала, почему меня так одели, что я часто к нему хожу, а я на все согласилась, лишь бы его видеть. Видно, я уже предчувствовала, что не увижу его более живого».

Старица Домна Фоминична (мать Дорофея) свидетельствует (тетрадь № 1), что «батюшка раз говорит: “Теперь скажи, что тебе нужно?” — и все намекает в последний раз, а я и не понимаю, что он говорит о своей смерти. Тут была и Ксения Васильевна, он ей тоже говорит: “Скажи, что нужно?” Она ответила: “У нас большого подсвечника нет, да чугунок нужен в алтарь для жару!” И она не поняла, что он намекает, что не у кого будет без него нам просить. Батюшка говорил сестрам: “Радости мои! После меня много будут называться вам отцами, но меня вам никто не заменит; я вас породил духом, а другие вам будут чужды!”»

Отец Павел, сосед по кельям, служивший о. Серафиму, сообщил (тетрадь № 1, рассказ А. И. Малышевой), что батюшка ему сказал: «Тогда, батюшка, Дивеево будет Дивеевым и тогда только у них все устроится, как должно, когда игуменьей будет Мария, да еще по фамилии Ушакова!»

«Незадолго перед своей кончиной говорит мне батюшка, — рассказывала Акулина Ивановна Малышева (тетрадь № 1): “Ну, Акулинушка, теперь тебе будет с землей-то возиться, казачки будут пахать, а ты, прошу тебя Царицей Небесной, Казанскую-то Божию Матерь не оставь, Казанскую-то Божию Матерь не оставь, матушка! — три раза повторил батюшка. — Потому ты одна только можешь, — продолжал он, — больше никто не может, а тут, против Казанской да Мишеньки, у нас святые ворота будут; там ты живи всегда у святых-то ворот, матушка!” Пошел вдруг батюшка, и лицо-то так и просияло у него. “А как царская фамилия приедет к вам, матушка, то выйдите за святые-то ворота да распахните их широко-широко, да низко-низко поклонитесь до земли, да и скажите: покорно просим пожаловать, покорно просим...” — и батюшка сам три раза низко до земли поклонился. Так вот это еще не совсем сбылось, а верую, что совершится, так никогда ничего не говорил батюшка».

Дивной старице Прасковье Степановне Мелюковой, родной сестре Марии Семеновны, или схимонахини Марфы, о. Серафим сказал на прощание перед смертью (тетрадь № 6, рассказ 4): «Вот, матушка, упомни, как увидишь ты, что мой источник-то возмутится грязью: от кого он возмутится, тот человек всю обитель возмутит у вас! Тогда, матушка, не убойся и говори правду, и всем говори правду! Это тебе заповедь моя!

Тут и конец твой!» Важное это предсказание не могло быть понятно в то время. Сиротам своим о. Серафим строго приказал на прощание: «Кроме Михаила Васильевича Мантурова, Николая Александровича Мотовилова и священника о. Василия Никитича Садовского никого не слушать и самим правиться, никому не доверяя, никого не допуская постороннего вмешиваться в дела обители. Кроме меня не будет у вас отца! Вручаю вас Самой Матери Божией, Она Сама вам Игуменья, а по Ней все управят!» (тетрадь № 6).

Многим сестрам говорил он также пророчески о будущем: «Вы до антихриста не доживете, а времена антихриста переживете!»

Грозное и тяжелое будущее предстояло дивеевским сестрам после смерти их отца, великого праведника Серафима!

3 сентября 1832 года приехал в Саров опять заболевший Николай Александрович Мотовилов. Об этом он пишет сам следующее (записка, достоверные сведения о двух Дивеевских обителях): «Когда в мае месяце 1832 года поразила меня тяжкая душевная скорбь, то я снова подвергся болезни и отнятию по-прежнему ног. Страдавши в течение четырех месяцев, услыхал я об открытии в Воронеже св. мощей святителя Митрофания и о святости жизни тамошнего епископа Воронежского Антония, почему и пожелал я ехать туда, а хоть по совету родных и ближе 200 верст было бы ехать мне через Пензу из Симбирского имения, но, помня великие милости Господни, через великого старца Серафима явленные мне, велел я везти себя через Саровскую пустынь в Воронеж. Хотел прежде всего ему первому заявить о моем втором бедствии, что и сделал я, приехав 3 сентября 1832 года в Саров. Когда же пришел к нему, то он отечески принял во мне участие и, несколько побеседовав со мной, сказал: "Помолимся Господу, чтобы Он возвестил нам: мне ли по-прежнему исцелить вас или отпустить в Воронеж" И когда на другой день я опять принесен был к нему, то он сказал мне: "Вот, батюшка, Господь и Божия Матерь в ночь сию мне всю вашу жизнь открыли от рождения и до успения вашего" Тут он много и долго беседовал со мной и предрек всю мою жизнь вперед, и о России, и о прочем многом, что отчасти и сбылось уже, но подробное описание о сем теперь считаю неуместным, хотя и стремлюсь о том сказать в более подробном изложении, если Господь продлит дни жизни моей».

Затем о. Серафим заповедовал Н. А. Мотовилову служение Дивеевской обители (тетрадь № 6 – предисловие). Он призвал двух сестер мельничной общины – Евдокию Ефремовну Аломасовскую, бывшую при явлении Божией Матери в день Благовещения 1831 года (впоследствии монахиня Евпраксия), и Ирину Семеновну Зеленогорскую, бывшую впоследствии третьей начальницей, чтобы они могли засвидетельствовать другим слова его. Вложив в руки Н. А. Мотовилова правые руки сестер и придерживая их своими руками, о. Серафим заповедовал, чтобы они не только сами после его смерти обо всем подробно рассказали Николаю Александровичу, что, где и как Божия Матерь заводила через него, но чтобы все сестры ничего от него не скрывали, потому что Божией Матери угодно, дабы Николай Александрович был назначен *питателем* обители. Затем подтвердил, дабы по воле Царицы Небесной Николай Александрович все знал об обители так же подробно, как известно самому о. Серафиму. Обратясь же к Мотовилову, батюшка приказал ему, чтобы он был в свое время свидетелем всего, что делалось в Дивееве при «убогом Серафиме», и засвидетельствовал, что даже все строение, найденное после смерти старца, выстроено было им самим, по назначению и указанию Царицы Небесной. «И камешка одного я, убогий Серафим, самопроизвольно у них не поставил!» – сказал батюшка, оканчивая свою речь.

Н. А. Мотовилов продолжает в записке: «И давши мне заповедь о служении своим мельничным сиротам, отпустил меня с миром в Воронеж, куда я прибыл в 19-й день сентября 1832 года, а потом в ночь на 1 октября и на праздник Покрова Божией Матери получил я от этой вторичной болезни совершенное и скорое исцеление, молитвами Антония, епископа Воронежского и Задонского».

Глава XX

Прощание о. Серафима с игуменом Нифонтом и братией Саровской пустыни. Кончина старца Серафима, открытая пожаром в его келье. Горе Дивеевской обители. Стояние гроба в соборе. Погребение. Приезд Н. А. Мотовилова. Явление о. Серафима архиепископу Воронежскому Антонию в ночь своей смерти. Критический разбор печатных рассказов послушника Ивана Тихонова. Приезд офицера Каратаева. О портретах о. Серафима. Судьба вещей о. Серафима

За неделю до своей кончины, в праздник Рождества Христова, в 1832 году о. Серафим по обыкновению пришел к литургии, которую совершал о. игумен Нифонт. Он причастился Св. Христовых Таин и после литургии беседовал с о. игуменом. Между прочим, он просил игумена о многих, особенно о младших из братий; не забыл упомянуть и на этот случай в последний уже раз о том, чтобы его, когда умрет, положили в его гроб (Жизнеописание о. Серафима Саровского, изд. 1893 г., с. 220). Простясь с игуменом и братией, старец возвратился в свою келью и одному из монахов, именно Иакову, ныне иеромонаху Толщевского монастыря, вручил финифтяный образ прп. Сергия – посещение его Матерью Божией с такими словами: «Сей образ наденьте на меня, когда я умру, и с ним положите меня в могилу; сей образ, – продолжал он, – прислан мне честным о. архимандритом Антонием, наместником св. лавры, от мощей прп. Сергия». К о. Антонию старец Серафим, как и прежде мы видели, питал особую любовь.

1 января 1833 года, в день воскресный, о. Серафим пришел в последний раз в больничную церковь во имя святых Зосимы

и Савватия, ко всем иконам поставил сам свечи и приложился, чего прежде не замечали за ним; потом причастился по обычаю Св. Христовых Таин. По окончании же литургии он простился со всеми здесь молившимися братиями, всех благословил, поцеловал и, утешая, говорил: «Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте: нынешний день нам венцы готовятся». Простившись же со всеми, он приложился ко кресту и к образу Божией Матери; затем, обошедши кругом св. престола, сделал обычное поклонение и вышел из храма северными дверями, как бы знаменуя этим, что человек одними вратами — путем рождения — входит в мир сей, а другими, то есть вратами смерти, исходит из него. В сие время все заметили в нем крайнее изнеможение сил телесных, но духом старец был бодр, спокоен и весел.

После литургии у него была сестра Дивеевской общины Ирина Васильевна. Старец прислал с ней Параскеве Ивановне 200 руб. ассигнациями денег, поручая последней купить в ближней деревне хлеба на эти деньги, ибо в то время весь запас вышел, и сестры находились в большой нужде.

В тот же день, после литургии, был у о. Серафима Высокогорской Арзамасской пустыни иеромонах Феоктист. Отец Серафим, окончив беседу с ним, сказал в заключение: «Ты ужо отслужи здесь». Но Феоктист, поспешая домой, отказался служить в Сарове. Тогда о. Серафим сказал ему: «Ну, так ты в Дивееве отслужишь». Отец Феоктист, разумеется, и этого не понял и, получивши от старца благословение, отправился в тот же день из Сарова. Старица Матрена Игнатьевна рассказывала (тетрадь № 1), что накануне кончины батюшки была у него одна из келейных их сестер. Он ей говорит: «Матушка, какой нынче будет новый год, земля постонет от слез!» Она не поняла, что он сказал ей о своей кончине. При ней он и скончался. «Когда она возвратилась из Сарова, я ее спрашиваю: “Что батюшка, здоров ли?” Она молчит. Я опять повторяю. Она, помолчав, тихо сказала: “Скончался!” Я закричала, заплакала, оделась наскоро да как безумная без благословения убежала в Саров. И вот вам, как перед Господом, скажу, что когда я целовала ручки и ножки у батюшки Серафима, каждый раз ощущалось такое же благоухание, как от св. мощей, а его не хоронили восемь дней. Сбылось его последнее слово, что воистину земля стонала от плача и рыдания, когда его погребали. И какое было стечение народа!»

Нужно заметить, что рядом с кельей старца Серафима стояла келья монаха о. Павла. Они отделялись одна от другой глухой стеной, возле которой была печь. Входы в ту и другую келью были особые. Издавна в Саровской обители принято за правило, чтобы иноки жили каждый особо по одному. Как учеников о. Серафим не имел у себя, так и келейника у него не было, а по соседству обязанности келейного исправлял иногда брат Павел. Старец отличал его доверием и говаривал: «Брат Павел *за простоту своего сердца* без труда войдет в Царствие Божие: он никогда никого не судит и не завидует никому, а только знает собственные грехи и свое ничтожество».

Старец Серафим имел обыкновение, при выходе из монастыря в пустынь, оставлять в своей келье горящими зажженные с утра перед образами свечи. Брат Павел, пользуясь его расположением, иногда говаривал старцу, что от зажженных свеч может произойти пожар, но о. Серафим всегда отвечал на это: «Пока я жив, пожара не будет; а когда я умру, кончина моя откроется пожаром». Так и случилось.

В первый день 1833 года брат Павел заметил, что о. Серафим в течение сего дня раза три выходил на то место, которое было им указано для его погребения, и, оставаясь там довольно долгое время, смотрел на землю. Вечером же о. Павел слышал, как старец пел в своей келье пасхальные песни: *Воскресение Христово видевше... Светися, светися, новый Иерусалиме... О, пасха велия и священнейшая Христе...* и некоторые другие духовные победные песни.

Второго числа января, часу в шестом утра, брат Павел, выйдя из своей кельи к ранней литургии, почувствовал в сенях близ кельи о. Серафима запах дыма. Сотворив обычную молитву, он постучался в двери о. Серафима, но дверь изнутри была заперта крючком и ответа на молитву не последовало. Он вышел на крыльцо и, заметив в темноте проходивших в церковь иноков, сказал им: «Отцы и братия! Слышен сильный дымный запах. Не горит ли что около нас? Старец, верно, ушел в пустынь». Тут один из проходивших, послушник Аникита, бросился к келье о. Серафима и, почувствовав, что она заперта, усиленным толчком сорвал ее со внутреннего крючка. Многие христиане, по усердию, приносили к о. Серафиму разные холщовые вещи. Эти вещи, вместе с книгами, лежали на этот раз на скамье в беспорядке, близ двери. Они-то и тле-

ли, вероятно, от свечного нагара или от упавшей свечи, подсвечник которой тут же стоял. Огня не было, а тлели только вещи и некоторые книги. На дворе было темно, чуть брезжилось; в келье о. Серафима света не было, самого старца также не видно было и не слышно. Думали, что он отдыхает от ночных подвигов, и в этих мыслях пришедшие толпились у кельи. В сенях произошло небольшое замешательство. Некоторые из братий бросились за снегом и погасили тлевшие вещи.

Ранняя литургия между тем безостановочно совершалась своим порядком в больничной церкви. Пели: *Достойно есть...* В это время неожиданно прибежал в церковь мальчик, один из послушников, и тихонько оповестил некоторых о происшедшем. Братия поспешили к келье о. Серафима. Иноков собралось немало. Брат Павел и послушник Аникита, желая удостовериться, не отдыхает ли старец, в темноте начали ощупывать небольшое пространство его кельи и нашли его самого. Принесли зажженную свечку и увидели, что старец, в обычном своем белом балахончике, стоял на обыкновенном месте молитвы перед малым аналоем на коленях, с открытой головой, с медным Распятием на шее. Его руки, сложенные крестообразно, лежали на аналое, на книге, по которой он совершал свой молитвенный труд перед образом Божией Матери Умиления, а на руках лежала голова ниц лицом. Полагали, что он уснул; стали осторожно будить его, но ответа не было: старец окончил подвижническую жизнь свою... Глаза его были закрыты, лицо оживлено богомыслием и молитвой. Тело старца было тепло, как будто бы дух его только еще сию минуту оставил храмину свою. Но его уже никто не мог теперь пробудить к жизни.

Так описывает автор жизнеописания о. Серафима Саровских изданий 1863 и 1893 годов. Но вопрос: не описывает ли он это со слов очевидцев или смотря на изображение, которое было написано ошибочно, как говорят современники. В издании 1893 года приложено не такое изображение, так что оно не соответствует вовсе описанию. Н. А. Мотовилов в записке «Достоверные сведения о двух Дивеевских обителях» опровергает сведения Саровского издания. Так, он пишет: «Батюшка скончался на коленях в молитве, со сложенными крестообразно руками, а не поникши вниз и лежащим на книге, как в сем издании 1863 года изображено. А что он

действительно стоя на коленях, в таком положении скончался, слышал я тогда по приезде моем из Воронежа лично от самого игумена Нифонта и живших возле батюшки отца Серафима иеромонаха Евстафия и иеродиакона Нафанаила, которых игумен Нифонт призвал к себе при мне для того, чтобы о нем подробно сами мне сказали».

Иноки с благословения настоятеля подняли на руках тело старца Серафима и положили в соседней келье иеромонаха Евстафия. Там омыли ему чело и колени, одели по монашескому чину, положили в известный нам дубовый гроб и тотчас же вынесли в соборный храм. После, когда утихло волнение и беспокойство, когда стали разбирать вещи в келье почившего, заметили, что и книга, над которой он почил непробудным сном, несколько обгорела.

Весть о кончине старца о. Серафима быстро разнеслась повсюду. Вся Саровская окрестность быстро стеклась в пустынь. Все скорбели и горько плакали о смерти старца; в особенности разлука с ним тяжка была для Дивеевских сестер.

Дивеевская сестра Прасковья Ивановна, которой о. Серафим пред кончиной своей дал деньги, купив хлеба и возвращаясь в Дивеево, на дороге услышала горестную весть и, не заезжая к себе, погнала лошадь в Саров.

Бывший накануне иеромонах Феоктист, выехав в то же время из Сарова, ночевал в деревне Вертьянове, а на другой день утром отправился дальше. На пути, без видимой причины, завертка у его саней оборвалась, лошадь выпряглась, и он поставлен был в необходимость остановиться в Дивеевской общине. Там нашел всех сестер в глубокой скорби и слезах: они оплакивали кончину о. Серафима. Дивеевский священник был в отсутствии по должности благочинного. Сестры убедительно просили о. Феоктиста отслужить панихиду об упокоении в блаженных обителях души старца Серафима. Желание их было исполнено, и сбылись слова старца: «Ну, так ты в Дивееве отслужишь».

Тело о. Серафима было положено в гроб, по завещанию его, с финифтяным изображением прп. Сергия, полученным из Троице-Сергиевой лавры. Могила блаженному старцу уготовлялась на том самом месте, которое давно было намечено им самим, и его тело в продолжение восьми суток стояло открытым в Успенском соборе. Саровская пустынь до дня

погребения наполнена была тысячами народа, собравшегося из окрестных стран и губерний. Каждый наперерыв теснился облобызать великого старца. Все единодушно оплакивали потерю его и молились об упокоении души его, как он при жизни своей молился о здравии и спасении всех. В день погребения за литургией народа так много было в соборе, что местные свечи около гроба тухли от жара.

В то время в Глинской обители, Курской губернии, подвизался иеромонах Филарет. Его ученик сообщил, что 2 января, выходя из храма после утрени, отец Филарет показал на небе необыкновенный свет и сказал: «Вот так-то души праведных возносятся на небо! Это душа отца Серафима возносится!» (Сказания о подвигах о. Серафима, с. 34, изд. 1849.)

Архимандрит Митрофан, занимавший должность ризничего в Невской лавре, был послушником в Саровской пустыни и находился при гробе о. Серафима. Он передал Дивеевским сиротам, что лично был свидетелем чуда. Когда духовник хотел положить разрешительную молитву в руку о. Серафима, то рука сама разжалась. Игумен, казначей и другие видели это и долго оставались в недоумении, пораженные случившимся.

Погребение о. Серафима совершено было о. игуменом Нифонтом. Тело его предано земле по правую сторону соборного алтаря, подле могилы Марка-затворника. (Впоследствии усердием нижегородского купца Я. Сырева над могилой его воздвигнут чугунный памятник, в виде гробницы, на котором написано: «Жил во славу Божию 73 года, 5 месяцев и 12-ть дней».)

Не было сказано при гробе о. Серафима речей: воспоминание о его жизни и делах, изустные рассказы о них при гробе замечательного подвижника были самым лучшим назиданием, заменявшим всякое другое слово. Но какой-то неизвестный стихотворец, в грустном одушевлении смертью старца, тогда же в форме элегической песни воспел его жизнь, подвиги и кончину.

Саровскому пустыннику о. Серафиму

Он был и имѐнем, и духом ***Серафим;***
В пустынной тишине весь Богу посвященный:
Ему всегда служил, и Бог всегда был с ним,

Внимая всем его моленьям вдохновенным.
И что за чудный дар в его душе витал!
Каких небесных тайн он не был созерцатель?
Как много дивного избранным он вещал,
Завета вечного земным истолкователь!
Куда бы светлый взор он только ни вперял –
Везде туманное пред ним разоблачалось,
Преступник скрытый вдруг себя пред ним являл –
Судьба грядущего всецело рисовалась,
В часы мольбы к нему с лазурной высоты
Небесные друзья невидимо слетали
И, чуждые земной житейской суеты,
Его беседою о небе услаждали.
Он сам, казалось, жил, чтоб только погостить:
В делах его являлось что-то неземное.
Напрасно клевета хотела омрачить...
В нем жизнь была чиста, как небо голубое.
Земного мира гость, святой и незабвенный,
Одной любовию равно ко всем горел:
Богач, бедняк, счастливец и уничиженный –
Равно один привет у старца всяк имел.
Несчастные ж к нему стекалися толпой:
Он был для сердца их отрадный утешитель.
Советом мудрым он – безмездною цельбой
Всех к Богу приводил святой руководитель.
От подвигов устав, преклоншись на колени,
С молитвой на устах, быв смертным, умер он.
Но что же смерть его? Вид смертной только сени,
Или, как говорят, спокойный тихий сон...
Теперь ликует он в семье святых родной,
Сияньем Божеским достойно озаренный;
А мы могилу тихую кропим слезой,
И имя будем чтить во век благословенным.

11 января прибыл в Саров исцеленный Николай Александрович Мотовилов в отчаянии, что он не застал даже похорон о. Серафима. Автор жизнеописания о. Серафима Саровского, издания 1863 и 1893 годов, неизвестно от кого получивший сведения о помещике Мотовилове, говорит, что в недавнем времени был исцелен о. Серафимом помещик, страдавший

ногами и ходивший на костылях. После исцеления о. Серафим приказал ему ехать в Киев поблагодарить Божию Матерь. Помещик с радости предался утехам жизни, не исполнив словес старца. Тогда болезнь опять возвратилась к нему. Снова больной обратился к старцу, покрытый стыдом. Отец Серафим велел ему ехать в Воронеж к святителю и чудотворцу Митрофану. Там помещик немалое время жил у тогдашнего епископа Антония, молился о своем здоровье, но не получил чудесного исцеления. Наконец святитель Митрофан явился во сне епископу Антонию, показал ему образ Св. Троицы и предстоящего пред Ней старца Серафима и сказал: «Скорее отпусти больного в Саров; его может исцелить один Серафим». Тотчас после сего видения епископ Антоний отправил больного в Саров и с ним послал пять больших свечей о. Серафиму, приказывая, в случае смерти старца, поставить эти свечи за упокой его души. Больной очень спешил в Саров. От Тамбова, оставивши своих лошадей, он поехал на почтовых; но поспел в Саров только на другой день после погребения о. Серафима. Поставив свечи за упокой его души, он очень плакал о смерти старца, от которого чаял исцеления, и скорбь свою рассказывал в монастыре всей братии.

Сведения эти о Н. А. Мотовилове спутанны и неверны, что свидетельствует живая еще жена его, живущая ныне в Дивееве, и, наконец, личная записка Николая Александровича. Кроме приведенных выше выдержек из записки, он пишет: «Я пробыл в Воронеже более трех месяцев, в совершенном и полном здравии. 2 января 1833 года, в этот же день вечером услыхал я от высокопреосвященного Антония, что батюшка отец Серафим в ночь на этот день, во втором часу за полночь, скончался, о чем он сам ему, явясь очевидно, возвестил. Он по нем сам в тот же день соборно отслужил панихиду. А я 4 января выехал из Воронежа и 11 прибыл в Саровскую пустынь, через два дня после погребения о. Серафима. И вот как все дело поистине было, а не так, как в издании 1863 года, на странице 313, напечатано обо мне. Я, напротив, не только получил исцеление, но и столь чудное, что до сих пор, 61 года жизни моей, благодатию Божией и общими молитвами великого старца Серафима и трех святителей великих: Митрофана, Тихона и Антония – пользуюсь в течение 38 лет совершенным здоровьем, о чем печатно свидетельствую во славу Господа

и Пречистой Его Матери и великих угодников Божиих. Что же касается до явления святителя Митрофана, то он явился мне, а не преосвященному Антонию, через два года, в 1834 году. В Киеве советовал батюшка отец Серафим побывать, "ибо там, – сказал он, – Господь много откроет вам!" Как это совершенно несправедливо, так и многое другое, например: кому неизвестно, что великий старец Серафим никогда не имел у себя модной мебели и что келья его вся была завалена разными приносимыми ему предметами, им употребляемыми, в мешках и просто лежавшими. Впереди келья заставлена была вся большими бутылями и бутылками и штофами с елеем и со св. водой, и с церковным вином в бочонках, и сотни свеч горели на двух медных, круглых, в роде подносов с местечками для свеч, подсвечниках, так что едва маленький и узкий ход от двери его к образам оставался. А на эстампе, например, при явлении Божией Матери с двумя апостолами, келья представлена пустая, а он сам посреди лежащий на модной кушетке, тогда как в это время он лежал возле передней стены, на простой скамье, а под головой был камень, доставшийся после него впоследствии мне. Да и Божия Матерь, обращаясь к Апостолам, изволила сказать о нем: "Сей от рода Нашего есть!" и не "Моего", как напечатано о явлении Ее на день Благовещенья с 12 святыми девами и другими при том предстоящими. Не только во времени не соблюдено правды, ибо показано оно было не в 1831 году, а в 1832, да и не в деревянной его пустынной келье, а в монастырской каменной, где он и скончался на коленях в молитве, со сложенными крестообразно руками... В большее утешение душевной скорби моей, что я не удостоился поспеть к погребению о. Серафима, игумен Нифонт благословил меня тем самым Евангелием, которое во вседневном употреблении у великого старца Серафима было в течение трех с половиной последних лет жизни его, имеющее сзади на переплете обгоревшее немного место, в день его кончины; также образом Божией Матери Жизнедательницы, небольшой на кипарисе, тот самый, которым благословила его родительница его при дозволении ему остаться навсегда в Сарове. Мне отдали еще ту самую книжку "Алфавит духовный", с недостающими сначала несколькими листами, по которой он сам, великий старец Серафим, учился духовной жизни, и из двух крестов, всегда бывших на нем, маленький

кипарисный крест, вырезанный его руками и обложенный серебром из того старинного рубля серебряного, который дала ему его матушка, отпуская на богомолье в Киев, и который был на нем. А медный большой, другой крест осьмиконечный, родительницы его благословение, сказал мне тогда игумен Нифонт, "и образ Божией Матери «Радости всех радостей», пред которой он, стоя на коленях, скончался, отдал я в его девическую Дивеевскую обитель"».

Каждая печатная или рукописная строка, касающаяся памяти подвигов и чудес великого праведника отца Серафима, составляет ныне драгоценный вклад в историю Дивеевской обители и Саровской пустыни, но, несмотря на это, авторы жизнеописаний батюшки Серафима, между которыми первое место занимают г. Елагин и саровские иноки (изд. 1863 и 1893 гг.), не поместили в своем труде многих показаний послушника Ивана Тихонова, в особенности касающихся лично его самого. Это недоверие к печатным рассказам о. Иоанна (впоследствии иеромонаха Иоасафа) нельзя не признать *характернымъ, веским и, конечно, заслуженнымъ,* ибо кому лучше было знать своего послушника, как не инокам пустыни. Как мы вскоре увидим, они аттестовали его весьма плохо, и если поместили выдержки из изданных этим послушником книг в 1849 и 1856 гг. под заглавием «Сказание о подвигах и событиях жизни старца Серафима», то потому, что рассказы эти сообщены Ивану Тихонову разными лицами, хорошо известными Саровской обители, в особенности Н. А. Мотовиловым, и они достоверны, а что касается его лично, то пропущено саровскими авторами, так как он приписывал в этих повествованиях себе то, что было сказано другим в его присутствии.

Однако нам кажется нетрудным воспользоваться для истории и этими рассказами Ивана Тихонова, в которых так ясно проглядывают и правда, и прикрасы.

Незадолго до кончины своей о. Серафим принял в шестом часу пополудни Ивана Тихонова, живописца. Старец имел такой обычай, что если желал усладить своего посетителя долгой беседой, то запирал всегда дверь свою на крючок. Так сделал и на этот раз о. Серафим, впустив к себе о. Иоанна, который в то время проходил послушание канонарха. «Отец Серафим обратился прямо к вопросу: так ли я исполняю свою должность, как бы следовало?» — говорит Иван Тихонов. Если

уже этими словами начал беседу великий старец, то, несомненно, Иван Тихонов отличался неисполнением своих обязанностей, что было хорошо известно старцу и впоследствии письменно подтвердил весь монастырь. «Я думал, – продолжает послушник Иван, – что он говорит о внешнем исполнении, и потому отвечал ему, что стараюсь, батюшка, исполнять все как следует!» Хорошо же понимал Иван Тихонов своего учителя, как он называл старца, и плохо же воспользовался он духовными наставлениями его, если мог на одну секунду подумать, что великий праведник и чудотворец, убогий Серафим, будет заботиться о внешнем исполнении им обязанностей! Если так мыслил Иван Тихонов, то, несомненно, внутреннего в нем ничего не было, а потому старец Серафим и повел речь о необходимости ему внутренно работать над собой. «Но, – говорит дальше Иван Тихонов, – отец Серафим хотел, чтобы к внешнему присоединялось и внутреннее, духовное основание, потому что Господу неугодна одна наружность. Он сам говорит, что *проклят всяк творяй дело Божие с небрежением.* Потом, как бы стороною, он и начал изобличать меня, говоря, что ведь есть такие, которые, кажется, хорошо читают, но не понимают смысла того, что читают; ведь многие есть и такие, которые говорят, что были у обедни, или у заутрени, или у вечерни, и льстят себя ложной надеждой, что они действительно были, а в самом-то деле где скитался тогда ум их? Они только телом были в храме Божием...» Итак, Иван Тихонов сам признает, что о. Серафим стороной начал изобличать его, то есть все, что говорил, то намекал на него и обвинял в греховном стоянии в храме, в бессмысленном чтении и в отсутствии молитвенного настроения. «Вот, ты ведь был у ранней обедни? – спросил о. Серафим, как пишет о. Иоанн. – А какие же там читались дневный Апостол и Евангелие?» – «Иногда, по невниманию, я делался совершенно безответным; тогда *обыкновенно* он сам говорил, что именно читалось...» Вслед за этими словами Иван Тихонов пишет: «По окончании всей сладкой беседы своей он вдруг говорит мне: “А жизнь моя сокращается; духом я как бы сейчас родился, а телом по всему мертв”. И с этим словом подает мне сверток желтых полтинных свечей, говоря, чтобы я взял *одиннадцать*». Спрашивается: для какой цели сообщил эту свою беседу со старцем послушник о. Иоанн? Он хотел рассказать, как

старец предсказал ему свою кончину, а выяснил нам, потому что это было действительно и оказалось трудным изменить смысл беседы, как о. Серафим еще раз на прощание уговаривал служить Господу внутренне, а не только наружно.

Затем следует повествование, как о. Серафим, передавая ему свечи и уменьшая число их с каждым свиданием, намекал этим на близость своей смерти. Современники великого старца и живущие еще в Дивеевской обители старицы говорят, что не Ивану Тихонову давал таким образом батюшка свечи, но для истории интересен факт, а не подробность, ничего не значащая, и потому безразлично, был ли Иван Тихонов участником или свидетелем не понятого в то время предзнаменования о смерти старца. Иван Тихонов пишет, что после последней сладкой беседы о. Серафим дал ему одиннадцать свечей, и прибавляет для подтверждения нашего убеждения и вышеприведенного мнения: «Отец Серафим, сделавши мне еще несколько отеческих наставлений и прибавивши, чтобы я *поспешил производить плоды духовные,* отпустил меня с миром. Я же в простоте, без всякого внимания, сжег те 11 свечей. Через несколько времени, когда я был у отца Серафима, он, сделавши мне *много разнообразных наставлений, необходимых для жизни моей,* под конец опять повторил прежние слова о сокращении его жизни и потом подал мне девять свечей. То же повторил он и в 3-й раз, через несколько времени, и тогда подал мне 6 свечей. На четвертый раз, повторяя те же слова, он прибавил, чтобы *я поспешил,* по возможности, *собирать духовные плоды,* и подал мне уже 3 свечи. Таким образом, в пятый раз он подал мне одну, а в шестой раз только полсвечи. Но уже на четвертом разе я рассказал об этих свечах одному брату, и тогда по общему обсуждению мы решили, что старец этими свечами непременно говорит нам о своей кончине, потому что еще прежде в своих наставлениях он уподоблял человека по телу свече зажженной и мало-помалу догорающей. Только мы не могли понять, что именно означало число свечей. Когда же я пришел к нему в следующий, 7-й раз, отец Серафим, между прочими наставлениями, опять повторил прежде сказанные слова с глубоким вздохом и особенным чувством, что жизнь его сокращается. После того старец начал повторять и напоминать мне все, что он *в течение жизни сеял на грешной душе моей*».

Ясен смысл слов о. Серафима, который старался как-нибудь спасти Ивана Тихонова и отстранить его от судьбы, которую знал вперед великий старец и предсказал как ему, так и о. Василию Садовскому, М. В. Мантурову и всем дивеевским сестрам. Судьба его могла бы измениться, если бы он поработал над собой и духовно улучшился бы.

Наступил страшный день 1 января 1833 года. Отец Серафим пришел в последний раз к ранней литургии в больничную церковь во имя преподобных Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев, в которой он обыкновенно приобщался Св. Таин.

Иван Тихонов в то время был голосовщиком на правом клиросе и застал о. Серафима сидящим здесь на откидной лавочке. «Когда я пришел, — рассказывает о. Иоанн, — заблаговременно в больничную церковь, поклонился батюшке в ноги, прося его благословения, он спросил: "Кто это?" — потому что было еще темненько. Я отвечал ему, как и всегда: "Тамбовский убогий Иоанн" Тогда он встал, благословил меня и поцеловал отечески (?), посадил подле себя, а сам глубоко вздохнул и этим вздохом уже предсказал мне что-то страшное. Вслед за тем он сказал: "Ну, возлюбленнейший (?!) отец Иоанн, прости; я с тобой уже больше не увижусь!" Пораженный совершенно этими словами, я упал в колени отца Серафима (?) и весь залился слезами: "Как же это, батюшка?" — мог я только ему выговорить. Тогда он отвечал мне: *"Я говорю это тебе по Бозе: мы уже больше с тобою не увидимся. Только ты все убогого Серафима слова постарайся запечатлеть на сердце твоем; с ними всегда и ходи, и помни, что вси своих си ищут, а не яже ближних"*; и это последнее он повторил несколько раз и потом еще прибавил: *"И не буди чужд посетитель!"*»

Последние слова, несомненно, Иван Тихонов не понял, когда говорил их ему о. Серафим, затем не уразумел их и впоследствии, а потому решился сообщить этот свой рассказ. Между тем все в словах — *«и не буди чужд посетитель!»* — смысл всей речи старца и характеристики отношений его к Ивану Тихонову до последнего часа жизни его. Отец Серафим знал, что будет делать Иван Тихонов после смерти его в дорогом, любимом Дивееве, где старец не позволял себе всем распоряжаться, ввиду того что Царица Небесная Сама назвала Себя Игуменьей этой обители, и в надежде, что о. Иоанн может

еще исправиться, сказал ему: *«и не буди чужд посетитель!»* Видимо, о. Иоанн никогда не был знаком со Священным Писанием и потому не познал смысл этих слов. Св. апостол Петр в своем первом Послании (4, 15) учит, что христиане должны страдать плотью, потому что Сам Христос пострадал за нас плотью; страдающий же плотью перестает грешить. Апостол напоминает, что близок всему конец, надо быть благоразумными, бодрствовать в молитвах; более же всего иметь усердную любовь друг к другу, потому что любовь покрывает множество грехов и т. д. И прибавляет св. апостол: «Да не кто убо от вас постраждет яко убийца, или яко тать, или яко злодей, или яко чуждопосетитель!» — то есть только бы не пострадал кто из вас как убийца или вор и злодей, или как *посягающий на чужое!* Итак, о. Серафим советовал Ивану Тихонову не забыть его наставления и не быть посягающим на чужое, то есть на должность отца и попечителя дивеевских сестер, которых он породил духом. Не понимая этих слов, Иван Тихонов решился напечатать свой рассказ, будучи убежден, что предыдущее повествование убеждает в дружбе, которую будто бы питал к нему великий старец. И вот, ослепленный неведением и необразованием, Иван Тихонов сам себя бичует в своих рассказах, предназначенных для своего прославления. Рядом с обвинением себя в посягательстве на чужое он говорит: «Старец начал напоминать мне все, особенно чтобы я не оставил сирот дивеевских и устроил у них все. В подражание он приводил мне св. Афанасия Афонского, говоря так: “Ты всегда и во всем подражай ему. Как он устроил все в Афонской горе, так и ты все устрой в Дивеевской обители”. И потом, посмотрев на меня с особым чувством и покачав головой, прибавил: “Много тебе будет скорбей, но претерпи их, Господа ради, с благодарением; и где бы ты ни был, не оставляй сирот моих отечески. Матерь Божия не оставит вас, и я духом буду с вами. Многие приближаются к ним, но дороги им нет никакой. Многие пестуны, но не многие отцы (1 Кор. 4, 15); терпеть-то им многие советуют, но за них и с ними терпеть не хотят”». Мало этого, Иван Тихонов пишет, что о. Серафим отечески его поцеловал, назвал «возлюбленнейшим», а он упал в колени отца Серафима, полчаса пролежал так, рыдая и т. д. «Я в старце терял друга, — говорит он, — наставника, нежнейшего отца; на моем же попечении он оставлял сирот дивеевских; мне казалось

тогда, что они все разбредутся...» И этим рассказам верили в Петербурге!..

Иван Тихонов не остановился на этом; нет, под его диктовку записано, что великий старец еще без конца прощался с ним, поклонился ему в землю, обнял голову «своими преподобными руками» и проч. На другое утро за ранней обедней, только он отпел *Достойно,* как бросил все, убежал из церкви и поспешил в келью отца Серафима, в которой нашел небольшое замешательство. Все современники показывают, что дым первый заметил о. Павел, его сосед, которому старец и предсказал, что смерть узнается пожаром; он же и нашел в темноте стоящего на коленях о. Серафима и тотчас засветил свечу. Но Иван Тихонов, хотя и признает, что явился не первым, ибо застал в сенях замешательство, и о. Павел с братией потушили пожар, однако повествует, что он первый бросился к старцу и только хотел припасть к нему, как он сам пал на его грудь, еще совершенно теплый, как будто дух его в это самое мгновение оставлял тленную свою оболочку, — последний дорогой подарок ему. По правде, и наше слово немеет в устах после решимости этого человека уверять, что даже прах великого праведника о. Серафима пал в его объятия, которые должны были принять и сирот дивеевских Серафимовой пустыни. Еще так недавно перед смертью старца дивный священник, отец Василий Садовский, верный слуга Серафимов, принял от него последнюю волю, святое завещание, в котором приказывалось никого не допускать распоряжаться в обители Царицы Небесной. И как труп о. Серафима мог пасть ему в объятия, когда старец умер стоя на коленях, спиной к входной двери и лицом в угол?

Но на 60-й странице своих рассказов Иван Тихонов говорит, что батюшка Серафим, отходя в вечное успокоение, совершенно предал ему окончательное и дивное устройство обители, приказав воздвигнуть в ней боголепные храмы, а также ограду, вырыть пруды, обсадить свободную землю деревьями, фруктовыми садами, за которыми съездить в г. Курск, и т. д. Это поручение будто бы удивило и устрашило Ивана Тихонова вначале, потому что обитель в то первоначальное время своего существования не имела еще никакого вида, ни устройства, ни даже прочного основания, утвержденного на законных актах.

Желание доказать, что о. Серафим все делал через него, дошло у Ивана Тихонова до бессмысленности. Так, на с. 62-й он повествует: «Заботясь о том, чтобы положить начало, старец дал мне собственными руками 100 руб. на покупку у г-на Жданова небольшого лоскутка земли, близ первоначальных келий, говоря: "Вот, я положу начало, и ты докончи все и устрой!"» Каждый читатель подумает, что Иван Тихонов отправился и исполнил поручение старца, тем и конец. Но нет, кряду он говорит следующее: «И при этом о. Серафим избрал из живущих в обители двух сестер: старицу Ульяну Григорьевну и из дворян девицу Елену Васильевну Мантурову, для того чтобы они съездили к к-ну Жданову и купили у него вышесказанный лоскут земли. Посланные, с помощью Господа и Матери Божией и по молитвам о. Серафима, скоро и успешно исполнили свое поручение. Они купили у г-на Жданова этот клочок земли и совершили законную купчую крепость в городе Темникове, Тамбовской губернии». Спрашивается: зачем было старцу дать Ивану Тихонову собственными руками 100 руб. на покупку земли, когда все поручения исполняла образованная начальница общины Елена Васильевна, и она ездила и заплатила не 100, а 300 рублей, данные на это батюшкой, как и значится в купчей? Обыкновенно поручаются дела тем, которые их делают.

Нельзя не отметить еще следующего факта. Иван Тихонов тут же пишет (с. 62): «На этой-то первоначально купленной земле старец назначил сам место для построения священного собора, и когда некоторые из стариц в то время малодушествовали и говорили, что им не дожить до такой радости, то старец, утешая их, говорил им с улыбкой: "А вы, матушки, будете камушки носить при постройке собора!"» Как мы увидим дальше, Иван Тихонов всеми силами старался построить собор на ином месте и доказывал Нижегородскому архиерею, что старец никогда не приказывал строить на месте, купленном у г-на Жданова. Таков был мнимый ученик Серафимов, относившийся ко всему истинному «с холодным сердцем», как характеризовал его сам великий старец.

Хорошо известно, что, получив от генеральши Постниковой уведомление о пожертвовании ею трех десятин земли Дивееву, батюшка о. Серафим приказал Е. В. Мантуровой написать благодарственное письмо и послал жертвовательнице

в благословение сухариков. В то время Иван Тихонов еще не смел делать шагу и, как свидетельствует протоиерей о. Василий Садовский, усиленно просил М. В. Мантурова выхлопотать ему у игумена дозволение посетить родственницу в Дивееве и таким образом присутствовать при торжестве по случаю окончания дела с генеральшей Постниковой. В 1849 году Иван Тихонов, в надежде, что никто не будет опровергать его показаний, пишет (с. 65), как о. Серафим призвал его к себе, приказал написать генеральше Постниковой покорнейшее письмо и послал при письме несколько сухариков, а затем послал его вместе с о. Василием и Мантуровым в Дивеево присутствовать при отводе земли.

Еще поразительнее рассказ Ивана Тихонова о дереве, преклонившемся по молитвам о. Серафима. Сестры Анна Алексеевна и Ксения Ильинична Потехина (бывшая впоследствии начальницей) свидетельствуют, что при них пришел Иван Тихонов к батюшке Серафиму, и тогда старец начал упрекать саровских иноков, причисляя к ним и Ивана Тихонова, что они напрасно блазнятся на него за дивеевских девушек; ничего он не делает от себя, и все по приказанию Самой Царицы Небесной. «Мню, – сказал о. Серафим, – что этому дереву более ста лет! Помолимся, аще же я творю послушание Царицы Небесной, преклонится дерево сие в их сторону» (то есть сторону стоявших здесь Анны Алексеевны и Ксении Ильиничны). Игумен Георгий, настоятель Николо-Барковской пустыни, пишет, что, будучи иноком Гурием в Сарове, он однажды пришел к старцу Серафиму и нашел его перерубавшим сосну, преклонившуюся по его молитвам. «Вот я занимаюсь Дивеевской общиной, – сказал о. Серафим. – Вы и многие меня за это укоряли: для чего я ими занимаюсь; вот я вчерашний день был здесь, просил Господа, для уверения вашего, угодно ли Ему, что я ими занимаюсь? Если угодно Господу, то в уверение того чтобы это дерево преклонилось...» Затем, объяснив, почему он занимается Дивеевской общиной, он прибавил (следовательно, на другой день падения дерева!) с негодованием: «Вот и о. Иоанн (Иван Тихонов) просит благословения у батюшки Нифонта в Дивеево поблизости; приедет туда – говорит, что я его послал – Серафим; заводит у них пение партесное, вводит некоторые обычаи; это им не нравится, приходят они ко мне, жалуются со слезами; так не должно ему

делать и никому не распоряжаться ими и после меня. И он будет все более и более к ним учащать, будет говорить всем, что я то и то приказывал ему, будет заводить постройки... Но вот я тебе, батюшка, сказываю, что я ничего этого не говорил» и т. д.

Что же печатно заявляет в 1849 году Иван Тихонов?! На с. 85: «Разные послушания, касательно устройства обители, он возложил на меня, также по особенному Промыслу Божию и по особенному его ко мне расположению, что выражал он часто апостольскими словами (Флп. 2, 2): *ни единого бо имах равнодушна, иже присней о вас* (разумея сирот дивеевских) *попечется.* Сначала он возложил на меня, несмотря на мою юность и неопытность, по благословению о. игумена Саровского, послушание выучить сирот чтению, пению и порядку церковного устава, для того чтобы они сами, без помощи причетников, с одним служащим иереем могли отправлять все церковные службы. За такое участие мое в отеческом попечении о. Серафима о Дивеевской обители *враг-диавол воздвигал на старца и на меня грешного такие скорби и гонения, что я несколько раз собирался выйти из Саровской пустыни, чтобы избежать всякой злобы и зависти* (!). Однажды, после одного сильнейшего из подобных оскорблений, я пошел к старцу... Упавши ему в ноги, *облобызав его стопы, священные уста и руки, которыми он благословил меня милостиво, как отец,* я в то же время спешил излить перед ним все свои скорби и смущения».

Отец Серафим заградил его уста и сказал: «Сколько я просил тебя, а ты все хромаешь и доселе, как младенец; а дорогито нет никакой нам хромать, *если мы* все терпим к славе Божией и Пречистой Его Матери и *печемся* о сиротах дивеевских, за которых нас укоряют, поносят, клевещут и осыпают хульными словами».

Потом, как бы скорбя на малодушие Ивана Тихонова, он будто бы сказал: «Впрочем, посмотрим, но справедливо ли нас отцы-то гонят, ибо все святые отцы велят жен-то бегать? Так, скажи мне, угодно ли это Господу, чтобы мы их не оставляли и пеклись о них? И по Бозе ли этот путь наш, докажи мне?» В продолжение этих слов о. Серафим, как будто бы сам будучи в смущении, требовал от о. Иоанна послушника доказательства (?!). «Я, — пишет, не смущаясь, Иван Тихонов, — с верою обратился к Господу, премудрости Наставнику и смысла Подателю, чтобы Он просветил меня свыше и дал бы мне возможность успокоить моего отца и благодетеля!» Выслушав

себе похвалу, о. Серафим, по свидетельству этого Ивана Тихонова, как бы изменился и сделался спокойнее духом, но потом опять, по-прежнему потрясая его за руку, *просил подробнейшего объяснения* и чтобы о. Иоанн, в доказательство истины пути *его*, привел какие-нибудь примеры из св. отцов. «Тогда я снова со смирением, – пишет о. Иоанн, – отвечал ему, что все святые украсили жизнь свою этими высокими добродетелями...» Затем следуют поучения Ивана Тихонова о св. Николае Чудотворце, о Пахомии Великом, о Феодосии Печерском, о Феодосии Великом, которые, чтобы прочесть со смыслом, надо 20–30 минут, и невольно всякий удивится знанию его житий святых. Этого и добивался, видимо, Иван Тихонов от о. Серафима и петербургской публики, среди которой он делал сборы на монастырь в 1849 году! Что же делает великий старец и прозорливец? «Когда я кончил, – пишет о. Иоанн, – о. Серафим, державший во все это время меня за руку *и слушавший меня со вниманием*, вдруг сделался как ангел Божий и, в радостном духе взглянув на меня, сказал: "Во, во, радость моя! *А мы с тобою все хромаем*, как младенцы (следовательно, и о. Серафим унывал, и не собирался ли даже уйти вместе с о. Иоанном из Сарова?); а дороги-то нам нет никакой хромать, *если мы все творим к славе Божией!*"» Когда же старец замолчал, Иван Тихонов повторил пред ним еще слова святителя Дмитрия Ростовского: *«Отыми от ангела крылья, и он будет дева; дай крылья деве, и она будет ангел!»* Выслушав еще поучение, о. Серафим еще с большим восторгом сказал: *«Так вот какая радость!»* И потом вдруг он обратился к западу и, подняв правую руку, указательным пальцем показал на одно огромное еловое дерево, сказав: «Мню, что оно 50 лет растет; так *мы помолим* Господа, чтобы Он нам показал чрез это древо знамение, угодно ли Его благости, чтобы мы пеклись о сиротах дивеевских. Если это угодно будет Господу, тогда оное преклонится вот сюда...» и т. д. Взглянув на Ивана Тихонова, старец будто бы еще прибавил: *«Молюся о тебе, да не оскудеет вера твоя: это сказал Спаситель Петру»*. Затем Иван Тихонов благословился, приложился к медному распятию, которое всегда носил старец, пал ему в ноги, просил св. молитв, в укрепление грешной его душе, чтобы всегда быть в мирном духе, не смущаться от скорбей, опять благословился, а о. Серафим продолжал кланяться ему вслед, и что же? Иван Тихонов пишет: «Возвратясь в свою

келью, я совершенно забыл о заповеди старца молиться о знамении древа, был в развлечении, заснул и провел ночь во всякой беспечности. Поутру же после ранней обедни вдруг родилось во мне сильное желание быть в пустыни о. Серафима».

Подходит он к пустынке и видит дивное чудо: дерево лежит. Подходит прежде или после того, как о. Серафим показывал дерево иноку Гурию (будущему игумену), обвинял Ивана Тихонова и запрещал ему касаться Дивеевской общины. Но о. Иоанн пишет (с. 93): «Когда я начал подходить, он не допустил меня до себя за несколько сажен и упал предо мною ниц на землю. Я пал ему взаимно, со страхом и трепетом, прося благословения. Тогда старец встал и, взяв меня за обе руки, с тихой радостью и восторгом поцеловал, благословил и сказал: что ты пришел ко мне, убогому, возлюбленнейший мой о. Иоанн?» Странный вопрос, который не мог задать старец, после того как накануне выслушивал наставления возлюбленного (?) послушника и просил его молитв, чтобы дерево преклонилось! Но Иван Тихонов говорит, что не мог ничего ответить и упал ему в ноги. Старец поднял о. Иоанна и, подведя к древу, с восторгом сказал: «Вот, батюшка, Павел апостол говорит: вся могу о укрепляющем мя Христе; *мы с тобой* не Павел, а Бог нас слушает!» Это знаменитое повествование Иван Тихонов заключает рассказом, что о. Серафим оградил его крестным знамением и связал клятвой, что он никому до смерти его не скажет об этом. Мы же видели, что о. Серафим всякому приходящему к нему показывал дерево и объяснял причину совершившегося чуда, а дивеевским торжественно приказал увезти дерево домой, как преклонившееся ради них.

Через непродолжительное время после смерти о. Серафима один офицер, г. Каратаев, отправлявшийся в Курскую губернию в свой полк, заехал в Саров, чтобы, по всегдашнему обыкновению своему, принять благословение о. Серафима. Молодой человек очень скорбел, что не застал в живых блаженного старца. «Известие о кончине его, — говорил он, — возмутило всю мою душу; я принял его как наказание за мои грехи; но отслуживши панихиду на его могиле, я почувствовал вдруг такое спокойствие души, что, казалось, будто через самого старца получил прощение в грехах и услышал обещание его молиться за меня у престола Божия». Игумен Нифонт поручил г. Каратаеву в Курске заехать к родным о. Серафима,

передать им от него просфору и благословение и рассказать о кончине блаженного их сродника. По приезде в Курск он тотчас же отправился к родным о. Серафима и нашел Алексея, брата его, уже умершим, он только что скончался. За несколько дней до сего времени этот брат был совершенно здоров, только подвергался сильной тоске, не ведая о кончине брата и не сознавая причин своей грусти. Скорбное состояние духа расположило его искать себе утешения в молитве: ежедневно ходил он в церковь, наконец поговел, исповедался и причастился Св. Таин. В это время из Сарова получено было письмо о кончине о. Серафима и его портрет. Тогда брат стал окончательно готовиться к смерти; над ним совершено было таинство Св. Елеосвящения, после которого он и скончался. Мы заносим это обстоятельство в жизнеописание о. Серафима потому, что, говорят, он, бывши раз в Курске, предсказал брату о его кончине в таких дошедших до нас выражениях: «Знай, что, когда я умру, и твоя кончина вскоре за тем последует».

Скоро после погребения родилась сама собою мысль о сохранении памяти о достоблаженном старце Серафиме. Стали собирать и хранить его портреты, которые прежде были написаны. Известно, что о. Серафим неохотно соглашался на то, чтобы писали с него портреты. Так, мать дивеевской сестры Анастасии Протасовой, имея большую приверженность к о. Серафиму, просила раз у него благословения списать с него портрет. Отец Серафим отвечал на это: «Кто я, убогий, чтобы писать с меня вид мой? Изображают лики Божии и Святых, а мы — люди, и люди-то грешные». То же самое повторил он в ответ при подобном случае саровскому иноку, прибавив в пояснение: «Мы всегда и во всех случаях должны стараться отсекать вины тщеславия в самом начале». Но мать сестры Анастасии стала умолять его с настойчивостью не отказать ей. Тогда только из уважения к ее усердию он уступил ее желанию и сказал: «Это в вашей воле, пусть будет по вашему усердию». Благодаря таким убеждениям были собраны и доныне находятся в Саровской обители в квартире настоятеля два верных изображения старца Серафима. Одно написано в то время, когда старцу было около пятидесяти лет. Отец Серафим представлен с открытой главой, лицо у него чистое, белое, глаза голубые, нос прямой, с небольшим возвышением; волосы светло-русые, густые с проседью; усы и борода густые с проседью;

рука одна с другою соединены на груди. Старец стоит одетым в мантию. Этот портрет написан художником академии Димитрием Евстафьевым для г-жи Анненковой и ею передан в Саровскую пустынь. Другой портрет, находящийся также в келье Саровского строителя, писан с натуры лет за пять до кончины старца. Отец Серафим изображен в мантии, эпитрахили и поручах, как он приступал к причастию Св. Таин. По этому портрету видно, что лета и иноческие подвиги имели влияние на внешний вид старца. Здесь лицо представлено бледным, удрученным от трудов; волосы и на голове, и на бороде густые, но не длинные и все седые. Правая рука положена на эпитрахили у груди. Этот портрет написан художником Серебряковым, который после был иноком Саровской обители и в ней опочил вечным сном. Художники Саровской пустыни, кроме портретов, написали на полотне картину его смерти, снимок с которой при жизнеописании прилагается с немногими взятыми с действительности дополнениями в подробностях.

В Саровский монастырь являлись после смерти о. Серафима многие лица, свидетельствовавшие, кому какое благодеяние оказал славный подвижник, кто и какое получил от него исцеление. Записки о таких событиях доставляемы были собственноручные или, по крайней мере, засвидетельствованные их подписью. Заодно упомянем здесь, хотя несколько забегаем вперед, какая судьба постигла вещи о. Серафима.

Те лица, у которых были вещи о. Серафима, тщательно стали хранить их у себя, а другие старались что-нибудь приобрести из его вещей на память себе. По заведенному с давних пор в Саровской обители порядку все вещи после смерти брата поступают в так называемую *рухальню* (кладовая рухляди) и делаются общим достоянием обители. Всякий брат, в чем нуждается, то берет из рухальни и, износивши одну вещь, переменяет на другую. Вещи о. Серафима, поступившие в то же хранилище, не остались там, но, по усиленным просьбам почитателей старца, розданы были им старшими из братии: о. Нифонтом и о. Исаиею. Так, и у инока Саровской пустыни Гавриила был портрет о. Серафима. Счастливый владетель так дорожил им, что не хотел никому показывать, и если показывал самым близким особам, то никак не выпускал его из своих рук. Крест медный, который о. Серафим всегда носил на себе поверх одежды, по благословению преосвященного Иеремии,

бывшего епископа Нижегородского, хранится в Дивееве, в церкви Преображения Господня. Большой железный крест, который носил старец под одеждой, на шее, находится в Саровской пустыни. Господа Тепловы, прослышав о смерти старца Серафима, прислали из Таганрога нарочного в Саров получить что-нибудь из его кельи, и им посланы были два кувшина, в которых подвижник носил для себя воду; оба кувшина были наполнены водой из Серафимова источника. У одной из сестер Дивеевской общины, а именно Параскевы Ивановны, остался топорик, которым работал о. Серафим в пустыни. Сестра берегла его, еще при жизни старца, как необыкновенную драгоценность; потом согласилась передать его своей начальнице для хранения в пустынной келье о. Серафима. Г-жа Мария Колычева, бывшая в близком духовном общении с другим затворником того времени, Георгием, с восторгом писала ему, что она после смерти о. Серафима получила из его кельи белый полотняный платок, лампаду и стаканчик; обе последние вещи в звездочках. Две ряски, из оставшихся после смерти о. Серафима, переданы были сестрам Дивеевской общины, из коих одну сестра носила на себе, а другую выпросила для себя г. Колычева. Волосы о. Серафима, два раза выпадавшие, в виде войлока, с головы его после двух болезненных его страданий, хранились у дивеевской церковницы Ксении Васильевны и у саровского старца о. Феодосия. Камни, на которые старец для умерщвления искушений врага восходил молиться в течение тысячи суток, перенесены в Дивеевскую общину. Тот из них, на котором он стаивал днем в своей келье, находится в прежнем своем виде в Преображенской церкви в Дивееве. От другого из этих камней, на котором о. Серафим молился ночью пред открытым небом, остался один обломок, потому что благочестивые посетители Сарова, осматривая места, на которых о. Серафим подвизался, постоянно отбивали от него части и увозили с собою. И этот остаток, имеющий около аршина в диаметре, вскоре после кончины старца также перевезен в Дивеево и положен в той же Преображенской церкви. Келья, в которой о. Серафим подвизался в ближней пустыни, куплена Н. А. Мотовиловым и также перенесена в Дивеевскую обитель. В ней совершается теперь неусыпное чтение Псалтири за упокой в Бозе почивших лиц Царского рода, пастырей Церкви, о. Серафима, усопших сестер обите-

ли и других благодетельствовавших ей при своей жизни особ. А другая подвижническая келья о. Серафима в Дивееве же обращена в алтарь в храме Преображения Господня. Образ Царицы Небесной «Радости всех радостей», написанный на полотне, натянутом на кипарисную доску, стоявший в монастырской келье о. Серафима, находится теперь в соборе Дивеевской обители. Усердием Наталии Ивановны Богдановой на нем положена серебряная вызолоченная риза. Перед ним в определенный день недели поется акафист Спасителю и Божией Матери. Благочестивые посетители питают особое усердие к иконе сей и, по своей вере, получают от нее духовное утешение. Особенно известной сделалась одна вещь из оставшихся после о. Серафима. Незадолго перед кончиной своей он благословил начальницу Дивеевской обители Ксению Михайловну Кочеулову полумантией, которую сам носил. Когда сестра обители, Елисавета Андреевна Татаринова, отправлялась в Петербург за сбором подаяний, ей дана была в напутствие и мантия о. Серафима. Эта мантия в последнее время огласилась в Петербурге даром исцеления над дитятей, которому искусство первых в столице врачей отказывало в помощи. Из Евангелий, которые читал в келье о. Серафим, одно находится в Сарове, а другое — в Дивеевской обители у Е. И. Мотовиловой. Последнее Евангелие, в кожаном переплете, есть то самое, которое о. Серафим носил всегда с собой в сумочке за плечами. Рассматривая его, мы увидели, что в этом переплете собраны были вместе: Псалтирь, Евангелие, книги Деяний и послания святых Апостол. В Дивееве же хранится малая часть книги Четьи-минеи первой трети, тлевшая при пожаре, бывшем при кончине старца Серафима. Из этого перечня вещей, оставшихся после старца Серафима, видно, что большая часть из них приобретена Дивеевской общиной.

Затем после смерти о. Серафима, за исключением немногих нераспечатанных писем, ничего не осталось. Старец жил и умер, как выражено на его памятнике: «во славу Божию».

Имя его до сих пор ублажается по всей России. Не в одной Саровской пустыни или Дивеевской обители служат теперь панихиды о блаженном успении его, но и во многих других местах отечественной Церкви. Нам приходилось слышать поминование его в Петербурге, Москве, Киеве, даже в уездных городах и селах отдаленных мест нашего отечества.

Глава XXI

Дивеевская обитель в 1833 году. Жизнь в обеих общинах. Дружба и любовъ между сестрами; апостольские времена. Вечерние беседы и рассказы про батюшку о. Серафима. Увольнение Прасковьи Степановны Шаблыгиной от начальствования и выбор Александры Ивановны Булгаковой. Последующие начальницы: Ирина Семеновна Лифанова, Прасковья Семеновна Мелюкова и Ксения Ильинична Потехина. Болезнь и кончина Ксении Михайловны Кочеуловой. Посягательства Ивана Тихонова Толстошеева и поездка его в Воронеж к архиепископу Антонию. Интриги Ивана Тихонова против М. В. Мантурова и возвращение последнего нищим в Дивеево через Москву. Поездка Н. А. Мотовилова в Курск за собранием сведений о детстве о. Серафима. Болезнь Мотовилова и исцеление в г. Воронеже от архиепископа Антония. Исцеление болящих по молитвам батюшки Серафима после его кончины

Дивеевская обитель в 1833 году представляла из себя две разнохарактерные общины, расположенные на расстоянии 100–150 сажен друг от друга. Казанская общинка, основанная матерью Александрой, держалась строгого Саровского устава и имела всего 1332 кв. сажени земли, на которых было уже в то время 17 келий и огород. Она управлялась начальницей, избираемой между своими сестрами, и в это время начальствовала все еще старица Ксения Михайловна Кочеулова, известная своей строгостью и суровостью. В нее поступали по выбору начальницы и старые и малые, и вдовы и девицы. В 17 кельях жили в то время до 113 сестер, между которыми находилась дочь Ксении Михайловны Ирина Прокофьевна, по-

ступившая в 1840 году Елисавета Андреевна Татаринова и в 1842 году девицы из дворян Пензенской губернии Екатерина и Анна Васильевны Ладыженские.

Вторая общинка Серафимо-Дивеевская, или Мельнично-девичья, занимала принадлежавшую ей землю, пожертвованную генеральшей Постниковой в количестве трех десятин, на которой стояло 19 келий. К ней принадлежало 60 десятин земли, огородной и пахотной, купленной у г-на Жданова и пожертвованной М. В. Мантуровым и Н. А. Мотовиловым. Кроме девиц и малолетних детей, никто сюда не принимался по заповеди Царицы Небесной. В 19 кельях жило в то время до 125 девиц, в числе которых были великие рабыни Божии Прасковья Степановна — старица, исправлявшая должность начальницы после смерти Е. В. Мантуровой, блаженная Прасковья Семеновна Мелюкова, Евдокия Ефремовна — удостоенная видения Царицы Небесной в 1831 году в келье о. Серафима в день Благовещения, Анна Алексеевна, Ксения Васильевна и другие, известные из их собственных повествований в предыдущих главах летописи.

Между общинами и кругом них были контора г-д Баташевых, церковная земля, крестьянские пашни и владения еще многих помещиков. Службы и чтение Псалтири совершались в Рождественских церквах по порядку, заведенному самим батюшкой Серафимом. Убожество, бедность, плохая пища и глубокое горе в потере своего отца, великого прозорливца, собеседника Царицы Небесной, составляли теперь отличительные черты обители. Одним утешением была молитва пред образом Божией Матери «Радость всех радостей» о. Серафима, присланным Саровским игуменом Нифонтом, и взаимная любовь между сестрами обители. Жизнь их походила на апостольские времена: все было общее и взаимное, ничто не запиралось и не пряталось. Убитые горем сестры прилепились теперь еще больше к своему духовнику о. Василию Садовскому, который, как истинный пастырь и ученик Серафимов, сам жил любовью ко Христу, Царице Небесной и точным, сердечным исполнением заветов дивного старца. Невидимое присутствие о. Серафима в своей обители чувствовалось всеми, и старицы мысленно спрашивали во всем благословения у него. Вообще все стремились как можно чаще посещать могилу его в Сарове и в слезах передавали ему там, как бы живому,

все свои горе, недоумения и невзгоды. Вечером, за работой, сестры вспоминали счастливые свои годы жизни с батюшкой, его наставления, ласки, заповеди и случаи прозорливости угодника Божия. Об этом времени сохранились письменные воспоминания. Сестра Дарья Трофимовна рассказывала (тетрадь № 1), что когда она вступила в обитель, то сестры каждый вечер садились за общую работу, в кружок около горевшей лучины, так как тогда не было свечей, и кто что знал или слышал про батюшку Серафима, все рассказывали. «Я любила слушать, – говорила она, – и вот что осталось у меня в памяти. К батюшке Серафиму принесли на носилках одну больную, всю сведенную. Батюшка сказал ей: "Я буду молиться за тебя, а ты не смотри на меня!" Долго она сидела, поникнув головой, но потом взглянула на него и видит, что он с аршин выше полу, как на воздухе, стоит на коленях с воздетыми ручками и молится. Он, видно, почувствовал, обернулся и сказал: "Ведь я тебе сказал, чтобы ты не смотрела на меня, а что видела, то до моей кончины никому того не поведай!" Больная пошла от него совершенно исцеленной. Другой раз пришли к батюшке два купца, родные братья, просить у него молитв за усопшего отца, который опился, но еще не успели ничего сказать батюшке Серафиму, как он подошел к ним и обоим вложил в уста по просфоре, не приказав жевать их, а так понемногу глотать, пока размокнут. Сам он ушел в келью, а их оставил в сенках у своего гробика. Долго не выходил батюшка, а когда вышел и взглянул на них, они оба были почерневши и слезы катились ручьями по лицу. Он их спросил: "Трудно вам было?" Они сознались, что так трудно, едва не задохнулись. "Вот так-то трудно, – сказал батюшка, – вырвать душу из рук сатаны опившегося вашего отца, когда и Св. Церковь не принимает молитвы за опоиц!" Видно, в это время батюшка за него молился. Затем батюшка о. Серафим приказал им вылить колокол за душу их отца. Они были поражены удивлением, как батюшка все провидел, зачем они к нему приходили, без их слов и просьбы».

Прасковья Степановна Шаблыгина, начальница мельничной девичьей обители, была в 1833 году, после кончины о. Серафима, уволена по старости лет на покой. Старшей она была всего 6 лет. При назначении ее о. Серафим сказал Ксении Васильевне Путковой: «Она хотя и малого ума, матушка, хотя

бы и нужно вам из дворян, да словесную, да умную, но что же делать-то, никого еще нет, матушка; пускай пока послужит!» На ее место по выбору и желанию сестер была поставлена дворянка из города Уфы, девица Александра Ивановна Булгакова. Кратковременное ее управление ничем особенным не ознаменовалось; она была добрая, кроткая и хорошая. Через один год и несколько месяцев А. И. Булгакова упросила ее уволить по болезни от начальнической должности. Затем временно были выбираемы две начальницы: Ирина Семеновна Лифанова, крестьянская девица села Тойнакова, Нижегородской губернии и уезда, умершая менее чем через год, и Прасковья Семеновна Мелюкова, благодатная раба Божия, которая начальствовала с 1834 года по 1837 год и потом сама отказалась от должности, вследствие неприятностей с послушником Иваном Тихоновым, вмешавшимся в дела обители. В 1837 году снова упросили Александру Иванову Булгакову быть начальницей, но она через два года скончалась. Затем последней начальницей была строгая и суровая Ксения Ильинична Потехина, крестьянская девица деревни Вилейки, Нижегородской губернии, Ардатовского уезда.

Начальнице Казанской общинки, которой о. Серафим предсказал, что она хоть перед концом жизни, но непременно посидит в темнице, пришлось действительно пострадать. Будучи великой подвижницей и молитвенницей, она никогда во всю жизнь не пропускала церковной службы и как-то раз, невзирая на страшную гололедицу, пошла в церковь, поскользнулась, упала и сильно ушибла себе ногу. Внесли ее в келью, положили, но она так страдала от нестерпимой боли в ноге, что не была в состоянии даже выносить дневного света, поэтому она несколько месяцев пролежала в совершенно темной келье, с наглухо завешенными окнами, как бы в темнице. Предсказание о. Серафима сбылось, и старица уразумела смысл батюшкиных слов.

Ее похоронили у Казанской церкви, с правой стороны, недалеко от матушки Александры. Старица Дарья Трофимовна свидетельствует в летописном рассказе, что она была очевидицей следующего чуда (тетради № 1 и 4). «При кончине своей, — говорит она, — матушка Ксения Михайловна строго заповедовала исполнить ее завет: все 40 дней по ее смерти принимать и кормить всех, сколько бы ни пришлось, странных

и пришлых, что в точности и было исполнено. Я тогда была в стряпушечьем послушании при трапезе и самовидица совершившемуся в те дни чуду. До кончины матушки выходило каждодневно на обед и ужин 8 караваев хлеба, 1 мера круп и 1 мера пшена на кашу на одних только сестер; в продолжение же этих 40 дней, несмотря на то что очень много кормили всякий день странствующего народа, вышла как раз только половина всей этой пропорции, то есть каждодневно по 4 каравая хлеба, 1/2 меры крупы и 1/2 меры пшена, и все тогда очень дивились этому».

На память о Ксении Михайловне Кочеуловой в келье матери Александры остались: 1) икона древняя Скорбящей Богоматери, родительское ее благословение; 2) иконы страстей и бичевания Спасителя; 3) начальнический посох, деревянный, некрашеный и 4) часы с боем, привезенные ею еще из Тулы.

Матушка Ксения Михайловна 43 года начальствовала над общинкой.

После кончины батюшки о. Серафима послушник Иван Тихонов не только не бросил своей мысли и цели – быть покровителем и распорядителем в Серафимо-Дивеевской обители, но, забыв все наставления и приказания старца, решился настойчиво требовать подчинения себе общин, завещанных ему и оставленных будто на его попечение самим великим старцем. Ему даже пришла странная мысль поехать в Воронеж, под видом поклонения мощам святителя Митрофана, к архиепископу Антонию, также прозорливцу и святой жизни пастырю, чтобы «утешиться его беседой». Желание же беседы явилось вследствие будто бы *недоумения насчет ига, наложенного на него о. Серафимом, касательно Дивеевской обители.* Спрашивается: если бы действительно о. Серафим приказал ему заниматься Дивеевом, зачем было ему *недоумевать* и спрашивать высокопреосвященного Антония? С другой стороны, так как батюшка о. Серафим запретил ему вмешиваться в Дивеево и уговаривал не губить свою душу как чуждопосетителю, то могло ли помочь ему даже благословение Антония на покровительство общине? Наконец, как благодатный прозорливец, познавший духом час смерти о. Серафима, мог ли он остаться в неведении о воле великого старца насчет Ивана Тихонова, и затем, какой смысл был благословить или совето-

вать заниматься женской обителью канонарху-послушнику? Однако Иван Тихонов испросил себе паспорт и по благословению игумена отправился в Воронеж, а затем в 1849 году напечатал об этом рассказ (Сказания о подвигах о. Серафима, с. 109).

Для характеристики Ивана Тихонова нельзя оставить без внимания это его повествование, которому в то время верили и восторгались в Петербурге.

Когда послушник-канонарх Иван Тихонов, не повышенный до сих пор и не удостоенный игуменом Саровским даже сана иеродиакона, вошел к высокопреосвященному архиепископу Воронежскому Антонию, то он встретил его с истинно отеческой любовью, говоря: *«Я тебя ожидал, я слышал, что ты приедешь!»* (?) Оживотворенный таким вниманием, Иван Тихонов поблагодарил архиепископа. Тогда Антоний начал говорить следующее: «А об о. Серафиме я тебе скажу, что у нас еще ничего не было слышно об угоднике Божием Митрофане, еще не было никаких откровений, ни явлений, а о. Серафим вдруг пишет мне, не письмо, а несколько строк собственными своими руками и пророческим духом поздравляет меня с открытием св. мощей угодника Божия Митрофана!»

«После такого сладкого приветствия, – пишет Иван Тихонов, – я виделся с архипастырем ежедневно в продолжение целой недели. Лишь только ударял колокол к вечерне, он *посылал за мною* для беседования (?) и в течение трех или четырех часов сряду расспрашивал. Когда же я, между прочим, просил его, как великого архипастыря, разрешить мое недоумение насчет ига, наложенного на меня отцом Серафимом, касательно Дивеевской обители, по причине безмерных скорбей, полученных мной при этом послушании, то высокопреосвященный отвечал мне на это: *я не только ничего не могу изменить из назначенного тебе отцом Серафимом, но еще и сам прошу тебя до последних минут жизни не оставлять сирот дивеевских твоим попечением»* (??).

Действительно, вернувшись из Воронежа, Иван Тихонов начал учащать свои посещения родственницы, жившей в Казанской общинке, приобретать себе друзей между сестрами этой обители, и, вкрадчивый, льстивый и несколько начитанный, он привлек некоторых на свою сторону. Этому способствовала старость и болезненность Ксении Михайловны,

бесхарактерность ее дочери Ирины Прокофьевны и доверчивость некоторых сестер. Впрочем, Иван Тихонов в первое свидание производил удачное впечатление, и многие в нем сперва ошибались. Собственно к Серафимовой мельничной обители ему было труднее прикасаться, чем к Казанской общинке, сестры которой менее часто посещали о. Серафима и не знали его заветов. Среди забот о распространении земельных владений обители он увидел, что его замыслам будет всегда мешать Михаил Васильевич Мантуров, приобретший по приказанию о. Серафима 15 десятин. Эту землю Мантуров не отдавал обители, так как батюшка приказал лишь передать ее Дивееву после смерти Михаила Васильевича, а теперь держать и беречь как зеницу ока. Наконец, личное присутствие Мантурова на этих 15 десятинах, пока земля в его руках, парализовало бы все планы Ивана Тихонова, так как каждый знал, что Михаил Васильевич был единственный близкий и доверенный ученик о. Серафима, который никогда бы не признал Ивана Тихонова учеником великого старца и завещанным попечителем Дивеева. Напротив, о. Серафим запретил Михаилу Васильевичу видеться и беседовать с Иваном Тихоновым. Несмотря на трудное разрешение такого вопроса, Ивану Тихонову представился удобный случай. Чтобы быть истории беспристрастной, вернемся к биографии М. В. Мантурова, составленной Н. А. Мотовиловым и о. Василием Садовским.

«В 1822 году, – пишут они, – еще в пребывание Михаила Васильевича в Симбирской глуши у генерала Куприянова, 2 января скончался батюшка Серафим, а по его кончине вторгся насильственно в Дивеево, по предречению святого, некто просто мещанин города Тамбова Иван Тихонов Толстошеев, так называемый живописец, послушник Саровской пустыни. Видя, зная и вполне сознавая, какое имеет значение Михаил Васильевич для Серафимовой Мельнично-девической общинки, он понял, что в задуманных им планах своего честолюбия главной помехой всему и всегда будет Мантуров, почему, не задумываясь, при представившемся к тому наиудобнейшем случае, решился или удалить его, отстранив от общины, или же, того лучше, совсем погубить. Вот как это случилось.

Увидясь с приехавшим после войны в Саров генералом Куприяновым, который прибыл для поклонения могиле ве-

ликого старца о. Серафима и чтобы поблагодарить святого за его молитвы и заботы о приведении его имений и крестьян в порядок, Иван Тихонов обратился к нему с просьбой. Под видом самого смиренного, горячо преданного старцу и любимого его ученика, которому будто бы о. Серафим поручал печься о Дивеевской общине, он выставил Мантурова в самом наипревратнейшем виде, как бы явного притеснителя и чуть не грабителя, прикрывающегося личиной бескорыстного благожелания. Иван Тихонов молил генерала Куприянова именем почившего старца, ради любезного детища его Дивеевской обители, уговорить Михаила Васильевича или продать 15 десятин земли, купленной им при Дивееве, или же, если он на то добровольно не согласится, пригрозить ему и каким бы то ни было насильственным образом отнять землю у него для общины. Благодушный и доверчивый Куприянов, под впечатлением благодарной души своей к почившему праведнику, обещался все непременно исполнить. Почитая, что это ему возвестил как бы сам батюшка Серафим, генерал Куприянов принялся горячо за это святое, по его убеждению, дело. Таким образом настроенный Куприянов возвратился в свои именья и стал всячески уговаривать Михаила Васильевича отдать или же продать для Серафимовой общины эту землю в селе Дивееве, заповеданную ему батюшкой Серафимом. Но Мантуров, свято помня завет отца Серафима беречь ее как зеницу ока, не поддаваясь никаким уговорам, не прельщаясь и деньгами, прямо отказался исполнить желание Ивана Тихонова и своего доверителя. Когда же разгоряченный генерал стал грозить ему, говоря: "Да знаешь ли ты, что так же просто, как выпить стакан воды, я выпью всю твою кровь за такое упрямство?" — Михаил Васильевич ответил: "Хотя и совсем убьете вы меня, но я так же просто не отдам вам ни за что и ни за какие деньги эту землю, которую сам лично и наистрожайше, предвидя это, вероятно, по прозорливости своей, заповедал мне хранить до смерти сам батюшка Серафим и никогда, и никому, ни под каким видом, ни за что не отдавать ее и не продавать! Ничем не принудите меня нарушить этот завет святого старца! Что хотите, то и делайте со мной!"

Увы! В то время много мог сделать важный генерал со своими связями, и, взбешенный несогласием Мантурова, а также подстрекаемый письмами Ивана Тихонова, Куприянов

выгнал от себя с позором честного управителя, самим о. Серафимом данного ему, и даже, придравшись к какому-то не стоящему ни малейшего внимания пустяку, приказал отобрать у Мантурова все платье, даже Анны Михайловны, подушки и выпроводить без выдачи заслуженного им жалованья. И вышел прибывший к Куприянову за святое послушание на подвиг истинно верный и преданный даже до полнейшего самоуничижения послушник и ученик святого старца совершеннейшим в буквальном смысле нищим, с женою своею, из столь черно отблагодарившего его дома богача генерала Куприянова. Они побрели почти Христовым именем, пешком, в указанный им и Богом назначенный, благословенный Дивеев. Михаил Васильевич, радуясь тому, что сберег заповедь святого отца своего, совершенно покойный в совести, невзирая на горечь этой скорби, с удивительным терпением, бодро переносил испытание и старался поддерживать в том же настроении и жену свою Анну Михайловну. Но когда они дошли до Москвы и остановились в городе, ввиду совершеннейшей уже невозможности следовать далее, за буквальным неимением даже куска насущного хлеба, Михаил Васильевич упал было духом. Жена его мучилась голодом и, почти умирающая от истощения, невольно роптала и тем еще более увеличивала нравственные муки Михаила Васильевича. В этом положении Мантуров стоял у Иверской часовни и пред чудотворным образом изливал свою скорбь Матери Божией, ради славы Которой он самопроизвольно обнищал и отдал Ей все свое земное благосостояние. Величайший подвижник не просил помощи ни у кого, кроме Царицы Небесной! Воистину не напрасна была молитва, и услышала его Матерь Божия! Возвращаясь из часовни, Михаил Васильевич по дороге запнулся ногою за что-то и нашел кем-то рассыпанные 60 коп. мелкими деньгами. Подумав, не явится ли владелец их, и, не видя никого, он поднял деньги, считая их за подаяние от Самой Царицы Небесной, и радостно возвратился к жене, успокоил ее и накормил. Несколько времени жили Мантуровы таким образом, получая почти каждодневно необходимую для пропитания их милостыню, через Михаила Васильевича, от Иверской Царицы Небесной до тех пор, пока раз кто-то совсем ему неизвестный, даже и не глядя на него, к немалому удивлению Мантурова, сунул в его руки какую-то бумажку

и скрылся. Развернув бумажку, Михаил Васильевич увидел, что это деньги, и в несказанной радости возвратился домой и рассказал все жене своей. Возблагодарив Господа за столь явное чудо Матери Божией, они тут же собрались и двинулись в путь по направлению к Дивееву. По дороге они видели также немало чудес с собою, и, по свидетельству о. Василия Никитича Садовского, он, ради жалости и правоты их, отдал Михаилу Васильевичу заимообразно от своей собственной бедности сбереженные на черный день последние 75 рублей ассигнациями. Купив на эти деньги маленький срубок и построив домик, Мантуров поселился таким образом на столь дорого ему доставшейся и заповеданной батюшкой Серафимом земле вместе с женой своей Анной Михайловной, и жили они тут в крайней бедности, питаясь от труда рук своих».

Николай Александрович Мотовилов, человек горячего и искреннего сердца, был в то время холост и, дабы действительно послужить памяти о. Серафима и исполнить его заповедь относительно Дивеева, решился сам поехать на родину великого старца в Курск, собрать сведения о детстве и юношестве его, а также посетить Киевский Флоровский монастырь и расспросить о монашествовавшей в нем Агафье Семеновне Мельгуновой, основательнице Казанско-Дивеевской общинки. В Сарове Н. А. Мотовилову передали, что о. Серафим перед кончиной приказывал многим писать, чтобы эти лица приехали свидеться с ним, но когда он узнал, что они не будут, то передал некоторым инокам предсказания свои и откровения, относящиеся до этих лиц. Так, Николаю Александровичу было приказано сказать: «Скажи, что чего он домогается (то есть получения руки Екатерины Михайловны Языковой), это не для него, а ему готовится другая...» Николаю Александровичу, жившему большей частью в его Симбирском имении, не были известны отношения о. Серафима к Ивану Тихонову, поэтому он легко поддался вкрадчивому этому послушнику, который выдавал себя за любимейшего ученика Серафимова и рассказами о батюшке, предсказаниях его, чудесах, своих беседах с ним, о прощании с ним перед кончиной и проч. приблизил Николая Александровича к себе. Мотовилов все добытые сведения о родителях о. Серафима в г. Курске и о самом великом старце передал по возвращении из путешествия Ивану Тихонову, который и воспользовался этим при

издании сказаний о подвигах о. Серафима в Петербурге в 1849 и 1856 годах. Зато эта поездка имела весьма дурные последствия для самого Николая Александровича; он беспричинно заболел сильным нервным и душевным расстройством. Так как лекарственные средства не помогали ему, то Николай Александрович поехал опять в Воронеж к архиепископу Антонию, который признал, что болезнь произошла по попущению Божию, от врага, излившего на него свою месть за труд, послуживший к прославлению имени великого угодника Божия отца Серафима. В продолжение нескольких месяцев он излечился совершенно, будучи часто причащаем Христовых Таин святителем Воронежским Антонием.

Не прошло полугода после кончины старца о. Серафима, как одна сестра Дивеевской обители, Варвара Кондратьевна, подверглась неизвестно отчего припадкам беснования. В этом состоянии, теряя рассудок, она билась о землю, в исступлении рвала на себе волосы, с неимоверной силой порывалась бежать прочь от людей без определенной цели. В одну ночь видит она себя в Дивеевской церкви во имя Рождества Христова; тут была одна из сестер (Д. Ф.) и старец Серафим. Старец, взяв ее руку, вложил в свою, а под другую руку приказал взять сестре и, введя больную в алтарь, обошел с нею кругом престола: она вдруг почувствовала себя легко и хорошо. Проснувшись, она сотворила крестное знамение, осмотрелась кругом, ощупывала свою остриженную голову, все ясно понимая, и встала сама совершенно здоровою. С тех пор уже не подвергалась прежним припадкам и доселе пользуется здоровьем. (См. изд. 1893 г.)

В июне 1833 года г-жа Колычева писала к Георгию, затворнику Задонскому, из Сарова: послушник саровский Феодор, уроженец города Козлова, Тамбовской губернии, живши в мире, был подвержен беснованию и тяжко страдал. Испытав тщетно разные средства лечения, он явился к игумену Саровской пустыни о. Нифонту и со слезами просил принять его в обитель на жизнь покаянную, сознавая, что Господь за грехи попустил ему нести страшное искушение от диавола. Вняв убедительной просьбе, игумен принял его в обитель. С полным усердием новоначальный инок исполнял возложенные на него послушания, а немногие свободные часы отдыха употреблял на молитву, оставляя для сна самое краткое

время. В один день, после слезной к Богу молитвы, едва предался он дремоте, в тонком сне узрел пред собою старца Серафима в той одежде, какую обыкновенно он носил в последние годы. Явившийся советовал ему отслужить молебен Божией Матери и панихиду об убогом Серафиме и по исполнении сего обещал ему выздоровление. С несомненною верой в действенность молитвы почившего в Бозе о. Серафима молодой инок немедленно выполнил повеленное старцем. По окончании молебного пения Богородице была совершена панихида. Когда диакон начал возглашать: *«Во блаженном успении вечный покой подаждь, Господи, усопшему рабу Твоему иеромонаху Серафиму»* – Феодор пал на землю и начался с ним припадок, во время коего в ужасных конвульсиях изо рта его показался дым, замеченный всеми тут находившимися. После сего он оставался около получаса в бесчувственном положении и с тех пор за молитвы старца Серафима навсегда освободился от беснования.

Два года спустя после кончины о. Серафима сестра Дивеевской обители Наталья Кирилловна была больна горячкой и уже находилась при дверях гроба, так что, отчаявшись во всех способах врачевания, ее соборовали св. елеем. Во время болезни она совершенно потеряла владение рукой, и ее перекладывали на постели, подложив платок. Однажды видит она во сне о. Серафима. Он говорит ей: «Что ты, матушка, не придешь ко мне на источник?» Она отвечала: «Я больна, у меня рука отнялась». «Которая?» – спрашивает старец. «Правая». Старец, взяв ее за больную руку, поднял, повторяя: «Приди ко мне на источник».

Проснувшись, она нашла руку свою исцеленной и могла действовать как здоровой. Но, будучи слаба от бывшей горячки, не могла идти пешком в Саров; в тот же день ее повезли туда, облили водой из источника о. Серафима – и она получила полное выздоровление и обновление сил (рассказ самой сестры, 1862 г. июля 20 дня).

Сестра Дивеевской обители Ф. В. сделалась больна глазами. Накануне нового 1835 года видит она сон, что находится в церкви Тихвинской иконы Божией Матери. Отец Серафим выходит из Царских врат в белой ризе, подает воздух и велит отереть им глаза, а сам стал позади нее. Она спросила его: «Ты ли это, батюшка?» Серафим отвечал: «Какая ты, радость

моя, неверующая! Сама же просила меня, а не веришь, ведь я у вас обедню совершаю». После сего Серафим сделался невидим. С этого времени болезнь глаз прошла у сестры. (Рассказ самой исцелевшей.)

Ив. Яковл. Карат-в рассказывал о себе, что в 1833 году, возвращаясь в полк свой из домового отпуска, он, по молитвам старца Серафима, которого призвал в минуту опасности, был спасен от разбойников, напавших на него в дороге.

Ротмистр Африкан Васильевич Теплов, питавший особое уважение к о. Серафиму и им любимый, в 1834 году приехал в Саров с семейством, в котором трехлетняя дочь болела ногами и почти не могла стоять. Отслужив панихиду на могиле почившего старца, понесли дитя к Серафимову источнику, твердо веруя, что Господь за молитвы старца помилует больную. Напоив дитя водой из сего источника и омыв ноги, взяли этой воды в монастырь с намерением отслужить над ней молебен с водоосвящением. При входе в монастырь дитя вдруг попросилось долой с рук няньки, выражая стремление идти самой. Нянька, после долгого сопротивления, наконец решилась пустить и, взяв за руки, повела ребенка, но девочка выдернула свою руку и побежала вперед сама, как здоровая. Обрадованные чудом сродники исцелевшей поспешили на могилу о. Серафима и со слезами благодарили его за милостивое ходатайство о них.

В 1846 году второй сын ротмистра А. В. Теплова вывихнул себе ногу и страдал от боли около 2 лет. Между тем пришло время определения его на службу. Твердо уповая на предстательство и помощь о. Серафима, много являвшего благодеяний семейству его, А. В. Т. отправился в Саровскую пустынь. Отслужив панихиду по старцу Серафиму, несмотря на холод (это было 21 декабря 1838 г.), он отправился на источник о. Серафима с двумя сыновьями, и больной вымыл водой из источника свою ногу. Через несколько часов оба брата пошли опять на источник. Болящий из них облился водой с головы до ног и потом на коленях перед иконами, утвержденными на особом столбе в часовне у источника, долго молился вместе с братом, прося Бога помиловать его за молитвы о. Серафима. Возвратясь домой, больной объявил, что не чувствует уже боли в ноге, и ныне, находясь в совершенном здоровье, служит в кавалерийском полку.

Манатейный монах Саровской пустыни о. Киприан писал в 1840 году: «По смерти о. Серафима досталась мне шапочка из черной крашенины, которую он обыкновенно нашивал на голове своей. Издавна я подвержен был сильной и продолжительной головной болезни, от которой лежал по нескольку дней в постели. С приобретением шапочки я стал надевать ее на себя при появлении болезни и мысленно просил молитв о. Серафима об избавлении меня от страданий. С возложением на себя шапочки всякий раз боль проходила. Такое же действие в зубной болезни приводилось мне испытывать неоднократно от обломка того камня, на котором блаженный о. Серафим подвизался в пустыни, когда я сей обломок клал на больные зубы».

Нижегородской губернии, Ардатовского уезда, села Большого Череватова, удельный крестьянин Г. Д. С. в 1848 году на дороге в село Окиль почувствовал припадки холеры. По вере к старцу Серафиму поехал он поспешно на источник о. Серафима, умылся, окатился и напился воды из источника – и от этого почувствовал такое облегчение, как будто никогда болен не был.

Однажды привели к источнику о. Серафима бесноватую женщину: несчастная драла себя за волосы, рвала свою одежду и ужасно кричала. На нее начали лить воду из источника, и она закричала: «Пустите, пустите, замучил меня монах!» Несмотря на то, на нее продолжали лить воду до тех пор, пока она не пришла в спокойное состояние и забылась. Придя в себя через несколько времени, она стала совершенно здорова, оградила себя крестным знамением, сама напилась воды из источника – и с того времени доныне прежние припадки не возвращались к ней.

Помещик Нижегородской губернии Д. А. А., благотворитель Дивеевской общины, об упокоении души которого ежедневно читается Псалтирь, по правилам той обители, под старость лишился зрения, так что ничего не мог видеть. С этой потерей он лишился и другого наслаждения, которое чувствовал при чтении книг Св. Писания и отцов Церкви. Занятие это было единственным утешением его старости. Отягченный скорбью, он послал нарочного к двоюродной сестре своей, Е. А. Б., с уведомлением о своей печали и с просьбой навестить его. Сестра, услышав от посланного о несчастии

брата, тотчас же послала ему воды из источника о. Серафима, которую она всегда имела у себя в доме. Этот подарок очень утешил старца, и он немедленно приступил к исполнению переданного от сестры наставления, как поступают с этой водой. «Я приказал, – говорил он, – подать себе чистое полотенце, намочил его водой от источника Серафимова и потом приложил его к больным своим глазам с молитвой: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами угодника Твоего Серафима исцели меня.* Я повторил это три раза. И вот, когда через несколько минут я отнял в первый раз полотенце от глаз своих, я увидел все, что меня окружало, как бы в каком-то тумане или как бы сквозь самое частое сито. Во второй раз я начал уже различать предметы и, наконец, после третьего раза я в состоянии был даже читать; болезнь моя совсем миновала. Изумленный этим внезапным и столь чудесным исцелением за молитвы угодника Божия Серафима, я поспешил прежде всего в Саровскую пустынь, чтобы отслужить здесь благодарственный молебен Господу Богу и Пречистой Его Матери и панихиду по о. Серафиме, а потом положил себе за правило ежегодно уделять часть своих доходов Дивеевской женской общине, зная, какое отеческое попечение имел о ней благодетельный старец Серафим».

Года за полтора до кончины о. Серафима Н. М. К., бывши со своей женой в Сарове, в беседе со старцем получил от него одно приказание, вроде заповеди, для жизни супружеской. Отец Серафим с ангельской улыбкой сказал: «Если вы этого не исполните, то ты и она скоро умрете». Пока жив был о. Серафим, с помощью Божией они соблюдали заповедь старческую, но потом мало-помалу стали позабывать ее и несколько раз преступили. После этого внезапно Н. М. К. сделался болен расслаблением всех членов и чем-то вроде сильной горячки, так что через две недели после того, как слег в постель, он лишился голоса, губы его помертвели, и он был совершенно безнадежен. В тот самый день, когда уже смерть готова была взять свою жертву, утром приходит к нему пользовавший его лекарь Д. А. В. и рассказывает окружавшим больного свой сон; ему представилось, что он шел к К., и вдруг попался ему навстречу седой старичок, в лаптях и в рубище, который остановил его и сказал: «Ты идешь лечить его? Ты его не вылечишь, и он должен умереть; но ты скажи ему, чтобы он

дал перед Богом какой-нибудь обет — и тогда он останется в живых». Больной слышал этот рассказ лекаря и по уходе его стал размышлять о слышанном. Тотчас понял он, что этот старичок был не иной кто, как отец Серафим, хотя уже скончавшийся, и что настоящая болезнь была следствием нарушения заповеди. Тогда К. начал горько раскаиваться в своем поступке и дал обет Богу, что если останется в живых, то возьмет под свой покров одну из своих родственниц, сироту девицу Надежду. Только что он сделал в душе своей этот обет, как почувствовал мгновенно облегчение болезни: через несколько минут сел сам собой на постели и потом начал звать жену обыкновенным голосом здорового человека, и вместе с ней изливал перед Господом радостные слезы о дивном, благодатном исцелении, дарованном ему отцом Серафимом. На другой же день больной стал ходить по комнатам и вскоре совершенно выздоровел.

Известный и всеми уважаемый под именем *Святогорца* русский подвижник Афона иеромонах *Серафим*, в схиме Сергий, в своих келейных записках передает следующее обстоятельство. «В 1849 году при моем отъезде из Вятки я заболел. Болезнь моя была убийственна: я не думал, что останусь жив, потому что враг сильно восстал на меня. Никакие средства обыкновенные не могли меня восстановить и возвратить мне силу и здоровье. Я отчаялся. Только в первый вечер 1850 года вдруг как будто кто-то тихо говорит мне: “Завтра день кончины о. Серафима, Саровского старца, отслужи по нем заупокойную литургию и панихиду — и он тебя исцелит”. Это меня сильно утешило. А надобно было сказать, что я хотя лично и не знал о. Серафима, но в 1838 году, бывши в Сарове, посещал его пустынку и с той поры возымел к нему веру и любовь. Эта сердечная привязанность и вера еще более утвердились во мне, когда в 1839 году мне снилось, что я служу молебен о. Серафиму, от всей души и громко воспевая: “Преподобне отче Серафиме, моли Бога о нас!” Только по шестой песни мне нужно было читать Евангелие, и меня затрудняла мысль, какое же читать Евангелие — преподобного, такое ли или другое какое? Вдруг кто-то говорит мне: “Читай от Матфея 36-е зачало” При этих словах таинственного голоса я пробудился. С той поры и поныне я искренно верую, что о. Серафим — великий угодник Божий. Но обращусь к начатому.

По тайному внушению, убеждавшему меня к поминовению о. Серафима, я попросил, сам будучи не в силах, отслужить по нем литургию и панихиду, и лишь только это сделал – болезнь моя миновалась: я почувствовал чрезвычайное спокойствие, избавился от насилия неприязненного. И с той поры поныне благодатью Божией здоров» (Сочинения и письма Святогорца. СПб, 1858, с. 209).

Е. П. М. рассказывала такой случай со своей теткой. В 1854 году она приехала в Дивеевскую обитель помолиться и после всенощной, вспотевши, выпила два стакана воды, отчего открылась в ней сильная горячка. Три недели больная не пила, не ела и не спала; на четвертой неделе болезни сделался обморок. На выздоровление не было надежды; больная была напутствована Таинствами к смерти. Но бывшая спутницей больной смоленская инокиня, ездившая для сбора подаяний на свою обитель, повергшись перед иконой Богоматери, молила о. Серафима испросить у Царицы Небесной продолжение жизни болящей. Однажды утром она подходит к болящей и говорит: «Какой я видела сон о вас». Больная с трепетом сказала: «Верно, о моей смерти?» – «Нет, вы будете живы и здоровы. Отец Серафим мне сказал». Больная, не поднимавшая доселе головы с подушки, встала и села, говоря: «Ну, рассказывай скорее!»

Та рассказала, что о. Серафим, успокаивая ее, сказал ей: «Будь спокойна, раба Божия Евдокия будет жива. Я молил Господа и Пречистую Его Матерь».

Потом видела во сне, что будто он взял больную, повел по канавке, обвел кругом собора и привел к образу Умиления Божией Матери, вложенному в стене собора.

Выслушав сей рассказ, больная почувствовала себя совершенно здоровой. На другой день, желая подышать свежим воздухом, велела кучеру везти себя куда-нибудь, не назначая пути. Он повез ее по канавке, потом обвез кругом собора и к образу Божией Матери Умиления. Так исполнились слова старца Серафима, сказанные в сновидении смоленской инокине. (Это исцеление записано было рукой самой болящей под иконой, стоящей на источнике.)

В 1856 году единственный сын вице-губернатора Костромской губернии, действительного статского советника А. А. Борзко, будучи восьми лет, начал страдать спазмами в желудке.

Болезнь эта, сначала довольно легкая, скоро превратилась в сильную с припадками. Спустя некоторое время спазмы прекратились, заменясь тоской, так что дитя, совершенно веселое и здоровое, вдруг делалось скучным. Тоска усиливалась постоянно, и припадок оканчивался слезами, а нередко и появлением пены изо рта. Наконец явились спазмы в дыхательном горле. Припадки болезни обнаруживались в день раз по пяти, а ночью дитя спало спокойно, только в последний период болезни припадки стали появляться и ночью. Медицинские пособия мало приносили пользы, и родители опасались уже лишиться своего сына, и только упование на милость Божию сохраняло в них еще некоторую надежду. В это время хорошо знакомая сему семейству рясофорная монахиня Костромского женского монастыря С. Д. Дав-ва, нынешняя игуменья той обители, отправляясь посетить некоторые монастыри русские, подарила матери больного дитяти описание жизни и подвигов отца Серафима Саровского. Родители часто читали вместе эту книгу, дивясь подвигам старца и действиям благодати Божией, в нем открывшимся. Была половина сентября, а болезнь дитяти, начавшаяся в июле, все продолжалась. В одну ночь ребенок видит во сне Спасителя в красной одежде, окруженного Ангелами, Который говорит ему: «Ты будешь здоров, если исполнишь то, что тебе приказано будет старцем, который к тебе придет». Когда это видение кончилось, явился старец и, назвав себя *Серафимом*, сказал дитяти: «Если желаешь быть здоровым, возьми воды из источника, находящегося в Саровском лесу и называемого Серафимовым источником, и три дня утром и вечером водой этой омывай себе голову, грудь, руки и ноги и пей ее». Этот сон ребенок рассказал няне, которая передала родителям, перед которыми и сам он повторил свой рассказ. Возблагодарив Бога за милость Его, родители недоумевали, как достать воды, и предались воле Божией, надеясь, что Господь укажет им способы к сему. Наутро больной ребенок рассказал другой сон. К нему явилась Божия Матерь, окруженная Ангелами, и с любовью приказывала исполнить непременно то, что советовал о. Серафим. Это второе видение еще более удостоверило родителей в заступничестве отца Серафима и милосердии Божием к больному. Тогда как они рассуждали о том, как достать воды, приносят записку от С. Д. Дав-вой, которая

извещала мать больного о своем возвращении из путешествия. Первой мыслью родителей было просить Д-ву научить их, как достать из Сарова воду из источника Серафима. В ответ на эту просьбу она прислала бутылку воды, почерпнутой в источнике о. Серафима. Видя в сем особую милость Божию, возблагодарив Бога, начали употреблять воду по наставлению, данному во сне. Дитя, постепенно оправляясь, совершенно выздоровело. Тогда же родители, если не за себя, то за сына, дали обет непременно быть в Сарове и помолиться на гробе отца Серафима. Обстоятельства службы и семейные только в 1860 году июля 14-го дали возможность г. Б-ко вместе с сыном исполнить свое обещание – быть в Сарове. И тогда он собственноручной запиской объявил настоятелю Саровской обители об исцелении своего сына по предстательству блаженного старца Серафима.

Тамбовской губернии, Шацкого уезда, помещик полковник В. А. Пан-в страдал постоянно головной болью. В 1857 году приехал он к 15 августа в Саров, в самый праздник Успения Пресвятой Богородицы. Отстояв в больничной церкви раннюю обедню, он пожелал до поздней сходить на источник отца Серафима. Но мысль, что жена будет дожидаться в гостинице с чаем, смущала его, и он уже направил шаги свои к гостинице, но вдруг, сам не зная как, очутился по дороге к источнику. Пришедши туда, он все боялся облить водой больную свою голову, чувствуя в ней шум и ломоту, а утро было холодное, сырое, и шел маленький дождь. Здесь невидимая рука Божия устроила его исцеление чудесным образом. Нечаянно ноги его поскользнулись на мокрой глине, и он упал у источника прямо головой под желоб: невольно облит он был весь целительной водой. Не боясь более простуды, больной, поднявшись на ноги, сам несколько раз еще обливал голову и не чувствовал ни малейшей боли.

Когда полковник П-в возвращался в монастырь, с ним встретился крестьянин, который поведал, в свою очередь, следующее о своем исцелении: «Вот меня сегодня исцелил батюшка Серафим! У меня болела рука, распухла, рделась и не поднималась, я и пришел в Саров с этой болезнью. Сегодня помочил ее два раза водой из источника, и рука совершенно стала здорова». Пришедши в гостиницу, полковник рассказывал всем об этих двух исцелениях.

В 1858 году сестра общины Дивеевской Евдокия, в среду на пятой неделе Великого поста, вместе с другими сестрами набивала льдом огромный общий ледник, глубиной в три сажени. Нечаянно поскользнувшись с доски, положенной над срубом, она упала на самое дно ледника, где было несколько льду, набросанного острыми глыбами. Несчастная от сильного удара не испустила ни малейшего стона. Прочие сестры в это время все были вне ледника, хлопотали около саней своих. Когда старшая заметила, что нет одной из них, спросила: «Где Евдокия?» Никто не знал, что сказать. Взошедши в ледник, они на дне его, в темноте, увидели ее в своей одежде. Ужас поразил всех; полагали, что она уже мертвая. Двое мужчин с помощью сестер с величайшим трудом вынули ее из ямы. Видя, что она жива еще, возблагодарили Господа, отнесли ее в самую ближайшую келью, побежали за духовником и, по благословению настоятельницы, послали в село Вертьяново за лекарем. Спустя несколько часов страдалица пришла в чувство, исповедалась и приобщилась Св. Таин; жаловалась на смертельную боль в боку и в голове, на которой показалось много шишек. Приехавший лекарь сделал необходимое кровопускание, но сказал, что ушиб очень опасный. Весь бок разнесло опухолью: нельзя было узнать, нет ли перелома в ребрах, а прикосновение к ним повергало больную в продолжительный обморок. Через четыре дня перевезли ее в больницу, но и там страдавшая вскрикивала и стонала, когда четверо едва могли взять ее, чтобы приподнять на подушки; лежала она все на одном правом боку. Спустя две недели после ушиба, в течение которых она почти не спала от боли, в полночь на Великий четверток забылась она тонким сном и видит, что батюшка Серафим, вошедши в келью, где лежала больная, сказал: «Я пришел навестить своих нищих; давно здесь не был» — и, говоря это, подошел к кровати больной. Она с горькими слезами говорит ему: «Батюшка, как у меня бок-то болит!» Старец, сложивши три перста правой руки, крестил ее расшибленное место, говоря: «Прикладываю тебе пластырь и обязания». Повторивши это три раза, он стал невидим. Евдокия открыла глаза — в келье была совершенная пустота и тишина. Она опять заснула скоро. Проснувшись в 5 часов утра, увидела себя лежащей на больном боку, не чувствуя никакой боли. Припомнив явление к ней батюшки Серафима, она

говорила: «Я долго чувствовала, как будто пластырь лежит на ушибленном месте». В тот же день больная одна, без всякой помощи, встала с кровати, прошла несколько раз по келье и рассказывала всем о чудесном своем исцелении, исповедалась и приобщилась Св. Таин, укрепляясь духом и телом за молитвы старца Серафима.

Рязанской губернии и уезда крестьянская молодая женщина Ольга И. получила припадки мучительной болезни, которая сопровождалась икотой, зевотой, омрачением зрения и исступлением. Она терзала себя, кричала, показывала неестественную силу и рвала в лоскутья свою одежду. Страдания ее продолжались 8 лет. В 1858 году с тремя странницами она пошла в Саров и Дивеево; дорогой чувствовала иногда припадки, но могла еще идти. По мере приближения к Сарову припадки ее усиливались, а увидав его, она легла на дороге и решительно не хотела идти далее. С большим усилием привели страждущую в Саров. После молебна Царице Небесной и панихиды по отцу Серафиму отправилась она со спутницами своими на его источник. Здесь припадок был необыкновенно сильный, она кричала: «Что ты меня душишь! Я силен, что ты меня вяжешь? Я выйду, выйду!» Ее ударяло несколько раз замертво о землю, часа два она была слепой и немой. Наконец злой дух закричал: «Три вышло, один остался». Спустя сутки она приобщилась в Сарове Св. Таин и отправилась в Дивеево. Не доходя же за полверсты до монастыря, она упала на землю. Несколько раз на дороге перевертывало ее как колесо, с большим усилием довели больную к вечеру до гостиницы, всю ночь больная провела в беспокойстве и убежала бы, если бы ее не держали. Утром, не сказывая куда, повели ее в церковь Преображения Господня, где пустынка преподобного отца Серафима обращена в св. алтарь и где хранится вся его одежда. Неестественная сила противилась силе нескольких человек, когда тащили ее в церковь. Злой дух кричал: «Выйду, выйду, буду молчать». С распростертыми руками, ногами и раздувшейся шеей и животом потащили ее к камню Серафимову. Положив на него больную, накрыли ее мантией, возложили на нее эпитрахиль старца: больная сильно кричала, и, после того как на руки надели ей рукавички отца Серафима, она сделалась как бы мертвая. Мало-помалу шея, живот и все члены начали приходить в естественное

положение; пробыв без чувств часа полтора, больная совершенно пришла в себя, молилась со слезами, благодарила Господа и угодника Его за свое исцеление, но была слаба, не могла говорить много, а все рассказываемое о ней спутницами подтверждала, подтверждала и то, что ей никогда не было так легко и покойно, как теперь. Настоятельница общины благословила ее на дорогу портретом отца Серафима и частичкой от его камня. На другой день, отстоявши обедню, молебен и панихиду, она отправилась в Москву и доселе пребывает здоровой.

Города Пензы мещанская жена Евдокия Очкина рассказывала следующее: «В 1843 году ходила я в саду с трехлетней дочерью моей Елисаветой; не знаю, как к бахроме моего платья пристал репей. При снятии его, вероятно, соринка отлетела и попала в глаза девочки. Елисавета моя вдруг вскрикнула и, закрыв оба глаза, стала плакать, проливая потоки слез. Я призывала старушек осмотреть, что с нею; они искали сор языком, выворачивали глаза на кольцо, но дочь моя окончательно лишилась зрения. Прошел год; в Пензу приехал из Петербурга доктор; я носила к нему слепую, но ее глаз невозможно было и ему рассмотреть: никакие средства не помогли ему открыть сжатых и как бы сросшихся век. Доктор отказался от помощи. Еще год спустя ослепшая дочь моя сидела около меня на полу, я положила ей на колени игрушек: она ощупью перебирала их. Я плакала, глядя на нее, и говорила мысленно: “Отец Серафим! Помолись Господу, чтоб открылись глаза слепой моей дочери; я к тебе в Саров пойду пешком”. В эту самую минуту она вспрыгнула на ноги и бегом побежала по комнате. С тех пор она стала видеть, как и прежде; но, проживши около двух лет, скончалась; я же, грешная, совсем забыла о данном мною обещании насчет путешествия в Саров и за это была вторично наказана. Другая дочь моя, Мария, будучи тоже трех лет, сильно заболела глазами; примочки и лекарства не помогали ей, тут-то я вспомнила, что обещалась идти в Саров. Не мешкая нимало, я отправилась в путь, и в тот же самый день, как служила панихиду по батюшке Серафиме, малютка моя исцелилась. Только на одном глазу остался знак — не то чтобы бельмо, но маленькое пятнышко, которое, впрочем, не мешает ей видеть, как бы в память того, что мать забвением обещания прогневала человека Божия». (В 1858 году она

была в Дивееве со своей 15-летней дочерью Марией и все написанное рассказала сама.)

В 1859 году жена почтмейстера города Темникова, получив из Сарова портрет старца Серафима, писанный на осколке от камня, на котором старец стоял и молился, хотела послать его в подарок своему благодетелю в Тамбов. С этой мыслью, забывшись сном, она видит старца Серафима, который, строго взглянув на нее, сказал: «Почему же ты не хочешь сама иметь мой портрет?» — и с этими словами ударил ее по плечу. Проснувшись от сего, она почувствовала трясение во всем теле; плечо, по которому был сделан удар, и рука совершенно оцепенели, как бы разбитые параличом. Она немедленно отправилась в Саров, отслужила панихиду, с усердием молилась на могиле о. Серафима и тут же получила совершенное исцеление от своей болезни.

Г-жа Ал-ва, будучи беременна, весьма боялась приближения времени родить, так как роды всегда были особенно тяжелы для нее и опасны. В это время зашел к ним в дом странник, у которого было описание жизни старца Серафима. Прочитав эту книгу, г-жа А. после молитвы к Господу Богу положила свое упование на блаженного старца Серафима и просила его помощи. После этого она почувствовала себя гораздо лучше; всякий страх прошел уже, было что-то радостное на душе. Наступило время родов. Без всякой помощи от людей, призывая на помощь только Богоматерь и старца Серафима, А-ва родила без прежних страданий сына, которого назвала *Серафимом*. (Собственноручное письмо г-жи Ал-вой к настоятелю Саровской обители.)

Глава XXII

Блаженная Пелагея Ивановна Серебренникова в Дивееве
(Жизнеописание. Тверь, 1891 г.)

Все страдания, которые переносила Пелагея Ивановна в Арзамасе, приготовляли ее к переходу в Дивеево, куда предназначил ее прозорливый о. Серафим, при первом еще свидании с ней. «Иди, матушка, иди немедля в мою обитель, – сказал старец, – побереги моих сирот-то, и будешь свет миру, и многие тобою спасутся!» Много препятствий нужно было преодолеть ей, много скорбей и истязаний нужно было претерпеть страдалице, чтобы наконец сами родные убедились в том, что ее надо отпустить в Дивеево, где ей предназначено было просиять своими необычайными подвигами. Мать хлопотала о том, как бы ее сбыть с рук, даже предлагала за то деньги и говорила: «Намаялась я с нею, с дурою». Но Пелагея Ивановна отказывалась идти в предлагаемые монастыри и только твердила одно: «Я дивеевская, я Серафимова и никуда не пойду». И слова ее исполнились. В 1837 году сестра Ульяна Григорьевна, дивная старица, опытная в духовной жизни и прозорливая, любвеобильная и страннолриимная, по какому-то делу отправилась в Арзамас с двумя послушницами. Когда они ехали городом, вдруг откуда ни возьмись бежит к ним Пелагея Ивановна, влезает в их повозку и зовет их к себе: «Поедемте к нам чай пить. Отец-то хоть и неродной мне и не любит меня, да он богат, у него довольно всего, поедемте». Прибыли по ее зову дивеевские и рассказали все домашним. Ульяна Григорьевна, имевшая дар прозорливости, сказала матери: «Вы бы отдали ее к нам, что ей здесь юродствовать-то?»

Возрадовалась, услышавши это, Прасковья Ивановна. «Да я бы рада-радехонька, если б вы ее взяли и если б пошла она, — отвечала мать. — Ведь нам-то, видит вот Царица Небесная, как надоела она; просто — беда. Возьмите, Христа ради, вам за нее мы еще и денег дадим».

Ульяна Григорьевна обратилась ласково и к самой Пелагее Ивановне: «Полно тебе здесь безумствовать-то, пойдем к нам в Дивеево, так Богу угодно».

Будто равнодушно все это слушала безумная и вдруг при последних словах Ульяны Григорьевны вскочила, как умница поклонилась ей в ноги и сказала: «Возьмите меня, матушка, под ваше покровительство». Все изумились ее речам, один только деверь злобно усмехнулся и сказал: «А вы и поверили ей. Вишь, какая умница стала! Как бы не так! Будет она у вас в Дивееве жить! Убежит и опять станет шататься». И еще более удивились все, когда на эти столь недобрые речи деверя своего Пелагея Ивановна пресмиренно поклонилась ему в ноги и совершенно здраво и разумно ответила: «Прости Христа ради меня, уж до гроба к вам не приду я более». Воистину пришло определенное Богом время поступить Пелагее Ивановне в Дивеевскую общину, потому что Ульяна Григорьевна пригласила ее в Дивеево единственно любви только Христовой ради и сжалившись над несчастной страдалицей; да и сама страдалица без всякого сопротивления, с полной охотой оставила кров родной матери своей и с радостью отправилась в Дивеево. Полученные за Пелагею Ивановну деньги 500 руб., как взнос в обитель, Ульяна Григорьевна тотчас по приезде своем передала распоряжавшемуся тогда всем послушнику Ивану Тихонову.

Пелагея Ивановна еще по дороге в Дивеево и при вступлении в обитель успела уже наделать по своему юродству множество несообразных выходок, которые поразили келейниц начальницы Ксении Михайловны. «Какую-то вовсе дуру привезли к нам», — говорили они.

«Знать, это дочь купчихи Прасковьи Ивановны Королевой, — отвечала Ксения Михайловна, — она, бедная, вовсе из ума выжила».

Между тем Пелагея Ивановна взошла с келейницами к настоятельнице и, увидев простосердечную, молодую еще девицу из села Кременок Ардатовского уезда, по имени Анну Гера-

симовну, стала пред ней на колени, поклонилась до земли и, воздевши руки свои, воскликнула: «Венедикт, Венедикт! Послужи мне, Христа ради». Услышавши эти слова, матушка Ксения Михайловна весьма растревожилась. «Вот так хорошо, — говорила она, — не успела еще носа показать, да уж и послушницу давай ей, вишь какая! Ты вот сама послужи сперва, а не то чтоб тебе еще служили». Молодая же девушка, которой блаженная так усердно кланялась, подошла к ней, жалея ее бедную, погладила ее по голове и видит, что голова-то у нее вся проломана, в крови, и кишат в ней насекомые. И так ей стало жаль ее, но сказать ничего не посмела. Этой-то сострадательной и простосердечной девице Анне Герасимовне Господь привел послужить впоследствии во все пребывание Пелагеи Ивановны в Дивееве, в течение 45 лет, с усердием и преданностью подвижницы Божией.

И зажила «безумная *Палага*», как называли ее многие в Дивееве, но не радостной жизнью... Приставили к ней сначала молодую, но до крайности суровую и бойкую девушку, Матрену Васильевну, впоследствии монахиню Макрину, известную своею строгостью и суровостью... Так она била ее, что смотреть нельзя было без жалости. А Пелагея Ивановна не только не жаловалась на это, но радовалась такой жизни. Она сама как бы вызывала всех в общине на оскорбления и побои себе, ибо по-прежнему безумствовала, бегала по монастырю, бросая камни, била стекла в кельях, колотилась головой своей и руками об стены монастырских построек. В келье своей бывала редко, а большую часть дня проводила на монастырском дворе, сидела или в яме, выкопанной ею же самой и наполненной всяким навозом, который она носила всегда в пазухе своего платья, или же в сторожке в углу, где и занималась Иисусовой молитвой. Всегда летом и зимой ходила босиком, становилась нарочно ногами на гвозди и прокалывала их насквозь, и всячески старалась истязать свое тело. В трапезу монастырскую не ходила никогда, питалась только хлебом и водой, да и того иногда не было. Случалось, что когда вечером проголодается и пойдет нарочно по кельям тех сестер, которые не были расположены к ней, просить хлеба, то вместо хлеба давали ей толчки и пинки и выгоняли вон от себя. Возвращалась домой, а тут Матрена Васильевна встречала ее побоями.

Когда, по кончине матушки Ксении Михайловны, заступила место начальницы родная дочь ее, кроткая и, словно младенец, простосердечная старица Божия Ирина Прокофьевна Кочеулова, тогда некоторые из сестер, уважавших Пелагею Ивановну, стали говорить ей: «Что это, матушка, возымейте жалость, смотреть больно, как бьет Матрена-то Пелагею Ивановну, ведь собака — скот, и ту жаль, а она хоть и дура, все же человек-то есть». И добрейшая матушка Ирина Прокофьевна взяла от Пелагеи Ивановны Матрену Васильевну и приставила к ней другую молодую девушку Варвару Ивановну, но не полюбилась эта девушка блаженной. И стала Пелагея Ивановна сама уже бить ее и всячески старалась от нее отделаться, прогоняла ее и говорила ей в глаза: «Не люблю тебя, девка, как ты ни служи мне, лучше уйди от меня». Пробовали-пробовали и с общего наконец совета, сжалившись над безумной, порешили тем, что матушка Ирина Прокофьевна приказала келейнице своей привести к ней для услужения ту самую крестьянку Анну Герасимовну, которая тотчас по приезде в Дивеево так возлюбила Пелагею Ивановну, что тогда же сердечно желала остаться при ней в услужении, Христа ради.

Лишь только взошла с матушкиного благословения Анна Герасимовна к Пелагее Ивановне, она, будучи весьма сильной и мужественной, вскочила, схватила ее, как маленького ребенка, в охапку, поставила в передний угол на лавку, поклонилась в землю и сказала: «Отец Венедикт, послужи мне Господа ради, а я тебе во всем послушна буду, все равно как отцу».

И поселились они все три вместе: Ульяна Григорьевна, Пелагея Ивановна и Анна Герасимовна в келье, которая по благословению старца Серафима построена была из саровского леса на собственный счет Ульяны Григорьевны.

Анна Герасимовна, служившая Пелагее Ивановне во всю ее жизнь в Дивееве, оставила для нас весьма подробное повествование о подвигах Пелагеи Ивановны. Повествование это при всей подробности дышит такой искренностью и задушевностью, такой простотой и безыскусственностью и так прекрасно изображает светлую и великую личность подвижницы, что летопись требует поместить это повествование почти во всей его полноте.

«Эх, матушка! Да кто же это знал, что все это о ней занадобится, — так начинает свое повествование Анна Герасимовна,

— приехала она *дурою* и сама себя называла не иначе, как *безумной* и *дурой.* И в последний раз, когда к нам принесли Царицу Небесную Оранскую и поднесли ей приложиться, она говорила: "Царица Небесная, Ты ведь знаешь, что я — дура", — и приложилась. Так-то она сама себя величала, а о прочих и говорить нечего. Многие сестры уважали и почитали ее; а другие не только не ходили к ней, но еще ругали ее всячески: и безумная-то она баба, и бес-то в ней прозорливый сидит, и другими позорными словами.

И чего-чего только не было? Всего и не припомнишь. Скажу только одно: много прожила я с ней; много пережила, много натерпелась, а теперь, когда ее, моей голубушки, уже нет, рада бы хоть взглянуть только на нее, а не то что послушать ее, да где ж ее взять-то. А ведь все это она предвидела и предсказывала. Раз незадолго до смерти своей, когда я, видя, что она все говорит, все говорит, так вот и сыплет, разропталась на нее да и говорю: "И вправду ты блаженная, ну что это ты все говоришь без умолку? Как это тебе не надоест? И как не устанешь ты?" "Погоди, — говорит, — батюшка (так всегда она звала меня), погоди, придет время, и сама рада будешь поговорить, да не с кем будет!" Вот и вправду пришло это время. Тоска на меня нападает страшная, рада бы я хоть увидать бы только ее, а не то что поговорить с ней, да вот ее уже нет.

Да! Странный она была человек и непонятный, мудрена-то мудрена, что и говорить! А я хоть и долго жила с ней, да что я? Я — неумелый, простой человек, где ж мне было ее понимать? Что, бывало, вижу и пойму иной раз, так страха одного ради, как ее, мою голубушку, судят, все более молчу. Много, много было всего прожито. А что знаю и упомню, как лишь смогу да сумею, не взыщите, все расскажу, а вы уже, как вам Бог велит, так и рассудите.

Малое время пробыла она до меня в общине и ровно 45 лет жила со мной».

Ульяна Григорьевна имела, как сказано было выше, свою собственную келью, построенную по благословению старца Серафима из саровского леса. Постройка эта совершилась вот по какому поводу: «Ульяна Григорьевна, — говорит Анна Герасимовна, — страсть как не любила Ивана Тихонова, и когда ухитрился он, хоть и насильственно, учинить соединение у нас двух обителей, матушки-то Александры да Мельничихи-

то батюшки Серафима*, да как стал всем самовольно распоряжаться**, она и говорит: "Что это? Не могу, — говорит, — и не хочу этого терпеть. Куплю, — говорит, — себе место и поставлю свою келью, чтоб мне никто не препятствовал. Пелагею Ивановну к себе возьму, пусть живет, никто нас тогда не тронет; она защитит нас". И поставила она этот вот корпус, и стали мы в нем жить. Старинная-то Серафимовская келья теперь вот уж она одна только осталась у нас в обители. И Пелагея Ивановна точно защитила нас. Вот раз, как сейчас помню, после бывшего у нас пожара, слышу я, что Иван Тихонович в корпусе рядом с нами ходит и у всех самовары отбирает да посуду бьет; и говорю: "Вот Иван-то Тихонович, слышь, все у всех колотит, что и к нам за тем же придет". А Пелагея-то Ивановна сидит это на полу у печки да и говорит: "А ты, батюшка, сиди-ка себе да сиди, я его не боюсь, не смеет; я *старичку*-то (так звала она всегда старца Серафима) поближе его; земля-то у меня своя, да и корпус-то свой" Встала и ушла на лежанку. Как раз и входят матушка и Екатерина Васильевна Ладыженская, за ними Иван Тихонович, и уж было бы дело, да Пелагея-то Ивановна, приотворивши дверь из чулана, и говорит ему: "Борода-то у тебя лишь велика, а ума-то вовсе нет; хуже ты бабы". Он так и засеменил, весь растерялся. "Что это, что это ты, раба Божья?!" — говорит. Больше ничего сказать-то и не посмел, ничего не тронул, с тем и ушел. И после уж к нам не только никогда не ходил, а даже всегда Пелагею-то Ивановну обегал и боялся.

Уж и любила же она за то Ульяну Григорьевну и всегда чтила память ее.

Раз собралось много гостей к Ульяне Григорьевне, батюшки Василья дети и еще некоторые. Пелагея-то Ивановна сидела-сидела да и говорит: "Что ж? И у меня есть своя гостья, пойду ее приведу" Встала и ушла. Смотрим: идет и несет на руках прехорошенькую черненькую собачку какую-то барскую. "Вот, — говорит, — бабенька (так звала она Ульяну Гри-

---

* Матушка Александра (в мире Агафья Семеновна Мельгунова) была первой настоятельницей Дивеевской общины, поставленная самим старцем Серафимом. *Мельничиха* — Гликерия, поставленная в настоятельницы Понетаевской общины по интригам Ивана Тихонова, не любимая в Дивееве.

** О самовольстве Ивана Тихонова и о других его дурных качествах см. письмо митр. Московского Филарета к высокопреосвященному Исидору, митр. Санкт-Петербургскому. Письма Филарета к Высоч. особам, с. 25.

горьевну), тебе и моя гостья; она тоже кушать хочет, дай ей кусочек". И села, а собачку-то на колени себе положила. Я так и залилась от смеха, а Ульяна-то Григорьевна сердится. Пелагея-то Ивановна ей и говорит: "Бабенька, а бабенька, ты не сердись, ведь и ей кушать хочется, не жалей, дай ей кусочек-то. Я вот и говорю Поле-то*: дай, говорю, собачке-то кусочек, что ж не дать!" Накормила собачку, и как накушалась, тут же она и пустила ее. – Что уж это значило, Бог весть; а что какая-нибудь в этом притча была, я знаю, потому что этакой собачки, и поискавши-то, тут взять было негде. Да и без притчи, зря, так себе, никогда и ничего она не делала. Ульяна Григорьевна всегда была так гостеприимна, странноприимна да нищелюбива, что, бывало, никого-то не пропустит, и всяк к ней идет, и всякого-то она приветит, и накормит, и напоит, так что все, что имела, в это прожила, а умерла, так и похоронить почти было нечем.

Раз умерла у нас одна сестра в больнице, звали ее Агафьей Лаврентьевной. Ей еще батюшка Серафим так предсказал при жизни, когда она здорова и молода была: "Тебя, матушка, на тот свет проводит апостол Петр" Уж три года лежала она в болезни, язык совсем отнялся, только, бывало, лепечет одно слово: "лета да лета". Намаялась, ну и вправду скончалась она в один час с нашим священником отцом Петром. И исполнилось батюшкино предсказание ей, что апостол Петр проводит ее в Царство-то Небесное. Вот когда хоронили ее, сестры смотрят, как ее понесли, да и говорят: "Хорошо ей там будет, настрадалась раба Божия". А Пелагея Ивановна, случившаяся тут, сделала точно зонтик рукою-то над головой от солнца, поглядела вверх на небо да и говорит: "Раба-то Божия, раба Божия, да не доспела того места, как моя-то Ульяна"

Скончалась Ульяна Григорьевна в день моих именин, в день памяти Симеона и Анны. Вот как, бывало, придут мои именины-то, Афанасия Назарова** на чай-то и позовет и пирожок испечет. Я и начну тревожиться и роптать. "Вот, – говорю, – еще что выдумали? Именины справлять? К чему это?" А Пелагея-то Ивановна погрозит, бывало, и говорит: "Смотри, батюшка, ты у меня память бабушкину всегда твори. Никто

* Поля – Пелагея Гавриловна была послушницей при Анне Герасимовне.
** Афанасия Назарова (в мире Аграфена Николаевна) пребывает доныне в обители Дивеевской.

кроме нее меня не взял, дуру". И очень-очень всегда любила и чтила она ее.

Первые-то десять лет, если не более, возилась она с каменьями. Возьмет это платок, салфетку или тряпку, всю-то наложит пребольшущими каменьями до верху и знай таскает с места на место, полную-то келью натаскает их, сору-то, сору и не оберешься. Уж и бранилась-то я с ней, и всячески старалась отучить ее от этого, не тут-то было, таскает да таскает. Бывало, себя-то самое в кровь изобьет, даже жалость глядеть. И чудное дело, скажу вам; чего-то чего только с этими с каменьями она, бывало, ни проделывала.

Рядом с нами после пожара обители остались, и теперь еще видны, пребольшущие ямы, как всегда после постройки бывает, да от печей обгорелые кирпичи кое-где неубранные в грудах лежали. Вода летом стояла в этих ямах. Моя-то умница и добралась до них. Что это, гляжу, как ни приду домой от службы, вся-то придет тина-тиной, грязная да мокрая. Допрашиваю, бранюсь; молчит. Погоди, думаю, надо смотреть, где это она купается. Встала я это раз, к утрене собираюсь, она и не шелохнется, как будто и не думает никуда идти, только глядит на меня. Вышла я и пошла будто в церковь, а сама притаилась в сторонке. Дай, думаю, погляжу, что будет. Вот, выждав немного, вижу: бежит так-то скорехонько, торопится, и прямехонько к этим ямам. Наберет этого кирпича охапку — грудищу целую, станет на самом краю ямы да из подола-то и кидает по одному кирпичу изо всей, что есть, мочи в яму, в самую-то воду. Бултыхнется кирпич да с головы до ног всю ее и окатит, а она не шелохнется, стоит, как вкопанная, будто и впрямь какое важное дело делает. Повыкидавши собранные кирпичи, полезет в самую-то воду чуть не по пояс, выбирает их оттуда. Выбравши, вылезет и опять, ставши на краю, начинает ту же проделку. И так-то и делает все время службы в церкви. Впрямь, думаю себе, дура; да раз и говорю ей: "Что это ты делаешь? И как тебе не стыдно! То с каменьями возжалась, всю келью завозила, а теперь еще с кирпичами связалась да купаешься. Ты поглядикась на себя: ведь мокрехонька. Не наготовишься подола-то замывать" "Я, — говорит, — батюшка, на работу тоже хожу; нельзя, — говорит, — надо работать, тоже работаю" "Ох, — говорю, — уж и работа! Ничего-то не делаешь, что уж это за работа?!"

Она это, установясь, прямо-прямо глядит на меня. "Как, – говорит, – не работаю, ничего не делаю? А камни-то? Нет, – говорит, – батюшка, ведь это я тоже свою работу делаю"

Э-эх! Да, бывало, разве с нею сговоришь? Ну, вот так-то, бывало, всякую службу и отрабатывает себе. И многое множество лет работала она этак.

Вот, когда уж она стареть стала, помню как сейчас: иду я в Благовещенье к вечерне, гляжу – поднимается и она и говорит: "Господи, вот уж и моченьки нет", – вздохнула, а слезы-то, слезы у ней крупные так и катятся по щекам. И так-то мне ее, голубушку мою, жаль стало.

"Ну вот, полно уж, не ходи, – сказала я, – я пойду: никто тебя не неволит, лежи да и все"

"Эх, – говорит, – батюшка, ведь ты ничего не знаешь, коли ведь уж взялась, так и возись. Надо, надо работать"

И пошла бедная опять с каменьями возиться, потому что ямы-то так и остались незарытыми, а кирпичи-то, за недосугом многих дел поважнее, не прибраны были. Да, пожалуй, и еще более продолжалась бы эта ее работа, невзирая ни на старость ее, ни на немощь ее, если бы, жалея ее, не упросила я свезти эти кирпичи. Ну, как отвезла, так и перестала.

И диковинное, скажу вам, дело! Бывало, в воду сама лезет за этими кирпичами, и вся-то с головы до ног мокрехонька сделается, и воды нисколько не боялась; а как стара-то стала и бросила свою-то работу, то так стала бояться воды, что, бывало, нечаянно чуть обрызнешь ее, она, моя голубушка, так и всполошится, так вся и встрепенется; оттого, полагаю я по своему разуму-то глупому, что уж больно она доняла себя, столько лет водою-то окачиваясь. Господь весть.

А то придумала она еще и палками свою-то работу работать. Наберет это, бывало, большущее бремя палок и колотит ими о землю изо всей-то мочи, пока все их не перебьет, да и себя-то всю в кровь не разобьет.

И чего только она не выделывала? И ничего-то ей, бывало, не делается, как вот прочим людям. Отпала у нас однажды изгородная доска от прясла да вверх и торчит большущим гвоздем. "Ах, грех какой! Не наткнулся бы кто", – говорю; хотела убирать. А Пелагея Ивановна уж наскочила на нее и, что было мочи, босою-то ногой как ударит на гвоздь, так

насквозь ноги-то и выскочил. “Что это, — говорю, — ты делаешь?! Ох, и впрямь-то безумная ты” — да бегом уж бегу в кельюто, поскорее чем-нибудь завязать ногу-то. Гляжу, а ее уж и след простыл. Постояла я, постояла, да так ни с чем и ушла. Прибегает вечером. Ну, думаю, слава Богу! — да к ноге; перевязать-то, знаешь, хочу. Смотрю и глазам своим не верю: пристало это землицы кое-где, а раны даже и знаку-то нет никакого. Вот так-то всегда и бывало.

Бывало, она целыми днями и долгое-долгое время по обители ходит, по кельям, в поле и село; дома никогда почти не лежала, разве ночью, и то самую-то малость. Возьмет это Полю, с нею и бегает, куда ей только по-ихнему, по блаженному-то занадобится. Мы, бывало, знаем, что кроме нее некому к нам прийти, не боялись, и дверь на ночь никогда не запиралась. Днем бегает да бегает, бывало; захочет поесть, меня дома не застанет, к покойнице Матрене Федотьевне* прибежит; любила она ее очень.

«Катенька, Катенька! (так звала она ее). Дай мне хлебца; поесть надо; а то отца-то дома у меня нет».

Ну, и покормит ее. Федотьевна тоже чудной жизни была.

Повадилась она этак постоянно бегать в кабак к целовальнику. Люди и рады; и по-всячески судят и рядят ее, “и пьяница-то она; и такая и сякая”. А она, знай себе, ходит да ходит. Вот раз это ночью, гляжу, приносит моя Пелагея Ивановна нагольный тулуп да целый-то пребольшущий узлище пряников. “Поешьте, — говорит, — батюшка”. Я так и обомлела; страх на меня даже напал: “Господи! — думаю. — Где же это она взяла столько, да ночью?” Кто же их, этих блаженных-то, знает? А она веселая, радостная такая, так вот и заливается, приговаривая: “А вы кушайте, кушайте...” Что же вышло? Как бы вы думали? Кончилось тем, что она своими-то в кабак хождениями две человеческие душеньки спасла. Сам целовальник это мне рассказывал, прося у ней прощенья. Задумалось ему загубить жену свою, и вот раз ночью порешил он покончить с нею, завел ее в винный погреб и уже занес было руку, как незаметно за бочками притаившаяся Пелагея Ивановна схватила его за руку и закричала: “Что ты делаешь? Опомнись, безумный!” И тем спасла их обоих. После этого и хождение

* Матрена Федотьевна — дивеевская старица, о ней будет речь впоследствии.

в кабак прекратила. Как прознали про это многие, понявши ее прозорливость, перестали осуждать ее, а стали почитать.

Жили мы с ней, по смерти Ульяны Григорьевны, долгое время в страшной бедности; ну, как есть в нищете. Не только заварить чайку не было, но и подолы ее за неимением мыльца, бывало, глинкой кое-как позатрешь да и замоешь. Родные-то ее, обрадовавшись, что избавились от нее, вовсе ее и бросили; боялись даже показаться, как бы она к ним не вернулась. Лет семь не только никого из них не было у нас, но и не слыхали-то мы о них ничего; наконец-то раз вздумалось матери, Прасковье-то Ивановне, поглядеть на дочь свою; ну и приехала она с падчерицей своей Авдотьей, да не к нам, а остановилась у Настасьи Андреевны Прасоловой, что против нас жила; и с их-то двора Пелагею Ивановну, бывало, и видно. Я ничего еще не знала, да Пелагея-то Ивановна такая-то скорбная, вижу, хоть будто шутит, мне и говорит: "Арзамасские приехали, батюшка; да сюда-то и боятся прийти, чтобы я с ними не поехала. Так вот что: как запрягут лошадей-то, пойдем с тобой туда. Я в их повозку-то взойду да и сяду, они и подумают, что я с ними хочу" И так грустно улыбнулась, точно сквозь слезы, только не заплакала. "Что же, – говорю, – пойдем". А сердце у меня так и перевернулось от жалости, на нее глядя. Сказано – сделано. Как заложили да подали им лошадей, мы и приходим. Гляжу, будто обрадовались. А Пелагея-то Ивановна так-то хорошо поздоровалась и разговорилась с ними, будто вовсе умная. Да вдруг как побежит, прямо в повозку-то и села, да по лошадям-то ударила и за ворота выехала. Куда что девалось? Обе, мать и сестра, испугались, страшно рассердились и принялись ее бранить по-всячески. Доехав до красильной, остановилась она и вылезла. "Нате, – говорит, – Бог с вами, не бойтесь; до гроба я к вам не поеду". А сестре-то неродной, Авдотье, которая не любила ее очень и всегда бранила, сказала: "Ты вот хоть и не любишь меня и злилась на меня, Дуня, но Бог с тобой; только помни: хоть и выйдешь ты замуж, а первым же ребенком умрешь" И разбранила же за то ее Авдотья и говорила матери: "Дура-то твоя вот, слышишь, что выдумала говорить" И не поверила; а как вышла замуж да и вправду первым ребенком-то, девочкой, умерла, так и пришлось поверить.

И стала мать ее Прасковья Ивановна с той поры бояться ее, так что раз прислала фунт чаю да в сундучке кое-какие плать-

ишки ее мирские, а она, моя матушка, и не поглядела даже, отворотилась и полою закрылась, так что я все кое-кому разделила.

Вскоре после этого я как-то разболелась; приехала к нам Глафира Семеновна, сноха отчима Пелагеи Ивановны, которая была очень милостива и еще в девушках в Арзамасе Пелагею-то Ивановну очень любила, чтила и верила ее Божию пути и призванию; за что, по выходе замуж, много приняла побоев от свекра своего. Пелагея-то Ивановна смотрит на нее да так-то ласково говорит: "Не выпросишь ли ты у матери-то моей какой-нибудь позавалющий самовар; вот у меня батюшка-то все хворает". Возвратясь в Арзамас, Глафира Семеновна и говорит Прасковье-то Ивановне, что самоварчик просит Пелагея Ивановна. "Верьте Богу, маменька, — говорит, — грех нам будет, что мы вовсе ее бросили. Я была сама у ней и видела, она не то что беднее всех, а живет в сущей нищете". И прислали нам после этого самоварчик да фунт чаю, с этого только времени мы и стали кое-чем заводиться. После того, совести ради, кое-что и делывали родные. Так, приехал раз брат ее родной, Андрей Иванович, и отдал мне кожу, "сшей ты ей, — говорит, — хоть коты какие, ведь уж больно совестно" Ну, и сшила я; да она насилу-то их надела и ушла, потом приходит без котов.

"Куда же ты коты-то девала?" "Там", — говорит. А где *там*, Господь ее ведает.

Так и бросила; и никогда-то никакой обуви, ни чулок она не носила, и надевать не надевала. Так, бывало, босая и бегает.

Стали родные посещать нас в монастыре; и, бывало, всегда заранее Пелагея Ивановна это знает: уйдет да залезет в крапиву, и ничем-то ее оттуда не вызовешь. "О батюшка, — скажет мне, — ведь они люди богатые, что нам с ними?!"

Раз приехал к ней сюда и муж; и это она провидела, и вот каким образом: встала да мне и говорит: "Батюшка, ныне арзамасские приедут; я буду у церкви, тогда придешь за мной", — и ушла. Было это летом. Сижу я и вижу: кто-то идут двое, будто как к нам, один мужчина этакой хороший, молодой да бравый, и одет тоже хорошо. "Кто бы это, — думаю. — Что-то вовсе я такого не видала и не знаю"

"Королева-то здесь?" — спрашивает.

А это фамилия отчима Пелагеи Ивановны. "Здесь, — говорю. — А вам что нужно?"

“Нужно, – говорит. – Где она?” “А вот, – говорю, – пойдемте. А вы арзамасские, что ль? Родные ей будете?” “Кажется, будто сродником считался”, – говорит.

Приходим это мы, а она, как сказала, у Тихвинской-то и сидит да улыбается. На одну ногу надела худой башмак, а на другую старую валенку и палку в руки взяла. Подошел он, посмотрел да и говорит ей: “А ты полно дурить-то, будет; поедем-ка в Арзамас”. Я слышу да и думаю: что это он ее в Арзамас-то зовет? Кто же это такой?

“Кто же вы, – говорю, – ей будете?”

“Я-то? Муж ее”, – отвечал он.

“А! Вот что!” – думаю себе.

“Что же? – говорю. – Если у вас дом хороший да горницы чистые, так берите ее с Господом; она вам их очистит с камнями-то. А я радехонька буду; она мне этим сором-то вот как надоела”

Пелагея Ивановна, знай, молчит да улыбается.

“А вы, – говорит он, – думаете и вправду, что она безумная дура? Вовсе нет; только так дурит и просто шельма”

А приказчик-то, приехавший с ним, и говорит ему: “Эх, Сергей Васильевич! Что вы говорите? Ну и стала ли бы она, если бы и маленький у нее был ум, терпеть такие побои, как вы ее били? А потому только и терпела, что без ума стала”

“Ну, вот, – говорил муж, – что ей делается? Вишь, какая она здоровая да гладкая!”

Пелагея Ивановна поклонилась да и сказала: “Не ходила я в Арзамас да и не пойду, хоть всю кожу сдери с меня”

Услышав это, поклонился муж молча и пошел. И после того уж никогда не был; и ничего не слышно было о нем. Вот уж много лет спустя, в 1848 году, когда у нас собор закладывали летом, вижу я раз: моя Пелагея Ивановна вдруг как вскочит, вся поджалась, скорчилась, взад и вперед по комнате ходит да стонет и плачет.

“Что это с тобою, матушка? Уж здорова ли ты? Аль что случилось?”

“Ох, – говорит, – батюшка! Ведь вот ты какой! Умирает *он*, да умирает-то как?! Без причастия!”

Уж тут только я все поняла и замолчала. Немного времени спустя бывший-то с ним приказчик в ярмарке приезжает к нам и рассказывает, что Пелагея Ивановна своим видом и

действиями показывала все то, что было с Сергеем Васильевичем. Его действительно схватило; он точно так корчился, бегал по комнате, стонал и приговаривал: “Ох, Пелагея Ивановна, матушка! Прости ты меня Христа ради. Не знал я, что ты терпишь Господа ради. А как я тебя бил-то! Помоги мне. Помолись за меня”. Да без причастия так и умер. А тогда была страшная холера. И с тех-то пор вот до 25 сентября 1883 года никогда она не поминала о муже; а тут это вижу: она будто пригорюнилась, подперлась рукой и такая сидит скорбная да грустная.

“Что это, матушка, – говорю, – ты какая?”

А она как вздохнет это так тяжело да и говорит: “Ох, Сергушка, Сергушка! По тебе и просфорки-то никто не подаст”

Я это так и встрепенулась. Ведь это она мужа вспомнила, говорю, ведь это она всегда его так называла. Посмотрела в календаре: ан 25 сентября – преподобного Сергия, именинник был, надо полагать.

Вот и мать-то ее, Прасковья Ивановна, как приезжала к ней в последний раз, “ну, – говорит, – Пелагеюшка, прости меня Христа ради; я тебя много била” “Да, – говорит, – маменька; много ты меня напрасно била; Бог простит. А все же о том надо просить Бога. А уж теперь, – говорит, – в остатки видимся, маменька; в этой жизни мне с тобой более уж не увидаться” Так и случилось; не видалась она с нею после этого, и вскоре умерла Прасковья Ивановна.

Временами приезжал к нам из Арзамаса некто бывший военный, и тоже *блаженный*, Федор Михайлович Соловьев, всем хорошо памятный и всем известный даром прозорливости. Так уж тут и уму непостижимо, что только выделывали они вместе; страх возьмет, бывало; не знаешь, куда и деться. Ульяну Григорьевну на что любила Пелагея-то Ивановна, а и та боялась их. Волей-неволей приходилось мне одной оставаться с ними. Как поднимут, бывало, они эту свою войну, мне уж никак не унять. Придет Соловьев, принесет чаю, либо мяты, или зверобою, что ни попало; да по-военному «не досаждай, – крикнет, – Анна! Ставь самовар и пей с нами», да еще на грех в самый-то Чистый понедельник. Ну, и пьем, сидя на лавочке в уголочке, сама тряской трясусь, потому что как лишь ни сойдутся у Рождества ли на кладбище, у нас ли в келье, – оба большущие да длинные, бегают взад и вперед, гоняются друг

за другом, Пелагея Ивановна с палкой, а Федор Михайлович с поленом, бьют друг друга. “Ты, арзамасская дура, на что мужа оставила?” – кричит Соловьев. “А ты зачем жену бросил, арзамасский солдат этакий?” – возражает Пелагея Ивановна. “Ах ты, большой сарай, верста коломенская!” – кричит Федор Михайлович.

И так-то идет без перерыву у них своя, им лишь одним понятная перебранка и разговор. Я сижу еле жива от страху; грешница я, думаю себе: “Ой убьют”. Ходила даже несколько раз к матушке Ирине-то Прокофьевне. “Боюсь, – говорю, – матушка; души во мне нет, пожалуй, убьют”. А матушка-то, бывало, и скажет: “Терпи, Аннушка, дитятко; не по своей ты воле, а за святое послушание с ними, Божиими-то дурачками, сидишь. И убьют-то, так прямо в Царство Небесное попадешь” Ну и терплю, сижу. Бывало, сестры-то и те говорят: “Глядикась, что делают! А Анна-то кременковская с ними, с дураками, возжается, из ума тоже выжила; совсем дурою стала” Да что? С Соловьевым-то, бывало, своя у них, им лишь одним понятная да Богу, блаженная война идет. И помимо этого со всеми она, Пелагея-то Ивановна, воюет. Где там, разумеется, и кто их поймет – этих *блаженных-то*. По-ихнему, по-блаженному-то так и надо, только и слышишь: “Возьми ты свой грех-то”; либо: “Уймите вы вашу дуру-то; что она у тебя озорует, безумная-то дура: хоть бы привязывали вы ее, что ли”. Все это сама слышит, бывало, моя-то Пелагея Ивановна; молчит, и опять за свое. Что делать? Стала я пробовать, как больно-то уж развоюется, запирать ее. Заперла это раз; она, моя голубушка, и заснула; а я-то позабыла да и ушла. Проснулась и подняла крик; слышат другие: кричит кто-то, да не поймут сразу-то. Вот и вылезла она в окошко прямо на сложенные дрова да кричит, с них-то, значит, слезть-то нельзя. И увидали да кое-как на руках уж и сняли. В другой раз тоже до того расходилась, удержу нет; прибежали, сказывают: “Возьмите свою-то дуру, больно озорует, никак не сладишь: уйми ты ее”. И заперла я ее в чулан. Вот посидела она это маленько; “Батюшка, отопри, кормилец, отопри” “Нет, – говорю, – не отопру” Она опять: “Батюшка, отопри; соколик, отопри; надо” “Не отопру, – говорю, – все вон на тебя жалуются; обещай, что не будешь, тогда отопру” Замолчала; да немного погодя говорит Поле: “Девка, отопри хоть ты, ведь пес-то (я, значит)

ни за что не отопрет и меня не выпустит". "Как же я без матушки могу отпереть?" – отвечает Поля.

Погоди, думаю, что дальше будет? Отперла я сама, да и говорю: "Не ходи ты туда, а то более никогда выпускать не буду" Она как вскочит, схватила меня за плечи, перевернула, да уж и нет ее: убежала. Беда, какая проказница была. И с этих самых пор стала она бояться не только замка, а чуть, бывало, без умысла нечаянно дверь притворишь, задрожит это вся, даже вскочит, так что, бывало, ни днем, ни ночью мы никакой двери уже не запирали. А наружной-то двери так и не было до 1883 года, так цельные 22 года без двери и жили.

Доходили и до начальства своеволия ее. Покойная матушка Ирина Прокофьевна несколько раз собиралась прогнать ее и ко мне об этом многократно присылала. Раз приходит ее келейница-то и говорит мне: "Приказала тебе матушка взять дуру-то твою и отправить, откуда взяли". И так-то мне стало что-то скорбно. "Я не брала и не повезу; как хотите вы делайте. Да и что гнать-то ее, – говорю, – Ульяна-то Григорьевна не так ее приняла, а тоже 500 руб. за нее Иоасафу-то отдала" А Пелагея-то Ивановна, как не до нее дело, сидит в уголочке в чулане, поглядывает, слушает да молчит. "Вон, слышишь? Что молчишь? – говорю я. – Матушка хочет отсылать тебя, дуру, за то, что все дуришь"

"Да что она обо мне говорит! – сказала. – Сама-то она еще не начальница; ведь еще сама-то, вот как я, в уголке посидит".

"Слышишь, – говорю я келейнице-то Ирины Прокофьевны, – что она говорит? Поди да скажи матушке-то"

И ушла она да все матушке-то и пересказала. Зная прозорливость Пелагеи Ивановны, испугалась матушка Ирина Прокофьевна, присылает к нам келейницу кое с чем, с гостинцами, да и не велит ее трогать. Взошла келейница, дает ей что-то. "Матушка прислала". А она не унялась; знай себе говорит: "Нет, ведь ей уж недолго начальницей-то быть". Как бы вы думали? И вправду через две недели матушку-то, Ирину-то Прокофьевну, тихомолком от нас, по Иоасафовой-то хитрости, сменили, поставив начальницей Екатерину Васильевну Ладыженскую. Но когда приходили сестры к Пелагее Ивановне и о ней говорили: "Вот у нас новая матушка" "Нет, – отвечает она, – это еще не коренная. Да еще смута-то, смута-то какая у нас будет" – и замолчит.

“Ну, – говорю, – у тебя, видно, все не настоящие да не коренные”

А вот когда матушку-то Елисавету Алексеевну поставили начальницей, я опять так и говорю ей: “Ведь новую матушку-то поставили нам; что, и эта, – говорю, – по твоему-то опять не коренная?”

“Нет, – говорит, – батюшка, вот эта-то уж настоящая, как есть коренная” Ну, уж и впрямь настоящая да коренная вышла Елисавета Алексеевна Ушакова, теперешняя наша матушка Мария».

Глава XXIII

Соединение Казанской общины и Мельнично-Девичьей в одну – Серафимо-Дивеевскую общину, по замыслам и хлопотам послушника Ивана Тихонова (1842 г.). Начало смутного времени в Дивеевской обители. Невозможность сопротивления Ивану Тихонову со стороны М. В. Мантурова. Лживые сообщения Ивана Тихонова в печати. Жизнь Н. А. Мотовилова в Дивееве, болезнь и женитьба. Письменное опровержение Н. А. Мотовилова. Сбор Иваном Тихоновым пожертвований и его преступные замыслы. Построение деревянного храма в честь Тихвинской иконы Божией Матери. Запечатание Рождественских храмов, разрушение прежних келий и желание Ивана Тихонова превратить Дивеевскую обитель в свою собственную – Иоаннову

До 1842 года обе женские общинки, основанные при селе Дивееве, хотя и разнохарактерные, но самостоятельные, нисколько не мешая друг другу, жили в совершенном мире, любви и согласии. Со смертью о. Серафима послушник Иван Тихонов почти переехал на жительство в общинку матери Александры, под предлогом заботы и попечения о Серафимовских сиротах, и постепенно завладел ею. Утвердившись здесь, он начал вмешиваться в дела Мельничной девичьей общинки, с намерением также совершенно подчинить ее себе, но сестры Серафимовские все, живо еще помня заветы батюшки Серафима и приказание его никого не допускать чужого в управление обителью, единогласно заявили Ивану Тихонову свое несогласие на его попечительство. Тогда озлобленный этот лжеученик Серафимов, которому уже удалось

убедить многих в несении им будто бы креста, возложенного на него отцом его и учителем батюшкой Серафимом (начиная с Тамбовского архиерея и кончая всеми поклонниками отца Серафима), решился на смелый и важный шаг: или сломить сплотившихся против него стариц девичьей обители и опровергнуть распространяемый ими слух, что он никогда не был учеником Серафимовым и что не только ему не поручено попечительствовать над ними, но о. Серафим запрещал пускать его в обитель, или стереть с лица земли эту обитель, выхлопотав соединение ее с общинкой матери Александры. Этот ужасный и вражий план он привел в исполнение следующим образом. В один прекрасный день Иван Тихонов явился в мельничную Серафимову общинку в сопровождении своего друга, саровского иеромонаха Анастасия, приказал в начальнической келье поставить аналой с Евангелием и крестом, пригласил духовника обеих общинок отца Василия Садовского, которого он более не боялся и не стеснялся, вследствие расположения к нему епархиального начальства, и заставил всех Серафимовых сирот под присягой и клятвой сказать, что кому говорил батюшка Серафим о нем. Сестры обители сперва единогласно заявили ему, что батюшка никогда никому не говорил, что Иван Тихонов ученик его, и потому они считают, что он себя ложно называет учеником батюшки и попечителем Дивеева. Но единогласное заявление он отверг и потребовал одиночных показаний. Тогда подвели к аналою бывшую начальницу мельничной обители и уволенную за старостью Прасковью Степановну. Поцеловав Евангелие и крест, она строго взглянула на Ивана Тихонова и сказала:

«Батюшка Серафим мне говорил, как им же поставленной в то время старшей над своей новорожденной общиной: “Иван Тихонович вас у меня просит, да я ему не даю, потому что хотя и вызывается он послужить вам, но во всю жизнь свою холоден будет к вам, и хотя начнет хлопотать будто бы из-за вас, но на вас же весь мир воздвигнет, и мирских, и духовных, и ничего вам доброго не сделает!”» (Описание Дивеевского монастыря 1886 г., составленное по указу преосвященного Модеста и хранящееся в Нижегородской консистории.)

После Прасковьи Степановны подошла дивная старица Евдокия Ефремовна, удостоенная присутствия в келье о. Серафима во время явления Божией Матери в день Благовещения

в 1831 году. Как показывает она (тетрадь № 1, рассказ ее 3), Иван Тихонов спросил ее: «Не говорил вам что обо мне батюшка Серафим?» Старица ответила: «Батюшка велел тебе сказать, чтобы ты в наши дела не входил и обители не мешал! Раз батюшка мне сказал в келье: “Радость моя, я вас духовно породил и во всех телесных нуждах не оставлю. А о. Иоанн просит, чтобы я вас после своей смерти отдал ему; нет, не отдаю! Он и его преданные будут сердцем холодны к вам. Он говорит: ты, батюшка, стар, отдай мне своих девушек, а сам просит холодным сердцем! Скажи ему, матушка, моим именем, что ему до вас дела нет!”»

После этого все вторично и единогласно отказались от попечительства Ивана Тихонова. Тогда, озлобившись до последней крайности, он воскликнул тут же, стоя пред аналоем:

«Клянусь после этого, что моей ноги не будет здесь и что не почию до тех пор, пока не истреблю до конца и не сотру с лица земли даже память о существовании мельничной обители! Змиею сделаюсь, а вползу!» (Описание монастыря, хранящееся в консистории.)

Сестра Евдокия Ефремовна свидетельствует, что «Иван Тихонович оскорбился, начал говорить, будто видел меня во аде, угрожал, чтобы я молчала».

Началось для Дивеева то время, о котором предсказывал о. Серафим, говоря сестрам в прощальной беседе: «До антихриста не доживете, но времена антихриста переживете!» Эти времена не могут быть теперь выключены из летописи монастыря, хотя уже давно главные участники и виновники этих смут почили вечным сном! Да простит им Господь прегрешения и увлечения их, совершенные, несомненно, по наветам врага человечества! Наконец, каждый из нас сам ответит Христу за свои проступки! И не с этой точки зрения смотрит история на прошлые события в жизни человечества, касаясь иногда даже смут в духовном мире; нет, для истории важно указать поучительные примеры, свидетельствующие, что на земле за истину страдают не только отдельные лица, но и целые обители, сотни людей, добывающие себе право существования и проповедания истины долгою, сильною борьбою с врагом человечества. Только этими смутами и тяжелыми испытаниями могут отдельные люди и целые общества доказать, что они служили истине, правде и Евангелию.

Те летописи монастырей, которые полны рассказов о том, с какой быстротой возросли обители и как всегда благоденствовали, или неправдивы, или, того хуже, восхваляют рассадники добровольных невольниц и тщеславных инокинь, а не духовных, смиренных, любвеобильных невест и сестер Христовых. История же Дивеевской обители, созданной Царицей Небесной через таких великих людей, как мать Александра и о. Серафим, особенно поучительна, с одной стороны, ввиду старания врага человечества разрушить все и с другой — ввиду явной победы дивных стариц, претерпевших, при помощи Царицы Небесной и праведного Серафима, все испытания и невзгоды до конца. Дивеево было и всегда будет, по предсказанию о. Серафима, рассадником духовных стариц, блаженных, Христа ради юродивых и местом истинного душевного умиления и успокоения для молящихся. Поэтому летопись Дивеевской обители требует особо строгого, правдивого, истинно духовного взгляда на события и изложение фактов.

После того как Иван Тихонов обещал сделаться змеею и всюду вползти, не могло быть сомнения, что он этого достигнет. Тотчас он написал тайно в Петербург к лицам, относившимся с особой любовью к старцу Серафиму, о положении дел в Дивееве и просил о присоединении девичьей общины к обители матери Александры, под начальством Ирины Прокофьевны, болезненной и слабой начальницы Казанской общинки. Многие из этих лиц, верившие рассказам Ивана Тихонова, имели родных при Высочайшем дворе, и просьбы их увенчались быстрым успехом. 28 июля 1842 года был уже получен указ о соединении обеих Дивеевских общин в одну Серафимо-Дивеевскую с полным, абсолютным подчинением начальнице общины матери Александры.

По этому поводу в кратком официальном описании Дивеевского монастыря, хранящемся в Нижегородской консистории, говорится следующее:

«Горестное, никем не ожиданное событие это, доставя велие ликование Ивану Тихонову с избранницами его, прочих обеих общинок сестер повергло в глубокую скорбь, печаль и сетование. Серафимовы сироты ужасались тому, что заветы великого старца, основателя их, попраны и отданы они в руки страшнейшего врага их. Старицы же матери Александры сокрушались, глядя на нововведения, которыми нарушался

их исконно заведенный порядок и принятый устав из Сарова. Но поправить дело было уже немыслимо и поздно. Таким образом прежде царивший мир и покой Божьего Дивеева навсегда уже был нарушен, и только плач и рыдания, попущением Божиим, многие десятки лет раздавались во Святом месте избранного жребия Богоматери».

Хотя Михаил Васильевич Мантуров жил в это время в Дивееве, но он, совершенно нищий и выгнанный от Куприянова управляющий, ничего не мог сделать. Священник о. Василий Садовский и Н. А. Мотовилов в составленном ими жизнеописании Мантурова пишут так: «Видя вполне водворившегося и самовольно всем уже распоряжавшегося в Дивееве Ивана Тихонова и вполне понимая, по нищете своей, невозможность противостоять ему и оградить Серафимову обитель, тихо жил Мантуров, терпя все, ради непоколебимой, твердой веры в Бога, стараясь лишь, где было возможно, встречать Ивана Тихонова и действовать на него хоть словами страха Божия; но все было напрасно, ибо честолюбие заглушило совесть его! И в самом деле, что же мог сделать незаметный бедняга, нищий какой-то Мантуров, прогнанный управляющий генерала Куприянова, против возросшего уже Ивана Тихонова через всевозможные хитросплетения и интриги. Безграничное честолюбие заставляло его вымышлять, что он якобы любимый ученик праведного чудотворца Серафима, и этим он себя всюду прославлял. Кроме того, он, начиная с архиереев, решительно всем выставлял себя за страдальца, который несёт страшную Божию кару. Все это зная, Михаил Васильевич молча и терпеливо переносил возводимые на него клеветы и продолжал подвиг верного служения своего обители Богоматери. Он безбоязненно мешал с неудержимой энергией этому “чуждопосетителю” во всех его посягательствах на уничтожение заповеданного Дивееву святым старцем. Вскоре Михаил Васильевич поплатился за это пожаром; его скромный домишко подожгли. С помощью добрых людей Мантуров выстроил себе другой, гораздо лучший, на принадлежащей ему земле, вне общины, против Казанской церкви, в котором и жил до самой своей смерти».

В книге, изданной Иваном Тихоновым в 1849 году, он рассказывает о соединении общин с восторгом и подобающим вымыслом. Он даже утверждает, что «как дивен Бог во святых

Своих, служит доказательством еще следующее дивное исполнение предсказаний отца Серафима относительно Дивеевской обители». В 1842 году 27 июля получен был в Дивеевской общине указ Святейшего Правительствующего Синода, из Нижегородской духовной консистории, где изъявляется, что по Высочайшему соизволению Государя Императора Николая Павловича и по благословению Св. Правительствующего Синода сия общежительная Дивеевская обитель утверждена, соединена и принята под покровительство духовного и гражданского начальства. На следующий день, 28 июля, указ был прочитан по окончании литургии. И все это совершилось будто бы по особенному промыслу Божию, во исполнение предсказаний о. Серафима! Тут Иван Тихонов безбожно изменяет смысл предсказаний о. Серафима. Он говорит: старец говаривал многим благотворительным особам, что утверждение обители последует именно в 1842 году (?), а сиротам дивеевским часто повторял: «Терпите, терпите, Господа ради, все болезни и скорби; у вас будет такая радость, что среди лета запоете Пасху!» «И вот, — пишет Иван Тихонов, — теперь дивный во святых Своих Господь и Царица Небесная по молитвам праведника внушили Государю Императору сделать это утверждение именно в 1842 году и среди лета, и притом 28 июля, в такой день, когда Церковь Православная совершает празднество в честь Божией Матери Смоленской и св. апостола Прохора, Ангела о. Серафима до вступления его в монашество. Столь многие радости, соединившиеся вместе, были причиной, что, когда прочитан был этот указ в Божественном храме, изумление сирот было столь великое и столь живое, что в этот миг они забыли все свои скорби, целовали друг друга, плакали, смеялись и каждая по-своему изливала перед Господом и Царицей Небесною свои благодарные чувства за эти милости Божии и Царские; казалось, все они тогда, как некогда апостолы, во время сошествия на них Св. Духа, упились каким-то неизъяснимым утешением (?). После первого момента радости принесено было благодарственное молебствие о здравии Царской Всеавгустейшей Фамилии, о Св. Правительствующем Синоде, о пастырях и вообще о всех благотворительных особах, содействовавших благу обители. Затем, — продолжает свое повествование послушник Иван Тихонов, — все общество сестер, состоявшее из 300 и более, обратилось

с чувством благодарности и с поздравлением к настоятельнице своей, так как по этому указу она сделалась единственной начальницей соединившейся обители».

Мало этого было Ивану Тихонову; чтобы доказать необходимость соединения, он прямо свидетельствует, что о. Серафим не давал заповеди о приеме в мельничную обитель одних девиц. Следовательно, он уничтожает основные заветы общины, установленные Самой Царицей Небесной. По этому одному можно судить: был ли он учеником и другом о. Серафима? Так, пишет он (с. 103), что обе общинки «едва не разделились на две самостоятельные обители, тем более что и *посторонние лица, вмешиваясь в дела ее* (!), желали также этого разделения и хлопотали уже о том, чтобы в одной части обители находились вдовствующие, а в другой — девицы, каждая под управлением особой настоятельницы. Но так как *на такое неосновательное разделение не было никакого благословения отца Серафима,* то и высшее начальство, по промыслу Божию, не утверждало этого разделения, но нашло полезнейшим и необходимым соединить их под единственной настоятельницей».

Мы видели, как о. Серафим строго наказал священнику о. Василию, Мантурову, Ксении Васильевне и другим сестрам держаться этого разделения и объяснял причину, говоря о различии молитвы и духовного пути женщин с девицами и находя духовный вред в совместном жительстве их в обители. Действительно, о. Серафим предсказывал, что произойдет соединение, несмотря на его завещание, но выяснил, какое будет различие между лаврой, то есть обителью матери Александры, и киновией — своей обителью.

Далее Иван Тихонов описывает (с. 108) торжество праздника 28 июля, которое, может быть, и было в его сердце и у «Иоанновых сестер», как называл сторонниц его о. Серафим, но не в обители батюшки Серафима и матери Александры.

«Когда теперь все сестры обратились к начальнице с поздравлением, как к своей матери, она, в сознании своих недостоинств, отнесла всю свою и общую их радость к промыслу Божию и к предстательству Царицы Небесной за молитвы о. Серафима и благословила сестер обратиться с теми же чувствами благодарности и ко мне грешному, как участвующему в устройстве обители, по благословению о. Серафима. Я же, со своей стороны, взаимно поздравлял их с милостью Божией

и Царской и напоминал им то, что *внушал мне* (?) напоминать им великий старец, чтобы с сих пор всегда было у них одно сердце, то есть чтобы между ними царствовали мир, любовь и согласие и прочее, что *мне внушил Господь* (?). После того начальница в сопровождении всех сестер отправилась в трапезу. Многие из сестер, живших при мельничной обители, вспомнили в это время (?), как старец говорил им, что придет к ним Ирина Прокофьевна и многих приведет с собой. Так называлась теперь начальница, и она действительно вела за собой целое стадо сирот. Во все время трапезы начальница и сестры были в той же, как и прежде, изумительной радости и как бы вне себя от избытка душевного утешения. Они только смотрели друг на друга, плакали и улыбались, а не трапезовали. По окончании трапезы и по молитве, когда стали благодарить начальницу, одна из стариц, уставщица левого клироса (Агафья Егорова), вдруг подошла к ней и начала просить благословения петь Пасху по случаю этого торжества. Но начальница хотя и разделяла ее восторг, однако со смирением отвечала ей, что ведь здесь о. Иоанн (Иван Тихонов) и чтобы она пошла и спросила у меня. Я между тем пришел к концу трапезы, дабы видеть, чем кончится все это радостное событие. Когда она подошла ко мне просить моего согласия на свое желание, я хотя и удивился в начале ее просьбе, но потом нашел, что *по случаю такого торжества и радости их по всему было прилично петь Пасху;* все, что я видел в них в эти минуты, приводило меня в восторг: я видел в них земных ангелов и отвечал старице: Господь вас благословит. Они тотчас же и запели все: Да воскреснет Бог и расточатся врази Его. Пасха священная нам днесь показася и т. д. И когда начали петь: Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в онь, *я, бывши до сих пор сам в восторге,* вдруг вспомнил слова о. Серафима, что будет время, когда сироты от радости среди лета запоют Пасху; и, давши им кончить все песни, подозвал к себе ту старицу, которая испрашивала моего согласия, и спросил у ней: "Кто вразумил тебя петь Пасху?" Она отвечала: "Никто; мне самой пришла эта мысль на сердце" Тогда я снова обратился ко всем сиротам и сказал: "Слышите, сестры, вспомните слова о. Серафима, что он говорил вам: терпите, терпите, Господа ради, все болезни и скорби, у вас будет такая радость, что среди лета запоете Пасху!"»

Как и во всех своих повествованиях, Иван Тихонов, подбирая предсказания о. Серафима к создаваемым им теперь событиям, не чувствовал, до какой степени они неестественны. Мог ли говорить о. Серафим о пении Пасхальных песен дивеевскими сестрами, когда настанет радостное соединение двух обителей в одну? Эту радость, если бы она была действительно и имела бы какой-нибудь смысл, о. Серафим мог доставить дивеевским ежедневно, стало только пожелать и приказать соединить. О каких болезнях и скорбях предсказывал батюшка? До появления Ивана Тихонова попечителем и соединения обителей не было ни скорбей, ни болезней; а когда он стал распоряжаться обителью Царицы Небесной, явились скорби, которые и предвидел о. Серафим. Вот эти скорби и просил великий старец терпеть, Господа ради, обещая в будущем радость такую, что среди лета запоют Пасху. Из показаний многих стариц известно, что о. Серафим предсказывал, что, когда мощи его откроются в Сарове (и при этом он не употреблял слова “мощи”, но называл их плотию) и они невидимо перейдут в Дивеево, тогда будет такая радость, что среди лета запоют Пасху! Подобная радость и теперь понятна каждому! Если произойдет такое чудо в наше время, оно обратит к Богу маловерующих и произведет сильнейшее впечатление на всех, а не только на детей, сирот и сестер Серафимовых.

Известно также, что с устройством мельничной обители сестры общины матери Александры жили самостоятельно, батюшка о. Серафим их не наставлял, и они редко посещали Саров. Сестра Ирина Прокофьевна, дочь Ксении Михайловны Кочеуловой, не была особенно близка к о. Серафиму, и поэтому великий старец не мог ей говорить, как будущей настоятельнице обители, что смело уверяет и пишет Иван Тихонов. Так, последний пишет: «Говорил он настоятельнице о ее обязанности, как управлять сестрами, а та объясняла ему свою неопытность. Старец сказал ей: “Матушка! Заботы обременять вас не будут; я оставляю вам по себе о. Иоанна, который о всем отечески попечется и понесет тяготу ближнего, по заповеди Спасителя. Все у вас так устроится, что ты в благодарности будешь только возносить свой ум и сердце к Господу, ручки воздевать на молитву и благословением своим только решать; а способы, чем решать, будут у тебя все готовы”».

Далее еще встречаем такое изречение Ивана Тихонова: «Батюшка Серафим нередко говорил настоятельнице: вас, матушка, не оставит и Царь земной своим благоволением, и вся Царская фамилия посетит вас своею милостью!» Между тем о. Серафим предсказывал только о посещении обители Царской фамилией, когда он «перенесет плоть свою в Дивеево» и д. Вертьяново будет возведена в город, а монастырь — в лавру. [22]

Иван Тихонов не встретил препятствия к достижению своего злобного плана даже со стороны временного друга своего Николая Александровича Мотовилова, и вот почему. Николай Александрович, как мы упомянули, доверился Ивану Тихонову, потому что в Сарове ему не опровергли рассказов этого лжеучителя и он сам видел, как Иван Тихонов часто посещал великого старца. С другой стороны, Н. А. Мотовилов жил преимущественно в своем Симбирском имении, а после смерти о. Серафима вскоре поехал в Курск за собиранием сведений о батюшке у его родственников и чрез это поплатился жестокой болезнью, которую ему облегчил архиепископ Антоний Воронежский. После первого страдания Николай Александрович захворал опять ногами и пролежал в своем доме в с. Дивееве около года. По выздоровлении, в 1840 году, Н. А. Мотовилов женился на Елене Ивановне Мелюковой и переселился в Симбирское имение. В то время Иван Тихонов ничего еще не разрушал в обители о. Серафима, и Николай Александрович продолжал быть с ним в приятельских отношениях. Когда же в 1842 году произошло соединение общин, Н. А. Мотовилов сразу прозрел насчет Ивана Тихонова, сильно огорчился и даже уверял, что если бы он не женился, то Иван Тихонов не мог бы добиться такого нарушения заветов батюшки Серафима. Так, в своей записке «Достоверные сведения о двух Дивеевских обителях» Н. А. Мотовилов пишет: «И не только при жизни великого старца Серафима обитель его с самого незабвенного дня основания ее 25 ноября 1825 года до дня приснопамятнейшей кончины его 2 января 1833 года, к коему времени в ней было уже 74 сестры, была управляема особой, независимой ни от кого (кроме одного его, великого старца Серафима) начальницей девицей Прасковьей Степановной, но и потом до самого наибедственнейшего дня соединения общин 28 июля 1842 года имела всегда

своих полновластных, самостоятельных начальниц, из которых последнею была девица Ксения Ильинична. День соединения двух Дивеевских общин я называю наибедственнейшим, потому что творившееся до того втайне беззаконное извращение смысла, толка и сущности воли Божией Матери и завещаний великого старца в этот день обнаружилось во всей силе своей. Несмотря ни на какие мои глубокоуважительные доводы по закону Божьему и гражданскому, заключающиеся в бумагах моих, сведения о заведении обеих Дивеевских обителей были представлены совершенно превратным образом, а именно, что будто бы в Дивееве никогда не бывало двух самостоятельных и совершенно друг от друга независимых общин, а была одна община в двух отделениях. Поэтому, представив сию святую девическую обитель Божией Матери и великого старца Серафима лишь только младшим, непокорствующим отделением, повелено было начальницу оной Ксению Ильиничну, со всеми сестрами ее, подчинить начальству мнимостаршей начальницы Ирины Прокофьевны Кочеуловой. Но в самом деле, как та, так и другая община через соединение это подведены были лишь под полное владычество канонарха саровского и мещанина тамбовского Ивана Тихонова. Ирина Прокофьевна всегда подписывала на готовых бумагах, не читавши их, или, того хуже, давала ему бланки, будучи им и сотрудницами его завлечена в деле соединения лестью. Злоба же канонарха сего на обитель сию мельничную девическую предвидена была еще самим великим старцем Серафимом, почему он умолял Господа сотворить чудо о падении древа, чтобы хоть тем уцеломудрить его. Ненависть же раскрылась вполне только тогда, когда приехал Иван Тихонов с иеромонахом саровским Анастасием в мельничную сию девическую обитель к начальнице Ксении Ильиничне и, пригласив всех старших этой обители, потребовал от них, чтобы они при сем иеромонахе Анастасии подтвердили и сами все его похваления, приписываемые самому себе, как будто бы он первый и любимейший ученик батюшки о. Серафима и единственный над ними им уполномоченный всегдашний попечитель, или в противном случае сказали бы, что же им говорил про него великий старец Серафим. Поставляя выше всего храм Божий и уважение к словам отца своего Серафима, они сперва не исполнили его первого требования,

а по второму настоятельному желанию Прасковья Степановна, бывшая начальница, сказала, что батюшка о. Серафим про него говорил, что он, Иван Тихонович, "хоть и вызывается вам послужить, но во всю жизнь свою холоден будет к вам; и хоть начнет хлопотать будто бы из-за вас, но на вас же весь мир воздвигнет, и мирских и духовных, и ничего вам доброго не сделает. Да и то, – прибавил он, – по мне, убогом Серафиме, другого отца уже не будет вам!" И всегда называл он их своими сиротами. Иван Тихонов так на это озлобился, что, выходя из келий и из обители мельничных девиц, поклялся с тех пор и ноги своей не накладывать в оную и не почить до тех пор, пока не истребит ее до конца, не сотрет с лица земли и не уничтожит память о ее существовании. Что и могло бы действительно воспоследовать, может быть, если бы она была основана на песке, а не на камне. Камень же бе воля Божией Матери и святые труды великого старца Серафима, положенные в ее основание. За всеми домогательствами Ивана Тихонова и сотрудниц его обитель сия, однако же, не рушилась, да и самый дух общества сих двух обителей сестер, насильственно смешанных, однако, не только не смешался и не слился в один дух, но что всего удивительнее – это то, что из обеих общин выделились лишь только все усердствовавшие к делу сего соединения сподвижницы Ивана Тихонова, сначала тайно, а потом уже явно образовали из себя третье общество, духом своего руководителя вполне проникнутое, и сколько вытерпели сироты батюшки отца Серафима после этого соединения своего, о том можно лишь то сказать, что если бы не Господь был за них, то живых убо пожерли быша их. С 1849 года печатно их выдали за мертвых (Иван Тихонов писал, что большинство Серафимовых стариц перемерло). О пении Пасхи, хотя в сказаниях Ивана Тихонова напечатано на с. 105, что действительно сладким радостям сирот при этом воспоминании не было конца, но, напротив того, лишь только слезам, да и не одних Серафимовых сирот, но и сестер обители матушки Александры, не было конца. Сироты мельничной обители неутешно плакали о том, что завещание великого старца Серафима попрано и они отданы в руки врага своего. А старушки плакали о том, что нововведениями нарушалось их старинное правило и устав, принятый ими от Сарова. Если и радовались иные, то немногие, а именно только те ходатаи

о сем соединении, которые не ведали, что творили. Из них впоследствии некоторые раскаялись о тогдашней своей радости, потому что после того все здания, строенные по указанию батюшки о. Серафима, начиная с мельницы, и все кельи его переломали по приказанию Ивана Тихонова или переставили за канавку, а оставленные в канавке на новых, произвольных, без нужды выбранных местах переставили. Если что и осталось на своем прежнем месте, то лишь одна канавка со своим валом, но и через нее, вопреки завещаниям старца Серафима, сделаны мосты и переходы. Великий старец часто поминал о ней, говоря, что одна канавка его останется и станет стеной до небес за сирот его и что сироты его хотя до настоящего антихриста и не доживут, но времена его переживут».

Вслед за соединением общин в одну Иван Тихонов выхлопотал книжку для сбора пожертвований на постройки, затеянные им в Дивееве, и отправил с книжкой в Петербург сестру обители Е. А. Татаринову, преданную ему. На с. 107 своих повествований Иван Тихонов говорит, что первыми жертвователями были Государыня Императрица, Наследник Цесаревич, Цесаревна, Великие Князья и Княжны. Потом подписались Высокопреосвященнейший митрополит Серафим и другие высокие благотворители. С одной стороны, это свидетельствует, как чтили память о. Серафима в то время, и с другой – как сильны были покровители простого послушника Саровской пустыни из мещан Ивана Тихонова. По-видимому, светские люди не задались вопросом: мог ли о. Серафим поручить целую обитель руководству не старца, а простого послушника?

Иван Тихонов, ободренный своей удачей и победой над старицами и сиротами Серафимовыми, принялся деятельно за работу. Вслед за утверждением общины был получен из Синода указ с разрешением строить в обители каменный собор, по представленному плану, в честь того образа Умиления Божией Матери, перед которым о. Серафим скончался. Так как в душе Иван Тихонов не желал следовать указаниям батюшки о. Серафима и теперь, ошеломленный успехом борьбы с девичьей общинкой, он возмечтал о себе, то в нем родилось желание превратить Серафимову обитель, смешанную с обителью матери Александры, в свою собственную. Под предлогом, что на каменный собор нужно много денег, он отложил

эту постройку и затеял возведение нового деревянного храма на месте мельничной общинки, как будто эта постройка не требовала никаких средств. Кроме того, в то время не было никакой нужды строить небольшой деревянный храм, когда имелись два каменных Рождественских храма, построенные М. В. Мантуровым при батюшке Серафиме. Если они казались тесными при увеличивающемся числе сестер обители, то тем менее требовалось строить столь же малый деревянный храм в два этажа. Но, как мы вскоре увидим, Иван Тихонов задумал построить свой храм и запечатать храмы отца Серафима, что ему, к удивлению всех, удалось. Каждым своим шагом и действием он ясно доказывал, что никогда не был учеником великого Серафима и в духовном смысле был одержимый прелестью, то есть гордостью и вражьим духом.

В печати (с. 112) Иван Тихонов доказывал необходимость постройки деревянного храма лживыми доводами и затем самое возведение храма обставил небывалыми чудесами и совпадениями обстоятельств. Так, он пишет: «При всей своей радости, сироты не имели у себя никаких средств к построению каменного собора, а между тем необходимость *собственного* (?) храма была *очевидна* (?). Общество сестер, посвятивших себя Господу, состояло тогда уже слишком из 300 душ, которые за неимением собственного храма были принуждены выходить из ограды обительской в приходский храм и там молиться со всяким полом мирских людей. Таким образом, они теряли там спокойствие духа и развлекались мысленно. Еще более нарушали их мирную и уединенную жизнь совершавшиеся в этом храме бракосочетания прихожан и соединенные с ними шумные празднества».

Как известно, именно по этой причине о. Серафим и просил М. В. Мантурова построить при Казанской приходской церкви для общины два храма: Рождества Христа Спасителя и Рождества Богоматери. Служба совершалась в них приходским священником о. Василием Садовским.

«Поэтому, – продолжает Иван Тихонов, – сироты (?) решились просить Св. Правительствующий Синод о разрешении построить у себя другой, *больничный* храм, деревянный на каменном фундаменте, в честь Тихвинской иконы Божией Матери».

Следовало бы ожидать, что поэтому Иван Тихонов просил разрешения построить *первый* храм, ибо, по его словам,

совсем церкви не существовало, но просьба сводится лишь на возведение *больничного* храма, и при больнице следовательно. Таким образом, ложь сама помешала скрыть правду; Иван Тихонов упросил разрешить ему строить третий храм в честь Тихвинской иконы Божией Матери, и, чтобы получить согласие Синода, он преднамеренно назвал его *больничным.* Что строился он не для болящих, а для всех, видно из обстановки дела. Так, Иван Тихонов свидетельствует (с. 113), что «образ Тихвинской Божией Матери был пожертвован в обитель в самый день утверждения ее, как бы в знамение того, что Она Сама, милосердная Мать сиротствующих, во исполнение Своих обетований о. Серафиму и за его молитвы, пожелала в этот день разделить с ними и еще более усладить их духовную радость. Именно, когда одна из сирот дивеевских, Елисавета Андреевна Татаринова, хлопотавшая в то время в Санкт-Петербурге об устройстве обители, пришла в этот день к г. Бартеневу Юрию Никитичу, имевшему к о. Серафиму и к обители весьма большое расположение, тогда он и супруга его, поздравляя ее с великой радостью, недоумевали, чем бы ознаменовать свою любовь к обители в такой великий день, и наконец решились пожертвовать сиротам эту священную икону. Вскоре после того прислана была в обитель генеральшей Марией Петровной Куприяновой и другая икона Тихвинской Божией Матери, копия с той самой иконы Царицы Небесной, которая находится в Тихвине».

Характерен дальнейший рассказ Ивана Тихонова, изобилующий везде и всегда лестью и своеобразным подбором фактов. «В это время, — говорит он, — его посетили в Саровской обители две дивеевские сестры: казначея из дворян девица Юлия Симеоновна Макавеева и благочинная из купеческого сословия девица Татьяна Григорьевна Ненюкова (Бучумова), которые особенно пеклись о благосостоянии и устройстве Дивеевской общины». Почему это событие начинается рассказом о посещении его сестрами в Сарове, когда Иван Тихонов постоянно пребывал в Дивееве, трудно понять, но надо предполагать, что Иван Тихонов желал изобразить, как дивеевские сестры приезжали его просить помочь им в устройстве церкви. Между прочими разговорами они будто бы начали говорить о храме, как он необходим, как его жаждут все сестры и как в то же время недостаток средств не только уничтожает

сладкое их намерение и желание, но не позволяет даже и думать о нем. Много при этом было излито будто бы воздыханий сердечных и слез приехавшими сиротами. Несомненно, казначея и благочинная были сторонницы Ивана Тихонова, как начальствующие лица. Они будто бы привели себе в пример Саровскую обитель, которая так изобильна всем и в которой так много храмов для славословия Господа, а они так убоги, что едва имеют место, где преклонить главу свою. При этой прискорбной жизни у них нет даже храма, в котором бы они могли, по званию своему, возносить молитвы Господу и прославлять Его святое имя и Пречистой Его Матери. «Смотря на их скорби и слезы, – говорит он, – совершенно справедливые, и я грешный смутился духом в эти минуты и разделял с ними их сокрушения». Но вдруг *как бы свет веры просиял в душе его,* и он спросил у них: есть ли у них хоть что-нибудь в виду для начатия постройки храма? Кто это спрашивал – попечитель и распорядитель обители у подчиненной ему казначеи? Но, видимо, Иван Тихонов задался целью уверить читателя его рассказа о постройке Тихвинской церкви, что сестры обители заботились об этом, а не он. Конечно, казначея и благочинная должны были ответить своему попечителю, что решительно не имеют ничего в виду. Тогда Иван Тихонов сказал им в утешение, что если они не имеют при себе ничего, чем бы могли начать постройку храма, то у него в келье есть два серебряных пятачка, которыми они и начнут, и он верует, что Спаситель примет и от него грешного эти убогие две монеты, как древле принял от вдовицы две лепты. По окончании этих слов начальствующие сестры упали Ивану Тихонову в ноги и сказали со слезами: «*Мы веруем в силу* Господа и Пречистой Его Матери, и если угодно Им наше желание и намерение, то оно исполнится так же, как и другие, касавшиеся обители. Вся она устраивается дивно, без всяких видимых средств, единственно Промыслом Божиим и предстательством Царицы Небесной, по молитвам отца Серафима, равно как и вашими, батюшка, попечениями». Трогательно сказано! Таким образом, говорит Иван Тихонов, они положили в основание только одну веру в предстательство и помощь Матери Божией и решительно согласились приступить к начатию храма. Им казалось, что при самом начале необходимо иметь наличного капитала, по крайней мере, 1000 рублей ассигнациями, потому что требовалось

дать около 300 рублей ассигнациями рабочим за выемку земли (удивительно, что они решили это сидя в Сарове?!), да подрядчику каменного здания в задаток около 400 рублей и еще подрядчику деревянного здания около 300 рублей. Искали они мысленно таких благодетелей, которые бы дали им на первый случай заимообразно 1000 рублей ассигнациями, и не нашли никого ближе, по самому званию монашескому, кроме отца игумена Саровского, в котором будто бы думали найти отца. Поэтому с общего согласия отправили к нему письмо, в котором излили все свои скорби и слезные моления о помощи. Странно, что просили не лично, а написали письмо, когда игумен жил через несколько домов. Но Иван Тихонов, не любивший игумена за то, что он его дурно аттестовал, пишет, будто бы сверх ожидания получили от него решительный отказ. Даже Иван Тихонов счел приличным и стоящим печатно (с. 116) заявить об отказе игумена и прибавил: «Промысл Божий предусмотрительно затворил утробу отца игумена, да явится все богатство любви и попечения Заступницы Небесной; но тогда никто из нас не мыслил о том, яже суть Божия, но все лишь скорбели о том, яже суть человеческая». Это не вяжется с заявлением его, что они положили в основание постройки храма крепкую веру. Далее он говорит: «Каждую минуту отказ о. игумена представлялся воображению сестер (?) и приносил им новые, горчайшие слезы и стенания, высказывая все их убожество, до того, что они не имеют даже храма божественного (?), в котором могли бы облегчить свои скорби и возносить молитвы и славословия к Господу и Пречистой Его Матери, для чего и мир оставили!» Так играло воображение настойчивого в своих планах канонарха о. Иоанна!

По словам его, сестры провели весь тот день до глубокого вечера в душевной болезни, в скорбях, молитве и не могли успокоиться даже ночью. Наконец, они решились совершенно положиться на Промысл Божий и на предстательство Царицы Небесной. Едва успели они утвердиться на этом уповании, как вдруг вошла в келью гостиницы в Сарове одна из дивеевских сестер, девица из дворян Анна Васильевна Ладыженская, которая имела послушание ездить в г. Арзамас на почту. Обе сестры, Екатерина и Анна Васильевны Ладыженские, поступили в обитель в 1842 году, но до 1850 года были постоянно в разъездах. Как мы увидим впоследствии, они не отличались

твердостью характера и вначале были преданы Ивану Тихонову. На этот раз Анна Васильевна приехала доложить Ивану Тихонову, что привезла с почты 1000 рублей. Эта внезапная будто бы весть совершенно поразила всех. Сначала от изумления и ужаса они только смотрели ей в глаза, но затем стали сомневаться, не искушает ли она их? Когда же Ладыженская вынула и подала деньги Ивану Тихонову, всё обратилось теперь в благоговейное удивление и наконец излилось обильнейшими и горячайшими слезами радости и благодарности. Сироты пали пред Царицей Небесной и не находили слов молитвенных в изъявлении своей благодарности; они только смотрели на образ Всех скорбящих Заступницы, плакали и молчали. Зато говорили за них их сердца, уверяет попечитель, и горячие слезы. Приехавшая сестра также плакала и утешалась, смотря на них, то есть казначею и благочинную, и, как пишет о. Иоанн: «хотя и не знала еще ничего». Вставши с колен, но не переставая изливать радостные слезы, сестры спросили у приехавшей: что это такое она привезла в ящике, который поставила на стол? Ладыженская вскрикнула: «Ах, я и забыла еще вам сказать о главной-то радости» – и при этих словах открыла ящик. Там был образ Самой Царицы Небесной «Утоление печали». «Только что я стала подходить вчера к почтовой конторе, – продолжала Анна Васильевна, – как вдруг встречается со мной какая-то благочестивая жена и подает мне этот самый образ, говоря, что она пожелала пожертвовать его в Дивеевскую обитель. Получивши это драгоценное сокровище, я с несказанной радостью отправилась с ним на почту и спросила там у одного чиновника: нет ли чего-нибудь в обитель Дивеевскую? Он отвечал, что в обитель есть 1000 рублей ассигнациями. Эта вторая милость Божия и Царицы Небесной до того меня восхитила, что я, получивши деньги, как бы на крыльях летела, а не ехала в обитель целую ночь». Дивное чудо, говорит Иван Тихонов, совершенное Царицей Небесной для утешения сирот, было теперь совершенно открыто и ясно. Весь прошедший день, ночь и самое утро, до приезда Ладыженской, сестры утопали в слезах скорбных и молитвенных и уже отчаивались в исполнении сладкого желания своего сердца – славословить Господа и Пречистую Матерь Божию в собственном храме, ибо всякая помощь человеческая оставила их. После еще многих чересчур сладких слов Иван Тихонов описывает, с каким

восторгом спешили теперь сироты в Дивеево обрадовать во Христе сестер своих и засвидетельствовать перед ними о дивном чуде и о материнском попечении Царицы Небесной.

Чудеса продолжаются! Имея теперь совершенно ясное доказательство благоволения Божия и Царицы Небесной на сооружение у них храма, говорит Иван Тихонов, и необходимый на первый случай капитал, сироты не знали вначале, где положить основание этому храму: думали даже сломать мельницу и на этом месте воздвигнуть его, как на месте, избранном и благословенном самим о. Серафимом. Наконец, после разных недоумений, и в этом случае сестры, как дети, решились испросить волю Самой высокой и милосердной Матери своей. Все излили перед Нею свои моления, чтобы Она Сама благоволила показать угодное Ей место для сооружения священного Своего храма. И вот, одна из сестер, именем Параскева, видит сон, что в ворота обители шествует необыкновенная священная процессия. Предшествуемые Небесными Силами, торжественно шли святители Божии и несли две иконы Царицы Небесной: Тихвинскую и «Умиления», или «Всех радостей Радость»; за ними шли преподобные отцы и жены и другие святые Божии. Остановившись на том самом месте, где теперь сооружен больничный храм, они начали совершать какое-то служение, но какое именно и что пели, сестра не могла уразуметь; из рассказа же ее понятно, что то была соборная лития, совершаемая во время крестного хода. Проснувшись, сестра передала это радостное видение и знамение Владычицы прочим сестрам. По близости того самого места, которое Она избрала Себе для сооружения храма, у сирот уже был приготовлен заблаговременно почти весь материал. Там было до 200 000 кирпича, самый лучший лес и несколько сажен песку и извести. Когда осмотрели местность, говорит Иван Тихонов, то заготовленному материалу не было конца. Тут же некоторые из работников рассказывали как очевидцы, что еще гораздо ранее они, работая поблизости, видели однажды, что вдруг над ними как бы разверзлось небо и что-то блестящее упало оттуда на это самое место и что еще тогда же они передали об этом дивном видении многим.

Но спрашивается, что это за материал и откуда? Неожиданное появление его, по словам того же Ивана Тихонова, поразило всех. Точно казначея и благочинная, плакавшие в Сарове

о неимении храма, когда их было два, могли не знать, что 200 000 кирпича сложено в монастыре? Как они рассчитывали, что надо 1 000 рублей на начало деревянного Тихвинского храма, когда на с. 122 Иван Тихонов пишет: «Как недавно Царица Небесная подвигнула одного боголюбивого мужа Петра (в г. Борисоглебске, Тамбовской губ.) прислать в обитель для утоления печали сирот своих 1000 руб., так, зная *последующую* (?) необходимость материалов в обители для своего храма, Она же, Всеведущая, внушила благочестивое желание другому боголюбивому мужу Павлу (в Санкт-Петербурге) вручить сироте Дивеевской, Елисавете Андреевне Татариновой, для нужд обители приготовленный им капитал, который он сам не знал вначале, на какое употребить богоугодное дело. На эти-то деньги и был приготовлен весь материал».

Ясно из этого одно, что был пожертвован капитал на постройку каменного собора, под который о. Серафим купил сам земли у г-на Жданова, и на эти деньги куплен материал, сложенный за канавкой. Но жестокий по своему замыслу Иван Тихонов решился воспользоваться материалом для постройки своей Тихвинской церкви и вполне нарушил этим волю и завет великого старца Серафима. Без стеснения он заявляет на с. 122 своей книги, что рассказ рабочих о ниспадении блестящего с неба был принят с благоговением, и все не менее дивились и потому очевидному Промыслу Божию и Пречистой Его Матери, что Они внушили Ивану Тихонову (?) заблаговременно приготовить материал и свозить его именно на то самое место, которое угодно было Матери Божией освятить для Своего храма. «Здесь, — пишет канонарх, — я снова видел в себе только орудие милосердия и любви Ее к убогим сиротам; потому что все это есть дело прозорливых людей, а не такого слепца немощного, каким я сознаю себя!»

Далее Иван Тихонов говорит, что работа весело закипела при готовом материале, несмотря на все препятствия со стороны недоброжелательствующих. В одно и то же время в одном месте работали каменщики и закладывали фундамент слишком в 5 аршин вышиной, а в другом, поблизости, рубили лучший лес и выводили деревянный сруб для верхнего этажа храма. Таким образом, через 9 месяцев храм на 30 саженях был уже готов вчерне. При самом окончании храма, когда они протратили весь капитал, присланный на собор из Петербурга,

сироты, по словам их попечителя, видели снова постоянное промышление о них милосердной Матери Божией. Во-первых, приехала одна боголюбивая госпожа, именем Мария, и пожертвовала 300 рублей; во-вторых, когда по окончании храма потребовалось расплатиться с плотниками на сумму около 2000 рублей, то мать благочинная предсказала по своему сну, что будет пожертвование в день Знамения Божией Матери, и действительно, в этот день пришел в обитель крестьянин, по приказанию своего помещика, и, спросивши настоятельницу, вручил ей от имени своего господина 2000 рублей ассигнациями. После всего рассказанного Иван Тихонов позволил себе утверждать (с. 124), что храм его, начатый без всяких видимых средств, по одной вере в Промысл Божий и предстательство Царицы Небесной за молитвы о. Серафима, и которого построение было сопровождаемо видимым содействием свыше, к концу года был совершенно кончен.

Действительно, церковь во имя иконы Тихвинской Божией Матери, весьма тесная, малая, всего 15 сажен длины, 9 сажен ширины и 7 сажен вышины, с одной главой белой жести, была освящена в 1847 году 17 июня в Бозе почившим Иаковом, архиепископом Нижегородским и Арзамасским. Главный придел был Тихвинской иконы Божией Матери. Правый придел во имя Архангела Михаила и Сил Небесных был освящен 4 июня 1848 года тем же архиепископом Иаковом. Левый придел во имя всех Святых освящен в 1848 году 4 июня протоиереем Нижегородского Крестовоздвиженского женского монастыря о. Алексием. В нижнем этаже была устроена церковь в честь иконы «Утоление печали» Божией Матери, которую освятил в 1850 году 13 июня протоиерей общины о. Василий Садовский.

Архиепископ Иаков, весьма умный и духовной жизни человек, относился с любовью к памяти о. Серафима, но также, по недоразумению, вначале поверил рассказам Ивана Тихонова о себе и поддерживал его. После освящения храма он не только обошел всю обитель и все тщательно осмотрел, но побывал и в каждой келье сиротствующих, вникая подробно в их положение, и ни одной сестры не оставил без какого-нибудь важного отеческого наставления. Иван Тихонов, однако, успел убедить его в приказании о. Серафима по его примеру прочитывать Евангелие по одному евангелисту в день, и пре-

освященный Иаков благословил совершать в Тихвинской церкви день и ночь чтение Евангелия и после каждого евангелиста прочитывать акафист страстям Христовым, а чтение Псалтыри прекратить в Рождественской церкви.

В официальном описании монастыря, хранящемся в Нижегородской консистории, так говорится об этом ужасном времени, переживаемом Дивеевской обителью:

«При слабой настоятельнице новообразовавшейся Серафимо-Дивеевской общины, Ирине Прокофьевне Кочеуловой, все совершенно забравший в личное насильственное и самопроизвольное распоряжение свое Иван Тихонов всем, чем лишь было возможно, теснил и преследовал Серафимовских, постепенно стараясь, под всевозможно благовидными предлогами, уничтожить все Серафимовское, святым старцем, по приказанию Матери Божией, заповеданное, заменяя то лично своим, новым. Так, мельницу-питательницу перенес он почти на версту в поле с прежнего, ей батюшкой Серафимом определенного места; затем упросил епархиальное начальство запереть и запечатать обе Рождественские церкви, вместо столь строго заповеданного чтения неугасимой Псалтыри заставил читать Евангелие в Тихвинской новоотстроенной им церкви. После этого снес все по приказанию батюшки Серафима поставленные корпуса-кельи, построив свои, новые, и все задним фасом к святой, заповеданной Царицею Небесною канавке, с твердо выраженным намерением постепенно засыпать ее всяким сором и впоследствии совершенно заровнять. Эта всем известная и столь многозначительная канавка вырыта по приказанию Самой Матери Божией, по той самой тропе, где, по глаголу святого старца, "Стопочки Царицы Небесной прошли!" Она начата особо чудесным образом самим батюшкой Серафимом. При выкапывании сестрами мельничной общинки Сама Она, Заступница всех христиан, всегда невидимо присутствовала лично, благословляя труд послушания их, как то часто всем сам говорил старец Божий. "Канавка эта одна всегда заступит вас, став огненной стеной до неба! И даже Антихрист и тот ее перейти не сможет!" — говорил о. Серафим».

Понятно, что такому «чуждопосетителю» батюшка о. Серафим предсказал, что он не увидит лица Серафимова ни здесь, ни в будущей жизни!

Глава XXIV

Страдания Серафимовых сирот. Чудеса по молитвам о. Серафима. Видение саровскому послушнику. Исполнившиеся предсказания о. Серафима. Дурная аттестация Саровской братии, данная Ивану Тихонову. Решение Ивана Тихонова покинуть Саровскую пустынь. Поступление в Дивеевскую обитель Е. А. Ушаковой. Старание Ивана Тихонова построить собор не на земле, купленной о. Серафимом. Действия преосвященного Иакова и донесение исправника Бетлинга о неудобстве постройки собора на месте, выбранном Иваном Тихоновым. Закладка собора. Перевод Ивана Тихонова в Нижегородскую епархию, пострижение в монахи с именем Иоасафа и посвящение в сан иеромонаха. Отправление его сборщиком в Петербург. Напечатание в 1849 году рассказов об отце Серафиме. Перевод о. Иоасафа в архиерейский дом и последующая служба. Отказ преосвященного Иакова на прошение о назначении о. Иоасафа попечителем Дивеевской обители. Смена Ирины Прокофьевны по старости лет и назначение Е. В. Ладыженской. Удаление о. Иоасафа из Дивеева преосвященным Иустином после смерти преосвященного Иакова. Преосвященный Иеремия

«После меня, – говорил о. Серафим, прощаясь со старшей сестрой Прасковьей Степановной, – много-много вам будет скорби, но что делать, потерпите, такой уж путь ваш!»

И великие эти старицы и сироты Серафимовы истинно терпели и молчали, пока не пришла пора отвечать им на вопросы духовных и светских следователей. Что они терпели и переносили – можно себе представить! Достаточно было

видеть батюшкины храмы запечатанными, все постройки сломанными, все завещанное великим старцем, по приказанию Царицы Небесной, уничтоженным. Во главе стоял лжеученик Серафимов, стремившийся стереть с лица земли юную обитель, и ему поклонялись, думая служить истине, не только безграмотные, неразвитые и слабые духом крестьянки, но также и дворянки, видимо образованные, добродушные, но, конечно, увлекавшиеся внешним благочестием окружающих. Настоящий ученик Серафимов М. В. Мантуров, отдавший обители Дивеевской все свое достояние, был без всякого влияния и значения как бы уничтожен Иваном Тихоновым, прославленным в Петербурге среди великосветских дам, не имеющих, естественно, ни опыта, ни знаний для отличия духовной истины от вражьей прелести. Нелегко было смотреть на все это блаженным, дивным старицам Дивеевским и молча терпеть скорби от врага человечества! Оставалось изливать свое горе на могиле батюшки Серафима, который невидимо укреплял их и продолжал совершать чудеса.

Из числа совершенных чудес с приезжими, записанных своевременно, замечательны следующие (монастырский архив, см. брошюру Дивеевского издания 1874 г., Москва).

Один купец Костромской губернии, Павел Михайлович Иконописцев, в продолжение долгого времени каждый год в определенный день приезжал в Дивеевскую обитель. В одно из своих посещений он передал старшей сестре в гостинице Анне Захаровой (монахине Ревекке) следующий рассказ. В первый приезд свой, когда он ехал со своим приказчиком из Сарова домой, остановились они по дороге в Серафимо-Дивееве. Отстояв вечерню, собрались в дальнейший путь, но сестра обители, бывшая в то время в гостинице, Агафья Иларионовна, уговаривала их остаться на ночь, чтобы утром осмотреть находящиеся в обители вещи о. Серафима и еще потому, что ночь могла их захватить в дороге. Однако уговоры сестры не подействовали, и думая себе, что достаточно поклониться на могиле о. Серафима в Сарове, а потому не для чего уже останавливаться в Дивееве, они поехали своей дорогой. Не успели они отъехать версты от Дивеева, как вдруг их накрыла туча непроглядной темноты, так что от снега не белела и не светлела дорога. Затем поднялся такой страшный буран, что хотя они ехали и по большой дороге, но совершенно

потеряли след, лошади встали, а ямщик прямо объявил, что не знает, куда ехать, и окончательно замерзает. Холод все крепчал, и путники, сознавая, что неоткуда получить помощь, начали отчаиваться в спасении. Сколько они ни молились, ни призывали на помощь св. угодников, положение становилось безотраднее, и вскоре предстояла им ужасная смерть. Но вдруг Иконописцев воскликнул, как бы очнувшись: «Эх, братцы, и мы-то хороши! Были мы на поклонении отцу Серафиму, а его помощи и не просим! Давайте попросим его!» Тогда все трое, собрав последние силы, стали на колени и начали усердно молиться Богу и просить помощи о. Серафима, чтобы не умереть им без покаяния. Не успели они окончить своей молитвы, как вдруг услышали, что возле них кто-то шаркает по снегу и говорит: «Ей вы! Что это где засели? Нука, вот ступайте за нами, мы вас выведем на дорогу!» Глядят, а мимо них старичок и старушка везут салазки и оставляют по себе большой след. «Поехали мы по следу, – говорил Иконописцев, – чудно да и только, след виден, голоса покрикивают: "Сюда, сюда за нами!" И видно-то нам их, а захотим догнать и лошадей пустим, – никак не догоним, диво да и только! Целая тройка, а простых салазочек не догонит! Так вот мы по следу-то все ехали да ехали и вдруг точно упали в какой-то овраг и застряли: ну, думаю, – беда! А голоса-то и кричат: "Не бойтесь, не бойтесь, ничего, ступайте за нами!" Действительно, преблагополучно выехали мы из оврага и снова поехали по следу, как вдруг показались огни, след, салазки и старик со старушкой пропали, а мы, выехав на огонь, очутились в Елизарьеве селе, всю ночь проплутав». Этот старичок со старушкой были, несомненно, о. Серафим и мать Александра, и потому, веря, Иконописцев ежегодно приезжал благодарить их в Дивеево.

Монахиня Магдалина Тихвинского женского монастыря из г. Нежина Черниговской губ., урожденная Мария Павловна Шахова, родившаяся в Петербурге и жившая с пятилетнего возраста в монастыре, поехала по благословению Черниговского епископа навестить сестру свою в Троекуровский женский монастырь, которую не видала 30 лет. Проведя здесь некоторое время, она поехала также в Саровскую пустынь, согласно давнему желанию своему, и остановилась в монастырской гостинице, называемой Черной, находившейся

под ведением о. Николая. Заболев здесь жестокой лихорадкой, она пролежала целые пять недель. Отец Николай, гостинник, видя такую сильную болезнь, думал, что, видно, она пришла умирать к ним. Во все время болезни матери Магдалины он был весьма внимателен и добр к ней, сам приносил чай, пищу и, уходя, всегда запирал келью, чтобы никто из посторонних не беспокоил больную. И вот 2 августа, когда мать Магдалина лежала в запертой келье, вдруг вошел к ней без молитвы и дозволения какой-то монах в шубе, с сумой за плечами, в лаптях и в кожаной полумантии. Удивленная и недовольная мать Магдалина испуганно спросила: «Кто вы, батюшка? Как вы вошли, когда я лежу больная и дверь моя заперта? Что вам нужно?» «Я, Серафим, пребываю здесь! Ступай на источник!» — ответил он. «Не могу, батюшка, я очень слаба», — отвечала она. «Ступай!» — повторил о. Серафим несколько раз и затем удалился. Видя, что никого уже нет, мать Магдалина подошла к двери, чтобы убедиться, заперта ли она, отворила ее и спросила: «Где монах, который сейчас был у меня?» На это все находившиеся в коридоре ответили, что никакого монаха не было, и вместе с тем сами спросили, с кем она разговаривала, ибо слышали, что кто-то говорил с нею. Изумленная мать Магдалина возвратилась в келью. Несколько часов спустя опять явился ей батюшка о. Серафим в суконном кафтанчике, подошел к постели, сел на край и приказал ей непременно идти на источник, чтобы исцелиться там. Но мать Магдалина боялась и подумать об этом, так была слаба, вследствие того она отговаривалась. На другой день перед ранней обедней в третий раз явился ей батюшка в белом балахоне и, приподняв ее с постели, строго приказал идти к источнику получить там исцеление. Тогда мать Магдалина побоялась ослушаться и немедля пошла на источник. Она все-таки не разделась, а стала под желоб в юбке и кофте. Когда облила ее холодная ключевая вода, то она услышала громогласный, выходящий как бы из желоба голос: «Исцелена Магдалина!» Ужаснувшись от этих слов, она воскликнула: «Верую, Господи, что я исцелена, и благодарю Тебя!» Осмотревшись затем кругом, она убедилась, что никого нет вблизи. Взяв с собой в бутылку воды, мать Магдалина возвратилась в Саров. Удивился о. Николай этому чуду, ибо знал, до какой степени она была слаба, а теперь она шла одна. Тут же о. Николай рассказал, как он сам

получил исцеление от лихорадки. К нему также явился о. Серафим и сказал: «Разве ты не знаешь моего источника, ступай на него!» Как только он искупался, совершенно выздоровел. Мать Магдалина, возвратившись с источника, напилась чаю и легла. В тонком сне она вновь увидала о. Серафима, который сказал ей: «Теперь иди в Дивеев!» «Зачем же идти мне туда; там нечего делать?!» – ответила она. Но батюшка несколько раз повторил приказание идти в Дивеево и добавил: «Все мое там, и я сам постоянно и более всего там пребываю». Когда мать Магдалина проснулась, то все это передала саровскому пещернику о. Парфению, прося записать все случившееся. Он решительно отказался, говоря: «Ступайте в Дивеев, там запишут; иди, иди в Дивеев; это великая благодать, тебе и сам о. Серафим на то указал; там запишут непременно, потому что там более всех почитают его! И Бог знает, что еще будет из нас и из Дивеева! У нас вот три раза видели горящие свечи на могиле его, да и то мы не верим и ничему не поверим, пока на гробе его разве что-либо ясное случится».

Монахиня Каллиста рассказывала (тетрадь № 1), что однажды (в 1840 г.) ее послали с матерью Февроньей в Арзамас на своей лошадке. По дороге они встретили молодого послушника, взаимно поклонились друг другу и спросили, из какого он монастыря. «Саровский, – сказал он, – а вы?» «Дивеевские», – ответили они. «А, родные наши!» – воскликнул послушник. Сели они отдохнуть и разговорились. Послушник передал им, что идет за бумагами, всего три года живет в обители, служил смиренному иеромонаху *Иоанну* (Иван Александрович Коротаев), который скончался и был такой строгой жизни, что кроме храма и трапезы никуда не ходил и в келье даже не имел у себя ни куска хлеба, ни кваса. Он был никому неизвестен своими высокими подвигами, жил в унижении; когда же умер, то у него нашли только три копейки денег. «Я скорбел на него, – говорил послушник, – служил ему три года так усердно, любил его и знал, что он меня любит и был мною доволен, а ничего мне не оставил, ничем не утешил, но сам за него молился и других просил молиться. Раз я вижу сон: за Сатисом (река), где у нас огороды, зеленый луг весь усыпан точно райскими цветами. Я спросил: кому принадлежит этот дивный сад или луг? Мне сказали: это обитель батюшки Серафима. Смотрю, все наши монахи идут встречать точно как

Владыку; на одной стороне – братия, а на другой – монашенки, все толпами. Первыми во множестве идут Дивеевские, вторыми – Ардатовские, а потом – Ковыляевские. Батюшка Серафим стоит на этом лугу, подле него – мой старец Иоанн; все так чинно подходят к нему под благословение, а потом к моему старцу. Я подхожу после всех, как и все подходили прежде к батюшке Серафиму, а потом к отцу своему Иоанну. Он меня благословил, сжал мою руку, удержал меня и говорит: "Чадо мое! Не скорби на меня, я там за все, за все тебе заплачу. Мы с о. Серафимом там вместе на седьмой степени... А что такое седьмая степень? Это где обитают херувимы и серафимы; там и мы с ним!" Я проснулся в трепете да и смутился. Спрашивал старцев: не прелесть ли это или бред? А они мне ответили: "Нет, это тебе было откровение, чтобы ты не скорбел на своего старца и уповал на их молитвы"». Дивеевские сестры очень утешились рассказом саровского послушника.

Один иеромонах жил в Сканской пустыни, близ г. Краснослободска, который был ранее послушником в Сарове. Однажды он пришел к о. Серафиму за благословением выйти из обители. Батюшка ему не препятствовал, а сказал: «Иди в Сканскую пустынь, но, радость моя, какие бы ни встретились тебе скорби, никуда не выходи из обители». Так он по благословению о. Серафима и вступил в Сканскую пустынь. Вскоре его постригли в рясофор, потом в мантию, посвятили в иеродиаконы, наконец и в иеромонахи. Много лет прошло, жил он в Скане, а скорби никакой не видел; наконец начал сомневаться в словах, сказанных ему батюшкой Серафимом. Но вдруг случилось следующее обстоятельство: к нему ходила прачка, старушка, любившая божественное и слушать жития святых, которые монах ей изредка читал. А братия, возмущаемая врагом, явилась к игумену, прося выслать его из обители и говоря: «Если его не вышлешь, мы все разойдемся: он живет на соблазн всем!» Игумен удивился, призвал иеромонаха к себе и допросил. Последний без смущения сказал откровенно, что он читает старушке житие святых и толкует ей Священное Писание. Игумен воспретил ему принимать старушку, но не выслал его из обители. Тут иеромонах вспомнил предсказание о. Серафима. Вскоре он сильно заболел, и в это время ему было откровение. Он увидал Господа в славе, окруженного Царицей Небесной, Иоанном Богословом, Иоанном

Предтечей, Симеоном Богоприимцем и батюшкой Серафимом. На о. Серафиме был блестящий венец, а на венце несколько крестов. Впоследствии этот иеромонах со слезами убеждал дивеевских сестер не оставлять ни по каким скорбям святой обители, основанной таким святым праведником, который имеет подобное дерзновение у Господа. «Он и там за вас всех ходатайствует у Престола Божия, – говорил он, – и я, убогий, рад бы лечь хоть у врат вашей св. обители!» (Монастырский архив).

Великий старец о. Серафим приказал М. В. Мантурову, по возвращении его из имения генерала Куприянова, никуда не выезжать из Дивеева, что он строго исполнял, несмотря на нравственные муки, претерпеваемые им от вмешательства в дела Дивеева и уничтожения заветов о. Серафима Иваном Тихоновым. Последний весьма тяготился тем, что Саровский игумен и старшая братия не удостаивали его повышения и все держали в звании послушника и канонарха, так как он не мог ни благословлять, ни исповедовать своих дивеевских сестер. Оставить и выйти из Сарова было страшно Ивану Тихонову после запрещения о. Серафима и предсказания, что в случае выхода он не узрит лица Серафимова ни тут, ни на том свете и никогда уже не вернется в Саров. Приказание великого старца о. Серафима не покидать Сарова, однако, стесняло его действия и парализовало бы его влияние на Дивеево, потому что кому же лучше было знать все недостатки Ивана Тихонова, как не саровской братии, и они не дали бы ходу его чрезмерному честолюбию. Строгие требования игумена, непрестанные послушания в конце концов смирили бы Ивана Тихонова, но он решился скинуть с себя это необходимое для монашествующего подчинение. Теперь он задумал сделаться строителем, попечителем, духовником и благочинным Дивеева. Петербургские покровители его поддержали, и Св. Синод запросил преосвященного епископа Тамбовского Николая: почему монах Иоанн Тамбовский, находящийся в Саровской пустыни, до сих пор не посвящен в иеромонаха?

В ответном рапорте игумена и братии Саровской пустыни (Монастырский архив), посланном Его Преосвященству на тот же запрос, говорится, что «в пустыни у них нет никакого монаха Иоанна, а есть только рясофорный послушник, канонарх Иван Тихонов Тамбовский, который такого самоволь-

ного поведения, что если не переменит образа жизни и характера своего, то, по общепринятым, положенным правилам и уставам оной пустыни, никогда не может быть пострижен в монахи от общежительного пустынного братства».

Этот самый «общебратственный» Саровский рапорт преосвященный Николай отправил в Синод, вместо своего ответа на Указ о немедленном посвящении Ивана Тихонова в иеромонахи. Тогда Св. Синод объяснил лицам, которые ходатайствовали о нем, что если Иван Тихонов желает быть иеромонахом, то должен выйти из Саровской пустыни. Узнав это, лжеученик Серафимов решился ослушаться приказания великого старца не покинуть пустынь.

27 декабря 1844 года прибыла в Дивеевскую обитель девица Елисавета Алексеевна Ушакова, помещица Тульской губернии, 25 лет от роду. Благословен был Господом этот день как для нее, так и для обители! Родившись 30 августа 1819 года, она была в числе двух сестер и четырех братьев в семье светской, готовящейся для беззаботной мирской жизни. Веселая, любившая музыку, Елисавета Алексеевна после чтения книг святителя Тихона Задонского вдруг изменилась совершенно и почувствовала призвание к духовной жизни. Трудно было решиться покинуть родительский дом, склонить отца на благословение поступить в монастырь, но при помощи Господа и Царицы Небесной судьба ее устроилась; родитель дал свое благословение, и Елисавета Алексеевна, не имевшая понятия о монастырской жизни, но знавшая понаслышке о Дивеевской общине и дивной жизни основателя ее о. Серафима, направилась в этот монастырь, предназначенный ей для величайших испытаний и трудов.

Как известно, в это время была начальницей общины Ирина Прокофьевна. Сестры жили в тесных и маленьких кельях, а за неимением своего монастырского священника ходили к обедне по праздникам в свои Рождественские церкви, а по будням иногда и в приходскую Казанскую церковь. Как только Елисавета Алексеевна была принята, ее поставили петь на клирос, что немало удивило ее, а затем поручили ей письменную часть, ведение совершенно незнакомых отчетов. Кроме того, Иван Тихонов заставил ее учиться живописи в предназначенной ей келье, где по многолюдству неудобно было работать. Ей пришлось трудиться, не отказываясь даже

от черной работы, как возки в поле навоза, жнитва, косьбы и проч. Любовь к о. Серафиму и стремление приобрести должное послушание и смирение выучили нежных и избалованных барышень этим трудным работам. Елисавете Алексеевне пришлось вести расчеты по приемке дров для обители, и часто крестьяне являлись к келье, в какое им заблагорассудится время, стучали и говорили ей: «Слышь, дровяная казначейша, принимай да расчет подавай!» И на рассвете, и во всякую погоду приходилось Елисавете Алексеевне выходить на зов крестьян и исполнять многочисленные свои обязанности.

Земля, купленная отцом Серафимом для летнего собора, была без употребления, и весь материал, приобретенный для него на пожертвованные деньги, истрачен был Иваном Тихоновым при постройке Тихвинской церкви. Но наконец настал день, определенный Господом для разрешения этого вопроса! Чтобы уничтожить со временем память о мельничной обители о. Серафима и основать свой собственный монастырь, духовно ослепленный Иван Тихонов хотел построить собор не на купленной батюшкой Серафимом земле, а в трех верстах от обители, на пустоши Ломовка, где был небольшой лесок и речонка. Дабы склонить на это преосвященного Иакова, который еще доверял Ивану Тихонову, он объяснил Владыке, будто бы земля, ранее предназначенная под собор, вся изрыта «дудками», из которых добывали прежде железную руду, и ввиду этих подземных ходов немыслимо строить тяжелый каменный собор: земля осядет, и все здание может разрушиться в один прекрасный день. На пустоши Ломовка можно устроить Дивеевский скит, и там гораздо лучше и безопаснее строить собор. Уверенный в успехе, Иван Тихонов даже очистил место под собор в трех верстах от Серафимовой обители, но преосвященный Иаков не согласился перенести весь монастырь с места первоначального устройства. Тогда Иван Тихонов выбрал место не в обители, а в поле, действительно изрытом дудками, и опять начал готовить к закладке собора.

Для правильного обсуждения вопроса в 1848 году преосвященный Иаков отнесся официально к местному, Ардатовскому исправнику Павлу Логгиновичу Бетлингу, прося его осмотреть местность, выбранную Иваном Тихоновым, и донести свои заключения.

Для описания событий, сопровождавших закладку летнего Дивеевского собора, имеется драгоценный материал: 1) записка самого исправника Бетлинга и 2) брошюра, неизвестно кем составленная, под заглавием «Краткое повествование о Свято-Троицком соборе Серафимо-Дивеева монастыря» (тетрадь № 15). Записка Бетлинга вшита в следующее его письмо к игумении Марии, от 15 апреля 1889 года, из сельца Ознобишина Ардатовского уезда: «К Вам, как к современнице иеромонаха Серафима Саровского (?), препровождаю в полное монастырское распоряжение мои воспоминания о начальном устройстве собора во вверенном Вам монастыре. При сем, на случай сомнений, прилагаю в подлиннике и само черновое мое письмо к преосвященному Иакову, ветхость коего свидетельствует о его неподдельности. Если же Вы найдете, что эти воспоминания мои ни для монастыря, ни для печати духовной или светской не годны, то прошу возвратить их мне или о получении уведомить».

Расследовав вопрос об удобстве или неудобстве постройки собора на земле, купленной о. Серафимом, исправник П. Л. Бетлинг писал преосвященному Иакову:

«Ваше Преосвященство, милостивый Архипастырь!

Исполняя сделанное мне Вашим Преосвященством поручение, я обходил местность, на которой предполагаются оградные стены, корпуса, собор и вообще каменные здания Дивеевской общины. По соображении местности с землемерным планом я нахожу необходимым донести Вашему Преосвященству следующее: 1) землемерный план обозначает много менее противу настоящего ту часть земли, которая занимается рудными дудками или подземными ходами. Отдельные же дудки вовсе не обозначены на плане, что и вероятно, ибо сверху зарытые ямы и подземные ходы, не делая препятствия хлебопашеству, не обращают оттого внимание землемера, но могут вредить тяжелым строениям; 2) а потому, чтобы с благонадежностью на будущее отдаленное время распланировать на бумаге, а не прямо на рудной местности, в симметрическом порядке каменные здания, необходимо иметь самый верный и подробный план местности, в коем с математической точностью должны быть обозначены одной полосой сплошные дудки, а сверх сего должны быть определены и дудки отдельные, находящиеся иногда в значительном расстоянии от прочих.

Положим, что над этими дудками или ходами лежит огромный слой земли, от 8 до 15, 20 и более сажен, но если были внизу постепенные обвалы или искусственные прорывы за рудой вверх, что слой этот утончился, а прорытая от 2 до 3 аршин канава фундамента, отягощенная громадной тяжестью, например собора, проляжет вдоль такого хода, то мне кажется вероятным, что строение на сем месте со временем даст трещину или будут, чего Боже сохрани, еще худшие последствия. При сем, как я осмеливаюсь полагать, воображая о будущем общины, о ее каменных зданиях, следует также иметь в виду, что в материальном отношении все пространство земли, долженствующее вместить громадные стены и сохранить на себе миллионные здания времен, ценится в настоящее время менее 2000 рублей серебром, итак, 10-рублевый лоскут земли этой может поглотить более чем в 100 тысяч строение. Следовательно, если в 1000 удач поместится одна тяжелая неудача, то и в этом случае будет пропорция невыгодна, а предположение рискованно. К тому же эта местность не имеет ни особой красоты, ни необходимости для постройки; а уважаемые общинниками местечки могут и в других случаях попасть в ограду. Препровождаю при сем в благоусмотрение Вашего Преосвященства землемерный план, взятый из Дивеевской общины, в коем, по возможности, обозначены карандашом мои замечания, каковой по миновании надобности не оставьте возвратить. По исполнении от особы Вашего Преосвященства поручения, сколько позволяли мои понятия и возможность, я не считаю лишним представить в благоусмотрение Ваше слышанное мной от жителя с. Дивеева г-на Мантурова; он говорил, что будто бы г. Мотовилов желал предоставить общине каменную церковь с. Дивеева, около которой лежит прах первоначальницы общины, а в замену для прихожан выстроить в с. Дивееве новую. Конечно, слова эти требуют основательных фактов».

Но Иван Тихонов успел опровергнуть доводы исправника Бетлинга, и преосвященный Иаков согласился все-таки на предложение лжеученика Серафимова. В конце января (30-го) казначея Дивеевской обители Юлия Маккавеева писала исправнику Бетлингу: «По благословению преосвященного Владыки, спешу уведомить вас, что план наш на Дивеевскую дачу преосвященнейший от вас получил и за скорое

исполнение приносит вам благодарность и что преосвященнейший Владыка на ваше письмо сам будет отвечать. План сей мы уже получили через батюшку Иоанна Тихоновича, который на ваши замечания Владыку успокоил, и батюшка свидетельствует вам свое глубочайшее почтение».

По этому поводу исправник Бетлинг говорит в своей записке: «Несмотря на такие разительные доказательства, в моем письме обозначенные, о неудобстве избранного под собор места, преосвященный Иаков, руководимый тогда монахом Иваном Тихоновичем, вообще с арзамасским помещиком Иваном Егоровичем Карауловым и каким-то с ними еще гражданским инженером, порешил приказанием вырыть канавы под фундамент на избранном ими месте, а меня просил через казначею общины прибыть на освящение в с. Дивеево. Он поручил сказать мне, что на рудных колодцах предположено устроить кирпичные своды, что его и успокоило. Следует заметить, что это место было второе под собор, предположенное вопреки определению старца Серафима. Первое было назначено в ближайшем к с. Дивееву леске, куда Иван Тихонович предполагал перевезти всю тогдашнюю общину, а с ней и постройку собора. Был слух, что общину он предполагал назвать “Ивановской”. Весьма красивый для сего план был им представлен преосвященному Иакову, который мне его показывал и утвердительно объяснил, что на перевод собора и общины в лес он не согласился. План этот, вероятно, хранится в Архиерейском архиве».

3 июня 1848 года в Дивеевскую обитель прибыл преосвященнейший владыка Иаков, епископ Нижегородский и Арзамасский, для закладки собора в сопровождении протоиерея Нижегородского Крестовоздвиженского женского монастыря. Его встретили: исправник Бетлинг, помещик Караулов, инженер, Иван Тихонов, Н. А. Мотовилов, князь Н. А. Енгалычев и съехавшиеся на празднество гости. Преосвященный остановился в доме Н. А. Мотовилова. Исправник Бетлинг счел долгом еще раз лично доложить епископу Иакову о неудобстве местности, выбранной для собора. Видя, что Владыка упорствует, Бетлинг напомнил ему о воле о. Серафима, именем которого устраивается и содержится община, но он ответил:

«Отец Серафим человек неофициальный, а мы имеем официальный план».

Этот разговор происходил утром 4 июня. Раздосадованный Бетлинг удалился и, встретясь на площадке перед домом с упомянутым выше протоиереем, передал последнему о своем разговоре с преосвященным. Оба они пошли далее вместе. На пути стояли артели разных рабочих, собранных для закладки. Бетлинг подошел к ним и сказал, что он одобряет выбранное архиереем место под собор, но есть и такие люди, которые спорят с ним, утверждая, что рудные дудки будут опасны для строений. Крестьяне усмехнулись и ответили: «Нет, барин, ты нас из ума пытаешь; ты не хуже нас знаешь, что дудки могут повредить строениям». Бетлинг сердечно поблагодарил рабочих за их доброе о нем мнение.

Иван Тихонов употребил все свое красноречие, чтобы восстановить преосвященного Иакова против М. В. Мантурова и выставить его недоброжелателем возрастающей Дивеевской обители. Утром же 4 июня Владыка поехал с Иваном Тихоновым на приготовленное место для закладки собора, отстоявшее от обители на три версты. Дорога была ужасна, разрытое дудками поле привело в ужас преосвященного Иакова. Приехав на место закладки, он задумался и, вероятно осененный благодатию Божией, в изумлении произнес: «Хорошо-то хорошо, но если мы построим тут собор, чтобы служить в нем и молиться, то сюда же должна будет перенестись и обитель. Где же будет тогда начатая Серафимом и свыше ему указанная обитель?»

Иван Тихонов не нашелся, что ответить. Сказав это, епископ Иаков возвратился в обитель и вызвал к себе помещика Караулова, инженера и Ивана Тихонова. Рассмотрев план, они назначили третье по счету место для закладки собора. Между тем Иван Тихонов хорошо знал о настоящем месте, предназначенном для собора о. Серафимом, ибо он в следующем 1849 году печатно заявил, что место это было приобретено великим старцем у г-на Жданова и что деньги 100 руб. ему лично вручил на покупку о. Серафим. Но теперь, недовольный неудачей своего замысла, Иван Тихонов все-таки не вразумился всем случившимся и вознамерился расчистить и приготовить третье место в поле, за добрую версту от обители.

Узнав об этом, М. В. Мантуров, как верный слуга и послушник о. Серафима, счел долгом своей совести заявить Владыке, что действия Ивана Тихонова не согласны с волей и заветами

великого старца и основателя обители. Но ввиду недоброжелательства к нему преосвященного, М. В. Мантуров обратился к исправнику Бетлингу с просьбой доложить истину преосвященному Иакову.

Бетлинг с протоиереем, сопровождавшим Владыку, наблюдали за работами и подготовкой закладки. Иван Тихонов, Караулов и инженер отправились с планом на местность, выбранную ими в третий раз под собор, но, увы, оказалось, что она завалена вся кирпичами, заготовленными к стройке, бутовым камнем, и не было возможности успеть перевезти материал на другое место. Время уже клонилось к вечеру. Это проявление воли Божией сильно поразило исправника Бетлинга, и он сказал протоиерею: «Ну, посмотрим, как о. Серафим доведет собор до своего места!» «Да, это будет чудо, — ответил протоиерей. — Вы знаете, какой характерный преосвященный!»

Эти трое строителей поспешили к Владыке заявить ему о невозможности воспользоваться избранным им местом. За ними медленно пошли Бетлинг с протоиереем и доложили заявление М. В. Мантурова. Пока Бетлинг разговаривал с преосвященным Иаковом и затем вернулся к рабочим, почти совершенно стемнело. Протоиерей опять пошел с исправником на площадь, где застали Караулова, инженера и рабочих. Теперь уже весьма недалеко от земли, купленной под собор батюшкой Серафимом, строители начали разбивать линии под стены собора, вешая на кольях фуражки, потому что иначе за темнотою не было бы их видно. Это было уже по счету четвертое место. Бетлинг застал такую сцену: М. В. Мантуров горячился, почти кричал, что все сторонники Ивана Тихонова не стоят Серафимова лаптя и только из одного упрямства делают назло памяти великого старца! Вскоре, однако, Мантурова позвали к преосвященному Иакову, который хотя уже поколебался доверием к действиям Ивана Тихонова, но, предубежденный против Мантурова, все еще упорствовал. Выслушав внимательно Михаила Васильевича, Владыка спросил: «Чем же ты докажешь правоту своих слов?»

«Господь ведает, что я говорю вам истину, — сказал Мантуров, — но не знаю, чем уверить вас в том, разве вот что: призовите, святый Владыко, некоего здесь плотника Ефима Васильева, находящегося в дружбе с Иваном Тихоновым, которого

он выучил живописи. Этот плотник еще при жизни о. Серафима часто работал в Сарове. Знаю я, что батюшка часто и много говаривал с ним о Дивееве, говорил ему также и о соборе, и если он не захочет связать свою совесть, то должен подтвердить вам правду!»

Отпустив Мантурова, Владыка призвал названного им Ефима Васильева и стал расспрашивать его, как он работал в Сарове, знавал ли о. Серафима и не говорил ли ему что-либо старец о соборе в Дивееве?

«Как не знал, много говаривал со мною батюшка, — смело отвечал Ефим Васильев. — А что собора-то касается, ведь он и место под него сам купил. Насчет собора-то вам всего лучше уж спросить Михаила Васильевича Мантурова, потому что ему все это поручил батюшка, что мне хорошо и доподлинно известно».

Эта беседа вполне удовлетворила и утвердила преосвященного Иакова.

На площади тем временем продолжалось объяснение между строителями и приехавшими на закладку собора разными лицами. Иван Тихонов ушел к себе в келью. Исправник Бетлинг обратился тогда к помещику Караулову с вопросом: из-за чего он упорствует так? Караулов сослался на Ивана Тихоновича. Услыхав это, все съехавшиеся на закладку толпою отправились к Ивану Тихонову уговаривать его согласиться на избрание местности, указанной великим старцем, его учителем и отцом. Бетлинг свидетельствует, что Иван Тихонов на это ответил так:

«Если мельничек сидит в затворенной меленке, разве он может видеть, что делается снаружи мельницы?..»

Этим, говорит Бетлинг, он хотел сказать о том, что о. Серафим, будучи еще иеродиаконом, только однажды, и то проездом с Саровским игуменом, был у первоначальницы общины, полковницы Мельгуновой, а больше не посещал Дивеева и не мог знать, где и что следует строить.

Эти слова ясно изобразили внутреннее духовное состояние Ивана Тихонова, отвергавшего даже громогласно, перед целой толпой, дар прозорливости в о. Серафиме и заветы, данные им многим из сестер и преданных ему лиц. Каково было это слышать стоявшим здесь старицам о. Серафима, о. Василию Садовскому и многим другим свидетелям отречения его

от отца Серафима! Бетлинг и другие ответили Ивану Тихонову, что есть еще живые подрядчики, как Ефим Васильев, которые подтверждают, что о. Серафим сам купил землю г-на Жданова под собор!

Возбудившийся спор и шум заставили помещика Караулова идти к преосвященному Иакову и объяснить причину возмущения. За Карауловым пошел народ в сопровождении Бетлинга. Михаил Васильевич и князь Енгалычев горячо отстаивали волю батюшки Серафима, и так как Караулов доложил, что всего несколько сажен отделяют место, указываемое Мантуровым, от назначенного преосвященным, то Владыка сказал:

«Ну, если так, то Господь вас да благословит, стройте, где указывает г. Мантуров!»

Вся собравшаяся толпа была видимо довольна этим решением преосвященного Иакова.

«Но, – спросил тогда Владыка, – как же вырыть канавы для фундамента, когда завтра в 4 часа пополудни назначена закладка?»

«Нас съехалось много тысяч! – отвечал народ. – Никто не откажется от посильной работы!»

«Я оповещу всех съехавшихся!» – добавил исправник Бетлинг, горячо почитавший покойного старца о. Серафима.

Преосвященный Иаков попросил Бетлинга помочь. Работа быстро закипела под руководством дивного послушника о. Серафима – Михаила Васильевича Мантурова. Иван Тихонов скрылся и занялся писанием прошения о переводе его из Сарова Тамбовской епархии в Нижегородскую, дабы, согласно указанию Св. Синода, быть постриженным в монахи и посвященным в сан иеромонаха. Он забыл все и, мучимый тщеславием и гордостью, добивался одной лишь земной славы.

Таким образом, 5 июня 1848 года совершилась чудом закладка собора, предреченного великим старцем и основателем Дивеева. Такое событие не могло не ознаменоваться каким-нибудь явным проявлением благословения Божия и Царицы Небесной, и действительно, когда преосвященный Владыка возлагал первый камень, то, как святой жизни старец, он вдруг изменился в лице и во всеуслышание, громко воскликнул:

«От утра и за утро сей храм воздвигается велиим чудом».

Пророческие слова эти сбылись, ибо, несмотря на все препятствия врага человечества, утвердилось святое место, Самою Царицей Небесной избранное и купленное под храм о. Серафимом. 5 июня был первый радостный день сестрам и сиротам Серафимовым в течение 15 лет после смерти батюшки Серафима.

Преосвященный Иаков согласился на прошение Ивана Тихонова и принял его в Нижегородскую епархию, зачислив в Нижегородский Печерский монастырь. Там его постригли в монахи с именем Иоасафа, затем посвятили в сан иеромонаха, и преосвященный Иаков дал для сбора ему книжку, с которой о. Иоасаф немедленно и отправился в Петербург. Посетив здесь всех лиц, которые ему до сих пор покровительствовали заглазно, по письмам, и затем напечатав свои вымышленные рассказы в 1849 году о батюшке отце Серафиме и любви великого старца к нему, о. Иоасаф приобрел еще большую силу и веру среди придворных дам, которые, как и многие другие, к сожалению, поверили ему, из уважения к памяти о. Серафима. Ходатаев за него прибавилось, и пожертвования на Дивеевскую обитель лились золотою рекой, хотя о. Иоасаф, недовольный неудачей закладки собора, точно забыл о нем, и место, освященное служением архипастыря и молитвами нескольких тысяч народа, было заброшено. Увлеченный успехами, о. Иоасаф, конечно, не мог ужиться с игуменом Печерского монастыря и перевелся в архиерейский дом. Но и тут недолго прослужил о. Иоасаф и стал проситься в Балахнинский Феодоровский монастырь. Начальство последнего монастыря не могло остаться равнодушным к самоуправству о. Иоасафа, и последнего перевели игуменом в г. Вологду, где он прожил некоторое время, занимаясь устройством монастыря уже как начальник. Тут он посвятился в схиму под именем Серафима и поспешил перевестись в Арзамасский Высокогорский монастырь. Просился он также в Саров обратно, но братия пустыни отказалась его принять. Так исполнились все предсказания о. Серафима, что он от всякого начальнического слова будет переходить из монастыря в монастырь (см. изд. 1849 г.) и не вернется более в Саров. Исправник Бетлинг, свидетель всех смут, происшедших в Дивееве по милости о. Иоасафа, говорит в конце своей записки: «Схимонаха Серафима не следует смешивать со старцем Серафимом

Саровским; это хотя и одноименные, но совершенно разные личности». Слова эти доказывают только, что были люди, которые почитали схимонаха Серафима за великого старца Серафима, когда Иван Тихонов из своих сторонниц образовал Серафимо-Понетаевскую обитель.

В 1850 году о. Иоасаф, дав, по обыкновению, начальнице Дивеевской общины Ирине Прокофьевне подписать белый бланк, составил без ее ведома прошение к Нижегородскому преосвященному Иакову о том, чтобы ввиду ее преклонных лет назначили бы его попечителем, строителем, духовником и благочинным Дивеевской общины. Архиепископ Иаков, считавший уже о. Иоасафа за человека, не заслуживающего доверия, положил резкую и строгую резолюцию на этом прошении: «Попечителей в монастырях не полагается, духовник и благочинный – есть, а строительницею должна быть начальница, которую за старостью лет сменить». Вознегодовав на это решение, о. Иоасаф стал хлопотать о выборе такой новой начальницы, которая бы была столь же несамостоятельна и предана ему, как Ирина Прокофьевна. Сестры же общины, со своей стороны, большинством голосов избрали себе по духу в начальницы кроткую и добрую Серафимову сироту 49-летнюю крестьянскую девицу Устинью Ивановну (впоследствии монахиню Иларию), но о. Иоасаф добился, что Нижегородская консистория отменила единодушный выбор сестер общины, будто бы за безграмотностью ее, и назначила начальницей дворянку Екатерину Васильевну Ладыженскую, слепо преданную о. Иоасафу и доверенную по его делам. Не получая долго ответа на это прошение, о. Иоасаф послал Е. В. Ладыженскую в мае 1850 года в Нижний Новгород. Там она узнала, что архиепископ Иаков на чреде в Св. Синоде в Петербурге, но получен ответ с отказом на прошение Ирины Прокофьевны. Думая повлиять на Владыку, Е. В. Ладыженская тотчас поехала в Петербург, где застала высокопреосвященного Иакова больным, за два дня до его смерти. Умирающий архипастырь сказал ей: «Я молился и не нахожу полезным ваше желание! Даю тебе заповедь: ты предана о. Иоасафу и потому езди к нему советоваться, но чтобы его ноги не было в Дивееве!»

Отец Иоасаф, как известно, имел намерение в 3 верстах от Дивеевской обители, к стороне Саровской пустыни,

построить скит, с тем чтобы по подобию Антония и Феодосия Печерских здесь была обитель о. Серафима и его о двенадцати врат, подобно небесной скинии. В 1850 году он выстроил там келью для благочинной Татьяны Буржумовой, у которой о. Иоасаф в обители имел пребывание, но Ладыженская признала эту келью неполезной и сломала. В этой же келье жил зять о. Иоасафа — Муранов с женой. Вскоре разыгралась история, и одна из сестер, Фомина, была предана церковному покаянию за прелюбодеяние (см. т. 5 мнений и отзывов митр. Филарета, с. 194). Вследствие прошения Фоминой, гражданский губернатор просил преосвященного Иустина, временно управлявшего Нижегородской епархией за смертью преосвященного Иакова, удалить Иоасафа из Дивеевской обители, что преосвященным и было исполнено (с. 196).

В 1851 году был назначен в Нижний Новгород Полтавский епископ Иеремия, замечательный человек во многих отношениях, и по вступлении в исправление должности он приказал исполнить резолюцию архиепископа Иакова и выбрать Дивееву начальницу. Как сказано, консистория утвердила Екатерину Васильевну Ладыженскую.

Глава XXV

Положение Дивеевской общины при Е. В. Ладыженской. Слепой иеромонах Антоний. Назначение Е. А. Ушаковой казначеей общины. Обучение сестер живописи в Петербургской Академии. Представление о. Иоасафа Царской Фамилии. Покупка Зевакинской дачи, построение церкви Преображения Господня и вообще дела обители. Ходатайство об учреждении монастыря и ответ преосвященного Иеремии. Прошение петербургских художниц и запрос Синода. Донесение преосвященного Иеремии и распоряжение о возвращении сестер обители из Петербурга. Интрига о. Иоасафа и удаление преосвященного Иеремии на покой. Преосвященный Антоний. Самовольный отъезд сестер-художниц в Петербург. Сетования М. В. Мантурова, сон его и кончина. Письмо о нем Л. А. Михайловского-Данилевского. Дерзкие действия Назимова. Взыскание Е. В. Ладыженской с о. Иоасафа. Отказ Ладыженской от управления обителью. Положение казначеи Ушаковой и ее болезнь. Блаженная Наталья Дмитриева

По вступлении в 1850 году в должность настоятельницы Серафимо-Дивеевской общины Екатерины Васильевны Ладыженской всех сестер состояло 390. Серафимовы сироты снова очутились в неутешном положении, находясь в распоряжении иеромонаха Иоасафа. Казначея Маккавеева отказалась от должности с уходом Ирины Прокофьевны, и Екатерина Васильевна уговаривала вступить на ее место Елисавету Алексеевну Ушакову, исполнявшую столько поручений и монастырских послушаний, что она приобрела навык и знания по управлению хозяйственной частью. Но Елисавета Алексеевна, стремившаяся лишь к спасению, а не к управлению

делами общины, отнюдь не хотела брать на себя ответственность, тем более что влияние о. Иоасафа на настоятельницу и всю обитель было ей не по духу. Она пришла в общину ради любви к великому старцу и основателю ее, и каково было ей видеть, что все заветы святого старца попираются и поставленные им сестры преследуются. Словом, Елисавета Алексеевна ни за что не соглашалась принять должность казначеи и иметь дело с о. Иоасафом. Между другими послушаниями она посылалась еженедельно на почту в г. Ардатов и однажды, узнав, что в этом городе пребывает теперь у г-жи Лихутиной известный святостью жизни слепой монах Антоний, Елисавета Алексеевна благословилась у Екатерины Васильевны зайти к старцу и получить его наставление.

Но ранее изложения беседы Антония с Елисаветой Алексеевной следует ознакомиться с жизнью этого праведного старца. В нашем распоряжении (монастырский архив, тетрадь № 18) есть краткая биография его, составленная именно г-жей Лихутиной и переданная в Дивеевскую обитель. «Считаю полезным, — пишет г-жа Лихутина, — обнародовать мои воспоминания об одном благочестивом старце, ныне почившем, отце Антонии, встреча с которым составляет одно из счастливейших событий в моей жизни».

Отец Антоний родился в 1762 году в деревне Ващихе Владимирской губернии Муромского уезда. С юных лет он чувствовал наклонность к уединению и благочестивым размышлениям и затем поступил в Саровскую пустынь, где подвизался одновременно с о. Серафимом, пребывая иногда в его пустынке. Но батюшка Серафим, провидя путь Антония, послал его в Воронеж к преосвященному Антонию, который и оставил его у себя в послушании. Прозорливый преосвященный Антоний приказал ему, по внушению свыше, идти в Киев, но не просто странником, а в чугунной шапке Тамбовского Питирима, которая была 17 фунтов веса и внутри обшита бархатными шапочками святителя Митрофания и великомученицы Варвары. Преосвященный приказал послушнику Антонию идти всю дорогу, не снимая шапки. Антоний исполнил это послушание с усердием, но когда вернулся, то преосвященный приказал ему вторично сделать то же путешествие. По совершении этого вторичного подвига у праведного Антония лопнули глаза, но зато он прозрел духовно.

Г-жа Лихутина познакомилась с о. Антонием в г. Муроме, где он 23 года жил в доме одного купца, около мужского монастыря. К нему стекалось много народа со всех сторон, разного сословия, и никто не уходил от него без духовного утешения и доброго совета. Молва о благочестивой жизни о. Антония и о прозорливости его дошла, конечно, и до г. Ардатова Нижегородской губ., местожительства г-жи Лихутиной. Все слышанное про него возбудило в ней пламенное желание увидеть этого старца, и наконец удалось г-же Лихутиной добраться до Мурома, куда она поехала однажды со своей 4-летней дочерью. По приезде в Муром у нее сильно разболелась голова, да, кроме того, вообще г-жа Лихутина страдала женской болезнью. «Эта болезнь мучила меня невыносимо, – пишет она. – Безуспешно испробовав все роды лечения, не исключая магнетизма и электричества, я решилась представить все на волю Божию. Едва я успела войти в келью о. Антония и испросила его благословение, как мне сделалось дурно, я поспешила лечь на скамью, чтобы не упасть. Саша, моя дочь, увидав меня больной, сильно расплакалась. Желая ее утешить, о. Антоний приказал своему послушнику и племяннику Андрею принести ей клюквы с медом. Малютка моя начала кушать и успокоилась. "Сашенька, матушка, возьми на ложечку ягодок", – сказал старец, обращаясь к моей дочери. "Сколько взяла? – спросил он. – Пять?" "Пять, старичок!" – сказала девочка. "Дай-ка их сюда, голубушка!" – сказал о. Антоний и потом, прочитав молитву и перекрестя ложку, добавил: "Ну, теперь подай их своей матери, может быть, милостью Царицы Небесной ей от них полегче станет". Я съела предложенные мне ягоды и тотчас почувствовала облегчение. И не только головная боль моя прошла, но даже спазмы с этих пор прекратились. С того времени усердие мое к о. Антонию увеличилось. В свою очередь, он не оставлял меня своим духовным вниманием и незадолго до своей смерти пожелал приехать умереть ко мне. Я предложила ему выбрать себе комнату в доме моем, но благочестивый старец, по своему смирению, избрал себе в жилище отдельный флигель, где у нас готовилось кушанье».

Теперь г-жа Лихутина имела возможность ближе познакомиться с образом жизни благочестивого старца. По ее словам, о. Антоний большую часть ночи проводил в молитве и постоянно носил вериги. Во время чтения своих дневных

правил и земных поклонов он опоясывался колючим поясом из проволоки, вдетой в ремень, в виде щетки, шириной в вершок, а на голову надевал терновый венец и сверх него железную шапку, от которой он ослеп. Конечно, о. Антоний хранил в тайне свои подвиги, и г-жа Лихутина случайно узнала их от послушника. Раз, когда она встала ранее обыкновенного и, торопясь зачем-то видеть старца, пошла к нему, то сотворила молитву, но не дождалась обычного ответа «аминь» и отворила дверь. Отец Антоний молился Богу, стоя на коленях, а вокруг него на полу были следы крови. «Батюшка, что с тобой!» — воскликнула Лихутина испуганно и бросилась к нему. Вместо объяснения о. Антоний сказал ей, чтобы она больше никогда не входила к нему без благословения и ответа на молитву словом «аминь». Он запретил говорить ей виденное при его жизни.

Из случаев прозорливости о. Антония г-жа Лихутина записала следующее. Одна ардатовская купчиха Тихомирова пришла просить благословения купить себе дом. «Не советую тебе это делать», — ответил о. Антоний, но когда она стала усиленно просить благословить покупку, то он сказал: «Ворона не живет в хоромах, а на воле летает и попусту крылья обивает. Если ты купишь, Настасья, то дом твой обратится в угли и ты ничего не получишь, да и прежде этого сойдешь с ума и будешь сидеть на цепи. Зато просишь совета, а его не послушаешь! А когда тебя отпустят с цепи, то тогда жди пожара». Но Тихомирова не послушалась и купила дом, в котором она вскоре сошла с ума и была привязана на цепь, а когда умопомешательство прошло, вскоре сгорел купленный ею дом, и она ничего не получила, кроме углей.

Г-жа Карпицкая, отправляясь в Саровскую пустынь, заехала к о. Антонию просить его благословения. Старец долго беседовал с ней, так как любил ее за ее усердие к Богу и доброту, и наконец перед прощанием сказал ей: «Любовь, ты говей в Сарове, приготовься в путь». «Я давно готова, батюшка, к переселению в вечную жизнь, да только мне жаль троих детей оставить!» — сказала она, показывая, что беременна третьим ребенком. Отец Антоний на это ответил: «Царица Небесная за твою благочестивую жизнь, за терпение, любовь к бедным не оставит их сиротами... После твоей смерти к 40 дням они все трое будут с тобой на лоне Авраамовом, и ты без трепета скажешь Господу: се — аз и дети мои!» Предсказание о. Анто-

ния исполнилось, она умерла через месяц после этой беседы, а за нею и все дети. Младший умер через день после рождения и был положен с нею в гроб, другой — к 20-му дню, а третий — накануне 40-го дня.

Пришла к о. Антонию горничная г-жи Лихутиной, Елена, девушка, и стала просить, чтобы старец помолился, дабы ее отпустили на волю. Отец Антоний сказал ей: «Купи, Елена, сорок пар лаптей, подавай каждый день по паре и вели поминать за здоровье твоей барыни; ты выйдешь на волю, и у тебя будет хороший жених!» Пока старец это говорил Елене, вошла г-жа Лихутина и огорчилась словами батюшки, так как эта девушка была нужна и любима. Она даже не скрыла своего неудовольствия. «Вера! — сказал о. Антоний г-же Лихутиной. — Господь повелел мне так сказать; ты не в силах будешь удержать ее у себя! Как она последнюю пару подаст, то и пойдет замуж за жениха нетленного». Действительно, после смерти о. Антония горничная Елена купила 40 пар лаптей и стала их подавать за здоровье своей госпожи. Две пары она куда-то заложила и, таким образом, поехала в Москву с г-жою Лихутиной, которая отправилась определять своих племянниц-сирот в институт. Через месяц они вернулись в Ардатов, и Елена в тот же день отыскала эти две пары лаптей. Одну пару подала в день приезда, а вторую — на другое утро; затем захворала, приобщилась и скончалась, вспоминая предсказание о. Антония.

Сестра Серафимо-Дивеевской общины Мария Васильевна Никашина сообщила следующее воспоминание свое об о. Антонии (тетрадь № 1, рассказ № 7): «Хотя и была я уже в общине, — говорила она, — но много еще женихов сватали меня. Что же, думаю: не лучше ли в самом деле выйти замуж? С этой мыслью и пошла я в г. Ардатов, отстоящий в 23 верстах от Дивеева, навестить там странника старца Антония, слепого, который жил на покое у одной барыни, Веры Михайловны Лихутиной. Вошла я к нему в келью и вижу, что никого нет у него, а сам он лежит на печке... Мне стало совестно, я остановилась да и притаилась у порога; пусть, думаю, дождусь, пока сам слезет за чем-нибудь. А он прямо начал говорить оттуда: "Что там за сватья, какие женихи, что за женихи, к чему это замуж! Не надо, не надо! А отец-то какой у вас в Дивееве, отец-то какой! Ведь Серафим-то к вам в мощах из Сарова в Дивеево почивать придет! Ведь вот какой отец-то у вас, что за женихи,

к чему еще замуж!" Уверившись в святости и прозорливости слепого Антония, я изменила совсем свои намерения и вернулась в Дивеево».

Когда вошла к о. Антонию Елисавета Алексеевна Ушакова, то он ей сказал: «А ты матери не слушаешься; она тебе назначает послушание (то есть назначение быть казначеей), а ты отпихиваешься! Тебе не долго быть на этом месте; ты должна быть матерью! Вот тебе мое последнее слово: если не послушаешься, то Божиим велением будешь изгнана из обители и нет тебе спасения!» Более страшного и угрожающего не мог никто сказать Елисавете Алексеевне, которая, конечно, только ради спасения покинула свет и вступила в неустроенную Серафимову обитель.

Пока о. Антоний беседовал с Елисаветой Алексеевной, мимо дома г-жи Лихутиной проехал Н. А. Мотовилов с женой, и, увидя их, хозяйка дома крикнула Николаю Александровичу, что о. Антоний живет у нее. Конечно, было приказано экипажу остановиться, и горячо любящий Господа Николай Александрович поспешил испросить благословение у о. Антония. Он вошел к старцу в ту минуту, как выходила Елисавета Алексеевна, и, вероятно, чтобы и другие знали волю Божию относительно Ушаковой, о. Антоний повторил Мотовиловым все сказанное Елисавете Алексеевне. Затем о. Антоний предсказал Николаю Александровичу многое, касающееся его семейной жизни и предстоящих ему неудач и испытаний.

Отец Антоний, как пишет г-жа Лихутина, просил казначею Ардатовского Покровского женского монастыря, чтобы она взяла его жить к себе в монастырь, в новую келью. «Извольте, — ответила она (казначея Устинья Андреевна, впоследствии игуменья Серафима), — я вам выстрою келью на огороде нашем!» «Не торопись, — сказал ей старец, — я поживу пока у Веры! Когда святые ворота доложат, я тогда переееду к тебе на новоселье, а теперь стучат, а я не люблю стука!» Вскоре после этого разговора пришел к о. Антонию протоиерей Покровского монастыря о. Симеон, чтобы проститься по случаю отъезда на Выксунский завод, по благочинию его. Отец Антоний, обратясь к г-же Лихутиной при этом протоиерее, сказал: «Вера! Когда я умру, похорони меня в монастыре!» Потом он спросил о. Симеона: согласится ли он похоронить его в монастыре? «С удовольствием, — ответил протоиерей. — Если

только Вера Михайловна согласится внести 70 рублей серебром в монастырскую церковь!» Лихутина, конечно, с радостью обещала все внести, что необходимо, так как в Ардатове было запрещено хоронить в монастыре и требовалось особое разрешение Святейшего Синода. Слушая этот разговор, о. Антоний молча помотал головой, а когда же отец Симеон ушел и, прощаясь с послушником Андреем, последний ему пожелал прожить еще 20 лет, старец сказал: «После моей смерти он проживет 14 недель и два дня; в день храмового праздника Знамения Пресвятой Богородицы у него в церкви отнимется язык, и он не докончит обедни и будет 7 дней без языка. Он теперь много обещает, матушка Вера, а когда же я умру, первый откажется хоронить меня. Но ты, ангелуша моя, попроси письмом архиерея, он дозволит тебе похоронить меня около церкви монастырской, и ты, матушка, много не трать, у тебя дети». Все эти слова о. Антония сбылись; преосвященный Иеремия разрешил его похоронить, а о. Симеон был лишен языка в церкви, в день праздника Знамения Божией Матери, во время благословения народа чашей Св. Таин, и семь дней прожил без языка.

Дня за четыре перед смертью и отнятием языка у о. Антония пришла к нему казначея Покровского монастыря и стала просить благословения ехать в Нижний к архиерею, так как преосвященный Иеремия только что прибыл и вступил в управление епархией. «Поезжай с Господом, – ответил о. Антоний, – он примет тебя, как отец. Но помни, матушка, что я к тебе перееду жить без тебя. А к будущей Пасхе к вам привезут в монастырь колокол, который вам ничего не будет стоить. Он дивно будет перевезен через Оку». Слова его исполнились, и колокол был привезен на Страстной неделе, когда уже тронулся лед. За пять дней до своей смерти о. Антоний пожелал собороваться и сам стоял во время таинства на ногах и подпевал клиросным монахиням. На другой день после соборования он приказал разбудить Лихутину рано и сказал ей: «Теперь еще рано, ангелуша моя, я боялся, чтобы ты не скушала что-нибудь сегодня. Ты не кушай, ведь ныне пятница Успения Божией Матери». «Я готова была исполнять его приказание за его молитвы, – пишет г-жа Лихутина, – и проговела. Отец Антоний заставил меня читать акафисты Иисусу, Богородице, великомученице Варваре, Николаю Чудотворцу,

"Утолению печали" Божией Матери и кафизму в псалтыре. Потом велел мне перестать читать и стал говорить. Он давал мне духовные советы, предупреждал во всем меня и запретил мне танцевать. (Мне было 25 лет, и я очень любила танцевать.) "Верь! – сказал он мне. – Если ты будешь танцевать, то мы с тобой будем судиться в будущем". Я только спросила его, как же мне не учить танцевать детей? Он мне ответил: "Детей учи, а сама не танцуй!" По окончании нашего разговора о. Антоний призвал к себе моих детей, благословил их, сделал разные предсказания, а старшему сыну Ивану отдал свою железную шапку. Когда дети ушли и он остался со мной наедине, то сказал: "Послушай, последний день я говорю с тобой! Я просил Царицу Небесную, чтобы у меня за три дня до смерти отнялся язык. Теперь я все болтаю, а тогда стану лежать нем, как рыба. В день Успения Божией Матери будет мне решение, и я помру в третий колокол, как ударят ко всенощной в монастыре, и тогда ты вели выставить все рамы, а то тебе душно будет, моя матушка; народу много найдет глядеть на Антония-грошовника, как будет помирать он!" В эту минуту вошла к о. Антонию моя горничная Лукерья просить благословения идти на исповедь. Старец встал за нее на молитву. Тогда я сказала ему: "Вот, батюшка, ты за нее молишься, а я говею и намерена приобщиться в день Успения Божией Матери, а ты хочешь умереть в этот день! Кто же станет молиться за меня грешную?! Ты любишь меня меньше их!" Мне стало грустно, и я заплакала. Отец Антоний взял мою голову, положил к себе на грудь и произнес: "Вера, Вера! Если бы ты могла знать, как я люблю тебя! Теперь я молюсь бренным телом моим, а тогда пойду молиться за тебя ко Господу лицом к лицу!" Затем, обратясь к образу Спасителя, он продолжал: "Господи! Если ей назначена вечная мука, ты пошли меня, Царь Небесный, вместо нее!" Потом стал молиться за весь дом мой. По окончании молитвы он сказал мне: "Когда тебе будет скучно, матушка, то ты уйди в уголок и тяни голосок ко Господу; пой молитву: Молитву пролию ко Господу и Тому возвещу печаль мою и т. д.". Отец Антоний открыл мне, что он тайный схимонах, ему дано имя Арсений, был пострижен Курским преосвященным и отдал мне в руки мантию и схиму. Только он передал мне все это и я успела войти в свой дом, как прибежала за мной девушка Авдотья, которая прислуживала ему, по личному его выбору

из всех людей моих, и сообщила, что батюшке дурно, он упал на постель и не может выговорить слова. Я же знала вперед, что будет, так как о. Антоний сам мне сказал. Вхожу к нему и вижу его лежащего безмолвно... Подхожу к нему и говорю: "Батюшка, вставай, помолимся!" Он сейчас же встал, но был бледен. Я его спросила: не послать ли за священником, чтобы его причастить? Он мне ответил на ухо: "Хорошо... скорей!" Так как его духовника не было в городе, ибо он уехал по благочинию, то послала за своим духовником, Иваном Осиповичем Смирновым, который у о. Антония никогда не был, потому что ему не верил. Теперь же, придя по обязанности исповедника, он думал, что ему придется получать вместо ответов знаки, и начал читать молитву пред исповедью, когда же окончил, мы вышли в сени. И что же? Батюшка ему все сказал про его собственную жизнь, болезнь, и что жена его и дети умрут, а дочери будут в монастыре. Он вышел к нам со слезами и после передал весь разговор свой с о. Антонием. Предсказания исполнились, ибо жена умерла, дочери поступили в Ардатовский Покровский монастырь, а сам он болел 8 месяцев ногами».

Таким образом отец Антоний приобщился и на другой день сам пожелал вторично приобщиться обеденными Дарами, после чего не вкушал уже пищи и не пил даже воды. Четыре дня он прожил в полной памяти, но без языка. Когда он стал отходить, г-жа Лихутина пошла в церковь, так как в соборе служили вечерню. Она подошла к протоиерею о. Симеону и спросила: как одеть о. Антония, так как он тайный схимонах? Отец Симеон сказал, что если она его оденет в схиму, то он не станет его хоронить, и что только в утешение он говорил старцу, что похоронит его в монастыре, но это невозможно. Лихутина объяснила, что о. Антоний вперед знал все и не поверил его словам. Г-жа Лихутина пишет в записке: «Я воротилась со скорбью на душе моей; подхожу к умирающему моему старцу и говорю ему, что все данное мне им на руки я зашью в подушечку и положу ему в гроб под голову. Он все слушал молча. Я стала читать акафист Иисусу, Богородице, молитву Нифонту Цареградскому, и, когда ударили в третий раз в колокол в монастыре, он тихо и незаметно перешел в вечную жизнь. Он скончался на 83-м году от рождения в 1851 году 15 августа, в день Успения Божией Матери. Я его одела во все монашеское и положила схиму в подушку под голову. С разре-

шения епископа Иеремии он был погребен, по собственному желанию, близ церкви, напротив окон придела великомученицы Варвары, в Ардатовском Покровском монастыре. На могиле лежит чугунная плита с надписью его лет и дня кончины, пожертвованная майором Бренделем».

Вернемся теперь к тому времени, когда Елисавета Алексеевна Ушакова, пораженная словами о. Антония, прибыла с почтой в Дивеевскую обитель. Настоятельница Е. В. Ладыженская спросила ее: была ли она у старца и что он ей сказал? Нечего было делать, Елисавета Алексеевна передала строгие слова о. Антония, и обрадованная начальница воскликнула: «Вот видите, я права была!» Затем к Елисавете Алексеевне пришла блаженная Пелагея Ивановна и сказала: «А ты знаешь ли, за что тебя сковали?» «Вот, — отвечала она, — я глупа, ничего не знаю».

«А стоять так стоять! — продолжала блаженная. — Что бы ни было — стоять».

Таким образом состоялось назначение Елисаветы Алексеевны Ушаковой казначеей Дивеевской общины. Трудно было ей работать, приносить истинную пользу и служить одновременно Господу при слабости характера Ладыженской и самовольном вмешательстве во все о. Иоасафа. Вскоре настоятельница поехала в Нижний Новгород представиться новому владыке Иеремии, и она взяла с собой Елисавету Алексеевну.

Отец Иоасаф, как живописец бывая часто в Петербурге, возымел намерение обучить некоторых преданных ему сестер искусству живописи и с помощью своих покровителей получил дозволение от почетной председательницы Академии художеств великой княгини Марии Николаевны учить их в Академии. Тотчас было собрано целое отделение монашествующих девиц, и под начальством самой преданной о. Иоасафу крестьянки Лукерьи Васильевны Занятовой, назначенной одновременно и сборщицей, их отправили в Петербург. Теперь о. Иоасаф имел как бы свой монастырек в Петербурге и мог развивать задуманный им план преобразования обители в Иоаннову пустынь. Петербургское отделение считало себя ядром обители. Что о. Иоасаф успевал в своих стремлениях, можно судить по тому, что он удостоился даже приема при Высочайшем дворе. В кратком жизнеописании его, составленном священником А. Братановским (Ярославль, 1885 г.,

«Схиигумен Серафим, бывший настоятель Павло-Обнорского монастыря о. Иоасаф»), на с. 10 говорится: «За достоверное передавали, что он, бывая в Петербурге по делам, один раз имел честь представиться в Бозе почившей Государыне Императрице, по Ее желанию. Благословив Государыню, о. Иоасаф сказал: "Да благословит тебя Господь от Сиона, благочестивейшая мать земли Русской!" А когда были подведены под благословение дети, сказал: "Да будут благословенны Господом Августейшие дети Твои!" Выходя от Государыни, батюшка встречен был фрейлинами Императрицы и, благословляя их, сказал: "Вот вы удостоены великой чести служить Царице земной; храните себя, чтобы удостоиться служить и Царице Небесной!"»

Пожертвования присылались о. Иоасафу в соответственном количестве, но заложенный собор был заброшен и забыт! На частицу пожертвованных денег он приобрел для обители от коллежского асессора Симеона Симеоновича Зевакина 304 десятины 1460 кв. саж. земли. Затем было куплено от мещанок г. Ардатова Дарии и Евдокии Гавриловых усадебно-огородной земли 1248 кв. сажен. Николай Александрович Мотовилов еще пожертвовал 433 десятины 658 кв. саж. земли. Из билетов, пожертвованных на вечные времена для поминовения, образовалась небольшая сумма в 6430 руб. 26 1/2 коп. Кроме того, обители досталось по завещанию отставного капитана Баранова в Нижнем Новгороде два деревянных негодных дома, которые и послужили впоследствии образованием подворья. Двоюродная сестра настоятельницы общины, поступившая в число сестер, пензенская дворянка, вдова Дарья Михайловна Каменская построила церковь Преображения Господня на кладбище. Так было и предсказано о. Серафимом. По благословению преосвященного Иеремии пустынка о. Серафима была обращена в алтарь церкви и кругом нее устроены витрины для помещения и хранения всех вещей батюшки Серафима. Кроме того, за 8 лет начальствования Ладыженской устроена одноэтажная каменная трапеза с деревянной крышей и из добываемого в селе Дивееве известкового белого камня выведено 364 сажени ограды. Несмотря на сборы, делаемые в Петербурге, дела обители так расстроились при управлении Е. В. Ладыженской, что образовались значительные долги.

Как известно, о. Серафим запретил сестрам хлопотать об учреждении монастыря, требуя, чтобы они жили, по примеру основательницы матери Александры, тихо, молча, в трудах, а со временем без их ходатайства будет обитель возведена в монастырь, но о. Иоасаф не исполнил и этого завета великого старца. Сперва он потребовал, чтобы Е. В. Ладыженская возбудила ходатайство об учреждении монастыря, что она и исполнила, но по прибытии ее в Нижний, к Владыке, преосвященный Иеремия сказал ей, что он «трижды молился, но рано, погоди».

Во время коронования Их Величеств в 1856 году о. Иоасаф приказал своим петербургским художницам подать прошение, помимо настоятельницы Ладыженской, об утверждении монастыря. Фрейлина Тютчева взялась помочь этому делу. И действительно, вскоре преосвященный Иеремия получил из Синода указ, что по желанию Государыни Императрицы Дивеевская община должна быть возведена в монастырь. Удивленный и несколько рассерженный за хлопоты сестер общины помимо него, Владыка потребовал к себе настоятельницу Ладыженскую. Пока Екатерина Васильевна, измученная неприятностями и непосильными волнениями, собиралась ехать в Нижний, преосвященный Иеремия получил вторичный указ из Синода с выговором, что он мешает распоряжениями относительно Дивеевской общины. Тогда праведный Владыка решился сам ответить, не дожидаясь Ладыженской, и написал в Св. Синод, что Дивеевская община далеко еще не созрела, чтобы быть монастырем. Наконец, явилась к нему Е. В. Ладыженская, ничего не знавшая о происходившем в Петербурге. Е. В. Ладыженская, чтобы окончательно выяснить, был ли о. Иоасаф близок к о. Серафиму и не состоял ли его учеником, решилась обратиться к игумену Саровской пустыни Исаие с тайной просьбой сказать это по совести и чести, дабы снять с нее недоумение или грех, если действительно Иоасаф получил приказание о. Серафима управлять Дивеевом. Отец игумен Исаия засвидетельствовал самым серьезным и положительным образом, что великий старец о. Серафим никогда не имел учеников и приказал Иоасафу отнюдь не вмешиваться в дела Дивеева. Тогда Е. В. Ладыженская окончательно решила требовать удаления о. Иоасафа и прибыла с этой целью к преосвященному Иеремии. Преосвященный просил

ее объяснить, что значит запрос, сделанный ему из Петербурга. Ни в чем неповинная настоятельница сказала только, что она предполагает в данном случае самоизвольные распоряжения о. Иоасафа и художниц, проживающих в Петербурге. Потом она стала жаловаться Владыке на свою жизнь и покаялась, что прежде действительно была предана о. Иоасафу, выдававшему себя за ученика отца Серафима, и слепо верила ему, вследствие чего он самовольно распоряжался делами обители, но теперь решительно отказывается от этого непрошеного попечителя обители и не согласна допускать его в общину. Постоянные неприятности, благодаря действиям и выдумкам Лукерьи Занятовой и ее послушниц, довели Е. В. Ладыженскую до нервного расстройства. Преосвященный Иеремия посоветовал немедленно вернуть Лукерью Занятову и художниц из Петербурга, что и было исполнено.

В официальном описании монастыря, хранящемся в Нижегородской консистории, говорится о Е. В. Ладыженской следующее: «В 1856 году наконец, вполне поняв всю настоящую суть и вред от о. Иоасафа, сама же Екатерина Васильевна не только отказалась от его самоуправства, но даже ходатайствовала у своего Нижегородского епархиального начальства о совершенном воспрещении присутствия и вмешательства его в дела ей вверенной Серафимо-Дивеевской общины, что и было исполнено, хотя эта благая, но уже слишком поздняя мера не могла привести к желаемо-искомому результату — миру и спокойствию, потому что многие годы самопроизвольного Иоасафовского управления, приводя все новых и новых, лично лишь им одним принимаемых лиц в Серафимо-Дивеевскую общину, породили в ней еще как бы совсем отдельное общество близких ему приверженниц его, ему во всем последовавших и проникнутых духом его собственного учения, которые, невзирая на его отсутствие, составляли как бы душу его в Серафимо-Дивеевской общине. С удаления же их отца-руководителя лишь более и более, где только было возможно, постоянно возмущали собравшееся уже многочисленное общество».

Возвращением художниц из Петербурга в общину был нанесен сильный удар всем замыслам и стремлениям о. Иоасафа и его сестер. Во-первых, почувствовали, что есть власть, которой они должны подчиняться, тогда как до сих пор всем руководились самостоятельно, а во-вторых, личные хлопоты

в Петербурге приносили плоды, а переписка их с высокопоставленными лицами, при малограмотности, была всегда затруднительна и менее полезна. До крайности рассерженный и раздраженный этим распоряжением преосвященного Иеремии, о. Иоасаф повел интригу против Владыки, которого обвинили чуть не в сопротивлении желанию Государыни Императрицы. Узнав, что его назначают на Алеутские острова, преосвященный Иеремия подал тотчас прошение об увольнении его на покой и переехал в Печерский монастырь.

Только успел водвориться в Нижнем Новгороде вновь назначенный преосвященный Антоний, как получил письмо от фрейлины великой княгини Марии Николаевны, графини Толстой, в котором спрашивалось: не угодно ли Дивеевской общине послать вновь художниц в Петербургскую академию, и дабы выбор сестер был предоставлен о. Иоасафу, так как ему знакомо искусство живописи и он имеет вкус.

Преосвященный Антоний послал о. Иоасафа в Дивеево. Приезд его был неожиданный, после объявленного настоятельницей нежелания допускать его в дела обители, и произвел немалый переполох. Е. В. Ладыженская приняла его сухо в своей келье и сказала, что даст лично ответ преосвященному, а ему не разрешает производить выбор сестер. Несмотря на это, о. Иоасаф составил свой список сестер и представил его Владыке. Когда Е. В. Ладыженская прибыла к преосвященному Антонию, то был позван и о. Иоасаф. На очной ставке настоятельница Дивеевской обители опять отказалась от попечительства и руководства о. Иоасафа, но живописицы под начальством Лукерьи Занятовой собрались и отправились в Петербург без дозволения Ладыженской. Дела обители, таким образом, пришли в полный упадок.

В это время Михаил Васильевич Мантуров пал совершенно духом и как бы внутренно упрекал батюшку отца Серафима, что он допускает это дерзкое и пагубное самоволие о. Иоасафа. Как говорится в жизнеописании Мантурова, он за несколько дней до смерти своей видел знаменательный сон. Ему представилось, что он с женой идет саровским лесом и показывает ей то место, где часто с ним беседовал святой старец. Вдруг его глазам открылась прекрасная зеленеющая поляна, на которой было много крестьян, собиравших мох. Один из сборщиков говорит ему: «Вы ведь Серафима ищете!» Помня

во сне, что батюшка уже умер, Михаил Васильевич в удивлении спросил: «Да где же он?» «Да разве вы не видите его? – переспросил крестьянин. – Вон, смотрите туда, видите: дымок белеется и выходит из его пещеры; это он ее топит!» Пораженный этими словами, Мантуров разглядел белый дымок, направился к нему и действительно нашел пещеру. Вошли они и видят батюшку Серафима, который сперва скрылся от них, но немного погодя вышел, неся в руках два только что испеченных горячих белых хлеба. Подавая один Михаилу Васильевичу, батюшка сказал: «Вот этот хлебец тебе, кушай сколько угодно, а остальное раздай тем, кто нас знает!» «А этот хлеб тебе, матушка, – сказал о. Серафим Анне Михайловне, отдавая ей другой хлеб, – кушай сколько тебе нужно, что же останется – раздай!» Затем скрылся о. Серафим, но вскоре опять вышел, неся в руках большую просфору, величиной с тарелку. Подойдя к Михаилу Васильевичу, он говорит: «Вот, радость моя, где мы найдем такого человека, который бы был совершенно боголюбив, а? Где мы его найдем, человека-то такого? Это надобно отдать ему!» И, помолчав немного, добавил грустно: «Нет, радость моя, оставим, не найдем уже мы ныне такого человека!» Это был как бы ответ Мантурову на внутренний его ропот, что святой старец не хочет найти человека, полезного для Дивеева, и изгнать Иоасафа. Поняв этот ответ, Михаил Васильевич не вытерпел и от всего сердца выразил батюшке, как возмущена его душа поступками Иоасафа. Молча выслушав его, о. Серафим сказал: «Так, батюшка! Теперь благовестят, ступай к обедне и жди меня; я приду за тобой скоро; ты меня там найдешь и возле меня станешь, мы помолимся с тобой!» «А ты, матушка, – произнес старец, обратившись к Анне Михайловне, – походи еще одна здесь!» (Этими словами о. Серафим предсказал вдовство Анне Михайловне.) Михаил Васильевич вышел из пещеры удивленный и недоумевая, где церковь, ибо он хорошо знал, что поблизости нет никакой церкви. Но действительно до его слуха долетел благовест, и он вскоре увидел в нескольких шагах прекрасную церковь, наподобие Троице-Сергиевой лавры. Оставив жену, он вошел в церковь и видит, что какой-то юноша приготовляется к службе. Идет далее, и на правом клиросе стоит батюшка Серафим. Михаил Васильевич становится возле, по его приказанию, и они оба начинают молиться.

По окончании службы, при разделе антидора, старец вдруг вынул из-за пазухи бумагу, прочел ее, взглянул на Мантурова и молча спрятал ее. Потом он вторично вынул бумагу, прочел ее и, преспокойно посмотрев на Михаила Васильевича, опять молча же спрятал; наконец, достав ее уже в третий раз и прочитав, сказал Мантурову: «Потерпим еще, батюшка, потерпим немного!» Тут проснулся М. В. Мантуров, хорошо понимая ответ о. Серафима.

Через несколько дней Михаил Васильевич, накануне праздника Казанской иконы Божией Матери, заказал обедню в построенной им Рождественской церкви, за которою и приобщился Св. Таин. По окончании службы он начал церковнице Ксении Васильевне и сестре Дарии Михайловне Каменской объяснять, что батюшка о. Серафим приказывал ему не отделывать церковь, а ставить так, ибо со временем она должна быть вся расписана; показывал, где и как следует расписать ее по приказанию батюшки. Потом, заметив, что печка попортилась, он приказал церковнице озаботиться исправить ее. Все это произвело какое-то особенное впечатление на сестер, и они, удивленные, простились с ним. Возвратясь домой вместе со служившим священником о. Петром Софийским, женатым на дочери отца Василия Садовского и крестнице Мантурова, Михаил Васильевич напился с ним чаю и, поспешая с обедом, торопил жену свою, говоря: «Не успеешь, поскорее, после жалеть будешь, да уже поздно!» Михаил Васильевич вышел с о. Петром в сад, чтобы набрать лучших ягод и послать их Е. В. Ладыженской. Пройдя немного, он вдруг почувствовал необыкновенную усталость, сел на скамеечку и предал душу Богу. Предполагая, что с ним дурно, о. Петр прибежал к Анне Михайловне, и сейчас же послали в монастырь, откуда спешно явились Е. В. Ладыженская и казначея Е. А. Ушакова. Послали за доктором, а Михаила Васильевича уложили на кровать. Через час явился врач и объявил, что Михаил Васильевич уже с час как скончался. Он умер шестидесяти лет, 7 июля 1858 года, накануне праздника иконы Казанской Божией Матери, и похоронен 9 числа с левой стороны Рождественской церкви, под самым окном.

«Молись, батюшка, — говорил ему о. Серафим, — чтобы тебе лечь с левой стороны Рождественской церкви! Здесь земля святая: тут стопочки Царицы Небесной прошли!»

Михаил Васильевич Мантуров имел чрезвычайно открытую, приятную наружность, с круглым лицом, без бороды и усов. Он отличался веселостью, простотой сердца и необычайной добротой ко всем. Тихо и мирно прожил он, единственный, преданнейший и достойный ученик батюшки Серафима, большую часть жизни своей в Дивееве, хотя и мирянином, но сознательно принесшим жизнь в жертву Богу, ради правды и истины. По письму сына известного писателя Леонида Александровича Михайловского-Данилевского к дивеевской сестре Дарии Михайловне Каменской можно судить, какое впечатление Михаил Васильевич производил на постороннего светского человека. 25 ноября 1858 года он пишет из с. Чемодановки:

«Михаил Васильевич скончался! Два или три раза видел я М. В. Мантурова, но беседа с ним была мне очень впечатлительна. Кончина его, безмятежная, мирная, уже доказывает жизнь его добродетельную. Нельзя ли собрать какие-нибудь хотя краткие, но верные сведения о его жизни? Ведь жизнь его протекала близ Сарова и Дивеева, хорошо бы собрать некоторые подробности о его жизни, о подвиге бедности Бога ради, об излечении его о. Серафимом и, наконец, о его блаженной кончине, — как венец ему и награда земная. Я полагаю, если бы вы или кто-либо из ваших сестер потрудились бы порасспросить и поузнать у жены покойного и у знавших его, то я напечатал бы сии сведения в одном из журналов. Право, сие было бы, во-первых, полезно для ближних, ибо, может, кто из читателей, прочтя о простоте жизни покойного, и опомнился бы, во-вторых, главное — было бы многопорочному и греховному миру как бы напоминанием, что есть люди, пренебрегшие благами мира, и что все-таки свет их не забыл; в-третьих, и к Михаилу Васильевичу это было бы от вас и меня знаком, что мы уважали покойного и за гробом, когда обыкновенная, земная любовь отпадает, вспомнили о нем. Во всяком случае, прошу вас, милостивая государыня, простите, если наскучил вам моим письмом, но написал я вам то, что Господь мне на душу положил, и кажется мне, что напечатать хотя кратко о покойном М. В. Мантурове будет полезно для ближнего, а польза ближних есть любовь к ним, а любовь ближнего есть Бога любить, чему вы высокою жизнью вашей подаете пример нам».

В 1885 году положена была на могилу Михаила Васильевича простая деревянная доска с крестом из черного дуба, перед которой на стене церкви прибита икона его Ангела Архистратига Михаила.

В 1858 году о. Иоасаф, не имея права сам приехать в Дивеевскую обитель для переговоров со своими ученицами, присылал офицера Назимова, который с купчихой Таракановой усиливался войти в церковь, но не был допущен. Он проклинал общину и начальницу за устранение Иоасафа. На другой день офицер перелез через ограду, вошел насильно в церковь, заставлял сестер прикладываться к принесенному им образу и возобновил свои ругательства (Мнения митр. Филарета, т. 5, с. 196).

Взыскание, предъявленное Е. В. Ладыженской на о. Иоасафа, осталось тоже без последствий. Она взыскивала с него деньги за проданные книги и напечатанные в пользу общины и билет в 3000 руб. серебром, пожертвованный г. Поповым на ограду. Отец Иоасаф книги и деньги за них объявил своей собственностью, а о билете сказал, что Попов, умерший, переменил намерение и билет отдал его приказчику.

В 1859 году выбившаяся из сил в борьбе с о. Иоасафом и запутанными делами Дивеевской общины начальница ее Е. В. Ладыженская, чрезвычайно слабохарактерная, ничего не понимавшая в ведении хозяйства и нервно больная, решилась совсем покинуть Дивеево, но прежде для вида отпроситься в Москву для поклонения мощам преподобного Сергия и к себе в г. Пензу. От казначеи Е. А. Ушаковой не могло скрыться, что Екатерина Васильевна собирается совсем со своим имуществом из обители, и она в ужасе и страхе просила объяснить намерения начальницы, заявляя при этом, что она отказывается от должности и исполнения обязанностей начальницы по случаю ее отъезда. Сперва Ладыженская успокаивала Елисавету Алексеевну, говоря, что она еще, вероятно, вернется, но потом сама была не в силах скрывать истину и призналась в решении совсем покинуть обитель. Испуганная своим положением, Елисавета Алексеевна заболела. Тринадцать дней она лежала без памяти, получив в управление общину, в которой ничего не было и даже нечем было замесить хлебы; духовная и нравственная сторона пошатнулась от раздвоения сестер на два лагеря, и на обители считалось

13 тысяч долга. Твердая в своем решении удалиться, Е. В. Ладыженская уехала и из города Пензы подала прошение об увольнении на покой. Когда Елисавета Алексеевна несколько оправилась, то поехала в Нижний Новгород к преосвященному Антонию отказываться от настоятельства. Владыка, видя положение дел общины, мог только посоветовать одно: потерпеть. Таким образом Елисавета Алексеевна, невольно поставленная Провидением во главе Дивеевской обители, вернулась домой совершенно разбитая, больная, с ней делались беспрестанно дурноты и обмороки.

С 1842 года в Дивееве проживала, кроме Христа ради юродивой Пелагеи Ивановны Серебренниковой, еще блаженная Наталья Дмитриевна. О ней имеются весьма скудные сведения, так как она из смирения никогда ничего не рассказывала о себе, но, по собранным показаниям от современниц ее в обители, была родом из Оренбургской губернии, принадлежала к крестьянам казенного ведомства и проживала по увольнительной бумаге от своего общества на бессрочное время. В 1848 году весной она пришла в Дивеевскую обитель на богомолье со странниками и осталась в ней по благословению начальницы Ирины Кочеуловой и с согласия казначеи Юлии Маккавеевой и благочинной Татьяны Бучумовой. Ее поместили в келье Прасковьи Павловны Ерофеевой. Некоторые странности ее, которые присущи всем блаженным, вначале выводили из терпения сестер и начальствующих в обители, так что в конце лета того же 1848 года казначея Юлия Маккавеева хотела ее выслать за то, что она становилась в церкви около клироса с непокрытой головой и гримасничала. Несмотря на замечания, она не слушалась, но когда был назначен день ее высылки, то в эту ночь благочинная Татьяна Бучумова видела сон, что будто бы блаженная Пелагея Ивановна Серебренникова пришла к ней в келью и показала ей бумагу, на которой было написано крупными буквами: «Не трогайте Наталью, ей назначено здесь жить!» С тех пор ее действительно не трогали, и она до сего времени проживает в Дивеевской обители.

С начала своего вступления она, по показаниям Е. А. Ушаковой (впоследствии игумении Марии), знала всегда только одну церковь, в которой находилась ежедневно у всякой службы; никогда не ходила по кельям, кроме своей, и имела сестру

для присмотра за ней. Послушание ее было: читать по ночам Псалтирь и потом в полночь ударять в колокол на полунощницу. Как писала Елисавета Алексеевна: «По своему блаженному пути Наталья имеет свои странности, ходит боком, не позволяет обходить кругом себя и тому подобное, но все эти ее странности никому не вредят. В свободное от молитвы время она занимается чтением духовных книг, но более всего она любит читать Евангелие. Преосвященный Иеремия, посещая нашу обитель, каждый раз приказывал ей одеться в черное платье, чтобы быть в числе сестер обители, но она не переменяла своего пути и говорила: “Я от рождения дурочка и недостойна носить, что монашки носят” Сестрами она уважаема; но всеми ли, это неизвестно, потому что она находится всегда в церкви и некоторым иногда делает замечания. Странники же ее уважают по ее назидательным наставлениям».

При составлении этой летописи Серафимо-Дивеевского монастыря желательно было иметь более подробные сведения о Наталье Дмитриевой, и поэтому мы обращались к ней с просьбой написать о себе, но она положительно нашла невозможным что-либо передать, что могло послужить к ее земному прославлению. Нам остается к вышесказанному прибавить свои личные наблюдения.

Как говорят, она приняла тайный постриг в Киеве, где получила весьма тяжелое послушание от старца, которое и исполняет свято поныне. Можно догадываться, что обет, данный ею, чрезвычайно строг; судя по образу ее жизни, странностям и подвигам, это послушание состоит, во-первых, из обещания иметь в жизни только «три порога», как выражаются ее послушницы: в церковь, в келью и трапезу. Ныне она по старости лет и истощению сил не в состоянии ходить в церковь ежедневно, но если решится пойти, то живет в ней почти безвыходно, во всяком случае не возвращаясь в келью по неделям и даже месяцам. В келье своей она живет не всегда, а периодами; большей частью сидит в сенках (или род шалаша), под крышей, но на открытом воздухе, зимою, летом, осенью и во всякую погоду и непогоду. Здесь она постоянно молится, исполняет монастырские правила, беседует с приходящим народом и по ночам читает и пишет. Пища ее чрезвычайно скудная, и в постные дни совершенно ничего не вкушает. Ежедневно она получает после поздней обедни частицу

антидора с теплотой, что и составляет ее отраду и пищу. Если же она ест кашицу или молоко с лепешкой, то раз в день, до вечерни, но бывает так, что народ не дает ей пообедать до вечерни, и тогда она уже не вкушает вовсе в тот день. Когда утомление ее доходит до крайности, потому что здесь под навесом она терпит стужу, сырость, морозы, то Наташа уходит в свою келью, где уже затворяется и не принимает никого. В то время, когда она в келье, никто не имеет права входить, а без нее допускаются послушницы. По рассказам, ее келья никогда не убирается, не метется, и стены закрыты образами и лампадами, а на полу помещаются два корыта, одно с водой, а другое с корками и остатками хлеба, в которых предлагается пища для крыс, дабы они были всегда сыты и ей не мешали заниматься или молиться. Для самоумерщвления плоти ее послушание, видимо, обязывает не снимать белья и платья до тех пор, пока оно не истлеет на ней и не спадет само. Также она никогда не умывается, не расчесывает волосы. Для того ли, чтобы освежать свое тело или с целью причинить физическую боль, Наташа иногда в ватном своем халате выходит под проливной дождь и стоит так, пока не вымокнет до костей; потом это платье преет на ней и впивается в тело. Говорят, она сменяет белье раз в год, на Покров Пресвятой Богородицы. Затем она никогда не ложится, и если дремлет, то сидя; должно быть, это самоистязание входит в послушание, полученное ею от старца в Киеве. Часто видят, как она борется со сном и, взирая на св. иконы, старается силой Божией побороть в себе дремоту. Весьма редко она смотрит на человека, приходящего к ней, и только на духовных лиц засматривает иногда исподлобья. Обыкновенно она сидит согнутая в талии и облокотившись локтями о колени, чтобы не смотреть на людей и они не могли видеть ее лица. Также редко она допускает подходить к себе приходящих к ней за советом и благословением; большей частью народ останавливается за 5–6 сажен, и слова Наташи, говорящей довольно тихо, передает публике послушница, стоящая на середине расстояния от народа до нее. Она никогда не берет ничего в руки, кроме священных предметов, бумаги и карандаша; ее кормят послушницы и все делают за нее, перелистывают страницы книг, собирают деньги, оставляемые народом, и проч. В послушание ее входит также тяжелая обязанность двигаться всегда боком

и непременно по той же дороге или половице пола и туда, и назад. Странности эти, непривычные для свободных людей, кажутся неразумными, скучными, пожалуй, бессмысленными, но поэтому-то они и даны ей мудрым старцем, чтобы побороть в человеке разум и волю и при помощи подобных тяжелых послушаний, даже невыносимых для большинства, заставить отречься от мира, находящегося не в окружающей человека обстановке, а внутри него, в сердце. Немногие бывают в состоянии понять, по своему духовному развитию, истину тяжелых подвигов, которые налагают на себя добровольно праведники, и светские люди ужасаются нечистоплотности подвижников, воображая, что это доставляет, вероятно, удовольствие им. Но то, что редко кто в состоянии выдержать страдания нечистоплотности и все ужасаются такого положения, и составляет подвиг, доказывающий, что праведник поборол духом свои плотские мудрования и торжествует победу сладчайшим чувством любви ко Христу.

К затруднительным и скучным особенностям приема посетителей у Наташи относят ее принуждение подходить к ней не сразу, а постепенно, делая несколько шагов вперед и назад и читая все время Богородицу. Некоторых она утомляет подобными хождениями по 5 и 10 минут, пока начнет свою беседу. Однако причину такого хождения нетрудно разгадать; заставляя молиться входящего и молясь в свою очередь, она испрашивает у Господа внушения, что ей говорить на пользу души каждого, и пока, так сказать, внутренний голос не ответит ей, она продолжает молиться и приказывает ходить и молиться требующему ответа и помощи.

Наташа обладает даром совета. Речь ее прямая, ясная, не иносказательная. Премудрость и начитанность ее велика, и не лишена она прозорливости. В молодых годах Наташа несколько юродствовала, но под старость перестала*.

* *Она скончалась в 1899 г.*

Глава XXVI

южден ие Дивеевской обители под управлением Е. А. Ушаковой. начение в Нижегородскую епархию преосвященного Нектария ъяснение его с Ушаковой. Представления ее об утверждении мопыря. Смута и возмущение в обители. Объяснение невидимой, вной стороны дела. Сон благодатной старицы Евдокии Ефремов- Поездка блаженной Прасковьи Семеновны Мелюковой в Саров. иущение источника, предсказание. Неожиданный приезд в Ди-) Мотовиловых, разъяснение видения Прасковьей Семеновой за лет до смуты. Юродство ее, видение о. Серафима и предсказа- Беспокойство блаженной Пелагеи Ивановны. Приезд в обитель священного Нектария. Объяснение с Ушаковой и возмущение ер. Избрание в начальницы Лукерьи Занятовой. Всеобщее разкение против преосвященного Нектария, оскорбление его блаными Пелагеей Ивановной и Прасковьей Семеновной

официальном кратком описании Серафимо-Дивеевского монастыря, хранящемся в Нижегородской консистории, ›рится следующее:

Когда слабохарактерная Екатерина Васильевна Ладыжен-ı, не быв более в состоянии бороться с желающим вопре-зсему непременно заведовать общиной иеромонахом сафом, отказавшись от настоятельства, уехала даже из об-ıы в Троице-Сергиеву лавру, то место ее заняла, по единоному избранию сестер, казначея их общины девица Елита Алексеевна Ушакова, из тульских дворян, особа с твер- характером, вся проникнутая верой к основателю ба-ıке́ Серафиму. Хорошо понимая все лжеухищрения и коз-

ни чуждопосетителя и лжеученика свято почитаемого ею старца Серафима, она энергично начала восстановлять все святым заведенное и заповеданное и столь же энергично прекратила все посягательства иеромонаха Иоасафа. Тогда отдохнули Серафимо-Дивеевские сироты, но тем не менее и наипаче отделились от них духом не имеющие более произвола и временно присмиревшие Иоасафовские приверженницы».

В сентябре месяце 1860 года в Нижегородскую епархию был назначен преосвященный Нектарий. Елисавета Алексеевна поехала в ноябре месяце представиться к нему. По обычном приветствии преосвященный Нектарий, указывая на целую кипу бумаг, лежащих пред ним, сказал: «Вот это все ваши дела! Скажите, почему у вас община, а не монастырь?» Елисавета Алексеевна объяснила Владыке, что старцем Серафимом, основателем общины, заповедано не просить и не искать утверждения монастыря, и у них кроме многолюдного общества бедняков, живущих подаянием и милостыней, ничего нет, никаких капиталов, обеспечивающих их существование. «Сами виноваты! – гневно воскликнул преосвященный Нектарий. – Если бы вы приняли о. Иоасафа в строители собора, то ручаюсь, что и стены были бы золотые!» На это настоятельница общины ответила от имени всех сестер обители, что они готовы есть один кусок хлеба, но не примут о. Иоасафа. Тогда преосвященный Нектарий сказал: «Если не хотите иметь постороннего человека, то тем более просите скорей об утверждении монастыря!» Объяснение их на этом кончилось, и Владыка приказал Елисавете Алексеевне по приезде в обитель немедля подать ему прошение о возведении Серафимо-Дивеевской общины в монастырь, что в декабре месяце 1860 года и было исполнено настоятельницей. Указ об утверждении монастыря преосвященный Нектарий получил очень быстро, в январе 1861 года, но держал у себя до мая месяца, когда сам поехал в Дивеево.

Настало наконец то ужасное время для Дивеева, о котором предсказывал о. Серафим! «Скоро, уж скоро никого у нас не останется, – говорил батюшка сестре Дарье Фоминой. – И как на Саров бури, так и на вас еще хуже Сарова будут бури! Но я вас поручаю Господу и Царице Небесной! Ничего не бойтесь, хотя бы и все на вас, да Господь-то за вас! Мать вам Сама Царица Небесная, а по Ней все управят!»

Старице Агафье Лаврентьевне о. Серафим сказал: «Вот доживешь ты, матушка, большое у вас будет смятение, большое смятение, и многие разойдутся!»

Дивной старице Прасковье Семеновне Мелюковой о. Серафим пророчески сказал: «Вот, матушка, упомни, как увидишь ты, что мой источник-то возмутится грязью, от кого он возмутится, тот человек всю обитель возмутит у вас! Тогда, матушка, не убойся и говори правду, и всем говори правду! Это тебе заповедь моя! Тут и конец твой!»

Двадцать девять лет страдала Серафимова обитель от вмешательства в ее дела и от попечительства отца Иоасафа! В эти долгие годы велась непрестанная борьба между осиротевшими сестрами, защищавшими заветы своего отца и основателя о. Серафима, и врагом человечества, который в лице соблазненных им честолюбивыми замыслами о. Иоасафа и его поклонниц, мало развитых умственно и ослепленных духовно, нашел себе усердных бойцов. Только совершенно неразвитые духовно люди могли не видеть в Дивеевских смутах борющиеся стороны. Что такое был о. Иоасаф? Простой мещанин города Тамбова, плохой живописец, и он шел с такой уверенностью и силой против целого общества, имевшего в своей среде многих дворян, даже княжеского рода, со связями и значением, против местных землевладельцев, поставленных о. Серафимом на страже у обители Царицы Небесной, против большой и единогласно не одобрявшей его Саровской пустыни, против всего епархиального начальства, сменяя чрез это преосвященных одного за другим, и наконец, о. Иоасаф имел против себя таких дивных стариц, блаженных и молитвенников, как Пелагея Ивановна Серебренникова, Прасковья Семеновна Мелюкова, благодатная за свою простоту Евдокия Ефремовна, Наталья Дмитриева, М. В. Мантуров, Н. А. Мотовилов, протоиерей о. Василий Садовский, и многих других. Мещанин Иван Тихонов возмутил весь мир, как предсказывал о. Серафим, и возможно ли ему одному приписать всю силу и значение в такой неравной и несправедливой борьбе? Нет, эта смута была поднята против существования истины в таком огромном обществе людей, как Дивеевская обитель, куда впоследствии должно было собраться до тысячи человек. Враг человечества возбудил борьбу небесных и земных сил, и ни одна история не излагала, и ни одна обитель

не переживала таких потрясений, таких событий, как Серафимова община! Благодатные старицы исполнились духа пророчества, духа обличения, соединились невидимо с пришедшими к ним на помощь небесными силами и защитили правду и заветы своей матери игуменьи, Самой Царицы Небесной. Вся Россия изумилась происшедшему, и один только митрополит Филарет решился доложить Государю Императору о событиях, небывалых до сих пор в православном мире, но происшедших в Дивееве, где руководили борьбой и средствами обороны великие старицы и блаженные, находящиеся под благодатию, а не под законом. Недаром не без основания о. Серафим назвал время смуты временами, схожими с пришествием антихриста! «До антихриста не доживете, но времена антихриста переживете!» – предсказал он своим сиротам.

И вот настали эти времена.

Составитель летописи для изложения этого события руководствовался следственным делом, а также бумагами и письмами митрополита Филарета, напечатанными в 5-м томе.

Сама природа как бы участвовала в борьбе, возбужденной в Дивееве, и по небу надвигались постоянно черные тучи, которые наводили страх сильными грозами.

Еще за две недели до приезда преосвященного Нектария в Дивеево старица Евдокия Ефремовна, которую о. Серафим называл Евдокиею глухенькою, удостоенная видения Божией Матери в 1831 году в келье батюшки, увидала во сне о. Серафима. Великий старец приказал ей передать начальнице Елисавете Алексеевне, чтобы она ничего не боялась и ни на какое назначение не соглашалась. Евдокия Ефремовна наутро пришла испуганная к княжне Енгалычевой (матери Евпраксии) и спросила ее и других сестер: чего ждут в обители, что должно произойти, и начала упрекать, что от нее скрывают что-то. Сестры успокоили ее, говоря, что ровно ничего не знают, но советовали Евдокии Ефремовне сходить к настоятельнице и рассказать ей свой сон.

Вскоре за тем распространился слух, что в середине мая преосвященный Нектарий поедет в г. Арзамас и затем в Дивеево, чтобы открыть утвержденный уже монастырь.

15 мая 1861 года Прасковья Семеновна Мелюкова отпросилась вместе с бывшей начальницей общинки Прасковьей Степановной в Саров на могилку к батюшке о. Серафиму

помолиться. Они довольно часто ездили в Саров, так как батюшка перед смертью приказывал им, говоря: «Когда меня не станет, вы ко мне на гробик-то ходите! Как вам время, вы и идите, чем чаще, тем и лучше! Все, что есть на душе, что бы ни случилось с вами, о чем бы ни скорбели, придите ко мне да все, все с собой-то и принесите на мой гробик! Припав к земле, как к живому, все и расскажите, и услышу я вас, вся скорбь ваша отлетит и пройдет! Как вы с живым всегда говорили, так и тут! Для вас я живой есть, буду и вовеки!»

Поплакав на могилке, сестры прямо направились к источнику. Здесь они и пили воду, и умывались ею, и с заведующим источником саровским монахом о. Ильей долго сидели и беседовали, вспоминая про батюшку Серафима. Наконец собрались идти домой, налили себе воды в посуду из чистого всегда, свежего и как зеркало покойного источника о. Серафима, как вдруг показалась проживавшая в Петербурге с сестрами-художницами Лукерья Занятова. Появление ее невольно удивило остальных сестер, так как они ее не видели в обители, да и не слыхали, чтобы ее вызывали из Петербурга. Лукерья Васильевна поздоровалась и только подошла зачерпнуть воды, как вдруг весь источник возмутился, закипел, и все камешки поднялись со дна кверху, так что вода замутилась и стала совсем грязная и непрозрачная. Прасковья Семеновна сразу изменилась в лице...

«Кто подошел? Ради кого возмутился источник?!» — грозно спросила она. Все в страхе молчали...

«Лукерья! — вдруг громко воскликнула Прасковья Семеновна, обращаясь к Занятовой, — ведь ты всю обитель возмутишь!» Прасковья Семеновна быстро вспомнила предсказание батюшки о возмущении источника, о заповеди его всем говорить громко правду после этого и о своей смерти.

Лукерья Васильевна тотчас ушла, а Прасковья Семеновна осталась и долго-долго смотрела молча, тревожно и пристально в источник, до тех самых пор, пока не успокоился он, не затих, не очистился совершенно и по-прежнему не сделался свеж. Тогда она зачерпнула воды. «Ну, — проговорила Прасковья Семеновна, — теперь ничего, пойдем! Прощай, Илья! Прощай, уж более мы с тобой в этой жизни не свидимся».

Монах, изумленный совершившимся на его глазах, ответил успокоительно: «Полно тебе, старица, уж больно растрево-

жилась! Ишь чего еще выдумала – не свидимся, или умирать собираешься! Полно-ка, полно, еще на источник за водой прибежишь!»

«Ну, нет, – сказала Прасковья Семеновна. – Теперь уж прощай, воистину прощай! Батюшка Серафим мне сказал: вот, матушка, упомни, как увидишь ты, что мой источник-то возмутится грязью, от кого он возмутится, тот человек всю обитель возмутит у вас! Тогда, матушка, не убойся и говори правду и всем говори правду! Это тебе заповедь моя! Тут и конец твой! Так видишь ли, Илья, источник-то возмутился, и Лукерья всю обитель возмутит у нас! Пришло время, пойду воевать, как мне батюшка приказал! Прощай же, Илья, прощай! Более мы с тобой не увидимся! А ты будь свидетелем – кто подошел!»

Вернулись они в Саров, опять поплакали на могилке о. Серафима и поехали домой. Подъезжая к воротам своей обители, они встретили экипаж, в котором сидели Н. А. Мотовилов с женой Еленой Ивановной, как известно, племянницей Прасковьи Семеновны, и с двумя дочерьми. Они ехали из Симбирского имения в Москву через г. Арзамас, чтобы определить дочь в институт, и по дороге близ Арзамаса сломалось колесо, так что явилась необходимость остановиться. В Арзамасе они узнали, что преосвященный Нектарий поедет в Дивеев – открыть монастырь. Это сообщила им Дивеевская казначея. Само Провидение распорядилось этим, дабы Н. А. Мотовилов сделался свидетелем происшедшей через три дня истории. Старицы повернули за экипажем Мотовиловых и вошли к ним в дом. Прасковья Семеновна, поразившая их своим тревожным видом, показала тотчас воду из батюшкина источника, благословила испить ее и сказала: «Ну, Елена, теперь вот уже и слушай, что буду тебе говорить!»

Эти же самые слова Прасковья Семеновна говорила Елене Ивановне семь лет тому назад, когда ей было видение в Саровской пустыни. Но в то время она никому не открыла из смирения о видении своем, боясь, не прелесть ли это. Видение продолжалось полтора часа в присутствии пришедшей с ней в Саров слепой сестры Анны Алексеевны, также дивной жизни. Анна Алексеевна только слышала ответы и рыдания Прасковьи Семеновны и благоухание. После этого видения Елена Ивановна неоднократно просила тетку Прасковью

Семеновну рассказать ей, как, что и когда будет, но старица отвечала ей: «Когда придет время, тогда и слушай!» И вот через 7 лет пришло это время.

«Ты не забудь, — сказала Прасковья Семеновна, — что ты чудом сюда приехала!»

Елена Ивановна удивленно смотрела на нее, замечая странность речи. «Ты хотела прежде знать, теперь вот пришло это время и слушай!» — продолжала Прасковья Семеновна. Она рассказала о бывшем ей видении в Сарове. В ночь явилась ей Божия Матерь и батюшка Серафим просто, очевидно, ясно. Царица Небесная сказала: «Ты выправь дела Моей обители, настой в правде, обличи!..» Прасковья Семеновна упала на колени, зарыдала и ответила: «Матушка, Царица Небесная, прости меня, кто я, недостойная, грешная да и безграмотная! Есть умнее, просвещеннее и словеснее меня!» «Нет, тебе назначено это, иди за послушание старца!» — говорила Богоматерь, указывая на стоявшего за Ней батюшку о. Серафима. Но Прасковья Семеновна опять начала со слезами просить освободить ее от этого дела и послушания, считая себя немощной и негодной, но Матерь Божия до трех раз повторила ей Свое приказание. Рассказав это, старица опять произнесла, обращаясь к Елене Ивановне: «Чудо батюшка отец Серафим, угодник Божий, сделал, помни ты, ты чудом сюда приехала!.. Вот открытие монастыря и пострижение у нас в батюшкиной обители!..»

«Да и какое чудо, — сказала, перебивая, сестра Прасковья Степановна, — источник батюшки о. Серафима возмутился!»

Но Прасковья Семеновна остановила ее, говоря: «Нет, то другое, а вот батюшка о. Серафим здесь теперь!»

Она встала со свежим, веселым лицом, всплеснула руками и произнесла: «Батюшка Серафим, угодник Божий! Ты здесь, ты здесь явился, пришло то время, буди воля Господа и Матери Божией!» Потом она села и, помолчавши, сказала: «Мне бы домой в монастырь пора, я изнемогла!»

Мотовиловы упрашивали ее ночевать у них, но Прасковья Семеновна не соглашалась. «Мне нужно домой!» — говорила она. Это было 16 мая. Приехав в обитель и войдя в свою келью, Прасковья Семеновна начала юродствовать и воевать — во второй раз в жизни; первый раз с ней это было во время похорон дивной сестры Марии Семеновны, схимонахини

Марфы. Она теперь надела балахончик батюшки о. Серафима, который у нее хранился, разложила все вещи его, бывшие у нее, и сказала послушнице Феодоре: «Собирайте и скорее прячьте все вещи, Владыка едет неверующий, он их все раскидает!» В эту же ночь она сделалась восторженная, слезы лились из ее глаз, и, воздевши руки к небу, она говорила: «Дражайший батюшка! Я не о том плачу, что ты меня благословил трудным жестоким путем, но плачу от радости теперь. Пасху пела бы, да на память не умею. Христос Воскресе, батюшка! Воистину Воскресе! Помнишь, батюшка, как ты меня своими ручками со стога снял?!»

По свидетельству Елены Ивановны Мотовиловой, однажды на работе, снимая Прасковью Семеновну со стога сена, батюшка Серафим сказал ей: «Ты, радость моя, превыше меня!» А сестрам открыл, что она будет юродствовать.

В ночь на 17 мая Прасковья Семеновна курила ладаном свою келью и говорила: «Не бойся, Феодора (послушница), меня одолели (враги), в окна лезут и в двери толкаются!»

Утром 17-го приехала к ней Елена Ивановна. Старица сказала ей: «Скажите старшим всем, будет теперь верх Иоасафовых, но они не смущались бы, начальницу на время сменят, и пострижение будет Иоасафово, а батюшки о. Серафима и наше пострижение будет после».

Потом говорила она: «Это возмущение попущено к смирению наших старших; если и начальница не будет хранить всей обители заповеди, Матери Божией и батюшкиной, то недолго продержится она в начальстве. А Николаю Александровичу скажи, дабы настаивал бы, чтоб переходов и мостов через канавку не было и строение было бы внутри канавки ставлено; и все, как угодник батюшка о. Серафим заповедовал им делать, так чтобы и исполняли!»

Много раз повторяла она в восторге: «А что будет еще в Дивееве, Боже мой!» Все пророчества о. Серафима о будущей славе Дивеева она предсказала опять. Предсказала она Елене Ивановне все, относящееся до ее семьи; дала ключик от своего шкафа и произнесла: «Не забывай, что говорю, а теперь поди и посмотри, что у меня осталось там!» Елене Ивановне сделалось страшно, но она не могла ослушаться, подошла к шкафу, горько и долго плакала, сама не зная о чем, потом принесла ключ и подала старице. «Ну, теперь простимся!» —

сказала Прасковья Семеновна. Елена Ивановна упала ей в ножки, говоря: «Прости меня во всем, матушка!» Старица простилась с ней как бы навсегда. «Ну, теперь пойди, – опять произнесла Прасковья Семеновна, – да не забудь же, что говорила я, это нужно тебе! Да вот и св. артос тебе, – сказала она, подавая мешочек. – Его возьми с собой». Елена Ивановна ответила ей: «Ведь мы едем в Москву ненадолго, а оттуда опять заедем сюда, тогда я и возьму мешочек домой!» Старица строго посмотрела на Елену Ивановну и сказала: «Вот я тебе, кажется, толком говорила и говорю, что все у меня теперь пересмотри и возьми сейчас же, а ты ничего не понимаешь!» Прасковья Семеновна положила ей в руку мешочек с артосом и отпустила в дом. Елена Ивановна и тут еще не поняла тогда ее предсказания о своей кончине. Николаю Александровичу старица прямо объявила, когда он пришел к ней проститься перед отъездом в Москву: «Ты не сказывай Елене – я скоро умру; она, узнавши это, не поедет в Москву, а вам нужно быть там, так с Богом поезжайте!»

В ночь на 18 мая Прасковья Семеновна начала читать Псалтирь. Прочитав две славы, говорит она: «Федорушка! Я было приуныла, а батюшка Серафим мне сказал: Что тебе, матушка, унывать, я сам тебе избрал истинную послушницу!» Затем старица приказала своей послушнице Федорушке сесть на пол и молиться, а сама начала ставить всем образам зажженные свечи. «Вот так горели свечи в келье батюшки Серафима, – сказала она, – он меня спросил: “Видишь ли ты, матушка, радость моя, как свечи горят?” Я ответила: “Вижу, батюшка!” Тут одна свеча упала. Он опять спрашивает: “А видишь ли ты, что свеча упала?” – “Вижу, батюшка” – “Вот так-то человек падает”».

После этого рассказа Прасковья Семеновна начала ставить зажженную большую свечу, которую ей еще при жизни своей пожаловал батюшка Серафим, но лишь только поставит, сделает земной поклон, и свеча упадет; так было три раза. Тогда она сказала: «В прошлом году я была больна, но не умерла, а теперь уже умру – вот кончина моя».

12 числа в три часа утра Прасковья Семеновна начала звать с собой стариц Евдокию Ефремовну и Прасковью Степановну, говоря: «Пойдемте мы, три столпа, на подкрепу к матушке; четвертый столп – сама матушка, – мы устоим!» Они ей

ответили: «Ты не вовремя начала юродствовать!» — и не пошли с ней. Тогда старица взяла камушек с изображением батюшки Серафима и пошла одна к Елисавете Алексеевне. Видя старицу в восторженном состоянии и думая, что необходимо сообщить матушке важное известие, послушницы разбудили настоятельницу. Прасковья Семеновна вскоре вернулась назад в свою келью и объявила послушнице Федорушке: «Я спросила у матушки воды из источника батюшки Серафима, она мне подала в стакан, а я говорю: перекрести, матушка! Она ответила мне: нет, не могу такого Светильника, как батюшка Серафим, воду крестить. Вот она, Федорушка, Богом избранная нам истинная мать! Я ей отдала портрет батюшки Серафима да и сказала: Крепись, матушка, мужайся! Царица Небесная и батюшка Серафим тебе помогут!»

В это время в другом конце обители блаженная Пелагея Ивановна сильно скорбела, все ходила, металась да бегала, приговаривая: «Ох, горе-то какое! Тоска-то, тоска какая!»

«Ну, что еще за горе? — говорит Анна Герасимовна, ее сожительница и послушница. — Вот Владыку все ждут, а ты тут — “горе”. Дай-ка я лучше самоварчик поставлю!»

«Ох! — продолжала блаженная, — какой это тебе — “самовар!” Горе-то какое! Туча-то какая идет! Пойдем к воротам!»

Пошли. На Пелагее Ивановне не было лица, точно она не своя была. Просидели они целый день у ворот, и Пелагея Ивановна все время тосковала и металась. «Какой ныне гром-то будет! — восклицала она. — Ведь, пожалуй, кого и убьет; да, верно убьет!»

«Что это ты говоришь, Господи, помилуй! — возразила испуганно Анна Герасимовна. — Я так испугалась, что вся дрожу!» Но про себя Анна Герасимовна думала, что будет непременно беда, потому что блаженная изменилась, стосковалась и вся осунулась.

Настали сумерки. С самого утра Елисавета Алексеевна и все сестры ждали Владыку у храма и гостиницы, в которой приготовили ему помещение, но он не ехал. Когда начало темнеть, Пелагея Ивановна вдруг вскочила и побежала прямо в гряды, которые были против ворот, и засела в них. Анна Герасимовна пошла за нею. Нашла туча с большим громом и сильным дождем, а блаженная со своей подругой продолжала сидеть в огороде; сколько дождь ни поливал их, Пелагея Ивановна

не двигалась с места и Анне Герасимовне не дозволяла. «Сиди!» – говорила ей блаженная. Промокшая Анна Герасимовна роптала: «Что это? Господи, помилуй! Дождь так вот и поливает; там все Владыку с фонарями ждут, а я тут и сиди с тобой!» С этими словами она встала и хотела уйти, но блаженная как вскочит, схватит ее за подол, да так грозно и гневно прикрикнула: «Так и сиди!» Ужас напал на послушницу. «Что это, Господи, – думала она, – уж непременно какая-нибудь да будет беда!» Сидели они совершенно промокшие и издали смотрели, как собрались сестры ждать Владыку у ворот с фонарями.

В полночь наконец приехал преосвященный Нектарий в сопровождении протоиерея и письмоводителя, своего родного брата. Раздался звон. Прасковья Семеновна услышала звон и спросила: что звонят? Федорушка объяснила ей, что Владыка приехал, но старица ничего не сказала. Блаженная Пелагея Ивановна выскочила из грядок и бросилась к воротам. Немного спустя она встала, оглядела себя и Анну Герасимовну и, видя, что с обеих их вода ручьем льется, произнесла: «Ну, слава Богу! Теперь ничего не будет!» Они пошли домой.

Елисавета Алексеевна объяснила преосвященному Нектарию, что его весь день ждали и, наконец, решили, что он приедет не ранее утра, а потому сестры разошлись.

«Как благословите, Владыка, службу завтра?» – спросила она.

«Пускай будет заутреня, а я за вами пришлю», – ответил преосвященный.

Елисавета Алексеевна благословилась и ушла. Пелагея Ивановна, насквозь промокшая, всю ночь пробегала по монастырю и молилась. Старица Прасковья Семеновна опять в три часа утра разбудила свою послушницу и сказала ей: «Поди к моей правде и радости, поклонись в ножки три раза, поцелуй три раза ручку да скажи: Матушка, крепись! Мужайся, стой за правду – бодрствуй! Вся сила Небесная сюда грядет! Царица Небесная и батюшка Серафим ей помогут!» Елисавета Алексеевна, конечно, не спала и приняла послушницу Федорушку. Не дозволив ей кланяться в ноги, но выслушав слова старицы, она сказала: «Благодарю за подкрепление и за сестрины молитвы; я к сердцу ничего не приняла!» Федорушка вернулась и сообщила ответ матушки. Прасковья Семеновна на это сказала: «Мне только то и нужно!»

19 числа преосвященный Нектарий в 9 часов утра прислал за Елисаветой Алексеевной. Благословив настоятельницу, Владыка сказал:

«Елисавета Алексеевна! У меня до вас есть просьба!»

«Мы привыкли к приказаниям, Владыка, а не к просьбам, — ответила она. — Что вам угодно?»

«Перейдите в Давыдовскую пустынь начальницей!» — сказал Владыка. Елисавета Алексеевна молчала в удивлении.

«Что же вы молчите?» — спросил преосвященный Нектарий.

«Я вас не понимаю, Владыка!» — произнесла она.

«Я говорю вам, — повторил преосвященный, — что вы должны перейти в Давыдовскую пустынь, там неустройство, вот вы перейдете, чтобы там завести порядок!»

«Не могу», — кротко ответила Елисавета Алексеевна.

«Как же вы здесь начальницей?» — спросил Владыка.

«Я здесь по выбору сестер, — сказала она. — И только стараюсь поддержать заведенные порядки!»

«В таком случае, — объявил Владыка, — я вам должен сказать, что вы здесь не можете быть начальницей!»

«Это ваша воля, как вам угодно! — сказала Елисавета Алексеевна. — Я поступала сюда по вере в силу молитв батюшки Серафима, а не в начальницы и прошу только одной милости: не выгонять меня!»

После этого преосвященный Нектарий посмотрел на часы. «Уже десятый час, уже пора в церковь, и вы должны согласиться», — сказал Владыка.

«Буду молить лучше, чтобы умереть, но не оставить обитель!» — решительно ответила Елисавета Алексеевна.

После обедни, которую преосвященный Нектарий отстоял в Тихвинской церкви, он вышел на солею и объявил сестрам, что приехал сделать мир, открыть монастырь, и потому они должны выбрать начальницу. Возбуждение между сестрами было настолько уже сильно, что они в один голос объявили: «У нас есть начальница».

Постояв на солее и видя, что никто из сестер не идет к нему под благословение, преосвященный Нектарий вышел из церкви. По дороге он встретил Лукерью Занятову и сказал ей: «Я буду у вас!»

В келье настоятельницы подали чай. Около Владыки усе-

лись протоиерей и письмоводитель. Обращаясь к ним, преосвященный Нектарий сказал:

«Еще называется монашенкой, а архиерея не слушает! Я ей говорю, что надо перейти в другой монастырь, а она не идет!» Затем он начал укорять Елисавету Алексеевну, что она во всем виновата, возбуждала Е. В. Ладыженскую против о. Иоасафа, борется против благодетеля обители и наставника, которому поручил своих сирот сам о. Серафим, и проч. В словах его заключались, конечно, наговоры о. Иоасафа, Лукерьи Занятовой и других их сторонников.

Елисавета Алексеевна со спокойным духом, смиренно отвечала напрасно разгневанному Владыке, повторяя только одно: «Простите Христа ради!» Оправдываться против такой клеветы не было посильно и пристойно матери Дивеевских сирот...

После чая Владыка пожелал посетить трапезу. Он всюду заходил, думая услышать от кого-либо претензию, или неудовольствие, или жалобу на настоятельницу и воспользоваться этим обвинением для своих решительных действий, но угрюмые, расстроенные, взволнованные и заплаканные сестры молча вставали, кланялись низко и прятались по кельям. Отпустив от себя Елисавету Алексеевну, которая тотчас заперлась в своей келье, преосвященный Нектарий пошел в гостиницу. Обозревая разные послушания, преосвященный Нектарий говорил всем: «Пожалуйста, не бойтесь Елисаветы Ушаковой и жалуйтесь, чем вы недовольны!» Но жалобы никто не принес. Слава о блаженной Пелагее Ивановне, конечно, дошла до Владыки еще в Нижнем Новгороде, так как ее посещало много приезжающих со всех концов России; кроме того, он слышал о ее прозорливости и от о. Иоасафа и Лукерьи Занятовой. Смущенный возложенной на него обязанностью изменить порядок в Дивееве и поставить в игуменьи Лукерью Занятову, преосвященный Нектарий искал себе, видимо, внутренней поддержки для правдивого решения вопроса и пожелал сходить к блаженной Пелагее Ивановне.

«На первый же день приезда Владыки, — рассказывала послушница Анна Герасимовна, — вижу, жалует к нам. Сердце у меня так и заныло. Что это? — думаю, мы — дураки, и никогда к нам такие лица не ходили!»

Преосвященный Нектарий вошел в келью. Пелагея Ивановна сидела в чулане на табуретке, поджавшись. Владыка

взял также табуреточку и сел с нею рядом, а Анне Герасимовне приказал поместиться на лавке.

«Ах, раба Божия! Как мне быть-то?» — сказал Владыка.

Посмотрев на него строго, ясно, так что, видимо, произведя сильное впечатление на преосвященного своим светлым, глубоким и чистым взором, она громко ответила:

«Напрасно, Владыка, напрасно ты хлопочешь! Старую мать не выдадут!»

Пригорюнился преосвященный Нектарий, облокотился бородой на свой посох и стал покачивать головой из стороны в сторону. «Уж и сам не знаю, как быть! — сказал Владыка, обращаясь к Анне Герасимовне. — Что-то мне страшно!»

«Преосвященный Владыка! — вдруг заговорила Анна Герасимовна, сделавшись смелою и откровенною, — да зачем же сменять! Ведь она никого не обижает!»

Едва договорила она это, как Пелагея Ивановна вскочила тревожная, страшная и начала воевать. Все, кто были с Владыкой, от испугу разбежались, кто куда мог. Анна Герасимовна рассказывала: «Осталась я с ним одна-одинешенька: тряской трясусь, да творю молитву: "Господи, только помози!" Да коекак, улучив минуту, Владыку-то уж и выпроводила вон; а она-то воюет, что ни попало под руки, все бьет да колотит. Ужас на всех и на нас-то напал. К вечеру, слышу, говорят: архиерей сказал какому-то с ним прибывшему протоиерею, что "напугала меня Пелагея Ивановна; уж и не знаю, как быть!" "Охота вам, Владыка, — говорит протоиерей, — безумную бабу слушать!"»

Весь остальной день до всенощной преосвященный Нектарий ходил по монастырю вместе с Лукерьей Занятовой. Дивная раба Божия Прасковья Семеновна была очень непокойна, разбила у себя в келье окна и кричала: «Второй Серафим, Пелагея Ивановна! Помогайте мне воевать! Наталья косматая, Евдокия глухенькая, помогайте мне! Стойте за истинную правду! Николай Чудотворец, угодник Христов, помогай за правду!»

Эта война блаженных производила сильнейшее впечатление и наводила ужас на всех. Вообще, как мы слышали выше и из уст самого о. Серафима, истинных блаженных и Христа ради юродивых бывает мало; большинство их — бродящие по России, взявшие самопроизвольно на себя этот великий и тяжелый подвиг, порочные люди, руководимые врагом

человечества. Но истинные блаженные узнаются по необъяснимой на словах чистоте и святости взора, проникающего в сердце человека, по образу их жизни и в особенности по неподражаемой речи, которая у всех одна. Они все воюют одинаково. Непонятное на первый взгляд это буйство делается совершенно понятным, когда вспомним, что блаженные имеют уже на земле духовные очи, видящие явно духов злобы и ангелов. Воевание это есть борьба с духами злобы, являющимися смущать человечество, соблазнять и возбуждать вражду между людьми. Так Василий блаженный иногда воевал и бросал камни в церковные стены, пока внутри служилась обедня, видя, что злые духи располагаются снаружи, по невозможности стоять в церкви, и целовал стены домов, в которых были балы, танцы, кутежи, так как видел ангелов-хранителей, удалившихся из них, по невозможности присутствовать в жилищах.

Блаженные Пелагея Ивановна и Прасковья Семеновна весь день 19 мая провели в страшной войне. Елисавета Алексеевна вышла из кельи только ко всенощной. После всенощной протодиакон передал приказание Владыки, чтобы все сестры до одной шли в трапезу. Было сестер около 500, и они тесно разместились в трапезе. Глубокое молчание и грустное выражение лиц располагали к ожиданию чего-то страшного. Когда все были на местах, вошел и преосвященный Нектарий.

«Желающие Лукерью Васильевну, отделяйтесь! – произнес Владыка, стоя в мантии. – Становитесь вперед, к образам!»

Некоторые стали впереди, но сравнительно их было очень мало, всего 40 человек. Видя это и приписывая тому, что нет места в трапезе, преосвященный стал приказывать: «Назад! Назад!»

«Некуда назад!» – ответили в один голос 400 сестер, преданных Елисавете Алексеевне. Многие из них на коленях, со слезами просили преосвященного оставить ее начальницей. «Отделяйтесь, отделяйтесь!» – приказывал опять Владыка, но никто не двигался с места. Тогда он сказал: «Я ее не оставлю! Избирайте три лица, а если вы не изберете, то я, кроме Елисаветы и Лукерьи, изберу сам третье лицо из среды Лукерьи Васильевны. Завтра, если жребий падет на Лукерью Васильевну, то кто не повинуется, всех вон!»

«Много будет всех вон!!!» – громко ответили все сестры.

Раздраженный и разгневанный неудачами, а также ответами Серафимовых сирот, преосвященный Нектарий стал нетерпеливо подвигаться к двери, но, по тесноте, сестры невольно запутались в его мантию, а он, желая освободиться, начал их толкать, отстранять ногами, и вся эта сцена глубоко поразила и возмутила стоявшего у дверей трапезы незамеченным Николая Александровича Мотовилова.

В ночь на 20 мая подле старицы Прасковьи Семеновны сидели сестры Прасковья Степановна, Анастасия Михайловна и послушница Федорушка. Взяв образок Казанской Божией Матери, Прасковья Семеновна приложилась к нему, потом надела на бывшую свою начальницу мельничной общинки Прасковью Степановну и сказала: «Иди ты к новой начальнице и скажи, чтобы она не бралась начальствовать, это не ее дело! Вот у меня три свидетельницы, но две лживые поколеблются! Ты одна у меня будешь истинная свидетельница! Вспомни, Прасковья Степановна, вспомни, матушка, что тебе сказал батюшка Серафим: останешься ты как рак на мели!»

Но Прасковья Степановна не пошла к Лукерье Занятовой, опасаясь передать ей слова старицы, ибо архиерей должен был ее постригать на следующее утро.

Преосвященный Нектарий служил обедню в Тихвинской церкви, и, когда вышел на молебен, он приказал подать ему билеты с наименованием кандидаток, избираемых в настоятельницы монастыря. Протодиакон вынес на блюде три запечатанных конверта. Владыка взял один, распечатал и передал для прочтения протодиакону, а остальные два спрятал себе в карман. Протодиакон громко провозгласил:

«Господь Бог выбирает начальницей Гликерию Занятову!»

В публике произошло смятение, послышалось рыдание, некоторые из приезжих упали в обморок. Никто не поверил, что Бог мог избрать начальницей преданную о. Иоасафу, который запечатывал храмы, попирал заветы и заповеди Царицы Небесной и о. Серафима. Возбуждение народа против преосвященного дошло до крайних пределов. Ввиду того что остальные конверты он взял себе в карман, а не отдал по принадлежности сестрам обители или для хранения в ризнице, Владыку обвинили в пристрастии, в допущении обмана. Присутствующие были уверены, что во всех конвертах заклю-

чалась записка одного содержания об избрании Лукерьи Занятовой. Можно себе представить, как был отслужен молебен и что происходило в это время в церкви.

Одна же отличавшаяся кротостью Устинья Ивановна не могла сдержать свою скорбь и сказала: «Батюшки Серафима на тебе взыщение за нас, Владыко, ибо он собирал нас, а ты разгонять хочешь!»

Преосвященный Нектарий приказал отправить ее под начало в Ардатовский монастырь.

Благодатная старица Евдокия Ефремовна, стоя пред преосвященным, со слезами говорила ему: «Святый Владыко, пощади нас, Иоасаф гонит нас 30 лет! И ты гонишь нас! Нам Лукерьи не нужно!»

«Иоасаф добрый человек!» – ответил Владыка.

«Я, батюшка, живу 60 лет в обители, и мне уже осьмой десяток, старших нас шесть сестер, на нас обитель завел о. Серафим; мы с ним трудились, ему служили!» – продолжала дивная старица.

«Что мне до того, что тебе 70 лет! – воскликнул преосвященный Нектарий. – Вы мне не нужны! У меня и молодая будет начальницей!»

Сестры плакали и рыдали.

После обедни Владыка кушал чай и обедал у новой начальницы Лукерьи Васильевой, где ликовали поклонницы о. Иоасафа. Елисавета Алексеевна совершенно покойно удалилась из церкви и поспешила переехать из начальнической кельи в свою прежнюю казначейскую.

Серафимовы сестры провели день в слезах и не выходили из келий. Только великие рабы Божии продолжали еще с большей силой воевать со врагом, видя, до какого забвения довел он Иоасафовых сестер. Сестра Аграфена Николаевна Назарова поспешила в келью Пелагеи Ивановны рассказать ей, что происходило сегодня в церкви, и принесла с собой ей в подарок прехорошенького котенка, зная, как блаженная любила их.

Пелагея Ивановна вскочила, выхватила котенка из рук Назаровой и так сильно ударила кулаком по голове его, что он и не пикнул. Никогда еще с блаженной подобного не случалось.

– Полно озорничать-то! – закричала Анна Герасимовна.

– Нет, не перестану! – ответила блаженная.

– Да, вот все так: ей все равно, а я-то при чем? Только знай через тебя все к ответу иди! – ворчала Анна Герасимовна.

– Нет! Что тебе? Я и помимо тебя выберу время! – сказала Пелагея Ивановна.

– Второй Серафим – Пелагея Ивановна! Помогайте мне воевать! – кричала в другом конце обители старица Прасковья Семеновна. – Наталья косматая, Евдокия глухенькая, помогите мне, стойте за истинную правду! Николай чудотворец, угодник Христов, помогай за правду!

День 21 мая был еще ужаснее! Ввиду напечатанных уже отзывов приснопамятного митрополита Московского Филарета о Дивеевских смутах, о. Иоасафе, о Гликерии Занятовой, об оскорблении преосвященного Нектария блаженной Пелагеей Ивановной, о разговорах митрополита по этому поводу с Государем Императором, а также ввиду напечатания об этом же писем митрополита Филарета к митрополиту Петербургскому Исидору и обер-прокурору Св. Синода графу А. П. Толстому (см. Сборник мнений и резолюций митр. Филарета, т. 5, № 606, 608 и др. письма м. Филарета, I, 28, II, 98, 99, 105, 226); наконец, ввиду напечатания по этому делу Указов Св. Синода и биографии блаженной Пелагеи Ивановны, в которой упоминается подробно об оскорблении ею преосвященного Нектария, мы излагаем в летописи события со всеми подробностями, несомненно поучительными в духовном смысле.

21 мая преосвященный Нектарий служил в Тихвинском храме и покрывал в рясофор сторонниц Гликерии Занятовой, которую, между прочим, многие любили в монастыре за ее доброту, но теперь обвиняли в духовной слепоте и решении служить не о. Серафиму, а чуждопосетителю о. Иоасафу. Как только раздался звон, доказавший, что Владыка выходит из храма по окончании службы, старшая Прасковья Семеновна надела шубу вверх мехом, выбежала из кельи и направилась к колокольне, крича: «Звони, Ирина, зря, зря! Чтобы Владыка испугался!»

«А вы, сестры, – сказала она подошедшим монашенкам, – идите на канавку, становитесь реже, выше, выше! И кричите: Канавка, канавка! Возопий за нас до неба! А мы нейдем за канавку, земля наша!»

Преосвященный Нектарий, видя это, прошел мимо, ничего не сказав. Тогда старица побежала на другой конец канавки и

стала против сеней начальницы. Когда Владыка вошел в келью, она начала кричать: «Вышлите ко мне Лукерью с Владыкой!»

Преосвященный Нектарий вышел, благословил ее большой просфорой, как самую духовную, уважаемую и почтенную старицу в обители. Она взяла, говоря: «Идите, Владыко святый, за тот стол, где вы кушать будете!» Они вошли все вместе в начальнический корпус. Только уселись, Прасковья Семеновна размахнулась и бросила в окно громадную эту просфору с криком: «Вот так и Лушку выкину!» Шум от разбитых стекол произвел переполох, но все боялись, не исключая и Владыки, сказать ей слово, так как они страшились обличения. За столом Прасковью Семеновну посадили рядом с Владыкой. Она спросила себе воды из батюшкина источника, и когда ей подали, то, выплеснув все на Владыку, залила ему бок рясы, разбила стакан о пол и сказала: «О судия! Судия неправедный! Судия ложный! Судия денежник! О Господи, нет истинной правды! Святый Владыко! Руби меня в мелкие части, нет истинной правды! Святый Владыко! Что я шубу-то выворотила, так они всю обитель переворотили! Мне батюшка Серафим сказал: "Придет время, шуми, матушка, не умолчи!" Что я шумлю? Теперь в Петербурге и в Москве шум! Шум! С северной стороны ветер хладный далеко шумит! Владыко, где же истинная правда?!»

Тогда сестра Домна Алексеевна подвела Лукерью Васильевну и говорит: «Вот истинная правда – наша матушка!»

Прасковья Семеновна вскочила, ударила вновь постриженную Лукерью Васильевну по камилавке и сказала: «Я возьму ножницы и ваши долгие хвосты все подрежу, а камилавки побросаю под лавки!»

«Тебе надо камилавочку!» – льстиво произнесла Лукерья Занятова. «Нет, не нужно! – закричала старица. – Будет с меня и того, что батюшка Серафим благословил! Это пострижение не наше – Иоасафово, а наше пострижение будет вторичное от Царя! Нас сам Царь пострижет, а мы к Царю пойдем прямой дорогой, не так, как Лукерья, – ши! ши! Царя позовем! Царь приедет, мощи привезет; двое у нас явятся!»

Замолчала старица и, сидя рядом с Владыкой, через несколько минут спросила: «Где Владыка?»

Ей говорят, что преосвященный рядом с ней. А она воскликнула: «Нет, это не Владыка! Вот он! – и показала на архи-

мандрита Иоакима благочинного. – На нем есть кресты, – продолжала она, – а на этом нет!»

Преосвященный Нектарий распахнулся и сказал: «Вот смотри, старица, мои кресты!»

«Простите, Владыко! Слеповата стала Прасковья», – ответила она.

Встали со стола; преосвященный вознамерился идти по кельям сестер, но Прасковья Семеновна легла на пол под диван, потом быстро опять встала и, бросившись пред Владыкой на колени с воздетыми руками, воскликнула: «Святый Владыко! Нейду из этой кельи; где благоволите мне жить?»

«Где тебе благоволит новая начальница!» – ответил он.

Но старица, обняв обеими руками большой портрет батюшки Серафима, сказала: «Батюшка Серафим! Нейду из этой кельи!»

Только Владыка хотел выйти, она опередила его и, пробежав на половину матушки Елисаветы Алексеевны, начала стучать в ее запертую дверь и кричать: «Правда! Отопрись, мне нужно тебе сказать на подкрепу три слова!»

Но матушка Елисавета Алексеевна никого более не принимала, так как архиерею доносили, что у ней сговариваются сестры против о. Иоасафа и его сестер. Преосвященный Нектарий прислал ей строгое приказание ни во что не вмешиваться, если хочет остаться в монастыре.

«Ступай, Федорушка! – сказала старица своей послушнице. – И если в мою келью Владыка придет, покажи ему лычки батюшки Серафима!»

Ничего не разумевшая послушница побежала в келью. Преосвященный был уже в их корпусе. Федорушка стала просить его благословить келейку Прасковьи Семеновны.

«Старица дома? – спросил Владыка. – Если дома, я не пойду ее беспокоить!»

Федорушка ответила, что старицы нет. Тогда преосвященный Нектарий вошел, благословил ее кровать, посмотрел спутанные лыки батюшки Серафима, но не мог получить объяснения их от послушницы. Видя, что все окна разбиты, он спросил: «Как колотила она окна и что говорила? Давно ли с ней это сделалось?»

Послушница на все дала точные ответы, выслушав которые Владыка ушел.

Прасковья Семеновна этим временем стояла около кельи Елисаветы Алексеевны и говорила сестре Фиене Васильевне: «Фиена! Поди сходи к нашей правде! Что правда делает?»

Фиена Васильевна удивленно смотрела на старицу, не понимая, про что она говорит.

«Разве ты не знаешь, кто правда? – спросила старица. – Наша мать, белая Елисавета! Скажи ей, чтобы она меня к себе пустила; я бы ей три слова сказала! Мне нужно сказать ей три слова батюшки Серафима и Царицы Небесной; ей будут в поддержку и сестрам во подкрепление!»

«Матушка Елисавета Алексеевна очень больна», – ответила Фиена Васильевна.

«Нужды нет! Это ей на пользу! Батюшка Серафим ее за плечики держит! Мне только нужно ей три слова сказать на подкрепление!»

«Нельзя, матушка, войти нельзя, двери заперты!» – сказала Фиена Васильевна.

«Напрасно заперли! – продолжала Прасковья Семеновна. – Пусть бы они посмотрели на нее! Это будет после нужно ей. Сестра, собирай же обедать, теперь радость и веселие, попразднуем! Елисавета всего наготовила! Теперь воля наша, никого не боимся! Вот поехали во все стороны парами, тройками, четверками! Пыль столбом! Приехали – нет тут ничего, никаких дел нет! Гони дальше в Петербург, там лучше дела разыщем! Лошади у нас хорошие, Елисавета откормила! Совались, совались и туда и сюда, да и нет никуда! А придет время, мы всю ложь выгоним, будем жить правдой и с одной правдой!»

Никто не понимал в то время слов великой старицы, но вскоре все вспомнили ее предсказание. Поехали из Дивеева свидетели смуты защищать правду; приехали следователи, искали, искали вину Серафимовых сирот, но не нашли! Правда восторжествовала!

Затем Прасковья Семеновна вернулась в свою келью, чтобы звать Федорушку идти с ней на канавку. Пошли.

«Принеси мне малахай, Федорушка!» – сказала старица. Пока послушница ходила за малахаем, старица легла в канавку и стала кричать: «Тут мощи явятся, тут мощи, мощи явятся!»

Федорушка подала малахай. Она надела его, подняла кверху и воскликнула: «В последний раз пошумлю, чтобы больше,

больше шумело! Ступай за топором! Надо мост рубить, тут мощи явятся!»

В это самое время Владыка шел из «живописной». Старица взяла большую жердь, переломила ее на три части и закричала: «Святый Владыко! Ложь и клевету выгоню отсюда, всю выгоню, выгоню!»

Преосвященный Нектарий не пошел ей навстречу, а воротился назад и обошел стороной корпус начальницы. С этого места сестры почти на руках принесли Прасковью Семеновну в ее келью. Федорушка сняла с нее шубу, посадила на кровать.

«Пустите меня, Христа ради! – просила старица. – Я провожу Владыку, сяду на кочергу, хвост привяжу, Владыку за ворота провожу!»

Но ее не пустили. Затем она совершенно изнемогла, легла в постель и больше не вставала.

Блаженная Пелагея Ивановна, второй Серафим, поступила иначе. Предоставим слово Анне Герасимовне:

«Пришла ночь, сидит дома. На другой день расхорошая-хорошая встала и пообедала с нами. Отлегло у меня. "Ну, – думаю, – слава Тебе, Господи, угомонилась". Да уж не помню, зачем и вышла в чулан. Прихожу: а уж ее и нет. Так во мне сердце-то и упало. "Где она это? – думаю. – Как бы еще чего не наделала!" Тороплюсь, собираюсь идти разыскивать, а ко мне уж бегут навстречу. "Что ты, – говорят, – делаешь-то? Что безумная-то твоя дура наделала? И не знаешь? Ведь она Владыку-то по щеке ударила" Так я обмерла. Ничего не соображу даже. "Вот, – говорят, – теперь в сумасшедший дом ее, да и тебе-то беда будет. И тебя к ответу"

"Господи! – говорю. – Да я-то при чем с ней? Ведь не пятилетняя, – говорю, – она, на руках мне носить да караулить ее" Горе страшное взяло меня, так-то мне тяжело да тошно, сил моих нет. И горько-прегорько заплакала я. Она и идет.

"Побойся ты Бога; что, – говорю, – надурила ты? Ну виданное ли дело? Ведь и вправду говорят: в сумасшедший дом тебя засадят. Да и меня-то, горькую, за дурь-то твою так не оставят"

"Не была, – говорит, – в нем сроду да и не буду. А так надо. Ничего и не будет"

"Да, – говорю, – говори"

Вот как все совершилось: едет от службы Владыка на дрожках, а моя-то разумница на дороге сидит (и когда успела?), яй-

ца катает, как раз после Пасхи вскоре все это было. Владыка-то, видно, хоть и послушал протоиерея-то, да не был покоен, потому что (что правду-то таить?) не по-Божьему сделал дело-то. Увидел Пелагею Ивановну, видно, обрадовался и думал, не успокоит ли она его совесть; слез с дрожек-то, подошел к ней, просфору вынул. "Вот, – говорит, – раба Божья, тебе просфору моего служения" Она молча отвернулась; ему бы и уйти; видит – не ладно, прямое дело. Кто им, блаженным-то, закон писал? На то они и блаженные. А он, знаешь, с другой стороны зашел и опять подает. Как она это встанет, выпрямится, да так-то грозно, и ударила его по щеке со словами: "Куда ты лезешь?" Видно, правильно обличила, потому что Владыка не только не прогневался, а смиренно подставил другую щеку, сказавши: "Что ж? По-евангельски, бей и по другой"

"Будет с тебя и одной", – отвечала Пелагея Ивановна; и как бы ничего не сделала, словно не до нее дело, а так надо, – опять стала яйца катать.

Уехал Владыка; а мать-то Пелагеи Ивановны, Прасковья Ивановна, услыхав всю эту историю-то в Арзамасе, перепугалась, приехала к нам и говорит мне: "В сумасшедший дом, говорят, засадят; и вам-то с ней беда, – говорит, – будет. Ее-то мне уж, – говорит, – не жаль. Слыханное ли дело? Что наделала! Бог с ней; туда ей и дорога; а вот вас-то, голубушка вы моя, уж больно жаль. За нею, за дурою, ходила да работала".

Все это молча слушала Пелагея-то Ивановна да на эти ее слова-то и сказала: "Сроду там не была да никогда вовек и не буду. Ничего не будет"

Что же? Ничего и вправду не было, а еще Владыка-то, бывало, так почитает ее, что всегда справлялся, жива ли она. И что еще? Присылал ей и свое благословение, и от нее просил себе святых молитв ее, даже и просфору раз со странником прислал ей и еще что-то в гостинец. Видно, уразумел он, что не по-Божески поступил он и что справедливо, хотя безбоязненно и дерзновенно обличила его блаженная раба Христова».

Дивная старица Прасковья Семеновна, исполнившая заповедь Царицы Небесной и батюшки о. Серафима, обличившая всех причастных к неправильному решению участи Дивеева, ждала теперь, согласно предсказанию великого старца, дня своей кончины. Она после отъезда преосвященного Нектария прожила еще 9 дней, не принимая никакой пищи, кроме

воды из источника о. Серафима и изредка чаю. Дважды она исповедовалась, особоровалась и приобщалась Св. Таин. Когда духовник о. Василий Садовский прочитал ей отходную, то старица трижды сказала: «Покорно благодарю, батюшка!»

Она скончалась 1 июня, в праздник Вознесения Господня, в 11 ч. вечера.

Вскоре после похорон начальница Лукерья Занятова поехала в Нижний Новгород к преосвященному Нектарию и, между прочим, доложила ему о смерти старицы Прасковьи Семеновны. Как свидетельствовала Лукерья Васильевна, Владыка, услыхав это, испугался, три часа был в исступлении, не мог говорить, и когда пришел в себя, то произнес: «Великая раба Божия она!»

Глава XXVII

Поездка Н. А. Мотовилова в Москву и жалоба его митрополиту Филарету на действия преосвященного Нектария. Исполнение пророчества о. Серафима наместнику архимандриту Антонию. Доклад митрополита Филарета Его Величеству Государю Императору. Назначение строжайшего следствия. Переписка митрополита Филарета с графом А. П. Толстым, митрополитом Исидором и наместником о. Антонием по поводу Дивеевского дома

Николай Александрович Мотовилов на другой день насильственного избрания Гликерии Занятовой в игумении Серафимо-Дивеевского монастыря поспешил в Москву, благодаря Бога, что Он сподобил его неожиданной потерей колеса, то есть несомненным чудом, заехать в Дивеево и присутствовать при разговоре преосвященного Нектария в трапезе с сестрами. Преисполненный скорби и негодования на действия Владыки, Николай Александрович чувствовал, что настал тот час, когда он по заповеди великого старца Серафима до последней капли крови должен бороться за обитель Царицы Небесной, взятой Ею Себе в удел на земле.

По приезде в Москву он узнал, что особенным доверием митрополита Филарета пользуется жена известного русского литератора Наталья Петровна Киреевская, рожденная Арбенева, и поспешил явиться к ней за советом, как лучше и где представиться ему Владыке, дабы доложить происшедшее в Дивееве. Оказалось, что Наталья Петровна хорошо знала в молодости батюшку Серафима, дважды была в Сарове, старец исцелил ее от серьезной болезни, и она всею

душою ужаснулась сообщению его о беззаконных действиях Нижегородского архиерея. Действительно, в ожидании приезда в Москву Государя Императора митрополит никого не принимал, но Наталья Петровна посоветовала Мотовилову все-таки лично доложить дело Владыке, в той же форме и с той же откровенностью, и обещала испросить ему аудиенцию. Но митрополит Филарет, оказалось, переехал в Троице-Сергиеву лавру. Когда Николай Александрович собрался ехать в лавру, там пребывали уже Государь Император, Государыня Императрица и Великая княгиня Мария Николаевна. С запиской, заготовленной для митрополита, Мотовилов явился к наместнику лавры архимандриту Антонию, которого так любил о. Серафим и благословил на принятие назначения в Троицкую лавру. Архимандрит Антоний тут же вспомнил, что при прощании с о. Серафимом последний поклонился ему в землю со слезами и сказал: «Не оставь моих сирот Дивеевских!» Тогда он не понял этих слов, но теперь неожиданно пришло время исполнения их. Горячо любивший батюшку Серафима, о. Антоний как бы лично оскорбился за Серафимовых сирот и в тот же день выбрал час, чтобы доложить записку Н. А. Мотовилова митрополиту Филарету.

Господь помог и митрополиту Филарету доложить Его Величеству столь небывалое дело, которое он положительно затруднялся высказать, в особенности о нанесенном оскорблении ударом по лицу преосвященному Нектарию. На другой день после обедни Их Величества кушали чай в митрополичьих покоях. За главным столом сидела Царская Семья и митрополит, а в нескольких шагах, за другим столом, свита и фрейлина Ее Величества, через которую и действовали покровители лжеученика Серафимова — о. Иоасафа. Была минута, когда все замолчали за царским столом и ясно раздалась беседа свиты о батюшке о. Серафиме и Дивеевской обители. Вот к этому неожиданному слову и решился митрополит доложить Государю Императору положение дел в Дивееве и действия преосвященного Нектария.

«И Я сомневался в истине слов о. Иоасафа, — сказал Государь Император, — когда Императрица просила за него».

Его Величество выразил желание, чтобы было произведено самое строжайшее следствие.

Так Господь разрушил все вражьи замыслы в один миг, когда пришло время облегчить страдания Серафимовых сирот и восторжествовать истине.

Митрополит Филарет писал обер-прокурору Св. Синода графу А. П. Толстому из Гефсиманского скита 7 июня 1861 г. (с. 98):

«Когда Их Величества посетили меня, случилось, что упомянуты были имена блаженного старца Серафима и Дивеевского общежития, и я пред Их Величествами изъявил сожаление, что в Дивеевском общежитии есть несогласие, по случаю особенной приверженности некоторых сестер к наставлениям иеромонаха Иоасафа, тогда как большая часть полагают себя следующими первоначальным наставлениям старца Серафима, и что недавно, когда епархиальным преосвященным предложена была в начальницы общежития одна из учениц Иоасафа, тогда 40 сестер пожелали иметь ее, а 400 просили оставить им начальствующую у них доныне. Государь изволил заметить: неужели 400? Я отвечал, что всех сестер почти до 500. Есть сведение, что назначаемая в начальницы Лукерья еще не пострижена, следовательно, преосвященный должен представить о пострижении ее Святейшему Синоду, и тогда только она может быть игуменьей. Итак, вот рубеж, на котором дело может быть остановлено, чтобы рассмотреть, утвердить ли желание 40 или 400. Но чтобы не было нужды направить дело официально, думаю, ваше сиятельство могли бы с пользой и успехом предложить преосвященному Нижегородскому, что более надежды мира и благоустройства для общежития, если 40 должны будут уступить мнению 400, нежели когда было бы нужно преломлять мысли и волю 400 пред мыслями и волею 40. Благоговение к памяти старца Серафима и желание мира присным душам побудили меня написать сие вашему сиятельству. Господь да покажет вам путь умиротворения и да устроит все ко благу душ, ищущих Его верою и любовию».

Еще три года назад, а именно 12 марта 1858 года, писал митрополит графу Толстому о иеромонахе Иоасафе следующее (Мнения и отзывы митр. Филарета, т. IV, с. 307):

«На добром основании созданное Дивеевское общежитие колеблется. Преосвященный Иеремия устранил от него известного иеромонаха Иоасафа. И преемнику его говорил я,

что Иоасаф, пользуясь доверием, слишком расширил произвол своего действия и едва ли может быть далее полезен обители. Но Иоасаф подкрался к нему и получил влияние на общежитие. Против воли настоятельницы берет сестер и посылает за сбором или учиться живописи. В обители разделение: а в разделении может ли быть польза? Кажется, настоятельница, стесненная, помышляет уже о том, чтобы удалиться от своего места, чтобы не приобщаться чужим грехам. Мне представляется вопрос: не хорошо ли было бы оторвать Иоасафа от сего эксцентрического действования назначением его в другую епархию, где он, может быть, и пользу принесет? Вы, может быть, ближе к решению сего вопроса, нежели я».

27 марта 1861 года владыка Филарет, осведомленный о кознях о. Иоасафа, также писал графу А. П. Толстому (с. 41, т. 5 Мнений и отзывов митр. Филарета):

«Вы имеете попечение об общежительных монастырях, особенно имеющих доброе духовное устроение от добрых старцев. Примите слово, тем же попечением вынуждаемое.

Иеромонах Иоасаф, управлявший Дивеевским общежитием, но устраненный от сего Св. Синодом, принят в особенную доверенность преосвященного Нижегородского и вновь распоряжается Дивеевским общежитием и приготовленный на построение церкви материал обращает на восстановление скита, в котором он прежде поселил было своих родственников и который потом был упразднен. Но не это важнейший предмет заботы, а слух, по-видимому, неосновательный, что Иоасаф сделал проект перечислить Саровскую пустынь в Нижегородскую епархию и сделаться настоятелем ее. Он надеется найти для сего сильное покровительство. Но если бы сие по несчастью сделалось, то было бы сколько несправедливо, столько же и вредно. Саровская пустынь и Дивеевское общежитие находятся в расстоянии немногих верст одна от другой. Хорошо, что они в разных епархиях, у разных начальств, из которых каждый охраняет свою сторону от неправильного и могущего подвергнуться нареканиям сближения с другою. Это дело не моего ведомства; но оно касается благоустройства или нестроения монашества и епархий; и потому нужно, чтобы вы благовременно знали возникающий замысел и могли остановить его, прежде нежели он поднялся высоко, прежде нежели нашло добрые подпоры недоброе начинание».

Началось знаменитое следствие по Дивеевскому делу, которое можно назвать лишь «многострадальным временем» для обители. Блаженный старец о. Серафим перед кончиной много говорил сестрам о будущем суде, который приедет в общину, и Акулине Ивановне Малышевой, комически представляя этих судей.

«Вот, Марьюшка, — говорил старец, — ты не доживешь, а Акулинушка-то у нас и до судов доживет! Ничего, ничего не убойтесь, матушки! До судов доживешь, Акулинушка! Приедут суды к нам, станут судить, а чего судить? Ха, ха, ха! Нет ничего! Вот, Акулинушка, ты тогда мою заповедь себе и запомни, так и скажи: я глупа, я глуха, я слепа!»

Преосвященный Нектарий, видя, что из несправедливого его поступка возникает целое серьезное дело, задался целью найти обвинения против Елисаветы Алексеевны Ушаковой и для этого отправил в Дивеево протоиерея Розова для производства дознания. Такое появление благочинного о. Розова еще более возбудило страсти ослепленных духовно Иоасафовых сестер, и, разумеется, малообразованные и неразвитые эти послушницы в своих вымышленных показаниях перешли границу приличия, здравомыслия и возможности. Что должна была переиспытать дивная начальница их Елисавета Алексеевна, избранная Самой Богоматерью, предсказанная батюшкой о. Серафимом и горячо любимая всеми, кто разумел правду и держался истины, это покажут нам письма митрополита Московского Филарета к обер-прокурору Святейшего Синода графу А. П. Толстому, митрополиту Петербургскому Исидору, наместнику Троице-Сергиевой лавры архимандриту Антонию и указы Св. Синода. Не будь уже отпечатаны эти документы, долг уважения и приличия заставлял бы умолчать, до какой злобы дошли ученицы Иоасафа в своих ложных вымыслах на Елисавету Алексеевну Ушакову, но теперь летопись обязана включить и показания обвиненной, но допрошенной Иоасафовой стороны ввиду того, что письма митрополита Филарета обнародованы. Требовались ум достопамятного святителя Московского, его сердце, а главное душа, просвещенная Духом Святым, чтобы заглазно обсудить дело, прочувствовать и познать духом истину и властно положить предел козням врага человечества в месте, освященном стопами Самой Богоматери.

Владыка Филарет, митрополит Московский, писал последовательно графу А. П. Толстому и архимандриту Антонию (Мнения и отзывы митр. Филарета, т. 5, ч. 1; письма митр. Филарета арх. Антонию, ч. IV):

1) *Графу Толстому от 3 июня 1861 г.* (с. 75)

О происходившем в Дивееве и в Алексеевском общежитии ко мне приходят новые сведения, так же как прежние, неожиданные, которым желательно было бы не верить, но трудно не верить по достоверности источников. В Алексеевском преосвященный убеждал старших по начальнице сестер подать голос о преобразовании общежития в монастырь, внушая им, что они имеют на это право. Но они отвечали: наш голос у матушки начальницы. Убеждая их к монашеству, указывал, как вставить клин в рукава нынешней их одежды, чтобы была ряса; хвалил благолепие мантии и проч. Идучи осматривать огороды, велел 500 или 600 сестрам идти вслед за ним, говоря: зачем вам запрещают? Вот и здесь эмансипация и свобода.

Думаю (и со мною согласен мой наместник), ваше сиятельство, доброе дело сделаете, если напишете к преосвященному Нектарию, чтобы он оставил Алексеевских сестер в том устроении послушания, простоты и смирения, в которое они поставлены и в котором утверждены благочестивыми предшественницами, и не принуждал их принять монастырские формы, которые, может быть, не вознесут устроение, а только поколеблют старое новыми видами и заботами.

Господь да внушит вам и да устроит вами полезное.

2) *Графу Толстому от 19 июня 1861 г.* (с. 86)

Из конфиденциального отношения вашего сиятельства, от 14 дня сего июня (№ 3448), полученного мною 18 дня, с прискорбием узнал я, что обстоятельства избрания начальницы в новооткрытый Дивеевский монастырь должны подвергнуться официальному дознанию и что таким образом подвергнется пересмотру действование преосвященного Нектария, о котором я, узнав его по случаю проезда его через Москву, возымел добрую для церковного управления надежду.

Но нельзя отрицать справедливости замечания, сделанного в письме г. Карамзина, что при открывшейся уже неблагоприятной гласности о сем деле оставление его без правильного

дознания представилось бы невнимательностью высшего духовного начальства к происходящему в его ведомстве.

Сего требует и самая справедливость, если подлинно 400 сестер, и в числе их первоначальницы сего учреждения и непосредственные ученицы основателя его старца Серафима, довольны своей начальницей и умоляли преосвященного не переменять ее, а переменить ее согласились только 40. А что это так было, о том трудно усомниться, потому что о сем согласно говорят несколько очевидцев. Положим, что некоторые обстоятельства записки г. Мотовилова не внушают к ней доверия, потому что представляют признаки неспокойного духа; но в вышесказанном она согласна с письмом г. Карамзина, которое представляет признаки беспристрастного изложения происшествия и обстоятельств несомнительно известных.

Соглашаюсь с мнением, что дело это не такой степени, чтобы для исследования его нужно было послать архиерея и действительного статского советника, управляющего синодальной канцелярией, притом через сие много увеличилась бы гласность.

Но как на дело сие многие благорасположенные к Дивеевской обители обращают внимание с противоположными воззрениями и желаниями, то со стороны Святейшего Синода требуется особенное внимание, чтобы достоверность и несомненность предполагаемого обследования была обеспечена предварительным распоряжением. И потому нужно, чтобы к назначенному для сего архимандриту присоединено было светское доверенное лицо от Святейшего Синода или от вашего сиятельства.

Что касается до возлагаемого на меня Святейшим Синодом поручения назначить для сего архимандрита, для сего не имею в виду многих кандидатов, частью потому, что некоторые архимандриты крепко привязаны к своим должностям, как, например, к училищным, частью потому, что, по милости Божией, московское духовенство, за немногими исключениями, не склонно к судебным спорам и не представляет многих случаев к образованию делопроизводственной опытности. Полагаю назначить даниловского архимандрита Иакова*,

* *Архим. Иаков, впоследствии епископ Муромский, викарий Владимирский. Скончался в 1885 г. на покое в московском Донском монастыре.*

уже не раз исполнявшего подобные поручения правильно и беспристрастно.

Дело по отношению г. министра Императорского двора* со всеми полученными при нем приложениями при сем возвращаю.

К письму этому приложены были два дополнения:

I. По уважению к сану преосвященного, желательно, чтобы архимандрит-следователь не обращался к нему ни с каким вопросом по делу.

Но может случиться, что впоследствии времени преосвященный представит дело с такими обстоятельствами, по которым следствие окажется неполным или неудовлетворительным.

Посему, не признает ли Святейший Синод нужным в указ преосвященному Нижегородскому включить предписание, чтобы он с ближайшей почтой донес, каким порядком и с какими обстоятельствами происходило открытие Дивеевского монастыря и избрание в оный начальницы?

Вопросы, какие из сего донесения могут родиться и потребовать дознания, могли бы немедленно быть обращены к назначенному следователю.

Июня 19, 1861 г.

II. *Конфиденциально*

Писанное сего дня к вашему сиятельству нужным почитаю дополнить.

Имев случай приметить, как архимандрит Иаков и г. Алферьев внимательно и согласно действовали по казанскому делу, я пожелал бы соединения их в поручении Дивеевском. Но вот обстоятельство, которое становится решительною к сему преградою. Княжна Аникеева, которая есть главное лицо стороны, по выражению г. Карамзина, фантастической, оказывала некогда попечение о воспитании г. Алферьева; и он называет ее матерью. Это я слышал от других; а то знаю непосредственно из уст его, что он прежде дознания склоняется своим мнением на сторону своей благодетельницы.

---

* *Адлерберг, граф Владимир Федорович, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, канцлер императорских и царских орденов, министр двора и уделов; умер 8 марта 1884 г. (погребен на Волковом кладбище в Санкт-Петербурге в родовом склепе графов Адлербергов).*

Итак, если бы он употреблен был по сему делу, то мог найтись в затруднении пред своей благодетельницей, в случае раскрытия дела, несогласного с ее мыслями, а противоположная сторона имела бы повод наводить сомнение на его беспристрастие.

3) *Графу Толстому от 27 июня 1861 г.* (с. 94)

Секретно.

Сиятельнейший граф, милостивый государь.

Секретным указом Святейшего Синода от 29 июня сего 1861 года (№ 3) предписано мне назначить архимандрита для обследования обстоятельств избрания настоятельницы в Дивеевском монастыре, вместе с чиновником, по назначению от вашего сиятельства.

Посему долгом поставляю покорнейше просить от вашего сиятельства уведомления, кого благоугодно вам будет для сего назначить и когда назначенный может прибыть в Москву, дабы сообразно с сим мог я дать надлежащее предписание архимандриту.

4) *Графу Толстому от 30 июля 1861 г.* (с. 106)

Секретно.

Сиятельнейший граф, милостивый государь.

Вследствие секретного указа Святейшего Синода, коим предписано мне назначить архимандрита для обследования обстоятельств избрания настоятельницы в Дивеевском монастыре, вместе с чиновником по назначению от вашего сиятельства, отношением от 7 июля сего года, № 72, я имел честь просить от вашего сиятельства уведомления, кого благоугодно вам будет для сего назначить и когда назначенный может прибыть в Москву, дабы сообразно с сим мог я дать надлежащее предписание архимандриту.

Как ответа на сие мною до сих пор не получено, то нахожу нужным вновь просить о сем ваше сиятельство, дабы указ Святейшего Синода не остался неисполненным.

5) *Предписание митрополита Филарета архимандриту Данилова монастыря с наставлением, каким порядком производить ему исследование обстоятельств избрания настоятельницы в Дивеевский монастырь от 2 августа 1861 г.* (с. 113)

Члену консистории, Данилова монастыря архимандриту Иакову

Предписание

Во исполнение секретного указа Святейшего Синода, от 29 июня, № 3, назначаетесь вы для приведения в известность обстоятельств избрания настоятельницы в Дивеевский монастырь.

Консистория даст вам список с сего указа.

Сотрудничествовать вам будет член общего присутствия хозяйственного управления при Святейшем Синоде надворный советник Барков.

При сем передаются вам приложения при означенном указе.

1) Отношение г. министра Императорского двора.

2) Записка г. Мотовилова.

3) Письмо г. Карамзина.

4) Записка неизвестного лица.

5) Донесение преосвященного Нектария от 1/12 июня, № 4454.

6) Выписка из определения Святейшего Синода от 28 июня, № 1408.

Приложения сии должны быть возвращены мне по исполнении поручения.

Подробности вашего действования должны определиться по мере открытия обстоятельств и сведений на месте; но первые правила могут быть следующие:

I. Как нужно спросить сестер, а их много, то прежде всех можно спросить тех шесть, которые первоначально поступили в общежитие при основателе оного отце Серафиме; а потом обратиться к 48 следующим за первыми, как указано в записке г. Карамзина.

II. Спросить надобно:

1) Каким порядком происходило избрание, как подаваемы были голоса, просило ли большинство сестер об оставлении настоящей начальницы?

2) По требованию преосвященного были избраны три кандидатки, кто именно? И как известно, что большинство назначало нынешнюю начальницу, а меньшинство Гликерию, то кем назначено было третье лицо?

3) Кто написал имена и запечатал пакеты для жребия?

4) Когда преосвященный вскрыл пакет и в нем оказалось имя Гликерии, были вскрыты и прочие два пакета для доказательства, что в них были другие имена, не получившие избрания?

5) Засим, вероятно, окажется нужным спросить, кого следовать будет, о ближайших к делу подробностях, указанных в записках.

6) Как большинство, желающее сохранить нынешнюю настоятельницу, не сделало никаких показаний против Гликерии, а опасается через нее видеть на монастыре иеромонаха Иоасафа, который некоторое время распоряжался Дивеевским общежитием, то нужно из письменных документов общежития и из беспристрастных показаний сопоставить сведение, были ли его распоряжения полезны и благотворны для общежития.

7) На случай признается не излишним предварить вас, что немедленно по прибытии на место вы должны обратить внимание на то, исполнен ли указ Святейшего Синода о том, чтобы монастырь остался под управлением нынешней настоятельницы, а не Гликерии, и если бы оказалось, что не исполнен, то вы должны уведомить меня о сем немедленно, не отлагая до конца вашего дела.

8) Для точности не излишне составить три именных реестра сестер:

1) Объявивших желание иметь прежнюю настоятельницу.

2) Параскеву.

3) Гликерию.

Реестры должны быть составлены в присутствии следователя. Умеющие писать могут написать свои имя и сан.

6) *Архимандриту Антонию 5 августа 1861 г.* (с. 302)

К графу в другой раз писал я о назначении чиновника для Дивеевского дела. Наконец назначен. Между тем третьего дня пришла ко мне Дивеевская казначея, не старых лет, смелого обращения, в изящной одежде, в камилавке под тонким покрывалом. – Откуда? – Из Петербурга. – Для чего там были? – Для начальницы. – Которая у вас начальница? – Новоизбранная. – До сего, говорят, избрали только немногие? – Нет, уже 250; у меня реестр в кармане. – Она пошла было в карман, но я сказал, что мне не нужно видеть реестр; мой долг

пожелать благоустройства их обители. — Сим я окончил сношение, потому что чувствовал себя нездоровым, а между тем ждали меня архимандриты по делам.

Св. Синод предписал оставить прежнюю настоятельницу и пострижение отложить до усмотрения: кажется, преосвященный Нектарий распорядился в противность указу.

Призовем молитвы отца Серафима, чтобы из испытания вышло сохранным то, что наипаче достойно сохранения.

7) *Архимандриту Антонию 12 августа 1861 г.* (с. 303)

Следователи в Дивеево поехали. Но вот что странно: преосвященный Нектарий, не исполнив указа Св. Синода, донес, что назначил от себя следствие, и спрашивал, надобно ли исполнить указ. Св. Синод подтвердил исполнить указ, оставив прежнюю начальницу, и остановить следствие, неуместно начатое, когда Св. Синод назначил следствие от себя. Меня уверяли, в том числе и граф, что немедленно пришлют мне о сем указ, нужный в руководство следователям, но в продолжение недели не получал его. Следователи найдут начальницей Г. Я, впрочем, сказал им, что они должны действовать на основании определения Св. Синода и, следственно, признавать начальницей прежнюю, а не Г. Не подымет ли Г. войну со следователями?

Так ведутся или, вернее, путаются дела.

Мир вам о Господе.

8) *Исправляющему должность обер-прокурора князю С. И. Урусову от 14 августа 1861 г.* (с. 116)

Секретно.

Сиятельнейший князь, милостивый государь.

4 дня сего августа дано было знать в Петербурге назначенному для исследований о Дивеевском монастыре надворному советнику Баркову, а 5 дня мне, в Москве, что Святейший Синод слушал донесение преосвященного Нижегородского о неисполнении им указа Святейшего Синода и о сделании своего распоряжения, и что я немедленно получу по сему предмету предписание Святейшего Синода, нужное к соображению следователей.

Прошло десять дней; но предписания мною не получено.

Между тем преосвященный Нижегородский от 11 июля

писал к вашему сиятельству, что, по секретному дознанию, настоятельница Дивеевская для спасения ее души должна быть удалена из сего монастыря (а это значит, что она подвержена тайным порокам), и в то же время писал, что намерен сделать ее настоятельницей в другой обители. Чтобы понять это противоречие, необходимо признать первое клеветою; ибо нельзя полагать, чтобы преосвященный решился порочную женщину сделать настоятельницей обители. Но теперь идет дело о том, чтобы клевету обратить в истину. По распоряжению преосвященного, благочинный Розов спрашивал настоятельницу Елисавету (которую он в противность указу Святейшего Синода называет *бывшею*), часто ли бывает у нее Саровский строитель и иеромонах Иаков и часто ли посещал ее келью фельдшер Максимов. (Она отвечала, что строитель бывал у нее два или три раза в год, по нуждам обители, и что фельдшер, честный человек, приглашенный еще предшественницей ее, бывает провожаем в кельи только по нуждам на короткое время.)

Что будет, если синодальные следователи начнут свое следствие, а благочинный Розов тут же будет продолжать свое!

Из сего изволите усмотреть, что такой незаконный ход ведет не к открытию истины, но к позору Саровской и Дивеевской обители и монашества вообще.

Поелику Святейшему Синоду благоугодно было вести сие дело чрез меня и требовать моего заключения, то я не исполнил бы своей обязанности, если бы не обратил внимания вашего сиятельства на вышеизложенное, дабы впоследствии не сделалось неизбежным заключение, что запутанность дела увеличена медленностью в Святейшем Синоде.

9) *Донесение митрополита Филарета Святейшему Синоду по делу об избрании начальницы в Дивеевский монастырь, от 18 августа 1861 г.* (с. 118)

Секретно

Очень нужное.

От Данилова монастыря архимандрита Иакова и надворного советника Николая Баркова получил я сведение, что они на место следствия в Дивеев монастырь прибыв в 10 день августа, нашли, что монастырь находится под управлением рясофорной монахини Гликерии, а бывшая настоятельница,

Елисавета Ушакова, устранена и остается в числе сестер того же монастыря.

Из сего видно, что преосвященный Нижегородский не оказал повиновения указу Святейшего Синода и что тем причиняется затруднение следователям, которые по силе указа Святейшего Синода должны признавать настоятельницу Елисавету, а встречают на деле не признанную Святейшим Синодом начальницу Гликерию, что запутывает сношения и может отнять свободу сестер в показании истины.

Долгом поставляю донести о сем Святейшему Синоду и испрашивать в разрешение указа.

10) *Предписание митрополита Филарета члену Московской духовной консистории архимандриту Иакову, с наставлением по поводу беспорядков в Дивеевском монастыре от 23 августа 1861 г.* (с. 121)

При указе Святейшего Синода, от 19 августа, за № 2603, препровождено было к митрополиту Филарету представление преосвященного Нектария, епископа Нижегородского, от 3 того же августа, за № 13, о последствиях произведенного священником Розовым исследования о беспорядках в Дивеевском женском монастыре, с предписанием передать сие представление назначенному произвести по сему предмету исследование лицу.

На этом указе митрополит Филарет написал: *«Августа 23 препровождается с наставлением»*.

Затем митрополит Филарет дал такое предписание архимандриту Иакову:

Секретно.

Члену Московской духовной консистории архимандриту Иакову

Во исполнение секретного указа Святейшего Синода, от 19 дня сего августа, № 2603, препровождаю к вам донесение преосвященного Нектария, епископа Нижегородского, от 3 августа, в подлиннике, и предлагаю вам и сотруднику вашему:

I. Истребовать подлинное дело, на котором основано сие донесение.

II. Обратить внимание на то, по чьему доносу начато сие следствие, в чем он состоял.

III. По ссылке ли ответчиц Ушаковой и Ильиной, или по чьей другой ссылке, под присягою, или без присяги, и вообще на законном ли основании спрошены свидетели.

IV. Усмотреть в деле, объявлено ли следствие ответчицам для подписания удовольствия или неудовольствия, и если сего не сделано, то объявить им оное для сего и испросить, не имеют ли сомнения в правильном и беспристрастном производстве следствия.

V. Так как преосвященный Нижегородский полагает продолжать следствие, то и продолжать оное, и взять письменные показания от Саровского строителя и иеромонаха Иакова по тем вопросам, которые до них касаются в донесении преосвященного Нектария.

VI. Обратить внимание на то, лица, сделавшие показания против Ушаковой и Ильиной, принадлежат ли к числу тех сестер, которые избрали Гликерию, или к числу тех, которые не избрали ее.

VII. Как из числа сестер, простирающегося до 500, спрошенными в донесении преосвященного Нижегородского показано только до 68, то продолжить объяснение дела вопрошением и других сестер, особенно старейших по вступлению в обитель, на которых и прежде вам указано было, и тех, которые преимущественно были одобряемы в ведомостях обители, и особенно на которых ссылаются ответчицы.

VIII. Обратить внимание на требование дополнений, сделанное в донесении преосвященного Нижегородского.

IX. Как предполагаемые преосвященным отношения настоятельницы Ушаковой к разным лицам не иначе разуметь можно, как отношениями подозрительными, но это неверно и в отношении к одному лицу, а предполагается разветить подозрительные отношения Ушаковой: 1) к Саровскому строителю, 2) к иеромонаху Иакову, 3) к фельдшеру, 4) к конторщику, 5) к сельскому голове, что совершенно выходит из пределов вероятия, то вопрошения о сем, по возможности, ограничить только лицами, принадлежащими к двум монастырям, и не расширять далее гласности, позорной для обоих монастырей, но основанной, вероятно, на клевете.

X. Впрочем, ход дела даст вам еще указания к законному открытию истины.

XI. Поелику следствие, производимое вами, доныне происходит о правильном или неправильном избрании настоятельницы, а по донесению преосвященного Нижегородского должно происходить следствие о неблагоповедении Елисаветы Ушаковой и Ефимии Ильиной, и поелику закон возбраняет в одном деле смешивать две разные материи, то последнее следствие должно производить отдельно от первого, а смотря по надобности, брать из первого в последнее копии с показаний или справки.

XII. Как указом Святейшего Синода, от 2 сего августа, № 2497, преосвященному Нектарию предписано, чтобы он в точности исполнил указ Святейшего Синода, от 29 июня, об оставлении Дивеевской обители под управлением начальствовавшей в общине Елисаветы Ушаковой, а начатое по распоряжению его, преосвященного, следствие о действиях Ушаковой прекратил; то, по получении сего, немедленно доставите вы мне сведение, исполнен ли сей подтвердительный указ Святейшего Синода.

11) *Архимандриту Антонию от 23 августа 1861 г.* (с. 304)

По Дивеевскому делу долго медлили в Петербурге, как будто давая время преосвященному Нектарию испортить оное, в чем и успел довольно. Представил часть следствия, видно спеша не опоздать, и полагает продолжать оное. Вот часть оного: он доискивается неблаговременных посещений в келье У. и требует дальнейшего разыскания подозрительных отношений ее 1) к Саровскому строителю, 2) к иеромонаху Иакову, 3) к фельдшеру, 4) к конторщику, 5) к сельскому голове и не хочет видеть, что нелепость подозрений сама собою опровергает их. Худые показания делает Васса, бывшая келейница У. Слово: бывшая, вероятно, значит отставленная за что-нибудь худое. И ее берут в свидетельницы. Дело запутано, и немало будет труда распутать оное.

12) *Святейшему Синоду от 16 сентября 1861 г.* (с. 134)
Секретно.

а) Указом Святейшего Синода, от 24 июня, предписано было преосвященному Нектарию, епископу Нижегородскому, оставить Дивеевский монастырь под управлением начальствовавшей в Дивеевской общине Елисаветы. Сие не исполнено.

Указом Святейшего Синода, от 2 августа, подтверждено исполнить сие. И сей подтвердительный указ Святейшего Синода остается без исполнения, как видно из доставленного мне производителями назначенного Святейшим Синодом следствия, архимандритом Иаковом и надворным советником Барковым, официального сведения, от 6 дня сего сентября (№ 4), прилагаемого при сем в подлиннике.

Чтя законность и достоинство Святейшего Синода, опасаясь затруднения для следователей, запутанности следствия и действия вредного примера, не могу не донести о вышеизложенном Святейшему Синоду.

К сему приложено донесение следователей такого содержания:

а) Во исполнение XII пункта секретного предписания вашего высокопреосвященства, от 23 августа, № 89, на имя первого из нас, которое получено нами 5 сентября, в семь часов вечера, долг имеем покорнейше донести вашему высокопреосвященству, что подтвердительный указ Святейшего Синода преосвященному Нижегородскому Нектарию, от 2 августа, № 2497, об оставлении Дивеевской обители под управлением начальствовавшей в общине Елисаветы Ушаковой, до сего 6 сентября не приведен в исполнение.

б) Симбирский совестный судья г. Мотовилов обратился ко мне с письмом от 4 сего сентября, о том, что госпожи Шубина и Копьева, угрозами и прещением новеньких сестер Дивеевского монастыря записав, вовлекли в принужденно насильственную подписку под насильственно поставленную новую начальницу Лукерью, и пр.

Приняв в соображение, что по записке Мотовилова начато Святейшим Синодом дело и назначено следствие об избрании настоятельницы Дивеевского монастыря, долгом поставляю письмо г. Мотовилова представить Святейшему Синоду в подлиннике.

13) *Святейшему Синоду от 29 сентября 1861 г.*
Секретно.

От назначенных Святейшим Синодом следователей по делу Дивеевского монастыря имею, от 19 сентября, новое сведение, что и третий подтвердительный указ Святейшего Синода, от 23 августа, об оставлении начальницею сего

монастыря Елисаветы Ушаковой в исполнение не приведен. Обителью распоряжается предназначаемая в игумении Гликерия и в ее духе новоизбранная казначея и благочинная. Призываемые свидетелями для вопрошения «страха ради могут показывать, изменяя истине, подобно тому, как прежде еще приезда их в обитель некоторые из стариц и сестер подписывались на изготовленном реестре, носимом по кельям казначеею, о желании иметь игумениею Гликерию, а в приезд их отозвались, что они подписывались страха ради, видя ее начальницей, но не желая иметь ее начальницей. Большинство же столько имели духа, что не подписались».

Чтя законность и достоинство Святейшего Синода, при очевидной опасности, что дело запутано будет неверными показаниями, вследствие преобладающего влияния незаконной начальницы, не могу не донести о сем Святейшему Синоду.

14) *Графу Толстому от 29 сентября 1861 г.* (с. 143)

По известному делу Дивеевского монастыря и третий указ Святейшего Синода остается без исполнения. Сведение сие имею от 19 сентября, то есть через 27 дней издания указа. Было время исполнить. Очевидно, что не хотят. Не слыхивал я подобного резкого противления Святейшему Синоду.

Доношу Святейшему Синоду о неисполнении троекратного предписания. Благоволите и вы обратить внимание на охранение достоинства Святейшего Синода и на поддержание дисциплины в церковном управлении в такое время, когда неповиновение повсюду распространяется и усиливается. Рече Господь: *аще свет, иже в тебе, тма, то тма колъми.* Если в духовном ведомстве разрушится повиновение, это будет горше, нежели в светском.

По молитвам о. Серафима, Господь да внушит полезное Святейшему Синоду, и вам, и преосвященному Нектарию.

15) *Архимандриту Антонию от 7 октября 1861 г.* (с. 310)

Дело Дивеевское, кажется, обращается на лучший путь. Я написал к преосвященному Нектарию, как полагал, с малою, впрочем, надеждою, которая по отправлении письма еще уменьшилась. Я узнал, что преосвященный смотрит на брошенный им жребий, как на волю Божию, и потому ставит свое дело выше решения Св. Синода. Не зная сего мнения,

я и написал против него; а говорил только против незаконности и неповиновения. В Петербурге сказалась наклонность употребить строгую меру. Тогда я, доставлявший прежде только сведения, без решительного мнения, решился предложить, и предложил, меру более скромную, именно: изъять впредь до усмотрения Дивеевский монастырь из ведомства преосвященного Нектария и поручить ведомству соседнего архиерея, дабы таким образом привести дело в порядок, а преосвященному Нектарию сделать через первенствующего члена Синода вразумление и увещание. Не знаю, примут ли сие, не передавайте сего ничьему любопытству.

16) *Архимандриту Антонию от 24 октября 1861 г.* (с. 313)

Прочитайте два письма, при сем прилагаемые, и возвратите мне. Что во втором отмечено карандашом, то буквально обращено Св. Синодом в резолюцию указа его. Но странная судьба Дивеевского монастыря! Вчера я послал следователям сей указ, а сего дня получил от них известие, что они кончили дело и возвращаются. Следственно, дело все произведено под властью новой незаконной начальницы. Молитвы отца Серафима да устроят полезное обители.

17) *Архимандриту Антонию от 30 октября 1861 г.* (с. 313)

Возвратились Дивеевские следователи. Истина открылась достаточно, несмотря на то, что незаконная начальница затрудняла следователей и поставила при них свою поверенную, чтобы не допускать к ним сестер, а призываемых подговаривать. Но вот что требует предосторожности от новых неприятностей. О казначее, которая была при начальнице Елисавете, и в деле, и кроме дела есть показания, которые подвергают сомнению ее нравственное достоинство; а между тем Елисавета сильно к ней расположена, чему некоторые сестры дивятся. Если можно, не бесполезно было бы предостеречь Елисавету, чтобы она прежнюю казначею (кажется, Г.) не брала вновь в казначеи и не принимала ее в особенную к себе близость.

Нынешняя казначея, поставленная вместе с Г., говорят, прежде чуждалась партий и уже в новой своей должности прилепилась к Г. Может быть, она не сделала бы затруднения, если бы осталась в должности и при Елисавете. Или же пусть

бы избрали в казначеи ни бывшую, ни нынешнюю, а совсем новую, пользующуюся добрым мнением в обществе.

Преосвященный Нектарий, говорят, частью признает, что погрешил, частью продолжает утверждать Божественность своего жребия.

18) *Митрополиту Исидору от 1 ноября 1861 г.*
(Письма митр. Филарета, ч. 1, с. 25)

Полагаю нужным, чтобы вы вскоре получили последние сведения о Дивеевском монастыре.

Следователи возвратились и занимаются составлением из дела донесения.

Неправильное избрание Гликерии подтвердилось. Иоасаф открылся самым нелепым человеком. В обществе сестер простых и скромных он постепенно собрал себе партию, главою которой теперь Гликерия, и произвел разделения и смуты. Это, между прочим, ясно из показания старого и почтенного местного священника.

Родственник Иоасафа жил близ монастыря, соблазнил одну сестру монастыря, она была изгнана и не допускаема в обитель, но теперь, при Гликерии, ходит в монастырь, живя в соседстве.

После избрания Гликерии одна живущая в Дивееве и уважаемая юродивая при народе ударила преосвященного Нектария в щеку.

Но преосвященный Нектарий пишет ко мне и просит моего ходатайства, чтобы сделанные им распоряжения были утверждены. Следственно, он не убедился в своих ошибках: и если получит опять Дивеевский монастырь в управление, то воцарит в нем Иоасафовы нелепости.

Таким образом, мысль, которую ваше высокопреосвященство изъявили, чтобы дать преосвященному Нектарию иную епархию, оказывается весьма убедительною.

19) *Архимандриту Антонию от 4 ноября 1861 г.* (с. 315)

Преосвященный Нектарий, после моих писем, после представленных ему рассуждений о жребии, после замечания в указе Св. Синода о неправильности употребленного им жребия, после открытий, сделанных следователями, несмотря ни на что, пишет ко мне, чтобы я споспешествовал утверждению

сделанных им распоряжений. Не могу понять, как находит он правильным такое свое требование.

20) *Святейшему Синоду от 24 ноября 1861 г.* (с. 171)

Указом Святейшего Синода, от 15 октября 1861 г., за № 3250, поручено было митрополиту Филарету предписать следователям, чтобы они, в случае надобности относиться к начальнице Дивеевского монастыря, относились к Елисавете, а не к Гликерии, и указ о сем Синода также объявить монастырю.

На сем указе митрополит Филарет написал собственноручно:

«Октября 22. Следователям для них собственно послать полный список с сего указа; а относительно объявления монастырю в особом предписании выписать из сего указа только то, что к сведению монастыря нужно».

Затем митрополит Филарет вследствие сего указа доносил Святейшему Синоду, от 24 ноября 1861 года, следующее:

Указом Святейшего Синода от 15 октября, № 3250, предписано мне, между прочим, чтобы производители следствия по Дивеевскому монастырю объявили означенный указ Святейшего Синода об оставлении прежней начальницы Елисаветы в сей должности. Но они отправились в обратный путь, прежде нежели достигло до них предписание о сем. От прибывших в Москву из Саровской пустыни сделалось известным, что и со стороны преосвященного Тамбовского вышеозначенный указ Святейшего Синода в первых числах сего ноября не был еще объявлен, что неправильно назначенная начальница монастыря Гликерия выехала из него и кто начальствует в нем — неизвестно.

21) *Архимандриту Антонию от 29 ноября 1861 г.*

В Дивееве едва ли и теперь знают, кто начальница. Г., конечно, узнав решение Св. Синода, уехала: а указ Св. Синода не объявлен, потому что посланный от меня не застал следователей на месте; а почему не спешит преосвященный Феофан — неизвестно.

Мирствуйте о Господе и помолитесь о мне.

22) *Мнение митрополита Филарета по делу о беспорядках в Дивеевском женском монастыре* (с. 187) (1861 г., 27 декабря)

Секретно.

Секретным указом Святейшего Синода, от 29 июня сего 1861 года (№ 3), предписано, чтобы для приведения в достоверную известность обстоятельств, сопровождавших избрание настоятельницы в Дивеевский монастырь Гликерии, произведено было обследование по Высочайшему повелению сообщенных сведений и донесения преосвященного Нектария, епископа Нижегородского, по сему предмету (для чего назначены Даниловский архимандрит Иаков и надворный советник Барков), и чтобы исполнительное донесение Святейшему Синоду представлено было через меня, с моим мнением.

Таковое донесение с делом на 245 листах и с описью дела при сем Святейшему Синоду представляю.

Обстоятельное изложение произведенного дела Святейший Синод изволит найти в представляемом донесении.

Посему обязанностью моею остается изложить мое мнение, с указанием обстоятельств дела и соображений, которые составляют основание моего мнения и делают его необходимым.

I. Избрание в начальницу Гликерии надлежит признать неправильным и не подлежащим утверждению, по следующим соображениям.

1) Уже Святейшим Синодом усмотрено и в указе 15 октября признано, что буквальный смысл указа Святейшего Синода не представлял основания к избранию, вместо Ушаковой, новой настоятельницы, тем более что епархиальное начальство в декабре 1860 года о переименовании общины в монастырь ходатайствовало, — по уважению к внутреннему и внешнему благоустройству общины под управлением Ушаковой, — что и в случае надобности избрания новой настоятельницы избрание ее, по силе указа Святейшего Синода, принадлежит обществу сестер; но преосвященный произвел сие своим личным настоятельным действованием, он не уважил мнения большинства сестер и неправильно употребил жребий.

2) Ксения Ильина, одна из сестер, при начале общины под руководством старца Серафима вступившая в оную, по ведомостям за 1858, 1859 и 1860 свидетельствованная поведения весьма хорошего, показала ход избрания настоятельницы в следующем виде. Пред литургией в церкви преосвященный сказал: надо избрать начальницу. Сестры не отвечали. После

обеда к больнице собралось их около ста, и 20 упали в ноги ключарю, чтобы просил преосвященного оставить начальницею Елисавету, а по выходе преосвященного из больницы все упали ему в ноги с тою же просьбой. После всенощной в трапезе преосвященный велел сестрам, которые были на стороне Лукерьи, становиться вперед к образам, а прочим двинуться назад. (Размещение сие знаменательно, оно выражало предпочтение Лукерьиных и желание привлечь на сию сторону прочих, которым выражено неблаговоление отсылкою их назад.) Приверженные к Елисавете на коленях, со слезами просили преосвященного оставить ее начальницей; преосвященный сказал: «Я ее не оставлю; избирайте три лица; а если вы не изберете, я, кроме Елисаветы и Лукерьи, изберу сам третье лицо из среды Лукерьи Васильевны; и если жребий вынется на Лукерью Васильевну, а вы не будете ей повиноваться, то я вас вышлю вон». Мы сказали: «Нас 400». Он на это сказал: «И 400 вышлю». Таким образом, преосвященный отвергает большинство, – не в порядке; входит сам в избрание, желая сам назначить кандидатку, и притом непременно из партии меньшинства. Избрание в отношении к сестрам не свободное, а со стороны преосвященного не беспристрастное; и следственно по справедливости не подлежащее утверждению.

3) Евдокия Ефремова, также одна из первоначальных сестер обители, поведения за 1858 и 1859 очень хорошего, а за 1860 хорошего, также показала, что преосвященный не желающим Лукерьи угрожал изгнанием, и присовокупила: «Я, Евдокия, стоя пред ним со слезами, говорила ему: святый Владыко, пощади нас, Иоасаф гонит нас 30 лет; и ты гонишь нас; нам Лукерьи не нужно. Преосвященный отвечал: “Иоасаф добрый человек”, а я продолжала: “Я, батюшка, живу 60 лет в обители, и мне уже осьмой десяток; старших нас шесть сестер, на нас обитель завел о. Серафим, мы с ним трудились, ему служили”. Архиерей сказал: “Что мне до того, что тебе 70 лет; вы мне не нужны; у меня и молодая будет начальницей”. Сестры плакали и рыдали».

4) Прасковья Ивановна Пашина (поведения очень хорошего) показала: в трапезе брат преосвященного сказал: избранницы, проходите вперед. Прошло вперед, может быть, человек 80, а 400 человек остались назади. Это желающие Елисавету.

5) Ксения Ивановна Муникова (за два года поведения очень хорошего и за один хорошего) и согласно с нею несколько сестер показали, что по выходе преосвященного из больницы человек сто или полтораста со слезами поклонились ему в ноги и просили оставить Елисавету. А Варвара Абрамова показала, что она и другие, человек 20, приходили к преосвященному в гостиницу с объявлением, что избирают Лукерью. Вот сторона Лукерьи сама объявляет свое слабое меньшинство пред вышепоказанным числом.

6) Прасковья Павловна Ерофеева сама о себе свидетельствует, что только 15 человек просили преосвященного ввести ее в жребий. И, несмотря на сие ничтожное меньшинство, она введена в жребий.

7) Глафира Семеновна Маккавеева показала, что написала письмо к преосвященному и подала по прибытии его в монастырь от 30 сестер, но за одною своею подписью, об избрании Лукерьи. 25 согласных на сие письмо она наименовала. Из них, по ведомости за 1858 год, только 4 показаны поведения хорошего, 3 изрядного, одна неизвестного по новости, 17 неблагонадежного, и сама Глафира своевольного. Вот какие люди избирали Гликерию! И следственно, вот какие люди, одолжив Гликерию своим избранием, имели бы преимущественное влияние в общине!

8) Ефросиния Васильева, обстоятельно рассказывая об избрании в главных чертах согласно с тем, что показано выше под числом 2, говорит, между прочим, что избирающих Гликерию было не более 40, а все прочие были на стороне Елисаветы, что желавших выказать достоинства Елисаветы преосвященный не выслушал; что избрание Гликерии в начальницу всеми понято как покорение Иоасафу; что жребий считают невероятным, потому что не было слухов, при ком он писан. В самом деле, преосвященный не употребил достаточной предосторожности против сомнения. Сам написав и запечатав жребий и положив на блюдо в известном ему порядке, он мог взять тот, который желал; и под видом жребия исполнил свою волю.

9) О числе избиравших Гликерию показали принадлежащие к ее стороне: две — кажется, больше, чем на Елисаветиной стороне, 8 — меньшая часть, 1 — гораздо менее, 1 — в половину, 1 — по равной части, 1 — до 150, 9 — до 100 и более, 1 — 50

или 100, 2 – 70. Таким образом, партия Гликерии сама признает более или менее слабое меньшинство голосов в пользу Гликерии, кроме двух догадочно приписывающих Гликерии большинство голосов, что, очевидно, опровергается собственной их партией.

Находящиеся на стороне Елисаветы о числе голосов в пользу Гликерии показали: 6 – меньше, нежели на стороне Ушаковой, 4 – 40 или 50, 1 – слишком 40, 1 – быть может 80, 21 – 40. Очевидно преобладает число 40.

10) Следователи, кроме спросов, составили еще избирательные списки. В список избирающих Елисавету записалось 293, в список избирающих Гликерию – 104, избирающих Параскеву – 2. Осталось нейтральных и не вписавшихся по болезни или отлучке 63. Избирающих Елисавету и здесь втрое больше. Но если принять в рассуждение, что от стороны Елисаветы многие отвлечены уже после избрания Гликерии начальническим усилием ее и партий ее, «на что есть в деле доказательства», то остается неопровержимым, что при первоначальном избрании на стороне Гликерии было только около 40 сестер, и следственно на стороне Елисаветы вдесятеро более, и на сей стороне старейшие и достойнейшие сестры.

11) Доказательством усиленного отвлечения сестер от стороны Елисаветы к стороне начальствующей уже Гликерии служит показание благочинной Ерофеевой, что Гликерия послала ее и Глафиру, начинательницу, действовать в пользу Гликерии, по кельям, и они собрали подписку 230 сестер. Но при следствии объявили из них: 40 – что подписались страха ради; 23 – что их записали без их согласия, и сей подлог обличается тем, что некоторые из них, сами умея писать, записаны как неумеющие. В сей список записаны 12 бывших во время подписи в отсутствии, 1 – выбывшая из обители еще в Великий пост, 1 – малоумная, 1 – повредившаяся в рассудке. Ясно, что сей список не заслуживает доверия и должен быть отвержен как незаконный. Он доказывает только то, что управление Гликерии неправдиво и притеснительно.

12) Монастырский духовник, священник Садовский, показал, что на сторону Гликерии отошло человек около 50, а около 200 единогласно упрашивали преосвященного об Елисавете, как достойной. Священник Феликсов – что малая часть сестер желала Гликерию. Священник Софийский – что на

сторону Гликерии отошло не более 40 человек. Две посторонние свидетельницы под присягой — что на сторону Гликерии отделилась четвертая часть.

13) 10 сестер показали, что во время избрания в трапезе третьего лица никто не называл. Брат преосвященного показал, что преосвященный сам написал жребий для избрания. Новое доказательство неправильности введения в жребий Параскевы и неправильности самого жребия.

14) Одним способом можно было бы объяснить усиленное действование преосвященного Нижегородского для устранения Елисаветы, если бы предположить, что он каким-либо образом дознал ее недостоинство; но сей мысли нельзя допустить, потому что он в то же время предлагал ей быть начальницей Давидовой общины. Сие подтверждают г. Мотовилов, княжна Енгалычева, благочинный архимандрит Иоаким, Печерский наместник, и сам преосвященный. Нельзя предположить, чтобы он недостойной и порочной женщине предложил быть настоятельницей обители.

II. Г-н Мотовилов, приписывая преосвященному очень строгое обращение во время избрания, писал, что он пихал ногами лежащих пред ним сестер.

Некоторые сестры показали, что он, проходя между ними, задевал некоторых ногой.

Обстоятельство сие, как следствие тесноты, может быть оставлено без внимания.

III. Г-н Мотовилов писал, что преосвященный назнаменовал к изгнанию Устинью Иванову за то, что она после обедни сказала ему: «Грех вам, батюшка, обижать нас».

Устинья призналась, что сказала ему: «Батюшка Серафим нас собрал, а вы будете разгонять; Бог вас накажет», и показала, что она трижды просила простить ее и не исключать из обители, из которой не выходить дал ей заповедь отец Серафим; но преосвященный выслал ее в Ардатовский монастырь, где она уже и находится три месяца (теперь уже шесть месяцев).

Устинья — одна из старейших сестер обители Дивеевской. Она некогда избрана была в начальницы; но не утверждена потому, что писать не умеет. Ардатовская начальница одобряет ее как прилежную к молитве и церковному богослужению.

Преосвященный Нектарий не оскорбил бы своего сана,

если бы поставил себя выше оскорбления грубою простотою старухи. Но если и надлежало наказать ее, довольно шестимесячного изгнания, и время возвратить ее туда, откуда не исходить заповедал ей отец Серафим.

IV. Поелику вместе с запиской г. Мотовилова о Дивеевских происшествиях приложено было также к следствию письмо г. Карамзина, то необходимо было дознание и о предметах сего письма, имеющих важное значение в настоящем деле и в судьбе Дивеевского монастыря. Г-н Карамзин писал: мифическая община (так называет он партию Иоасафа и Гликерии) затеяла строить какой-то скит, цели и пользы которого в действительной общине никто не знает.

Начальница общины, что ныне монастырь, Елисавета показала следователям, что иеромонах Иоасаф имел намерение в 3 верстах от сей обители, к стороне Саровской пустыни, в 2 верстах от деревни построить скит, с тем чтобы по подобию Антония и Феодосия Печерских и здесь была обитель отца Серафима, и своя обитель ученика его, то есть Иоасафа, о 12 врат, подобно небесной скинии. Там в 1850 году выстроена была келья для благочинной Татьяны Буржумовой, у которой Иоасаф в обители имел пребывание, но начальница Ладыженская признала сию келью неполезною и сломала.

Из сего видно, что предприятие скита исполнено странностей и несообразностей. Иоасаф некстати сравнивает себя с преподобными Печерскими, до которых он, конечно, не дорос и которые не строили двух женских обителей. Строить скит еще ближе Дивеевского монастыря к Саровскому неудобно в предосторожность от нареканий. Строить обитель о 12 вратах по подобию скинии небесной есть мечта, выходящая из пределов здравомыслия. Темное начало скита представляется и в том, что Иоасаф пребывал в обители у благочинной Татьяны; потом для сей Татьяны построил в пустом месте келью и потом на сем месте хочет строить скит.

Это начало скита становится еще более темным по принятии в соображение выписки из журнала следователя, исправника Бетлинга, 18 ноября 1861 года.

Надлежит признать справедливым мнение Саровского строителя, что благомыслящие видят совершенную бесполезность устройства скита и что он мог бы послужить причиной расстройства Дивеевской обители.

V. Г-н Карамзин писал о Дивеевской общине, что ныне монастырь: всех сестер теперь до 500. В бедности, посте и молитве живут они, мало известные миру, под руководством любимой, всеми уважаемой начальницы, духовника старого, почтенного, всеми ими любимого. Удалось одному монаху создать какую-то фантастическую мифическую Дивеевскую общину. Много я о нем расспрашивал, и ни единого не встретил человека, который бы замолвил о нем доброе слово. Но в мифической Дивеевской общине, им сочиненной, этот монах святой человек, любимый ученик Серафима, поставленный им самим покровителем общины. Одно время он как-то *обошел* и действительную общину, много у них распоряжался, мутил и, наконец, был изгнан оттуда, оставив в массе сестер самое тяжелое воспоминание и замарав в общем мнении мирян всю общину. С тех пор Иоасаф, насильственно отлученный от действительной общины, которая без него обрела опять мир и тишину при большой бедности, перенес весь запас своих лжей и интриг на мифическую общину.

Следователями о иеромонахе Иоасафе и об отношениях его к Дивеевской обители открыто следующее:

1) В 1844 году, вследствие просьбы Дивеевских (сестер) иметь духовником Иоанна (что ныне иеромонах Иоасаф) и указа Святейшего Синода, преосвященный Нижегородский Иоанн* отклонял сие, представляя, между прочим, молодость рясофорного послушника Иоанна, но полагал допустить его содействие обители по внешней хозяйственной части.

2) Преосвященный Тамбовский Николай** также не желал допустить духовничества Иоанна, которого в Саровской обители и пострижения достойным не признавали и свидетельствован он был поведения своевольного.

3) В 1846 году благочинный монастырей доносил консистории, что в Дивеевской общине по постройкам распоряжается Саровский послушник Иоанн без участия больной начальницы, что Иоанном сломан деревянный корпус и другой, очень прочный, назначен к сломке, что старшие сестры жаловались на неудовлетворение их некоторыми потребностями, между прочим, потому что откладывались до приезда Иоанна, при

* *С 1847 г. архиепископ Донской. В 1867 г. уволен на покой; † в 1872 г.*

** *В 1857 г. уволен на покой; † 21 окт. 1864 г.*

чем объявили, что не просили Иоанна в духовники, хотя, впрочем, на сие возражала казначея Юлия (принадлежавшая к партии Иоасафа).

4) В марте 1850 года от имени больной и бездейственной начальницы Кочеуловой, рукою зятя Иоасафа написано прошение к преосвященному Иакову*, чтобы иеромонаха Иоасафа утвердить духовником, благочинным и строителем храма. Прошение сие оставлено без последствий; но оно доказывает, что не общество доверяло Иоасафу, а он сам старался уполномочить себя.

5) В том же году происходило тяжкое, известное и Святейшему Синоду, дело о Дивеевской послушнице Фоминой.

Вследствие прошения Фоминой г. гражданский губернатор просил преосвященного Иустина** удалить Иоасафа из Дивеевской обители, что преосвященным и исполнено.

6) Из дознания протоиерея Милорадовского в 1856 году и из резолюций преосвященного Иеремии*** видно, что Иоасаф чрезмерно растянул ограду Дивеевской обители, несправедливо ссылаясь на предание о. Серафима и на план, якобы утвержденный преосвященным Иаковом. Ограду полагалось растянуть на несколько верст. Некоторым сестрам в трапезу и в церковь понадобилось бы пройти около версты. Предприятие сколько самоличное, столько же и нерассудительное.

7) В марте 1851 года отрешенный от Дивеевской обители иеромонах Иоасаф, как доносила начальница Ладыженская, без ведома начальства приехал в Дивеево. Начальница не пустила его в монастырь и запретила сестрам выходить к нему в гостиницу. Сие нарушили две: Глафира и сестра Иоасафа.

8) В 1858 году, как видно из объяснения начальницы Ладыженской, Иоасаф присылал в обитель офицера Назимова, который с купчихой Таракановой усиливался войти в церковь, но не был допущен. Он проклинал общину и начальницу за устранение Иоасафа. На другой день офицер перелез через ограду, вошел в церковь, заставил сестер прикладываться к принесенному им образу, причем возобновил свои ругательства.

---

* *Скончался 20 мая 1850 г.*

** *Иустин (Михайлов), епископ Владимирский, по смерти преосвященного Иакова временно управлял Нижегородской епархией.*

*** *Иеремия (Соловьев), с 19 дек. 1850 г. епископ Нижегородский, 17 июня 1857 г. уволен на покой, умер 6 дек. 1884 г.*

9) В 1857 году начальница Ладыженская искала с Иоасафа денег за проданные книги, напечатанные в пользу общины, и билета в 3000 р. с., пожертвованного г. Поповым на ограду. Иоасаф книги и деньги за них объявил своей собственностью, а о билете сказал, что Попов, умерший, переменил намерение и билет отдал его приказчику. Это, конечно, не показывает в Иоасафе благотворителя обители.

10) Из списка зданий видно, что Иоасаф многие здания строил, ломал, переносил по безотчетному произволу, и один жилой корпус сломал за то, что построен без его спроса.

11) Для объяснения отношения Иоасафа к обители Ушакова ссылалась особенно на священника Садовского, служащего при обители более 30 лет, пользовавшегося одобрением и доверием преосвященных Иакова, Иеремии и Антония*. Его показание достойно быть вполне выслушано. Вот главное его содержание. Иоасаф о. Серафимом духовно напитанных, отличавшихся монашескими добродетелями, презирал и уничижал; младшим оказывал особенное покровительство; подавал повод к неповиновению, требовал себе повиновения более, чем начальнице; приверженных к себе сестер помалу отделял от начальницы и прочих, отчего при Екатерине Ладыженской и Елисавете Ушаковой произошло возмущение сестер против начальницы. По нескольку месяцев сряду жил в одном корпусе с благочинной Татьяной и прочими сестрами, коих было до 15. Стоял на клиросе между сестрами. На работы ходил, окруженный толпой сестер. Разрешение от преосвященного на пребывание ему в обители испрашиваемо было приверженными к нему посредством прошений на бланках, подписанных начальницей Кочеуловой. От имени начальницы и старших сестер, без ведома их, подаваемы были прошения об определении Иоасафа в попечителя и духовника. Насильно посылали сестер исповедоваться у Иоасафа.

12) Примечательно сказанное следователям первоначальницей Ардатовского монастыря, восьмидесятилетнею старицей Евдокией: по учению Иоасафа и ложь во спасение; лжет на о. Серафима и Дивеевских научил лгать. Уверял, будто бы батюшка возложил на него попечение о трех общинах: Дивеевской, Ардатовской и Зеленогорской. Это ложно. Иоасафа я

---

* *Антоний (Павлинский) с 20 июля 1850 г. до 29 августа 1860 г. епископ Нижегородский.*

не допустила мешаться в наши дела, и обитель наша, за молитвы о. Серафима, утешилась. И в Дивееве, если бы не мешал Иоасаф, давно бы устроилось и жили бы сестры спокойно, благодаря Бога и о. Серафима.

Что Иоасаф об о. Серафиме не всегда правду говорил, сие можно усмотреть из разноречий в разных его изданиях жития о. Серафима. Отзыв о сем почитателя о. Серафима, г. Бетлинга, достойный прочтения, в конце прилагаем при сем под буквою А*.

Из всего здесь изложенного необходимо заключить, что отношения Иоасафа к Дивеевской обители вредны в отношении к ее миру, благочинию, хозяйству и к духовному устроению сестер**, и потому нужно пресечь оные совершенно и обратить на него бдительное внимание там, где он ныне служит.

VI. За сим необходимо следует вопрос: как умиротворить разделенную обитель? Без сомнения, надобно преимущественно поддерживать ту сторону, которая представляет сильное большинство и к которой принадлежат первоначальные ученицы о. Серафима, и привести ее в безопасность от меньшей партии, к которой принадлежит много не одобренных в поведении и неодобрительными оказавшихся по настоящему делу.

Посему нужно удалить из обители благочинную Прасковью Павловну Ерофееву, которая принуждением и страхом составляла по кельям список избирающих Гликерию и внесла в него отсутствующих и безумных.

Глафиру Семеновну Маккавееву, писавшую к преосвященному письмо о Гликерии и сделавшуюся предводительницей ее партии.

Лукерью Васильевну Занятову, как сделавшуюся главным камнем претыкания и соблазна в обители.

VII. Наконец, предусмотрительности Святейшего Синода предлежать будет найти исход из следующих затруднений.

Дивеевскому монастырю неудобно оставаться долго в ведении Тамбовского преосвященного, а тем менее быть причислену совсем к Тамбовской епархии. Пределы епархий

---

* *Прил. под букв. А и Б хранятся в деле, лл. 103–105; 148.*

** *Сюда принадлежит отзыв княгини Шахаевой, приложенный при сем под буквою Б.*

должны быть тверды. Притом гораздо полезнее, чтобы два монастыря, мужской и женский, недалеко отстоящие один от другого, надзираемы были двумя епископами двух епархий, дабы тем более удовлетворительна была верность надзора, в предосторожность от нареканий, к несчастию уже возникших, хотя и неосновательно, как видно будет из другого дела о Дивеевском монастыре. Но обстоятельства сих дел показывают, что преосвященный Нижегородский сам предубежден в пользу партии Иоасафа и Гликерии и с необыкновенным напряжением поддерживает оную, и неправильно употребленный жребий для избрания Гликерии, кажется, доныне почитает делом Провидения. Посему трудно ожидать, чтобы он изменил свое воззрение и направление, которого нельзя согласить с миром и благоустройством Дивеевской обители.

23) *Графу Толстому от 28 декабря 1861 г.* (с. 202)
Конфиденциально.

Отправляя в Святейший Синод следствие об избрании в начальницы Дивеевского монастыря Гликерии, нахожу нужным обратиться к вашему высокопревосходительству с некоторыми дополнительными сведениями, относящимися к сему делу. Сведения сии неудобно было внести в дело, во-первых, потому, что они собраны одним архимандритом Иаковом отдельно от другого следователя и не официально; во-вторых, потому что некоторые сведения о иеромонахе Иоасафе слишком неблагообразны, и гласность их подвергала бы монашеское звание глумлениям, к которым ныне многие расположены. Некоторые Дивеевские сестры архимандриту, как духовному лицу, открывали такие обстоятельства, о которых не хотели говорить при другом следователе или лице светском.

Посему препровождаю на усмотрение ваше следующие бумаги:

1) Донесение архимандрита Иакова от 17 ноября.

2) Выписку из сказания жизни старца Серафима, с замечаниями архимандрита Иакова.

3) О иеромонахе Иоасафе.

4) Секретнейшую записку о иеромонахе Иоасафе.

Что касается до упоминаемой в донесении записки г. Бетлинга, она приложена к моему донесению в Святейший Синод.

Секретнейшую записку нужно иметь в виду, чтобы знать, с какой осторожностью надобно смотреть на иеромонаха Иоасафа.

24) *Донесение Святейшему Синоду митрополита Филарета с заключением его по рапорту епископа Нектария о поведении начальницы Дивеевского монастыря Елисаветы Ушаковой, от 30 декабря 1861 г.* (с. 203)

Секретным указом Святейшего Синода, от 19 дня августа сего 1861 года, № 2665, предписано мне донесение преосвященного Нектария, епископа Нижегородского, касательно Дивеевского монастыря, или, точнее, о поведении начальницы его Елисаветы Ушаковой, передать для производства исследования назначенным уже прежде следователям.

Исполняя сие предписание, я предложил следователям, чтобы сие дело, как имеющее особый предмет, произведено было отдельно от прежде назначенного следствия об избрании начальницы.

13 дня сего декабря следователи представили мне при своем донесении представляемое при сем следственное дело, на 145 листах.

Епархиальное дело началось рапортом эконома архиерейского дома, иеромонаха Феодосия. 5 пунктов доноса все падали на начальницу Елисавету. В доносе не наименовано ни одно лицо, от которого доноситель получил сведения: и таким образом скрыты изветчики, от которых надлежало бы требовать доказательства доноса, и сбережены для того, чтобы изветчики могли превратиться в свидетелей.

Донос от 29 марта до 19 мая оставался без действия. Из того, что в сей самый день преосвященный Нектарий предлагал Елисавете быть начальницей в другой обители, следовало бы заключать, что он почитал донос не заслуживающим уважения. Но в сей самый день преосвященный поручил ключарю произвести по оному дознание. Если же сие распоряжение принять за признак, что преосвященный находил донос уважительным, то непонятно, как он в тот же день допустил Елисавету в число кандидаток для избрания в начальницы по жребию, а не отложил избрания, доколе объяснилось бы, справедлив или ложен донос.

В рапорте ключаря, от 31 мая, повторены те же статьи доноса, сказано, что одни сестры подтверждают донос, а другие

не подтверждают; но опять ни одна из них не названа по имени, и замечено, что в пристрастных свидетельствах неспокойных в то время сестер трудно было найти правду.

Таким образом, дознание было так же явно неосновательно, как и предшествовавший донос, однако преосвященный предписал благочинному Розову произвесть по ним строжайшее и подробное исследование.

Доноситель простирал позор от Дивеевской начальницы Елисаветы до Саровского настоятеля Серафима. В исследовании священника Розова Елисавета отвечала, что строитель посещал Дивеевскую обитель раза два или три в год, по ее приглашению, по нуждам обители, также и иеромонах Иаков не более двух раз; что Саровскую обитель она посещала не более трех раз в год для поклонения гробу старца Серафима и по делам обители, с сестрами и кучером, но однажды, по занятию рабочих людей и лошадей, ездила с одной сестрой в одну лошадь.

Свидетели по ссылке Елисаветы под присягой.

Бывшая благочинная Ксения Ильина, подтвердив показание Елисаветы, дополнила, что Иаков, как слышала, был для составления описи церковных имуществ, что он и строитель до позднего вечера никогда не оставались.

То же показали 68 сестер.

Указанные по списку Гликерии, следственно принадлежащие к ее партии, показали:

Прасковья Павлова начала порицанием сестер, давших показание в пользу Елисаветы. Приписывает им дерзость и ссылается на преосвященного, без сомнения, в отношении к происшествию при избрании Гликерии, в котором случае от приверженных к Елисавете была настоятельная просьба, а не дерзость. Затем говорит, что строитель и Иаков посещали начальницу и казначею первый раза три в год, а второй однажды для писания каких-то бумаг, первый пробыл суток полтора, а второй по два дня; возвращались в гостиницу в 10 часов вечера.

То же показали 33 сестры.

Варвара Ивановна и с нею 20 – посещали часто.

Глафира и немногие – что они весьма соблазнялись.

Старшая в гостиной Матрона – строитель и Иаков бывали раза три в год; последний однажды ночевал на конном дворе.

Анастасия – не знаю.

Прасковья и Варвара не знают о беспорядках, а слышали.

Прасковья Павлова и с нею 57 – начальница часто посещала Саровскую пустынь.

14 – гостила в Сарове дней пять, чем они весьма много соблазнялись.

(А когда Иоасаф по целым месяцам жил в келье благочинной, они не соблазнялись. Ясно, что не за нравственное достоинство ревнуют, а наветуют на начальницу не из их партии.)

Наконец, по отобрании показаний от всех сестер, Глафира Васильевна припомнила, что бывшая начальница Елисавета в последнее время, пред приездом преосвященного, ездила в Саровскую пустынь раза три в неделю, держала в келье и употреблять послушницам не запрещала хлебное вино и проч.

Священник Розов, представляя следствие преосвященному, сам признался в своем незаконном поступке, что следствие не дал прочитать ответчице Елисавете и подписать, довольна ли она, или нет; это якобы для того, чтобы не возникла сильнейшая вражда между партиями.

Затем следователи, назначенные от Святейшего Синода, в следствии священника Розова открыли следующие незаконности: свидетели со стороны Елисаветы приведены к присяге без нее, и притом самим следователем; Елисавета не спрошена, не имеет ли причин к отводу свидетелей; от нее, как ответчицы, оправдания не взято.

Итак, следствие священника Розова вообще не имеет законного достоинства.

Новыми следователями следствие Елисавете объявлено, и она осталась им недовольна, представив, между прочим, следующее: следователь не объявил ей лиц, которых допустил к спросу против нее, которых большая часть принадлежит к враждебной партии Иоасафа; приводил к присяге без нее и сам, тогда как при обители есть два священника, принял против нее новые доносы, которые не были в репортах ключаря и казначея; не спросил Гликерию, откуда она взяла список сестер, через которых якобы ключарь и эконом делали дознание. (Здесь заметить должно, что если этот список справедлив, то ясно, что бывшие доносительницами эконому в следствии превращены в свидетельниц.) Наконец, Елисавета

почитает невероятным, чтобы Феодосий мог расспрашивать 65 сестер, судя по недолгому его пребыванию в обители, при многих других занятиях. Елисавета просила исследовать дело по правде.

Во взятом от нее оправдании она полнее и доказательнее подтвердила то, что прежде показала в допросе.

Саровский строитель объяснил, что в Дивеевской общине случалось ему быть раза два или три в год и заходить к настоятельнице на короткое время, при чем каждый раз сопутствовал ему старец Евгений; прошедшей зимой, не застав князя Шахаева, заехал в Дивеевскую обитель; были у начальницы в 4 часа пополудни и по причине вьюги остались ночевать в гостинице. Настоятельница Елисавета бывала в Сарове раза два, а иногда, может быть, и три раза в год, виделась с ним в церкви и гостинице, для принятия благословения и для нужды обители. В мае нынешнего года она ни разу не была в Сарове.

Монах Евгений подтвердил показание строителя.

Глафира Васильева, спрошенная в доказательство, показала, что не припомнит, когда после Пасхи Елисавета ездила в Саров. О неблагочинном обращении начальницы Елисаветы следователю Розову не говорила, а говорила это про казначею Евфимию.

Анисья Солдатова показала, что ездила с Елисаветою за кучера в Саров, но также и в Арзамас; в мае с нею не ездила, а в июне ездила по поручению Гликерии просить леса.

Пелагея Гумилевская — что после Пасхи Елисавета в Саров не ездила.

Гликерия о сем не знает, а слышала; а о поездке в июне подтвердила.

Свидетельница по ссылке Елисаветы Ксения Мусина показала, что строитель бывал в Дивеевской обители два или три раза в год, и в келье Елисаветы на час или на два, много на три, что пересуды о сем от сестер Иоасафовой партии она считала вражьим научением.

Прасковья Пашина — не знает и не слыхала.

Анисья Солдатова — о пересудах не слыхала и не было ничего соблазнительного.

Дарья Каменская (построившая церковь) — что она постоянно находилась в кельях начальницы Елисаветы; при посе-

щении строителя было одно назидательное и полезное для жизни духовной.

Екатерина Енгалычева — о пересудах не слыхала; строитель, по благочестивой жизни, заслуживает полного уважения, в Елисавете всегда видела назидательный пример духовной жизни.

Матрона Бобкова о неприличиях не слыхала; Елисавета для всех добрая мать; о строителе ничего, кроме хорошего, не знает.

Дарья Мамонова не находила ничего неприличного; строитель — духовной жизни; Елисавета — примерной жизни.

Мария Перова — то же.

Глафира Харкевич обстоятельно и сильно выражает доверие и уважение к строителю и Елисавете.

Екатерина Бурова — никто не соблазнялся посещением строителя и Иакова, а все довольны были.

Без присяги, по уклонениям от оной, Ксения Пушкова — ничего соблазнительного не было; Елисавета ездила в Саров редко, когда для обители и для поклонения гробу старца Серафима.

Мавра Элькова, Прасковья Болдырева — то же.

Настасья Ворошилова ничего не знает — внимает себе.

Пять сестер объявили, что они при следствии священника Розова ничего не показывали против начальницы, и решительно отказались от показаний, написанных священником Розовым.

Матрена Осипова объявила, что в список сестер, делающих показания против Елисаветы, она внесена без ее ведома.

Почтенный священник Садовский показал: строитель посещает Дивеевскую обитель и начальницу два или три раза в год, на самое короткое время, и всегда сопровождаемый кем-либо из Саровских старцев. Посещения его показывали в нем достоуважаемого начальника. Елисавета вела и ведет жизнь смиренную и богоугодную; с вверенными управлению ее сестрами обращается всегда с материнской любовью, кротко́, духовно-благородно.

Бывший Ардатовский пристав 1 стана Колумбов говорит, что мнение общества об Елисавете было с отличной стороны.

Княгиня Шахаева, по ссылке Елисаветы, пишет, что Иоасаф бессовестно заставил пострадать невинную г-жу Ушакову

за то, что она ограждала монастырь от его безобразного владычества.

Начальницы общин Ардатовской и Алексеевской, игумения Никольского Арзамасского монастыря, благочинный монастырей архимандрит Иоаким, – все отозвались об Елисавете одобрительно.

Девять особ дворян отозвались об Елисавете как отличной и примерной по жизни и управлению общиной.

Следователи замечают, что священник Розов свидетельниц против Елисаветы спрашивал не по указанию старших сестер, но по списку, составленному Марией Карауловой, в который внесено 57 сестер, избравших Гликерию, то есть составляющих ее партию. Из них 26 в ведомостях за 1858 год начальницей Ладыженской показаны поведения неблагонадежного, своевольного и дерзкого, 10 таких, которые до 1859 года состояли в неповиновении начальству и от которых, по отзыву Ладыженской, перемены к лучшему не ожидалось. В сем списке записана также сестра Иоасафа, вдова Муранова, которой и в списках монастырских нет. Напротив того, из числа сестер, свидетельствовавших в пользу Елисаветы, 30 за три года рекомендованы поведения очень хорошего и весьма хорошего, а неодобренных нет ни одной.

Еще замечают следователи, что священник Розов вписал в следствие показание от имени Анны Юдиной, а оказалось, что в бытность его в Дивееве ее не было в обители.

Еще замечают, что во время выбора преосвященным Нектарием настоятельницы, когда большинство сестер свидетельствовало о достоинстве Елисаветы, противная партия имела случай свидетельствовать против Елисаветы, если бы знали за нею худое; но тогда никто не изъявил сомнения о честной ее жизни.

Вопрос об отношениях начальницы Елисаветы к Саровскому настоятелю отделен здесь от прочих частей дела для того, чтобы множество разных показаний по многим разным предметам не запутывало внимания при рассмотрении дела и чтобы непрерывный ряд показаний и соображений по оному ясно и прямо вел к заключению. Заключение же из всего вышеизложенного, по моему мнению, должно быть то, что строитель Серафим и начальница Елисавета суть почтенные лица, не подлежащие нареканию, и что изветы на них суть

клевета от неблагонамеренных людей.

Не имею времени разбирать подобным образом каждый из прочих пунктов доноса; но, прочитав донесение следователей, полагаю, что разбор оных не приведет к заключению, несогласному с тем, которое теперь предложено в отношении к начальнице Елисавете.

Что касается до бывшей казначеи Евфимии, о ней свода доносов и показаний мною не сделано по вышеизложенной причине. Сие предлежит сделать канцелярии Святейшего Синода.

При сем прилагается также донесение следователей.

25) *Графу Толстому от 30 декабря 1861 г.* (Письма Филарета, ч. II, с. 105)

О Дивеевских делах одно донесение в Св. Синод мною послано, другое подписано и пошлется с ближайшей почтой. Исследования показали, что избрание Гликерии неправильно; Иоасаф вреден в духовном и хозяйственном отношении; начальница Елисавета и строитель Серафим оклеветаны. Поспешите умиротворить обитель.

26) *Архимандриту Антонию от 31 декабря 1861 г.* (с. 319)

Два Дивеевских дела, одно на 240, а другое на 140 листах, много дали дела и мне. На сих днях послал с ними два донесения, из которых одно на 14 листах, а другое меньше. Заключение произошло такое, что избрание Г. неправильно; И. вреден в духовном и хозяйственном отношении; начальница Елисавета и строитель Серафим – люди почтенные и оклеветаны неблагонамеренно. Как посмотрит на сие Св. Синод, сие ведает он.

27) *Графу Толстому от 8 января 1862 г.* (Письма, ч. II, с. 106)

Преосвященный Феофан писал ко мне о Дивеевском монастыре. Я отвечал ему, что я исполнял только временное поручение Св. Синода и что оно уже кончено; и советовал ему обратиться к владыке Новгородскому и к вам. Но не отлагаю сказать вам нужное из его письма.

Восстановление начальницы Елисаветы объявлено только 17 ноября.

Некоторых сестер нет в обители, и предшествовавшие начальницы не объявляют, где они. То есть: не повинуются и скрывают посланных для происков, чтобы не помешали проискам.

Сборщицы Гликерьины проживают в Петербурге, возмущают благочестивых и монастырю не доставляют ничего из сбора.

Елисавета, принимая монастырь, не нашла денег ничего.

Строитель Саровский, озабоченный клеветой, хотел прекратить всякие сношения с Дивеевским монастырем и всякое пособие ему, вследствие чего 500 сестер замерзли бы без саровских дров. Благодарение преосвященному Феофану, который присоветовал строителю не оставить без помощи бедствующих.

Вам покажется невероятно, что Гликерия и ее партия так недобросовестны. Но это видно было и при следствии. Гликерия, не умея писать и боясь, чтобы за это не быть отрешенной от начальства, не посовестилась подписаться под одной бумагой чужою рукою так, как бы сама писала. Следователи открыли подлог.

Будьте, Св. Синод и вы, человеколюбивы; не умедлите умиротворить монастырь, чтобы не померли с голода и чтобы мятежная партия не произвела нового позора.

Наконец, внемлите просьбе.

28) *Архимандриту Антонию, от 8 января 1862 г.* (с. 323)

О Дивееве не помню, писал ли я вам, что пишет преосвященный Феофан. Елисавета восстановлена в начальстве только 17 ноября. Денег не нашла в монастыре ни копейки. Саровский строитель хотел было отказать Дивееву во всякой помощи, но, благодарность преосвященному Феофану, он велел помогать. Некоторых сестер нет в монастыре; начальствующие прежде не называют, куда отпущены. Из Петербурга слышу, что партия Г. успевает; и следователи оклеветаны. Спаси нас, Господи.

29) *Архимандриту Антонию, от 17 января 1862 г.* (с. 326)

В Дивееве продолжаются странности. Из Нижегородской Консистории получен указ на имя настоятельницы Г., которой имя написано по чищенному.

30) *Графу Толстому от 29 января 1862 г.* (Письма Филарета, ч. II, с. 109)

Вот сделавшиеся мне известными некоторые черты Дивеевского дела, показывающие, где правда и где неправда. Начальница Елисавета, принимая монастырь от Гликерии, не нашла в нем ни копейки. Сбор, производимый на монастырь, в руках партии Гликерии. Чем она будет содержать монастырь? Получен в монастыре указ из Нижегородской Консистории на имя начальницы Гликерии; но имя ее написано в нем по чищенному. Она показывает сей указ единомышленным с нею, поддерживая в них уверенность, что опять будет начальницею.

31) *Архимандриту Антонию, от 16 февраля 1862 г.* (с. 333)

Не без участия узнаете вы, отец наместник, что молитвы отца Серафима победили. Св. Синод определил Дивеевскую настоятельницу Елисавету постричь и произвесть в игумению. Г. и некоторых непокойных удалить в другой монастырь, старицу, высланную в Ардатов, возвратить в Дивевский монастырь, скита не строить, И. обязать подпискою, чтобы не имел сношения с Дивеевскими, потребовать от него отчета в каких-то деньгах. Да примут Дивеевские и сохранят достойно даруемый мир, чтобы не поколебалась победа, потому что побежденные, вероятно, не оставят оружия хитрости и наветов, которое употребляли доныне.

Архимандрит Даниловский, приехав в Дивеево без теплой одежды и почувствовав в ней нужду, купил в Сарове овчинную шубу. Из сего сочинили сказку, что Саровские подкупили его, подарив две рясы.

32) Партия о. Иоасафа старалась всеми силами отплатить клеветою Н. А. Мотовилову за его заступничество, и наговоры дошли до Петербурга. Так, митрополит Филарет писал *архимандриту Антонию 20 августа 1862 г.* (с. 357):

Неприятные есть вести о Дивеевском монастыре в отношении нравственном. Я, слыша сие, сказал, что это, вероятно, относится к партии Г., но мне отвечали: нет. Прибавляют, что М. личность сомнительная; но он близок к монастырю и будто читает там в церкви проповеди. Не бесполезно было бы знать, есть ли сколько-нибудь правды в сем последнем показании.

Между тем у родного брата и секретаря преосвященного Нижегородского живет Г. с несколькими сестрами, и на ярмарке собирают пособия на изгнанных, прибавляя в оправдание свое, что нынешняя начальница сама желает, чтобы Г. возвратилась для управления.

Глава XXVIII

Перевод Серафимо-Дивеевского монастыря в Тамбовскую епархию и возвращение Е. А. Ушаковой начальницей обители. Критическая минута для обители в хозяйственном отношении. Преосвященный Феофан. Саровский игумен Серафим. Указы Св. Синода и решение Дивеевского дела. Пострижение Е. А. Ушаковой в монашество [с наречением имени – Мария]

18 ноября прибыл в Серафимо-Дивеевский монастырь благочинный Тамбовской епархии архимандрит Черняева монастыря с указом, что обитель временно переведена в ведение преосвященного Феофана и Елисавета Алексеевна Ушакова возвращается начальницей. В каком положении оказался монастырь при управлении Лукерьи Занятовой, было упомянуто в письмах митрополита Филарета к графу А. П. Толстому и наместнику Троице-Сергиевой лавры архимандриту Антонию. Если бы не распорядительность епископа Феофана, который уговорил Саровского игумена Серафима помочь Дивеевской обители, то сестрам пришлось бы буквально голодать. Все запасы, приготовленные Ушаковой на зиму, были истрачены, и долги на обитель увеличены.

В участии таких благодатных рабов Божиих, как митрополит Филарет, преосвященный Антоний Воронежский, преосвященные Иеремия и Иаков, наместник лавры Антоний и теперь, наконец, преосвященный Феофан, в делах Серафимо-Дивеевской обители нельзя не видеть особой воли Божией и Царицы Небесной. Преосвященный Феофан, конечно, всем сердцем расположился к обители отца Серафима и быстро

уразумел, какого она духа и направления. Сердце его согрелось невидимым для многих других духовным огнем, которым светились лица стариц и сирот Серафимовых, и взаимная братская любовь покрыла скорби, вражьи наветы и испытания, приходившие по молитвам блаженного старца Серафима к победному концу.

Игумен Саровской пустыни Серафим, пострадавший по наговорам сторонников о. Иоасафа, был преемником о. Исаии, одиннадцатым строителем, и происходил из государственных крестьян Пермской губ., в миру его звали Спиридон Андреев Пестов. Он поступил в Саров 14 лет, в 1823 году, вместе со своим отцом Андреем (в монашестве Арсений) и долго находился послушником при игумене Нифонте. С 1842 по 1852 год Серафим исполнял должность казначея и по кончине о. Исаии, по общему братскому избранию, определен в должность строителя. В нанесенной им невинно клевете за участие к Дивеевской обители нельзя не видеть промысла Божия. Будучи послушником, он особенно нападал на о. Серафима за заботы старца о Дивеевских сиротах и даже в один прекрасный день сломал от злобы печь в Серафимовой пустыни, чем, разумеется, заставил пострадать невинно блаженного Серафима; теперь же он сам пострадал невинно за тех же Дивеевских сирот, чем и искупил свой прежний грех.

В марте месяце 1862 года в Дивеевскую обитель был прислан следующий указ Святейшего Синода о высылке трех учениц о. Иоасафа и определение по делу, возбужденному неправильным избранием Гликерии Занятовой в начальницы монастыря.

Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Святейшего Правительствующего Синода преосвященному Феофану, епископу Тамбовскому и Шацкому

По указу Его Императорского Величества Святейший Правительствующий Синод слушали дело об обстоятельствах избрания в мае месяце 1861 года настоятельницы для Дивеевского общежительного монастыря и о внутреннем состоянии сей обители, приказали: Святейший Синод, рассмотрев дело это во всей подробности, находит, что в настоящее время подлежат в нем обсуждению следующие главные предметы:

во-первых, произведенное в мае месяце 1861 года, при объявлении указа Святейшего Синода от 10 февраля того года о переименовании Дивеевской общины в общежительный монастырь, избрание настоятельницы для этой обители и некоторые сопровождавшие это событие обстоятельства, во-вторых, внутреннее состояние сей обители и меры, которые ввиду смущающих общество сестер несогласий необходимо принять к ее умиротворению, и, в-третьих, имеющиеся в деле сведения по предположению касательно устройства близ Дивеевского монастыря особенного скита; по соображении относящихся к означенным трем предметам свидетельских показаний и других собранных следователями сведений Святейший Синод усматривает.

I. По предмету избрания настоятельницы

Упомянутым указом Святейшего Синода от 10 февраля 1861 года за № 473 объявлено было преосвященному Нектарию, епископу Нижегородскому, для надлежащего с его стороны к исполнению распоряжения Высочайше утвержденное, в 24-й день января того же года, определение Святейшего Синода о возведении состоящей в Ардатовском уезде Дивеевской женской общины на степень третьеклассного общежительного монастыря с предоставлением сей обители права избирать настоятельниц всегда из сестер ее, с тем, однако же, чтобы как об утверждении настоятельницы, так равно и о пострижении в монашество сестер сей обители представляемо было Святейшему Синоду. Объявление изъясненного указа в Дивеевской общине, — что ныне монастырь, — преосвященным Нектарием отложено было до личного посещения им обители, в которую он и прибыл для сего по случаю обозрения им епархии вечером 18 мая 1861 года. На другой день, то есть 19 мая, утром одной из послушниц, Глафирой Семеновной Маккавеевой, представлено было преосвященному просительное письмо за одной ее подписью, в котором изложено было от имени тридцати сестер ходатайство о назначении вместо Елисаветы Ушаковой начальницей обители Гликерии Васильевой и Парасковьи Павловой, или же в случае затруднения сменить Ушакову об избрании начальницы по жребию. Ходатайство это в тот же день подкреплено было и словесными просьбами некоторых из сестер, лично являвшихся

к преосвященному, впрочем, вследствие уже выраженной им в церкви пред литургией в собрании всех сестер мысли о предстоящем избрании настоятельницы. Того же числа после всенощного бдения все сестры приглашены были в трапезу, где преосвященный предложил им назначить три лица для избрания из них настоятельницы по жребию; некоторые из сестер наименовали Гликерию Васильеву Занятову. Число их по преобладающему большинству свидетельских показаний простиралось до 40, из них же некоторыми названа была вместе с Гликерией Парасковья Павлова Ерофеева, чего, впрочем, большинство свидетелей не подтверждает. Все прочие сестры числом до 400 просили преосвященного оставить начальницей Елисавету Ушакову, объясняя, что обитель уже имеет в ней настоятельницу, и решительно отвергая выбор новой настоятельницы по жребию. На другой день, 21 мая, пред начатием св. литургии положены были на престол изготовленные и запечатанные самим преосвященным три пакета, на блюде под покровом, которое по окончании литургии и по прочтении указа Святейшего Синода о переименовании общины в монастырь поднесено было ключарем преосвященному, находившемуся среди храма на амвоне. Преосвященный вынул из-под покрова один из трех пакетов и передал протодиакону. По распечатывании сего пакета протодиаконом провозглашено: «В игумении новоучрежденного Дивеевского монастыря Господь Бог избирает рабу Свою Гликерию Васильеву Занятову». Остальные два пакета утром 22 мая преосвященный через своего письмоводителя сдал запечатанными церковнице Ксении Васильевой Путковой, для хранения в монастырской ризнице. По вскрытии их следователями оказалось написанным рукою преосвященного в одном: в игумении новоучрежденного Дивеевского монастыря Господь Бог избирает рабу Свою Парасковью Павлову Ерофееву, а в другом: начальницею остается Елисавета Алексеева Ушакова. По соображении таковых обстоятельств избрания Гликерии Занятовой настоятельницею Дивеевского монастыря Святейший Синод находит, что вышеизъясненный указ Святейшего Синода от 10 февраля 1861 г. за № 473 о переименовании Дивеевской общины в монастырь, как уже объяснено Святейшим Синодом преосвященному Нижегородскому в указах от 29 июня за № 2 и от 15 февраля за № 3251, вовсе не предста-

влял основания к избранию новой настоятельницы, когда обитель уже имела единогласно избранную и в законном порядке утвержденную настоятельницу Елисавету Ушакову, по ходатайству которой последовало и самое переименование общины в монастырь и которая посему вместе с усвоением обители звания монастыря получала звание настоятельницы его, сохраняя те же права и обязанности в отношении к обители, какие имела до переименования последней в монастырь. На основании означенного указа сестры Дивеевского монастыря только тогда могли бы приступить к избранию для себя настоятельницы, когда бы настоятельское место сделалось вакантным; таковым же место настоятельницы монастыря делается по случаю или смерти занимавшего оное лица, или увольнения от должности по собственной просьбе, или, наконец, отрешения от места за обнаруженные беспорядки; но по Дивеевскому монастырю ни одного из трех означенных случаев не было. Хотя некоторые из сестер, составляющие в обители незначительное меньшинство, и просили преосвященного Нектария о перемене начальницы, но в основание сего ходатайства ни в составленном от имени их послушницей Глафирой Семеновой Маккавеевой просительном письме, ни в словесных просьбах об этом, как видно из содержания данных ими при следствии показаний, не представляли против Ушаковой никаких подвергающих отрешению от должности обвинений, кроме только отзывов, выражающих личное их неудовольствие о ее недоступности и недостатке в ней материнской любви и попечительности об их нуждах. Во всяком случае, хотя бы даже все сестры обители изъявили желание перемены начальницы и представили к тому уважительные причины, место настоятельницы не прежде могло быть признаваемо вакантным и подлежащим замещению иным лицом, как по надлежащем обследовании возбужденных против наличной начальницы обвинений и постановлений определения об ее отрешении с утверждения при том собственно по Дивеевскому монастырю Святейшего Синода, от которого зависит окончательное определение настоятельницы для этой обители. Впрочем, сопровождавшие избрание новой начальницы обстоятельства показывают, что преосвященный Нижегородский не только не считал Елисавету Ушакову по изъявленным против нее со стороны некоторых

сестер неудовольствиям подлежащею отрешению или даже только временному устранению от места, но, напротив того, введя ее с Занятовой и Ерофеевой в жребий, тем самым признавал ее достойной дальнейшего прохождения настоятельской должности. В этом мнении утверждает и то обстоятельство, что преосвященный как пред избранием новой настоятельницы, так и после того неоднократно предлагал Ушаковой занять должность начальницы в Давыдовской общине. Наконец, кроме несвоевременности назначения для Дивеевского монастыря при существовании в нем начальницы иной настоятельницы самый допущенный в этом случае образ избрания ни в каком отношении не соответствует условиям свободного и правильного выбора. На основании указа Святейшего Синода от 10 февраля 1861 года за № 473, в случае, когда бы действительно открылась надобность в назначении новой настоятельницы, избрание ее принадлежало бы сестрам обители. Со стороны сестер могло последовать или единогласное избрание, или разделение голосов. В последнем случае преимущество принадлежало бы той стороне, которая считает большее число голосов, а если и может быть допущен жребий, то, первое, не иначе как с общего и добровольного согласия избирательниц и, второе, только в виде меры к достижению соглашения разделившихся голосов в избрании одного лица, которому преимущественно пред другими избирательницами желали бы предоставить настоятельство, а не в смысле окончательного назначения настоятельницы, ибо за силой того же указа от 10 февраля 1861 года окончательное определение избранной настоятельницы принадлежит Святейшему Синоду, от усмотрения которого при разделении голосов зависит или утвердить назначенную жребием, или, отвергнув ее, отдать предпочтение другой, получившей избирательные голоса. Между тем обстоятельства избрания Гликерии Занятовой показывают: во-первых, что прежде собрания сестер в трапезу сильнейшее большинство сестер объявляло нежелание перемены начальницы, но возражения их не были уважены, и таким образом самое открытие выборов имело уже вид нарушения свободы избрания; во-вторых, что в трапезе то же большинство сестер настоятельно выражало желание оставаться под управлением Ушаковой, но голоса их и здесь не были приняты во внимание, и,

в-третьих, что жребий употреблен был не по единогласному желанию сестер, но, напротив того, при положительно выраженном со стороны большинства несогласии на эту меру, и при том употреблен не в видах простого соглашения разделившихся голосов к избранию одного лица для представления на утверждение высшего начальства, но как решительный способ к окончательному назначению настоятельницы, уже не подлежащему отмене и не требующему утверждения, какового значения жребий в отношении избрания начальницы для Дивеевского монастыря не мог иметь и потому, что ни сами сестры, ни епархиальное начальство не могли предоставлять случайности жребия такого обстоятельства, окончательное разрешение коего им самим не принадлежало. Все сии соображения непосредственно приводят к тому заключению, что избрание в настоятельницы для Дивеевского монастыря Гликерии Занятовой, как допущенное без всякой надобности на непраздное место, и кроме того неправильное и по самому способу избрания, подлежит уничтожению; напротив же того, начальница обители Елисавета Ушакова – восстановлению и утверждению во всех правах со званием настоятельницы монастыря соединенных. При рассмотрении сопровождавших избрание настоятельницы обстоятельств остановил на себе внимание Святейшего Синода, между прочим, частный случай, именно поступок старицы Устиньи Ивановой Кузнецовой, дозволившей себе, по собственному ее сознанию, после провозглашения настоятельницей Гликерии Занятовой сказать преосвященному Нектарию при выходе его из церкви в виде упрека: «Батюшка Серафим нас собрал, а вы будете разгонять! Бог вас накажет!» – и бывшее последствием этого поступка удаление Кузнецовой из Дивеевского монастыря в Ардатовский Покровский монастырь. Возвращение Кузнецовой в свою обитель при иных обстоятельствах подлежало бы ближайшему усмотрению и постановлению епархиального начальства, тем боле что от сей старицы жалобы на означенное распоряжение в Святейший Синод не поступало. Но как ныне Кузнецова по местопребыванию в Ардатовском монастыре состоит в ведении Нижегородского епархиального начальства, а Дивеевская обитель указом Святейшего Синода от 15 октября 1861 года подчинена Тамбовскому епархиальному начальству, в управлении коего Святейший Синод

признает необходимым оставить ее и ныне впредь до усмотрения и особого распоряжения, то в этом, собственно, внимании Святейший Синод, входя в непосредственное рассмотрение означенного обстоятельства, хотя и не может оправдать поступок Кузнецовой, как несовместный с подобающим архипастырю и епархиальному начальству уважением, но вместе с тем предполагает в оном скорее действие простоты, чем духа противления власти, и потому, а также и по уважению к преклонной старости Кузнецовой, 43-летнему пребыванию ее в Дивеевской общине и к похвальному отзыву о ней настоятельницы Ардатовского монастыря, признает справедливым немедленно возвратить ее в Дивеевскую обитель.

II. Относительно внутреннего состояния Дивеевского монастыря и способов к его умиротворению

Из соображения представления преосвященного Нижегородского Нектария, от 2 июня 1861 года за № 4454, о поступлении Гликерии Занятовой в монашество и посвящении в игумении, равно имеющихся при деле: рапорта преосвященному Нектарию протоиерея Световидова от 31 мая за № 27 и просительного письма на имя преосвященного Нектария послушницы Глафиры Семеновой Маккавеевой, а также собранных следователями на месте сведений и документов, Святейший Синод с прискорбием усматривает, что между сестрами Дивеевского монастыря особая враждебная сохранению в обители мира, единодушия и порядка партия, издавна уже образовавшаяся из непокорных постановленному в обители начальству сестер, которая была главнейшей причиной смут и непорядков, проявившихся ныне при переименовании общины в монастырь. В убеждении этом утверждает Святейший Синод, между прочим, и то обстоятельство, что как сама Гликерия Занятова, возведения которой в настоятельницы домогалась враждебная начальнице Ушаковой и большинству приверженных к ней сестер сторона, так и равно Глафира Семенова Маккавеева, представившая преосвященному Нектарию 19 мая просительное письмо о перемене начальницы и избрании в настоятельницу Гликерии Занятовой или Прасковьи Ерофеевой и потом в июле избиравшая вместе с последнею от сестер по кельям вынуждаемую подписку о желании иметь настоятельницей Занятову, а также означенная

Ерофеева и некоторые другие сестры, приверженные к партии, домогавшейся избрания Занятовой в настоятельницы, еще в 1858 году были представляемы начальницей Ладыженской преосвященному Антонию как не повинующиеся начальнице, от которых она уже не ожидала перемены к лучшему. Приверженные к порядку сестры, а также и сторонние лица приписывают образование означенной партии, равно как и последние смуты, действию иеромонаха, что ныне игумен Павло-Обнорского монастыря Вологодской епархии, Иоасафа, выдающего себя за назначенного Саровским старцем Серафимом попечителя Дивеевской обители. Если принять в соображение имеющиеся в деле сведения о прежних отношениях Иоасафа к Дивеевской общине, а также те обстоятельства, что Занятова, Маккавеева, Ерофеева и другие единомышленные с ними сестры принадлежат к числу приверженных к Иоасафу, из коих с Занятовой он имел и переписку, что в октябре 1860 года в письме в общину, адресованном на имя Татьяны Семеновой Никифоровой, Иоасаф, окончательно устраненный от дел общины в 1856 году по распоряжению преосвященного Иеремии, выражал надежду на скорое изменение обстоятельств, что в последнее посещение свое Дивеевской общины в марте 1861 года он ходил по кельям приверженных к нему сестер и в беседах с ними, по свидетельским показаниям, предсказывал скорое возвышение Занятовой и свое возвращение из Вологодской епархии и объяснял план предполагаемого им к устройству при Дивеевской обители особого скита, – то означенное показание о вредном влиянии Иоасафа на последние смуты в Дивеевском монастыре принимает вид полной достоверности. Ввиду таковых обстоятельств к умиротворению Дивеевского монастыря представляются ближайшими и необходимыми мерами: во-первых, удаление из обители Гликерии Занятовой, Прасковьи Ерофеевой, Глафиры Маккавеевой, а также и других враждующих сестер, преимущественно же тех, которые начальницей Ладыженской были не одобряемы в поведении по ближайшему усмотрению вашему, к чему, как видно из отношения вашего на имя первенствующего члена Святейшего Синода преосвященного митрополита Исидора, вами уже и сделаны предварительные распоряжения, и, во-вторых, пресечение всяких дальнейших сношений игумена Иоасафа с Дивеевским монастырем.

III. Относительно предполагаемого устройства близ Дивеевского монастыря особого скита

Предположение об устройстве этого скита, как видно по делу, принадлежит собственно игумену Иоасафу, но не чуждо и Нижегородскому епархиальному начальству, которым сделаны уже некоторые предварительные распоряжения, а именно в марте 1861 года был командирован в Дивеевский монастырь эконом Нижегородского архиерейского дома иеромонах Феодосий для осмотра места под устройство скита и для собрания сведений относительно способов приобретения для него строительных материалов. Между тем из собранных следователями сведений видно, что по обстоятельствам Дивеевской обители устройство этого скита благомыслящие и опытные в духовной жизни лица вообще признают не полезным. Если, сверх того, принять в соображение, что Дивеевский монастырь еще не достиг желаемого благоустройства, так, например, и доныне там не воздвигнут соборный храм, предложенный еще при жизни старца Серафима, что самое место, предназначенное для устройства скита, омрачено прискорбным для Дивеевского монастыря событием, а именно делом послушницы Фоминой, и что при нынешнем несогласии между сестрами Дивеевского монастыря и при выраженном Иоасафом во время последнего посещения им сей обители предназначенного скита для сестер своей партии, устройство скита было бы равнозначительно учреждению двух смежных враждующих между собой обителей, то следует прийти к полному убеждению в том, что вообще исполнение этого предположения имело бы вредные последствия. Сверх того, в Православной Церкви, ни в России, ни на Востоке вообще, учреждение женских скитов никогда не было допускаемо. Ввиду всех вышеизложенных соображений Святейший Синод определяет: 1) признав избрание Гликерии Занятовой на должность настоятельницы Дивевского женского монастыря не действительным и утвердив в этом звании настоятельницу сей обители Елисавету Ушакову, представить вашему преосвященству согласно изъявленному Ушаковой в декабре 1860 года желанию принять иноческий образ, постричь ее в монашество и возвести в звание игумении; 2) представить настоятельнице Ушаковой войти чрез вас с представлением о пострижении в монашество тех из сестер

обители, которых она по благонравию, равно готовности к исполнению послушаний признает достойными принятия в чин иноческий; 3) предписать Нижегородскому епархиальному начальству, чтобы немедленно сделано было распоряжение о возвращении старицы Устиньи Ивановой Кузнецовой из Ардатовского Покровского монастыря в Дивеевский монастырь; 4) для умиротворения сей последней обители поручить вашему преосвященству ныне же удалить из нее Гликерию Занятову, Прасковью Ерофееву и Глафиру Маккавееву, по истребовании от первой из них надлежащего отчета в денежном и вещественном имуществе монастыря за время управления ею обителью, и представить вашему преосвященству предположение свое относительно удаления из обители также и других посевающих раздоры сестер, особенно же тех из них, которые начальницей Ладыженской были не одобрены в поведении, привести в исполнение; 5) по вредному влиянию на Дивеевский монастырь бывшего духовника Нижегородского архиерейского дома, что ныне игумен Павло-Обнорского монастыря, Иоасафа, воспретить сестрам Дивеевского монастыря всякое с ним сношение, возложив наблюдение за исполнением сего на настоятельницу Елисавету Ушакову; 6) обязать игумена Иоасафа подпиской со строгим внушением, чтобы он оставил всякое вмешательство в дела Дивеевского монастыря и прекратил всякие сношения с сестрами сей обители, а как следствием по настоящему делу обнаружено, что Иоасафу, к коему поступили пожертвования в пользу Дивеевской общины, между прочим, передано было через помещика Караулова однажды 20 тысяч рублей, а в другой раз 18 тысяч рублей, и, кроме того, из сведений, извлеченных следователями из дел, касавшихся Дивеевской общины, видно, что Иоасаф во время пребывания в этой обители вопреки канонам Церкви проживал в одном корпусе с сестрами, поместил на жительство близ общины в принадлежащей ей келье своего зятя чиновника Муранова, обвинявшегося потом послушницею Фоминою, затем, по удалении в 1850 году преосвященным Иустином по требованию гражданского начальства из общины, самовольно принимал к себе на исповедь сестер общины, приезжавших к нему в Печерский монастырь за полтораста верст, наконец, и за внушением ему по распоряжению преосвященного Иеремии, в 1856 году, чтобы

он прекратил свое участие в делах общины, продолжал свои сношения с общиной, то поручить преосвященному Вологодскому: во-первых, истребовать от Иоасафа и представить в Святейший Синод объяснение: на какой именно предмет обращены им обозначенные деньги и был ли им в свое время представлен епархиальному начальству отчет в их употреблении, а между тем, 2) учредить за Иоасафом бдительный надзор; 7) дать знать Нижегородскому епархиальному начальству и вашему преосвященству, что предположения относительно устройства близ Дивеевского монастыря особого скита Святейший Синод не одобряет и не благословляет; 8) о вышеизложенном дать знать указами, для зависящих к исполнению распоряжений, преосвященным Вологодскому, Нижегородскому и Тамбовскому, а для сведения и преосвященному митрополиту Московскому; причем вашему преосвященству добавить, что Святейший Синод, одобряя все изложенные в отношении вашем на имя первенствующего члена Синода преосвященного митрополита Исидора от 11 января распоряжения по Дивеевскому монастырю, предоставляет вам принимать все клонящиеся к водворению внутреннего благоустройства в Дивеевской обители меры и вместе с тем поручает вам во внимание к объясняемому вами стеснительному положению сестер Дивеевского монастыря в своем содержании предписать строителю Саровской пустыни оказывать Дивеевской обители вспоможение отпуском леса и других потребностей, а в случае надобности и деньгами из монастырских сумм до 600 рублей. Февраля 5 дня 1862 г.

5 марта 1862 года прибыл в Серафимо-Дивеево благочинный монастырей Тамбовской епархии Черняева монастыря архимандрит Герман с объявлением нижеследующего, вызванного вышеизложенным Синодским указом указа Тамбовской духовной консистории.

Копия.

№ 1975

Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Тамбовской Духовной Консистории Благочинному монастырей Шацкого Черняева Николаевского монастыря архимандриту Герману.

По Указу Его Императорского Величества Тамбовская Духовная Консистория слушали Указ Святейшего Правитель-

ствующего Синода от 5 февраля сего 1862 года за № 305, последовавший на имя его преосвященства преосвященнейшего Феофана, епископа Тамбовского и Шацкого, коим по делу об обстоятельствах избрания, в мае месяце 1861 года, настоятельницы для Дивеевского общежительного женского монастыря и о внутреннем состоянии сей обители, Святейший Синод, между прочим, определил: 1) Признав избрание Гликерии Занятовой на должность настоятельницы Дивеевского женского монастыря недействительным и утвердив в этом звании начальницу сей обители Елисавету Ушакову, предоставить его преосвященству, согласно изъявленному Ушаковой в декабре 1860 года желанию принять иноческий образ, постричь ее в монашество и возвести в звание игумении. 2) Предоставить настоятельнице Ушаковой войти чрез его преосвященство с представлением о пострижении в монашество тех из сестер обители, которых она по благонравию, равно готовности и способности к исполнению послушаний, признает достойными принять в чин иноческий. 3) Предписать Нижегородскому епархиальному начальству, чтобы немедленно сделано было распоряжение о возвращении старицы Устиньи Ивановой Кузнецовой из Ардатовского Покровского монастыря в Дивеевский монастырь. 4) Для умиротворения сей последней обители поручить его преосвященству ныне же удалить из нее Гликерию Занятову, Парасковью Ерофееву и Глафиру Маккавееву по истребовании от первой из них надлежащего отчета в денежном и вещественном имуществе монастыря за время управления ее обителью и представить его преосвященству предположение свое относительно удаления из обители также и других посевающих раздоры сестер, особенно же тех из них, которые начальницей Ладыженской были не одобрены в поведении, привести в исполнение. 5) По вредному влиянию на Дивеевский монастырь бывшего духовника Нижегородского Архиерейского дома, что ныне игумен Павло-Обнорского монастыря, Иоасафа, воспретить сестрам Дивеевского монастыря всякое с ним сношение, возложив наблюдение за исполнением сего на настоятельницу Елисавету Ушакову. 6) Обязать игумена Иоасафа подпискою со строгим внушением, чтобы он оставил всякое вмешательство в дела Дивеевского монастыря и прекратил всякие сношения с сестрами сей обители; а как следствием по настоящему

делу обнаружено, что Иоасафу, к коему поступили пожертвования в пользу Дивеевской общины, между прочим, передано было через помещика Караулова однажды 20 тысяч рублей, а в другой раз 18 тысяч рублей, и, кроме того, из сведений, извлеченных следователями из дел, касавшихся Дивеевской общины, видно, что Иоасаф, во время пребывания в этой обители, вопреки канонам Церкви, проживал в одном корпусе с сестрами, поместил на жительство близ общины, в принадлежащей ей келье, своего зятя чиновника Муранова, обвинявшегося потом послушницей Фоминой; затем, по удалении в 1850 году преосвященным Иустином по требованию гражданского начальства из общины, самовольно принимал к себе на исповедь сестер общины, приезжавших к нему в Печерский монастырь за полтораста верст, наконец, и за внушением ему, по распоряжению преосвященного Иеремии в 1856 году, чтобы он прекратил свое участие в делах общины, продолжал свои сношения с общиною, то поручить преосвященному Вологодскому, во-первых, истребовать от Иоасафа и представить в Святейший Синод объяснение: на какой именно предмет обращены им означенные деньги и был ли им в свое время представлен епархиальному начальству отчет в их употреблении, и между тем, во-вторых, учредить за Иоасафом бдительный надзор. 7) Дать знать Нижегородскому епархиальному начальству и его преосвященству Феофану, что предположения относительно устройства близ Дивеевского монастыря особенного скита Святейший Синод не одобряет и не благословляет. 8) О вышеизложенном дать знать указами для зависящих к исполнению распоряжений преосвященным Вологодскому, Нижегородскому и Тамбовскому, а для сведения и митрополиту Московскому; при чем преосвященному Тамбовскому добавить, что Святейший Синод, одобряя все изложенные в отношении его преосвященства на имя первенствующего члена Синода преосвященного митрополита Исидора от 11 января распоряжения по Дивеевскому монастырю, предоставляет его преосвященству принимать все клонящиеся к водворению внутреннего благоустройства в Дивеевской обители меры, и вместе с тем поручает во внимание к стеснительному положению сестер Дивеевского монастыря в своем содержании предписать строителю Саровской пустыни оказывать Дивеевской обители вспоможение отпуском леса

и других потребностей, а в случае надобности и деньгами из монастырских сумм до 600 рублей. Приказали, и его преосвященство утвердил с прописанием вышеизложенного Указа Святейшего Правительствующего Синода благочинному монастырей Шацкого Черняева монастыря настоятелю архимандриту Герману послать Указ и велеть ему о содержании оного объявить как настоятельнице Дивеевского женского монастыря Елисавете Ушаковой, так и всем сестрам того монастыря с подпискою; затем а) предписать ему же, архимандриту Герману, настоятельницу Елисавету Ушакову постричь в монашество; а по совершении обряда пострижения объявить ей с подпискою немедленно явиться к его преосвященству преосвященнейшему Феофану, епископу Тамбовскому, для посвящения ея, Ушаковой, в сан игумении Дивеевского женского монастыря; б) объявить ей же, настоятельнице Ушаковой, чтобы она вошла с представлением к его преосвященству Феофану, епископу Тамбовскому, о пострижении в монашество; тех из сестер обители, которых она по благонравию, равно готовности и способности к исполнению послушаний, признает достойными, принять в чин иноческий; в) бывшую временно начальницею того монастыря Гликерию Занятову, Парасковью Ерофееву и Глафиру Маккавееву ныне же удалить из Дивеевского монастыря для умиротворения сей обители, выдав им виды их, но по истребовании предварительно от Занятовой должного отчета в денежном и вещественном имуществе монастыря за время управления ею обителью; по принятии же Ушаковой от нее, Занятовой, всего того денежного и монастырского имущества по описи с распискою в присутствии его, архимандрита Германа, донесть консистории; г) а как в Дивеевской обители находятся и доселе многие сестры, посевающие раздор, особенно те из них, которые начальницею Ладыженской были не одобрены в поведении, то предписать самой настоятельнице Дивеевского монастыря Елисавете Ушаковой о тех из них, которые не могут быть более терпимы в монастыре без опасения за спокойствие обители, донесть его преосвященству рапортом с объяснением, по каким документам и с какого времени они проживают в Дивеевской обители и где хранятся о звании их ныне те документы; д) объявить всем сестрам, чтобы они с игуменом Иоасафом прекратили всякое письменное сноше-

ние, возложив наблюдение сего на настоятельницу Ушакову и е) настоятелю же Саровской пустыни иеромонаху Серафиму с братиею особо от сего распоряжения послать (и послан) Указ и велеть им, согласно определению Святейшего Синода, оказывать Дивеевской обители вспоможение отпуском леса и других потребностей, а в случае надобности и деньгами из монастырских сумм до 600 рублей серебром. Февраля 19 дня 1862 года.

Во исполнение указа архимандрит Герман постриг Елисавету Алексеевну в монашество.

Как сказано в официальном описании монастыря, хранящемся в Нижегородской консистории:

«Горькие слезы тяжелой скорби столь уже много лет всего натерпевшихся, преследуемых, гонимых, поистине многострадальных сирот Серафимо-Дивеевских превратились в слезы радования и благодарения. По высылке же вследствие указов трех главно-возмущавших лиц, из крестьян девицы Гликерии Васильевой Занятовой, девицы из мещан Прасковьи Павловой Ерофеевой, еще самим старцем Серафимом лично называемой «Ивановою» («и это не моя, а Иванова сестра!»), и девицы из дворян Глафиры Маккавеевой, которые, приютившись на расстоянии 40 верст в имении дочери генерал-майора Елисаветы Алексеевны Копьевой, покровительством преосвященного Нектария и посылаемыми пожертвованиями чрез о. Иоасафа, открыли при г. Понетаевке женский монастырь, – упрочилось наконец столь давно желаемое спокойствие Серафимо-Дивеевского монастыря».

Сбылись и слова блаженного старца о. Серафима, сказанные сестре Матрене Петровой: «Запомни, матушка, – говорил он, – у вас на 12-й начальнице устроится монастырь!»

«Видала ли ты, матушка, коноплю? – спросил о. Серафим сестру Варвару Ивановну. – Конопля – вещь хорошая, преполезная конопля, матушка! Вот и у меня в Дивееве-то девушки, что конопля хорошая! А когда ее полют-то, радость моя, чтоб лучшая была, посконь-то и выдергивают, матушка! Вот и помни, у вас то же будет! Как пополют да выдернут всю посконь-то, матушка, а конопля-то моя Дивеевская и загустеет еще более, еще выше поднимется да краше зазеленеет! Ты это помни; это я тебе говорю!»

Глава XXIX

Посвящение Е. А. Ушаковой в сан игумении. Приведение обители в порядок. Поездка игумении Марии в Москву. Представление митрополиту Филарету и поездка в Петербург. Постройка и освящение собора. Исцеления по молитвам матери Александры и о. Серафима. Памятник и келья первоначальницы матери Александры. Кончины стариц Прасковьи Степановны, Евдокии Ефремовны и протоиерея о. Василия Садовского

В 1862 году Елисавета Алексеевна Ушакова была посвящена в сан игумении преосвященным Феофаном в г. Тамбове. И только к 1864 году она успела привести в порядок внутренний быт сестер и обеспечить несколько их продовольствие. Важно было увеличить запашку для посевов, приобрести лес для построек и отопления монастыря и наконец приступить к постройке собора, заложенного в 1849 году и заброшенного о. Иоасафом. За неимением вблизи кирпичных заводов и материалов для постройки пришлось устроить завод на монастырской земле и вырабатывать свой кирпич. Надеясь вытребовать от о. Иоасафа полученные им деньги, более 40 тысяч, на собор, игуменья Мария поехала в 1864 году в Москву и Петербург. В Москве она имела радость быть представленной приснопамятному митрополиту Филарету и поблагодарила его от имени Серафимовской обители за отеческое участие во время смуты и следствия. В письмах митрополита Филарета к обер-прокурору Алексею Петровичу Ахматову, напечатанных архиепископом Саввою (под № 47), говорится о игумении Марии следующее:

«Письмо сие представит вашему превосходительству Дивеевская игумения Мария, старица, по выражению апостольскому, кроткого и молчаливого духа. Удостойте ее вашего внимания.

Она хочет искать помощи христолюбивых для построения храма, начатого прежним руководителем сего общества Иоасафом в размерах не по силам обители. Говорят, что в руках Иоасафа были для сего немалые средства, но в руках его и остались. Сомнительно, чтобы игумения Мария получила в сем деле довольный успех, потому что благорасположенные к прежней Дивеевской начальнице Гликерии предубеждены против ее преемницы, не зная истины происшествия. Истина же в том, что добрая Гликерия управляема была не мирными сестрами, а добрая Мария сохраняла положение спокойное, страдательное и терпеливое.

Игумения говорила мне, нельзя ли просить для их храма пожалованных Государынею Императрицею нескольких тысяч рублей на построение женского при Дивееве скита, предположенного, но не состоявшегося. Я отвечал ей, что сего предмета едва ли можно коснуться и что дар Ее Величества, вероятнее, может обратиться в пользу монастыря, который предполагает устроить Гликерия. Вы лучше можете знать, как рассуждать о сем!»

Поездка эта игумении Марии, конечно, не увенчалась особенным успехом. Однако с 1865 года началась постепенная постройка собора без пожертвований особых капиталов, на малые средства. Как тогда, так и до сих пор Дивеевский монастырь живет чудесами, ибо нельзя указать на крупных жертвователей, на постоянных благодетелей, но между тем обитель понемногу растет, украшается зданиями, увеличивается в числе сестер и терпит только по временам большие недостатки, в особенности в голодные годы и при бывших пожарах.

В течение десяти лет собор был снаружи окончен, так что преосвященный Иоанникий освятил его, но внутренняя отделка продолжалась еще многие годы. Немало являлось чудес в этом строящемся соборе, о красоте которого столько предсказывал батюшка о. Серафим. Сестры обители и окрестные жители свидетельствовали, что по временам в этом дивном соборе, еще полном лесов, является необыкновенный свет в вечернее или ночное время, и такой, что многие, перепуганные, прибегали из села спросить, не горят ли леса.

Преосвященный Иеремия нашел лучшим определить этот собор во славу Святой Живоначальной и Животворящей Троицы и отменил первоначальное наречение его во имя иконы «Умиления» Божией Матери. Что на это действительно было изволение Божие, подтвердилось впоследствии особенным знамением, а именно в 1864 году, при воздвижении креста вверху собора преосвященным Феодосием, епископом Тамбовским и Шацким; во время этого торжества, воочию всех бывших духовных, монашествующих, светских властей и мирян, над крестом вились три белых голубя в вышине, едва досягаемой для глаза, а ниже их летали три журавля, описывавших равномерные круги вокруг водружаемого креста, которые, по постановке знамения Христовой славы, вместе с голубями полетели на восток.

Затем в 1874 году почти всю зиму, когда собор стоял наглухо заколоченным, в нем постоянно слышалась как бы непрекращающаяся работа, чему были свидетелями все живущие в обители и близ нее. Эта таинственная работа на многих наводила страх и наконец объяснилась тем, что в 1875 году преосвященный Иоанникий решил неожиданно для монастыря освятить давно ожидаемый собор с тремя лишь необходимыми иконами. День освящения совпал с тем самым днем, в который совершалось празднование иконы «Умиления» Божией Матери, 28 июля.

С 1875 года, за исключением зимы, стали непрерывно совершаться службы и одновременно собор начал украшаться удивительной живописью собственной монастырской работы, нигде не встречаемой в других обителях по всей России. По молитвам о. Серафима, Господь послал в Дивеевскую обитель несколько сестер, одаренных талантом живописи, между которыми в особенности отличалась и поныне стоит во главе живописного послушания мать Серафима. Ее кисть чрезвычайно нежна, дает настоящий свет и выражение ликам святых праведников и может быть всегда отличена от встречаемых других живописных икон. Вообще художество Дивеевского монастыря поражает своими достоинствами, вкусом, обдуманностью и выдержанностью. При украшении собора весьма много потрудилась казначея монастыря мать Елена Николаевна Анненкова.

Главный престол собора Пресвятой Троицы освящен, как упомянуто, в 1875 году 28 июля высокопреосвященным

Иоанникием. Правый придел во имя иконы «Умиления» Божией Матери освящен был в 1880 году 2 июня преосвященным Макарием, левый оставлен не освященным, в ожидании открытия мощей батюшки отца Серафима. Наверху, на хорах с правой стороны, придел во имя Владимирско-Оранской иконы Божией Матери воздвигнут был усердием Анатолия Дмитриевича Нарышкина об упокоении его матери Наталии. Престол его освящен в 1884 году 3 июня преосвященным Макарием, и на другой день, 4 июня, освящен владыкой и левый придел во имя Обретения главы Предтечи и Крестителя Иоанна.

Духовная сторона обители снова стала процветать с водворением в ней тишины и порядка. Заявления об исцелениях на могиле первоначальницы матери Александры, по молитвам к батюшке Серафиму, от вещей великого старца, даже от портрета его, а также от воды с источника и от травки Дивеевской канавки, продолжали поступать к игумении Марии.

Так, в 1861 году сельский священник Вятской губернии Гавриил Галицкий письменно засвидетельствовал следующее:

«В 1861 году, в августе месяце, я вследствие простуды, а всего более вследствие грехов моих, был поражен тяжкой тифозной горячкой. Живя в уездном городе у своего двоюродного брата чиновника земского суда, я лечился, но от лекарств мне нисколько не было легче. Час от часу болезнь моя становилась сильнее, так что я отчаялся в своем выздоровлении; нельзя было мне вследствие рвоты принимать никакого лекарства. В одну из бессонных ночей я стал прощаться со своей женой, потому что чувствовал приближение своей смерти, но жена напомнила мне о необходимости очистить свою совесть покаянием и приобщиться Св. Таин. Мучимый унынием и тоской, я велел пока (было 12 часов ночи) дать себе какую-либо книгу, в надежде, что от чтения пройдет скука. Жена подала мне житие пустынника Саровского иеромонаха Серафима. Почитав эту книгу, я тотчас же решил исповедоваться и послал за местным протоиереем. Дня через четыре после причащения я отправился в г. Вятку для лечения, куда прибыл в 8 часов вечера. Это было в первых числах сентября месяца. Утром на другой день, в 7 часов, приходит на мою квартиру старушка и предлагает мне купить портрет о. Серафима Саровского. Я взял у нее два портрета. Уходя от меня, старушка

сказала мне: "Батюшка, когда придет время, не забудь Агафии!" Считая оба эти случая за указание Божие, я обратился с молитвой к угоднику Божию Серафиму и дал обещание побывать в Саровской пустыни и отслужить панихиду на могиле о. Серафима. С тех пор мне стало легче, и через неделю лекарь позволил даже выехать в город. Но затем я стал раскаиваться в данном обещании, и болезнь моя снова усилилась, так что приглашенные врачи отказались лечить. Последний из них, оператор Ф., сказал мне: "Батюшка, ездить к тебе я буду, но вылечить тебя не даю слова: ищите врача духовного". Тогда я снова дал твердое обещание непременно быть в Саровской пустыни. И действительно, я молитвами преподобного о. Серафима исцелился от болезни и здоров до настоящего времени. Будучи в Саровской пустыни, я купил книгу "Житие старца Серафима", издание 1863 года, и читая оную, узнал, что первая настоятельница Дивеевской обители была Агафия. Тогда я вспомнил последние слова старушки, у которой я купил портреты о. Серафима, и стал молиться за нее Господу, понимая, что она, матушка, близка к Господу».

По просьбе Феодота Никитича Сергеева священник Дивеевского монастыря П. В. Яхонтов в присутствии игумении Марии и многих других лиц записал за ним в 1884 году 26 мая следующее:

«Я, отставной поручик морской службы Ф. Н. Сергеев, получил исцеление от первоначальницы матери Александры таким образом: 21 декабря 1879 года со мной сделался сильный удар, так что я пришел в совершенно бессознательное состояние, был без движения и памяти. Призванный и меня пользовавший доктор г. Сердобска Александр Николаевич Черногубов прямо объявил моим домашним, что моей жизни осталось всего часа на два. Жена постаралась, по возможности, приготовить меня к переходу в иную, лучшую жизнь, но после причастия Св. Христовых Таин вдруг совершенно сознательно представилось мне, что я нахожусь в Сарове, где никогда не бывал прежде, и, обходя св. ворота и церкви, кладу везде по три земных поклона. Дойдя до кельи о. Серафима и не видя никого в ней, я приложился к его портрету, поклонился трижды в землю и пошел на его источник. Приблизясь к источнику, увидел я живого батюшку Серафима наклоненным над ним и глядевшим в воду. Ходил я за батюшкой кругом

источника и на каждой стороне сруба делал по три поклона, а затем о. Серафим ушел по направлению к ближней пустынке. Огорченный мыслью, что недостоин исцеления, я выпил немного воды из источника и пошел по тому же направлению. Немного пройдя, вижу я о. Серафима стоящим на камне, молящегося с воздетыми к небу руками. Немного вдали от него стояли молчальник Марк и иеродиакон Александр, как бы поджидающие его. И вот иеродиакон Александр говорит Марку: "Пойдем, о. Марко, старец-то, как видно, промолится долго!" Ушли они оба, а я, прождав еще довольно времени, подумал, что я совершенно недостоин по моим грехам получить его благословение, и хотел было уже уйти, как вдруг явственно услышал говорящий мне голос о. Серафима: "Ты еще будешь в Сарове, а теперь ступай скорее в Дивеево к матери Александре, она тебя исцелит!" Торопливо возвратясь в гостиницу, я сказал заведующему монаху: "О. Николай, пусть вещи мои остаются здесь, у тебя, а я иду в Дивеево!" Тут же будто я пришел в Серафимо-Дивеевский монастырь и поспешно спросил старшую в гостинице: отошла ли обедня? На ее вопрос: что вам надо? – я отвечал прямо, что мне нужно отслужить панихиду на могиле матери Александры, и она меня исцелит! Придя на могилу ее и положив три земных поклона образу на памятнике, в виде кирпичного столба, внутри которого пред иконой теплилась лампада, я увидел, что половина могилы обрушилась сбоку и отстала гробовая доска, сама мать Александра предстала предо мной, но без тела, а один лишь совершенно цельный скелет ее, кости которого походили на самый чистый янтарь, а из черепа струились три тока св. мира: один по середине лба, два другие по бокам из глазных впадин. Увидав все это, я воскликнул: "Матушка Александра, я болею, дозволь мне грешнику помазаться миром твоим!" При этом я взял немного мира пальцем и крестообразно помазал им свое чело, произнося: "Во имя Отца, Сына и Св. Духа!" Миро потекло с чела моего по лицу, и от чувства щекотания я очнулся. Тогда я встал сам без помощи с постели моей и, к удивлению всех домашних, пришел к ним в другую комнату. "Как мне хорошо и легко стало! – сказал я. – Сейчас был в Сарове, старец Серафим послал меня в Дивеево к матери Александре, и вот там она меня совсем исцелила!" А пришедшему меня соборовать и глядевшему на меня в изумлении священ-

нику я сказал: “К чему же мне собороваться? Вы видите, я и так совершенно здоров!” Но по совету священника я пособоровался и был так крепок, что во время соборования стоял на ногах и сам пел. Понятно, что доктор уже был мне не нужен, и я совсем отказал ему. Дав тут же обещание сходить в Саров и Дивеево, я по причине разных обстоятельств все откладывал, и в декабре месяце 1884 года повторился со мной слабый удар. Но при немедленном уже решении моем во что бы то ни стало отправиться по весне в Саров и Дивеево я тут же без всякой медицинской помощи совершенно поправился. Вот почему ныне вы видите меня, и передаю вам произошедшее со мною чудесное исцеление во всеобщую известность».

По невозможности воздвигнуть на могиле матери Александры памятник с давних времен находилась сложенная из обыкновенного кирпича гробница, наполовину обрушившаяся. В 1869 году нашелся было и жертвователь, чтобы построить памятник-часовню на могиле первоначальницы, но, видно, то было ей не угодно. Ввиду того что земля и кладбище приходские, игумения Мария должна была просить на то дозволение у местного благочинного, священника села Кременок, который на отношение ее ответил отказом. В 1871 году другой благочинный дал полное разрешение, и поэтому игумения Мария построила сама наподобие часовни маленький кирпичный памятник.

Келья матушки Александры, впервые поставленная при церкви Казанской иконы Божией Матери, в которой она жила и скончалась, дабы сохранить ее навеки, была покрыта в 1886 году деревянным, наподобие футляра, двухэтажным корпусом. В ней теперь сосредоточили все сохранившиеся вещи первоначальницы, как-то: явленные ей икона первомученика архидиакона Стефана, живописная икона Похвалы Божией Матери, копия с иконы Казанской Богоматери, живописный портрет Саровского старца игумена Назария, которому матушка Александра каждодневно и при всяком деле кланялась, как бы прося его мысленно на все благословение, фарфоровая белая с розами лампада, деревянный стол ее, самый первый живописный портрет матери Александры, сходство с которым удостоверяла ее послушница и сподвижница Евдокия Мартыновна, и еще ее портрет, скопированный дивеевскими монашенками, замечательный тем, что как

сестры обители, так и посторонние лица видели, как он по временам как бы оживает, меняется цветом лица, улыбается, глаза блестят или, наоборот, делается суровым, грозным и тучнеет. Этот портрет, по бывшим при нем исцелениям, считается в обители чудотворным.

Не раз творились чудеса исцеления на могиле Елены Васильевны Мантуровой. В обители записаны эти случаи.

Анна Петровна Муратова, проживавшая в Темниковском уезде, передала обители слышанное ею от Марии Николаевны Кадыковой, также проживавшей в г. Темникове, о том, что в 1869 году приезжала к ней родственница из Тамбова и, увидав гравированный портрет батюшки Серафима, просила достать ей подобный ввиду того, что она имела большую веру к этому угоднику Божию. Г-жа Кадыкова обещала ей прислать, но затем вздумала подарить тот самый, который она чтила как священное изображение. Когда она сняла портрет со стены и начала укладывать его в ящик, то почувствовала ужасную боль в руке и потому поспешила упаковать его. Боль усилилась, и когда посылку отправили на почту, то с этой минуты болезнь сделалась нестерпимой. Разные пособия, мази и тому подобное не помогали; больная лишилась пищи и сна. Спустя некоторое время она ночью задремала и видит в тонком сне, что к ней подходит угодник Божий о. Серафим и говорит: «Ты имеешь веру к портрету моему и не пожалела отдать меня; вот за это ты и наказана!» После этого больная сейчас пробудилась, ощутила некоторое облегчение и попросила немедленно написать в Тамбов родственнице, чтобы как возможно скорее был ей возвращен портрет батюшки Серафима. С первой почтой он был получен, и лишь г-жа Кадыкова коснулась ящика, еще не раскрывая его, вдруг стрельба и ломота прекратились».

«В 1864 году в марте и апреле месяцах я был болен 40 дней, – пишет губернский секретарь Алексей Николаевич Алышев, – и лежал в постели. Однажды ночью во сне пришел ко мне старец о. Серафим, приложил руку к моей спине, так что я это чувствовал, и тут же я проснулся. С этого дня я выздоровел и начал ходить».

Из Ставрополя написали в Серафимо-Дивеевскую обитель, что одна девица очень болела глазами, так что мать ее боялась, чтобы она не потеряла зрение. Увидав у знакомой своей каме-

шек батюшки Серафима, мать ее стала просить дать ей его на время, с тем чтобы обливать камешек водой и примачивать глаза дочери, ибо медицинские средства не помогали. Через неделю девица не только выздоровела, но и могла работать. Вскоре после этого заболел ребенок у их родственницы; доктор лечил, но бесполезно. Тогда мать излеченной девицы пошла домой и принесла воды от камешка о. Серафима, умыла ребенка и напоила его. Ребенок успокоился, заснул, а мать его увидала сон, что какой-то старец пришел к ней и сказал: «Сын твой исцелен, но не от лекарства, а от воды, которой умыла его твоя родственница!» На другой день ребенок был совершенно здоров.

1 октября 1869 года приехала в Дивеевский монастырь из Москвы некая Мария Феодоровна Прудникова, наутро отслужила заупокойную обедню, панихиду по батюшке о. Серафиму и молебен Царице Небесной. Исполнивши это, она рассказала, что ее родственница, молодая женщина, А. И. У., живущая в Москве, поручила ей съездить в Дивеевскую обитель и помолиться по случаю исцеления шестимесячного ее сына от жестоких припадков. Врачи лечили, но не смогли помочь, и вот одна знакомая ее, встретившись с ней в часовне Иверской Божией Матери, повела ее к себе в дом, где несчастная эта женщина и увидала портрет о. Серафима, о котором она не имела понятия. Знакомая посоветовала ей взять с собой портрет батюшки о. Серафима и положить его с верою на умирающего ребенка. Действительно, как только она поставила портрет в кроватку сына, малютка затих и уснул. Двое суток спал ребенок, и врачи не могли понять, что с ним делается. Проснувшись, он оказался совершенно здоровым. С тех пор портрет о. Серафима мать держала всегда близ исцелившегося сына, так что даже во время прогулки портрет брался с собой. Целый год он был здоров, но летом при переезде на дачу в первый же день с ребенком сделался ужасный припадок. Тогда няня созналась, что забыла портретик в Москве. Во время этого припадка ребенок ударился головой об ящик, выдвинутый из стола, и вдруг перестал метаться и кричать, даже заснул. Удивленная мать бросилась к ящику и увидала лежащую в нем книгу с жизнеописанием батюшки о. Серафима, при котором был приложен гравированный портрет его. Стол принадлежал хозяйке дома, и ребенок с того дня совершенно исцелился.

П. И. Архипов писал из Москвы 7 октября 1869 года: «Приношу мою искреннюю благодарность за присылку жене моей Марии Николаевне образа на финифти с изображением Богоматери и о. Серафима, молящегося пред Нею. Образ этот вручен был во время тяжкой болезни утром пришедшей монахиней. Жена моя за несколько перед сим видела во сне, или даже наяву, ибо она была в беспамятстве, что о. Серафим хлопотал и заботился около нее, обливая ее теплой водой; когда же она опомнилась, то вся была в поту. Тут ей дали присланный вами образ, и с сей минуты она начала выздоравливать, тогда как злая горячка, вместе с пузырчатой рожей, совершенно свели ее было в могилу. Я и каждый из членов моего семейства свидетельствуют вам и перед всею обителью вашей, что молитва преподобного о. Серафима, созидавшего сиротскую обитель, велика пред Господом. Много, много было с нами чудных случаев, уверивших нас в его пред Богом заступлении».

19 октября 1869 года приехал в Дивеевский монастырь Петр Иванович Ефремов из г. Краснослободска служить панихиду по отцу Серафиму. Он рассказал, что четыре года тому назад, будучи в Дивееве, он получил исцеление больной ноги, на которой сделалась от ушиба неизлечимая рана, и из нее постоянно текла кровь. Три врача пользовали больного, но безуспешно; целый год он был без ноги. При жизни батюшки Серафима Ефремов бывал у него и пользовался его наставлениями. Однажды во время сильного приступа боли П. И. Ефремов обещался побывать в Дивееве и отслужить панихиду; после этого он сейчас же почувствовал себя лучше, начал с небольшим трудом вставать с постели, а когда приехал в обитель, отслужил панихиду, приложился к одежде батюшки Серафима, то исцелился, и рана на ноге закрылась и совершенно зажила.

Мария Григорьевна Сабурова писала в обитель:

«Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь. Я удостоилась во время сильной тифозной горячки видеть угодника Божия о. Серафима в видении: будто бы я пришла в Саровскую пустынь, и старец о. Серафим послал меня в Дивеевскую обитель, и когда в видении представилась пустынь, в ней недоконченный храм, а на воздухе над храмом я увидела икону Божией Матери, св. отец Серафим сказал мне от имени Царицы Небесной, что я буду жива, что болезнь моя не к смерти.

Я в это время молилась со слезами Царице Небесной. Старец еще сказал: "И нынче у вас траура не будет, а в будущем 1869 году будет траур". Это видение тут же, не пришедши еще в сознание, я рассказала всем присутствующим, а опамятовавшись, опять повторила видение. Все, что я видела, исполнилось, и траур в нашем семействе случился неожиданный через 10 месяцев. Брат моего мужа, молодой человек, камергер Николай Дмитриевич Сабуров, умер за границей. В виденном мною подписываюсь: Мария Григорьевна Сабурова. Свидетельницами при этом видении были: Александра Михайловна Языкова, Т. С. Узнанская, а также и я, Варвара Григорьевна Языкова».

Анна Семеновна Рубцова писала в Саровскую пустынь из г. Вильно 26 июня 1874 года:

«Дивен Бог во святых Своих, Бог Израилев! И мне, недостойной грешнице, явил милость Свою, чрез великого угодника Своего, пустынножителя Саровского, иеромонаха Серафима. Да пройдет слава его от края до края земли Русской! Здесь, на границе России с Польшей, я пою ему панихиды со слезами сердечной благодарности, и вас прошу, ваше высокопреподобие, передать мою нижайшую просьбу кому-либо из иеромонахов отслужить панихиду на гробе о. Серафима и благодарственный молебен Богоматери "Всех скорбящих", на что прилагаю 2 рубля, а остальные 8 рублей покорнейше прошу передать в Дивеевскую обитель, в ту церковь, где угодник Божий завещал гореть неугасимо пред Спасителем и Богоматерью свечам и елею. Не осудите за скудость моего приложения, не знаю, и это дойдет ли до места назначения, потому что адреса не имею, а посылаю наугад, поручая благословению о. Серафима. Простите дерзость, что осмеливаюсь утруждать ваше высокопреподобие, но бесконечно бы обязали меня, приказав послушнику написать мне два слова, что деньги дошли по назначению; может быть, еще когда на свечи или просфору Господь удостоил бы меня прислать. Теперь не поставьте себе в труд выслушать меня, как я узнала, живя за несколько тысяч верст, что пустынь святая ваша обладает таким сокровищем. Бывая ребенком в монастыре у тетки моей, я видела картину, писанную на полотне масляными красками чудной работы: "Кончина иеромонаха Серафима", и тетка мне много рассказывала о его высокой жизни и его

неисповедимых трудах. Прошли десятки лет, муж мой был назначен вице-губернатором в Ковно, на самую границу Польши, и тут, не знаю почему, мне стала часто приходить в голову эта картина, а прежде я о ней никогда не думала. Спустя год моего мужа перевели в Вильно директором канцелярии Северо-Западного края, где мы теперь находимся. По приезде в Вильно я сделалась тяжко больна и прохворала почти 4 года разными болезнями; наконец разболелся у меня нос, так что в левой ноздре сделалась сильная опухоль и краснота. Восемь месяцев лечили меня разные врачи, но ничего не помогли. Одни говорили, что полип, другие грозили еще более серьезной болезнью; наконец, решили делать операцию весной, если нарост не уступит лечению. Операция же для меня была очень опасна вследствие моего малокровия. Однажды, поплакав досыта, ложусь спать и вижу во сне эту картину; так живо она осталась в памяти, сейчас бы могла нарисовать этого бледного, как воск, старца с седыми волосами, стоявшего на коленях со сложенными на груди руками в белом балахончике и с четками, с опущенными глазами, как бы в умной молитве, совсем не похожего на мертвеца. Смотря на него, так и хочется сказать: "Тише, не мешайте, он молится!" Так эта картина охватила мне мою душу, что долго не хотелось вставать; я все закрывала глаза и наслаждалась ею, сердечно сожалея, что ее теперь нельзя достать; неизвестно кому она досталась после смерти тетки. В этот же день (было воскресенье) я послала к здешней игуменье Флавиане просить книг для чтения, и можете вы представить мое удивление и радость: она присылает мне житие иеромонаха Серафима с шестью картинами, между которыми была его пустынька с колодцем. Прочтя все исцеления и явления, как при жизни, так и по смерти, я приложила эту картинку к лицу своему и заплакала, говоря: "Счастливая эта крестьянка, она видела тебя, угодник Божий, и через Твои молитвы и благословение получила исцеление из этого источника, а я не могу никогда сделать этого, будучи так далеко от святого места сего!" Больная моя ноздря прижалась к самому желобку книги, и, к моему удивлению, из нее показалась кровь. Затем мне как бы стало чуть-чуть свободнее дышать; на другой день я опять повторила то же, и опять кровь пошла. Каждый раз, как я прикладывала книгу или картинку к лицу, показывалась из носа кровь, а потом опадала

опухоль. Нос мой пришел в надлежащий порядок, и вот, славя Бога, Который, любя праведных и милуя грешных, помиловал и меня за заслуги преподобного Своего, я поспешила в храм показаться иереови и засвидетельствовать, что сотворил Господь. Ему же честь и слава во веки. Аминь».

Стефанида Федоровна Казакова, крестьянка села Дубрава, Тамбовской губернии, 49 лет, после горячки в молодых годах совершенно не владела правой рукой. 14 июля 1873 года на пути в Серафимо-Дивеевский монастырь она в 7 верстах легла отдохнуть и, заснув, услыхала, что кто-то дернул ее за больную руку, понуждая продолжать путь, отчего, проснувшись, она почувствовала, что в парализованной руке стал биться живчик. Придя в Дивеево, к пустынке о. Серафима, где читается неугасимая Псалтирь, она приложилась к иконам и тихонько положила больную свою руку на камень, на котором подвизался старец, и вдруг почувствовала во всем теле жар, а в больной руке – мурашки. Когда стали давать ей сухарики и приказали перекреститься, в неведении, что не владеет рукой, то она начала сгибать руку и закричала от радости, что исцелилась. Монахиня, раздающая сухарики, старица Прасковья Пантелеева, велела ей подольше держать больную руку на камне, и она, просидев со слезами и молитвой некоторое время, получила по своей вере совершенное исцеление.

Солдатка Ольга Ивановна Сизова, Рязанской губ. и уезда, села Мармина, была мучима нечистым духом 11 лет. Получив некоторое облегчение от иконы Божией Матери Троеручицы в конце 1864 года, она стала выкрикивать: «Кроме Серафима, никто меня не изгонит!» В том же году, на святках, заехали к ней посланные по сбору Дивеевские сестры – Агафья Иларионова с другими, которые ей дали просфору и кусочек дерева от пустынки батюшки Серафима, после чего она стала еще более мучиться, а вместе с тем пожелала непременно побывать у о. Серафима. 5 мая 1865 года, придя в Саровскую пустынь, она была в пещерах и услыхала в одной из них от проводника монаха, что тут часто бывал о. Серафим; от этих слов ей уже сделалось нехорошо, а когда начали служить панихиду на могиле старца Серафима, она упала и лежала несколько минут без памяти. К вечеру, достигнув с трудом Дивеева, она пришла в батюшкину пустынку в Преображенскую церковь, где, приложившись к одежде старца, была накрыта

его епитрахилью и три часа пролежала замертво. С тех пор она совершенно исцелилась.

Крестьянин князя Енгалычева, Тамбовской губ., Темниковского уезда, села Токмакова, Тимофей Степанов, 24 лет от роду, не владел правой рукой от рождения. 24 июня 1873 года он пришел в Серафимо-Дивеевский монастырь и в пустынке о. Серафима в кладбищенской церкви, прикладываясь к одежде старца, надел на больную руку рукавицу батюшки Серафима и тотчас почувствовал сильный жар, вследствие чего закричал: «Преподобный о. Серафим, исцели меня!» Скоро эта невладевшая рука захрустела, и он почувствовал облегчение. 27 июня он в другой пустынке, в которой читался Псалтирь, подержал на камне и левую руку, у которой был сведен мизинец, затем помазал его елеем от лампады, и согнутый мизинец выпрямился.

Марфа Тимофеевна Толстова, крестьянка Пензенской губ. и уезда, села Заичного, 50 лет от роду, была совершенно слепая 14 лет и видела во сне старичка, повелевшего ей побывать в Сарове, где получит исцеление. «Взгляни на меня!» – говорит он ей во сне, и она ясно рассмотрела его. «Поди, – приказал он, – на Серафимов источник, умойся и, взяв из него воды, подымись на гору, дойдя до камня, нагнувшись, помочи глаза, и исцелишься от слепоты, которая у тебя за то, что ты после родов не брала сороковой молитвы, которую по прозрении и получи в женском Дивеевском монастыре!» Проснувшись, она собралась в путь в Саровскую пустынь. 29 июня 1873 года она достигла Сарова, все исполнила сказанное старичком во сне и совершенно прозрела. Вечером, придя в Дивеево, она рассказала о совершившемся с ней чуде, исповедовалась и получила сороковую молитву. На другой день она приобщилась Св. Таин и, будучи в пустынке о. Серафима, где читался Псалтирь, узнала по портрету о. Серафима старичка, явившегося ей во сне.

Монахиня Казанского Касимова монастыря мать Митродора рассказала, что она 6 декабря 1871 года, не имея насущного хлеба уже трое суток, понесла продать свой апостольник, чтобы на эти гроши купить хлеба. Не продав его, разумеется, она со скорбью возвратилась домой в келью, где, припав к изображению на камне батюшки Серафима, говорила: «Ты был 40 дней без пищи, а я только три дня, но пошли мне, отче

Серафиме, пищу, не ради меня, а ради престарелой столетней родительницы!» К вечеру того же дня в 8 часов входит незнакомая девица с просьбою погостить. «Я сначала оробела, — рассказывала она, — а потом согласилась. Она же, видя меня в недоумении и испуге, просила успокоиться, напомнив, что в третьем году, в ярмарку, она пила у меня под окном квас. Успокоясь, я благословила ей приехать, и она, привезя с собой 2 пуда муки, меру круп, меру картофеля, меру гороха, прокормила нас всю зиму. После февраля она уехала, а мы еще до марта кормились ее продовольствием. Просила я о. Серафима в первом часу дня, и в это-то самое время девица эта Пересоева, дочь дьячка села Лесного, вдруг собралась и поехала ко мне».

В 1872 году 8 ноября эта же монахиня, будучи в миру еще, ушибла ногу, отчего на ней образовалась рана величиной в куриное яйцо. Доктора не помогли, и, вспомнив о своем помощнике, батюшке Серафиме, она затеплила ему лампадку, помолилась об исцелении и стала мазать елеем из горевшей лампады ужасную свою рану, которая в три дня совершенно исчезла.

Сергей Алексеевич Никитин в 1875 году рассказывал в Нижнем Новгороде, на вокзале, где устроена часовня Серафимо-Дивеевского монастыря, заведующей Прасковье Дмитриевне Арванатаки следующее: «Прихожу к моему знакомому лютеранину, и он в отчаянии, что сын его болен раздражением мозга, и доктор сказал, что больной безнадежен. Видя неутешимую скорбь отца, я говорю: “Хочешь ли, чтобы сын был здоров? Веришь ли о. Серафиму?” “Хочу, чтобы он был здоров, и верую!” — ответил отец. “В таком случае вот образ о. Серафима, и надень на сына” Он взял, надел, и сын его выздоровел. Вот уже три года он не снимает образа с сына и не отдает мне».

Крестьянин Василий Яковлев Шабаршев, проживавший в Тамбовской губ. Шацкого уезда в с. Белоречье, писал 27 сентября 1875 года: «В прошлом апреле сего 1875 года родная дочь моя Татьяна, имея себе от роду 9 лет, сделалась больна трясеньем головы и дерганьем рук и ног и качанием всем корпусом, даже плохо говорила и кормилась из материнских рук. Я отправил в Саровскую пустынь жену свою Татьяну Александровну и эту дочь болящую, тоже Татьяну, помолиться

и попросить о таких скорбях Бога и угодника Божия Серафима. Они были 26 июня месяца в Предтеченской церкви у утрени и обедни и в Дивеевом монастыре тоже у утрени и обедни, а после ходили купаться в колодезь Саровской пустыни, служили в келье угодника Божия Серафима панихиду и ходили по пещерам и просили об исцелении дочери моей Татьяны. Потом, взявши воды из колодца, отправились ко двору в село Белоречье; дочь моя Татьяна начала говорить и своими руками есть, и так дня через три совсем выздоровела».

24 октября 1847 года было получено письмо от нижегородской помещицы Екатерины Дмитриевны Каратаевой, в котором она убедительно просит прислать из лампадки от образа о. Серафима чудотворного масла, привезенного с собой из Дивеева княгинею Чегодаевой и данного болящей двоюродной сестре Каратаевой, у которой был сильнейший ревматизм. Никто ничем не мог излечить его, а он прошел от помазания маслом из лампады о. Серафима, что горит пред изображением его в келье у игумении Марии.

Княгиня Анна Степановна Кугушева, помещица Нижегородской губернии, писала игумении Марии следующее: «Вы не можете себе представить, какое страдание я выносила: ухо мое и челюсть до того разболелись, что я не спала ночь и не могла уложить голову, чтобы успокоиться; одно благодетельное средство, это — полотенчико батюшки Серафима; едва уложу его на больное место, как успокоится боль, и я засну».

Вот что писал также игумении Марии генерал Николай Степанович Волков: «Дивен Бог во святых Своих! 17 числа сего месяца в семье совершилось по молитвам батюшки о. Серафима чудное по мгновению своему исцеление трехлетней внучки моей Ольги, которая, будучи весела и играя, вдруг впала в изнеможение, глаза ее помутились, она смотрела дико, как умалишенная, руки ее были сведены, и на делаемые ей вопросы, по отнятию языка, не могла отвечать. Мать ее тотчас вложила в рот больной маленький кусочек просфоры, но она не могла съесть ее, и как вложила, так и оставалась во рту. Видя безнадежность и боясь, потеряв полтора месяца тому назад пятилетнего сына, лишиться и последней дочери, прибежала ко мне в слезах растерянная и как сумасшедшая, прося меня дать ей чего-нибудь святого. Я немедленно велел

принести водицу из источника о. Серафима и полученные мною от вас в память его раздаваемые сухарики, дал моей больной, которая, сделав глотка три водицы, тотчас пришла в себя и стала говорить, а когда съела три размоченные сухарика в этой же воде, то глаза и руки приняли свой настоящий вид, и она начала смеяться и играть и по сие время здорова».

В 1879 году 28 мая жена мещанина Пензенской губ. г. Ломова Наталья Ивановна Соколова отправилась с тремя товарками на богомолье в Саров и Дивеевский монастырь. Двое суток они шли под сильным дождем до г. Темникова, где в женском монастыре отстояли обедню. Во время обедни Наталья Ивановна вдруг упала без чувств, и когда пришла в себя, то сказала, что ей сильно ударило в голову. Товарки хотели ее оставить в Темникове и идти в Саров, но больная упросила их нанять лошадь и вести ее в Саров. 25 числа привезли ее в Саров недвижимую никаким членом; в Сарове она пролежала трое суток, и в субботу вечером ее приобщили Св. Тайн. В воскресенье после ранней обедни она попросила товарок повести ее на источник батюшки о. Серафима. Двое едва ее подняли с постели и довели до источника; там она попросила облить водой ей голову из кувшина, и когда это сделали, то она почувствовала себя лучше, освежилась и попросила подвести ее под желоб, где она с отдыхом несколько раз обливалась. Они пробыли на источнике с ранней обедни и до вечерни, а вернувшись домой, подкрепились пищей и в самый звон к вечерни отправились пешком в Дивеевскую обитель. В Дивееве они прожили одни сутки. Наталья Ивановна свиделась тут со своей родной теткой М. Т., которую еще и не знала. С радостью рассказала она о своем исцелении.

Евдокия Филипповна Кочелаевская, старица Дивеевской общины, получила исцеление от батюшки Серафима еще при начальнице Екатерине Васильевне Ладыженской. Исполняя послушание на огороде, она как-то оскользнулась, упала в глубокий погреб и сильно ударилась боком о кадки, между которыми ее нашли без всяких чувств. Ее вытащили с большим трудом, она была как мертвая и пролежала в келье две недели. Посылали в Елизарьево за фельдшером, он пустил ей кровь, ставил банки, но пользы не было. Затем ее перевезли в больницу; по дороге она все кричала от каждого толчка, так как у нее было погнуто ребро. Можно себе представить, какая это

была боль! Когда ее поднимали или переворачивали на кровати четыре сестры, то она ужасно кричала, и с ней делались обмороки. И так с первой недели поста она страдала до Страстной, когда в четверг всех больных приобщил о. Василий Садовский. После обеда все они легли отдохнуть. Кровать Евдокии Филипповны была прямо к двери, а рядом с нею у окна лежала больная Вера, которая нередко говаривала Евдокии, чтобы она призывала в молитвах батюшку Серафима. «Так, – рассказывала Евдокия, – я часто и призывала его, говоря: "Батюшка Серафим, помоги мне!" Как я только заснула после причастия, вижу: входит батюшка Серафим в полумантии и с палочкой (как изображают на картинах). Я закричала: "Батюшка Серафим, как я страдаю, помоги мне, у меня болит очень бок!" Он ответил: "Вот я и пришел к вам убогим! Принес тебе пластырь и обязание" (слова из молитвы после 9 кафизмы). Сел он у меня на кровати и так крепко сжал мне бок, что я проснулась и долго чувствовала, точно у меня именно как пластырь лежал на боку месяца три. Проснулась, а батюшки уж нет, а я его видела точно наяву. Чувствуя, что боль затихла, я попробовала повернуться сама; могла без боли шевелиться, тогда как меня четыре сестры поднимали, и я кричала. Верочка проснулась и говорит: "Видно, я крепко уснула и не слыхала, как тебя ворочали!" Я отвечаю, что я повернулась и села на кровати сама. Она удивилась, но я ничего ей не сказала, а после уже секретно передала все нашей старшей. Когда на Пасху приехала к нам в больницу матушка начальница Екатерина Васильевна со всеми больными христосоваться и ко мне подошла, тогда наша старшая рассказала, как батюшка Серафим меня исцелил; она этим уже утешилась и все у себя записала».

Достопочтенная сестра обители Варвара Александровна Карамзина записала 24 февраля 1885 года следующее.

«Сегодня меня Бог сподобил приобщиться Святых Таин, и я была утешена в этот важный и радостный для меня день известием, что к одной из наших больных (Карамзина начальствовала в больнице) пришли из Воронежской губ. два брата, приобщились также, и один из них получил исцеление от батюшки Серафима, а потому и пришел сюда по обещанию, тем более что имел здесь больную сестру Ирину Иларионовну и племянницу Машу в живописном корпусе. Я пожелала их

видеть и лично расспросить об исцелении. У Артемия было давно желание побывать в Сарове и в Дивееве, но все домашние дела и заботы его отвлекали; наконец в сентябре прошедшего 1884 года он сильно заболел и был близок к смерти, и все родные приходили к нему уже прощаться. Как только он мысленно в молитвах призвал батюшку Серафима и дал обещание идти, если выздоровеет, непременно в Саров, ему сделалось лучше, он выздоровел, собрался в путь, но родные и домашние восстали, говоря: "Как ты уходишь, когда сын у тебя на призыве? Подожди хотя, чем дело твое кончится, пойдет ли он в солдаты, или останется?" Так он и остался, сын не пошел в солдаты, и Артемий в январе месяце снова заболел еще сильнее, так что не было уже никакой надежды на выздоровление. "Я опять повторил свой обет, – рассказывал он, – думая, что уж никакие дела не остановят, и как только поправлюсь, то пойду в Дивеево. Видно, за молитвы батюшки Серафима Господь вторично исцелил меня. Но опять то же восстание! «Как, – говорят, – пойдешь один в такую даль, да как оставишь домашние дела?» Я ответил, что если бы я умер, ведь дела бы ваши шли и без меня! (Они кузнецы были.) Жена у меня хворает, вот уже лет 13 как у нее нога в ранах, долго мы это скрывали от домашних, чтобы они не помнили чего. Я уже пролечил на нее рублей семьдесят, а все пользы нет. Говорю ей: да оставь ты это лечение, отдай себя в волю Божию! Лучше обещай сходить в Саров к батюшке Серафиму, и пойдем вместе. Она отвечает: «Да я молюсь батюшке Серафиму, а все лучше нет». Я ей отвечаю: «Да это потому, Мария, что вера-то у тебя холодная, как бы ты с горячей верой молилась, поверь, что получила бы исцеление». Как-то мы с женой были в соседнем селе на празднике у родных. Возвращаясь домой, Мария говорит: «Что это, Артюша, нога-то у меня точно горит, никогда этого не было!» Как приехали, я снял с нее сапог, – а нарочно заказывал очень широкий, – оказалось, он полон крови, и не менее, я думаю, пяти чашек вылилось чистой крови. Она словно мертвая покатилась, мы все напугались: опомнится на мгновенье да и снова покатится... Значит, с ней делались обмороки. Мы ее приобщили, пособоровали; я уж так и думал, что она умирает... А что же? После того как кровь, видно дурная, вся стекла, ей стало лучше да лучше, раны на ноге стали затягиваться и нога заживать. Идти зимою она, конечно,

побоялась, а я уже после этого решился не откладывать своего обещания и идти один. На мое счастье, видно уже Бог внушил старшему брату идти со мною" "И сам дивлюсь, – говорит Григорий, – до того мне никогда и мысль не приходила идти в Саров, и сами дивимся, как наши жены и дети никто ни слова, словно с такою любовью нас провожают!" Далее Артемий предполагал весной опять прийти с женой, да еще с родственницей, которая тоже получила исцеление в Сарове на источнике батюшки Серафима. У нее болела рука в кисти: была большая рана».

Одна странница сообщила следующее чудо. «Есть у меня, – говорила она, – сын, и единственный; пил он ужасно, и горе мне было страшное: такое горе, что и рассказать не умею. Что ни делала я с ним, ничто не брало, ничем не могла отвадить от вина. Слыхала я о батюшке Серафиме, кой-как насилу достала бумажный образочек его, картинку, повесила его у себя и стала ему постоянно и сердечно молиться: "Батюшка, отвади сына моего пить!" Вот раз сижу я, и вдруг вбегает ко мне сын-то, лица на нем нет, весь трясется, я, надо, перепугалась... Что ты, говорю, что ты?! "Маменька, – говорит, – прости мне, Христа ради, никогда пить не буду, капли вина в рот не возьму! Сейчас я хотел напиться, вдруг вижу: старик-то с палкой, что у тебя повешен в рамке, зашевелился, стал больше да больше и совсем вышел из рамки живой, подошел ко мне суровый да грозный такой, поднял на меня дубину и говорит: Перестань мать огорчать и не смей более пить вина!" Так вот, родимая, с тех самых пор Бог хранит: вылечился сын-то и капли в рот вина не берет. Вон он какой милостивец у вас батюшка!»

Родственница игумении Марии, помещица Нижегородской губернии Лукояновского уезда, Александра Николаевна Юферова (в замужестве Ленина), случайно узнав о том, что Елисавета Алексеевна Ушакова – игуменья в Дивееве, поехала навестить ее и ознакомилась с монастырем. Тут она выслушала рассказ о канавке батюшки Серафима, и что этим местом шла Сама Царица Небесная, пожелала тоже прогуляться по ней и сорвать травку, которая целебна от всех болезней. Прошло много времени, и Александра Николаевна забыла о дивеевской травке, как вдруг сделалась больна. Страшный нарыв на нёбе грозил задушить ее, и выписанный превосходный доктор из имения гр. Кочубея, Иван Дмитриевич Соло-

мон, осмотрев больную, сказал, что пока будет назревать нарыв, она промучается две недели и не ручается, что нарыв этот назреет, а скорее задушит больную. Когда доктор уехал, Александра Николаевна предалась отчаянию, как вдруг спасительный луч света озарил ее: она вспомнила дивеевскую травку. Нашли ее и подали ей. Больная раскрыла рот, насколько то было возможно, чтобы хотя самая малость попала этой травки... Помяв во рту лепесток, она заснула и проспала 20 часов, к ужасу окружающих. На другой день она встала с постели радостно, покойно, и нарыва как бы и не бывало в горле. Приехавший доктор Соломон так удивился, что, когда узнал причину, несмотря на то, что был лютеранин, воскликнул, перекрестившись: «Ну так воистину велик же ваш Серафим!» Вследствие этого Соломон сам поехал в Саров и Дивеево.

Протоиерей Благовещенского собора г. Арзамаса Феодор Светозарский писал монахине матери П. Д. Арванитаки: «Со второй недели минувшего поста постигло меня посещение Божие тяжкою простудой, от которой возникла нестерпимая боль внутри, на четвертой неделе усилилась до такой степени, что ожидал себе конца, но Предстательница теплая, Небесная Царица вместе с праведником о. Серафимом, умолили о мне сладчайшего Иисуса Христа пожить на земном поприще для улучшения моей настоящей ветхой жизни сей. С 16 марта на 17 часу в первом пополуночи сам предстал угодник Божий видимо пред мою кровать и на коленочках питал меня какою-то сладкою пищей, вроде пирожков, с тарелочки подавал мне с вилочки, приказал мне сейчас же читать акафист Божией Матери, который я знаю изустно; я читал твердо, а о. Серафим продолжал свое дело меня кормить и вдруг исчез, после чего в один момент болезнь во мне уничтожилась. С Великой Субботы свободно служил и всю Св. Пасху, теперь милостию Божией стал здоров. 26 апреля 1873 года».

Болящая монахиня Мелетина сообщила о бывшем видении с нею. «В 1867 году зимою, – говорила она, – не припомню в какой день, явился ко мне светлый юноша и говорит: "Следуй за мной!" Я повиновалась, долго мы шли, подошли к святым воротам, я увидела на них святое изображение Спасителя и Божией Матери во весь рост, сопровождавший юноша приказал мне поклониться и приложиться. Подошли мы этими воротами к дому. Я была поражена блеском и великолепием его;

он был весь хрустальный. Вместе с прекрасным юношей мы прошли домой, вышли в другие ворота, и там оказалась домовая церковь. Я снова была поражена и с трепетом усмотрела огненный престол... Совершалась божественная литургия, дивно пели Херувимскую, и какой-то угодник Божий в блестящей ризе с воздетыми руками предстоял святому престолу и совершал службу. В страхе и умилении я стояла и не имела сил от внутреннего восторга души моей спросить, но наконец, ободрившись, я спрашиваю юношу: "Кто это?" Он отвечает: "Это угодник Божий Серафим!" Я хотела было броситься, до того забылась от радости видеть нашего батюшку в такой славе, но юноша удержал меня, говоря: "Видишь, поют Херувимскую, теперь не время, совершается литургия, а придет время, все увидите его!"

Мы воротились назад тем же путем, прошли опять весь дом, и, когда вышли в ворота обратно, тут же в глазах моих светлый юноша скрылся, я закричала и проснулась».

Балаклавский архимандрит Никон, тот самый, который жил несколько недель летом в Сарове пред окончанием семинарского курса и получил наставление для монашества от о. Серафима, писал 17 декабря 1865 года о всем виденном им в 1827 году и слышанном от великого старца.

«Во второй беседе, — писал о. Никон, — батюшка Серафим сказал: "Я знаю твоего отца, селение ваше и две церкви с колокольнями сгорят, а отцу суждено выстроить новый каменный храм с колокольней и двумя флигелями; к западной стороне будет флигель для бедных, а после вторичного пожара и ему самому придется в одном из них пожить" Все предсказание старца Божия сбылось: селение и церкви Божии сгорели в 1828 году, а в 40-х годах был вторичный пожар, в котором сгорел дом родителя моего, Колабеевского протоиерея, и он вынужден был долгое время проживать в выстроенном флигеле церковном. "Да у тебя есть двоюродный брат?" — спросил о. Серафим. Я отвечал: "Есть. Он учится в академии" "Он родился с мешком, он будет солить да солить до самой своей смерти!" Это предсказание относилось к Филарету Черниговскому. "У тебя есть больная племянница с тобою, приведи ее завтра ко мне". На другой день я взял с собою племянницу, девицу 14 лет, ввел ее в келью о. Серафима, и он взял сосудец с елеем, помазал у нее чело, глаза, уши, руки, говоря: "Помазу-

ется раба Божия монахиня" Сия девица пострижена в монахини в Тамбовском девичьем монастыре. "Прощай, через 9 дней приходи ко мне!" Это время было для меня скорбное, потому что напали богохульные мысли, так что нельзя было войти в церковь; хотел было уйти из пустыни, да держал меня иеромонах Иларион, говоря: "Старец знает, что делает!" По истечении 9 дней, измученный прилогами вражьими, я едва мог войти в сени, и, подойдя к его келье, не успел сотворить молитву, как о. Серафим отворил дверь, упал ко мне в ноги, говоря: "Прости меня за искушение, коим ты страдал; оно для того, чтобы ты знал, что таковые скорби будешь иметь, поступя в монахи, но не унывай!" После сего, надев епитрахиль, исповедал меня и приказал у поздней литургии приобщиться Св. Таин, а по принятии их тотчас все темное удалилось от меня во тьму. В третьей прощальной беседе о. Серафим изволил говорить: "Как пойдешь в монахи, то придется тебе качать с матерней колыбельки, со своей епархии, а потом уже тебя махнут в дальнюю сторону; но не унывай, а с веселым духом пой: Господня земля и исполнение ея!"

Проживя три недели, я имел случай заметить в о. Серафиме необыкновенную прозорливость. Один нижегородский чиновник, в чине генерала, с семейством приехал принять благословение от старца. Несколько раз, бывши у двери, он не был впущен, несмотря на то, что семейство его было принято, а он сам только через дверь слышал голос и слова о. Серафима: "Меня дома нет, мне не время!" Чиновник, удивляясь словам и не понимая их, усердно желал разъяснения. Видя же, что я часто хожу к нему, просил меня идти с ним вместе, и когда мы сотворили молитву, то о. Серафим отворил нам двери и принял чиновника радушно и на его слова, что я был 5 раз и не удостоился принять благословения, о. Серафим сказал: "Вот почему я вас не принял; я говорил вам через двери, что ваши-то люди говорят приходящим к вам по нуждам своим: «Барина дома нет, ему не время!» Ведь этим отказом прогневляя ближних, вы прогневляете Самого Бога!" Генерал, приняв наставление, с христианским смирением поклонился ему в ноги и обещался впредь никогда сего не допускать».

Напечатать выдержки из всех писем, рассказов и сообщений об излечениях водой из источника о. Серафима, молитвами к праведному старцу и от прикосновения к вещам его и т. д.

не представляется возможным. Чудеса по молитвам о. Серафима и по вере в его предстательство совершаются постоянно по всей России. В доме ученика и любимца о. Серафима Михаила Васильевича Мантурова неоднократно видели дети и взрослые приходящего батюшку Серафима, что свидетельствовала Анна Михайловна Мантурова.

С годами обитель лишалась и дивных стариц батюшки Серафима. Первая начальница мельничной обители Прасковья Степановна перед смертью попросила к себе игуменью Марию и передала ей *парамонт* о. Серафима, говоря, что батюшка Серафим приказал хранить его до смерти, а когда будет умирать, то отдать от его имени «первой у вас игумении!» Предсказание это сбылось. Она скончалась 16 апреля 1868 года.

Благодатная старица Евдокия Ефремовна, в монашестве мать Евпраксия, скрывавшая при жизни от сестер, по своему смирению, что она была у батюшки Серафима в 1831 году, когда явилась ему Царица Небесная с 12 девами и св. апостолами, умерла в 1865 году 28 марта.

Наконец, всеми горячо любимый духовник обители и ученик Серафимов протоиерей о. Василий Садовский скончался в 1884 году 14 июня.

Глава XXX

Жизнь блаженной Пелагеи Ивановны после водворения порядка в Дивеевской обители. (Тверь, изд. 1891 г.)

Все шесть месяцев, в продолжение которых начальствовала Лукерья Васильевна, блаженная Пелагея Ивановна все ломала, била и воевала. Кроме назаровского котенка, она убила и своего. Анна Герасимовна рассказывала так:

«"Что это, – говорю, – Пелагея Ивановна, будет тебе! Все-то бьешь да убиваешь; кажется, сама кошек-то любила, а тут, глядькось, другого котенка уж убиваешь. Как это не жалко тебе? – говорю. – Ведь тварь чем же виновата!"

"Так-то так, батюшка, – отвечает, – да что же делать-то, когда так надо". Вот тебе и толкуй с ними, с блаженными-то.

Гляжу раз: бежит откуда-то и несет прехорошенького котенка; где взяла, уж и не знаю. Принесла она его да в передний-то угол на лавку и посадила: гладит да приговаривает: "Ну вот, двух я убила, а ты уж теперь поживи и у меня" "Ну, говорю, – одного убила, да еще мало, и другого; а теперь своего принесла; пусть же этот вот и живет".

К вечеру, слышу, приехал к нам Тамбовский архимандрит (неправильное-то Нектарьевское дело в Святейший Синод поступило, временно, вишь, и перевели нас к тамбовскому архиерею) Иоаким для того, чтобы матушку-то Елисавету Алексеевну, не по Божьему-то у нас отнятую, нам возвратить и опять поставить начальницей; тут-то уж и поняла я все ее проделки. Вот почему котенка-то сама принесла. Эх, Пелагея Ивановна, Пелагея Ивановна! И чудна только она была.

Ну, с тех вот пор, как возвратили нам матушку-то Елисавету Алексеевну, все по-прежнему стало у нас покойно; перестала озорничать и моя Пелагея Ивановна. Вместо камней да палок с матушкиного игуменства цветы полюбила; цветами заниматься стала. Сидит ли, ходит ли, сама, знай, их перебирает; и сколько, бывало, ей нанесут их! Целые пуки. Всю-то келью затравнят ими. Тут вот она и бегать почти перестала; все больше в келье, бывало, сидит. Любимое ее место было на самом-то на ходу, между трех дверей, на полу, на войлочке у печки. Повесила тут батюшки Серафима портрет да матушкин; с ними, бывало, все и ночью-то разговоры ведет да цветов им дает.

Спать она почти не спала; разве так, сидя тут же или лежа, немного задремлет; а ночью, случалось, посмотришь, ее уж и нет; уйдет, бывало, и стоит где-нибудь в обители, невзирая ни на дождь, ни на стужу, обратясь к востоку; полагать надо — молится. Больна никогда не бывала. Раз только за три года до смерти вот этак-то ночью ушла она. Я нездорова была; Маша стирать в лес ушла, а буран страшнейший ревет. Слышу я, бьет десять, одиннадцать, двенадцать часов; наконец, — час; а ее все нету.

“Полинька, — говорю, — ты бы сходила посмотрела Пелагею-то Ивановну, с четырех часов нет, а на дворе-то что? Ведь, пожалуй, убьет”. Взяла фонарь Поля — задувает; так впотемках-то и вышла. Искала, кричала, не нашла. Ну-ка, взбудоражили всех. А как есть, зги не видать: Пелагеи Ивановны нет как нет. “Ступайте, — говорю, — по ямам” — и там нет. “Идите, — говорю, — в мир, ищите и там уж ее”. Пять часов утра. “Господи! — говорю. — Что же это!” Часов этак в шесть пошла Маша в обитель, глядит: покажись ей, будто Пелагеи Ивановны рубашка-то на грядках против собора белеет, подошла Маша, а она сидит в грядках-то, не шелохнет; уж совсем почти замерзла, и так-то Маше обрадовалась, так к ней и прижалась. Вишь, в грядки-то как залезла она мокрая, ветер-то и сшиб ее, повалившись, она села, выбившись из старых немощных-то сил, сарафан-то тем временем примерз к земле, ей и не выбиться. Скричала Маша сестер, принесли ее на руках, положили, напоили чаем с вином, стала отходить понемножку и рассмеялась. “Разве, — говорит, — вам меня жаль?”

“Жаль не жаль, — говорю, — а какой бы выговор-то я приня-

ла". – "Да вот я, Симеон (последнее-то время все Симеоном меня звала), заплуталась; дороги-то не нашла; меня сшибло, я путь-то уж совсем потеряла"

Я-то ворчу, знаешь; а самой вот как ее жаль, и сказать не сумею, отвернулась да заплакала. Увидела она это да сестрам-то и показывает. "Ох, пес какой батюшка-то; говорит *«не жаль»*, а смотрите-ка, плачет". На силу-то на силу мы тогда ее отходили. Судите сами, старухе ночью девять часов кряду на страшнейшем буране, чуть не хуже зимы, просидеть в одном сарафанишке с рубашкою, как не умерла – диво! Вот лишь с тех-то пор стала она чулки надевать и до самой смерти никуда уж из кельи не выходила.

Дар слез был у Пелагеи Ивановны замечательный, но прежде она плакала более тайком, скрытно. Помню, раз схватилась я ее, уж очень долго ее не было, искали, искали, нигде не нашли. Пошла я в поле и вижу: сидит она у кирпичных сараев и так-то горько плачет – словно река льется. Надорвалось даже у меня сердце, на нее глядя. "Ох, – думаю, – что это как она плачет! Уж не побил ли кто ее!" Так думаю с малого-то моего разума, глупого, а она, моя голубушка, мне и говорит: "Нет, батюшка, это я так; надо мне уж так-то плакать, вот я и плачу" А года вот за четыре до смерти своей, как слышно стало, что у нас творится на Руси, какие пакости да беззакония, то уж как она, сердечная, бывало, плакала-то; уж и не скрывалась; и почти не переставала плакать. Глаза даже у ней загноились и заболели от этих слез.

"Что это значит, матушка, – говорю я, – что ты все так страшно плачешь?"

"Эх, Симеон, – говорит она, – если бы ты знала это, весь бы свет теперь заставила плакать"

А как она была покорна и послушлива, скажу вам! Настоящих послушниц не найдешь таких, даром, что *блаженная*. Как привели ее к нам, она хоть и бегала, а всегда, бывало, сказывалась. А прошлою вот осенью, незадолго до смерти, стала Поля на ней сарафан переменять: она и заупрямься – и ее бить. Поля мне и сказала. "Да ты что же это, – говорю, – озоруешь!" И ударила ее платком по спине. Она так и затряслась, так было ко мне и бросилась. "Маменька, – говорит, – ты меня за что, за что бьешь? За что бьешь?"

"За Полю, – говорю, – ты ее заколотила"

“Да ведь я за дело, – говорит. – Ну да что же? Прости меня Христа ради”. И так-то хорошо поклонилась мне в ноги.

Бывшая в то время монахиня Есфирь крайне удивилась. “Вот, – говорит, – матушка-то Пелагея Ивановна как смирению-то учит нас! Какая послушная”

“Ох, говорю, матушка, это точно. Вот первые-то лет десять как она, моя голубушка, меня слушалась. Поглядели бы вы”

“Уж и десять лет... А как побольше...” – улыбаясь, сказала Пелагея Ивановна.

“Кто же это знает, – говорю, – может, и больше. Уж не помню”

“Нет, уж другой Палашки у вас не будет; вам другой такой не найти”, – задумавшись, ответила она.

В прежнее-то время у нас не было послушницы, одни жили. Придет, бывало, летняя поря, все на работу уйдут. Вот, бывало, и за нею-то гляди, и стряпай, и все прибирай; а положен еще, кроме того, всякой из нас свой урок. Свитку принесет монахиня Александра, ее обязательно надо сшить в положенный срок; вот, бывало, вижу: мне некогда, сила не берет. И скажу ей, как есть умному человеку: “Матушка, Господа ради, пособи мне, мне недосуг, а спрашивают, слышишь: к сроку надо”. И подвяжет она фартучек, наденет наперсточек, не говоря ни слова. Гляжу: шьет хорошенько. Уж такая-то послушная была! В другой же раз, если, забывшись, оставлю я свитку, она нарочно так-то напутает, что и распутать невозможно. Однажды таким-то вот родом все так перепутала, что и поправить было нельзя. И бежит к нам мать-то Александра, выговаривает. “Так, – говорит, – нельзя, знаете, что нужно, а портите. Что это, глядите; Господи, помилуй. Как это можно так шить!”

“Не меня, – говорю, – вини, вон дура-то сидит, на ней, – говорю, – взыскивай”.

И так мне что-то это пришлось больно, что вот, каюсь вам, согрешила, по голове-то этой самой свиткой ее и ударила. Она и не тряхнулась. “Что ж, – говорит, глядя на мать Александру, – что на мне возьмешь? Я безумная”

Нитки даже пряла у меня она, и по своей охоте. “Дай-ка, – скажет, – мне, батюшка, гребень-то, я попряду”. Подам я гребень: ну и сидит да прядет с лучиною; свечей и ламп тогда и в заводе-то не было... Напрядет толстых ниток; у меня Ладыженские, бывало, и разберут.

Что и говорить? Воевать по-своему, по-блаженному, воевала, а уж терпелива и смиренна была, удивляться лишь надо. Бывало, таракашку зря ни сама не тронет, ни другим не даст. Не только кого обидеть; на ногу наступят, бывало, ей, раздавят вовсе, да еще стоят на ней, а она не пикнет, лишь поморщится только. Волосы даже раз загорелись от неосторожности на ней, и тут молчит. И как хочешь, бывало, ее унижай, поноси, ругай ее в лицо, она еще рада, улыбается. "Я ведь, – говорит, – вовсе без ума – дура". А кто должную лишь честь воздаст ей за ее прозорливость да назовет ее, бывало, святой или праведницей, пуще всего растревожится. Не терпела почета; а, напротив, поношение любила больше всего.

Никогда ничего ни у кого Пелагея Ивановна не искала, не просила и не брала, она была совершеннейшим образом нестяжательна, оттого у ней ничего своего и не было, кроме двух столовых серебряных ложек, да и те матушке нашей отдала. Я расскажу вам, как это было. За свое-то добро на семейных скорбела, раз вот и говорит матери: "Ведь Палага-то безумная, куда хотят, и мытарят серебро-то ее". А мать, услышавши это и зная ее прозорливость за последнее-то время, боялась ее и привезла ей эти две ложки.

– А что ж мой жемчуг не привезла? – спросила Пелагея Ивановна.

– Я его внучке Наде отдала, – отвечала Прасковья Ивановна.

– Напрасно, – говорит, – я и сама бы нашла, куда его поместить-то.

После этого пришла как-то матушкина келейница, орловская Катя. Пелагея Ивановна, не говоря никому, взяла одну из этих ложек, сунула ей в колени и говорит: "Отдай матушке" А спустя немного времени и говорит мне: "Симеон, а Симеон! Мы с тобой люди-то кой-какие, к чему нам это?" И подает мне другую-то ложку. "Отошли, – говорит, – матушке" Так из всего ее добра единственно уцелевшие и ей доставшиеся эти две столовые серебряные ложки находятся теперь у матушки.

В другой раз, вскоре после смерти деверя ее, приезжает к нам брат ее. Как всегда все вперед зная, перед самым приездом его Пелагея Ивановна села прясть; сидит и прядет. "Ах, – говорит он, – вот так хорошо – от пера да за прялку". Присрамить захотел.

— Что же? — отвечает она. — Ведь мы люди бедные, богатым до нас нет и дела, они нас знать не хотят, делятся, а нас даже и не спросят.

— Это что значит? — говорит брат.

Ан и вышло, что значило; недовольна была она и выговаривала очень, зачем в здешнюю-то обитель менее на помин дали. И вот так-то часто она им выговаривала за свои-то вещи да за свою обитель. А то, что дадут, то и ест, что наденут, то и носит, а ничего не дадут, даже и не просит.

Все она и пила, и ела, и носила, что подавали ей ее почитатели ради Христовой милостыни. Из платья кто что принесет, сама не брала, бывало, мне подадут сарафан ли, рубашку ли, или платок. Мы, бывало, на нее и наденем, да и то не всегда дается надеть-то, а как ей Бог велит. Гостинцев каких принесут: конфет, пряников или просфору, она не от всякого возьмет. А что уж возьмет, то *в свою житницу*, — так мы прозвали ее пазуху, — положит. И была у ней эта житница словно большущий какой мешок, за шею привязанный; так, бывало, будто с целым мешком и ходит везде. И Боже упаси, как тревожится: не коснись никто этой житницы!

В последние-то годы ей приносили все из матушкиных комнат, очень любила она эту матушкину пищу и называла ее *своею* да *Божией*. "Царица Небесная, — говорила, — мне это прислала". А то: "Ну-ка, подай-ка мне — там есть моя-то пища". Бывало, не ест другой-то: своей дожидается. И страшно растревожится, если что из принесенной этой пищи кто тронет.

Денег ни от кого никогда не брала. Так, раз одна бедная барышня была у ней, Пелагея Ивановна страх как хорошо приняла ее. Полагая, как всегда мирские-то люди думают, что надобно что-нибудь дать блаженной, она подала ей рубль медными деньгами. "Оставь, — заговорила Пелагея Ивановна, — у тебя у самой это последнее". Как бы вы думали? Ведь и вышла правда, последний ведь рубль был в кармане у барышни-то, хоть и хорошо была одета она.

Никого ничем никогда она не отличала, ругал ли кто ее, ласкался ли кто к ней — для нее все были равны. Всякому говорила она лишь то, что по их, по блаженному-то, Сам Господь укажет и кому что надо было для душевного спасения: одного ласкает, другого бранит, кому улыбается, от кого отворачивается, с одним плачет, а с другим вздыхает, кого приютит,

а кого отгонит, а с иным, хоть весь день просиди, ни полслова не скажет, точно будто и не видит. С раннего утра и до поздней ночи, бывало, нет нам покоя, так совсем замотают: кто о солдатстве, кто о пропаже, кто о женитьбе, кто о горе, кто о смерти, кто о болезни и скота, и людей – всяк со своими горями и скорбями, со своей сухотой и заботой идет к ней, бывало, ни на что без нее не решаясь. Сестры, у кого лишь чуть что, все к ней же летят; почтой, бывало, и то все ее же спрашивают. Как есть, нет отбою. И все говорят: что она им скажет, так все и случится; сам, значит, уже Бог так, людям на пользу, жить указал. Как же их погонишь-то?! И ее прогневать не хочется, да и Бога-то боишься. Бывало, с утра и до поздней ночи и тормошишься; иной раз как тошно, а терпишь да молчишь – делать нечего. Старух и молодых, простых и важных, начальников и неначальников, никого у ней не было; а все безразличны. Любить особенно, Бог ее ведает, любила ли кого, я не заметила. Меня любила, кажется, да и то как-то по-своему. Раз, например, отпустила я жать Полю, одна и осталась. Пелагея Ивановна у меня убежала, а я заболела, да и не мало, вовсе свалилась; так другой день и лежу. Прибежала она и говорит: "Что это вы, батюшка?"

"Да. Вот теперь, – говорю, – *батюшка!* Батюшка-то, небось, пять раз на день в караулку-то да в поле за тобой бегает! А вот как батюшка-то другой день болен лежит, так ты и не заглянешь, не навестишь его! Не подойдешь сказать: не хочешь ли, батюшка, испить или чего..." Глядит, слушает молча; нагнулась, поцеловала меня в лоб и ушла. Уж не знаю, спросила ли у кого, или кто ей дал, только приходит это вскоре, в одной руке белый хлеб несет, в другой зачерпнула в этом старинном котле (уж лет 50 ему, что под лавкой у нас нарочно для того и стоит) воды ковшиком, да ко мне и подходит.

– Не хочешь ли поесть-то, батюшка? Вот и водичка; на-ка попей.

А еще захворала я, тоже лежу; она и бежит, увидала:

– Знать ты, батюшка, хвораешь.

– Да, хвораю.

– Ах, кормилец ты мой! Что это у тебя? Голова, что ли, болит?

Схватила в охапку меня на руки и тащит на двор.

– Что ты, – говорю, – безумная, выдумала? Оставь! Поля, – кричу, – не давай ей.

А она, знай, свое: вытащила меня на воздух, села да на коленках-то меня и держит, качает да, дуя в лицо, целует меня и приговаривает: "Ох, батюшка! Экой ты у меня плохой!"

Именинница я, знаете, на Симеона и Анны; вот последние-то годы все звала она меня Симеоном, и всегда по-разному. Как, бывало, назовет, я уже и знаю – ласкает или за что бранит и сердится, привыкла, знаете, к этому. Когда была довольна, все "Симеон" да "Симеон-батюшка", а как сердита, ни за что так не скажет, а все "Семка" да "Семка". А растревожусь, растревожусь я, бывало, и начну кому выговаривать что, она сейчас возьмет меня за руку, гладит руку-то, в глаза так и глядит, так и ласкается. "Ведь ты у меня Симеон Богоприимец, батюшка; ведь он так прямо на ручки-то Господа и принял; да был хороший да кроткий такой. И тебе так-то надо".

По всему вот по этому-то и думаю я, что она любила меня. Ульяну Григорьевну покойную вот тоже любила она; даже плакала, как хоронить ее понесли.

Еще матушку нашу Марию она очень любила, и редкий-то день, бывало, не вспомнит о ней. И с портретом ее целыми часами разговаривает, и всякой-то от нее посланной обрадуется, и все "Машенька да Машенька", другого названия и не было. И как ей все было известно: и заботы, и нужды обители, и как им, начальницам-то, трудно. Все, бывало, о ней вздыхает да охает. "Машеньку-то мне жаль! Бедная Машенька!" Так что если в обители или у матушки неприятности какой быть, ходит моя Пелагея Ивановна, и не подходи к ней, растревоженная, расстроенная, ничем в ту пору ей не угодишь. "Машеньке-то, поди, как трудно; никто ее не жалеет", – скажет она, ну, уж и знай, что уже что-нибудь да неладно.

Обитель она очень хранила, называя всех в ней *своими дочками*. И точно, была она для обители *матерью*; ничего без нее здесь и не делалось. В послушание ли кого посылать, принять ли кого в обитель, или выслать – ничего без ее благословения матушка не делала. Что Пелагея Ивановна скажет, то свято, так тому уже и быть. И как, бывало, она скажет, так все и случится. Раз приходит к нам которая-то из наших сборщиц, сидит вот да и ропщет: "Батюшка-то Серафим, слышь, предсказывал, говорят, что чрез омет нам деньги-то бросать будут, только возьмите. А уж где же бросают-то?!" – Вздохнет да охнет. "Так-то просить, ничем не выпросишь". Пелагея Ива-

новна и говорит ей: “У Бога милости много; а нашу обитель, знай, Он никогда не оставит”.

А ныне вот осенью, как покража-то у нас в трапезе случилась, и приказано было все запереть да построже держать; вот и затолковали у нас: “Бойтесь пожара, подожгут” Я слышу да сестрам-то и говорю: “Вы, сестры, смотрите, не больно крепко спите, нас, говорят все, поджечь собираются”. Пелагея-то Ивановна слушает да и говорит: “Полно! Ложитесь-ка себе да покрепче спите. Обитель наша никогда ничем не повредится; и никогда в ней ничего не случится; потому что те, кому поручено, караулят”. В это самое время, на эти слова ее, караул, поставленный у собора из церковниц, и забил в доску. “И впрямь, – говорю, – слышь: караульщицы-то наши пошли”.

– Эх, Симеон! – перебила она меня. – Ничего-то ты не понимаешь. Да ведь не эти караульщики. Что эти-то?! *Тот* караулит, – говорит, – кому поручено караулить обитель.

Должно быть, разумела старца Серафима.

А вот в 1882 году все затолковали у нас, что скоро мощам быть, я и говорю раз Пелагее-то Ивановне: “Слышишь, что говорят? Мощи будут”

– Будут, – отвечает.

– Скоро ли? – спрашиваю.

– Нет, – говорит, – еще не скоро.

Мне стало досадно.

– А ты-то, – говорю, – почем знаешь?

– Да я-то, – говорит, – хоть и не знаю, а только не скоро.

А вот весною в 1883 году сидит она в чулане у открытого окошка да и говорит мне: “Симеон, да поди-ка ты ко мне, поговорим-ка немножко”.

– Что же, – говорю, – давай поговорим.

Подошла, знаешь, я и села возле нее на лавку.

– Гляди, – говорит, – Симеон! Как хорошо расцвело. – А сама так и трепещет вся, так вот и ликует. А я-то, знаешь, взглянула, вижу, и вправду сирень расцвела, да и говорю: “Матушка, гляди-ка, как хорошо сирень-то расцвела”

– Ох, – говорит, – Симеон! Какая же ты глупенькая! Ничего не понимаешь!

И взяла меня за руку, крепко ее сжала и говорит: “Через шесть-то лет что в обители расцветет!” А сама так вот вся

и трепещет. Тут только я поняла, что она что-то видит, чего нам не видно, и что-то хорошее обители предрекает.

Забегали к Пелагее Ивановне и прочие, бывавшие в обители, блаженные рабы Божии, – такие же, как и она, дурочки, как себя они величали. Раз, например, зашла так всеми называемая *блаженная Паша Саровская*. Она потому и называлась *Саровскою*, что несколько лет спасалась в Саровском лесу. Взошла и молча села возле Пелагеи Ивановны. Долго смотрела на нее Пелагея Ивановна да и говорит: "Да! Вот тебе-то хорошо, нет заботы, как у меня: вон детей-то сколько!" Встала Паша, поклонилась ей низехонько и ушла, не сказавши ни слова в ответ. Спустя много лет после того сестра обители нашей Ксения Кузьминична, старица прежних Серафимовских времен, однажды во время обедни осталась одна с Пелагеей Ивановной и, сидя на лавке у окна, тихонько расчесывала у ней голову, а Пелагея Ивановна спала. Вдруг Пелагея Ивановна вскочила, точно кто ее разбудил, так что старицу Ксению испугала, бросилась к окну, открыла его и, высунувшись наполовину, стала глядеть в даль и на кого-то грозить. "Что такое?" – подумала старица Ксения, подошла к окну поглядеть и видит: отворяется обительская калитка, что у Казанской церкви, и в нее входит блаженная Паша Саровская с узелком за плечами, направляется прямо к Пелагее Ивановне и что-то бормочет про себя. Подойдя ближе и заметив, что Пелагея Ивановна ей что-то таинственно грозит, Паша остановилась и спросила: "Что, матушка, или нейти?"

– Нет, – говорит Пелагея Ивановна.

– Стало быть, рано еще? Не время?

– Да, – подтвердила Пелагея Ивановна.

Молча на это низко поклонилась ей Паша и тотчас же, не заходя в обитель, ушла в ту самую калитку. И после этого года полтора не была у нас.

Вот они, блаженные-то, как разговаривают, поди и понимай их, как хочешь... А они, дурочки-то, все знают, лишь друг на друга только взглянут, все и понимают.

Что же, вы думаете, значили эти таинственные их разговоры? А вот что: лет за шесть до смерти Пелагеи Ивановны явилась к нам опять Паша с какой-то детской куклой, а потом еще немного погодя и со многими куклами; нянчится, бывало, с ними, ухаживает за ними, называя их *детьми*. И стала Паша

по нескольку недель, а потом уж и по нескольку месяцев проживать у нас в обители, где день, где ночь. За год до кончины Пелагеи Ивановны почти весь год прожила у нас. А как скончалась Пелагея Ивановна, то осталась даже и совсем в нашей обители. Была несколько раз она у меня, и я пробовала предложить ей остаться.

— Нет, нельзя, — говорит, — вон маменька-то не велит, — отвечает мне, показывая на портрет Пелагеи Ивановны.

— Что это, — говорю, — я не вижу.

— Да ты-то, — говорит, — не видишь, а я-то вижу, не благословляет.

Так и ушла и поселилась у клиросных в корпусе.

Точно так же хаживали к нам и почитали Пелагею Ивановну и наши блаженные, покойная сестра *Прасковья Семеновна,* тоже еще Серафимовская старица, называвшая ее всегда: *Пелагея Ивановна – второй Серафим;* также покойная же сестра *Прасковья Яковлевна,* называвшая ее маменькой.

А вот когда пред самой смертью пришла к нам в последний раз некая *блаженная Евгения Феофановна,* не из нашей обители, а только бывавшая у нас, тут-то что было! Вот как теперь гляжу и никогда не забуду: приходит она к нам и два узла тащит всяких махров*. "Вот, Герасимовна сухоребрая, — кричит, — никому не верю, а тебе все имение тащу"

— А ты полно дурить-то, — говорит ей Пелагея Ивановна, — лучше о смерти поговорим.

Феофановна-то, услышавши эти слова, как вскочит, подбежала к ней, пала к ногам ее и стала обнимать их. "Ты меня проводи", — говорит; и так-то обе плакали, что жалость была смотреть на них. Через несколько дней — не более — заболела Евгения Феофановна, 4 февраля, стужа была страшная. Уж как и откуда она очутилась, не знаю. Просилась и билась под окном у дьякона Ивана Никитича Садовского, что в приходе родного брата батюшки Василия, — да никто там не впустил ее, зная, как бушует блаженная. Ведь ни угомон, ни закон для них не писан; не всякий терпеть-то их может. Так совсем было она и замерзла; да возле колокольни-то жили Хохловские старик со старухой, те и услыхали ее стоны, сжалились над ней, взяли к себе в избу да мне и сказали. Пришла я, вижу:

---

* *Клочков, тряпок.*

лежит, и жалко мне ее стало... Как быть? На ту самую пору Агафья Лаврентьевна, нашей же обители сестра, говорит мне: "Жалко мне тебя, Герасимовна; будет с тебя и одной; дай-ка я ее к себе возьму". И перенесли мы ее к Агафье-то Лаврентьевне. На другой день Пелагея-то Ивановна мне и говорит: "Поди к Евгении-то, захвати, пока жива" Пошла я, а она лежит, как бы и не было ничего с ней, и все бранится да блажит. "Меня, – говорит, – приедут провожать-то с колоколами" Так и случилось. За батюшкой Васильем приехали с колокольчиками свадьбу венчать, а Евгения-то отходит, он на этих лошадях с колокольчиками и приехал ее приобщать. Тут и умерла она.

И много их хаживало к нам.

С тех пор как Пелагея Ивановна поселилась в обители, она уж никогда и никуда из нее не выходила. Раз я начала упрашивать ее и говорить: "Что бы нам с тобою в Саров-то к батюшке Серафиму сходить, Пелагея Ивановна".

– Пойдем, – говорит; ну, я и обрадовалась; наняла лошадь, собрались и отправились мы с ней, да доехали до нашей монастырской-то гостиницы – за ворота-то она и не едет. "Зачем, – говорит, – я поеду. Чай, не с ума сошла. Он (то есть батюшка Серафим) всегда здесь. Не надо, не поеду" Тем и окончилась Саровская наша поездка. В другой раз вот помню, Понетаевские-то наши соседки* всегда очень ее любили, да и попробовали ее раз позвать к себе. "Как ты нас обрадуешь-то, – говорили они. – Как тебе хорошо-то будет у нас! В экипаже тройку пришлем за тобой – только поедем". Она все молчала да отворачивалась, а они-то все, знай, к ней лезут. "Хоть на недельку, на денек приезжай" "Наплевать вам, чай, не вовсе я с ума-то сошла?" – отвечала им и ушла.

Так весь век свой и прожила, голубушка моя, у любимой своей печки на полу между тремя дверьми.

А вот еще скажу вам: с грешными людьми часто бывает, что они за собою ничего не видят, а на других указывают. Что делать, на то они и грешные люди. Вот так-то и у нас было. Стали соблазняться тем, что Пелагея Ивановна не исповедуется и Святых Тайн не причащается. Вот приказали нашему

* *Понетаевская обитель находится недалеко и от Сарова, и от Дивеева. Понетаевские сестры выделились из Дивеева и долго между собой соперничали – без сомнения, по злобе врага спасения нашего.*

батюшке отцу Ивану Феминину (из соседнего прихода, потому что своих священников тогда еще не было) исповедать ее. Пришел он, и долго-долго они пробыли вместе наедине. Смотрю: выходит батюшка такой-то взволнованный и пошел прямо к матушке настоятельнице; слышим: объяснил он ей, что Пелагея Ивановна великая раба Божия и что она прямо высказала ему все потаенные грехи его. И насчет Святых Тайн всегда хлопотали наши сестры-хлопотуши, обзывая ее испорченною, да меня за нее укоряли. А дело-то в том, что она приобщалась Святых Тайн, только не часто. Разболелись у ней как-то ноги; я и говорю: “Не приобщить ли тебя, Пелагея Ивановна?”

– Что ж? – говорит. – Батюшка, хорошее дело.

И приобщил ее батюшка о. Василий. Точно так же, как-то раз в Великий пост, предложила я ей приобщиться, и она не только рада была, но даже сама все и правило-то к причащению вычитала и приобщилась. Раз сестры так доняли меня, что невтерпеж мне стало, я и говорю ей: “Что это ты не приобщишься? Ведь все сестры говорят, что ты порченая”

– Ах, нет, – говорит, – батюшка, старик-то батюшка Серафим ведь мне разрешил от рождения до успения.

Что значили эти слова святого старца, не знаю я, а думаю, по моему глупому разуму, не указал ли он ей и тут путь высочайшего самоотвержения. Что может быть выше, радостнее и блаженнее приобщения Святых Тайн Христовых? А они, эти блаженные-то, добровольно осуждают себя и на это лишение. А впрочем, Бог их знает! С ними бывают такие чудные события.

Вот я вам еще скажу: раз сестры тоже пристали ко мне и укоряют, что не причащу Пелагею Ивановну. Вот пошла я и сказала о том батюшке, а он мне ответил: “Нечего слушать их! Что они понимают? Когда она сама пожелает, а этак ты, Герасимовна, за мной и не ходи. Знаю я Пелагею Ивановну, какая она раба Божия. Она с таким благоговением, с таким смирением, с таким страхом и трепетом принимает Святые Христовы Тайны, что вся даже просветлеет; и так вся ликует от духовного восторга, что даже на меня самого страх нападает от этого ее просветления. Потому сама она лучше и нас с тобой знает, когда Господь благословит ее приобщиться”. С тем я и ушла. А разуму-то, грешница, все еще не научилась. Так, раз вот в 1882 году в Петровки больно уж доняли меня опять

сестры за то, что не приобщила-то я ее. Собралась я сама приобщиться, да все и приговариваюсь к ней о том же, а она все молчит. Я уже больно раздосадовалась. Приобщиться-то я приобщилась, да ее и выбранила за то, что она-то не приобщилась, а она все молчит. Заснула я это ночью и вижу: входят к нам священник и диакон с чашею и приобщили ее. Проснувшись, я уже не во сне, а наяву слышу: отворилась дверь, и уходят; шаги мужские. “Поля, Поля! – кричу, соскочивши. – Кто у нас был? Кто сейчас вышел?” Проснулась Поля и говорит: “Никого не было”. А Пелагея-то Ивановна, вижу, молча сидит на любимом своем месте, на полу у печки на войлочке, и такая-то веселая, светлая да румяная – точно вся помолодела. Увидав ее такой, я стала просить у ней прощения. “Ах, матушка! Ведь ты святая, ты ведь молилась, да...” Я не успела договорить, а она мне: “Что ты просишь у меня прощения, ведь я не то, что ты говоришь, я великая грешница” Так и залилась я слезами, что оскорбила ее, а она, увидавши мои слезы, улыбнулась да и простила. И вот с этих-то уж пор, что, бывало, ни говорят мне, как ни досаждают, никого я не слушалась, а как самой ей угодно, как Господь ей укажет, так и делала.

И частенько-таки бывали ей подобные посещения свыше. Вот уж в 1884 году, незадолго до смерти, по обыкновению, лежу я на лежанке ночью и не сплю, она, тоже по обыкновению своему всегда не спать ночи, сидит на любимом своем месте, на полу у печки. Вот слышу я, пришел к ней батюшка Серафим, слышу я голоса его и ее, и долго так говорили они. Я все слушаю да слушаю, хочется, знаешь, узнать, а всего-то расслушать не могу, только понимаю, что все об обители толкуют. И нашу матушку настоятельницу помянули, это-то я хорошо разобрала. Вот когда уже все стихло и не слышно стало голосов их, я и выхожу к ней. “Это ведь у тебя, Пелагея Ивановна, батюшка Серафим был? Я его голос слышала; и вы с ним все об обители толковали и матушку поминали. Ведь так? Что ж это значит? Не случится ли, – говорю, – у нас чего?”

– Мало ли, – отвечала она, – у нас дел.

Так и не добилась я у ней ничего.

А вот также за 12 дней до смерти ее лежу я на лежанке ночью, а она на своем полу на войлочке сидит, вдруг – и никогда еще этого не было – слышу я: она запела, всего-то уж не упомню, а вот эти слова хорошо поняла: “Ангели удивившая, как

Дева восходит от земли на небо". Ах, думаю, что это с ней? Никогда еще так-то не бывало, как бы чего не случилось?.. И прошло мало, этак дня через два, ночью опять слышу, что кто-то говорит с ней, и таким каким-то странным голосом, а она точно с ним спорит. Это еще что? Кто это? – думаю; да не вытерпела и окликнула: "Маша! Это ты, что ли?" А послушница Маша мне и отвечает: "Нет, матушка, не я; а должно быть, не Пелагея ли Гавриловна". А Поля-то крепко-накрепко спит. Тут не выдержала я, вскочила да и вхожу; вижу: сидит она на своем месте. "Да что же это за странности? – говорю. – Третьего дня ты пела; и я очень хорошо это слышала, да промолчала; сейчас опять кто-то странным таким голосом разговаривал тут с тобою. Хочу я знать, кто это был. Уж что-нибудь это да значит..." Поглядела она на меня да развела руками.

– А вот тебе, – говорит, – и не узнать.

– Как, – говорю я с досадою, – не узнать? Мало ли кто приходит! Кто тебя знает! Может, не вор ли какой.

– Вор и есть, – говорит она, – тот самый, который души ворует.

Поняла я тут страшный голос, что напугал меня, и замолчала».

1884 год был тяжелым для Серафимовой обители, настало время расстаться со «вторым Серафимом», дивной блаженной Пелагеей Ивановной, которой действительно «спаслись много душ», как предсказал батюшка Серафим.

Монахиня Анна Герасимовна передала о последних днях жизни Пелагеи Ивановны следующее:

«Дня за два до того, как ей совсем слечь, говорит она мне: "Ох, Симеон, Симеон! Как мне жаль матушку-то; да делать-то нечего". В то время вся Царская Фамилия здесь ожидалась.

– Что ж, – говорю, – разве беда какая случилась?

– Да беда-то не очень велика, – говорит, – а матушку-то мне жаль.

Тут как раз я и разнемоглась, и затолковали у нас в келье-то, как бы мне не умереть.

– А я-то с кем же останусь, – говорит Пелагея Ивановна и подошла ко мне. – Нет, маменька, вставай; мы с тобой поживем еще маленько.

– Ну, – говорю, – когда мы друг друга так любим, что ты без меня не хочешь оставаться, а я без тебя, так давай кинем жребий, кому выйдет прежде умереть, тебе или мне.

— Ну, — говорит, — давай.

Не успела я сказать, как наши келейницы притащили нам длинную-предлинную бечевку. Пелагея Ивановна прехорошо стала перехватывать рукой. Вышло мне прежде умереть. Увидя это, Пелагея Ивановна огорчилась, пригорюнилась, вздохнула и говорит: "Ох, Господи! Да кого же мне искать-то еще. Нет, уже лучше я прежде умру!" 11 января, вставши с места, направилась она к двери на двор и говорит: "Ох, Маша. Что-то у меня как голова болит! Пойду-ка я в остаточки на звезды-то небесные погляжу". Не дойдя до двери, вдруг упала, дурнота сделалась с ней; подняли мы ее, спрыснули святой водой, она чуточку очнулась да и говорит: "Что это, Господи, как бы не умереть! Симеон, Симеон, мне матушку да тебя только жаль".

— Полно-ка, — говорю я, — может, кого и еще?

— Так-то так, — отвечает, — да матушку-то больше всех.

— Да, — говорю, — пожалеешь вот ты. Нет, видно не больно жаль, коли не слушаешь никого да рвешься к двери-то. Вот как уж слаба да принуждаешь меня вот тут на полу-то возле тебя сидеть да караулить.

А она-то, моя голубушка, слушает, да вдруг как поднялась, да так-то было скоро попыталась выйти, а уж не смогла, в сенях-то опять было упала.

— Ой, Маша! Как меня тошнит, — говорит и села на лавке.

Подержали мы ей голову, водицей святой попоили и повели в келью. А она и мои-то руки целует, и Машины-то, и даже у тут бывшей своей племянницы, молодой клиросной Паши, — все и целует. Ей не даем мы, а она так и хватает, и так-то цепко ловит руки-то, да все и целует, целует, так и уложили мы ее. Через несколько этак дней гляжу как-то: поднялась моя Пелагея Ивановна да прямо к Маше, поклонилась ей в ноги. Я что-то проворчала, смотрю, говорит: "Прости меня, Машенька, Христа ради". И мне тоже в ноги.

— Уж ты и вправду не собираешься ль умирать, Пелагея Ивановна, — говорю; не полюбилось мне это; что уж это за смирение такое напало. Вот всем в ноги кланяется да у всех руки целует, точно отблагодарить всех хочет.

— Да кто же знает, матушка; ведь, пожалуй, умрешь, — говорит.

— На днях вот и ко мне подошла да поклонилась в ноги тоже, — заметила мне Пелагея Гавриловна.

Она молчит.

Ну, думаю, уж если так ласкается да смиряется, видно, вправду умереть собирается; всех, значит, и благодарит. И сжалось у меня сердце-то.

20 января подала ей Маша чаю, а она и не встает.

— Что это вы, матушка? — спрашиваю я.

— Положи-ка меня хорошенько, Марья, я больно хвораю, — сказала она.

Так и не пила ничего, и не ела, и молчит.

— Матушка, — говорит мне Маша-то, — вот Пелагея-то Ивановна очень захворала.

— Что это с тобою, матушка? — подошла я к ней и спросила.

— Да ведь я, маменька, захворала, — говорит.

— Что ж. Послать, что ли, сказать. Приобщиться надо.

— Да, — говорит.

А глаза веселые-развеселые, и сама вся радостная, и всех-то крестит, кто ни приди.

23-го ночью был гром и молния, а утром как раз пришел с обеденными Дарами священник наш Иван Доримедонтович Смирнов приобщить ее, стал возле ее кровати на колени и поднес святую чашу, но блаженная тихонько отодвинула ее от себя и так несколько раз делала. Бывшая тут м. Афанасия Назарова насильно скрестила было ей руки, говоря: “Приобщайте, батюшка”, но Пелагея Ивановна с необыкновенной силой оттолкнула ее и опять тихонько отодвинула святую чашу.

— Оставьте ее, не насилуйте, — сказал батюшка и стал уговаривать ее.

— Разве другой-то раз можно? — проговорила блаженная.

Батюшка приказал всем выйти. Все и ушли, остались только мы с батюшкой. Тишина была мертвая. Пелагея Ивановна как должно приобщилась и запила теплотою.

Вечером просили мы того же батюшку Смирнова особоровать ее.

— Недостоин я, — говорит, но мы уговорили его.

Особоровавшись, она была веселая, хорошая такая; и на другой день в понедельник веселая же была, всех встречала, приветствовала и провожала глазами, кто бы ни приходил к ней, а приходило много прощаться.

25 января, не предупредив меня о том, пришли читать ей отходную. Я как батюшку-то увидела, так, знаете, потревожилась.

— Кто это догадался? — говорю. А она мне: "Полно, — говорит, — маменька, не тревожься. Ведь это ничего, молитва Богородице только". Прочел батюшка отходную, а у меня вот так сердце-то и разрывается.

— Что это, Пелагея Ивановна, видно, ты уж и вправду умереть хочешь?

— Умру, маменька, — отвечает. — И кто меня помнит, того и я помню, и если буду иметь дерзновение, за всех буду молиться.

— А матушку-то, — говорю, — так и оставишь?

— Нет, — говорит, — маменька. Я там ей еще больше помогу, буду Господа за нее просить.

С этих самых слов, с середы вечера, она совсем умолкла. С субботы же 28 января совсем даже и глаз не раскрывала. И когда приехали к ней в этот день два племянника ее проститься с ней, то одного из них, Николая Андреевича, она только перекрестила.

С субботы на воскресенье ночью она крепко и будто так спокойно спала, что мы с матушкой благочинной говорили, что, может быть, судя по такому сну, она и поправится.

В воскресенье 29 января к вечеру сделался с блаженной сильный жар, так что она не могла уже совсем спать, а в 12 часов ночи, на понедельник 30 января, вдруг успокоилась совершенно, тихо, крепко и так глубоко заснула. И вот в этом-то последнем земном сне своем она ко второму часу стала дышать все как-то глубже и реже, и ровно в четверть второго часа на понедельник 30 января (в праздник трех святителей и день кончины родной ее матери) Пелагеи Ивановны не стало. Чистая, многострадальная душа ее отлетела ко Господу.

Убрали блаженную в беленькую рубашку, в сарафан, положили большой серый шерстяной платок на плечи, повязали голову белым шелковым платочком; одним словом, нарядили так, как она и при земной жизни своей наряжалась. А так как она любила цветы, то в правую ее руку дали ей букет цветов, на левую надели шелковые черные четки, потому что батюшка Серафим, благословляя ее на ее подвиг юродства Христа ради, сам дал ей четки.

Лишь только убрали ее совсем, ударили в большой колокол, а так как это было в два часа ночи, то колокольный звон напугал многих сестер, думали, не пожар ли. Блаженная Паша Саровская, приютившаяся в то время у нас, сказала: "Какой

пожар?! Вот глянуло солнышко, ну, маленько снежок-то и растаял; теперь в обители-то у вас темно будет"

Так и стояла Пелагея Ивановна три дня в крошечной, тесной келейке своей. Здесь битком был набит народ, ни на минуту не выходивший, здесь все время зажигались и горели свечи, непрестанно совершались панихиды, и вследствие того жара была нестерпимая, и несмотря на все это, она лежала во гробе, моя красавица, точно живая, точно вся просветлевшая.

На третий день вечером, как и говорила она, что сделают ей гроб не в пример другим, и вправду, положили ее в прекрасный кипарисный гроб, весь украшенный херувимами, со словами: *"Святый Боже, Святый крепкий, Святый бессмертный, помилуй нас"* на крышке и на гробе: *"Со святыми упокой"* выкаленными словами. А на внутренней стороне гробовой крышки была привинчена дощечка с надписью: "Проходившая путь Христа ради юродивая раба Божия блаженная Пелагея 30 января 1884 года отошла ко Господу" Перенесли ее в теплую зимнюю Тихвинскую церковь, где и простояла она до девятого дня, в который и схоронили ее. Это промедление произошло вот по какому особенному случаю: пожелали похоронить ее в склепе нового собора, и матушка послала просить разрешения Нижегородского преосвященного Макария. Все эти дни стояла она в теплой зимней церкви Тихвинской Божией Матери. Здесь по окончании церковных богослужений ни день, ни ночь не умолкало чтение Псалтири по усопшей, здесь непрестанно совершались по ней панихиды, числом от 30 до 40 в течение дня, здесь постоянно горели вокруг гроба свечи, сюда, кроме монастырских, стекались со всех епархий целые тысячи мирян, которые благоговели пред ней, которые и уважали ее всегда и во всем к ней прибегали, а также при гробе ее скорбели и плакали, что они лишились в ней своей матери, утешительницы и молительницы. И все это, вместе взятое, невольно производило какой-то благоговейный трепет в душе всякого, здесь находившегося, трогало всех до глубины души, умиляло даже и жестокие сердца. Народу не только не убывало, но, напротив, прибывало с каждым днем все более и более, так что матушка игумения, снисходя к слезной их просьбе, а равно и по благоговению к почившей рабе Христовой, нашлась вынужденной дать дозволение и ночи

проводить им у гроба. Вследствие этого церковь не только днем, но и ночью была наполнена все прибывавшим народом. Жара стояла в храме такая, что со стен потекли потоки воды, и даже на холодных папертях было так тепло, как в кельях. И несмотря на это, почившая раба Христова лежала во гробе своем, как будто только лишь забывшаяся сладким сном, ничего не являла в себе мертвенного, лежала как живая, даже не холодная, теплая, и непрестанно менялась в лице своем, не имея ни малейшего мертвенного безобразия, напротив, сияла какою-то духовной красотой. Вся она с головы до ног осыпана была свежими цветами, которые и при жизни так любила, цветы эти непрестанно заменялись новыми и тотчас же нарасхват разбирались массами народа, уносившего их домой с благоговением.

В девятый день после кончины блаженной, то есть седьмого февраля 1884 г., совершено было отпевание ее при громадном стечении народа. Когда после отпевания и продолжительного последнего прощания понесли многострадальное тело подвижницы Христовой к нарочито приготовленному месту упокоения у Свято-Троицкого собора против главного алтаря и когда стали закрывать крышкой гроб, то и тогда прощавшиеся с нею свободно брали ее ручки, которые были так гибки, мягки и теплы, как у живой.

Могила ее первоначально обнесена была деревянной решеткой и обсажена кустами сирени, жимолости и цветами. На самом месте, где в каменном склепе был постановлен гроб ее, первоначально положена была простая дубовая доска с крестом на ней из черного дуба, частью по неимению тогда средств, частью по уважению к тому убогому ложу ее, которое она так любила во всю свою земную жизнь».

К этому простосердечному, искреннему и задушевному повествованию достопочтенной Анны Герасимовны мы прибавим еще несколько сведений, собранных от других лиц, близких к подвижнице Христовой.

Художник *М. П. Петров* пользовался особенным расположением Пелагеи Ивановны и наречен ею *духовным ее сыном*. Он представлял собой живой пример того поразительного благодатного действия, посредством которого она обращала на путь спасения сердца человеческие. Вот что он рассказывал о первом своем посещении Пелагеи Ивановны: «После

бурной моей жизни, побыв на Афоне и в Иерусалиме, я не знал, на что мне решиться, идти ли в монастырь или жениться. На возвратном пути из этого благочестивого путешествия заехал я в Саров и в Дивеево, это было в 1874 году. На второй день по приезде в Дивеево меня свели в келью к юродивой Пелагее Ивановне, о которой много давно я слыхал; когда взошел в ее келью, меня так поразила ее обстановка, что я сразу не мог понять, что это такое: на полу на войлоке сидела старая, скорченная и грязная женщина, с огромными ногтями на руках и босых ногах, которые произвели на меня потрясающее впечатление. Когда мне сказали, что это и есть Пелагея Ивановна, я нехотя поклонился ей и пожалел, что пошел к ней; она не удостоила меня ответом на поклон мой и с полу пересела на лавку, где и легла. Я подошел к ней и спросил: "Идти ли мне в монастырь или жениться?" Она ничего на вопрос мой не ответила и только зорко на меня смотрела своими быстрыми блестящими глазами. Я повторил раза три тот же вопрос и, не получая от нее ответа, ушел от нее раздосадованный и разочарованный, решившись к ней уж более не ходить. Прожив целый месяц в Дивееве, в монастырской гостинице, и занимаясь живописью в соборном храме, я часто слышал упреки от монахинь и от начальницы гостиницы в том, что я не верю благодатным дарам Пелагеи Ивановны, и по настойчивой просьбе начальницы гостиницы решился еще раз зайти в ее келью, и с большой неохотой пошел, лишь бы только более мне ею не надоедали. Когда взошел я в келью Пелагеи Ивановны, я нашел ее по-прежнему сидящей на полу на войлоке, но она немедленно по приходе моем встала и выпрямилась предо мной во весь рост. Это была женщина красиво сложенная, с необыкновенно живыми блестящими глазами. Постояв предо мною, она начала бегать по комнате и хохотать, затем подбежала ко мне, ударила по плечу и сказала: "Ну, что?" У меня давно болела эта рука от паралича, но после этого ударения Пелагеи Ивановны боль в ней мгновенно и совершенно прошла. На меня напал какой-то панический страх, и я ничего не мог ей сказать; молчал и весь трясся от испуга. Потом она начала рассказывать мне всю мою прошедшую жизнь с такими поразительными подробностями, о которых никто не знал, кроме меня, и даже рассказала содержание того письма, которое я в этот день послал в Петербург.

Это меня так поразило, что у меня волосы стали дыбом на голове, и я невольно упал пред ней на колени и поцеловал ее руку. И с этого разу стал я, — продолжает достопочтенный М. П. Петров, — усердным ее посетителем и почитателем, неотступно надоедал ей своими просьбами и вопросами и удостоился такого ее расположения, что она не только на личные мои вопросы, но и на письма мои всегда охотно и прозорливо отвечала или краткими записочками, или через добрых знакомых. Я часто к ней ездил и проживал подолгу в Дивееве собственно для того, чтобы видеть и слышать дивную старицу. Она меня вытащила со дна ада.

Сестре моей, — говорит он, — Пелагея Ивановна предсказала смерь за два года.

Со мною самим, — продолжает он, — было такое обстоятельство: я собирался съездить в Бологое, где жил тогда известный о. Николай, бывший миссионер, которого почитали за великого мужа. Мне хотелось с ним повидаться и побеседовать, но я не решался ехать без позволения Пелагеи Ивановны. Я написал к ней письмо и просил у нее позволения на эту поездку. Письмо было готово; я оделся и хотел уже идти на почту. В это время входит почтальон и подает мне письмо от Пелагеи Ивановны. К удивлению моему, она мне пишет, чтобы я не ездил к о. Николаю, это меня чрезвычайно удивило: прежде чем я послал письмо с моим вопросом, я получаю уже от нее ответ.

В 1881 году я был болен дифтеритом, — говорит тот же Петров, — пять суток лежал я совершенно без чувств, на шестые сутки стало мне полегче, и я, взглянувши на портрет Пелагеи Ивановны, сказал: "Что ж ты меня не навестишь? Когда ты была больна, я нарочно к тебе ездил" И немного погодя заснул, и что же? Вижу во сне, что Пелагея Ивановна стоит около меня и говорит: "Вот я и пришла к тебе навестить тебя, не бойся, не умрешь". И я выздоровел.

Однажды Пелагея Ивановна пила чай, — говорит он еще, — и ей налили чашку сладкого чая. Вдруг она вскочила с полу, схватила чашку и побежала с ней на улицу, и вылила эту чашку по направлению к одной деревне. На другой день приходит к ней женщина из этой деревни, бросается к ней, благодарит ее и рассказывает, что у них вчера был пожар в их деревне. "Уж начал загораться и мой амбар с хлебом, — говорила она

сквозь слезы, – я упала на колени и закричала: Матушка Пелагея Ивановна, спаси! И тотчас ветер подул в другую сторону, и огонь стал потухать" По рассказу этой женщины, ветер переменился, а огонь стал утихать в ту самую минуту, когда Пелагея Ивановна вылила чашку чаю в ту сторону, где стояла эта деревня.

Благодарю Бога, – говорит в душевном умилении М. П. Петров, – что Господь удостоил меня видеть такую рабу Божию; и не только я удостоился видеть ее, но и сподобился называться духовным сыном ее».

Говоря далее о разных обстоятельствах жизни Пелагеи Ивановны и о разных духовных дарованиях ее, достопочтенный М. П. Петров рассказывает следующий случай: «Однажды по возвращении ее из Сарова в Арзамас она встретилась с одной девицей и говорит ей: "Ты выйдешь замуж вот за этого молодого человека" – и указала на шедшего мужчину. Эти два семейства были во вражде, и нельзя было ожидать согласия на брак от родителей, а между тем чрез месяц девица вышла именно за этого человека».

В Дивееве к ней стал стекаться со всех сторон народ – люди разных званий и состояний; все спешили увидеть ее и услышать от нее мудрое слово назидания, утешения, совета духовного или обличения и укора, – смотря каждый по своей потребе. И она, обладая даром прозорливости, говорила каждому, что для него было нужно и душеспасительно, – с иным ласково, а с иным грозно; иных же вовсе отгоняла от себя и бросала в них камнями; других жестоко обличала; причем голос ее, как некогда у блаженного, Христа ради юродивого Андрея, подобно колоколу, звучал сильно и благодатно, так что кто его слушал, вовек не мог забыть потрясающего действия ее слов. А говорила она почти неумолкаемо, то прямо и ясно, смотря по душевной потребе слушавших.

После 20-летнего подвижничества в Дивееве Пелагея Ивановна вдруг резко изменила образ своей жизни. Однажды сказала она своей сожительнице, Анне Герасимовне: «Сейчас был у меня батюшка Серафим, велел молчать и находиться более в келье, чем на дворе». И она замолчала, и редко кого удостаивала своим разговором, говорила мало, отрывистыми фразами, более сидела в келье и, подобно преподобному Арсению Великому, стала избегать людей и более внимать себе.

В это время духовные подвиги ее были самые разнообразные.

Об умерщвлении плоти мы уже знаем довольно подробно из рассказов Анны Герасимовны, например, о ношении камней, о бросании кирпичей в воду, о палках и пр., но кроме этих подвигов были и другие, именно: та цепь железная, которой некогда приковывал ее муж и которую она принесла с собою в Дивеево, служила и теперь ей подчас изголовьем. Спала она и сидела всегда на полу и непременно около входной двери в келью, так что проходящие нередко наступали на нее или обливали ее водой, что, видимо, доставляло ей удовольствие. Как только все в кельях улягутся на ночь спать, Пелагея Ивановна, тоже притворившаяся, что ложится спать, вставала, становилась на молитву и молилась почти всегда до утра, тихо плакала и вздыхала на молитве и иногда в восторге духовном громко восклицала, чем и будила бывшую около нее келейницу Анну Герасимовну, причем притворялась спавшей и восклицавшей во сне. Пищу принимала умеренно и питалась преимущественно черным хлебом, который носила всегда за пазухой и из которого катала шарики. Эти шарики служили ей вместо четок при совершении молитвы Иисусовой. И это было почти постоянным ее занятием.

«Любила она очень цветы, – говорит М. П. Петров, подтверждая рассказ Анны Герасимовны, – и если имела их в руках, задумчиво перебирала их, тихо нашептывая молитву. В последнее время живые цветы почти всегда имелись у нее в руках, потому что их приносили ей те, кто желал сделать ей удовольствие, и эти цветы, видимо, утешали ее. Перебирая их и любуясь ими, она и сама делалась светлой и радостной, точно витала уже умом своим в ином мире. Ногтей своих Пелагея Ивановна никогда не обрезала и никогда не ходила в баню. Вообще тело свое, видимо, истязала и угнетала.

Такие подвиги Пелагеи Ивановны стали привлекать к ней внимание дивеевских монахинь; и прежнее нерасположение к ней у многих из них сменилось уважением. В келью к ней стали ходить многие из них или для того, чтобы посмотреть на подвижницу, или послушать ее, или получить от нее что-нибудь, потому что мирские люди приносили ей разные приношения, которые она раздавала монахиням. Но были между сестрами и такие, которые упорно продолжали преследовать

подвижницу Божию своей ненавистью и всячески осуждали ее и укоряли. Таких особенно любила Пелагея Ивановна и всячески старалась платить им за зло добром. Инокини, привязанные к подвижнице, глубоко веровали в силу ее молитвы, искали у нее наставлений духовных и обретали их в ее кратких, прозорливых речах. Так, одна благочестивая монахиня дивеевская, сильно к ней привязавшаяся, видя ее подвиги, дерзнула просить у Господа, чтобы Он открыл ей, верен ли тот путь, по которому идет эта подвижница Божия, и ведет ли ее ко спасению, потому что часто приходилось ей слышать разноречивые толки других монахинь об этом, и у ней самой сердце иногда колеблется по этому поводу. Господь услышал ее молитву. Она увидела во сне, что Пелагея Ивановна идет по двору монастырскому и два ангела ведут ее под руки. Когда, проснувшись, монахиня эта пошла к Пелагее Ивановне рассказать ей свой сон, та предварила ее рассказ строгим запрещением никому не говорить о том, что она видела во сне».

Глава XXXI

Двадцатипятилетний юбилей игумении Марии. Саровский игумен Рафаил. Комиссия по расследованию чудес о. Серафима

Чтобы судить, к чему привели труды достоуважаемой игумении Марии и как обставилась жизнь Серафимовых сирот и сестер через 25 лет управления монастырем, по заветам Царицы Небесной и заповедям батюшки о. Серафима, их первой игумении, история должна обратиться к записям и указаниям сестер, сделанным по случаю двадцатипятилетнего юбилейного торжества игумении Марии. В 1887 году была напечатана в Нижнем Новгороде следующая брошюра о вышеупомянутом юбилее:

«1887 года 14 марта, в день празднования иконы Божией Матери Феодоровской, исполнилось 25 лет со дня служения настоятельницы монастыря в сане игумении».

День празднования юбилея игумении Марии совпал со днем ее поступления в обитель и днем празднования иконы Феодоровской Божией Матери, которой она была благословлена родителем ее при поступлении в обитель, как иконой древнеродовой в семействе Ушаковых, из рода которых она происходит.

Накануне этого дня, 13 марта, было совершено торжественно всенощное бдение, во время которого по прочтении кафизм священноиерей монастыря произнес следующее слово, составляющее краткий очерк жизни и деятельности игумении:

«Возлюбленные сестры о Христе! Ныне совершилось двадцатипятилетнее служение достоуважаемой нашей игумении.

И вот, по влечению духа любви и признательности к ней, собрались мы ныне сюда все, чтобы освятить день сей благодарственным Господу Богу молением и изъявлением взаимного сорадования и соутешения при поднесении ей св. креста.

Всем вам, достоуважаемые старицы и сестры, более или менее известны жизнь и деятельность вашей настоятельницы на пользу обители, но позвольте и мне вместе с вами вспомянуть главнейшие ее заслуги пред обителью, что хорошо известно мне со слов уважаемого вами покойного протоиерея о. Василия. Обитель наша, несомненно, процветает по молитвам Царицы Небесной, взявшей ее под Свое покровительство, а также и о. Серафима, как ее основателя, но вместе с тем и по неусыпным заботам и трудам настоящей вашей игумении, которая трудится на пользу обители в должности начальницы не 25, а двадцать семь лет уже, включая два года ее начальствования до смутного, тяжелого времени в обители. Кроме того, она служила еще 8 лет и в должности казначеи, в самое трудное для монастыря время, когда, кроме долгов, у монастыря ничего не было, не было даже в довольстве и насущного хлеба. До нее начальствовавшая Екатерина Васильевна Ладыженская по великому стеснению от вмешательства в монастырское управление иеромонаха Иоасафа сочла за лучшее удалиться на покой. В таком-то плачевном состоянии при крайней материальной скудости и при расстройстве в управлении настоящая ваша игумения Мария приняла обитель на свое попечение. За два года своего начальствования, при помощи Божией, при неусыпных трудах, она значительно было упрочила благосостояние обители, приобретши благодетелей; но враг рода человеческого, не терпящий ничего доброго, стал и на этот раз препятствовать всем благим ее начинаниям и достиг того, что в короткое время, по наущению и козням его, начальница ваша чрез злых людей была оклеветана в небывалых проступках и безвинно была удалена от должности, к общему огорчению всех вас. Господу неугодно было, чтобы она безвинно терпела поношение и позор. Он устроил так, что Мария, утвердившись в терпении на дальнейшие подвиги, через полгода была оправдана и не только восстановлена в своей должности начальницы, но и возвышена возведением в сан первой игумении обители, основанной старцем Серафимом; и вот, по милости Божией, двадцати-

пятилетие служения ее в этом высоком сане мы ныне празднуем.

Всем вам, возлюбленные сестры, я думаю, памятна тяжелая година испытания и неустройства в обители, когда у вас безвинно отняли любимую настоятельницу и, вопреки вашему желанию, поставили новую начальницу. Все вы, наверно, скажете, что это тяжелое испытание вас не разлучило, но еще более соединило с нею по духу любви христианской. Все вы свидетельницы, что, приняв вновь начальство в расстроенной обители и твердо надеясь на промысл Божий, игумения Мария еще с большим трудом, с большей ревностью и усердием стала заниматься благоустройством обители во всех отношениях. Духовный союз ваш стал крепок взаимной любовью. В это время, по ходатайству Царицы Небесной и по молитвам почившего основателя ее Серафима, Господь помогал вам невидимо: неожиданно нашлись щедрые благодетели, и в короткое время отстроился благолепный собор наш, который до того времени строился медленно. За сим, в скором времени, по ходатайству и усиленным хлопотам вашей настоящей игумении, нарезаны были от казны в разное время два лесных участка в вечное пользование, и приобретена была ею еще одна лесная дача; потом приобретено было и Каратаевское имение. После приобретения лесных дач игумения Мария занялась устройством обители внутри и возведением новых построек и корпусов, которые, появляясь один за другим, в скорое время украсили обитель и доставили большие удобства для вашего помещения. Ею же украшены и ремонтированы и прочие храмы, и заведено и партесное пение; ею же устроен и свечной завод, а также усовершенствовано живописное искусство, улучшено скотоводство и полевое хозяйство. Вообще, весь монастырь своим благолепием и благоустройством обязан хлопотам и неусыпным долголетним трудам настоящей игумении вашей, за которые мы и приносим ей теперь искреннюю благодарность.

Не забудем также, что она увеличила и число сестер в обители, невзирая на трудное время по содержанию и вздорожанию хлеба и всех съестных припасов. Не оставим также без внимания и отличительную черту ее характера — беспристрастность, по которой она ко всем одинаково добра и милостива, как к старшим, так и к младшим, как к богатым, так

и к бедным, как истинная мать, для которой все дети одинаково любезны. К себе она только строга; но более снисходительной начальницы к немощам и слабостям подчиненных и найти трудно. Никому она не хочет погибели, а всем желает делать одно только добро. Не полагает она достоинства в дерзости суждения, не находит и удовольствия в многоречии, не оскверняют язык ее насмешка и злоречие, и никто не видел, чтобы она предалась необузданному гневу: здравый ум и доброе сердце отверзают уста ее только для слова дельного, полезного и чистого. После сего краткого обзора деятельности нашей настоятельницы на пользу обители и еще более кратчайшей характеристики ее, на которую я осмелился, достоуважаемые сестры, будем молить Господа, чтобы Он, Милосердый, укрепил ее силами и продлил ее жизнь для блага обители на многие лета, укрепив в вас взаимную любовь как незыблемое основание всякого благоустроенного общества. Аминь».

На следующее утро, 14 марта, при многолюдном стечении в обитель прибывших богомольцев, перед литургией, положительно переполненный храм обитательницами многолюдного монастыря представлял собою необычно величественно-торжественное зрелище: коврами была застлана паперть, двумя сплошными живыми стенами от самого входа до игуменского места, в благоговейном ожидании радостно любовью всех приготовленной встречи, стояли монашествующие общежития; у самого входа во храм держала маститая восьмидесятилетняя Серафимовская старица монахиня Дорофея (Фомина) весь снизу до верха украшенный ландышами посох игумении, а над празднично убранным игуменским местом находился роскошный венок из ландышей со словами из незабудок: «14-е марта 1887 года, 25-летие игумении Марии». Все это невольно приуготовляло и предрасполагало душу к чему-то высокоторжественному.

В половине девятого часа, при красном звоне, сопровождаемая казначеей Еленой, игумения Мария была встречена собором священнослужителей монастыря в полном составе, со св. крестом, приложившись к которому при пении: «Достойно есть», игумения прикладывалась к местным иконам, так как готовилась быть причастницей Св. Тела и Крови Христовых в этот многознаменательный день своей жизни.

Смиренно всем поклонившись, игумения стала на место; посох ее принят был другою восьмидесятитрехлетней старицею, самим еще приснопамятным основателем обители старцем Серафимом поставленною ризничею монастыря, монахинею Капитолиною (Путковой), и началась литургия.

После прекрасно выполненного на причастном концерта Бортнянского «Да воскреснет Бог» местный иерей Петр Васильевич Яхонтов сказал прочувствованное к чествуемой игумении слово:

«*Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.*

По закону любви христианской мы обязаны молиться за всех, и особенно за тех, кои близки к нам и заботятся о нашем благосостоянии. Вот и вы, сестры обители блаженной памяти великого подвижника Серафима, собрались все ныне в храм этот, чтобы сугубо помолиться о вашей общей духовной матери игумении Марии, честно и свято вот уже 25 лет руководствующей вас в вашем высоком назначении — жить для Бога и для неба. С точки зрения высоконравственного христианского смысла, тот только и человек, кто в круге, предназначенном ему промыслом Божиим, недаром жил на свете, кто честно и свято исполнял свои обязанности, про кого без лести и пристрастия можно сказать, что он сделал все, что мог и должен был сделать. Все вы единодушно согласны и убеждены, что это назначение выполняла и выполняет ваша мать и руководительница духовная. Высокое назначение и трудная обязанность! Труд, который пришлось поднять ей, есть труд не только великий, но по временам и тяжелый. Если каждому человеку при его невысоком положении о своем частном деле приходится испытывать затруднение, препятствия, тревоги, огорчения, то сколько всего этого приходится переиспытать тому, на ком лежит великое дело служения целому большому обществу. Конечно, не раз, а много раз вашей духовной матери в ее трудах и заботах о нуждах обители приходилось мучиться тревогами за успех замышляемых дел, и смиряться, и трепетать в сознании великой ответственности за верность и неуклонность своего служения... Поистине для доброго и достойного совершения этого служения мало сил человеческих, а нужна высшая благодатная сила Божия. Недаром и Апостолы велели молиться прежде всего о тех, яже во власти суть (Г. 2, 12). Господь облек ее властью не с тем,

чтобы господствовать над другими, а с тем, чтобы служить для других и носить на себе все их немощи. Но трудно управлять и одною душою христианскою, а тем более труднее управлять целыми сотнями душ, различных по уму и образованию, по характеру и наклонностям. Здесь, очевидно, требуется не только знание души человеческой, а и особенное благоразумие во обхождении. Что нравится одной, то не нравится тогда другой. Чего желают одни, того не хотят другие. Как же после этого угодить всем сестрам начальственными распоряжениями? Как вести их по одному пути и к одной цели? Да и самый дух нынешнего времени, не благоприятствующий монашеству, требует какой-то свободы и самоуправления не от одних мирских, но и от живущих в обителях. И если взвесить на весах всю тяжесть возложенного на нее управления, то не легким, тяжелым должен быть врученный ей жезл. А потому-то что жезл этот, только видимо переданный ей руками архипастыря двадцать пять лет тому назад, а невидимо врученный ей от Самого Спасителя в самый нынешний день, легок только по весу и по виду, а по соединенной с ним обязанности должен почитаться тяжелым и не для всех удобоносимым. Вы все и собрались сюда, чтобы, с одной стороны, поблагодарить Господа и вместе с вашей духовной матерью за Его всесильную помощь ей в деле ее двадцатипятилетнего честного служения святой обители в сане еще первой игумении вашей, а с другой – вместе с тем и умолить Господа, чтобы Он на будущее время не оставлял ее Своим всесильным руководством ко благу и преуспеянию вашей родной обители! Я не упоминал ни о ее духовной мудрости и опытности, ни о ее всегдашне ровном и добром сердечном расположении ко всем вам – все это вам известно даже более моего; благоустройство же обители, со всеми ее добрыми учреждениями и послушаниями, доведено ею до возможно полного усовершенствования и порядка – словом, она всегда подвизалась подвигом добрым. С вашей же стороны за все это доброе требуется только общая ваша молитва за нее и то же самое доброе расположение и любовь, которую вы и питали к ней, как к своей доброй и мудрой матери. Но какая мать не любит детей своих и не желает им добра? И какие дети не любят и не слушают своих матерей? Та не должна называться и матерью, которая не любит своих детей. А те не имеют права называться и детьми, кои не

слушаются матери. Но чтобы эти взаимные отношения пребывали в вас навсегда и выражались не на словах только, а самым делом, все вы должны просить Господа Бога, чтобы Он, по молитвам Своей Пречистой Матери, выну хранил вашу обитель от всякого зла и водворил между вами мир, любовь и согласие. Наглядным же знаком, сестры, вашей действительной любви к вашей матери духовной и того, что вы цените ее материнские заботы о вас, служат (сей) поднесенный (вами) крест и молитвенник. Ты же, честнейшая и достоуважаемая игумения Мария, приими сей дар, от души всей обители тебе принесенный, как знак любви ее к тебе, как крепкое звено, соединяющее тебя с обителью. Любовь сестер избрала тебя, любовь поддержит твои упадающие силы и облегчит самую трудность в управлении. При взаимной любви и неприятное в жизни делается приятным. В этой самой любви заключается закон счастья и спокойствия для всех обществ, а тем более для иноческих обителей, где нет и причин к вражде и разделению. Но самое верное и надежное облегчение всех наших трудов зависит от Бога. Он один возлагает на нас обязанности и дарует силы к исполнению их. Он возбудил любовь и расположение к тебе в сестрах; Он и сохранит это в них навсегда. А потому из глубины сердца твоего воззови к Нему: "Господи Иисусе Христе, Едине Истинный и вечный Пастыреначальниче душ и сердец! В благоговении к непостижимым судьбам премудрости Твоея, по которой Ты саном игуменства почтил меня недостойную, повергаюсь пред величием человеколюбия Твоего и умоляю любвеобильную благость Твою: соделай меня и впредь неукоризненной руководительницей душ, обрекших себя на служение Тебе; умудри и даруй помнить, что вверенные мне люди суть овцы пажити Твоея, искупленные бесценною Твоею кровию; наставляй меня и впредь, как утверждать слабых в исполнении Твоего закона. Сподоби меня во всю жизнь мою подвизаться подвигом добрым и по скончании жизни сей с дерзновением сказать пред Тобою на страшном суде эти радостные слова: Се аз и дети, их же дал еси мне, сохраних, и никто же от них погибе!" Аминь».

По заамвонной молитве иерей монастыря Иоанн Феофанович Гусев приветствовал торжество обители Серафимовой следующим словом:

«Се ныне благословите Господа, вси раби Господни, стоящии в храме Господни (Пс. 133). Особенно вы, боголюбивые

матери и сестры, должны восхвалить и возблагодарить Господа, пришедшие сюда, кроме молитвы, и еще с особою целью — воздать подобающую честь поднесением видимых знаков вашей любви достоуважаемой и благопопечительнейшей матери нашей игумении Марии. Нынешний день исполнилось 25 лет полезному служению ее обители в сане игумении; 25 лет в сане игумении, 12 лет в звании казначеи и настоятельницы, а всего в начальственных должностях 37 лет; 37 лет службы немало — много времени! Для вас, честные матери и сестры, нынешний день есть день радости и торжества, и потому не омрачу вашей радости каким-либо воспоминанием пережитых житейских треволнений. А этих треволнений за 37 лет жизни было много для всех, живших в обители, и для вашей игумении. Слава и благодарение Богу! Все кончилось благополучно. Умным и мудрым правлением настоятельницы вашей обители монастырь наш процветает, а вы, матери и сестры, спокойно и безмятежно проходите свое жизненное поприще. Пусть и вперед иноческое житие ваше не смущает и не тревожит вас. Вы имеете надежду в трудную, скорбную минуту жизни прибегать к материнскому сердцу вашей настоятельницы, из которого, как любящего всех своих дщерей о Христе, обильно вы почерпали доселе и будете почерпать, каждая по своей нужде и потребе, утешение, подкрепление, вразумление, совет и все полезное для земной, а паче для вечной жизни. А ты, благостная и всечестная игумения Мария, приими благосклонно приносимые тебе посильно от усердия всех сестер и священнослужителей монастыря Святой Крест, украшенный драгоценными камнями, благоукрашенный молитвенник и хлеб и соль. Милосердый Господь да продолжит в благоденствии и крепости телесных и душевных сил твою драгоценную жизнь для блага св. обители еще на многие лета. Аминь».

Начался молебен, и по возгласе: «Благословенно Царство» — иерей Петр Васильевич Яхонтов, в сопровождении сослужащих, вынес на блюде украшенный дорогими каменьями Крест, а диаконом обители Иваном Петровичем Фигуровым прочтен был указ Нижегородской духовной консистории от 3 дня марта 1887 года, за № 1489, на имя матери игумении Марии следующего содержания: По указу Его Императорского Величества, Нижегородская духовная консистория слушала резолюцию его преосвященства, последовавшую на проше-

ние священноцерковнослужителей, казначеи, благочинной и старших монахинь вверенного вам монастыря о дозволении им поднести вам в 14 день марта сего года наперсный крест с драгоценными украшениями, по случаю имеющегося исполниться двадцатипятилетия служения вашего в должности настоятельницы сего монастыря, — таковую: По случаю 25-летия игуменского служения игумении Марии благословляется означенному здесь духовенству и сестрам обители поднести от обители сей крест, украшенный драгоценными камнями.

После указа иереем о. Иоанном Гусевым прочитано было полное отеческой любви письмо Нижегородского архипастыря:

Высокопреподобнейшая Мать, Игумения Мария!

14 сего марта совершилось 25-летие вашего служения Серафимо-Дивеевской обители в сане настоятельницы игумении обители.

В продолжение этого времени вы много принесли обители пользы. Вы положили начало монастырю. Вы — первая игумения монастыря. Вы, вместе с другими сестрами, содействовали устройству храма и того состояния, в каком теперь находится обитель. Поздравляю вас с 25-летием вашего игуменства, испрашиваю вам от Господа Бога благословения за ваши труды. Да сохранит вас Господь в здравии и благоденствии для пользы св. обители на следующие годы не только до 50-летия игуменства, но 100-летия жизни, во славу Божию!

Да сохранит Господь и превознесет и вами управляемую обитель в пользу спасающихся там сестер и Св. Церкви.

Разрешив поднести вам изготовленный от любящего вас духовенства и сестер обители крест святый, украшенный камнями, благословляю вам носить его.

Модест, епископ Нижегородский и Арзамасский.

4 марта 1887 года.

После сего священнослужители возложили на высокопреподобнейшую юбиляршу самый крест.

Следовавшая за священнослужителями казначея монастыря, вместе и ризничая собора Св. Троицы, монахиня Елена (Анненкова), сказав: «Благословение Преподобного Основателя Дивеевской обители Св. Троицы да почиет на тебе отныне и во веки!» — поднесла прекрасной работы в древне-

церковном стиле в бархат обделанный Акафист* преподобному; Серафимовская же восьмидесятилетняя ризничая монастыря монахиня Капитолина (Путкова) со старшею пономаркою обители, Серафимовскою же старицею монахинею Еванфией, приветствуя юбиляршу словами: «Да даст ти Господь по сердцу твоему и вся моления твоя исполнит!» — поднесли ей изящной работы оправленный слоновой костью молитвенник** со списком всех послушаний монастыря и всех священнослужащих и сестер обители.

Виновница совершившегося торжества, в слезах, до глубины души расстроенная, могла лишь только проговорить: «Я глубоко ценю любовь вашу; я вовсе того не заслуживаю, ничего не имея, кроме грехов; даже не могу придумать, чем мне воздать за все это?..»

По пении солистами певчими «О, Всепетая Мати!» и возглашении многолетия Государю Императору, всему Царствующему Дому, Св. Правительствующему Синоду, преосвященнейшему Модесту, епископу Нижегородскому и Арзамасскому, и монастыря первой игумении Марии, по целовании Креста, у ее игуменского места в лице благочинной монастыря, монахини Михаилы, старейшей монастыря Серафимовских стариц монахини Дорофеи (Фоминой) и старшей хранительницы житницы монахини Нафанаилы, на прекраснейшей работы серебряном блюде с надписью: «Свыше благословенную хлеб-соль Дивеевской обители преподобнаго Серафима просим вкушать еще на долгия лета!» — поднесли юбилярше хлеб и соль.

Певчие запели: «Тебе Бога хвалим», и затем вся масса тысячного общежития, смотря по старшинству, начиная с монахинь, попарно, каждая с просфорою о добром ее здравии, подходила приветствовать дорогую мать свою.

---

* *На верхней доске его надпись: «Молитв ради Преподобнаго Основателя Обители Старца Серафима за двадцатипятилетие усердием Твоим подъятых трудов, да сохранит Игуменство Твое сама Милость Божия на многая и премногая лета!» И на нижней доске: «Свято-Троицкия Дивеевския Обители Преподобнаго Серафима первой Ея Игумении Марии Ушаковой 14 марта 1887 года».*

** *Надпись на нем: «Да в мире и радости славословиши Господа еще на премного многая лета!» и еще: «Свято-Троицкаго Дивеевскаго монастыря Серафимовой пустыни 14-е марта 1887 года, в достопамятный день двадцатипятилетия истинно материнских забот и праведных трудов Игуменства Первой Монастыря Игумении Марии Ушаковой усердием благодарения любви Сестер Обители». В нем приложен печатный список священства монастыря, 55 послушаний обители и полный перечень имен всех сестер обители.*

Действительно, тут была вся обитель, как едина душа и едины уста! Восторг единодушной любви руководил всеми до такой степени, что невольно увлек собою и множество при этом торжестве присутствовавших странних богомольцев, которые, при выходе из храма высокопочтенной игумении, все приветствовали ее, как один человек, земным поклонением.

Но этим не все еще было окончено.

У крыльца игуменского корпуса высоко всеми почитаемая и любимая юбилярша, встреченная целым полком всех трудящихся рабочих и мастеровых, должна была принять хлеб-соль и их усердия, равно хлеб и соль почитания ее более 20 лет возводящего со своею артелью рабочих все монастырские постройки подрядчика Ефима Яковлева Фурманова, на деревянном, самодельной работы блюде, со следующей речью: «Поздравляем вас, матушка, с благополучным достижением двадцатипятилетия трудов ваших обители, которых все мы, тут находящиеся, свидетели. Просим принять и от нашего уважения к вашей честности нашу хлеб-соль и жить еще многая и многая лета!»

При пении шпалерами стоящих с крыльца и до самой двери игуменских келий соборных певчих тропаря Св. Троицы: «Благословен еси, Христе Боже наш!» — вступила игумения в приемное зало, где, выслушав краткую ектенью, приложившись к Св. Кресту, приложилась также и к громадной живописным ей послушанием поднесенной картине изображения Богоматери, как Верховно-Святейшей Дивеевской обители Игумении, с предстоящими Ей св. Марией Магдалиной и основателями обители матерью Александрой и старцем Серафимом, купно с блаженной, в Бозе почившей достопамятной старицей обители Пелагеей.

Приняв просфору от нарочито ради того приехавшей сестры Нижегородского Серафимо-Дивеева подворья, игумения выслушала приветствие на покое живущей бывшей казначеи монастыря монахини Магдалины (Харкевич).

«Высокопреподобнейшая матушка игумения! Единодушно празднуем 25-летие вашего игуменства. Смирение ваше, кротость обращения со всеми нами выше всякой похвалы!

А любовь материнская, попечение ваше о внешнем удобстве и спокойствии внутреннем выше всякого слова благодарности! Мы усердно молим Господа, чтобы продлил Он управ-

ление ваше обителью в том мирном строе, которым имеем счастие пользоваться. 14 марта 1887 года».

После всего этого угощались до полутораста человек, включая и светских прибывших гостей, чаем и за ним прекрасною трапезой в так называемых Архиерейских покоях.

Тут же были прочитаны из разных мест полученные поздравительно-приветственные телеграммы, числом до 15, равно как и письмо на покое живущего преосвященного епископа Феофана, 25 лет тому назад посвящавшего во игуменство мать Марию:

Ваше Высокопреподобие Достопочтеннейшая Матушка!

Слышу, что у вас в завтрашний день собирается праздник. Чтущие и любящие вас хотят почтить ваше двадцатипятилетнее игуменствование в Дивеевской обители.

Достойно и праведно! Благослови, Господи, дело сие и вас в день сей паче других дней.

Предпострадавши, как угодно было сие Господу, потрудились вы потом благоплодно в устроении обители и по внешности, и по внутреннему чину. И Господь благословил и благословляет труды сии. Слава и благодарение богатому Его милованию вас!

Даруй, Господи, вам еще пожить и дожить до другого двадцатипятилетия, для блага обители и всех в ней спасающихся.

Вы — обожженный вначале кирпич. А такие кирпичи долго лежат, хоть бы пришлось им лежать в воде. Поминаю об этом, что надежда на долголетие не безнадежна. Чего вам пожелать!

Желаю паче всех, чтоб вы прочее насладились покоем и миром душевным, смотря на то, как преуспевает под вами обитель ваша, по причине установившихся при вас порядков и правил.

Господь да будет с вами и покров Матери Божией да осеняет вас и обитель вашу.

Прошу и ваших молитв.

Ваш усердный богомолец *Е. Феофан.*

Письмо преосвященного Макария, епископа Вятского и Слободского, с присланной в благословение св. иконой Николая Чудотворца Великорецкого на чеканке:

Ваше Высокопреподобие Высокопреподобнейшая Игумения Мария!

Берусь за перо и от всего сердца приношу вам усерднейшее поздравление с двадцатипятилетием вашего игуменства.

Много было приятного и неприятного для вас в продолжение этого времени. Особенно бурно было начало вашего игуменства. Но это бурное время утвердило и укрепило ваш дух к перенесению всяких неприятностей. Я не буду раскрывать всю историю вашего прошедшего двадцатипятилетия. А благодарю вместе с вами Господа Бога, что Он, Милосердый, по молитвам Владычицы, *умиляющей* нас и над нами, не оставлял вас без своей небесной помощи и являл над вами и над вашим местом *дивную* силу, обещанную праведным старцем Серафимом. Да продлит Он ваши старческие лета во втором двадцатипятилетии в мире, спокойствии и тишине! В память этого благожелания благословляю вас иконой святителя Николая Великорецкого, покровителя нашей Вятской области. Да хранит он и вас со всеми вашими сестрами от нападений вражиих и от всяких зол и напастей.

Испрашивая благословение Божие на вас с вашею казначеею и со всеми сестрами, остаюсь навсегда преданный ваш слуга и благожелатель Вятский епископ Макарий.

Письмо высокоуважаемого маститого восьмидесятилетнего старца Петра Александровича генерала Брянчанинова, родного брата в Бозе почившего всем известного епископа Игнатия:

Ваше Высокопреподобие Глубокочтимая Матушка Игумения Мария!

С искренним и глубоким сочувствием поздравляю вас, достоуважаемая матушка игумения, с совершившимся двадцатипятилетием настоятельства вашего в Серафимо-Дивеевском монастыре, которому вы многополезно послужили с самого поступления вашего в эту святую обитель, что Господь за молитвы великого угодника Его преподобнейшего батюшки отца Серафима благоизволил поставить вас «на свещнице» первою игумениею этой лавры Российских девичьих монастырей как по множеству подвижниц, собравшихся в ней для служения Богу, так и по обилию благодати, которою духовно обновляются православные христиане, с верою притекающие в нее искать благословение духовного основателя ее чрез святые молитвы ваши и стариц-подвижниц, руководимых вашим духовно-мудрым опытом к Богоугождению в духе единой Святой Православной Церкви.

«Светите же», Богом избранная, первопоставленная матушка игумения Мария, многие и многие лета светом истины, светом Евангельского добра, «яко да видят все ваши добрые дела и прославят, о вас, Отца вашего, Иже на небесех!»

Вот уже более 30 лет, как знаю вас, знаю течение дней ваших в трудах, скорбях, лишениях, гонениях и в глубине души дивлюсь истинности слова Божия, и им только объясняю себе то дивное явление, которое прочитываю во всей многосторонне-страдальческой и духовно-славной жизни вашей. Господь сказал: «На кого воззрю? — Токмо на кроткого, смиренного и трепещущего словес Моих». В этих словах вижу тот источник милости, доброты, духовной твердости и мужества безбоязненного, которыми побеждали вы все козни врага князя тьмы и его сподвижников.

Смотря на вас с той точки зрения, с которой Господь сподобил меня знать вас и близко следить за событиями жизни вашей, невольно вынуждаешься славословить Господа, Дивнаго во святых Своих, благословить духоносного угодника Его, преподобнейшего старца отца Серафима, и, благоговейно взирая на вас, избранницу их, молить Господа: да продлит Он дни жизни вашей и служения вашего во славу Его имени, на благопоспешение вверенной вам духовной паствы вашей.

Испрашивая ваших святых молитв и благодатного благословения вашего, с глубоким сердечным уважением остаюсь всегда вам неизменно преданный слуга и послушник *Петр Брянчанинов.*

Письмо Нижегородско-Похвалинской церкви священника отца Доримедонта Покровского:

Ваше Высокопреподобие Всечестнейшая Матушка Игумения!

Прошу ваше высокопреподобие от имени моего и Екатерины Васильевны и всего глубокоуважающего вас нашего семейства принять искренние приветствия и благожелания, которые мы всегда питаем касательно драгоценных дней ваших и вашего благополучия. Считаем себя счастливыми, что можем в настоящие минуты подтвердить наши чувства по случаю исполнившегося двадцатипятилетия служения вашего Серафимо-Дивеевской святой обители в сане игумении.

Много трудов и забот несет лично каждый инок, а тем более тот, кто облечен властью; много скорбей и печалей бывает

у каждой инокини, а тем более является их у тех, на кого десницею Всевышнего возложено попечение о спасении других, потому что таковые избранники живут не столько для себя, сколько для других, дабы непостыдно предстать пред Лице Праведного Мздовоздаятеля и с дерзновением сказать: Се аз и дети, коих вручил Ты мне, Господи!

Не душистыми цветами устлано было и пройденное вами двадцатипятилетнее служебное поприще на процветание вверенной вам обители, на спасение других... Были очевидны случаи, когда враг нашего спасения, как бы воплотившись в непотребные сосуды, готов был поглотить вас, но Господь поддерживал вас во всех напастях и искушениях и сохранил вашу драгоценную жизнь, как некогда св. праведного пророка Даниила, брошенного по навету клеветников в ров голодных львов...

Приветствуя вас с настоящим великим событием в жизни и деятельности многознаменательного пройденного вами поприща, молим Господа, да продлит Он, Милосердый многополезную жизнь вашу на многие и многие годы, да ниспошлет Он вам крепость сил телесных и мир душевный на долгие дни. Господь Бог, положивый в Своей власти времена и лета, да будет с вами всегда в неистощимых щедротах милости Своей, а по отшествии из сего мира да вселит вас в небесные Свои обители и венчает вас венцом небесным.

Вашего высокопреподобия слуга и Серафимо-Дивеевской обители послушник священник Нижегородской Похвалинской церкви *Доримедонт Покровский.*

Закончилась трапеза следующей юбилярше сказанной матерью казначеей Еленой речью:

Высокопочитаемая и Всечестнейшая и крепколюбимая Мать Игумения Мария!

Зачиная и устрояя обитель Дивеевскую, приснопамятный основатель ее старец Серафим говорил присным своим: «На двенадцатой только начальнице девице Елисавете Ушаковой устроится все и будет монастырь в Дивеевской обители моей Серафимовской пустыни». И не идет мимо глагол Святого!

Пятьдесят три года прошло со блаженного успения основателя старца, и, неисповедимыми судьбами никогда не преходя-

щего Божия определения, не только воочию всех исполнилось предречение святого, но ныне даже сретаем, торжествуем и празднуем мы двадцатипятилетие свыше благословенных праведных трудов игуменства твоего; из токмо малого числа убогих келий умиленно зрим воистину величественное возникновение обширной тысячесонмной обители, все полно расцветшей благоустроением своим, велелепотою храмов и служений своих в прославление Пресвятой Троицы!

Дивятся чуждии, не зная, что добре ведомо всеми нами; и, в сознании всеполнейшего токмо убожества нашего, благоговейно чудяся, вопрошаем смирение твое: Како возмогла ты велие сие устроити?! – непрестающими скорбями, безропотно крепким терпением, непрерывною молитвою, безустанным трудом твоим и достойно чрез то заслуженным благословением благодати Богоматерней!

Что же возможет немощь сирот Серафимовых, в трапезе уважения заслугам твоим и немолвствовании благоговения – любви Святыни твоея, изрещи тебе, достодолжно воздав смиренномудрию твоему!

Да украсит тя Господь от Сиона за благоукрашение обители сея! Да превознесет и возвеличит он смирение твое и да укрепит силою правящей благодати Своея правоправящую мышцу игуменства твоего на премного многая лета!

Да даст ти по сердцу твоему, да исполнит вся прошения твоя и да возрадуется и лишше – вечно отныне да радуется душа твоя о Господе! И да будеши ты день от дне и лета в лета благословенна!

Со Христом ты мать наша ныне и присно – с Ним да будеши и во веки!

Надежда на скорое открытие мощей о. Серафима и исполнение всех его предсказаний по этому случаю составляла всегда и составляет тем более ныне тайную радость монашествующих в его Дивеевской обители, и безошибочно можно сказать, что вся молящаяся Россия трепетно ожидает этого дня... Всем кажется, что ежедневные чудеса, явные и тайные, на могиле о. Серафима, в Дивееве и повсюду от изображений его, от целебного источника свидетельствуют о прославлении Господом угодника Своего. С назначением игуменом Саровской пустыни монашествующего на Афоне и возведенного в сан архимандрита о. Рафаила вопрос об обследовании

чудес, совершенных по вере к молитвам о. Серафима, тотчас был возбужден. Он же устроил на могиле великого старца часовню, составил проект постройки церкви у кельи о. Серафима и построил также часовню на источнике и купальню.

Приводим прежде всего письмо г-жи Жуковской к игумении Серафимо-Дивеевского монастыря Марии. «Однажды дочь наша, будучи лет пяти, захворала всеми признаками скрытой скарлатины, кинувшейся на мозг. Зная по опыту весь ужас этой болезни, я просила моего мужа, чтобы он побывал у отца Назария, священника Придворной госпитальной церкви, что у Полицейского моста в Санкт-Петербурге, и попросил бы батюшку скатить водицу с камешка св. старца Серафима. Узнав о болезни нашего ребенка, о. Назарий был так добр, что уделил нам и частицу камешка, сказав мужу, что когда будем скачивать с него воду, то в это время следует прочитать 3 раза "Отче наш" и столько же "Богородице Дево, радуйся", опустив самый камешек в воду. Перед возвращением мужа от о. Назария был у нас доктор, который мне объявил, что если болезнь примет дурной оборот, то больная будет жаловаться на головокружение, которое будет сопровождаться рвотой. Не успел доктор уйти, как все это обнаружилось, и больная стала бредить с открытыми глазами. В это время мой муж возвратился домой. Узнав все мои опасения насчет больной, он мне сказал, подавая камешек: "Вот тебе лекарство", объяснив, как надо воду скатить. С благоговением поцеловала я этот камешек и немедленно приготовила водицу. Это было часов в 12 дня. Мой муж ушел на службу и возвратился в 4; в этот промежуток я старалась чаще поить больную с чайной ложечки; к приходу отца она вышла из забытья, а к вечеру спросила игрушки. Доктор, навестивший больную часов в 8 вечера, думал ее найти в опасном состоянии. Велико было его удивление, когда он нашел ее здоровой».

Красноярский купец Иван Латкин писал той же Дивеевской игумении Марии: «В 1860-х годах я был с осени в г. Красноярске нездоров месяца два – даже и ходить не мог. Но хозяин, у которого я находился на службе, прислал за мной, чтобы я собирался ехать с ним в г. Томск. Фельдшер же, который меня тогда лечил, говорил мне, что ежели по четыре раза в каждые сутки я не буду переменять повязок моих ран, то я должен умереть. Несмотря на это, хотя и невольно, я должен

был ехать с хозяином, и сидели мы в повозке рядом, а по случаю худой дороги ехали более трех суток до г. Томска, о болезни же я не смел сказать хозяину и перевязок во всю дорогу не делал. В г. Томске остановились на квартире, где вечером, спустя довольно времени, лег я спать на диван боком и заснул. И вот вижу во сне: вошел старичок в белом балахончике повыше колен и опоясанный. Подошедши ко мне, он ударил ладонью по моей ноге и сказал: "Вот не стал лечиться и выздоровел!" Я тотчас же проснулся, достал огня и посмотрел на свои раны, с которых во всю дорогу не снимал повязок. К удивлению моему, и знаков болезни не оказалось, что обрадовало меня до такой степени, что я безотчетно несколько раз ночью бегал взад и вперед в часовню Иверской Божией Матери с намерением купить книгу из житий Святых Отцов, но там спали, потому что было за полночь. Когда стало светать, я опять побежал и, к радости и счастью моему, вижу, что монах сметает снег у часовни. Я спросил у него: есть ли книги из житий Святых Отцов, на что получил ответ, что есть. Монах отпер часовню и, вошедши, подал мне одну книжку. Я, помня лицо старца, виденного во сне, взял книгу в руки, раскрываю и вижу неожиданно этого самого старца. Это был батюшка отец Серафим, иеромонах Саровской пустыни, которого ранее я не видел и не знал».

Комиссия по обследованию чудесных событий, совершавшихся по молитвам блаженной памяти о. Серафима Саровского, закончила свои работы в 1894 году и представила их в Тамбовскую Духовную Консисторию. Члены этой комиссии должны были убедиться, что вера в молитвенное к нему обращение и благоговейное почитание его памяти служат продолжением того глубокого уважения и благоговейного почитания, которыми о. Серафим пользовался даже и среди неверующих русского общества при жизни своей, так и по своем преставлении. В духовной литературе шестидесятых годов говорится, что и имя о. Серафима еще при жизни его приобрело такую известность, какой в то время никто не достигал между подвижниками благочестия в нашем отечестве; его знала почти вся Россия, и тысячи народов всех концов земли русской приходили в Саровскую пустынь для того, чтобы принять благословение ее смиренного старца; изображение убогого, согбенного летами старца, в убогом белом балахончике, на коленах пред иконою Богоматери или с топором и

мотыгой в руках и т. п., можно было видеть повсюду: и в бедной хижине селянина, и в лучших эстампных магазинах.

«По прошествии 30 лет после блаженной кончины великого старца премудрому промыслу Божию не угодно было еще явить в нем Церкви Своего святого угодника торжественным прославлением его, но уважение, какое питали к нему современники, нисколько не уменьшилось; толпы народа по-прежнему собираются в Саровскую обитель на могилу старца, как прежде собирались к его келье, и молитвы о его упокоении в лике святых воссылаются не в одном только Сарове, но и в разных концах России» (Церковная летопись духовной беседы 1865 г.). В «Душеполезном чтении» за 1870 год А. Ковалевский удостоверяет, что о чудной жизни и подвигах старца Серафима знает вся Россия. Свейский архимандрит Иерофей свидетельствует, что рубища и простота св. старца Серафима, как полуденный свет солнца, сияли и просияли для мира (Домашняя беседа, 1865 г.). Составитель брошюры «Три слова о монашестве» (Санкт-Петербург, 1867 г.) говорит, что в Бозе почивший Саровский старец иеромонах Серафим «преизлих удостоверяет нас в том, что и в наши дни не иссяк благодатный, живой поток разнообразных исцелений и даров всем с верою прибегающим к святым угодникам».

Наконец, сами подвижники благочестия того времени были возвышенного понятия о жизни и подвигах о. Серафима. Так, Антоний, архиепископ Воронежский, говорил об о. Серафиме как великом всемирном молитвеннике, стяжавшем дар прозорливости и т. д. (Душеполезное чтение 1868 г.). Справедливость этих свидетельств об о. Серафиме как нельзя лучше удостоверена Церковью тем, что около того же времени в истории Русской Церкви о. Серафим занесен с именем самого великого подвижника благочестия, и притом в ряду таких подвижников, среди которых стоит имя уже прославленного Церковью святителя Задонского Тихона (История Русской Церкви Филарета Черниговского. Москва, 1859 г.).

Почитание о. Серафима, так ярко обрисованное в шестидесятых годах, не только не уменьшилось в настоящее время, но, напротив, даже увеличилось и приняло до сего времени не употреблявшуюся форму. Отца Серафима почитают и молитвенно к нему обращаются, как бы уже к канонизированному святому, хотя даже и вопроса о канонизации памяти

о. Серафима в подлежащих учреждениях Греко-Российской Церкви доселе не возбуждалось. Изображения о. Серафима называют и считают «иконами», помещают их в кивотах в ряду других икон с изображением Спаса, Богоматери и святых, уже прославленных Церковью; зажигают пред ними лампады, творят крестное знамение и земные поклоны и целуют эти изображения. В шестидесятых годах почитание изображений о. Серафима за «икону», за образ встречалось единичными случаями, как исключение (Душеполезное чтение 1867 г.). В настоящее же время стоит только побывать на могиле о. Серафима, на источнике дальней пустынки, чтобы убедиться, что не только массы простого народа, но и лица, по-видимому, интеллигентных сословий, взирая на изображение о. Серафима, полагают на себе крестное знамение, кланяются в землю и целуют эти изображения. Между распространенными изображениями о. Серафима есть поясное, так называемое Серебряковское, где о. Серафим изображен в мантии и епитрахили, со сложенными на груди руками, в поручах; это изображение совершенно иконного типа, и только отсутствие нимба, не всегда и не для всякого заметное, указывает на то, что это изображение еще не прославленного Церковью святого. Молятся и молитвенно призывают о. Серафима как святого. Читаются, хотя келейно, а не за церковнообщественным богослужением, рукописные акафисты преподобному и Богоносному отцу нашему Серафиму, Саровскому чудотворцу.

Источник благодатных даров, чудес, источаемых всем молитвенно прибегающим к о. Серафиму, отнюдь не исчерпывается жизнеописаниями 5 изданий, ибо в них заносится далеко не весь даже и печатный материал, разбросанный по всем периодическим и повременным изданиям как светской, так и духовной литературы (Русский Вестник 1880 г. Русская Старина 1880 г. Духовная беседа 1872 г. Душеполезное чтение 1867 г., 1874 г. и т. д.).

«Сборник чудесных событий» составлен игуменом Саровским о. Рафаилом, который от предшественников своих не получил в этом смысле никакого наследия и ограничился тесным кругом собирания сведений, а именно Саровскою пустынью и Дивеевским монастырем; даже он не мог собрать и все то, что имеется в Сарове и Дивееве, не говоря уже о более обширном и повсеместном собрании всех сказаний и записей

о чудесах о. Серафима. В одном архиве канцелярии игумена можно видеть сотни писем с денежными пожертвованиями в благодарность за благодеяния, получаемые чрез молитвенное обращение к о. Серафиму. Все они свидетельствуют о том, что православный русский народ глубоко верит в силу молитв и предстательство пред Богом о. Серафима и благоговейно чтит его память. В самое последнее время замечается особенно напряженное внимание к делу прославления имени о. Серафима. В письмах к о. настоятелю Саровской пустыни спрашивают, скоро ли последует открытие мощей о. Серафима, просят отслужить молебен с акафистом о. Серафиму, полагая, что он уже прославлен Церковью; справляются об открытии мощей даже телеграммами.

Рассказ об исцелении от зубной болезни Краснослободского мещанина Матфея Карпова: «Был я одержим сильной болью зубной около двух лет с половиною. Отвлекала она меня от моих занятий. Лекарство принимал разное, но помощи не было, и разные заговоры не были на пользу. В 1866 году явилось у меня желание идти в Саровскую обитель, чтобы попросить у Бога чрез молитвы отца Серафима, при его могиле, исцеления зубной боли. Восьмого сентября, на праздник Рождества Богородицы, по отслужении святой литургии, я, в числе прочих людей, просил очередного иеромонаха отслужить панихиду на могиле отца Серафима. По отслужении панихиды я пожелал приложиться три раза обеими щеками к памятнику, от чего тут же почувствовал облегчение, а потом и совершенное исцеление».

Рассказ жены священника Александра Виноградова об исцелении сына ее от заикания: «В 1865 году по грехам моим трехлетний сын мой, бойкий на разговорах мальчик, вдруг стал заикаться. Заиканье это время от времени все делалось хуже и труднее и в начале 1866 года до того увеличилось, что он не мог сказать сразу ни одного слова, а прежде минут пять и более толкует: а, а, а... весь покраснеет, наконец ухватит себя обеими руками за скулы и со слезами убежит, спрячется где-нибудь и плачет о том, что не может высказать того, что хочет. Нам, родителям его, было очень прискорбно это видеть; мы со страхом заглядывали в будущее, как ему, бедному, будет отвечать уроки, когда будет он в школе. Часто мы ему говорили: "Сашенька! Обдумайся прежде, потом и говори", — вообра-

жая, что от торопливости в речи он взял привычку так страшно заикаться, а иногда говаривали ему: "Замолчи лучше: очень неприятно слышать твое заиканье". Все это, видимо, огорчало и самого не по летам смышленого мальчика. В Великом посту, в 1866 году, дали мне знакомые почитать книгу – жизнь подвижника Саровского отца Серафима. Я ее читала вслух сыну; сын слушал мое чтение с удивительным вниманием и понятливостью, и стал он затем иметь веру в святость отца Серафима и питать к нему любовь. Это он выражал, целуя с благоговением картинки, изображавшие отца Серафима. Так прошли дни Св. Пасхи; на этих днях, а именно во вторник, отец послал Сашу из передней половины нашего дома в задние комнаты что-то сказать мне. Он отворил к нам дверь, хотел сказать, но не мог – покраснел, зажал себе скулы (потому что от заиканья у него делалась боль в скулах), убежал за дверь и заплакал. Глядя на это его положение, я и нянька – девица, у нас живущая, – обе заплакали. Я приласкала своего несчастного сына и посоветовала ему во время благовеста к "Достойной" молиться или хотя перекреститься везде, где бы он в это время ни был, и просить отца Серафима, чтобы он молитвами своими его исцелил. Мальчик с радостью принял мой совет и обещал исполнять, что точно и исполнял затем. Сама я в тот же час в душе дала обет отслужить панихиду об упокоении души батюшки отца Серафима, пошла к мужу, передала ему все. Но муж мой, в это время еще не читавший жизни о. Серафима, очень равнодушно принял мой обет и когда-нибудь обещал отслужить панихиду. Замечательно, что именно с этого дня, как мы дали обет прибегать к о. Серафиму и молиться об упокоении блаженной души его, сын наш заикаться перестал вдруг и все стал говорить хорошо, резко и отчетливо... Мы, грешные, в своей беспечности думали: вот правду люди говорили, что со временем у него эта болезнь пройдет; вот и прошло, и – панихиды не служили. Только я затаила в душе мысль, что когда-нибудь при случае исполню обещание. Так прошло недели три. И вот Господь благоволил вразумить нас, беспечных, и показать нам, что не сам собою сын наш выздоровел, но за молитвы батюшки отца Серафима. Сын наш опять стал вдруг по-прежнему заикаться, опять не мог сказать сразу ни одного слова. Тогда я, грешная, поняла все это и передала мое мнение об этом моему мужу. Муж тогда пожелал

прочитать жизнеописание отца Серафима, стал читать, почувствовал благоговение к старцу Божию и скоро изъявил мне желание по батюшке отслужить обещанную панихиду, что и исполнил. После панихиды ребенок наш разом совершенно исправился. Мало этого, он в том же 1866 году, бывши $4^1/_2$ лет, требовал настоятельно, чтобы его выучили читать».

Коллежский секретарь Андрей Васильев писал Саровскому игумену Серафиму следующее: «В марте месяце 1866 года жена моя, Александра Николаевна, возвратясь из Саровской пустыни, видела во сне покойного подвижника Саровской обители святого старца отца Серафима, который говорил ей, что у нее будет болеть бок и что ей никто, кроме него, оказать помощи не может. Действительно, в апреле месяце того же года жена моя почувствовала сильную боль в правом боку, и болезнь приняла такие сильные размеры, что приводила ее в исступление. Обратились мы к совету докторов в г. Пензе и Саранске, которые и пользовали более двух лет, и хотя отчасти облегчали, но положительной помощи не оказали, а объявили мне, что болезнь жены моей неизлечима. Имея веру в силу молитв святого старца отца Серафима и вспомнив явление его во сне жене моей, я со всем семейством в сентябре месяце сего года отправился в Саровскую пустынь, где, пробыв до 18 числа, удостоились приобщиться Св. Тайн, слушать молебен пред иконою Царицы Небесной Живоносного Ее Источника и панихиду в келье и на могиле святого отца Серафима. Отправились мы затем в Серафимо-Дивеевский девичий монастырь и там на другой день также отслужили молебен пред иконою Царицы Небесной "Умиление" и панихиду в келье отца Серафима, где все лобызали убогую одежду святого старца, и возвратились в гостиницу. Ночью того дня болезнь с моей женой так сильно повторилась, что многократно сопровождалась рвотой желчи отдельными кусками и наконец черною жидкостью, вроде земли, и больная изнемогала до последних сил, но имея веру в силу молитв отца Серафима, я обратился снова с молитвою к нему и просил также молитв сестер обители, по совершении которых матушка игумения Мария посетила мою больную жену и на нее возлагала принесенные ею шапочку и полотенце отца Серафима. После этого моя жена уже никогда не чувствовала даже малейшей болезни, как будто бы оной с нею и никогда не было. Наконец жена моя снова увидела во

сне отца Серафима, который говорит ей: Ну, радость моя, твоя болезнь к тебе не возвратится, и ты будешь здорова».

Из письма гг. Алферовых. «В 1866 году 6 декабря, – пишет г. Алферов, – дочь моя София, будучи одного года и двух месяцев, вдруг не стала владеть левою ножкою; страдания малютки были невыносимы – ни днем, ни ночью не могла спать; доктора, пользовавшие ее, не могли даже определить, в чем заключалась эта болезнь, ибо опухоли не было. Одним словом, она не могла владеть ножкой, а разные мази, прописываемые докторами, еще более усиливали боль в ноге. Нам с женой слишком было прискорбно видеть невыносимые страдания малютки, и не в состоянии будучи облегчить их, мы обратились за помощью к Пресвятой Владычице Небесной – попросили священника отслужить молебен Казанской иконе Божией Матери, прося Царицу Небесную послать нашей дочке выздоровление. Вскоре после этого, перед обедом, жена моя, оставаясь у колыбели больной малютки, уснула на несколько минут и увидела иеромонаха старца Серафима в белом балахончике, который ей сказал: "Не плачь и не убивайся, твоя дочь будет жива и здорова. У нее вывих; нужно поскорее поправить ножку" Тут жена моя проснулась и за обедом рассказала мне о своем сновидении. После обеда я прилег отдохнуть и сам увидел во сне старца Серафима, также в белом балахончике, который, обращаясь ко мне, сказал: "Не беспокойтесь, ваша дочь будет жива". Проснувшись, я пошел в столовую, где застал жену, разговаривающею с акушеркой, которая за тем, собственно, пришла, чтобы посоветовать нам обратиться к костоправу-мужичку, известному во всем Глазовском уезде Вятской губернии, где в то время я находился на службе. Я заявил им о своем сновидении и послал кучера за упомянутым костоправом, который на другой день утром приехал. Осмотрев больную ножку нашей дочки, он нашел у нее вывих в трех местах, а именно: в ступне, повыше оной и в колене. При этом он заявил нам, что нужно будет поправить еще два раза. После первого поправления ножки, на третий или четвертый день, она в первый раз подняла ее, к нашей общей радости; после каждого поправления ей делалось лучше, а через три недели она была совершенно здорова. В 1867 году, около 8 июля, у меня заболел сын Александр, будучи трех месяцев. Около же 15 июля я, возвратясь из уезда, в час ночи

лег спать и во сне увидел старца Серафима, в том же белом балахончике, который мне сказал: “Он умрет”. По истечении трех дней сын мой умер. В 1870 году 2 августа, в Санкт-Петербурге, у меня родилась дочь Ольга. Когда исполнилось ей шесть недель, жена моя поехала к куму, а я, оставшись дома, уснул у кроватки малютки и увидел во сне вошедшего ко мне в комнату иеромонаха старца Серафима, в белом балахончике, который мне сказал: “Она году не доживет”. И действительно, она умерла 20 июля 1871 года, не дожив до году 12 дней. Когда я находился на службе в г. Глазове, именно в 1865 году, я почувствовал сильную боль в левом боку; по временам страдания мои были невыносимы. По приезде моем в Петербург, в 1870 году, врачи, к которым я обращался, находили мою болезнь неизлечимою. Оставя службу в 1876 году, я поехал в г. Задонск Воронежской губ., часто ходил к обедне в монастырь и мысленно всегда просил старца Серафима облегчить мою болезнь. В ночь с 23 на 24 августа, во время моего сна, старец Серафим подошел к моей кровати – в подряснике, епитрахили и поручах, – поодаль от него стал диакон в полном облачении и еще кто-то в монашеском одеянии. Отец Серафим, приблизясь ко мне, левым коленом своей ноги уперся в больной мой бок и обеими руками ободрал мне ребра так, что когда я взглянул на больное место, то под ребрами висели какие-то кровавые жилы, вроде пиявок, в палец толщиною. Когда видение прошло, я проснулся и тотчас же почувствовал облегчение». «С первых чисел сентября месяца, – пишет жена г. Алферова, – я страдала биением сердца и захватом дыхания в груди, с сильным кашлем, болью в груди, спине и левом боку; все это время я лечилась, но от лекарств облегчения не получала. Летом 1884 года я страдала расслаблением всего организма, по временам от слабости едва могла ходить. В молитве своей я всегда просила Матерь Божию и старца Серафима послать мне исцеление. С 4 на 5-е августа я во сне увидела старца Серафима в черной мантии, епитрахили и поручах. Он подошел ко мне, но только не знаю где, взял меня за плечи и поставил в большой комнате со словами: “Не убойся, дочь моя! Сейчас тебе будет великая радость: видение образа Божией Матери” Тотчас послышался сильный шум, от страха и слабости голова моя кружилась, но была поддерживаема руками отца Серафима и ободряема его словом: “Не убойся!” Вдруг

шум утих, отворилась дверь и вошла женщина в монашеском одеянии, с образом Божией Матери в руках и со множеством лиц, тоже в черном монашеском одеянии, которые остались в дверях. Увидев красоту, величие и божественную доброту монахини, я от страха едва держалась на ногах, но руки отца Серафима меня крепко поддерживали. Он опять мне сказал: "Не убойся!" – и подвел меня к образу Божией Матери. Женщина в монашеском одеянии три раза благословила меня упомянутым образом, и я приложилась к оному. Та, которая меня благословила, села на близ стоявшую скамейку – отец Серафим и мне помог сесть рядом с ней. Божественно-кроткий лик монахини, державшей образ Божией Матери, внушил мне мысль молить ее о своем исцелении, причем я просила ее дозволить мне поцеловать ее ручку (от страха я долго не решалась на это). Она, божественно улыбнувшись, протянула мне оную, сказав: "Сколько угодно" Я с благоговением поцеловала ее ручку, мысленно не переставая молить ее о своем исцелении. Когда мои грешные уста коснулись ее божественной ручки, вся душа моя наполнилась неизъяснимым блаженством, из которого меня вывел голос отца Серафима, все время находившегося около меня с правой стороны: "Теперь с тебя этого довольно – иди, вот диакон проводит тебя". Тотчас появился диакон в черной рясе, которого я прежде не заметила. Видение прошло; диакон пошел вперед, я же встала со скамейки сама и пошла за ним, не чувствуя более никакой слабости. Много комнат прошли мы, и наконец он ввел меня в небольшую комнату, всю увешанную образами, пред которыми горели лампады. Войдя в упомянутую комнату, он спросил у меня: "Знаешь ли, где ты теперь находишься?" Я отвечала: "Нет". "В Костроме", – был его ответ. Тут я проснулась. От великой радости и страха меня трясло, как в лихорадке; когда же я немного успокоилась, то почувствовала облегчение. Весь день я чувствовала себя крепче, а 6 августа, в день Преображения Господня, я пошла гулять со своим семейством, со станции Финляндской железной дороги, где мы жили на даче, и дошла до станции Шувалова без усталости, на расстоянии около трех верст. Благодаря покровительству Божией Матери и иеромонаха старца Серафима я не чувствую более слабости, и здоровье мое поправилось».

Кандидат Потапий Максимов писал Саровскому игумену Серафиму следующее. «В 1868 году в день праздника Святыя

Троицы с моими детьми отправился я в храм Божий для слушания литургии, а жена моя Мария, исповедующая римско-католическую веру, пошла для той же цели в костел. По окончании обедни, возвратившись домой, я узнал, что жена моя еще не возвращалась. Под влиянием неприятного чувства я ожидал возвращения ее и, по приходе, начал делать ей упреки за долгое отсутствие. Получив в ответ, что причиной ее отсутствия было желание слушать до конца богослужение, я кощунственно отозвался об ее набожности. В это время дочь наша Дарья, видя горесть матери и мое возбужденное состояние, подошла ко мне с просьбой не обижать мать. "Ты вон пошла!" – закричал я. Бедная малютка отшатнулась и в тот же день заболела. Полагая, что болезнь дочери есть следствие небольшого испуга, я спустя неделю после ее болезни приглашал в дом врачей более 12 человек для подания пособия больной. Но медицинские пособия не облегчили страданий малютки. Одиннадцать месяцев страдала моя дочь расслаблением организма до такой степени, что не могла даже поднять головы. Глубоко раскаиваясь в моей горячности и приписывая болезнь дочери ниспосланному на меня Богом испытанию, я плакал и молился. Прочитав жизнеописание Саровской пустыни старца Серафима и чудесное его заступничество за истинно-верующих и молящихся, я, по совету моего духовника, отслужил панихиду по преставльшемся старце Божием. Священник, отправлявший служение, затем исповедал и приобщил мою почти умирающую дочь. И на другой день, 19 марта 1869 года, дочь моя Дарья встала с постели и свободно стала ходить по комнате. На вопрос наш: "Как это случилось?" – Дарья отвечала, что во сне она видела священника, который, подошедши к ее постели, сказал: "Встань, Дашенька, Божия Матерь велела тебе встать"».

Нижегородский мещанин Павел Иванов Байков свидетельствует: «В 1868 году, когда я был приказчиком у купца Сторожева в г. Арзамасе Нижегородской губ., в декабре месяце при занятии в ренсковом погребе, в подвале, в 8 часов вечера со мною открылась болезнь глаз и вместе с сим обуял меня какой-то страх. Болезнь глаз и нападающий на меня страх изо дня в день усиливались и продолжались слишком год, так что за последнее время открылась сильная ломота в глазах, и я почти ни на что не мог смотреть, тем более на свет. Докто-

ра как арзамасские, так и лукояновские, пользовавшие меня немалое время, никакой пользы не могли мне принести. В то время родительница моя, старушка богобоязненная, слыша многое об исцелениях разных недугов молитвами иеромонаха старца Серафима, дала мне наставление, чтобы я просил отца Серафима на молитве об исцелении моей болезни, и вместе с сим посоветовала сходить пешком в Саровскую пустынь отслужить по нем панихиду. Совет родительницы моей я принял с усердием и постоянно на молитве просил отца Серафима об исцелении моей болезни, а также сходил пешком в Саровскую пустынь, где у могилы отца Серафима отслужил панихиду. По приходе из Сарова в село Иванцево, спустя недели две, Богу угодно было, молитвами отца Серафима, со мною сотворить чудо. Брат мой старший, Алексей, в то время снял в аренду господский сад в селе Иванцеве, принадлежащий графине Протасовой. В июне месяце 1870 года, в самый полдень, брат мне предложил сходить с ним в сад, который от нашего жительства отстоял саженях во ста или полутораста. Пришли мы с ним в сад, около шалаша посидели несколько времени, затем брат говорит мне, что время обедать, я ему говорю: "Иди, я сам как-нибудь через несколько минут приду" Не успел брат отойти от меня несколько сажен, как меня сильно и моментально склонило ко сну, тогда как в то время я никакой привычки не имел днем спать. В это самое время, в течение каких-нибудь пяти минут, вижу я во сне, что нахожусь в Сарове около могилы отца Серафима, на коленях молюсь Богу и прошу об исцелении моей болезни; в этот момент из глаз моих вылетают громадные огненные искры. Не могу припомнить – спал ли я, или был в каком-то забвении, только, когда пришел в память, со мною было сильное трясение, и тут же никакой боли в глазах я более не почувствовал».

В заключение приведем исцеление г-на Засухина, о котором было напечатано в октябрьской книжке *Приложения* к журналу «Гражданин» 1884 г. Автор статьи пишет так:

«Желаю описать один замечательный случай, бывший с одним моим духовным сыном, муромским купцом Иваном Ивановым Засухиным, в 1882 и 1883 годах.

Вышепоименованный муромский купец Иван Иванов Засухин, 1882 г., марта 21 дня, приехал в Муром, в свой дом из станицы Урсанина, земли войска Донского, очень боль-

ным. По его словам, он заболел там брюшным тифом 3 марта. Местный доктор станицы Урсанина, лечивший его там, несколько ослабивши болезнь, посоветовал ему ехать на родину, что он и сделал. Дорога утомила его очень сильно, и он прибыл в Муром очень слабым. Позван был доктор, некто вольнопрактикующий Ив. С. Стабровский. Г-н Стабровский принял болезнь тоже за брюшной тиф и против него стал лечить; болезнь ослабела и, по замечанию г. Засухина, температура жара $40\,^1/_{10}$ ослабела до $37\,^1/_2$; прошло немного дней — больной стал поправляться. При болезни у него образовалась опухоль за ушами, а потом в правом паху; г. Стабровский нашел нужным опухоль в паху прорезать, чтобы дать исход скопившейся там материи. Но прорез вышел неудачен, материя не шла, а опухоль стала развиваться более и более. Впрочем, несмотря на подобное неблагоприятное условие, вообще здоровье больного стало заметно поправляться. Явился аппетит, и больной без особенных усилий мог в постели сидеть. Г-н Стабровский, не находя ничего серьезного, по своим надобностям отправился в Москву, не считая даже нужным передать больного кому-либо из муромских врачей. Но, к прискорбию больного, вскоре по отъезде Стабровского болезнь усилилась, и больной принужден был обратиться к другому врачу. Был приглашен военный врач г. Карпов. Карпов признал болезнь за поражение кишок и стал лечить против этой болезни, а на прорез опухоли внимания не обратил.

Болезнь не унималась, и больной вызвал из Москвы опять г-на Стабровского; больной, чувствуя невыносимую боль в паху, просил доктора обратить на это внимание.

При внимательном осмотре доктора оказалось: опухоль в паху усиливалась, а прорез уже закрывался, расширить прорез г-н Стабровский не находил удобным, по слабости больного, потому что от изнурительной болезни силы больного очень ослабели. Больной, видя, что болезнь не поддается усилиям г-на Стабровского, просил его для совета пригласить другого врача, но г-н Стабровский не согласился на подобный совет и оставил больного, своего пациента. Был приглашен муромский земский врач г-н Розов. По словам г-на Розова, больной был в таком состоянии: значительная опухлость, крайне болезненная, правой тазовой области, распространенная и на правое бедро, так что движение в правом тазо-

бедренном суставе было совершенно невозможно. В правом паховом сгибе находилось отверстие свищевого хода, идущего к правой тазовой области; из отверстия этого постоянно выделялось значительное количество гноя. Больной был крайне истощен и настолько слаб, что не мог приподняться в постели. Однако после разного рода мероприятий и употребленных доктором средств к октябрю месяцу состояние больного улучшилось до такой степени, что он мог даже несколько ходить с помощью костыля; припухлость таза и бедра и болезненность в них значительно уменьшились. Силы больного окрепли, но свищевое отверстие не закрывалось, и, кроме того, на бедре появился новый нарыв, после которого остался опять свищевой ход. Ввиду такового состояния больного г-н Розов предложил больному отправиться в Петербург, рассчитывая, что, может быть, там найдут возможным помочь ему оперативным путем. Больной так и сделал и вместе с г-ном Розовым отправился в Петербург. Консилиум петербургских профессоров Богдановского и Мултановского нашел операцию невозможной, и только было сделано расширение свищевых ходов и вставлен был дренаж. По словам больного, он желал остаться в Санкт-Петербурге для окончательного излечения, но доктора посоветовали ехать домой, и так как он был очень слаб, то посоветовали ехать (домой) непременно с доктором (3 ноября). По возвращении в Муром в болезни Засухина появилось новое осложнение: по словам г-на Розова, развилось воспаление легочной плевры, к которому присоединился понос, больной ослабел окончательно. Для совета были приглашены еще другие врачи: гг. Доброхотов и Лутновский. Приглашенные врачи сознали положение больного безнадежным и определили даже день его смерти.

После подобного определения гг. врачей больной стал уже готовиться к переходу в вечность. Тут был приглашен я, как уже врач духовный. Больного я нашел очень слабым, но в памяти. Как истинный христианин, он сердечно исповедовался и удостоился святого причащения. Прошло немного дней, опять зовут меня к больному. Прихожу и вижу, что больной хотя и в сознании, но силы его ослабели окончательно. И вот его первые слова ко мне: “Батюшка, мне доктора сказали, что болезнь моя безнадежна, а потому, пока я в памяти, прочитайте мне отходные молитвы” С истинным сокрушением сердца,

что так рано кончается жизнь еще молодого человека, оставляющего после себя жену и пятерых малюток, я приступил к чтению отходных молитв, – больной ослабел. Жизнь осталась только в глазах, но и они, по сознанию больного, стали плохо видеть. Кончивши молитвы и благословив его, я уже не имел надежды на благополучный исход для больного, ждал час за часом, что скоро опять позовут меня к нему, но уже умершему. Но проходит день, меня не зовут, проходит другой – тоже, а на третий слышу, что больному стало лучше. Поистине удивительный случай! На третий день иду к больному и, к радости своей, вижу разительную перемену в больном. Хотя лежит еще в постели, но покоен, жизнь, так сказать, возвратилась; любопытствую: отчего такая перемена? И узнаю следующее от жены больного. В соседстве с ними живет одна почтенная г-жа М. Ф. Бычкова, как соседи они хорошо знакомы; М. Ф. очень жалела, что так рано умирает хороший сосед. По доброму христианскому чувству кто не поспешит или делом, или словом помочь безнадежному больному? Так сделала и г-жа Бычкова. Как соседке ей было известно все положение больного соседа, и она даже слышала, что доктора его признали безнадежным. Из жалости к умирающему, она, как истинно верующая, осмеливается предложить жене умирающего новое лекарство, но уж не человеческое, а Божеское. Она, как только я вышел, прочитавши отходные молитвы умирающему, принесла жене умирающего воды, взятой из источника отца Серафима, подвижника Саровской пустыни, и просила ее дать умирающему выпить этой воды. По словам жены, она, взявши эту воду, поднесла к больному, чтобы дать ему выпить, но больной уже почти не мог открыть рот, только с чайной ложки она могла влить ему в рот несколько капель, а остальную воду вылила ему на голову. Здесь надо заметить, что больной принимать пищу уже не мог, желудок не работал, и принятое что-либо больным без всякого процесса изливалось вон. Но какое удивительное действие оказала эта вода из источника отца Серафима! Жена умирающего так рассказывает: с того момента, как она влила ему в рот несколько капель и намочила голову, больной совершенно затих, так что она подумала, не умирает ли уж он, и стала внимательно следить. Но больной, к удивлению ее, заснул тихим сном. В таком состоянии прошло несколько часов. Затем больной просыпается

и просит пить; она от такой неожиданности совершенно растерялась и не знает, чего бы дать ему, что бы было невредно; ей пришло на мысль дать молока, что она и сделала; но потом вспомнила, что молоко было ему запрещено, поэтому очень опасалась дурных последствий; больной выпил и чувствует, что ему хорошо. Желудок пришел в действие, и прежнего не повторялось. С этих минут (16 ноября) ему стало лучше. На другой день г. Розов слушал его грудь и нашел переворот к лучшему. Больной, как говорит г-н Розов, вновь оправился. Однако бедро оставалось по-прежнему болезненным и припухшим, свищевые ходы не закрывались, движение в тазобедренном суставе было крайне ограничено, хотя больной чувствовал себя довольно хорошо, имел хороший аппетит, и силы вновь восстановились. В таком положении г-н Розов передал больного в марте месяце другому врачу (17 марта). Приглашен был г-н Анерик. Г-н Анерик, рассмотревши болезнь, счел необходимым расширить проходы материи и вставить новые дренажи, что и сделал при тщательном старании; но болезнь не ослабевала, больной не мог спокойно сидеть от боли, а если когда выходил, чтобы подышать воздухом, то этот подвиг был делаем с крайним усилием. Жена, слуги и два костыля были необходимыми ему помощниками. В конце мая г-н Анерик, видя, что болезнь упорна и нисколько не ослабевает от его усилий, стал предлагать больному вызвать из Москвы опытного хирурга и сделать решительную операцию – проникнуть в полость живота, но при этом все-таки надежды на полный и верный исход не подавал. Больной, пролежавши уже целый год под разными операциями гг. врачей без всякой пользы, потерял уже веру в помощь их и, помня, что он теперь жив единственно потому, что перед смертью напоили его водою из источника отца Серафима, возымел желание, несмотря на крайнюю невозможность по случаю болезни, самолично поклониться сему угоднику Божию и стал собираться в Саровскую пустынь. Г-н Анерик удерживал его, представляя все неудобства при таком здоровье дальнего путешествия (130 верст), и говорил, что больной умрет дорогой. Трудность путешествия увеличивалась еще тем, что нужно ехать непременно на лошадях, дорога непокойная, много нужно ехать лесом, а лесная дорога, по причине корней, всегда бывает очень тряска. Но, несмотря на все сие, желание больного было твердо, и он

поехал. Жена больного, внимая словам врача, на всякий случай взяла с собою все нужное для погребения. Взяты были также все дети, чтобы не лишить больного, в случае печального исхода, утешения видеть в последние минуты своих детей.

Положение больного было очень тяжелое: сидеть в экипаже он не мог, потому что больная нога была согнута, а сотрясение от езды производило нестерпимую боль в паху, и, по словам жены, он слабел еще более, и она уже боялась, как бы опасения врача не сбылись. При каждой остановке из экипажа был выносим на руках. И в таком болезненном состоянии больной прибыл в Серафимо-Дивеев монастырь, на пути к Саровской пустыни, в 12 верстах от Сарова. Здесь больной намерен был несколько отдохнуть от тяжкого пути и пробыть сутки. Это было 5 июня, в день праздника Святой Троицы. Наступило время всенощного бдения, и больной, несмотря на сильную боль в паху, решается быть при богослужении. С помощью жены и своих служителей он на носилках принесен из гостиницы к церкви и почти на руках внесен был в церковь к богослужению. Что было потом, больной так говорит: "Тяжело мне было сидеть, но хотелось пробыть в церкви все время службы. Служба там очень продолжительная и, особенно по случаю праздника, очень торжественная, пение стройное, чтение внятное, и я, внимая чтению и пению духовных песен, как будто забыл свою болезнь; было пропето величание пред иконой праздника, и молящиеся пошли прикладываться к этой иконе праздника и получать св. елеопомазание. Когда приложился весь народ, пошел и я с большим усилием с помощью жены и других на своих костылях приложиться к иконе праздника и получить св. помазание, глаза мои невольно обратились на стоящую в иконостасе святую икону Божией Матери, которая прежде была в келье старца Серафима и пред которой он так пламенно молился, и в этот момент я почувствовал, что больная нога моя твердо стала на пол и без боли для меня. Не помня, что делаю, я приподнял свои костыли и без помощи их, при удивлении всех предстоящих, пошел на свое место. Жена в недоумении спешит поддержать меня, но мне помощь ее уже не нужна. Душевное состояние мое было необъяснимо, и в таком состоянии я был до самого конца службы. Когда служба кончилась, я смело встал на ноги и вышел из церкви, где дожидались меня мои служащие с носилками; но

я, не нуждаясь в их помощи, отдал даже и костыли и до самой гостиницы (расстояние $^{1}/_{4}$ версты) шел без всякой помощи.

Радость моя была радостью неописанною. Я чувствовал как бы свое возрождение. Хотя по случаю утомления силы мои были еще слабы, но я уже не чувствовал той тяжкой боли в ноге, какую испытывал в продолжение полутора лет. Впрочем, стали укрепляться и силы. На другой день я уже пешком опять пошел в церковь, где и приобщился Святых Тайн, и в тот же день поспешил в Саров, и прямо на могилу отца Серафима, где и отслужил панихиду. Наутро, после богослужения, я поспешил к тому целительному источнику, водой из которого я так был чудесно спасен от смерти; расстоянием этот источник от монастыря более 3 верст. Но для меня как будто нет утомления. Прежде без посторонней помощи я не мог пройти по комнате, а теперь легко иду это немалое для больного расстояние. Источник этот вытекает из горы, и верующие подходят под эту целительную струю, раздевшись донага, и подход довольно трудный по местоположению. Дорогой я раздумывал, вынуть или не вынимать мне из больного места дренажи. Многие советовали, чтобы не трогать, – так я и сделал; некоторые из богомольцев, не имея сил сами подойти под струю источника, окачиваются этою водою из ведра; некоторые из братий монастыря (о. Герман) советовали и мне так сделать, потому что видели меня довольно слабым. О. Герман обещал принести и самое ведро. Но я уже у источника, а о. Германа с ведром нет. (Он впоследствии объяснил, что не принес ведра потому, что вдруг дорогой заболел и возвратился назад.) Не долго думая, я раздеваюсь донага и иду под самый источник; как только почувствовал на себе холодную струю источника, замечаю, что эта холодная струя возбудила в моем организме какой-то облегчительный жар, и у меня силы стало больше. Выхожу из источника и вижу, что одного из дренажей нет при мне, и куда исчез – неизвестно, а другой вынул сам; только поверх воды плавает один шелковый снур, которым он был привязан. Обратный путь, от источника до монастыря, я был несен на носилках, опасаясь много себя изнурять, монастырем шел пешком, на другой день за обедней приобщился Св. Христовых Тайн. В этом монастыре я прожил несколько дней в смиренных моих молитвах, благодаря милосердного Бога за Его святую помощь через угодника Его Серафима"

В настоящее время бывший больной совершенно здоров, больная нога все более и более укрепляется, хотя на дальний путь он имеет при себе костыль, но ступает на больную ногу смело и боли не чувствует никакой. Где была опухоль, то место пришло в нормальное состояние. На месте, где были дренажи, имеются небольшие язвины, из которых иногда вытекают капли материи, как будто бы для постоянного напоминания ему, чтобы он не забывал милость Божию, оказанную ему в жизни его. Боли же и ломоты не чувствует никакой. Медицинских средств по сие время не употребляет.

Справедливость писанного утверждаю своим подписом: г. Мурома Николо-Побережской церкви священник Иоанн Чижев».

«Воду от источника отца Серафима я жене умирающего действительно приносила, и все вышеописанное, что касается меня, верно.

Удостоверяю, жена поручика Мария Феодоровна Бычкова».

На рукописи-подлиннике рукою Засухина прибавлено: «С января 1884 г. выделение гноя совершенно прекратилось. 6 марта купался в источнике о. Серафима в Сарове, чему свидетель бывший со мною иеромонах Герман. 8 марта 1884 г. Иван Иванов Засухин, муромский купец.

Все вышеописанное справедливо, описанный священником Чижевым случай как моей болезни, так и исцеления описан вполне верно, в чем удостоверяю своим подписом: муромский 2-й гильдии купец Иван Иванов Засухин».

«Как свидетельница болезни моего мужа и его исцеления, вполне утверждаю все вышеописанное священником Иоанном Чижевым, жена Ив. Ив. Засухина Прасковья Никифоровна Засухина».

«Я, нижеподписавшийся, удостоверяю, что вышеозначенные подписи на сем документе признаны предо мною, Василием Михайловичем Русаковым, муромским нотариусом, в конторе моей, находящейся по Касимовской ул. в собственном доме, под № 681, священником муромской Николо-Побережской церкви Иоанном Давыдовичем Чижевым, женою поручика Мариею Федоровною Бычковою, муромским 2-й гильдии купцом и женою его Прасковьей Никифоровной Засухиными, жительствующими в городе Муроме, лично мне известными, сделанными ими собственноручно 1883 г., декабря 3 дня. По реестру № 847. Нотариус Василий Русаков».

«К совершившемуся надо мною воочию всех вышеизложенному чуду Божией благодати и милости считаю святым долгом совести моей поместить еще два факта непрерывающегося милосердия Божия с верою к Нему прибегающим.

1882 года, в октябре месяце, ради безвыходного состояния болезни моей, сопровождаемый муромским меня пользовавшим врачом г. Розовым, поехал я в Петербург, взял с собою и сына моего Сергия, мальчика восьми лет, у которого вся покрытая струпьями голова сильно болела. Жена моя, Прасковья Никифоровна, сама возила его к известному профессору накожных болезней г-ну Полотебнову, который, осмотрев мальчика, назначил привезти его в клинику и по тщательном докторском осмотре охарактеризовал болезнь паршою, притом высказав и решение науки, что ранее двух лет немыслимо прервать болезнь эту ужасную, и все же с непременным условием, что на местах струпьев никогда уже не может появляться волос, а должны остаться плеши; назначив лекарства, передал он сам весь способ лечения врачу нашему г. Розову, что тщательно и исполнялось нами без малейшего упущения, но также и без наималейшего же признака улучшения болезни, что крайне обоих нас печалило.

Совсем приговоренный к смерти, решился я наконец, с полною верою в милосердие Божие, оставляя все, ехать в Саров к известному всей Руси в Бозе там почивающему подвижнику, чудному старцу Серафиму, прося его нам, несчастным, помощи. Решив это, я и сын с 1 июня 1883 года, дня нашего из дому выезда, отдавшись в волю Божию, бросили все медицинские средства.

По пути в Саровскую пустынь, 5 июня, в день Св. Троицы, остановились мы отдохнуть от столь для моей болезни мучительной дороги в Серафимом же устроенной и, так сказать, его духом порожденной Серафимово-Дивеевской обители, и тут узнал о заповеди старца с умственною молитвою проходить по вырытой, по его указанию, трудами сестер обители канавке в память прохождения, по его же Серафимовым словам, этого места Самою Материю Божиею. Пошли и мы всею семьею нашею исполнять святым старцем заповеданное. Больной мой сын Сергий, по совету нас сопровождавшей монахини, опускаясь в самую глубь канавки, срывал траву и цветы, раскладывая их все время на свою больную голову.

Приехав в Саров, как я, купался и он в источнике Серафимовом и, по возвращении 13 июня домой, в Муром, голова мальчика не только совершенно очистилась, но густо заросла прекрасными волосами без наималейшего даже признака какой-либо болезненности.

Третье знамение милосердия Божия с верою к Нему прибегающим случилось в нашей семье следующим образом: по пути из Сарова домой, не доезжая нескольких верст до города Ардатова, на мосту, дочь моя Надежда, 12 лет, желая опустить поднятую и забытую железную подножку тарантаса, не успела вовремя отнять руку, так что железом срезало и оторвало у нее весь верх по первый сустав большого пальца правой руки с ногтем и повреждением кости; сильно огорченные и напуганные этим несчастным приключением, не зная чем помочь, кое-как наложили мы ей оторванный ноготь на окровавленный и обезображенный палец, и целые четверо суток пути примачивали его водой, из Серафимова источника взятой. Приехав домой в Муром, тот же час пригласили доктора, который начал лечить большой палец дочери, и видя, что нисколько не улучшается от им прилагаемых медицинских пособий, он объявил нам необходимость прибегнуть к операции, отнять палец несчастной девочки. Жена моя ушла пешком в Саров и принесла елея из лампады, горящей на могиле старца Серафима, с верою приложила тряпочку, в этом елее пропитанную, к гниющему обезображенному пальцу дочери и сказала ей: “С верою молись, Надя, милосердому Господу и проси батюшку Серафима, чтобы он исцелил тебя!” Девочка заснула, а наутро приехавший доктор развязал больной палец и удивился, не только не видя признака гноя, но найдя и самую-то рану затянувшеюся, и излишнею оказалась прежде неизбежная операция. Мы же, пораженные всем случившимся, возблагодарили Господа и благодетеля нашего батюшку Серафима, продолжали прикладывать привезенный елей к больному месту пальца дочери моей. Палец не только совершенно оздоровел, но даже и все оторванное само собою заросло, образовав, как и должно, обыкновенный палец с малым рубцом признака бывшей болезни, и, невзирая на уверения доктора, что ногтя не будет, потому что ноготь был снят с корнем совершенно, как и должно, образовался ноготь, и палец свободно может все делать, как и прежде, и во время всей болезни,

которая продолжалась с 13 июня по 20 июля, приход жены, и с этого дня оставлено было лечение доктора, а продолжали мазать елеем и водой примачивали все время болезни, и она не чувствовала во все время болезни боли. 15 августа она уехала учиться в Нижний, в институт Мариинский, и там у ней вырос ноготь, в чем удостоверяю своим подписом, отец их, Иван Иванов Засухин, муромский купец. Все вышеописанное удостоверяю своим подписом мать их, Прасковья Никифоровна Засухина».

У живущей с родителями в г. Челябинске четырехлетней девочки Феодосии Власовой, в 1885 году, января 7, случился сильный жар во всем теле и продолжался две недели, а потом постепенно образовался на спине горбок, и она по ночам кричала до бесчувствия. Так продолжалось четыре года: лечили сельские бабки, обращались и ко врачам, но они отказались, говоря, что она недолго проживет. Тогда родители всю надежду возложили на Бога. В течение четырех лет так скорчило девочку, что она не могла ходить прямо, если же куда ходила, то бралась обеими руками за колена и потихоньку двигалась вперед. Старшая сестра ее отдана была в Челябинский Одигитриевский монастырь, и родителям ее вздумалось Феодосию поучить грамоте. В 1888 году 1 сентября привезли ее в монастырь, и матушка игумения приняла ее для обучения, но не в школу, а просто в келью, потому что ходить в школу девочке было неспособно, и поручила м. благочинной Евпраксии. Прожила Феодосия три месяца, и до того болезнь ее усилилась, что она совсем не могла ходить. Когда, бывало, сестры пойдут в церковь, то брали ее на руки и несли. Узнав о чудесах преподобного о. Серафима и по совету матушки благочинной Евпраксии, родители Феодосии послали в Саровскую пустынь отслужить на могилке отца Серафима панихиду и молебен и просили прислать им земельки с могилки его. Когда получили землю с могилы, отслужили молебен Божией Матери и панихиду по о. Серафиму, а землю положили в бутылку, налили воды и с земельки этой стали поить больную, тогда почувствовала она себя совершенно здоровою и в течение недели стала ходить сама собою, без особой помощи.

1890 года марта 26 дня к настоятелю Саровской пустыни игумену Рафаилу явился крестьянин Астраханской губернии Царевского уезда села Заплавного Иван Харитонов Шажков

и заявил следующее: в прошедшем 1889 году, в декабре месяце, за неделю до Рождества Христова, у него, Шажкова, без всякой, по его мнению, причины, вдруг онемели обе конечности, хотя боли он и не чувствовал в них, но руками по локти и ногами до колен владеть не мог; при этом у него распухла и полость рта. Пальцы на руках сжались в кулак, так что когда необходимо было при употреблении пищи взять ложку, то черенок ее просовывали ему в отверстие между большим и указательным пальцами, и таким образом он питался; ни одеться, ни опоясаться он тоже не мог, а когда вставал при помощи других, то падал или наперед, или назад. Лекарств Шажков не употреблял. Такое состояние его продолжалось около трех недель. Теща его, бывавшая в Сарове и видевшая благодатную помощь о. Серафима многим болящим, посоветовала ему дать обещание сходить в Саров поклониться гробу св. старца отца Серафима и попросить его помощи в болезни. Шажков с благодарностью принял совет своей тещи и с верою обещался сходить в Саров и исполнить все по наставлению ее. С того же дня, как он дал свое обещание, руки и ноги его начали крепчать в суставах, опухоль во рту пропала, уже к Великому посту он настолько оправился и окреп, что в среду на первой неделе поста решился отправиться в далекий путь до Сарова; однако как в ногах, так и в руках, особенно в пальцах, все еще чувствовал слабость, которая в пути мало-помалу исчезала. В Саров он прибыл 21 марта, весь путь, около 1000 верст, совершив пешком, без всяких вредных для своего здоровья последствий. Здесь, в Сарове, он исповедался и сподобился причаститься Св. Тайн Христовых, а 26 числа пошел на источник отца Серафима, где несколько раз искупался и получил совершенное исцеление от своей болезни.

Г-жа Ю. В. Карамзина пишет в своем заявлении о следующем чудесном факте: «В мой приезд в Саровскую пустынь мая 22, 1890 года я пошла посетить келью отца Серафима, где он скончался. Подхожу к его изображению и вижу, что лицо оживляется и глаза движутся и открываются, равно как движутся и брови. Я до того была этим поражена, что вся затрепетала и едва не упала. Обращаюсь к присутствующим около меня и в волнении говорю: о. Серафим ожил, у него глаза открылись и брови двигаются. Придя на другой день, я нашла совершенно

другой вид лица на изображении о. Серафима, но глаза как бы снова ожили».

В заключение считаем уместным привести письмо генерал-лейтенанта Врасского о благодатной помощи, дарованной ему о. Серафимом еще при жизни. Хотя это событие совершилось еще в 1826 году, однако в прежние издания жития не вошло, потому что П. А. Врасский сообщил о нем письменно бывшему игумену Саровской пустыни Рафаилу только в 1892 году.

«В 26-м году я, будучи офицером, посетил Саровскую пустынь и отправился, по примеру других богомольцев, за благословением к преподобному о. Серафиму. В коридоре его кельи холод был страшный, а я в военной шинельке дрожал от мороза. Келейник его сказал, что у о. Серафима в настоящее время находится монах, и он с ним беседует, а я, стоя в коридоре, молился Пресвятой Богородице. Дверь отворилась, монах вышел, и чрез несколько минут о. Серафим отворил дверь и сказал: "Какую радость Бог мне дает!" Ввел он меня в свою келью, а так как она была заставлена разными вещами, то он посадил меня на порог своей кельи, а сам сел на пол против меня, держа мою руку, и ласково со мною говорил, даже целовал мою руку. Вот какая у него была любовь к ближним! Я, сидя против него, находился в каком-то необыкновенном восторге. После многих разговоров я ему сказал, что у меня болит грудь (сам я был худой, бледный юноша). На это он мне ответил: "Это ничего", встал, взял бутылку и подал мне, говоря: "Глотни большой глоток" Каков же был мой ужас, когда полилось мне в рот деревянное масло! Я думал, что мгновенно последствие будет дурное, но, напротив, масло оказалось вкусным. С этой минуты, благодаря Бога, грудь моя более не болела, и из худого, бледного юноши я сделался здоровым и крепким мужчиной. Через довольно долгое время я по необходимости должен был оставить военную службу и отправиться в бессрочный отпуск. Эта разлука с Петербургом причинила мне такую тоску, что я целый год не находил места от нее. По пути в Арзамас я заехал в Саровскую пустынь и немедленно пошел на могилку о. Серафима, просил отслужить по нем панихиду, и, как только она была отслужена, тоска моя мгновенно исчезла, и я сделался здоров».

25 Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря

Глава XXXII

Жизнеописание блаженной Прасковьи Ивановны, так называемой Паши Саровской. Современное состояние Серафимо-Дивеевского монастыря

Монахиня Анна Герасимовна, прожившая 45 лет вместе с Христа ради юродивой Пелагеей Ивановной Серебренниковой, рассказывала об общении ее с другими юродивыми так:

«Забегали к Пелагее Ивановне и прочие, бывавшие в обители, блаженные рабы Божии, – такие же, как и она, дурочки, как себя они величали. Раз, например, зашла так всеми называемая блаженная Паша Саровская. Она потому и называлась Саровскою, что несколько лет спасалась в Саровском лесу. Взошла и молча села возле Пелагеи Ивановны. Долго смотрела на нее Пелагея Ивановна да и говорит: "Да! Вот тебе-то хорошо, нет заботы, как у меня: вон детей-то сколько!" Встала Паша, поклонилась ей низехонько и ушла, не сказавши ни слова в ответ. Спустя много лет после того сестра обители нашей Ксения Кузьминична, старица прежних Серафимовских времен, однажды во время обедни осталась одна с Пелагеей Ивановной и, сидя на лавке у окна, тихонько расчесывала у ней голову, а Пелагея Ивановна спала. Вдруг Пелагея Ивановна вскочила, точно кто ее разбудил, так что старицу Ксению испугала, бросилась к окну, открыла его и, высунувшись на половину, стала глядеть в даль и на кого-то грозить. "Что такое?" – подумала старица Ксения, подошла к окну поглядеть и видит: отворяется обительская калитка, что у Казанской

церкви, и в нее входит блаженная Паша Саровская с узелком за плечами, направляется прямо к Пелагее Ивановне и что-то бормочет про себя. Подойдя ближе и заметив, что Пелагея Ивановна ей что-то таинственное говорит, Паша остановилась и спросила: "Что, матушка, или нейти?" "Нет", – говорит Пелагея Ивановна. "Стало быть, рано еще? Не время?" "Да", – подтвердила Пелагея Ивановна. Молча на это низко поклонилась ей Паша и тотчас же, не заходя в обитель, ушла в ту самую калитку. И после этого года полтора не была у нас.

Вот они, блаженные-то, как разговаривают, – говорила Анна Герасимовна. – Поди и понимай их, как хочешь... А они, дурочки-то, все знают, лишь друг на друга только взглянут, все и понимают. Что же, вы думаете, значили эти таинственные их разговоры? А вот что: лет за шесть до смерти Пелагеи Ивановны явилась к нам опять Паша с какою-то детской куклой, а потом еще немного погодя и со многими куклами; нянчится, бывало, с ними, ухаживает за ними, называя их детьми. И стала Паша по нескольку недель, а потом уже и по нескольку месяцев проживать у нас в обители, где день, где ночь. За год до кончины Пелагеи Ивановны почти весь год прожила у нас. А как скончалась Пелагея Ивановна, то осталась даже и совсем в нашей обители. Была несколько раз она у меня, и я пробовала предложить ей остаться. "Нет, нельзя, – говорит, – вон маменька-то не велит", – отвечает мне, показывая на портрет Пелагеи Ивановны. "Что это, – говорю, – я не вижу!" "Да ты-то, – говорит, – не видишь, а я-то вижу, не благословляет!" Так и ушла, и поселилась у клиросных в корпусе».

Нельзя сомневаться в том, что Пелагея Ивановна поставила на свое место Прасковью Ивановну с тою же целью, как о. Серафим послал ее в Дивеев. Их назначение в обители – спасать души монашествующих от натисков врага человечества, от искушений и страстей, им ведомых, по прозорливости. Если дивная и блаженная раба Божия Прасковья Семеновна, шумевшая в дни неправильных действий в Дивееве преосвященного Нектария, называла Пелагею Ивановну вторым Серафимом, то мы не ошибемся, если скажем, что за вторым стал в Дивееве и третий, по духу и страданиям, Серафим, испытавший в течение 30 лет пустынножительство в Саровском лесу строжайшее постничество, наконец – телесные истязания в миру, как Пелагея Ивановна, и избиение, как о. Серафим,

врагом, который вооружил против нее разбойников с целью ограбления, перед приходом на жительство в обитель, проломил блаженной голову и оставил жертву свою плавающею в крови. Таковы были ученицы великого старца и блаженного Серафима! Как же не сказать, что счастливы мы, живя одновременно с такими людьми на земле и имея их перед глазами себе в назидание!

Блаженная Прасковья Ивановна, всем известная по данному ей прозвищу «Паша Саровская» и почитаемая в обители за «маменьку», родилась в Тамбовской губернии Спасского уезда, в селе Никольском, в поместье г-д Булыгиных, от крестьянина Ивана и жены его Дарьи, которые имели трех сыновей и двух дочерей. Одну из дочерей звали Ириной — нынешнюю Пашу. Господа отдали ее 17 лет против желания и воли замуж за крестьянина Феодора. Ирина жила с мужем хорошо, согласно, любя друг друга, и мужнина семья очень уважала ее, потому что Ирина хорошо работала, ходила на барщину, любила церковные службы, усердно молилась, избегала гостей, общества и не выходила на деревенские игры. Так прожила она с мужем 15 лет, и Господь не благословил ее детьми. По прошествии этих годов г-да Булыгины продали их другим помещикам — немцам, господам Шмидтам, в село Суркот. Чрез пять лет после этого переселения муж Ирины заболел чахоткой и умер. Тогда господа ее взяли в кухарки и экономки. Несколько раз они пробовали вторично ее выдать замуж, но Ирина решительно сказала: «Хоть убейте меня, а замуж больше не пойду!» Так ее и оставили. Но вот через полтора года стряслась беда над усадьбой Шмидта, обнаружилась покража двух холстов... Прислуга показала, что их украла Ирина. Приехал становой со своими солдатами, и помещики упросили его наказать виновную. Солдаты зверски ее били, истязали, пробили ей голову, порвали уши... Ирина продолжала говорить, что она не брала холстов. Тогда господа призвали местную гадалку, которая сказала, что холсты украла действительно Ирина, да не эта, и опустила их в воду, то есть в реку. На основании слов гадалки начали искать холсты в реке и нашли их.

После перенесенного истязания невинная Ирина не была в силах жить у господ «нехристей» и в один прекрасный день ушла. Помещик подал заявление о ее пропаже. Через полтора

года ее нашли в Киеве, куда она добралась Христовым именем на богомолье. Схватили несчастную Ирину, посадили в острог и затем, конечно не спеша, препроводили по принадлежности к помещику. Можно себе представить, что она испытала в остроге, сидя с арестантами, мучимая голодом и обращением конвойных солдат! Помещики, чувствуя свою вину и как они жестоко отнеслись к ней, простили Ирину, желая опять пользоваться ее услугами и стараниями исполнять свои послушания. Господа сделали Ирину огородницей, и более года она прослужила им верою и правдою, но ее возвратили из Киева уже не той, какая она была ранее. В ней произошла перемена — внутренняя, которая явилась вследствие испытанных страданий, несправедливости и получения сердечной теплоты и света у старцев в Киеве. Могла ли она ждать впереди что-либо от людей, когда вся честная и добрая жизнь ее даже не уверила никого в порядочности и справедливости! Теперь в сердце ее жил один Бог, единый любящий, нелицеприятный, милосердный Христос, и она поняла в Киеве, к чему должны стремиться люди и единственно чем могут усладить свое сердце на земле... Ирина жила, работала, услуживала господам, но сердце ее укреплялось одними воспоминаниями о Киеве, о пещерах, угодниках Божиих и о своем духовном отце-старце. Видно было, что горело и билось в ней сердце любовью ко Христу и духовной жизни, если она, несмотря на все ужасы — ареста в остроге и шествия по этапу, — не вытерпела и убежала вторично от своих господ.

Через год, по объявлению, ее опять нашли в Киеве и арестовали. Снова ей пришлось претерпеть страдания острога, этапного препровождения к помещикам, и наконец, к довершению всех испытаний, господа не приняли ее и выгнали раздетую, без куска хлеба на улицу деревни. Идти ей теперь в Киев, конечно, было непосильно и даже бесполезно в духовном смысле; участь ее решилась, и при помощи прозорливых подвижников Киевской лавры она знала волю Божию... Несомненно, эти духовные отцы благословили ее на юродство ради Христа.

Пять лет она бродила по селу как помешанная, служа посмешищем не только детей, но и всех крестьян. Тут она выработала привычку жить все четыре времени года на воздухе, голодать, терпеть стужу и затем пропала.

За неимением личных сведений от блаженной Паши мы не можем сказать, где она жила до переселения в Саровский лес, или она прямо удалилась туда из господской деревни. Несомненно одно, что в Киеве она приняла тайный постриг с именем Параскевы и оттого называет себя Пашей.

В Саровском лесу она пребывала, по свидетельству монашествующих в пустыни, около 30 лет; жила в пещере, которую себе вырыла. Говорят, что у нее было несколько пещер, в разных местах обширного непроходимого леса, переполненного хищными зверями и медведями. Ходила она временами в Саров, в Дивеево, и ее чаще видели на Саровской мельнице, куда она являлась работать на живущих там монахов.

Она обладала всегда удивительно приятной наружностью. Во время своего житья в Саровском лесу, долгого подвижничества и постничества Паша имела вид Марии Египетской. Худая, высокая, совсем сожженная солнцем и поэтому черная, страшная, носила в то время короткие волосы, так как все поражались ее длинными до земли волосами, придававшими ей красоту, которые мешали ей теперь в лесу и не соответствовали тайному постригу. Босая, в мужской монашеской рубашке, свитке, расстегнутой на груди, с обнаженными руками, с серьезным выражением лица, она приходила в монастырь и наводила страх на всех, не знающих ее.

За четыре года до переезда в Дивеевскую обитель она временно проживала в одной из деревень. Ее уже считали тогда блаженной, и прозорливостью своею она заслужила всеобщие уважение и любовь. Крестьяне и странники давали ей деньги, прося ее молитв, а исконный враг всего доброго и хорошего в человечестве вселил разбойникам напасть на нее и ограбить несуществующее богатство, чем уподобил ее страдания страданиям батюшки о. Серафима. Негодяи избили ее до полусмерти, и блаженную Пашу нашли всю в крови. Она болела после этого целый год и совершенно уже никогда не оправлялась. Боли проломленной головы и опухоль под ложечкой мучают ее постоянно, хотя она, по-видимому, не обращает никакого внимания и только изредка говорит себе же: «Ах, маменька, как у меня тут болит! Что ни делай, маменька, а под ложечкой не пройдет!»

Живя уже в Дивееве, она поздней осенью 1884 года шла мимо ограды кладбищенской церкви Преображения Господ-

ня и, ударив палкой об столб ограды, сказала: «Вот как этот столб-то повалю, так и пойдут умирать; только поспевай могилы копать!» Слова эти скоро сбылись: как повалился столб — блаженная Пелагея Ивановна, за нею умер священник Феликсов, потом столько монахинь, что сорокоусты не прекращались целый год, и случалось, что двух зараз отпевали.

Когда скончалась Пелагея Ивановна, то в 2 часа ночи ударили в большой монастырский колокол, и все клиросные, у которых жила в это время блаженная Паша, переполошились, повскакали с постелей, думая, что это не пожар ли. Паша встала вся сияющая и начала всюду у икон ставить и зажигать свечи. «Ну вот, — сказала она, — какой тут пожар, вовсе нет, а просто теперь это у вас снежок маленько растаял, а теперь темно будет!»

Паша-блаженная поселилась временно в клиросном корпусе у Татьяны Никифоровны Сахаровой, хотя прежде всегда отказывалась, когда ее звали к себе монашенки. Но через неделю после смерти Пелагеи Ивановны она стала роптать, что ей холодно спать у двери, у порога, где было единственное для нее свободное место. «Вы попросите матушку игуменью, — сказала ей Татьяна Никифоровна, — верно, вам не откажут дать более покойное место!» «Что же, — ответила Паша-блаженная, — коли милость их будет!» На этих словах поймали ее клиросные сестры, боявшиеся, что она все-таки уйдет и не станет жить в Дивееве, да и доложили по начальству ее желание. Видно, пришел час воли Божией! Матушка игумения Мария весьма обрадовалась, сейчас же распорядилась переместить клиросных, дабы дать ей свою собственную маленькую келью. Келью убрали, оклеили, устроили: поставили постель, комодик, стол и сундук. Развешали иконы, лампаду и подарили ей подушку, одеяло, самовар, чай, сахар, чашку и все необходимое. Паша-блаженная еще на крыльце встретила посланных с вещами келейниц со словами: «Милости просим!» Уж так она была рада, когда ей совсем убрали и устроили келью! Она стала весело распевать и восторгаться, что теперь у нее «свой чуланчик»!

После побоев и под старость Прасковья Ивановна начала толстеть. Типичная наружность ее бывает весьма разнохарактерна, смотря по настроению внутреннего духа, то чрезмерно строгая, сердитая и грозная, то ласковая и добрая,

то горько-горько грустная. Но от доброго взгляда ее каждый человек приходит в невыразимый восторг. Детские добрые, светлые, глубокие и ясные глаза ее поражают настолько, что исчезает всякое сомнение в ее чистоте, праведности и высоком подвиге. Они свидетельствуют, что все эти странности ее, иносказательный разговор, строгие выговоры и выходки – лишь наружная оболочка, преднамеренно скрывающая величайшее смирение, кротость, любовь и сострадание. Тому, кто испытает ее взор на себе, так и хочется броситься, обнять и расцеловать ее.

Облекаясь в сарафаны, она, как превратившаяся в незлобивое дитя, любит яркие, красные цвета и иногда надевает на себя несколько сарафанов сразу, — как, например, когда встречает почетных гостей или в предзнаменование радости и веселия для входящего к ней лица. На голове носит обыкновенный старушечий чепец и крестьянский платок. Летом она ходит в одной рубахе.

Чрезвычайно чистоплотная, порядочная, она любит, чтобы в ее келье было опрятно. Со дня смерти блаженной Пелагеи Ивановны она уже переменила несколько помещений и ныне живет у ворот с монахиней Анной Ивановной, заведующей монастырской лавочкой, в которой продаются образа, крестики, пояски и проч. В клиросном корпусе одно время она жила у монахини Александры Ивановны, к которой по временам продолжает ходить и теперь, называя ее Александр Иванович. Обстановка кельи несравненно лучше, чем была у блаженной Пелагеи Ивановны, сидевшей на полу у печки между тремя дверьми. Несомненно, что у каждой блаженной имеются свои особенности. Деревянная, прочная кровать блаженной Паши, с громадными подушками, редко занимается ею, а больше на ней покоятся куклы. Да и нет времени ей лежать, так как ночи напролет она молится перед большими образами, поставленными в кивотах как в правом, так и в левом углах; изнемогая под утро, блаженная Паша ложится и дремлет, но чуть брезжит свет, – уже моется, чистится, прибирается или выходит на прогулку для молитвы. От живущих с нею и от тех, у кого она ночует иногда в клиросном корпусе, по старой привычке, она непременно требует, чтобы в полночь они встали помолиться, и если кто не исполняет этого монашеского правила, то начинает настолько шуметь, вое-

вать и браниться, что поневоле все встают ее унимать. Строго следит она также, чтобы сестры ежедневно ходили на службы в церковь. Если блаженная Паша остается в келье, то, напившись чаю после обедни, садится за работу, вяжет чулки или делает пряжу. Это занятие сопровождается, конечно, внутренней Иисусовой молитвой, и потому Пашина пряжа так ценится в обители, что из нее делают пояски и четки. В иносказательном разговоре своем она называет вязание чулок упражнением в непрестанной Иисусовой молитве. Так, однажды приезжий подошел к ней с мыслию, не переселиться ли ему поближе к дивному в духовном отношении Дивееву, и она сказала ему в ответ на мысли его: «Ну, что ж? Приезжай к нам в Саров, будем вместе грузди собирать и чулки вязать!» — то есть нагибаться при собирании грибов — класть земные поклоны и чулки вязать — учиться Иисусовой молитве.

Привычка ее жить с природой, в лесу, заставляет блаженную Пашу иногда летом и весной удаляться в поле, в рощи и там проводить в молитве и созерцании по нескольку дней. Не забывает она и те монастырские послушания, которые отдалены на несколько верст от обители; познавая по прозорливости духовные потребности монашествующих, но живущих на большой дороге, в соблазне, она стремится туда бороться и со врагом, и для наставления сестер. Конечно, везде ее принимают с радостью, особым удовольствием и упрашивают пожить подольше. К особенностям ее пути относится стремление постоянно переходить с места на место. Еще прежде, когда мать-игумения предлагала ей сама и через других поселиться в монастыре, она всегда отвечала: «Нет, никак нельзя мне, уж путь такой, я должна всегда переходить с места на место!» Поэтому и теперь под старость она все странствует из кельи в келью, от монастыря в дальнее послушание или в Саров, на прежние свои излюбленные места. Этим немало смущаются живущие с нею монахини, которые по величайшей любви к ней скучают, тоскуют в дни ее отсутствия и еле справляются с народом, приезжающим и приходящим к блаженной за советом и наставлением.

Во время своих странствований она имеет простую палочку, которую называет тросточкой, узелок с разными вещами, серп на плече и несколько кукол за пазухой. Этот вид блаженной Паши, с вьющимися седыми кудрями и чудными голубыми

глазами, в ее преклонные годы ныне невольно приковывает внимание каждого человека. Тросточкой своей она пугает иногда простой народ, пристающий к ней, и виновных в каких-нибудь проступках. «А где моя тросточка! Ну-ка, я возьму ее!» – говорит она, когда ее растревожат. Все боятся этой тросточки, и бывают случаи, что она немилосердно бьет ею, когда никакими словами нельзя вразумить человека. Так, однажды пришел странник и пожелал, чтобы его впустили в келью, а блаженная Паша в это время была чем-то занята, и монахиня Анна Ивановна не решалась ее тревожить. Но странник дерзко настаивал на своем и наконец сказал Анне Ивановне: «Передайте ей, что я такой же, как она!» Удивилась Анна Ивановна словам, доказывающим, что в нем нет ничего духовного, но все-таки сочла нужным передать блаженной Паше о приходе столь мало смиренного странника. Анна Ивановна вошла в келью смеясь и говорит: «Маменька хорошая! Там к тебе пришел странник и велел передать, что он такой же, как ты! Велишь пустить?» Блаженная Паша ничего не ответила, но вскоре взяла свою тросточку и вышла наружу. Пока странник кланялся ей, она начала бить его изо всех сил тросточкой, восклицая: «Ах ты, душегубец, обманщик, вор, притворщик!» и т. д.

Трудно удержаться от смеха, когда Прасковья Ивановна развертывает свой узелок, с которым путешествует всюду. Чего только в нем нет: и корки, и горох вылущенный, и огурцы, и травки, и рукавички детские, вязаные, в первом пальце которых завязаны деньги, и разные тряпочки, и деревянные крестики, закрытые бесчисленным числом платков. Все это перепутано, смешано, и часто она, будучи в веселом настроении, сама детски хохочет, перебирая свое имущество.

Серп имеет большое духовное значение. Она им постоянно жнет травку и под видом этой работы кладет поклоны Христу и Богоматери. Если кто придет к ней из гостей, в особенности из дворян и почетных людей, с которыми она не считает себя достойной сидеть в компании, то блаженная Паша распорядится угощением, чаем, а сама, поклонившись гостю в ноги, идет жать травку, то есть молиться за этого человека. Нажатую травку она ценит и никогда не забудет в поле или на дворе монастыря, а всегда заберет уже к вечеру и отнесет или отошлет на конный двор. В предзнаменование неприятностей она жнет приходящим лопух, подавая колючие шишки, и т. д.

О происхождении ее кукол сообщила нам Анна Герасимовна, жившая с покойной Пелагеей Ивановной. Она ими занимается с усердием и немало предсказывает приходящим к ней, примерно показывая на куклах. Блаженная Паша моет их, кормит, укладывает на постель, а сама ложится на край кровати. Нельзя, по-видимому, ничем так утешить Прасковью Ивановну, как подарить ей куклу. И куклы ее замечательные! Например, есть одна кукла, которой она отмыла всю голову, и как только приходит время кому-нибудь умереть в монастыре, Паша вынимает ее, убирает и укладывает. Между куклами есть и любимые, и нелюбимые, что выражается ее ласками, играми с ними и проч.

У нее любимое занятие, по старой привычке, – полоть огород и поливать, но теперь она соединяет это с непрестанной Иисусовой молитвой, произнося ее с выдергиванием каждой травки. Когда она говорит: «Уж я полола, поливала, везде полола!» – означает, что она повествует о своих молитвах за того, о ком говорят. «Никто не полет, никто не поливает, все я одна работаю!» – жалуется она иногда, объясняя этим, что не может она одна за всех успевать молиться, должны обратиться и к другим. Вообще блаженная Паша постоянно бывает занята и в работе и сильно ворчит на молодых, если они проводят время праздно. «Вы вот все пьете да едите, а нет того, чтобы пойти дело поделать!» Бранит всех за нечистоту, нечистоплотность. «Это что?! – кричит она иногда монашенкам. – Это что?! Надо взять тряпочку либо щеточку да все и вымыть да вытереть!»

Любит Прасковья Ивановна, также по старой привычке, иногда печь булки и пироги, которые всегда посылает в подарок матушке игумении и другим. Но в разговоре о семейной жизни часто уподобляет ее приготовлению кушаний. «А ты знаешь, – скажет она, – как надо варить суп? Сперва очистить коренья, вскипятить воду, потом поставить на плиту, наблюдать за всем этим, по временам охлаждать, отставлять кастрюльку, а то подогревать...» – и пойдет скороговоркой объяснять, как необходимо женатым людям соблюдать нравственную чистоту, охлаждать горячность характера и подогревать холодность и не спеша, с умом и сердцем устраивать свою жизнь.

Прасковья Ивановна редко ходит теперь в церковь, лишь посылает своих сожительниц к каждой службе [23]. Молится

она своими словами, как малое дитя, но знает наизусть и некоторые молитвы. Любовь у нее к Богу и святым своеобразная; так, она [24] кладет к ним любимые свои вещи, украшает их цветами. Богородицу она часто называет «Маменькой за стеклышком». Если она упрекает людей за проступки, то часто выражается так: «Зачем обижаешь Маменьку!» — то есть Царицу Небесную. Но когда Прасковья Ивановна идет в церковь, то еще накануне особенно омывается и приготовляется к такой радости. В храме становится у двери или на крыльце, чинно, с благоговением и трепетом. Приобщается она сравнительно редко и очень любит Саровского духовника. Иногда всю службу в церкви стоит на коленях. Она вообще любит все делать не в определенное время, а по внушению сердца; так, иногда вдруг становится как вкопанная перед образом и молится или станет где ни попало на колени, в поле, в горнице или среди улицы, и усердно, со слезами молится. Бывает, что и ночью вскакивает вдруг, скажет себе: «Молись!» Другой раз в церковь войдет и начнет тушить свечи и лампады у образов или не позволяет зажигать в келье лампадки. С иконами, Господом, Богоматерью и святыми она разговаривает по-своему. Испрашивая на каждый шаг и действие благословение у Господа, она иногда громко разговаривает и тут же громко отвечает себе: «Надо мне идти? Или погодить? Иди, иди скорей, глупенькая!» — и пойдет. «Еще молиться? Или кончить? Николай Чудотворец, батюшка, хорошо ли прошу? Не хорошо, говоришь? Уйти мне? Уходи, уходи, скорей, маменька!» «Ушибла я пальчик, маменька! Полечить, что ли? Не надо? Сам заживет!» и т. д. Действительно кажется, что блаженная Паша разговаривает с невидимым для нас миром. Поднося гостинцы к Божией Матери, лепечет: «Матушка! Царица Небесная! Какой младенец-то у Тебя — Батюшка! На, на, на, вот возьми, покушай, наш дорогой!» Обыкновенно она говорит про себя в третьем лице: «Иди, Прасковья! Нет, не ходи! Беги, Прасковья, беги!»

Любит Прасковья Ивановна также посещать окрестные деревни и села; иногда она ночует у крестьян, к несказанной их радости.

Случаев прозорливости Прасковьи Ивановны невозможно собрать и описать. Положительно, она знает каждую мысль обращающегося к ней человека и всего чаще отвечает на мысли, чем на вопросы. В дни, беспокойные для нее, несомненно

вследствие борьбы ее с врагом человечества, она без умолку говорит, но невозможно ничего понять, ломает вещи, посуду, точно борется с духами, волнуется; кричит, бранится и бывает вся вне себя. Так, однажды она встала с утра вся расстроенная и растревоженная, после полудня к ней подошла приезжая госпожа, поздоровалась и хотела побеседовать, но Прасковья Ивановна закричала, замахала руками: «Уйди, уйди! Неужели не видишь, вон диавол! Топором голову отрубили, топором голову отрубили!» Посетительница перепугалась, отошла, ничего не понимая, но вскоре ударили в колокол, оповещая, что сейчас скончалась в больнице монахиня во время припадка падучей болезни; тогда стали понятны слова блаженной Паши.

Крестьянская девица из села Рузина, по имени Ксения, пришла к Прасковье Ивановне просить благословения на переезд в монастырь. «Братья мне келью поставят!» – сказала она. Но на эти слова как вскочит блаженная и закричит: «Что ты говоришь, девка! Надо прежде в Петербург сходить да всем господам сперва послужить, тогда даст мне Царь денег, я тебе какую поставлю!» Через некоторое время братья Ксении стали делиться, и она опять смутилась своею участью; приходит она к Прасковье Ивановне и говорит: «Вот братья делиться хотят, а ты не благословляешь! Как хотите, а уж не послушаю я вас и поставлю келью!» Блаженная Паша опять вскочила, растревоженная ее словами, и сказала: «Экая ты, дочка, глупая! Ну, можно ли! Ведь ты не знаешь, сколько младенец-то превыше нас!» Сказав это, блаженная легла и вытянулась. Ушла бедная Ксения, ничего не поняв, но осенью умерла ее сноха, и осталась на ее руках девочка, круглая сиротка.

Однажды, бегая по селу Аламасову, блаженная Паша зашла к священнику, у которого был в то время по делам дьячок их. Подошла она к дьячку и стала ему говорить: «Господин! Прошу тебя, возьми или приищи хорошую кормилицу или няньку какую, потому тебе надо, никак нельзя, уж я тебя прошу, возьми кормилицу-то!..» Священник, услыхав эти слова, огорчился, вообразив, что беременная жена умрет родами. Прожил он в большом страхе, пока Бог не послал ему ребенка совершенно благополучно, но дьячок лишился своей жены, которая, несмотря на силы, здоровье и молодость, скончалась от родов.

Крестьянин соседней деревни ездил однажды Саровским лесом за монастырской известкой и встретил юродивую Пашу, шедшую, несмотря на мороз, босою, в одной рубашке. Продав известку, ему предложили взять несколько лишних пудов без денег; он подумал да и взял по искушению. Едет он обратно домой, а ему опять встречается блаженная Паша. Поравнявшись с ним, она и говорит: «Аль богаче от этого будешь, что беса-то слушаешь! А ты лучше-ка живи той правдой, которой жил!..»

Дивной Дивеевской обители и ее досточтимой игумении Марии пришлось еще пережить немалые беды. В 1890 году 21 января сгорела трапеза, в 1891 году 3 октября сгорели дома священников и диаконов, и в 1893 году был голод, отразившийся окончательно непосильно на средствах монастыря. Пережила игумения Мария и эти беды, даже вновь выстроила каменную прекрасную трапезу, каменные дома для священнослужителей, но как и чем? Несомненно, чудесами! Для пропитания 900 сестер требуется прикупать до 15000 пудов хлеба; своя же запашка кормит обитель всего два месяца в году. Пространство, занимаемое монастырем, так велико, что преосвященный Иоанникий, нынешний Киевский митрополит, говорил, смотря на обитель: «Это область, а не монастырь!» Число построек, мостов, заборов и проч. настолько значительно, что требуется ежегодно большой ремонт, и все это делается, исправляется, поддерживается без средств и капиталов. Как не признать, что эта громадная обитель живет чудесами батюшки о. Серафима!

Кто не имеет истинного представления о средствах Серафимо-Дивеевского монастыря, тот, войдя в него и любуясь собором, трапезой, мастерскими, несомненно, решит, что это богатый монастырь, но если бы посетители спросили, как строился собор, сколько лет, кто писал образа и картины, а главное, как живут сестры обители, какова их трапеза и проч., чрез что познается истина, то они, наверное, удивились бы всему виденному и познанному. Собор строился из собственного кирпича с 1849 по 1875 год, картины писали сами монашествующие, живут сестры на свои собственные средства в далеко неприглядных деревянных домиках в нужде, и некоторые в большой бедности, питаются самой скудной, грубой пищей, которую только и в состоянии им предложить мона-

стырь за неимением капиталов и по многолюдству в обители, как, например, пустые щи и огурцы, а каша бывает только по праздникам. Обитель о. Серафима существует с 1825 года, и только теперь окончили постройку каменной колокольни. Этот бросающийся в глаза контраст, это несоответствие большого красивого собора, прекрасной трапезы и превосходных мастерских, не исключая живописной и фотографии, с жилыми деревянными помещениями, с нуждою и бедностью сестер, со скудною их пищей и свидетельствует, что в Серафимо-Дивеевском монастыре, основанном такими великими подвижниками, как о. Серафим и мать Александра, и избранном Себе в земной удел Царицею Небесною, живет истина, правда, любовь ко Господу и Его Пречистой Матери, здесь сохранилась в прежней силе и в полном значении слова духовность! Посещающие и познающие эту редкую ныне сторону Серафимовой обители стремятся скорее вернуться туда и искренно благодарят Богоматерь, произнося: «Спаси их Господи!»

МОЛИТВА ПРЕПОДОБНОМУ СЕРАФИМУ, САРОВСКОМУ ЧУДОТВОРЦУ

О пречудный отче Серафиме, великий Саровский чудотворче, всем прибегающим к тебе скоропослушный помощниче! Во дни земнаго жития твоего никтоже от тебе тощ и неутешен отъиде, но всем в сладость бысть видение лика твоего и благоуветливый глас словес твоих. К сим же и дар исцелений, дар прозрения, дар немощных душ врачевания обилен в тебе явися. Егда же призва тя Бог от земных трудов к небесному упокоению, николиже любовь твоя преста от нас, и невозможно есть исчислити чудеса твоя, умножившаяся, яко звезды небесныя, се бо по всем концем земли нашея людем Божиим являешися и даруеши им исцеления. Темже и мы вопием ти: о претихий и кроткий угодниче Божий, дерзновенный к Нему молитвенниче, николиже призывающия тя отреваяй, вознеси о нас благомощную твою молитву ко Господу Сил, да дарует нам вся благопотребная в жизни сей и вся к душевному спасению полезная, да оградит нас от падений греховных и истинному покаянию научит нас, во еже безпреткновенно внити нам в вечное Небесное Царство, идеже ты ныне в незаходимей сияеши славе, и тамо воспевати со всеми святыми Живоначальную Троицу до скончания века. Аминь.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ЦЕНЗУРНЫЕ КУПЮРЫ ИЗ ТЕКСТА «ЛЕТОПИСИ СЕРАФИМО-ДИВЕЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ»

Цензором первого текста «Летописи», подготовленного к печати в 1896 г. в типографии «Печатня А. И. Снегиревой», был протоиерей Григорий Дьяченко, известный духовный писатель и богослов конца XIX–начала XX в. Некоторые дерзновенные пророчества преп. Серафима были вычеркнуты красным карандашом о. Григория.

Цензурный экземпляр, сшитый из корректурных оттисков, был обнаружен в архиве священномученика Серафима (Чичагова), с конца 30-х годов хранящемся в отделе рукописей Российской Государственной библиотеки им. Ленина. Приводим фрагменты книги, снятые цензором, в соответствии с авторским текстом, кроме страниц, изъятых самим священномучеником Серафимом. Не приводятся строки, перефразированные автором в соответствии с указаниями цензора. Номера страниц указаны по второму изданию 1903 г., потом идет ссылка на страницу текста настоящего издания.

[1] *Таковы были из наших русских православных святых: препод. Феодосий Печерский, Феодосий Тотемский, Василий Блаженный и другие.* (С. 106, 2-й абзац, после «*покорения их духу*» / С. 104.)

[2] *все: и кровать, и подушки, и одеяло, и самое себя, чтобы все у тебя исправно и отменно чисто бы было.* (С. 171, после «*Приготовляй все...*» / С. 158.)

[3] *А тогда чрез три года, как услышишь ты, матушка, что Он грядет, ты не пугайся и скорее беги к себе, отворотясь всего, никуда не гляди, под одеяло скройся, тогда и придет Он и обоймет тебя и даст тебе целование и соединитесь вы вместе.* (С. 171, после «*...готово бы было*» / С. 158.)

[4] *Ведь матери-то Александры мощи выйдут ранее, и приедет к вам тогда Царь, и Дивеево город будет, и всего у вас много будет,*

за ограду кидать будут, только берите!» (С. 191, после 9-й строки сверху / С. 176.)

[5] *отроковицы избранной им себе невестой в Царствии Божием как увидим вскоре; девятой – любимицу свою Ксению Васильевну Путкову (впоследствии монахиня Капитолина); десятой – Анисью Семеновну; одиннадцатой – Агафию Ивлевну и двенадцатой Екатерину Егоровну. Число двенадцать имело особый смысл; как у Господа было 12 апостолов и у Царицы Небесной 12 дев, так и батюшка о. Серафим избрал себе 12 дев, или апостолов своих, как он называл их.* (С. 207, 1-я строка снизу, до «*Вино новое...*» / С. 190.)

[6] *На начальницу смотреть, как на самое Матерь Божию, ибо она Наместница Ея и Царица Небесная, Сама Себя нарекшая Верховною Игумениею обители, все нужное и должное ей укажет, «ими же весть судьбами», – кого оставит, кого изженет.* (С. 209, перед 2-м абз. снизу / С. 191.)

[7] *Видишь, как вырвал он целый пук волос у меня на голове...» При этом батюшка наклонился и показал как больное место на голове, так и спину, исцарапанную когтями врага.* (С. 223, 6-я строка снизу, перед «*Анна Алексеевна...*» / С. 203.)

[8] *Итак, Царица Небесная Сама приходила похвалить великую рабу Свою Прасковью Семеновну за ее молитву и послушание.* (С. 226, после последнего абзаца / С. 205.)

[9] *Теперь все дивятся, что убогий Серафим занимается вами, печется о ваших духовных и телесных нуждах; это-то что за диво, а вот будет диво, как плоть-то свою убогий Серафим принесет в Дивеево. Мы все думали, что батюшка Серафим посетит нас, но при жизни его этого не случилось»*. (С. 236, в конце 2-го абзаца / С. 213.)

[10] *Угощение архимандрита Иоакима, о. Василия и Мантурова в ближней батюшкиной пустыньке.* (С. 253, в конце оглавления / С. 228)

[11] *и слепою верою к угоднику Ее!* (С. 253, 2-й абзац, после «*к Царице Небесной любовию*» / С. 228.)

[12] *Мелюковой, которая была избрана о. Серафимом себе в невесты для будущей жизни (См. записки протоиерея о. Садовского, М. В. Мантурова, Н. А. Мотовилова и рассказы стариц).* (С. 266, в конце 2-го абзаца / С. 239.)

[13] *О себе самом так говорил батюшка Марии Семеновне: «Вот, матушка, теперь все дивятся, что убогий Серафим занимается вами, принимает участие в вас, но это еще что за диво; а то будет диво, как плоть-то свою убогий Серафим принесет в Дивеево!»*

Старица Евдокия Ефремова (впоследствии монахиня Евпраксия), удостоившаяся вместе с о. Серафимом в Благовещение посещения Царицы Небесной, рассказывает следующее: «Быв раз у батюшки Серафима в келии, вот что он говорил мне: "Слушай и помни, радость моя, что я скажу тебе: как у Господа было 12 апостолов, а у Царицы Небесной 12 дев, так и я себе избираю 12 же дев, и как Господь избрал в невесту Себе только великомученицу Екатерину, так и я избираю себе Марию – Марию Семеновну, невестою в будущем, и над всеми вами будет она старшею, вас же избираю в сестры себе, а которые придут после, те будут дочки мои!"» (С. 271, в конце 1-го абзаца / С. 243.)

[14] , *как святому,* (С. 272, 15-я строка сверху, после «*а батюшке же Серафиму*» / С. 244.)

[15] , *а в канавке-то рай земной!* (С. 288, последний абзац, после слов «*Там будет лавра*» / С. 257.)

[16] *Матушка-то Александра явится прежде; сиротиночки-то мои придут нощию с пением да и унесут меня в новый собор свой, и буду я там почивать!* (С. 289, последняя строка снизу, после «*матушка!*» / С. 258.)

[17] *И ты не гляди, что теперь Дивеево, батюшка, скажу тебе; тогда Дивеево будет диво, когда убогий Серафим ляжет в Сарове, а плоть свою принесет в Дивеево и понесут-то его, с одной стороны, Ангелы и Херувимы, а с другой – дивеевские сироты! Много в Сарове почивает святых, батюшка, а открытых мощей нет, никогда и не будет, а у меня же убогого Серафима в Дивееве будут!»* (С. 292, в конце 1-го абзаца / С. 260.)

[18] *Сестра Ксения Кузьминишна сообщила следующее свое воспоминание (тетрадь № 1, рассказ 2): «Раз я пошла в лес искать батюшку, бегала, бегала, устала, так запыхалась... Смотрю: он сидит на дереве, что приключилось по его молитве. Думаю себе: что бы батюшка дал отдохнуть, как я устала... Батюшка, увидав меня, стал ручкой манить к себе и приказал сесть на кочку, а сам сел ниже, а головкою склонился ко мне на колени и приказал искать у себя, а головка-то у него грязная, сколько земли, сору, так он и заснул... Долго я искала у него и думаю: вот батюшка какой провидец, угадал мою мысль и дал мне отдохнуть...»* (С. 316, перед последним абзацем / С. 280.)

[19] *И меня, убогого отца вашего Серафима, помяните так: «Батюшка наш, не остави нас, помолись о нас у Престола Божия!»* (С. 327, в конце предпоследнего абзаца, после «*меня!*» / С. 289.)

[20] *«знаешь ли, матушка, Ивана Великого колокол, – ведь он к нам перейдет, и все удивятся, а как ударит-то он, в Сарове тысячный колокол перешибет!... Вот матушка, тогда всем диво-то будет! А как Царская-то Фамилия у нас побывает, то ведь Дивеев-то диво будет всему свету! Села тут уже не будет, а город и земля вся и вокруг все наше же будет, и жители кругом, все нам же служить станут!»*

«Единый человек, которому препоручил нас батюшка Серафим, – говорила далее Евдокия, – это отец Василий Садовский, духовник наш. Так говорил он мне: “На это, матушка, есть Божие, Царицы Небесной и мое, убогого Серафима, благословение!”» (С. 453, после 2-й строки снизу / С. 393.)

[21] *Относительно Казанской церкви о. Серафим говорил Ксении Васильевне: (тетрадь № 1). «Казанская церковь, радость моя, такой будет храм, как и нет подобнаго! При светопреставлении вся земля сгорит, радость моя, и ничего не останется; только три церкви по всему свету со всего света будут взяты целиком, неразрушимыми, на небо: одна-то в Киевской лавре, другая... (уж право не вспомню), а третья-то ваша Казанская, матушка. Во, какая она Казанская-то церковь у вас!»*

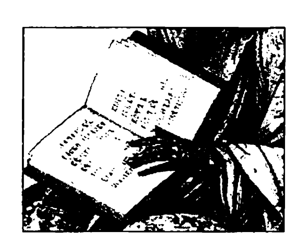
«Все место, освященное подвигами матушки Александры и прочих, взойдет в этот храм, а теперешняя-то церковь останется лишь как бы ядрышком! Землю с обеих сторон Рождественской церкви отгородите заборчиком; тут стопочки Царицы Небесной; это земля

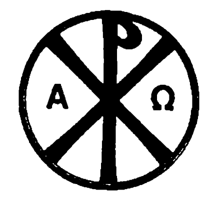
святая! Матерь Божия обходила тут Свою-то церковь! Не ходите по этой земле, а загородите ее; даже скотинке не дозволяйте ходить тут; а травку-то полите, да и то к себе в обитель ее уносите с этого места, – и так кидать не могите: травка эта святая, тут стопочки Царицы Небесной прошли!» (Между с. 454–455 / С. 394.)

[22] *«И еще раз мне батюшка Серафим сказал: (рассказ 73): "мню, батюшка, что восьмая-то тысяча пройдет! Мню, что пройдет! И вот что еще скажу тебе, батюшка; все пройдет и кончится и обители, батюшка, уничтожатся, а у убогого Серафима в Дивееве до самого дня пришествия Христова будет совершаться Бескровная Жертва, батюшка!"»* (С. 561 / С. 481.)

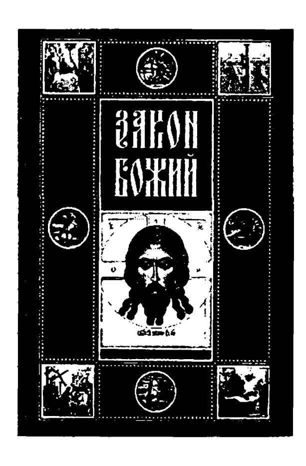
[23] *говоря, что у нее своя обедня.* (С. 847, 3-й абзац, 3-я строка, после «*службе*» / С. 715.)

[24] *кормит образа,* (В том же абзаце, 5-я строка сверху, после слов «*так она*» / С. 716.)





Α
Ω


ЗАКОН
БОЖИЙ

АЛЕКСАНДР ДВОРКИН

СЕКТОВЕДЕНИЕ

ТОТАЛИТАРНЫЕ СЕКТЫ
опыт систематического исследования

Издание 3-е, переработанное и дополненное.

Книга удостоена диплома лауреата Первой Всероссийской премии
«Православная книга России – 2003»
в номинации «Лучшая православная учебная книга».

«Несомненные достоинства собранного и систематизированного материала об учении, методах, истории и конкретном вреде тоталитарных сект делают это исследование настольной книгой миссионера на любом приходе, который живет в окружении агрессивной экспансии деструктивных культов и куда обращаются простые люди, ища защиты и правдивой информации о культах. Принятая и разработанная автором методология изучения тоталитарных сект является выражением решений и определений Архиерейского Собора 1994 года, обязательных для всей Церкви. Православная позиция автора, основанная на святоотеческом опыте восприятия непрестанно меняющихся искушений века сего, является ориентиром для любого читателя, который сможет увидеть тоталитарные секты глазами православной традиции, имея возможность сравнивать и сопоставлять не только социальный и психологический вред культов, но и их духовную ущербность и убогость».

Викентий, Архиепископ Екатеринбургский
и Верхотурский

Александр Дворкин

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ВСЕЛЕНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Курс лекций

Издание второе, переработанное и исправленное

Книга удостоена диплома
лауреата Первой Всероссийской премии
«Православная книга России — 2003»
в номинации «Лучшая православная учебная книга».

Данный курс был разработан на основании
ряда авторитетных современных исследований и публикаций
для студентов группы церковной журналистики
на факультете журналистики МГУ, а затем дорабатывался
и расширялся, когда автор читал его
на историко-филологическом, богословско-философском
и библейско-патрологическом факультетах
Российского Православного Университета.

В основу повествования легли студенческие конспекты лекций,
сделанные автором в ходе прослушивания
лекционных курсов по истории Церкви,
прочитанных в Свято-Владимирской Православной
Духовной Академии (Нью-Йорк)
проф. Дж. Эриксоном и д-ром Дж. Бужамрой,
но стержень курса — это лекции
по истории Церкви, патрологии и византийской
истории и культуре,
прочитанные в Св.-Владимирской Академии
и в Фордхэмском университете
выдающимся православным ученым и богословом
проф. протопресвитером Иоанном Мейендорфом.

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ

Архиепископ Никон (Рклицкий)

«МИТРОПОЛИТ АНТОНИЙ (ХРАПОВИЦКИЙ) И ЕГО ВРЕМЯ 1863–1936»

Книга третья

Третья книга из пяти
жизнеописания
выдающегося церковного деятеля Русской Церкви
конца XIX–начала XX века
митрополита Антония (Храповицкого).

В предисловии к первому в России изданию данного труда
благословивший его появление
ныне покойный митрополит Нижегородский
и Арзамасский Николай (Кутепов) писал так:
«Митрополит Антоний – личность неординарная,
он вошел в историю нашей Церкви и как богослов,
и как своеобразный обличитель
нашей общей беды и разногласий.
Блестяще образованный, несомненно преданный
и своей Церкви, и Отечеству.
Поражаешься широте тем,
которые интересовали владыку Антония:
нравственно-богословские, канонические,
исторические, правовые...»

ЛЕТОПИСЬ СЕРАФИМО-ДИВЕЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Нижегородской губернии Ардатовского уезда

с жизнеописанием основателей ее:
преподобного Серафима
и схимонахини Александры,
урожд. А. С. Мельгуновой

Составил
Архимандрит Серафим
(Чичагов)

Главный редактор – А. И. Стариченков
Дизайнер – С. Б. Трофимов
Худож.-техн. редактор – В. В. Кременецкий
Корректоры – С. Ю. Высоцкая, Г. Н. Орехова
Подбор иллюстраций – сестры
Серафимо-Дивеевского монастыря

ЛѢТОПИСЬ

СЕРАФИМО-ДИВѢЕВСКАГО

МОНАСТЫРЯ

НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБ. АРДАТОВСКАГО УѢЗДА

жизнеописаніемъ основателей ея: преподобнаго Серафима и схимонахини Александры, урожд. А. С. Мельгуновой.

СОСТАВИЛЪ

Архимандритъ Серафимъ

(Чичаговъ).

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

Серафимо-Дивѣевскаго монастыря.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. Остр., 5 лин., 28.

1903

В основу «Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря» ее автором архимандритом Серафимом (Чичаговым) были положены архивные материалы Саровской пустыни и Дивеевского монастыря, документы и воспоминания очевидцев и современников, воссоздающие картину жизни и подвигов старца Серафима и его всенародного почитания. В этом труде описаны все духовно значимые события в Саровской пустыни и Дивеевском монастыре в период с 1705 по 1895 годы.

Митрополит Серафим (Чичагов) был расстрелян в подмосковном Бутове 11 декабря 1937 года. 23 февраля 1997 года Русская Православная Церковь прославила его как священномученика.